РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Древности Боспора

27

Москва
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

27

МОСКВА
2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского

Том 27

Редакционный совет:

член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков* (председатель);
проф., д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд* (Великобритания);
д-р. *П. Дюпон* (Франция); проф., д. и. н. *А. В. Подосинов*;
проф., д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*; к. и. н. *В. П. Толстиков*;
проф., д. и. н. *Яйленко В. П.*

ИА РАН

МОСКВА, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Работа по организации и редакционной подготовке издания осуществлена в рамках проекта:
«Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4)

Редакционная коллегия
д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов; д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты
д. и. н. С. Ю. Внуков
к. и. н. Н. И. Сударев

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Древности Боспора. Том 27. – М., 2022. 376 с.: ил.
Д73 ISBN 978-5-94375-372-5

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин.

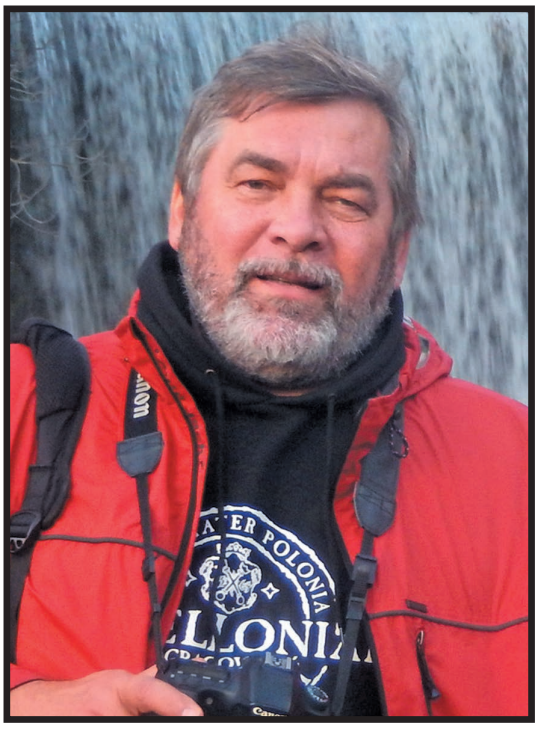
Для археологов, историков, краеведов..

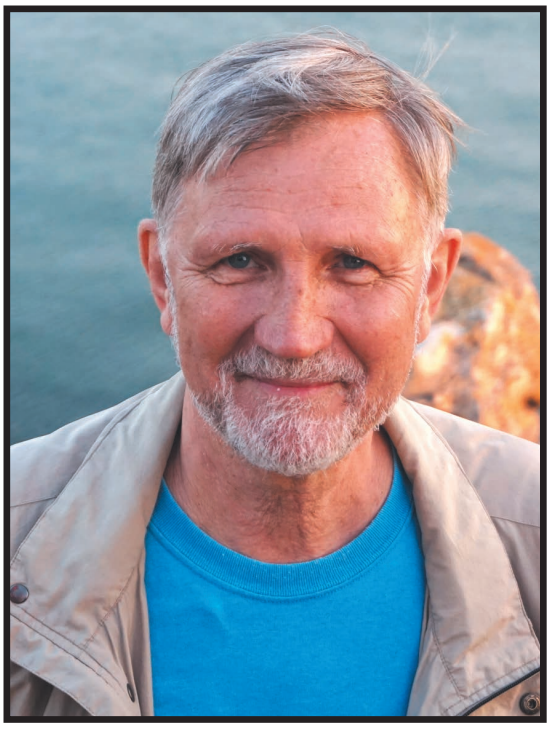
УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-372-5
ISSN 2686-6870
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2022
© Редколлегия, 2022
© Авторы статей, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib





Светлой памяти дорогих друзей и коллег,
Евгения Александровича Молева (18.01.1947 – 16.08.2021) и
Олега Васильевича Шарова (6.05. 1960 – 21.11.2021)
посвящается этот том

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Винокуров Н. И.
Объекты эллинистического селища на некрополе городища Артезиан 9
Домжальский К., Журавлев Д. В.
Сосуды Позднеримской понтийской лощеной керамики с врезным орнаментом с Боспора и из Херсонеса 29
Жупанин О. Ф., Иванов А. А.
Погребения хазарского времени из раскопок поселения Балка Лисовицкого-1 на Тамани 48
Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.
Столовая посуда и светильники из Резиденции Хрисалиска 59
Завойкин А. А.
Китей: размышления о «малом боспорском городе» 101
Завойкина Н. В.
Новые коммерческие надписи на амфорах V–IV вв. до н.э. из Фанагории 113
Зубарев В. Г., Кислый А. Е.
Поселение Каменской культуры Восточного Крыма в западной части некрополя городища «Белинское» 125
Каргин Ю. Ю.
Монеты из раскопок поселения «Ленина» в окрестностях Горгиппии в 2018 г. 138
Катцова А. В.
Восточный район Китея в конце III-VI вв. 157
Клемешова М. Е., Горошников А. А., Горошникова З. В.
Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия 1 (предварительные результаты) 170
Колесников А. Б.
[Рец. на:] Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище: каталог. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. – 180 с.: ил. (Работа над ошибками) 181
Масленников А. А.
Стена на Чокраке 218
Меньшиков М. Ю.
Античные впускные погребения «кургана» Султановка 1 (Керченский полуостров) 234
Пигин А. П., Хршановский В. А.
Аэрофотогеодезические методы выявления памятников археологии на Илуратском плато и Китейской равнине 243

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сапрыкин С. Ю.
Фиас Зенонова Херсонеса 259
Суриков И. Е.
Данные древнейших греческих историков о регионе Боспора Киммерийского 282
Трейстер М. Ю.
Фалары из грабительских раскопок 1930-х гг. у ст. Даховской в Закубанье 298
Шелов-Коведяев Ф. В.
De titulis Bosporanis et viciniis VI 315
Яйленко В. П.
Дипинти рыбозаводчиков на кадосах рубежа эр из Пантикапея 336
Сокращения 370
Правила и рекомендации по оформлению рукописей 373

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.9-28

Н. И. Винокуров
(Московский педагогический государственный университета, г. Москва)

Объекты эллинистического селища на некрополе городища Артезиан

Многолетние раскопки северо-восточного некрополя городища Артезиан, проводимые международной Артезианской ААЭ в 2,5 км от посёлка Чистополье, привели к открытию более раннего памятника – обширного по площади эллинистического селища [*Винокуров* 2001, 16–24; 2003, 122–150; 2004, 161–191; 2006, 37–44; 2007, 66–77; 2012; 2014, 2015, 137–142; *Винокуров*, *Дробышевский* 2006, 73–87; *Винокуров*, *Федосеев* 2021, 92–113] (рис. 1, 2).

К сожалению, его культурный слой в непотревоженном виде пока не обнаружен. По всему изученному пространству он был переотложен погребальными сооружениями I в. до н. э. – первых веков нашей эры. Тем не менее, отдельные объекты селища сохранились, часть из них была раскопана и опубликована ранее [*Винокуров* 2014]. Данная публикация посвящена другим объектам, выявленным на раскопе 12[1] в 2019 г.

Помимо упомянутых могил на местную стратиграфию повлияли древние земляные работы, связанные с устройством средневековых построек (домов золотоордынского времени), послевоенной плантажной противоминной распашкой, многолетней сельскохозяйственной культивацией почвы, а также современными грабительскими шурфами, траншеями и другими позднейшими перекопами.

В переотложенных почвенном и подпочвенном горизонтах («А» и «В») часто встречались обломки человеческих костей и костей животных, остатки керамики античного и средневекового времени, отдельные предметы и их фрагменты из разрушенных ям и полуземлянок IV–III вв. до н. э., погребений и тризн I в. до н. э. – первых веков нашей эры. Впрочем, самые древние артефакты здесь относятся к эпохе неолита-бронзы. Это целые и фрагментированные отщепы, ножевидные пластины, нуклеусы, скребки. Подобные находки происходят и с территории городища Артезиан и его ближней округи и свидетельствуют о более раннем освоении данного урочища [*Винокуров* 1998]. Среди античных находок доминировали профильные части и стенки амфор. Обломки эллинистической простой гончарной и чернолаковой керамики (солонок, рыбных блюд,

[1] Раскоп 12, общей площадью 300 кв. м, расположен между древними дорогами, отходящими от городища Артезиан по направлению к северо-востоку и востоку. Его размер: 20×15 м. Он состоял из 12 стандартных квадратов, размером 5×5 м, вытянут с запада на восток, ориентирован по сторонам света.

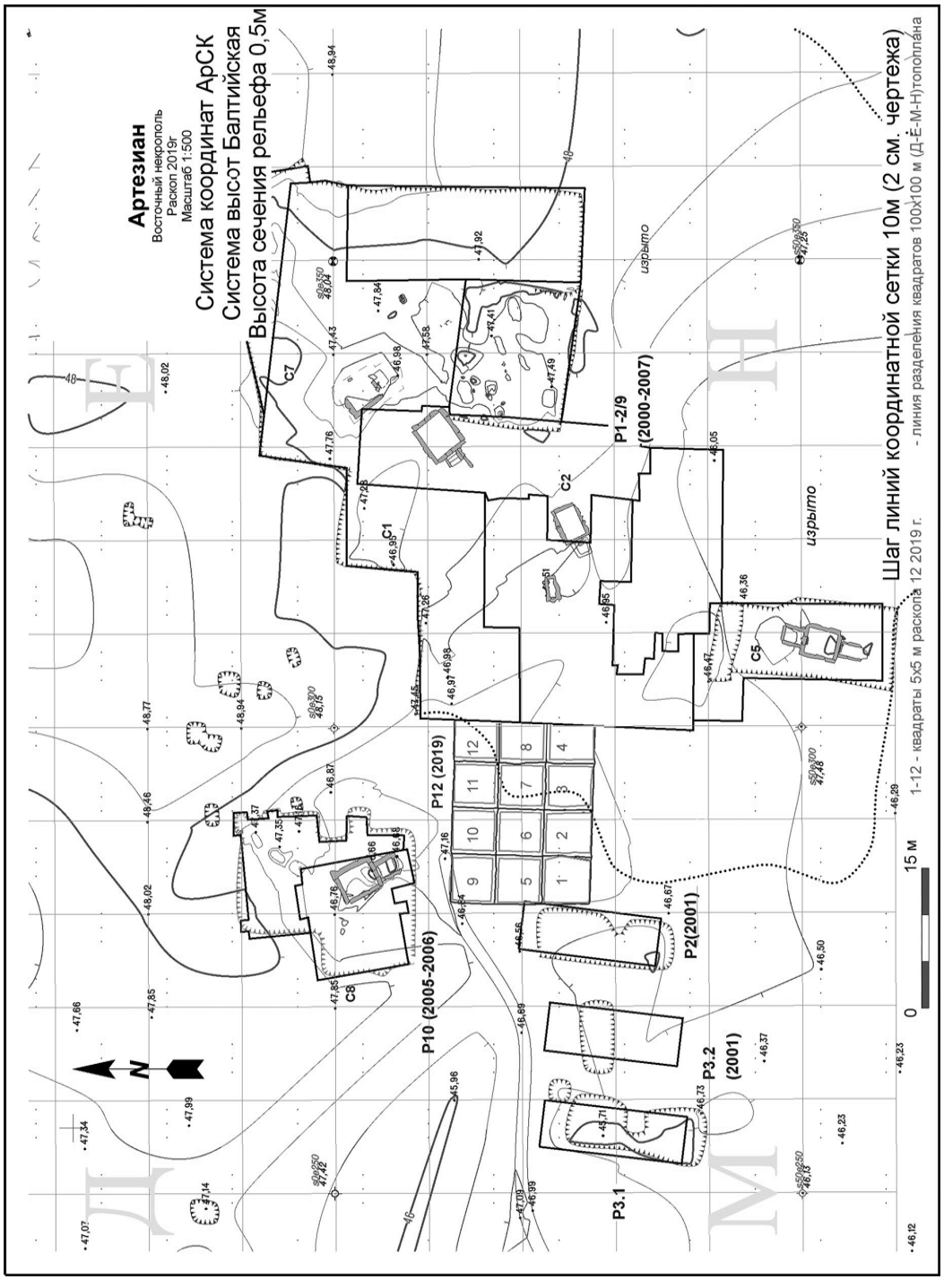


Рис. 1. План-схема раскопов некрополя городища Артезиан

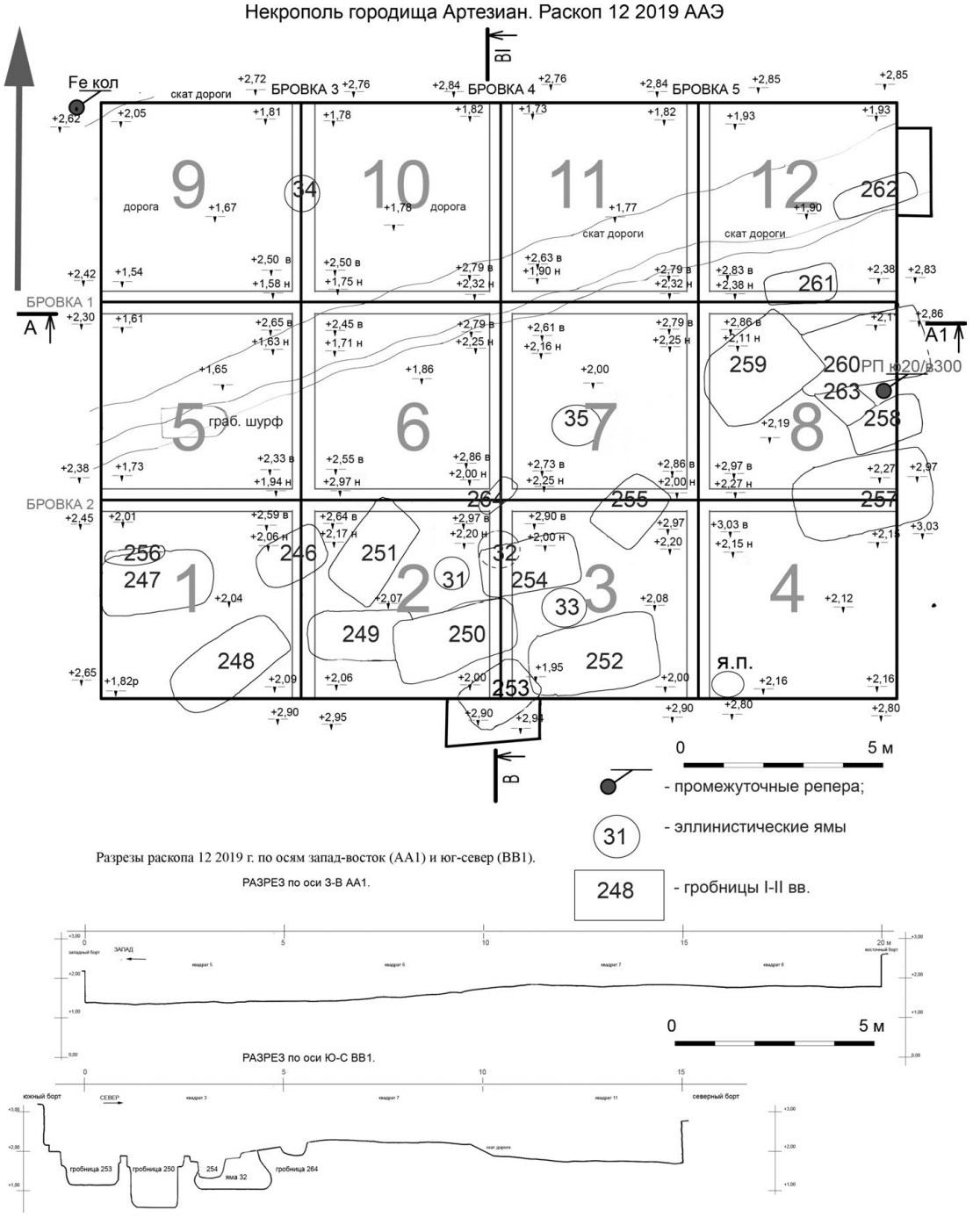


Рис. 2. План расположения стратиграфических квадратов, бровок и археологических объектов на раскопе 12 2019 г. центрального участка некрополя городища Артезиан. Разрезы раскопа 12 2019 г. по осям запад-восток (АА1) и юг-север (ВВ1). Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Ленинский район РК

канфаров и киликов), лепной посуды единичны, как и амфорные клейма. Впрочем, подавляющее количество находок (более 95%) принадлежало обломкам керамики первых веков н. э.

Северная линия квадратов раскопа захватывала *древнюю грунтовую дорогу*, ориентированную по линии ЮЗ–СВ, которая хорошо читалась в рельефе по перепадам высот между откосами и полотном дороги. Её северо-восточный отрезок исследовался ранее.

Стратиграфия почвенных напластований раскопа на непотревоженных участках идентична общей стратиграфии некрополя. За поверхностным тонким слоем гумуса толщиной 0,05–0,16 м (горизонт «А» современного почвообразовательного процесса), следовал тёмно-коричневый слой крымского чернозёма (горизонт «В»), мощностью 0,16/20–0,44 м. Горизонты «А» и «В» содержали разновременные находки, в основном обломки керамики от античного до средневекового времени. Нижняя граница горизонта «В» незаметно переходила в подстилавший жёлто-коричневый глинистый грунт, очень плотный (горизонт «С»), содержавший значительное количество известковых и меловых включений. Остатки культурного слоя эллинистического времени в неповреждённом состоянии не выявлены. Остались нижние части хозяйственных ям, заглубленных в материковый грунт горизонта «С».

Дневная поверхность, с уровня которой происходила современная распашка, перекрыта в южных квадратах раскопа грабительским отвалом из переотложенного грунта. Мощность грабительских отвалов достигала 0,6 м. Гумусный слой, слой эллинизма и частично материковый грунт прорезаны плужными бороздами до глубины 0,30–0,50 м. Таким образом процесс формирования современной «погребённой почвы» завершился примерно к 1999 г.

В гумусе и поддерновом горизонте в квадратах 1–4 обнаружено около четырёх десятков мелких фрагментов амфор и простой гончарной посуды. Среди них: двуствольная ручка позднегераклейской амфоры светлой глины типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А]; ручка эллинистической синопской амфоры, венчик лепного кувшина серой глины, двуствольная ручка амфоры оранжевой глины, донце краснолакового сосуда серой глины, ручка эллинистической амфоры светло-коричневой глины (Хиос, IV в. до н. э.?), ручка амфоры Фасоса IV в. до н. э., венчик и ножка амфоры оранжевой глины (Гераклея (?)), ручки амфор красно-оранжевой и бежевой глин первых веков нашей.

В выбросах из грабительских перекопов содержались около трёх сотен мелких стенок амфор и простой гончарной посуды, с заметным преобладанием находок из разрушенного культурного слоя IV–III вв. до н. э. Здесь найдены: горло амфоры типа Солоха I [Зеест 1960, 152, табл. XVI, тип 32], горло амфоры Менды; ножка эллинистической амфоры красной глины – Гераклея (?); ножка амфоры красной глины с серым прокалом – Солоха I, ножка амфоры оранжевой глины – Лесбос; 35 обломков ручек амфор эллинистического времени (центров производства IV–III вв. до н. э.: Фасос, Хиос, Синопа, Гераклея, а также первых веков нашей эры. Среди последних наиболее поздними были ручки позднегераклейских светлоглиняных амфор типа С–I, по С. Ю. Внукову I в. н. э. – начала II в. н. э. и ручек широкогорлых амфор типа «Европейский Боспор» II–III вв. н. э.; а также венчик амфоры Хиоса с фрагментом ручки, венчик амфоры типа

«Европейский Боспор» II–III вв. н. э. [Зеест 1960, тип 83]; венчик амфоры гераклейской глины, венчик светлоглиняной узкогорлой амфоры с профилированными ручками, типа «А» по Д. Б. Шелову; амфор I в. н. э.; венчики амфор серой, красной и коричневой глины; ножка амфоры, Менды, массивная ножка амфоры боспорской глины. Упомянем также стенки, профилированные ручки и венчики простой гончарной посуды красной, коричневой и серой глины, стенки и пять профильных частей разнотипных лепных горшков и мисок серой глины, ручку аттического чернолакового канфара, донце краснолакового блюда первых веков н. э., донце сосуда из голубоватого, прозрачного стекла и чёрную округлую морскую гальку.

В процессе исследования могильника продолжилось раскрытие полотна и откосов древней дороги, проходившей в сторону зольников 1–3 городища по линии: юго-запад, северо-восток, а также раскопано несколько хозяйственных ям (№№ 31–36) рассматриваемого селища.

Исследование древней дороги

В пределах ранее исследованной площади раскопа 1–2/2000–2007 оказался и южный «склон» древней дороги: *Артезиан-Багерово-Северное* (рис. 1–3), прослеженный в 2003 г. в квадратах 31–32, 54–55 раскопов 1–2, перекрытый гумусом и переотложенным культурным слоем эллинистического селища. Перепад высот на склоне (с юга на север – от края дороги до северного борта раскопа) составил 0,40–0,65 м. Здесь, в слое затёка (плотном, коричнево-чёрном, иногда серо-коричневом золистом грунте мощностью 0,35–0,56 м) были сделаны находки античного и средневекового времени. Среди них: венчик пифоса красно-коричневой глины, ручка амфоры синопского производства с нечитаемым клеймом, венчики, ручки и стенки красно – и светлоглиняных амфор II–III вв. н. э., профильные части кувшинов красной глины, несколько краёв краснолаковых мисок типа «PS», несколько донцев кувшинов красной глины с вытянутым горлом и уплощёнными ручками VIII–IX вв. н. э., обломки железных гвоздей.

В 2003 г. на южном слоне дороги на глубине 0,87–1,28 м расчищено основание загородки из камней, вытянутой с севера на юг. Её длина около пяти метров, ширина 0,32–0,38 м, высота 0,15–0,38 м. Южный участок выбран, а северный – уходит в борт раскопа. Загородка сложена из мелкого камня на желтой глине. Основания камней заглублены в материковую глину на 0,12–0,25 м. Возможно, камни укрепляли некий тын или забор, но ямок от столбов не зафиксировано. В 2019 г. дорога доследовалась на раскопе 12 в юго-западном направлении, ближе к городищу Артезиан, но продолжения этой конструкции выявить не удалось. Сама дорога была вскрыта в центральных квадратах 5–6 и северных квадратах 9–12 раскопа 12 на протяжении 20,20 м (рис. 1–3). Ширина её полотна, открытая на отметках +1,54+1,73, в нижней части, составила не менее 12–13,3 м, перепад высот между полотном и бортами-откосами дорожного полотна достигал 0,65–0,84 м (верх открыт на отметках +2,38+2,44). Уклон дороги хорошо читался в пределах раскопа с северо-востока на юго-запад, в сторону южной балки и достигал на протяжении 20 м 0,39–0,45 м. Исходя из стратиграфических данных, дорога наиболее интенсивно эксплуатировалась в период активного функционирования городища и некрополя: после III в. до н. э. Определённым «индикатором» этого является факт

Рис. 3. *1–2*. Профиль древней дороги после разборки бровок на раскопе 12. Нижний ярус кв. 5, 9-12. Вид с юго-запада. Отметки: +1,80/+1,67. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Центральный участок. Раскоп 12. 2019 г. Ленинский район РК

«прорезания» дорогой эллинистической ямы 34, раскопанной в квадратах 9–10 раскопа 12 (рис. 2). Впрочем, её направление, соседство с некоторыми другими археологическими памятниками и наличие находок этого периода может свидетельствовать, что данная коммуникация действовала и гораздо раньше, едва ли не с эпохи мезолита – неолита.

В 2019 г. при исследовании дороги, в том же слое гумусного затёка были обнаружены разнообразные находки античного, средневекового и нового времени, среди которых преобладали стенки античных амфор и обломки керамики VIII–X вв. н. э. Здесь же была найдена медная боспорская монета –Рескупорида I (68/69–91/93). Преимущественно находки тяготели к дерновому и поддерновому горизонтам.

Среди артефактов из затёчного грунта следует указать 145 мелких стенок античных амфор, 8 ручек амфор первых веков нашей эры, в том числе – светлоглиняных профилированных типов A-D [*Абрамов* 1993]; амфор I–III вв. н. э., венчик амфоры розовой глины типа «Европейский Боспор» II–III вв. н. э., венчик амфоры с воронкообразным горлом красно-коричневой глины, донце простого гончарного сосуда красно-коричневой глины; фрагментированные и коррозированные обломки шести железных кованных гвоздей, трёх тонких обивочных пластин нового времени с отверстиями для крепления; прекрасной сохранности серебряная боспорская монета драхма Пантикапея 360□340 гг. до н. э.; 15 копеек 1936 г.; в квадрате 6 – три ручки эллинистических и римских амфор, три коррозированных железных гвоздя, небольшой скрученный железный стержень; ручка амфоры цвета охры, венчик позднегераклейской амфоры бежевой глины типа C–IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. [*Внуков* 2013, рис. 5.A]; венчик кувшина или амфоры бежевый глины, венчик амфоры оранжевой глины, ножка амфоры, Хиоса (?), восемь фрагментов ручек амфор эллинистического и римского времени, наиболее поздние из которых принадлежали светлоглиняным, узкогорлым амфорам с профилированными ручками типов A-D, по Д. Б. Шелову; I–III вв. н. э.; венчик простого гончарного сосуда серой глины, фрагмент калиптера розовой глины, венчик позднегераклейской амфоры бежевой глины типа C–IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. [*Внуков* 2013, рис. 5.A]; венчик амфоры оранжевой глины; венчик кувшина или пифоса синопской глины бежевого цвета, ручка чернолакового килика; донце краснолакового сосуда коричневой глины; донце лепного горшка серой глины; донце чернолакового блюда, украшенного по внутренней поверхности круговыми насечками, нанесёнными зубчатым колёсиком; железное кольцо или шайба с отверстием по центру, диаметром 30 мм, коррозированная железная проволока, деформированная железная шпилька, кованый железный гвоздь.

Находки из гумусного горизонта в северном квадрате 10 раскопа 12 были также разновременными: более шести десятков стенок античных амфор, простых гончарных сосудов античного и средневекового времени, в том числе от горшков и кувшинов VIII–X вв. н. э. Следует упомянуть две ручки гераклейских амфор, пять – амфор II–III вв. н. э., в том числе от светлоглиняных узкогорлых амфор, типов C-D, по Д. Б. Шелову; венчики амфор светло-оранжевой и красно-оранжевой глин типа Делакеу, несколько ручек простых гончарных кувшинов коричневой и серой глины, ручку краснолакового сосуда, край серолакового кубка, донце графина белого стекла нового времени, донце средневекового

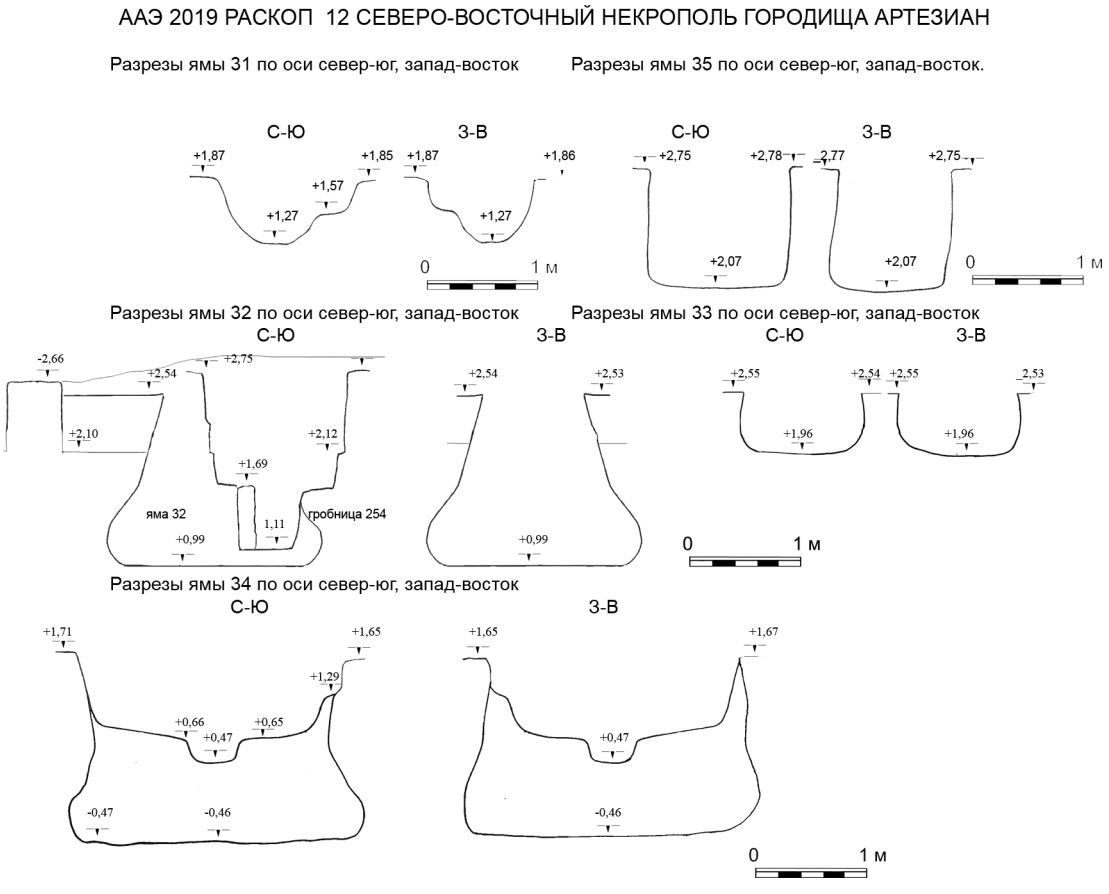


Рис. 4. Разрезы эллинистических ям 31–34 раскопа 12. Раскоп 12 2019 г. Некрополь городища Артезиан. Ленинский район РК

сосуда белой глины, небольшую деформированную железную прямоугольную пластину; железную оковку нового времени с отверстиями для заклёпок, фрагмент железного стержня прямоугольного сечения, фрагментированные и изогнутые крючки из проволоки, железные гвозди. В дерновом слое квадрата 10 были найдены медные монеты 1841 г. и 1894 г. В соседнем квадрате 11 находки из гумусного горизонта были менее разнообразны. Это ручки позднегераклейских амфор первых веков нашей эры, ручка простого гончарного сосуда красной глины, ручка амфоры коричневой глины с бежевым ангобом II–III вв. н. э. типа 83, по И. Б. Зеест, донце простого гончарного сосуда коричневой глины; коррозированные и деформированные металлические изделия нового времени: железная ременная пряжка прямоугольной формы с выступающим язычком, железная скоба, железная подковка, фрагментированная изогнутая железная скоба с двумя заклёпками, железное звено цепи, железные гвозди, отдельные стенки средневековых кувшинов красной глины с высоким вытянутым горлом VIII–IX вв. В гумусном затёчном горизонте над полотном дороги в квадрате 12 выявлены: три десятка стенок амфор, мелкие обломки гончарной посуды VIII–IX вв., а также отдельные профильные части античной керамики: венчик амфоры серо-зеленой глины, массивная ножка

амфоры красно-коричневой глины II–III вв. н. э., кружок из стенки амфоры коричнево-бежевой глины; фрагмент прозрачного стекла голубого оттенка. Кроме того отмечу: бронзовый трёхгранный, втульчатый наконечник стрелы, с обломанным острием, фрагмент бронзовой пластины (часть украшения?), размером 25×12 мм; небольшую бронзовую пуговицу или деталь сбруи (?) в виде грибка с петлёй, бронзовое кольцо диаметром 15 мм, фрагмент свинцового изделия – массивной пластины с пальметтой на лицевой стороне, размером 20×17 мм, шесть фрагментированных железных гвоздей.

Находки из гумусного горизонта свидетельствуют об интенсивной эксплуатации грунтовой дороги от городища на северо-восток от античного до нового времени. Не случайно, многие обломки керамики, найденные в затёчном грунте, были окатаны. Её перестали использовать только после начала раскопок некрополя с 90-х годов прошлого века, когда она оказалась перекопанной.

Раскопки объектов эллинистического селища

Ранее, во время проведения раскопочных работ, было установлено, что некрополь занял территорию селища, время бытования которого от середины-третьей четверти V в. до н. э. до 320–260/220 вв. до н. э.[2] Согласно датировкам амфорных клейм Синопы, Гераклеи и Фасоса, наиболее активно селище функционировало в период 370–265/–235[3] гг. до н. э. Этому не противоречат немногочисленные нумизматические материалы, которые, впрочем, позволяют говорить о непрерывности жизни тут вплоть до II–I вв. до н. э. Как уже писалось, культурный слой селища был переотложен ещё в древности. Сохранились только впущенные в материковый грунт нижние части хозяйственных ям 1–35, котлованы полуземлянок (?) 1–2 V–III вв. до н. э., заполненные гумусом и серым плотным, золистым грунтом с фрагментами эллинистической керамики и костями животных, а также отдельные участки культурного слоя (площадью 0,5–1,2 м^2) незначительной мощности (0,05–0,15 м), в котором встречались куски обожжённой глиняной обмазки турлучных стен или крыш жилищ с отпечатками стеблей камыша и фрагменты амфор Гераклеи, Фасоса, Синопы, Хиоса, гончарной, лепной и, реже, чернолаковой посуды.

Ямы 31–35 IV–III вв. до н. э.

Эти ямы были выявлены на уровне перехода слоя «В» к слою «С», на глубине 0,41–0,54 м (рис. 5–10). Контуры их горловин не читались в грунте переотложенного слоя.

Яма 31.

Была обнаружена в квадрате 2 в материковом грунте (верх на отметке +1,85, дно на отметке +1,27) (рис. 2, 4–5). Горловина ямы разрушена. С северной стороны она прорезана грабительским шурфом. Диаметр верха ямы 1,29×0,97 м, глубина 0,60 м, размер

[2] Хронологические рамки бытования селища определены на основании датировок керамики и амфорных клейм, в основном синопских, определенных к. и. н. Н. Н. Федосеевым и к. и. н. А. Б. Колесниковым.

[3] Последние датировки получены на основании определения клейм на амфорах и боспорской черепице, проведённые А. Б. Колесниковым в 2010–2020 гг.

Рис. 5. *1–2*. Эллинистическая яма 31 в квадрате 2 раскопа 12 в момент обнаружения и после раскопок. Вид с юго-востока и юга. Отметки: +1,87/+1,27. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Центральный участок. Раскоп 12. 2019 г. Ленинский район РК

у дна 0,56×0,58 м. Стенки уступами сужались к линзовидному вогнутому дну. В сечении она имела неправильную коническую форму. Возможно, яма первоначально служила под установку пифоса или амфоры. Заполнение – плотный, тёмно-серый грунт с включениями мелкого бутового камня, сажи, костями животных со следами кухонной разделки, углями, мелкими стенками синопских и гераклейских амфор, отдельными обломками простой гончарной керамики. Датировка: IV вв. до н. э.

Яма 32.

Расположенная северо-восточнее ямы 31, имела в разрезе грушевидную форму (рис. 2, 4–6). Верх её частично срезан в древности, а южная часть уничтожена погребением 254/2019 (верх на отметке +2,54, дно – +0,99). При этом выброс золистого грунта из ямы прослежен и южнее её в виде оплывшей линзы (1,2×1,15 м, толщиной 0,28 м). Нижняя часть ямы выкопана в материковом грунте. Диаметр горловины 0,92 м, диаметр максимального придонного расширения 1,92×1,94 м; глубина ямы 1,55 м. В её сером, плотном золистом заполнении обнаружены угли, кости животных стенки и профильные части эллинистической керамики: венчик амфоры гераклейской глины с фрагментом ручки, две ручки хиосских амфор оранжево-коричневой глины, ручка амфоры розовато-коричневой глины (Родос?), ручка боспорской (?) амфоры красно-оранжевой глины, ручка амфоры бежевой глины, четыре ручки амфор гераклейской глины; ножка амфоры красно-оранжевой глины (Фасос?), ножка амфоры оранжевой глины (Хиос IV в. до н. э.?) (рис. 7. *1–3*), два клейма на ручках синопской амфоры около 350 и 320 гг. до н. э, клеймо в виде канфара на фрагменте горла амфоры гераклейского производства (рис. 7. *4–5*), фрагмент массивного тёрочника из диабаза овально-уплощённой формы, размером 100×90 мм (рис. 7. *6*). Дата заполнения ямы: IV вв. до н. э.

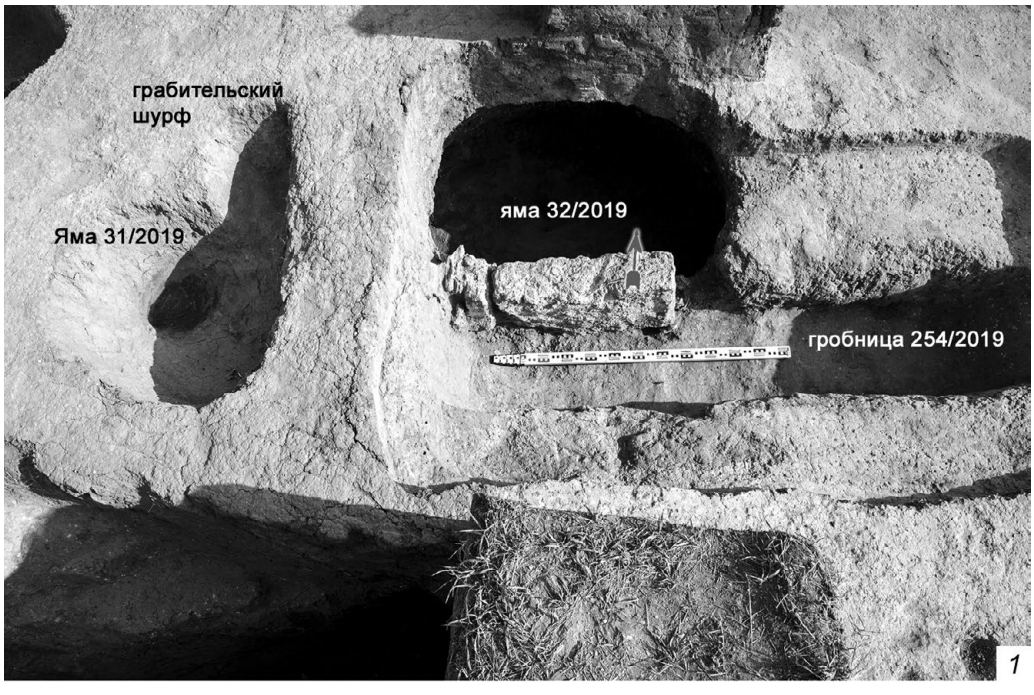
Яма 33.

Выявлена на границе с материковым грунтом, юго-восточнее синхронной ямы 32, в квадрате 3 на юге раскопа 12, между современными грабительскими перекопами (верх на отметке +2,54, дно на отметке +1,96) (рис. 2, 4, 8. *1*). В сечении имела линзовидную форму, нижняя часть выкопана в материковом грунте, верх срезан. Размер её устья: 1,11×1,08 м, глубина 0,59 м. Дно немного вогнутое, плавно понижалось к центру. Яма заполнена однородным, средней плотности золистым, серым грунтом с небольшими угольками, отдельными камнями, фрагментированными костями животных, обломками стенок и профильных частей эллинистической керамики, раковинами мидий.

Яма 34.

Большая грушевидная яма 34 открыта на отметке +1,71 по аморфному пятну (диаметром до 1,30 м) с золисто-гумусным заполнением между квадратами 9–10 на северо-западном участке раскопа 12 в процессе работ на древней дороге (рис. 2, 4, 8, 9). Горловина ямы не сохранилась, нижняя часть выкопана в материковом грунте.

Размер ямы вверху 2,39×2,27 м, диаметр придонного расширения 2,65×2,62 м, округлого в плане ровного дна 2,40×2,54 м. Глубина 1,74 м. Нижняя часть ямы забита мелким бутовым камнем, перемешанным с известковой крошкой, щебнем и чрезвычайно



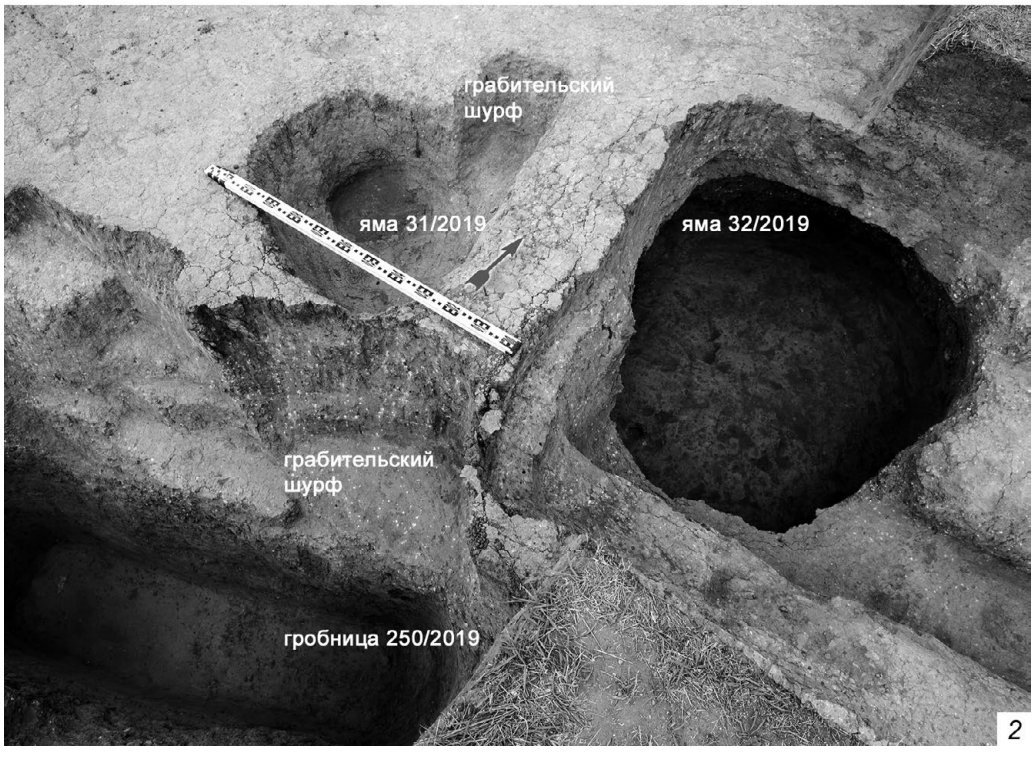


Рис. 6. *1–2*. Эллинистические ямы 31/2019 и 32/2019 в квадратах 2 и 3 раскопа 12 в процессе расчистки и после раскопок. Вид с юга и юго-востока. Отметки: +2,54/+0,99. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Центральный участок. Раскоп 12. 2019 г. Ленинский район РК

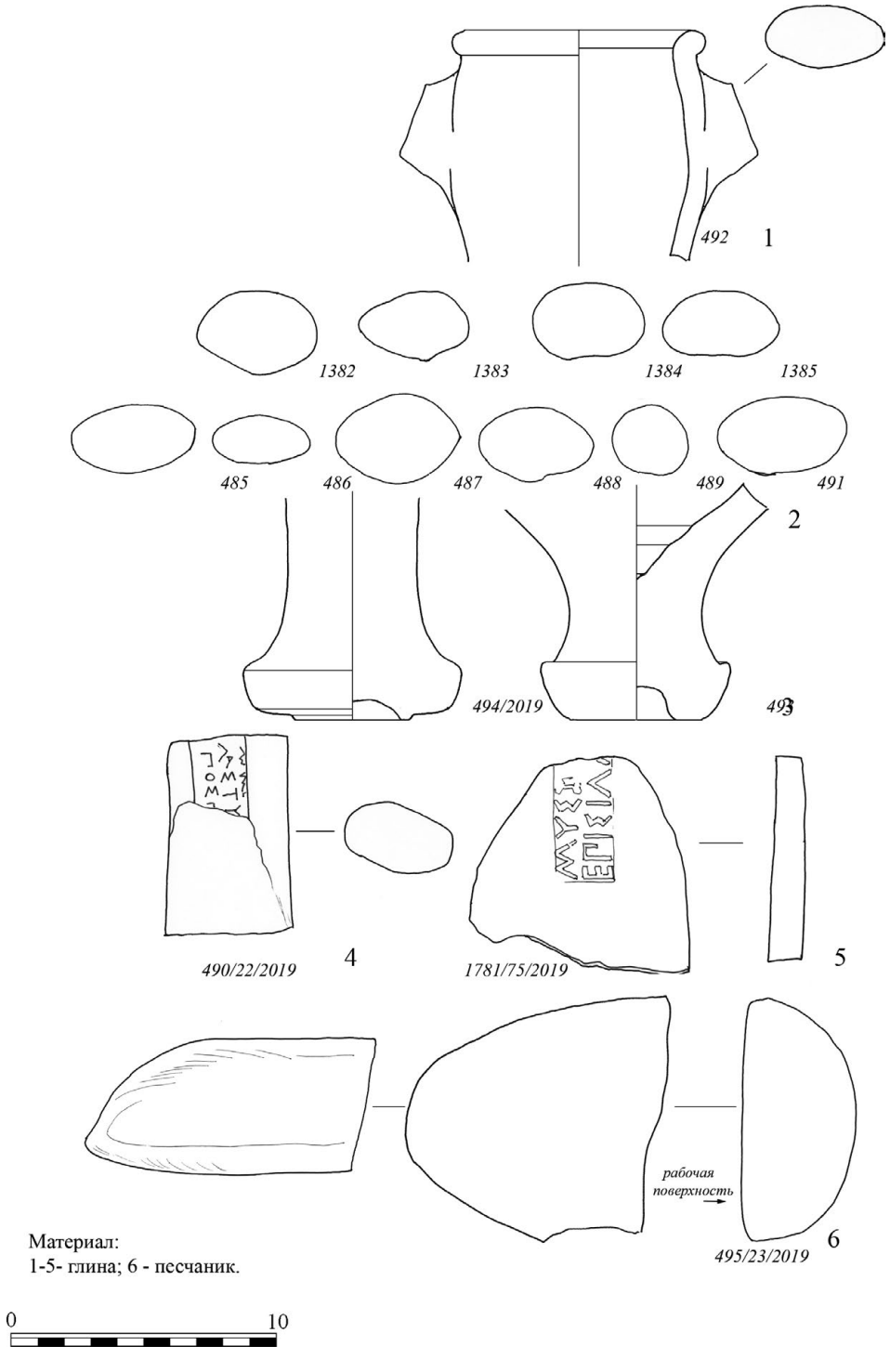


Рис. 7. Материал из заполнения эллинистической ямы 32. Раскоп 12 2019 г. Квадрат 3. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Ленинский район РК

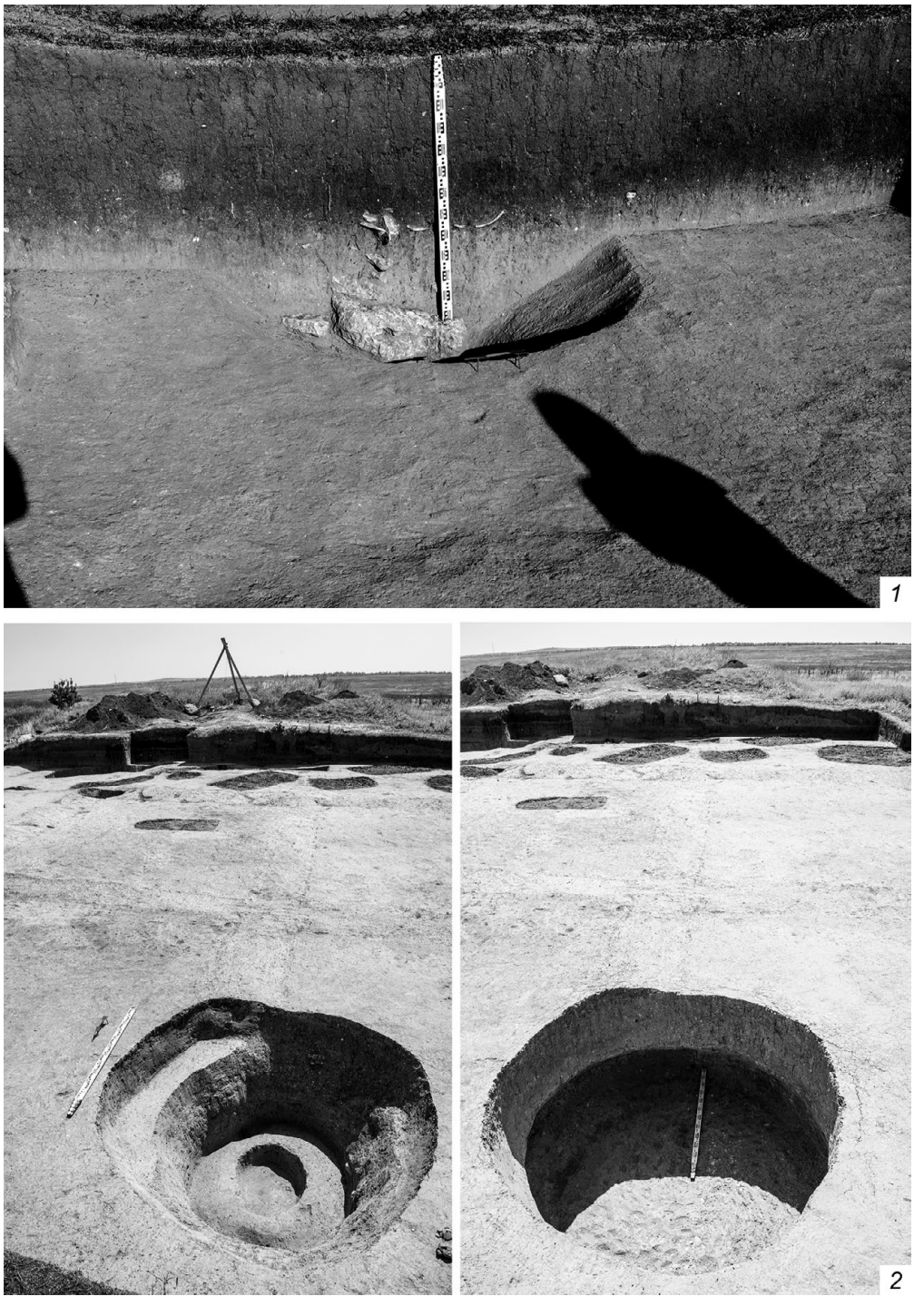


Рис. 8. *1–2*. Хозяйственная яма 34/2019 в квадратах 9–10 раскопа 12 в процессе расчистки и после раскопок. Вид с запада и северо-запада. Отметки: +1,71/+0,46. На дальнем плане раскопанные и рекультивированные отработанным грунтом гробницы I в. н.э. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Центральный участок. Раскоп 12. 2019 г. Ленинский район РК

плотным, слежавшимся, коричнево-серым глинисто-золистым грунтом с небольшим количеством стенок эллинистической керамики и костей животных. Когда яма была уже наполовину засыпана, её использовали для установки пифоса, от днища которого по центру ямы осталось характерное округлая в плане ямка 0,38×0,41 м, глубиной 0,15 м. Она открыта на отметке +0,47, на 0,93 м выше дна ямы 34. Диаметр ямы на последнем этапе её бытования составил в нижней части 1,95×1,85 м, при глубине 1,30 м. Вокруг ямы располагались большие известняковые камни, которые «стабилизировали» пифос. Заполнение в верхней части было также очень плотным по структуре, но отличалось более выраженным серым цветом и содержанием нескольких десятков средних и крупных пифосных стенок синопской глины. Кроме того, здесь были найдены: фрагментированные кости мелкого рогатого скота, разрубленные для пищевых целей, стенки и профильные части эллинистических амфор (рис. 9). В целом, в яме обнаружены: край лепной жаровни коричневой глины, венчик гераклейской амфоры с фрагментом ручки, венчики других гераклейских амфор, венчики родосской и синопской амфор (рис. 9. *1, 9. 3–4*); семь ручек амфор гераклейской и синопской глины, ножка амфоры Гераклеи (рис. 9. *4–5*); венчик миски коричневой глины, фрагмент донца простого гончарного сосуда коричневой глины, фрагмент донца простого гончарного сосуда серо-коричневой глины, фрагмент донца кувшина коричневой глины, донце простого гончарного флакона коричневой глины; венчик лепного сосуда серой глины, край чернолакового открытого сосуда (солонка?), донце чернолакового канфара; фрагменты ручек ещё двух сосудов (рис. 9. *6–9*).

Со временем, по мере функционирования дороги, заполнение ямы постепенно трамбовалось и проседало. На месте провала сформировался гумусно-золистый затёк с бутовым камнем (мощностью до 0,18 м) с поздними находками, которые не имели к её бытованию прямого отношения. Отсюда происходил развал амфоры коричневой глины неизвестного центра производства (рис. 9. *2*).

Яма 35.

Яма выявлена в квадрате 7 в восточной части раскопа 12, на границе с материковым грунтом, юго-восточнее синхронной ямы 32 (верх на отметке +2,75, дно на отметке +2,07) (рис. 2, 4, 10). В разрезе имела неправильную трапециевидную форму с почти прямыми бортами, выкопанными в материковом грунте; верх ямы срезан. Размер устья 1,30×1,05 м, сечение дна: 1,20×0,99 м, глубина 0,71 м. Дно немного вогнутое, плавно понижалось к центру. Обмазка на бортах не зафиксирована. Яма заполнена однородным средней плотности золистым, серым грунтом с небольшими угольками, отдельными камнями, щебнем, фрагментированными костями животных, обломками нескольких стенок амфор синопского и хиосского производства.

В целом дата вышеописанных хозяйственных ям не выходит за пределы IV–III вв. до н. э. и относится к периоду бытования селища, предшествовавшего появлению некрополя римского периода.

Постройки, видимо, носили временный, «лёгкий» характер. Судя по находкам обожжённых пластов глины со следами камыша и жердей в переотложенном культурном слое селища, они, скорее всего, были турлучного типа. От них in situ остались округлые

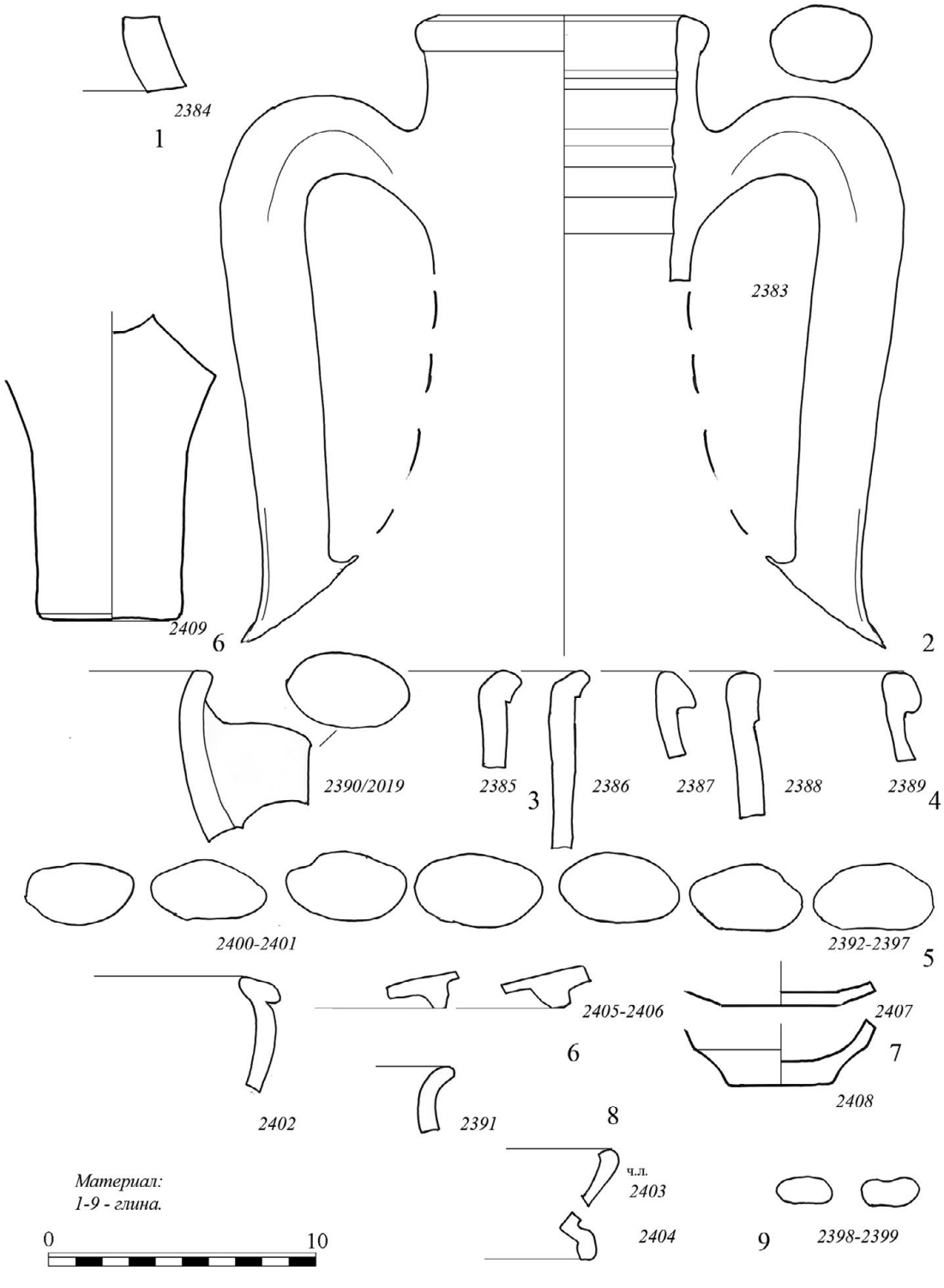


Рис. 9. *1–2*. Материал из заполнения эллинистической ямы 34. Раскоп 12 2019 г. (отметки +1,71/-0,46). Квадраты 9–10. Раскоп 12 2019 г. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Ленинский район РК

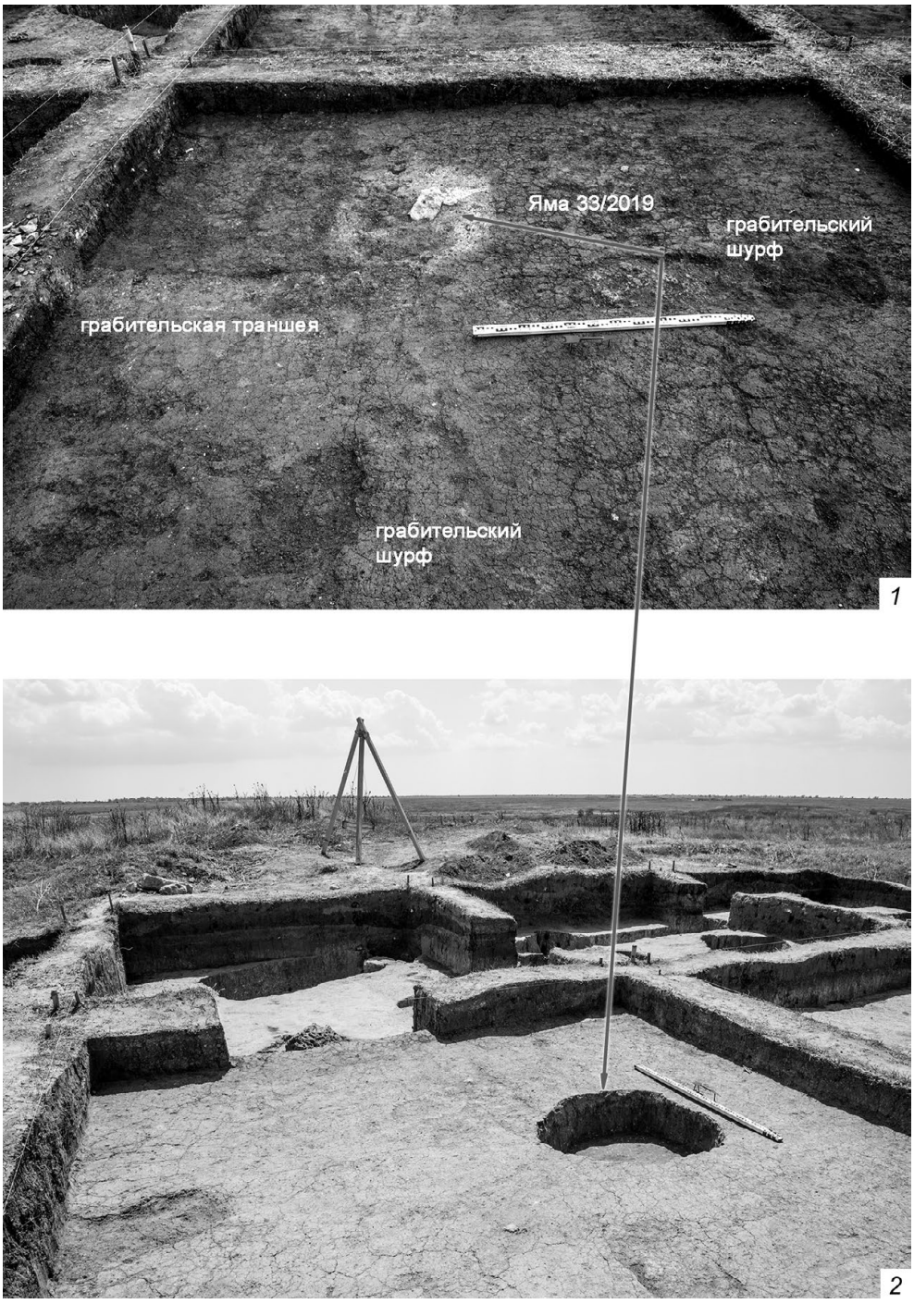


Рис. 10. *1–2*. Хозяйственная яма 35/2019 в квадрате 7 раскопа 12 в момент обнаружения и после раскопок. Вид с востока и северо-востока. Отметки: +2,78/+2,07. На дальнем плане раскопанные и рекультивированные отработанным грунтом гробницы I в. н. э. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Центральный участок. Раскоп 12. 2019 г. Ленинский район РК

или неправильной овальной формы в плане ямки-основания. Это были землянки и полуземлянки, среди которых не выявлено ни одного помещения с печью, но присутствовали хозяйственные и мусорные ямы и загородки. Зона хозяйственного освоения селища охватывала несколько гектаров равнинной зоны большого естественного мыса, ограниченного южной и северной балками на северном склоне урочища Артезиан, включая и собственно территорию будущего городища римского времени. Раскопано около 4 тыс. кв. м его площади, но нигде не удалось проследить следы стационарных печей и каменных долговременных построек, что представляется показательным моментом. Скорее всего, здесь располагался так называемый «летник», который использовался в жаркое время года для выпаса скота, зернопроизводства, огородничества и временного хранения припасов. Обилие воды и свежего корма для животных делало эту территорию одной из важнейших зон сельскохозяйственного освоения. Однако в зимнее время года, при сильных ветрах и буранах она становилась опасной, так как балки могли полностью засыпаться снегом. По этой причине в эллинистическую эпоху население урочища проживало зимой преимущественно на километр-полтора севернее, под прикрытием возвышенного водораздела урочища – скалистого горного кряжа. Тут под защитой от господствующих северо-восточных и северо-западных ветров, зимовали стада и их хозяева. Не случайно, именно там разведками ААЭ 2017–2018 г. были обнаружены изолированные друг от друга остатки сырцово-каменных построек и загородок (загонов) для скота значительной площади, а также грунтовые и курганные могильники с небольшими насыпями над каменными склепами [*Винокуров* 2019, 90–113; 2021, 161–168]. Они располагались вдоль водораздела, с запада на восток, Подобная хозяйственная схема освоения урочища Артезиан с известными оговорками, по-видимому, бытовала и в раннесредневековый период в VIII–X вв. [*Винокуров, Пономарёв* 2022]. Южный склон урочища в это же время также активно использовался, но интенсивная эрозия склонов оставила культурные напластования и строения только на возвышенных местах, их детальное изучение впереди.

Список литературы

А*брамов* А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3, 4–135.

В*инокуров* Н. И. 2001. Надгробные памятники некрополя и городища Артезиан (БИ. II). Керчь. 2001, 16–24.

Винокуров Н. И. 2003. Каменные склепы некрополя городища Артезиан. 2003 // ПИФК. XIII, 122–150.

Винокуров Н. И. 2004. Находки новых античних склепов на некрополе городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. XIV, 161–191.

Винокуров Н. И. 2006. Особенности пространственной организации городища и некрополя Артезиан // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос (Боспорские чтения. VII). Керчь, 37–44.

Винокуров Н. И. 2007. Священные обряды выставлений или обезвреживания покойных – миф или реальность (по материалам некрополя Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты (Боспорские чтения. VIII). Керчь, 66–77.

Винокуров Н. И. 2012. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 632.

Винокуров Н. И. 2014. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) (БИ. Suppl. 12). Симферополь–Керчь, 680.

Винокуров Н. И. 2015. Городище и некрополь Артезиан в Крымском Приазовье. Основные итоги исследования // Наука, образование, культура // Сб. статей Международной научно-практической конференции «Наука, образование, культура», посвящённой 24-й годовщине образования Комратского государственного университета. Том. 2. Комрат, 137–142.

Винокуров Н. И. 2019. Основные итоги и перспективы исследований памятников урочища Артезиан // Сб. статей Международной научно-практической конференции «Наука, образование, культура», посвящённой 28-й годовщине Комратского государственного университета. Том II. Комрат, 90–113.

Винокуров Н. И. 2021. Новые открытия Артезианской археологической экспедиции Московского педагогического государственного университета (МПГУ) в 2020 г. в Крымском Приазовье // Сб. статей Международной научно-практической конференции «Наука, образование, культура», посвящённой 30-й годовщине Комратского государственного университета. Том II. Комрат, 161–168.

Винокуров Н. И., *Пономарёв* С. Ю. 2022. Городище Артезиан в эпоху средневековья. М., 343.

Винокуров Н. И., *Федосеев* Н. Ф. 2021. Артезианский деревянный саркофаг: украденный и (ли) спасённый? // ДБ. 25, 92–113.

Винокуров Н. И., *Дробышевский* С. В. 2006. Погребения с деформированными черепами античного времени в Крымском Приазовье (по материалам раскопок некрополя и городища Артезиан) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 73–87.

Внуков С. Ю. 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 3, 198–206.

Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 320.

Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 7, 21–54.

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 180.

С*апрыкин* С. Ю., *Винокуров* Н. И., *Белоусов* А. В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культы) // ВДИ. № 3, 134–162.

Summary

N. I. Vinokurov
Study of objects of the Hellenistic settlement on the territory of the northeastern necropolis of the Artezian settlement in 2019

This article explores the finds obtained during the excavations of the northeastern necropolis of the Artezian settlement in 2019. In the course of these excavations, the Artezian Archaeological Expedition discovered new objects from a large Hellenistic settlement. Its remains in the forms of temporary buildings and utility pits have been studied since 2000. Apparently, in ancient times, the settlement was used mainly in the warm season. In winter, the population of the tract lived under the protection of the northern high watershed of the Artezian area, where construction remains of large household and residential buildings of a stationary type were found.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.29-47

К. Домжальский*, Д. В. Журавлев**
(Институт археологии и этнологии Польской АН, г. Варшава;*
*** Государственный исторический музей;*
НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва)

Сосуды Позднеримской понтийской лощеной керамики с врезным орнаментом с Боспора и из Херсонеса

В 2016 г. при раскопках Китея Е. А. Молевым в одном из помещений, около очага, было найдено уникальное лощеное блюдо с процарапанным изображением креста[1]. Работая над публикацией, Евгений Александрович – как всегда щедро – поделился с нами не только фотографией и рисунком блюда, но и дал разрешение использовать его в последующих статьях. Оперативно появившаяся предварительная публикация [*Молев*, *Молева* 2017] ввела в научный оборот уникальный предмет, важный не только для исследователей керамики, но и для специалистов в области христианской иконографии. В отличие от многих коллег, Е. А. Молев всегда старался опубликовать все, что было открыто работами его экспедиции – два тома всех материалов из раскопок Китея говорят сами за себя.

Авторы предварительной публикации не без оснований писали об отсутствии полных аналогий декору этого сосуда, отмечая, что он близок Позднеримской понтийской лощеной керамике из Херсонеса, ссылаясь на нашу статью [*Молев*, *Молева* 2017, 173–174]. Находка китейского блюда побудила нас вновь вернуться к истории исследования этой группы столовой парадной посуды и рассмотреть ещё несколько малоизвестных сосудов с территории Боспора, тем более что последние годы принесли новые, очень важные находки и косвенные данные о хронологии Позднеримской понтийской лощеной керамики из Херсонеса [*Голофаст*, *Рыжов* 2018] и с севера Малой Азии [*Domżalski* 2016–2017; *Domżalski* 2021]. Эта информация особенно важна для изучения формы и техники декора сосуда, найденного в Китее. Поэтому мы решили еще раз обратить внимание на эту уникальную находку и проанализировать ее подробнее на фоне распространения рассматриваемой группы керамики в Причерноморье в юстиниановское и постюстиниановское время.

Блюдо LRPB из Китея с врезным декором

1. Большое блюдо (рис. 1) на высоком кольцевом поддоне, расширяющемся книзу. Тулово сосуда имеет полусферическую форму. Широкий венчик горизонтально

[1] КИТ-16, IV, F1/10, п. о. 149, к. о. 45.

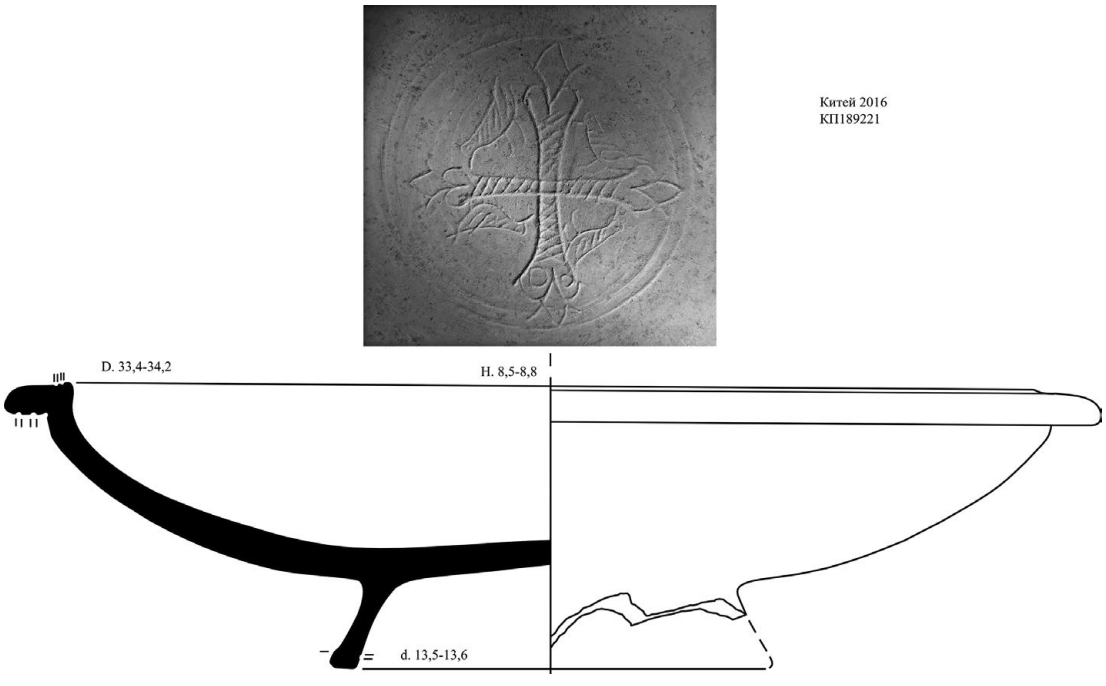


Рис. 1. Блюдо из Китея (фото и рисунок А. В. Смокотиной)

отогнут; на верхней стороне венчика есть один-два желобка у внутреннего края. На нижней поверхности венчика – два-три желобка, на части сосуда они отсутствуют. Дно сосуда изнутри немного выпукло. Поверхность аккуратно заглажена (залощена) внутри, с более небрежными и беспорядочными полосами только в верхней части тулова на внешней стороне.

На внутренней стороне дна центральная часть сосуда обрамлена двумя концентрическими бороздками. Между ними вписано процарапанное в технике похожей на граффито изображение креста и четырёх птиц (голубей?) между его перекладинами. Крест равносторонний, изнутри заполнен крестообразной штриховкой, его концы расширяются и раздваиваются, между скругленными завершениями помещены изображения ромбов (в целом композиция напоминает изображение трилистника).

Сосуд изготовлен из глины светло-коричневого цвета (7.5 YR 6/4),[2] примеси мелких пластинок серебристой слюды особенно заметны на поверхности. Часть поддона сколота. Склеен из двух фрагментов. Диаметр внешний 33,4–34,3 см, диаметр внутренний 29,0–29,6 см, высота 8,5–8,8 см, диаметр донца 13,5–13,6 см, ширина венчика 2,1–2,4 см.

Сосуд хранится в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике, г. Керчь. Инв. № КП189221. КМАК20416[3].

[2] Определения цветов глины и лака приведены согласно таблицам Munsell Soil Color Charts, ed. 1990.

[3] Мы признательны Н. В. Быковской за возможность срочной работы с публикуемым блюдом, и А. В. Смокотиной за новый рисунок, фотографию и обмеры сосуда.

Находки сосудов LRPB с врезным декором

Помимо китейского блюда, нам известны ещё несколько сосудов этой группы с врезным декором, происходящих с Европейского и Азиатского Боспора, а также из Херсонеса. Забегая вперед, отметим, что эти сосуды крайне редки, т. к. в основном поверхность керамики этой группы оставалась гладкой.

Боспор

Блюдо из некрополя Джург Оба (рис. 2, 3) было обнаружено А. Л. Ермолиным в 2005 г. [*Єрмолін* 2006, 14, рис. 21]. Богатый склеп № 19 содержал обильный погребальный инвентарь: амфору, стеклянные сосуды, лепную керамику, ряд изделий из бронзы и железа [*Єрмолін* 2006, 13–14, рис. 19–28]. Узкой даты этого комплекса предложено не было, но суммарная – всего раскопанного участка – определялась автором раскопок как середина VI в. н. э.

2. Большое блюдо (рис. 2, 3) имело массивный широкий клювовидный венчик, декорированный двумя кольцевыми бороздками, тулово полусферической формы и плоское дно на высоком кольцевом поддоне (диаметр венчика 30,5 см; высота 8,6–9,0 см). Центральная часть внутренней поверхности донца декорирована двумя концентрическими врезными линиями. В этом «медальоне» расположено прочерченное изображение креста. Оно сделано простыми тонкими прямыми линиями без какой-либо дополнительной орнаментации. Сосуд склеен из 7 фрагментов и его недостающие части догипсованы (сохранилось около 80% сосуда). Поверхность сосуда розовато-коричневая (5YR 7/4–7/6), с сильным блеском изнутри, и меньшим – снаружи. Блюдо хранится в фондах Восточно-Крымского заповедника, КП 162740.

Два кувшина-ойнохои были найдены при раскопках Ильичевской крепости, в ходе работ Э. Я. Николаевой[4]. Множество находок, обнаруженных в её руинах, в частности, краснолаковая посуда с преобладанием форм 3F и 3G Late Roman C/Phocaean Red Slip Ware и монетные клады с золотыми солидами Юстиниана говорят о том, что разрушения произошли на рубеже третьей – четвертой четвертей VI в.

3. Первый сосуд (высота 19,9 см; диаметр дна 8,0 см; диаметр венчика 8,3 см; максимальный диаметр тулова 12,3 см) имеет шаровидное тулово, низкое цилиндрическое горло, завершающееся отогнутым наружу краем в форме раструба (рис. 4, 5). Под краем сделаны неглубокие бороздки. Дно сосуда плоское, нижняя придонная часть декорирована тремя неглубокими бороздками. Вертикальная петлевидная ручка, четырехугольная в сечении, прикреплена верхним прилепом к краю сосуда, а нижним – к средней части тулова. На ручке сделаны две неглубокие врезные бороздки, пространство между которыми заполнено косыми насечками. Две неглубокие кольцевые бороздки отделяют тулово сосуда от горла. В верхней части тулова сохранились процарапанные изображения: два пальмовых дерева, а между ними – изображение морды хищного животного с открытой пастью влево.

[4] Благодарим Э. Р. Устаеву за возможность изучить эти сосуды в фондах Таманского музейного комплекса и за разрешение на публикацию.

Рис. 2. Блюдо из некрополя Джург-Оба (фото К. Домжальского)

Поверхность сосуда имеет серо-зеленоватый цвет, с оливковым оттенком (5Y 5/2), возможно, с учетом пребывания в пожаре. Ойнохоя была склеена и догипсована. Сохранность сосуда около 80%.

К сожалению, контекст, из которого происходит этот сосуд, точно неизвестен. Ойнохоя хранится в Таманском музейном комплексе, № КМ 9591. Фотография её была опубликована ранее [*Журавлев, Мокроусов, Сапрыкин* 2010, 194, рис. 33].

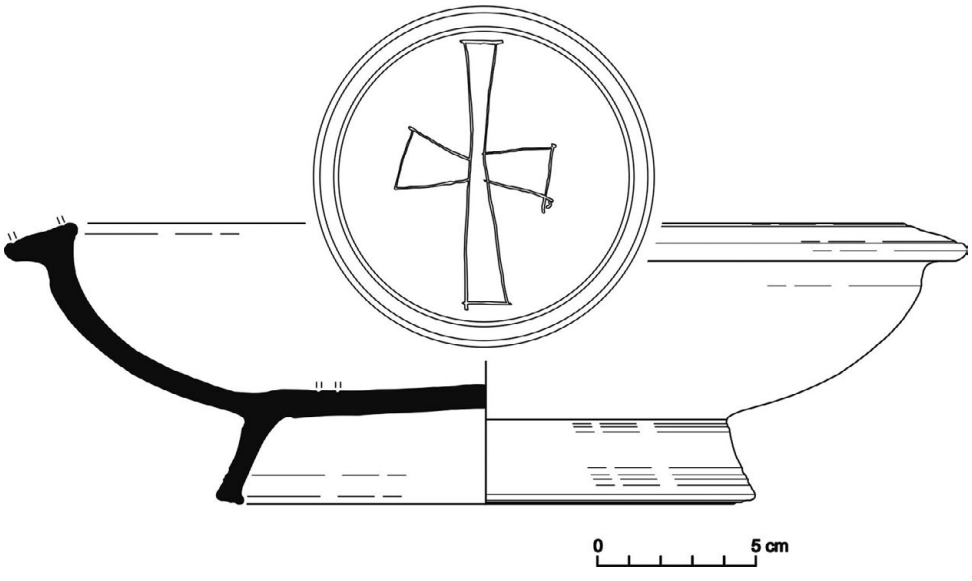


Рис. 3. Блюдо из некрополя Джург-Оба (рисунок К. Домжальского, М. Гвиазды)

Рис. 4. Кувшин-ойнохоя из Ильичевской крепости (фото Д. В. Журавлева)

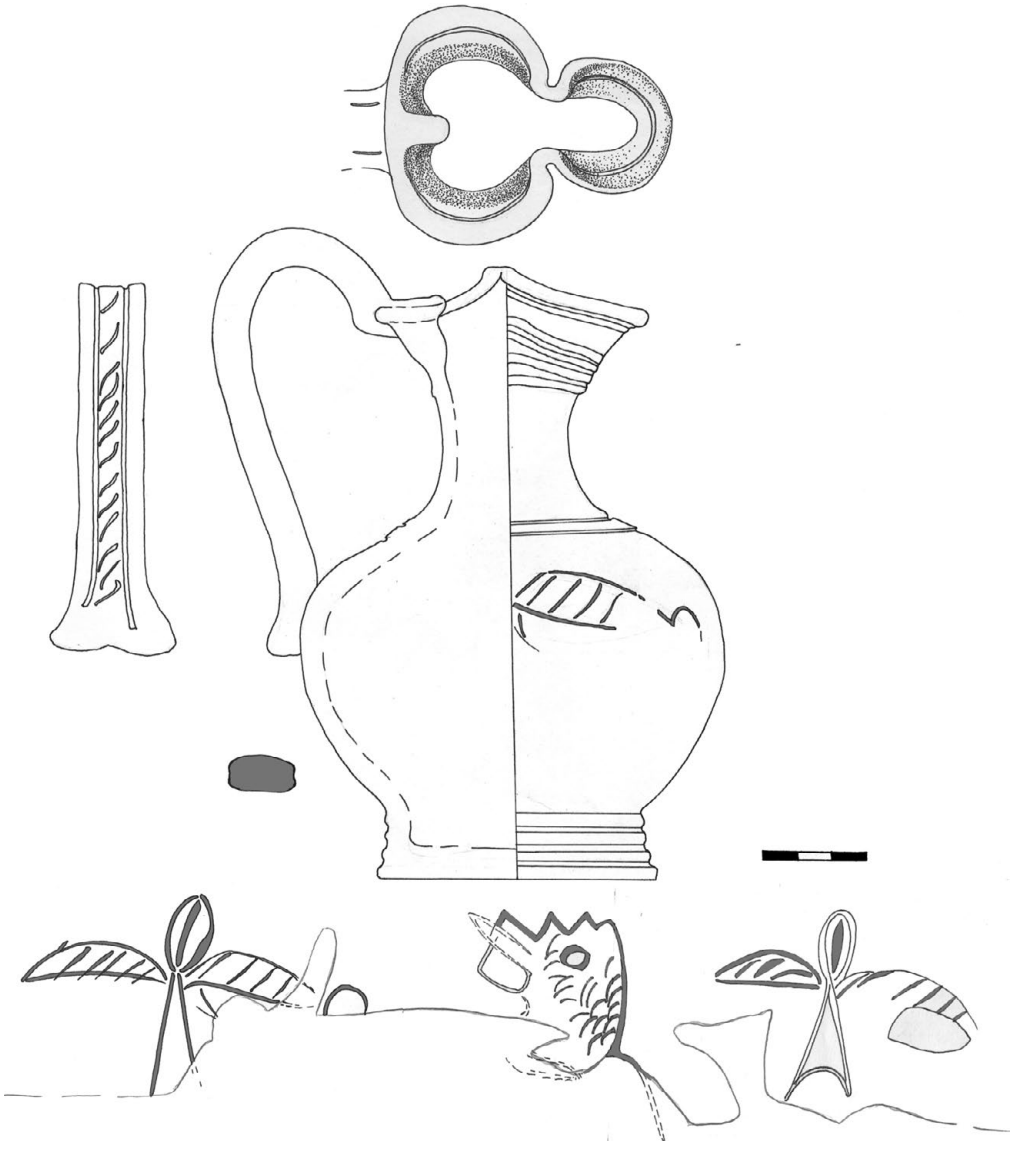


Рис. 5. Кувшин-ойнохоя из Ильичевской крепости (рисунок Е. О. Назаровой)

4. Второй кувшин-ойнохоя (высота в сохранившейся части 20,3 см; диаметр венчика 7,3 см; максимальный диаметр тулова 10,7 см) имеет биконическое тулово и низкое цилиндрическое горло (рис. 6, 7). Дно сосуда утрачено. Вертикальная ручка отбита, но была прикреплена верхним прилепом к краю сосуда, а нижним – к средней части тулова. Две неглубокие кольцевые бороздки отделяют тулово от горла.

В верхней части тулова сохранились процарапанные изображения трилистника, обрамленного с двух сторон пальмовыми ветвями, и косых насечек между двумя прочерченными линиями (веревочка?), напоминающих орнамент на ручке первой ойнохои.

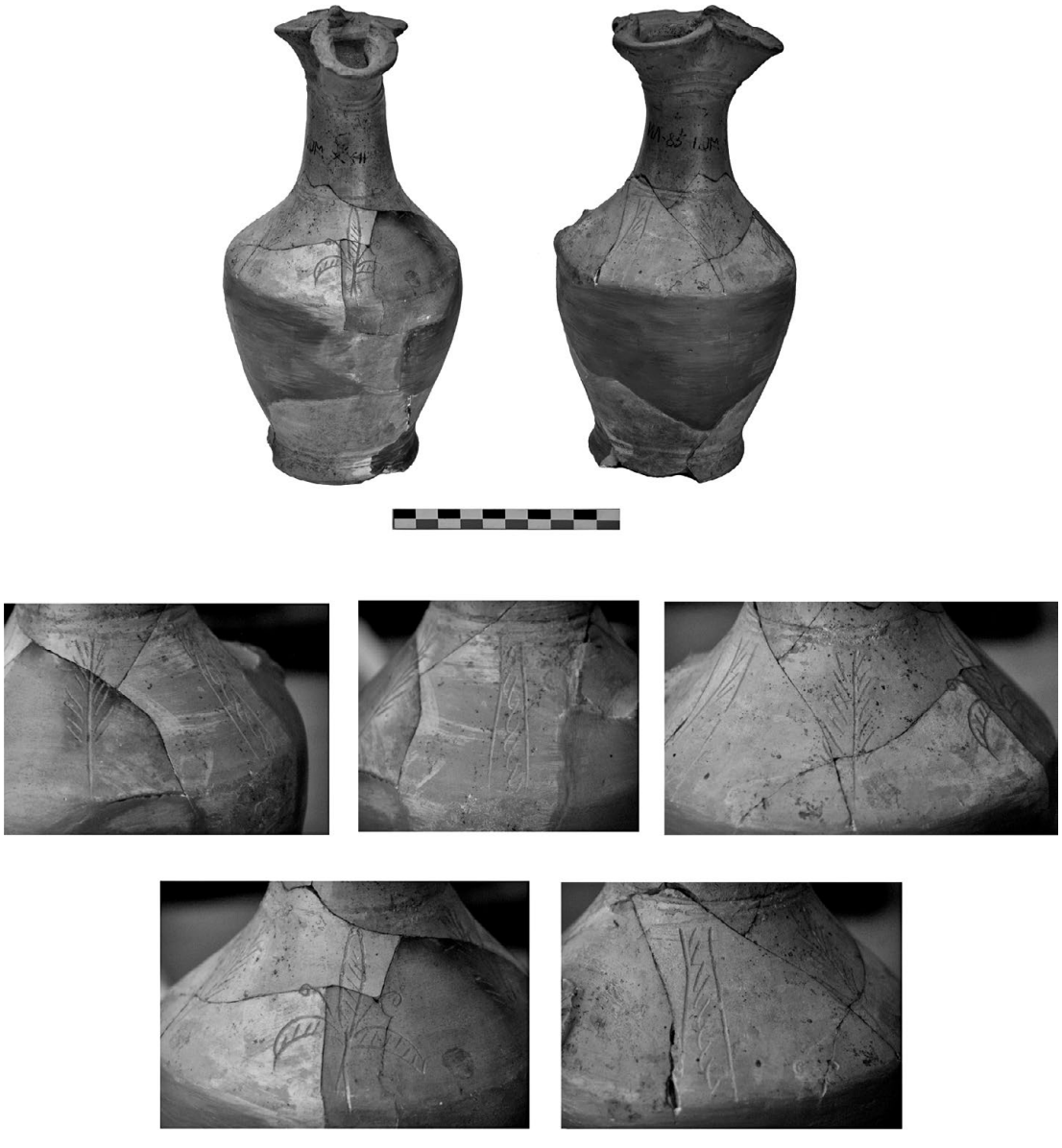


Рис. 6. Кувшин-ойнохоя из Ильичевской крепости (фото Д. В. Журавлева)

Глина – палево-коричневая (10YR 6/3). Блестящая поверхность сосуда в нижней части серая (5Y 5/1), в средней – желто-коричневая (10YR 7/4), а в верхней – светло-коричневая (2.5YR 5/3); цвет глины и поверхности явно изменились в результате пребывания в огне. Ойнохоя имеет утраты, склеена, догипсована, сохранность около 70%. Сосуд был найден в помещении XXII крепости в 1985 г. Хранится в Таманском музейном комплексе, № КМ-9591/33. Схематический рисунок этой ойнохои уже публиковался [*Гаврилухин*, *Паромов* 2003, рис. 63. *25*], но без особых комментариев.

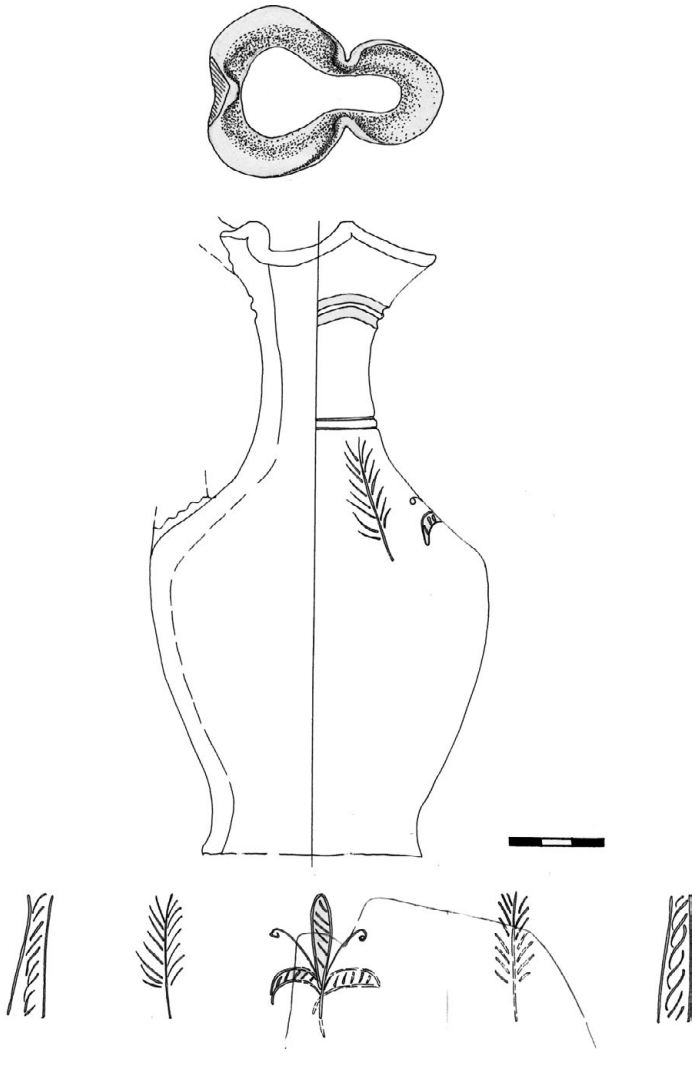


Рис. 7. Кувшин-ойнохоя из Ильичевской крепости (рисунок Е. О. Назаровой)

Херсонес

Два фрагмента декорированных блюд из Херсонеса происходят из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1898 г. При описании раскопок с наружной стороны южного участка оборонительных стен, упомянуто «дно глиняной миски жёлтой поливы с рельефным четырехконечным крестом внутри круга» [ОАК за 1898 г., 111][5]. Никакой другой информацией о месте находки мы не располагаем [*Домжальский*, *Журавлев* 2013, 137].

5, **6**. Два фрагмента декорированных сосудов из Херсонеса (рис. 8) представляют собой донца блюд на высоком кольцевом поддоне диаметром 17,0 и 17,5 см. [*Домжальский*, *Журавлев* 2013, 138.]. Внутренняя поверхность залощена, имеет легкий блеск

[5] В Отношении Императорской Археологической комиссии, по которому находки были переданы из Санкт-Петербурга в Исторический музей, упомянуты «донца глиняной христианской патеры с небрежно выдавленным от руки крестом между двумя кипарисами».

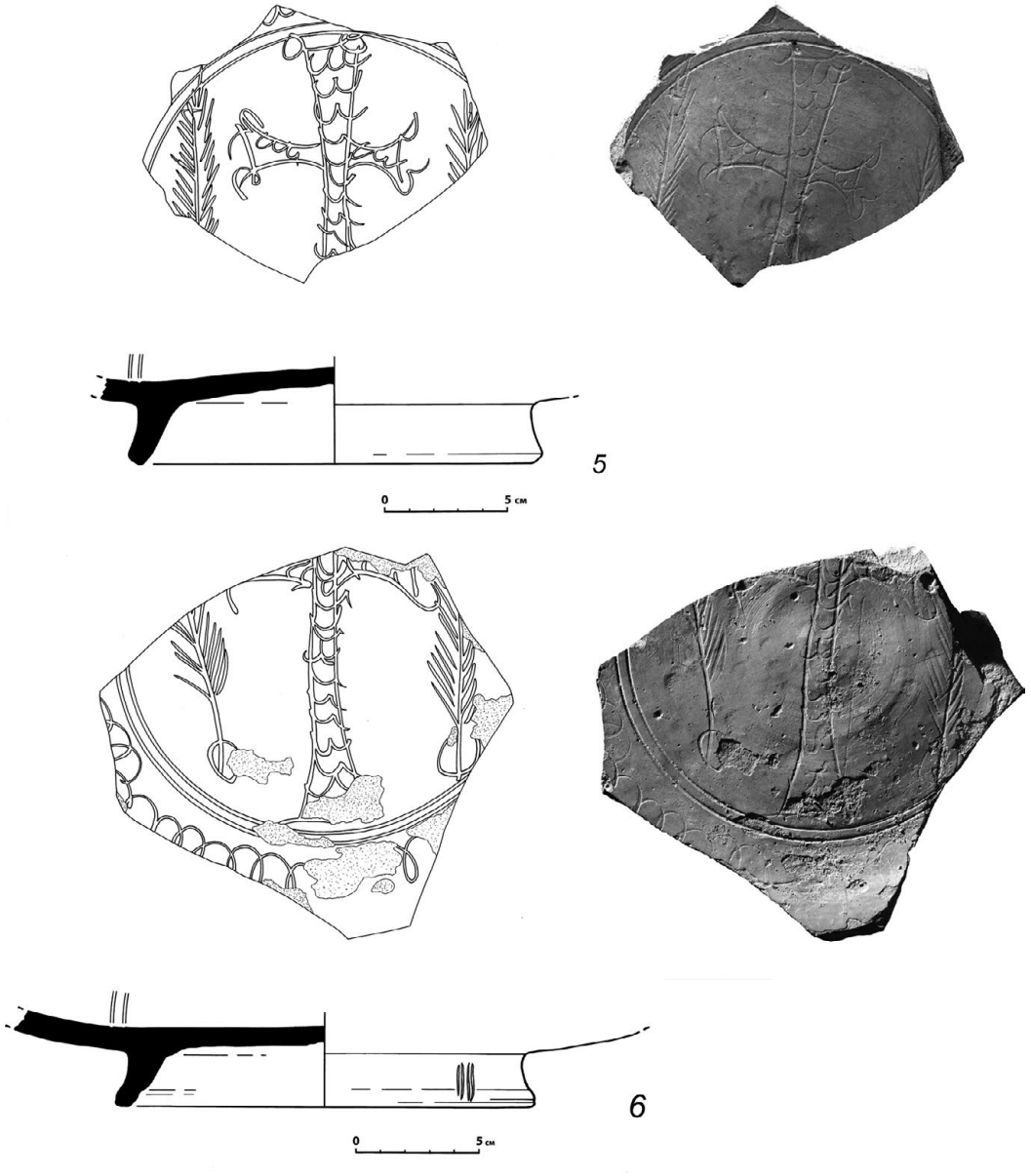


Рис. 8. Фрагменты блюд из Херсонеса (фото И. А. Седенькова, рисунок К. Домжальского)

и покрыта орнаментом, процарапанным по высохшей глине после лощения, но перед обжигом. В центре композиции изображен большой крест, окруженный с двух сторон пальмовыми ветвями (или кипарисами?). Изнутри крест заполнен зигзагами. Композиция обрамлена двумя концентрическими кольцевыми бороздками, с наружной стороны которых прочерчен орнамент из спиралевидных завитков. Оборотная сторона блюда обработана менее тщательно; на ней видны следы ротации, поверхность имеет тусклый оттенок.

Оба сосуда были изготовлены из светлой, розовато-коричневой глины (5YR 7/4–7/6) с незначительными включениями слюды и отдельными известковыми включениями различного размера.

Фрагменты хранятся в отделе археологических памятников Исторического музея. ГИМ 39319; Оп. Б 123/№ 128–129.

Late Roman Pontic Burnished Ware. История исследования

Несмотря на то, что данные об истории изучения керамики этой группы можно уже найти в новейшей литературе [*Домжальский*, *Журавлев* 2013, 139; *Fedoseev et al.* 2012, 69–70; *Голофаст*, *Рыжов* 2018, 48–49], считаем необходимым ещё раз рассмотреть основные этапы этих исследований. Благодаря высокому качеству изготовления, сосуды этой недавно выделенной группы долгое время публиковались в Северном Причерноморье вместе с краснолаковой керамикой или даже выделялись в отдельную группу краснолаковой посуды. Впервые обратил внимание на керамику этой группы С. А. Беляев. В его классификации херсонесской столовой посуды она была отнесена к 4 группе, связанной с краснолаковой, в силу, по мнению исследователя, функциональной близости и визуальным характеристикам поверхности [*Беляев* 1968, 36]. С. А. Беляев относил эту группу керамики к VI в. н. э., скорее к его второй половине. Упоминая изредка встречающиеся элементы декора, процарапанные по сырой глине, он считал сосуды этой группы своего рода промежуточным звеном между Позднеримской краснолаковой керамикой и византийской поливной посудой.

Несколько лет спустя А. И. Романчук, отметив отсутствие на подобных сосудах из Херсонеса краснолакового покрытия и определив их технику оформления покрытия как лощение, выделила их в V группу и датировала VII в. н. э. [*Романчук* 1975, 10, рис. 5в; *Романчук* 1976, 26, рис. 7. *3*]. Но эти определения оказались, к сожалению, быстро забыты, и совсем скоро в итоговой монографии, посвященной позднеантичной краснолаковой керамике византийского Херсона, А. И. Романчук и А. В. Сазанов уже ошибочно рассматривали посуду этой группы как African Red Slip ware (ARS) Form 93/97 [*Hayes* 1972, 145–148, 150–151], отнеся ее к первой половине VI – середине [*Романчук*, *Сазанов* 1991, 40–41, № 193–204, рис. 18–19. *193–204*]. В своих последующих публикациях А. В. Сазанов продолжал именовать лощеные сосуды формой 93/97 Африканской краснолаковой керамики с той же датировкой или как ARS Form 93–95, датируя ее первой половиной VII в. н. э. [*Сазанов* 1992, 43–44, рис. 3. *A1–6*].

В ранних публикациях Л. А. Голофаст эта керамика хотя и описывается как краснолаковая, но уже регулярно упоминается термин «лощение» и появляется определение «светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне». Критикуя А. В. Сазанова, Л. А. Голофаст пыталась связать описываемую группу столовой посуды с сосудами, найденными в Эмпорионе на о. Хиос – по нашему мнению, правда, ошибочно, и датировала их на основании анализа материала херсонесских комплексов второй четвертью – концом VI в. [*Голофаст*, *Рыжов* 2000, 81, рис. 13. *1–21*; *Голофаст* 2007, 115–116, рис. 42, 43]. В других публикациях Л. А. Голофаст также отмечает некоторые отличия этой группы керамики от африканской краснолаковой, упоминает «лощение», и вводит в научный оборот новые важнейшие комплексы, в которых присутствует керамика

этой группы[6]. Показательно, что в большинстве их датировки краснолаковой керамики не выходят за пределы VI в., иногда до начала VII в. н. э.

Происхождение, формы, датировка, распространение

В последнее годы интерес к этой группе позднеримской керамики заметно вырос. В статье, посвященной анализу богатейшего на Боспоре керамического комплекса постюстинианновского времени, открытого в ходе охранных раскопок 2006 г. на Театральной улице в Керчи, К. Домжальский предложил название этой группы керамики Late Roman Pontic Burnished Ware (LRPB) – позднеримская понтийская лощеная керамика [*Fedoseev et al.* 2012, 69–71].

Из раскопок последних лет в Херсонесе происходят два крупных фрагмента сосудов, вне всякого сомнения, относящихся к интересующей нас группе керамики. Размеры этих сосудов совсем разные, но их форма практически одна и очень напоминает рассматриваемое блюдо из Китея [*Голофаст*, *Рыжов* 2018, 50–54, рис. 1]. Контекст этой находки – цистерна 5 в квартале IX Северного района Херсонеса – с множеством хорошо датируемых фрагментов краснолаковой керамики, амфор и отдельных монет позволил авторам этой публикации предложить датировку засыпи этой цистерны второй четвертью VI в. Серый цвет глины блюд из Херсонеса стал основанием для гипотезы о происхождении керамики LRPB не от краснолаковой посуды, а от сероглиняной – с лощеной поверхностью, которая производилась в Причерноморье с эпохи греческой колонизации до поздней античности и имела очень широкое распространение.

Происхождение керамики Late Roman Pontic Burnished Ware до настоящего момента не вполне ясно. Мы уже предполагали ранее, что, возможно, центр или регион производства Pontic Red Slip Ware (PRS) и описываемой группы сосудов совпадает, и мог располагаться в северной части Малой Азии. Об этом может говорить близость теста этих керамических групп, а также тот факт, что Позднеримская понтийская лощеная керамика появляется на Причерноморском рынке вскоре после прекращения широкого распространения и, возможно, производства PRS во второй четверти VI в. н. э. [*Domżalski* 2021, 174].

Но, по нашему мнению, гипотеза о происхождении керамики LRPB от сероглиняной посуды с лощеной поверхностью не находит фактического подтверждения. Большинство соответствующих находок не являются сероглиняными. Публикуемые нами кувшины из Ильичевской крепости приобрели этот цвет, скорее всего, в результате пожара. В принципе, так могло произойти и с находками из Херсонеса – они могли изменить свой цвет в результате воздействия огня, а уж потом оказались сброшенными в цистерну.

О происхождении именно больших блюд LRPB от краснолаковой керамики говорят их находки последних лет из Помпейополиса в Пафлагонии. Оттуда происходит совсем новая форма краснолаковой керамики Pontic Red Slip ware, которая представляет собой

[6] *Голофаст* 2001, 103; комплексы: 11 (с. 111, рис. 39. *2*, *3*), 13 (с. 112, рис. 42. *3*, *5*), 20 (с. 115, рис. 56. *14–16*), 21 (с. 116, рис. 60. *11–14*), 22 (с. 117, рис. 66. *15*), 23 (с. 118, рис. 68. *5–9*), 24 (с. 118, рис. 72. *5–6*), 25 (с. 119, рис. 77. *17*, *19–21*; *Голофаст, Рыжов* 2011, 375, 379, 384, рис. 11. *2–3*, 15. *4*, 19. *21–27*; *Голофаст*, *Рыжов* 2013, 56, 64, 75–76, 88, рис. 10. *8–10*, 16. *2–3*, 29. *1–4*, 43. *1–21*.

большое блюдо на высоком кольцевом поддоне, очень похожее на рассматриваемую форму LRPB [*Domżalski* 2021, 134–135, pl. 38]. Она была определена как форма 9 и отличается от лощеных блюд лишь меньшими размерами венчика сосуда, напоминающих венчик блюд формы 7 Понтийской краснолаковой керамики. По нашему мнению, эта форма имитировала африканскую (ARS) форму 93, и, поскольку она была украшена врезным гребенчатым компактным орнаментом, типичным для некоторых сосудов формы 7 PRS, ее предварительно можно датировать концом V в.

Кроме того, в Помпейополисе в это же время наблюдается феномен замещения привозной краснолаковой керамики, в основном PRS, но также ARS и LRC/PhRS, местными изделиями именно лощеной посуды, среди которой доминировали блюда на довольно высоких кольцевых поддонах. После не вполне удачных попыток производства местной краснолаковой посуды в V в. местным мастерам удалось добиться значительно большего успеха в производстве лощеной керамики, напоминающей краснолаковые, в основном, африканские сосуды. Возникнув на рубеже V–VI вв., это производство процветало до конца VII в., и лощеная посуда, которая получила название Micaceous Burnished Ware (MBW) – слюдянистая лощеная керамика – от очень большой примеси слюды в глине в долине реки Gökyırmak, практически заменила импорт красного лака в Помпейополисе в ранневизантийское время [*Domżalski* 2016–2017, 81–86, fig. 3, 4].

Такой же процесс мог произойти и в западной, самой плодородной, части провинции Понт, где по нашему мнению производилась керамика Pontic Red Slip ware. Поскольку макроскопические параметры керамики PRS и LPBW очень близки, нельзя исключить, что эти сосуды изготовлялись в одном районе с похожими геологическими условиями. Эту гипотезу подтверждает и факт совпадения исчезновения в Причерноморье керамики PRS именно во второй четверти VI в. и появление сосудов LPBW в то же время (на что прекрасно указывает новейшая находка из Херсонеса) и в тех же местах, где раньше преобладала керамика PRS: в Юго-Западном Крыму и на Боспоре, при ее отсутствии в Западном Причерноморье, где всегда преобладал Средиземноморский импорт.

Наиболее популярной формой понтийской группы позднеримской лощеной керамики были большие блюда на высоком кольцевом поддоне, достаточно глубокие, с отогнутым венчиком [*Романчук*, *Сазанов* 1991, рис. 18–19. *193–204*; *Fedoseev et al.* 2010, fig. 9; *Голофаст*, *Рыжов* 2013, рис. 10. *8*, 16. *2–3*, 29. *1–4*, 43. *1–16*, *18*]. Как мы отметили выше, их прототипами выступали сосуды формы 93 Африканской краснолаковой керамики (ARS) [*Hayes* 1972, 145–148]. Есть и более редкий вариант сосудов, которые известны как «блюда с зубчатым краем» и, по всей вероятности, также относящиеся к рассматриваемой группе [*Романчук, Сазанов* 1991, рис. 21. *212–214*; *Голофаст*, *Рыжов* 2013, рис. 10. *9–10*, 43. *17*]. Другие формы открытых сосудов не типичны [*Fedoseev et al.* 2010, fig. 10]. Закрытые сосуды встречаются очень редко. Возможно, некоторые из них были упущены при характеристике материалов из Херсонеса, где находки LRPB наиболее многочисленны, и диапазон форм впоследствии возрастет. Два кувшина-ойнохои из Ильичевской крепости – это единственные закрытые сосуды данной группы, которые нам известны на сегодняшний день.

Типичные блюда LRPB имеют на внутренней стороне дна двойные концентрические бороздки, обрамляющие центральную часть дна, приблизительно над кольцевым

поддоном [например, см.: *Fedoseev et al.* 2012, fig. 9, 10]. Большинство сосудов никакого декора больше не имеет, за исключением нескольких уникальных находок, рассматриваемым в нашей статье, с процарапанными в технике близкой граффито изображениями на дне блюд и на стенках кувшинов (см. ниже).

Сосуды LRPB в целом датируются второй четвертью – концом VI в. н. э. Вполне возможно, что эти сосуды использовались и в первых десятилетиях VII в. н. э. Некоторые фрагменты подобных сосудов представлены и в более поздних контекстах, однако обычно эти комплексы не являются закрытыми.

Распространение керамики группы LRPB ограничено исключительно Причерноморьем. Наиболее значительное число фрагментов происходит из Херсонеса, комплексы которого дают возможность очертить рамки бытования этой посуды [*Беляев* 1968, 36; *Романчук* 1975, 10, fig. 5в; *Романчук* 1976, 26, рис. 7. *3*; *Романчук*, *Сазанов* 1991, 40–41, № 193–204, рис. 18, 19; *Сазанов* 1992, 43–44, рис. 3. *A1–6*; *Сазанов* 1994–1995, 408–409, рис. 2. *1–9*; *Sazanov* 2000, 132–133, fig. 4. *1–7*; 141–145, fig. 8. *9–16*, 10. *5–6*; и т. д.]. Например, эта керамика известна из раскопок Четырехапсидного храма, где она была найдена вместе с краснолаковой посудой второй четверти VI в. н. э. [*Кутайсов* 1982, 163–164, рис. 8. *6*]. Тем же временем датируется и недавно опубликованный херсонесский комплекс из цистерны 5 [*Голофаст*, *Рыжов* 2018]. Отметим также, что так называемые «миски с зубчатым краем», датированные второй четвертью VI – первой половиной VII в. н. э., согласно А. И. Романчук и А. В. Сазанову [*Романчук*, *Сазанов* 1991, 42–43, № 211–214, рис. 21. *211–214*], и описанные позднее А. В. Сазановым как «тип 6 по карфагенской классификации» [*Сазанов* 1994–1995, 418, рис. 8. *17–19*] тоже относятся к этой группе.

Некоторое число соответствующих находок происходит с территории Боспорского царства. Блюдо диаметром около 30 см с широким гладким отогнутым наружу венчиком, декорированное двумя врезными концентрическими бороздками на дне, было найдено в Ильичевской крепости [*Николаева* 1984, рис. 54а. *57*], вместе с двумя кувшинами-ойнохоями, представленными в нашей статье. В публикациях А. В. Сазанова это блюдо было ошибочно атрибутировано как форма 97 Африканской краснолаковой керамики (ARS) [*Сазанов* 1994–1995, 409, рис. 2. *10*; *Сазанов* 2000, 227, рис. 10. *7*]. Другое блюдо на высоком кольцевом поддоне происходит из некрополя Джург-Оба (рис. 2, 3). Фрагмент блюда аналогичной формы, также ошибочно определенный как форма 97 African Red Slip Ware (ARS) известен с поселения Золотое-Восточное [*Сазанов, Моукроусов* 1996, 99, рис. XI. *5*]. Два блюда на высоком кольцевом поддоне были найдены в Пантикапее – Боспоре. Они происходят из раскопок на Театральной улице в Керчи в 2006 г. Этот комплекс, согласно датировкам краснолаковой керамики и амфорного материала, относится к последней четверти VI – началу VII в. н. э. [*Fedoseev et al.* 2010, 69–71]. Помимо этого, единичные фрагменты LRPB были выделены К. Домжальским в Тиритаке (раскопки В. Н. Зинько), а также среди материалов охранных раскопок А. Л. Ермолина на Митридатской улице в Керчи в 2007–2008 гг. (информация А. В. Смокотиной). Судя по опубликованным рисункам, несколько фрагментов из крепости Цибилиум в Абхазии также могут относиться к изучаемой группе керамики, хотя и были опубликованы, как краснолаковые [*Воронов* 1983, 91–92, рис. 3. *16*, *19–21*].

Лишь один фрагмент стенки и венчика большого блюда LRPB был найден в ходе разведочных работ 1996 г. в Kümes на южном склоне долины Демирджи, на хоре Синопы[7].

Важно отметить отсутствие данных о находках Late Roman Pontic Burnished Ware среди керамических материалов в Западном Причерноморье и в Константинополе.

Врезной декор сосудов

Процарапанный декор, известный как *сграффито*, широко использовался на средневековой поливной керамике, но был крайне редок в позднеантичное время, в основном у Late Roman Light Coloured Ware (LRLC) [ср.: *Ergürer* 2014, с литературой]. Декорирование в этой технике у сосудов LRLC и поливной керамики заключалась в процарапывании тех или иных изображений по верхнему слою покрытия сосудов, так, чтобы декор сильно отличался по цвету от общего фона, приобретая цвет глины. В случае с керамикой Late Roman Pontic Burnished Ware орнамент процарапывался по необожженной глине после лощения. Поскольку лощеная поверхность приобретала более светлый тон, чем глина, процарапанное изображение отличалось иным оттенком, особенно на блестящем фоне. Кроме того, резкие контуры рисунка выделялись на блестящей поверхности благодаря эффекту света и тени. Необходимо подчеркнуть факт использования этой техники, которая получила столь широкое распространение в эпоху Средних веков, уже в позднеримское время. Как уже отмечалось выше, еще С. А. Беляев считал сосуды, подобные публикуемым, неким промежуточным звеном между римской красно-лаковой керамикой и поливной посудой.

Из рассматриваемых в статье находок наиболее богатый декор представлен на двух фрагментах блюд из Херсонеса [*Домжальский, Журавлев* 2013]. Эта композиция имеют прямую аналогию в штампованном орнаменте на больших африканских блюдах ARS Form 104, стиль EII, которые были очень популярны в эпоху Юстиниана [*Hayes* 1972, 222], а вскоре после этого традиция подобных украшений исчезает. Это большие орнаментальные кресты (типы 328–336) в центре сосудов, окруженные двумя концентрическими желобчатыми линиями [*Hayes* 1972, pl. XVIII*b*, XIX*b*]. Иногда эти кресты дополняются изображениями по обеим сторонам птиц, ангелов, бюстов или голов святых, хотя изображения пальмовых или кипарисовых веток на них отсутствуют. В Причерноморье фрагмент такого сосуда был найден в Капидаве [*Opriş* 2003, pl. LI. *342*a–b].

Весьма вероятно, что все подобные композиции изначально восходят к декору позднеримских серебряных блюд – техника декора на херсонесских блюдах явно имитирует гравировку на металле[8], хотя идентичных прототипов нами пока не обнаружено. Изображение на публикуемых херсонесских блюдах представляет собой Голгофский крест

[7] Разведки проводились в рамках «Sinop Regional Archaeological Project» осуществляемого экспедицией Калифорнийского государственного университета Нортриджа, под руководством О. Дунана. Столовая керамика готовится к публикации К. Домжальским.

[8] Из серебряных сосудов изображения на нашей керамике напоминают композицию на сирийском сосуде с позолотой VI в. с большим крестом в центре и двумя ангелами в позе адорации [*Kat. Berlin* 1978, Abb. 31; *Залесская* 2006, 67–68, № 36]. Остальные кресты на серебряных блюдах (с клеймами VII в.) в основном относятся к другому типу: хотя они и расположены в центре, но имеют маленький размер и лишены фланкирующих мотивов [см. например: *Zalesskaja* 1982, Abb. 6; *Залесская* 2006, 68–69, № 37; 71–73, № 40–43,45; 76–77, № 51, 53].

и пальмовые ветви вокруг него, как символ победы Христа над смертью[9]. Надо отметить особо, что весьма схематичное, из-за использования специфической техники, похожей на *граффито*, исполнение внутренней части креста, возможно, отражает желание представления т. н. *crux gemmata*, который часто присутствует не только на вышеупомянутых клеймах на африканской краснолаковой керамике, но и на других памятниках прикладного искусства[10], в том числе ювелирных, юстинианового и постюстинианового времени [ср.: *Левада, Мончыньска* 2008]. Мотив священного символа – креста, окруженного с двух сторон прорастающими ветвями, получил широкое распространение в византийском искусстве, и наиболее ранние примеры этого мотива относятся к VI в. н. э. [*Talbot Rice* 1973, 72, pl. 1][11]. На фрагменте керамики группы Micaceous Burnished Ware из Помпейополиса также процарапано схематическое изображение ветви [*Domżalski* 2016–2017, fig. 4. *3*], но никаких изображений крестов до настоящего момента не обнаружено, за исключением нарисованных краской[12].

Мы пока не можем ответить на вопрос о прототипах изображению на китейском блюде. Возможно, для этого требуется более глубокий анализ христианской иконографии VI в. Утверждать, что процарапавший его мастер ориентировался на декор краснолаковых блюд ARS мы не можем, хотя там известны многочисленные изображения птиц. Изображение креста, относительно близкое публикуемому, прослежено в рельефной композиции в пантикапейском склепе 1912 г. [*Ростовцев* 1914, 435; *Зинько* 2014, 185, рис. 2], но он датируется последней четвертью IV – первой половиной V в. н. э.

Декор на остальных сосудах группы LRPB скромнее. Крест на блюде из некрополя Джург-Оба исполнен в очень простой манере, без орнамента или фланкирующих элементов. Растительные мотивы на обеих ойнохоях из Ильичевской крепости также просты и, кажется, не связаны напрямую с христианской символикой.

Китейский сосуд, согласно Е. А. Молеву и Н. В. Молевой, датируется второй половиной V – началом VI в. н. э. [*Молев*, *Молева* 2017, 173], но эта дата основывается лишь на иконографии изображения. На наш взгляд, более веские основания для датировки дает находка в соседнем помещении золотого солида императора Юстиниана. Близость мотивов изображений крестов на двух херсонесских фрагментах из собрания Исторического музея штампованной схеме декора на хорошо датированной форме 104 ARS, хронология комплекса из могильника Джург-Оба, из которого происходит блюдо

[9] Еще один любопытный памятник происходит из тех же раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1898 г. Это красноглиняный штамп VI в. н. э. с изображением двух святых в длинных одеждах, стоящих по сторонам длинного креста с расширяющимися концами на Голгофе, по сторонам креста – буквы А и Ω, вокруг – лучи. Возле святых с двух сторон изображены кипарисовые деревца (?). Композиция оконтурена двумя концентрическими валиками, между которыми греческая надпись «Евлогия святого и прославленного великомученика Георгия» [ОАК за 1898, 11, 117, рис. 16; *Латышев* 1899, 34–41; *Якобсон* 1959, 328–329, ссылка 3; *Журавлев* 1997, рис. 7. 4; *Яшаева и др.*, 606, № 370]. Схема, представленная на этом штампе, очень близка изображению на публикуемых херсонесских блюдах.

[10] Священная монограмма – хризма – в окружении ветвей известна также на североафриканских светильниках [*Bailey* 1988, fig. 33, Q1738; Q1739; Q1756].

[11] Д. Тальбот Райс отмечал, что истоки этого мотива восходят еще к дохристианскому искусству Месопотамии [*Talbot Rice* 1973, 77, 80].

[12] На керамике Micaceous Burnished Ware врезной декор встречается очень редко. Но для этой керамики характерны в основном росписи по поверхности, среди которых изображения крестов встречаются достаточно часто (особенно на закрытых сосудах) [*Domżalski* 2016–2017, 83–85, pl. 4. *7*, *8*].

с процарапанным крестом – середина VI в. [*Єрмолін* 2006, 14] и дата гибели Ильичевской крепости позволяют предполагать производство декорированных сосудов группы Late Roman Pontic Burnished ware в эпоху Юстиниана. Предложенные Л. А. Голофаст датировки херсонесских комплексов с керамикой LRPB подтверждают эту хронологию.

Список литературы

Б*еляев* С. А. 1968. Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сб. статей к столетию со дня рождения академика Сергея Александровича Жебелева, 1867–1967. Л., 31–38.

В*оронов* Ю. Н. 1983. Краснолаковая керамика Апсилии (V–VI вв.) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии Наук ГССР. 12. Тбилиси, 88–95.

Г*авритухин* И. О., *Паромов* Я. М. 2003. Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 152–157.

Голофаст Л. А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса. МАИЭТ. 8, 97–260.

Голофаст Л. А. 2007. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 13, 68–128.

Голофаст Л. А., *Рыжов* С. Г. 2000. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 9, 78–117.

Голофаст Л. А., *Рыжов* С. Г. 2011. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 17, 363–411.

Голофаст Л. А., *Рыжов* С. Г. 2013. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы Х, Х–А и Х–Б) // МАИЭТ. 18, 49–161.

Голофаст Л. А., *Рыжов* С. Г. 2018. К вопросу о происхождении посуды группы «Позднеримской понтийской лощеной» // ПИФК. 3, 47–59.

Д*омжальский* К., *Журавлев* Д. В. 2013. Фрагменты Понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА. 2, 137–143.

Є*рмолін* О. 2006. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 році. Дрогобицький краєзнавчий збірник. 10. Дрогобич, 11–44.

Ж*уравлев* Д. В. 1997. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. 3, 194–207.

Журавлев Д. В., *Мокроусов* С. В., *Сапрыкин* С. Ю. 2010. Памятники позднеантичного времени на Таманском полуострове // Античное наследие Кубани. II. М., 166–202.

З*алесская* В. Н. 2006. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб.

Зинько Е. А. 2014. Изображение креста на погребальных памятниках Боспора (вопросы хронологии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь. 183–189.

К*утайсов* В. А. 1982. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1, 155–169.

Л*атышев* В. В. 1899. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. МАР. 23, 1899.

Левада М. Е., *Мончыньска* М. 2008. Крест из собрания Богдана и Варвары Ханенко // МАИЭТ. 14, 145–160.

М*олев* Е. А., *Молева* Н. В. 2017. Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китея 2016 г. // История и археология Крыма. 5. Симферополь, 222–227.

Н*иколаева* Э. Я. 1984. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1984 г. Архив ИА РАН, Р–1, 11181. М.

ОАК за 1898 г. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 г. СПб. 1901.

Р*оманчук* А. И. 1975. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11, 3–13.

Романчук А. И. 1976. Херсонес VI – первой половины IX вв. Учебное пособие. Свердловск.

Романчук А. И., *Сазанов* А. В. 1992. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Свердловск.

Ростовцев М. И. 1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.

С*азанов* А. В. 1992. Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. н. э. из Херсонеса // КСИА. 208, 40–46.

Сазанов А. В. 1994–1995. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 4, 406–433.

Сазанов А. В. 2000. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 3, 221–259.

Сазанов А. В., *Мокроусов* С. В. 1996. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): Опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 3, 88–107.

Я*шаева* Т., *Денисова* Е., *Гинькут* Н., *Залесская* В., *Журавлев* Д. 2011. Наследие византийского Херсона. Севастополь–Остин, 708.

B*ailey* D. M. 1988. Catalogue of the Lamps in the British Museum, vol. III. Roman Provincial Lamps. London.

D*odd* E. C. 1961. Byzantine Silver Stamps. Dumbarton Oaks Studies. VII. Washington.

Domżalski K. 2016–2017. Roman to Early Byzantine fine pottery from Pompeiopolis in Paphlagonia. From the long distance trade to the local market // Archeologia. 67. Warszawa, 73–87.

Domżalski K. 2021. Pontic Red Slip Ware: Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. Bibliotheca Antiqua. 25. Warsaw.

E*rgürer* H. E. 2014. Late Roman Light Coloured Ware from Parion // Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use. Warsaw, 175–191.

F*edoseev* N. F., *Domżalski* K., *Opaiț* A., *Kulikov* A. V. 2012. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos (rescue excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006) // Archeologia. 61. Warszawa, 63–94.

H*ayes* J. W. 1972. Late Roman Pottery. London.

Spätantike und frühbyzantinische… 1978. Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus der Staatlichen Ermitage. Leningrad – Berlin.

O*priş* I. I. C. 2003. Ceramica romană târzie şi paleobizantină de la Capidava în contextul descopeririol de la Dunărea de Jos (sec. IV–VI p. Chr.). Bucureşti.

S*azanov* A. 2000. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe – troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age. Colloquia Pontica 5. Leiden – Boston – Köln, 123–149.

T*albot Rice* D. 1973. The Leaved Cross // D. Talbot Rice, Byzantine Art and its Influences. Collected studies. London, 72–81.

Z*alesskaja* V. 1982. Die byzantinische Toreutik des 6. Jahrhunderts. Einige Aspekte ihrer Erforschung // Metallkunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter. Berlin, 97–111.

Summary

K. Domżalski, D. Zhuravlev
Late Roman Pontic Burnished Ware with incised decoration from Bosporos and Chersonesos

The paper describes Late Roman and Early Byzantine decorated fine ware vessels and fragments found on both sides of the Kerch Strait (city of Kytaia, Džurg-Oba necropolis and fortlet Il'ičevskoe), and in Chersonesos. The finds represent the recently identified group of fine ceramics called Late Roman Pontic Burnished Ware. They are characterized by very refined, pale pinkish - light brownish clay containing some very fine flakes of mica and single lumps of lime of various sizes. The inside surface of the dishes is carefully burnished, producing a slight lustre, and contains elaborated decoration executed by delicate incising in dried clay after burnishing and before firing (*sgraffito*-like technique). The decorative compositions contain centrally placed big cross, in two cases flanked by palm-branches or cypresses of similar size, and in one case completed with representation of four birds between arms of the cross. The central compositions are surrounded by two concentric grooved lines accompanied in two cases by a long spiral scratched on their outside. The outer surface of the examined dishes was finished with less care, it has some turning marks and a dull appearance. The jugs with their burnished surfaces bear incised decoration in the upper part of their bodies. In both cases, it contains a friese composed of simple motifs such as palm trees and branches, threeleaf branches and rope patterns.

Because of their excellent quality, for many decades the Late Roman Pontic Burnished vessels were described in publications as red slip pottery. The vast majority of fragmented finds come from Chersonesos, but they are also known from several sites in the area of Bosporos Kimmerikos. The archaeological contexts of these discoveries indicate that the ware in question emerged on the Black Sea regional fineware market in the second quarter of the 6th century and remained an object of trade exchange at least until the end of that century but most probably also in the first decades of the 7th century. The production centre of these vessels remains unknown but the close similarity of their fabric to the previously (4th–5th c.) popular fineware group called Pontic Red Slip Ware hypothetically indicates its location in the southern Black Sea regions. The incised compositions of the LPBW dishes, resembling the decorative scheme on African Red Slip Ware dishes form 104, stamped in Style E(II), as well as the contexts of the vessels from Džurga Oba and Il'ičevskoe suggest that the discussed decorated vessels were manufactured in the early phase of the Late Roman Pontic Burnished Ware production, most probably during the reign of Justinian.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.48-58

О. Ф. Жупанин, А. А. Иванов
(НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар)

Погребения хазарского времени из раскопок поселения Балка Лисовицкого-1 на Тамани

В июле-сентябре 2018 г. экспедицией НАО «Наследие Кубани» были проведены раскопки участка поселения Балка Лисовицкого-1, попадавшего в зону строительства подъездных путей транспортного перехода через Керченский пролив.

Поселение расположено в 4,6 км к северо-востоку от восточной окраины станицы Тамань Темрюкского района Краснодарского края. Памятник занимает нижнюю часть отрога горы Комендантская, который постепенно понижается в сторону упомянутой балки. Впервые он был выявлен осенью 1992 г. сотрудниками археологической экспедицией КубГУ под руководством И. И. Марченко. В дальнейшем здесь проводились охранно-спасательные раскопки экспедиций, работами которых в разные годы руководили Н. Ю. Лимберис, В. В. Бочковой, А. В. Шишлов, Ю. К. Гугуев. В результате были выявлены и раскопаны в основном перифе рийные участки обширного поселения хазарского времени. Также в отдельных частях этого ОАН были прослежены культурные слои первых веков нашей эры. Общая площадь поселения Балка Лисовицкого-1 составляет 17 га.

Исследования 2018 г. проводились в северной части памятника (рис. 1. *1*) к северу от технологической автодороги. Площадь исследованного участка составила 8083 м^2. Южная граница раскопа вплотную примыкала к участку раскопок, проводившихся под руководством Ю. К. Гугуева в 2015 г. Культурные напластования и объекты прослежены в западной и центральной частях раскопа на площади порядка 3500 м^2. Среди последних – 21 хозяйственная яма, а также остатки заглубленного жилища овальной в плане формы, в непосредственной близости от которого были расчищены остатки округлого очага [*Паль и др.* 2019, 260–264].

Керамический комплекс во многом типичен для поселений Тамани указанного времени. Тарная керамика представлена как фрагментами, так и сериями целых и археологически целых сосудов, среди которых доминируют находки т. н. причерноморских амфор с бороздчатой поверхностью тулова и красноглиняных баклажек. Среди них – хорошо сохранившиеся экземпляры этих амфор редких типов [*Иванов* 2021]. Вместе с тем, находки профильных фрагментов амфор с мелким зональным рифлением на тулове и высокогорных кувшинов с плоскими ручками буквально единичны. Кухонная посуда в основной массе – это горшки с линейно-волнистым орнаментом. Достаточно разнообразен набор столовой керамики, включавший сосуды разных типов: кувшины, кубышки, кружки

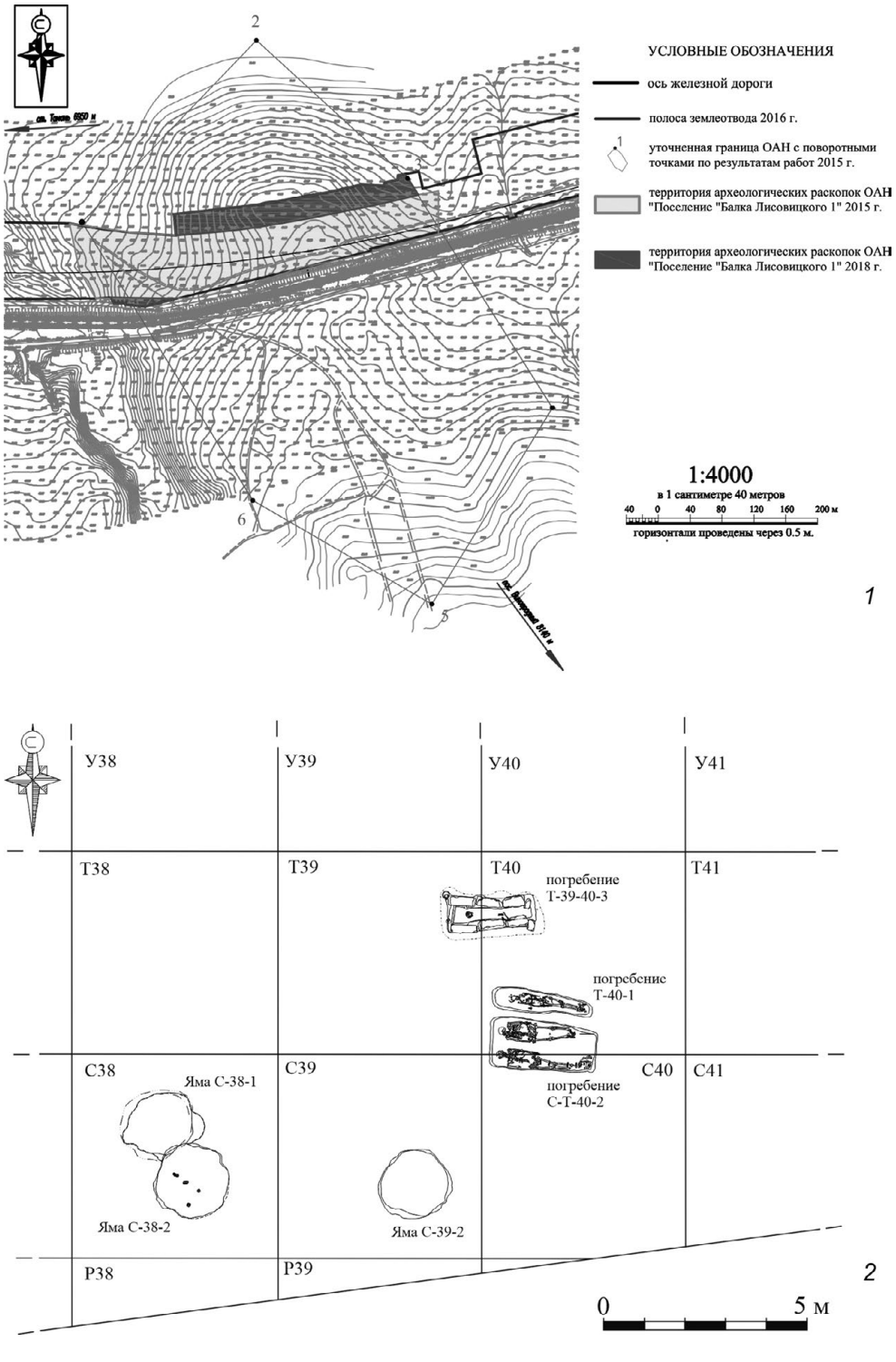


Рис. 1. План поселения Балка Лисовицкого-1 и фрагмент плана Раскопа 2018 г.
1 – топографический план памятника; *2* – план участка Раскопа 2018 года с указанием объектов, выявленных на уровне материка

и миски, как красноглиняные, так и сероглиняные, в том числе с лощеной поверхностью. Также в составе массового материала присутствовали и фрагменты котлов с внутренними «ушками», что, несомненно, подчеркивало культурную принадлежность исследованного памятника. Представленная характеристика керамического комплекса носит предварительный характер и не претендует на полноту охвата, но, тем не менее, она необходима для понимания культурного и хронологического контекста публикуемых комплексов.

Помимо объектов бытового и хозяйственного назначения было выявлено 8 погребальных комплексов. Из них четыре погребения датируются эпохой бронзы. Ещё одно детское погребение, обнаруженное в квадрате У-25, впущено в культурный слой, и в силу плохой сохранности костяка и скудного инвентаря не имеет четкой культурно-хронологической атрибуции. В данной публикации мы остановимся на трёх близких по времени и культуре комплексах, выявленных в центральной части раскопа и образовывавших довольно компактную в планиграфическом отношении группу. Нельзя исключать того, что они составляли небольшой могильник, сформировавшийся в период функционирования раннесредневекового поселения (рис. 1. *2*). Два захоронения представляли собой ингумации в грунтовых ямах, ещё одно – было совершено в каменном ящике.

Погребение С-Т-40-2 выявлено на границе квадратов С40 и Т40. Пятно могильной ямы практически не выделялось в материковом грунте, однако имело заполнение крупно-комковатой структуры, что позволило проследить его границы. В юго-восточной его части была обнаружена горловина красноглиняной баклажки, а в западной части – черепа погребенных.

Заполнение могильной ямы представляло собой плотную, слабо-гумуссированую глину с карбонатными включениями. Могила имела подпрямоугольную со слегка скругленными углами форму; её восточная стенка была немного короче западной, в связи с чем яма приобрела в некоторой степени трапециевидные очертания (рис. 2. *1*). Яма ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Стенки слегка сужались к низу. Дно ровное, практически горизонтальное. Размеры могильной ямы по верхнему краю: 2,61×1,24–1,01 м. На дне расчищены 2 костяка (рис. 2. *1*).

Костяк 1. Погребенный мужчина 35–45[1] лет располагался у южной стенки ямы, вытянуто на спине, головой на запад. Череп фрагментирован, но, тем не менее, исходя из положения фрагментов, понятно, что он слабо развернут влево. Руки, очевидно, были вытянуты параллельно туловищу, однако, от правой – сохранилась только плечевая кость. Ноги вытянуты, сведены в коленях, левая стопа прямо, кости правой стопы не сохранились. Кости таза, ребра и позвоночник сохранились плохо и сильно фрагментированы. Под туловищем и в районе костей таза прослежены пятна древесного тлена, вероятно, от гроба.

На костях ног от таза до стоп обнаружено 5 целых железных пластин прямоугольной формы с остатками гвоздей (по 1 гвоздю с каждого края) и ещё три фрагмента подобных пластин (рис. 2. *3*–*10*). На них сохранились отпечатки древесины. На костях погребенного они были расположены через одинаковое расстояние. Все пластины имели прямоугольную форму, с торцевых сторон расположены железные гвозди с округлыми шляпками.

[1] Антропологические определения выполнены сотрудником Института этнологии и антропологии РАН к.и.н. С.Г. Комаровым

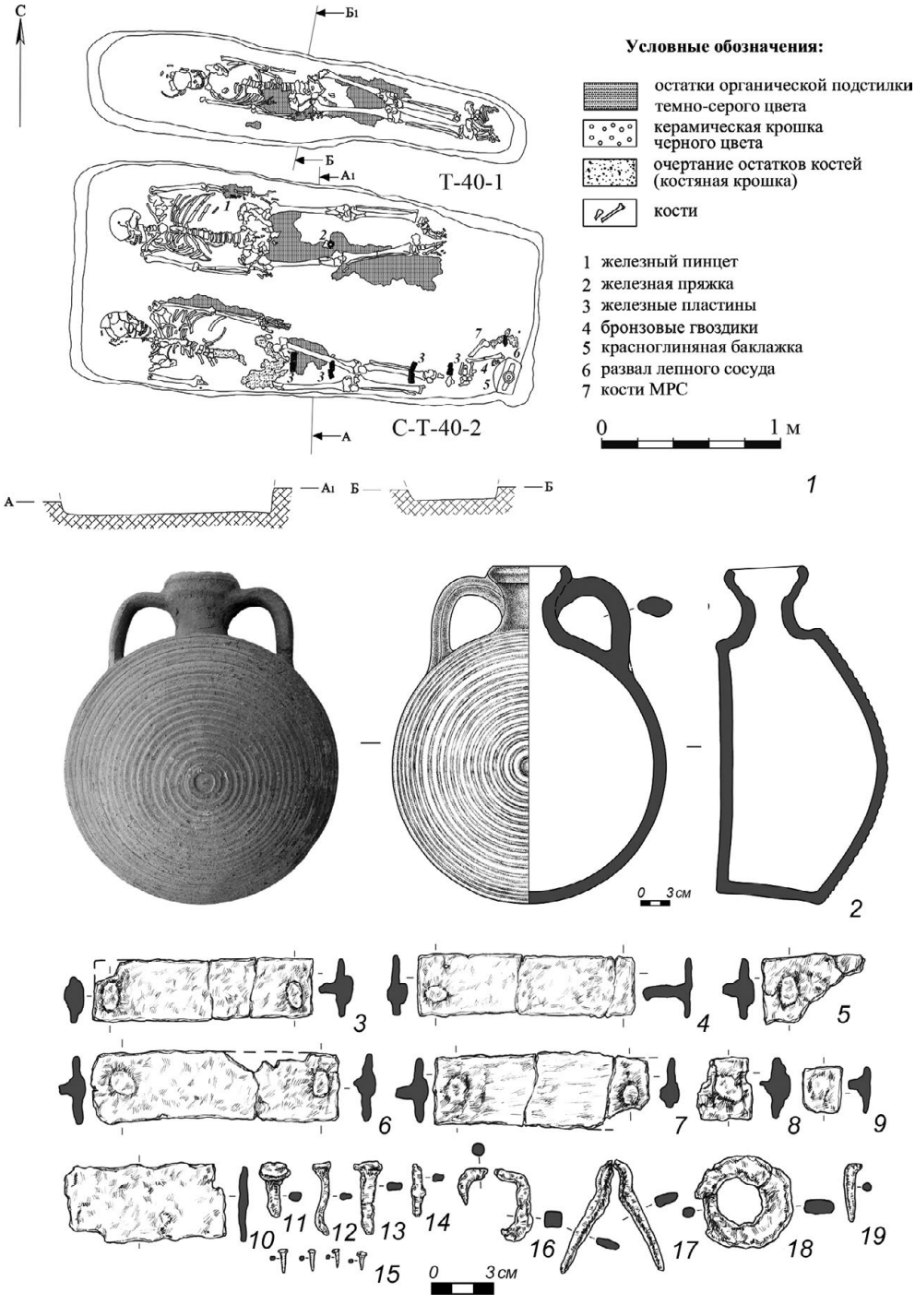


Рис. 2. Поселение Балка Лисовицкого-1. Погребения С-Т-40-2 и Т-40-1.
1 – планы и разрезы погребений; *2* – красноглиняная баклажка; *3–10* – фрагменты железных пластин; *11–14* – железные гвозди; *15* – бронзовые гвоздики; *16* – фрагменты железной скобы; *17* – железный предмет; *18* – железная пряжка; *19* – фрагмент железного гвоздя (*2–17* – погребение С-Т-40-2; *18, 19* – погребение Т-40-1)

На костяке, за головой, на ребрах и в районе костей стоп также расчищено четыре обломка железных гвоздей, изготовленных из прута уплощенной в поперечном сечении формы (рис. 2. *11–14*). В районе грудной клетки была найдена железная скоба из четырехгранного в поперечном сечении прута (рис. 2. *16*).

В ногах погребенного лежала красноглиняная баклажка (фляга) (рис. 2. *2*). Лицевая сторона сосуда выпуклая, покрытая хорошо выраженными бороздками в виде концентрических окружностей. Обратная сторона плоская, заглаженная. Ребро при переходе от лицевой стороны к боковой стенке подчеркнуто выделенным валиком. Горловина невысокая, узкая, воронковидных очертаний, расположена на боковой стенке корпуса. Переход от корпуса к горловине плавный. Венчик припухлый, край его срезан, загнут вовнутрь; на внешней стороне под венчиком выделено горизонтальное ребро. Ручки сосуда короткие, верхние прилепы располагаются на горловине ниже венчика, нижние – на боковой части корпуса. Нижний прилеп отмечен пальцевым вдавлением. Ручки имеют высокое плечо, в поперечном сечении овальные. Поверхность сосуда качественно заглажена и имеет красно-коричневый цвет. Глина плотная, хорошо отмучена, с примесью мелкодробленого шамота и белых известковых включений. Диаметр корпуса 19,5 см; высота сосуда в вертикальном положении 26,7 см; диаметр по венчику 6,5 см; размер поперечного сечения ручки 2,8×1,7 см.

Здесь же, в области стоп погребенного, были обнаружены четыре небольших бронзовых гвоздика (рис. 2. *15*) и остатки, по всей вероятности, лепного или правленного на круге сосуда, тесто которого полностью потеряло структуру. Между красноглиняной баклажкой и костями стоп располагались две трубчатые кости МРС.

Костяк 2. Погребенный мужчина, 25–35 лет, лежал вытянуто на спине, ближе к северной стенке могильной ямы. Череп развернут вправо. Руки вытянуты параллельно туловищу. Кости ног параллельны друг другу, стопы вытянуты. Под костяком туловища и ног, а также на костях левой руки обнаружен древесный тлен темно-серого цвета.

Инвентарь погребения. Между костей нижних конечностей, ближе к коленному суставу правой ноги, обнаружена рамка железной пряжки округлой формы, уплощенная в поперечном сечении. Язычок не сохранился. Размеры рамки 3,6×3,8 см, сечение в передней части рамки 1,3×0,6 см (рис. 2. *18*). Между левым «крылом» таза и лучевой костью руки обнаружен фрагментированный железный предмет. Он состоял из двух «ветвей», изготовленных из прута прямоугольной в сечении формы; в верхней части изделия имелась округлая петля, отделенная от «ветвей» перехватом (рис. 2. *17*). В северной части могильной ямы, в заполнении, обнаружен фрагмент железного гвоздика (рис. 2. *19*).

Ещё одно погребение, совершенное в грунтовой яме, было выявлено непосредственно к северу от описанного захоронения (рис. 1. *2*). В полевой документации оно получило наименование «Погребение Т-40-1». Пятно могильной ямы также с трудом (по незначительной разнице грунтов) было прослежено на материке. В западной части пятна в момент его выявления был обнажен череп погребенного.

Заполнение этой могильной ямы аналогично предыдущей. Могила в плане вытянуто-овальная, сужавшаяся в восточной части (рис. 2. *1*). Яма ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Края неровные, стенки слегка сужались к низу. Дно ровное, почти горизонтальное. Размеры могильной ямы по верхнему краю: 2,48×0,58–0,36 м.

На дне расчищен костяк подростка, располагавшийся вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, лицом вверх. Руки вытянуты параллельно туловищу и прижаты к нему, кисти, судя по сохранившимся костям, располагались на костях таза. Ноги вытянуты, сведены в коленях, стопы вытянуты прямо. На дне ямы под костяком зафиксирован древесный тлен тёмно-серого цвета. Инвентарь не обнаружен.

К северу-северо-западу от этих могил, у северной границы квадратов Т-39-Т40, снова на материке обнаружено погребение в «каменном ящике» («Т-39-40-3») (рис. 1. *2*). Плиты перекрытия известняковые, не обработанные, были уложены «внахлест» (рис. 3. *1*а). Эта плитовая могила вытянуто-трапециевидная в плане была устроена в материковой яме соответствующих размеров (рис. 3. *1*б). Дно гробницы и уступы, на которых были установлены камни перекрытия, сформированы из перемещенного глинистого грунта – подсыпки. Подсыпка также фиксировалась в пространстве между блоками и стенками могильной ямы (рис. 3. *1*д). Вдоль длинных сторон ямы были установлены каменные плиты, по три с каждой. Они были изготовлены из известняка, два – имели следы обработки. Вполне вероятно, что они были изъяты из какой-то кладки античного времени. Плиты продольных стенок гробницы, имели следующие размеры: 0,21×0,36×0,68; 0,20×0,32×0,69; 0,26×0,31×0,58; 0,19×0,31×0,66; 0,20×0,31×0,66; 0,20×0,30×0,56 м. Западная торцевая стенка была образована тонкой необработанной плитой. Внутреннее пространство заполнено рыхлым, слабо-гумуссированым суглинком. На дне обнаружены остатки костей человека крайне плохой сохранности. Тем не менее, судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. В центральной части на дне зафиксировано пятно деревянного тлена (рис. 3. *1*в, *1*г). Изначально могильное сооружение представляло собой грунтовую яму подпрямоугольной формы со скругленными углами. Стенки её сужались ко дну, северная – была вертикальной. Дно ямы ровное, горизонтальное. Размеры плитовой могилы 2,04×0,87 м, грунтовой ямы (по верхнему краю) 2,49×1,19 м, по дну 2,36×1,08 м.

Инвентарь погребения. В торцовой части могильной ямы, в небольшой нише, устроенной в её северо-западном углу, была обнаружена лощеная кружка (рис. 3. *2*). Горло сосуда короткое, слегка расширяется кверху. Край венчика закруглен. Тулово приземистое, раздутое. Дно плоское, гладкое. Ручка петлевидная, овальная в поперечном сечении. Верхний прилеп ручки прикреплен к горловине, нижний расположен на плечиках тулова. Поверхность тщательно залощенная, блестящая, темно-серого или почти черного цвета. На горловине и тулова нанесен орнамент в виде сплошных вертикальных полос лощения. По линии перехода тулова к горловине, а также по ребру тулова нанесены горизонтальные полосы лощения. Поперечные лощеные полоски также расположены на внешней стороне ручки. Тесто сосуда плотное, хорошо отмучено, без видимых примесей; в изломе черепок светло-коричневого цвета. Высота сосуда 12 см; диаметр по венчику 10,2 см; диаметр по дну 9,6 см; высота горла 3,8 см; размеры поперечного сечения ручки 2,5×1,4 см.

В заполнении между западной стенкой каменной гробницы и западной стенкой могильной ямы был обнаружен кружальный горшочек (рис. 3. *3*). Внутри него находился фрагмент трубчатой кости КРС. Сосуд имел шаровидное тулово, короткую выделенную шейку и сильно отогнутый наружу венчик. Край венчика заострен. По верхней

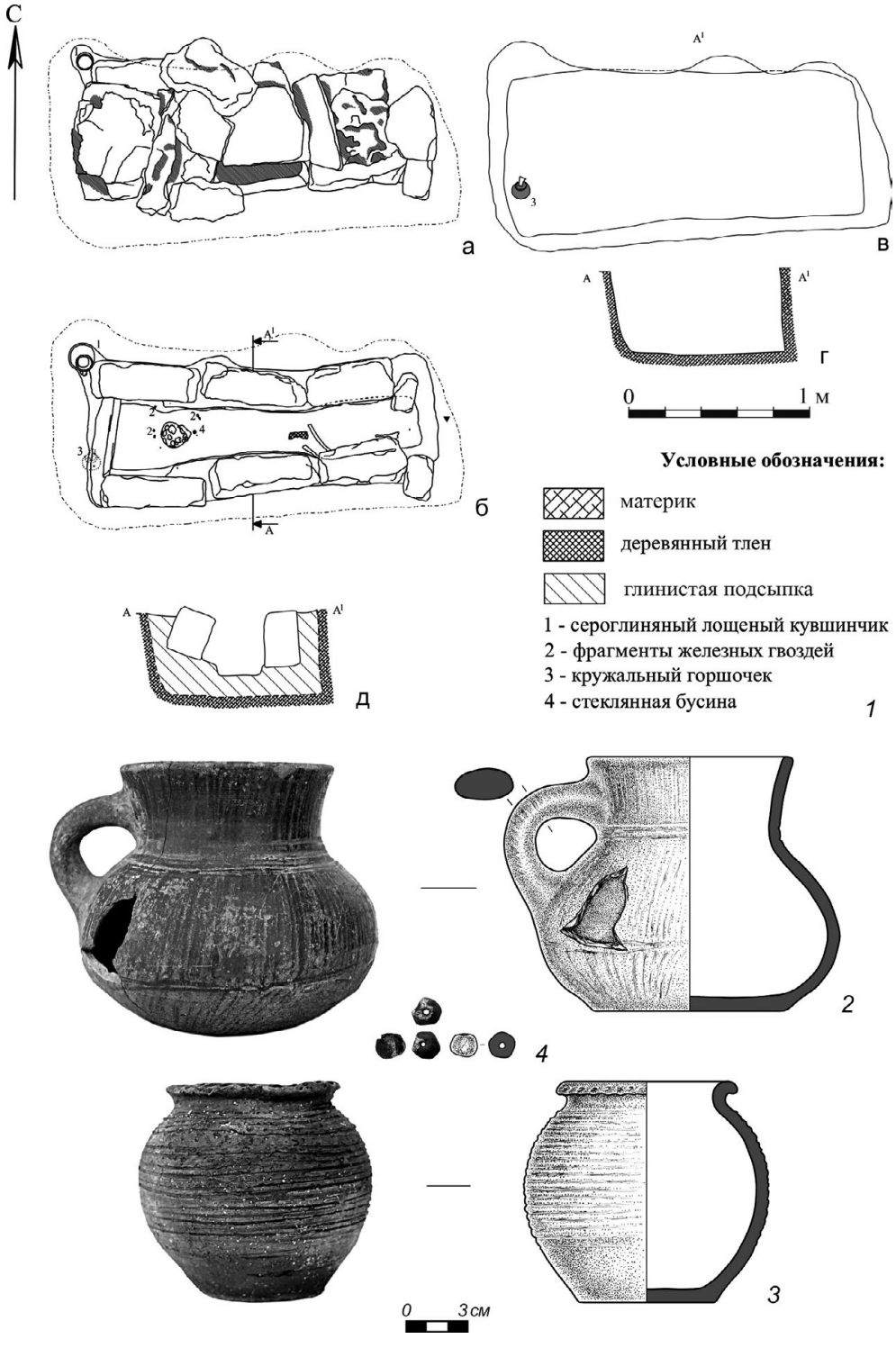


Рис. 3. Поселение Балка Лисовицкого-1. Погребение Т-39-40-3.
1 (а–г) – планы и разрезы погребения; *2* – лощеная кружка;
3 – кружальный горшочек; *4* – стеклянная бусина

кромке венчика нанесен орнамент в виде насечек, оставленных зубчатым штампом. Дно сосуда плоское, вдоль края дна заметен наплыв. По плечикам и тулову нанесен линейный орнамент в виде глубоких, порой неровных бороздок. Тесто сосуда рыхлое, с примесью шамота и толченной ракушки. Высота 10,4 см; диаметр по венчику 8,6 см; диаметр по дну 6,5 см; диаметр тулова 11,5 см.

На дне плитовой могилы, к востоку от скопления фрагментов костей черепа, была обнаружена стеклянная бусина (рис. 3. *4*) темно-синего цвета, покрытая темно-серой патиной. Бусина имеет округло-цилиндрическую форму с небольшими выступами на боковой части и продольным отверстием. Размеры бусины 1,3×1,2×1,0 см. Диаметр отверстия 0,25 см. Кроме этого, в заполнении гробницы на разной глубине были обнаружены три сильно коррозированных фрагмента круглых в сечении железных гвоздей.

Итак, погребальный инвентарь публикуемых комплексов довольно скуден и не содержал вещей с узкой датировкой. Исключение – достаточно выразительный набор керамических сосудов, позволяющий в какой-то мере определить хронологические рамки захоронений.

Так, ареал находок красноглиняных баклажек охватывает памятники хазарского времени Северного Причерноморья, Крыма, Подонья и Прикубанья. Известны подобные находки и на Тамани [*Чхаидзе* 2012, 168]. О времени их бытования позволяют судить материалы производственных комплексов Крыма, в которых они обжигались совместно с причерноморскими амфорами на протяжении VIII – середины X вв. [*Якобсон* 1979, 39; *Паршина и др.* 2001, 61–67, рис. 19, 28, 31]. В кочевнических погребениях Нижнего Дона и степей Приазовья подобные баклажки появляются начиная со второй половины VIII в. В качестве примера можно привести комплексы из Чистяково, Соболевки [*Кравченко, Шамрай* 2000, 164] и кургана 24 могильника Ливенцовский 7 [*Ильюков* 2013, 231, рис. 7. *1*].

Горшки, изготовленные на ручном гончарном круге, яйцевидных или шаровидных форм с отогнутым венчиком и нешироким дном, характерны для всех степных поселений салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. [*Плетнёва* 1981, 14]. Сосуд из погребения Т-39–40–3 имеет приплюснутые или шарообразные пропорции, что характерно для керамики Таматархи, Фанагории, поселений Таманского и Керченского полуостровов, Южного Крыма, правобережья Кубани и Саркела. На Тамани расцвет производства таких горшков приходится на конец VIII–IX вв., и окончательно они исчезают к середине X века [*Чхаидзе* 2012, 170]. Следует отметить, что близкие формы круговых кухонных горшков присутствовали и среди находок из городских некрополей средневековой Таматархи [*Чхаидзе* 2008, 187, рис. 101].

Лощеные кружки достаточно распространены в погребальных памятниках салтово-маяцкой культуры [*Плетнёва* 1967, 118; *Красильников* 2009, 109]. Если говорить о ближайших регионах, то они хорошо известны в салтовских памятниках Крыма. Однако о хронологических рамках их бытования судить сложно, вероятно, они характерны для всего периода существования салтово-маяцкой культуры полуострова [*Майко* 2020, 74]. Также исследователями неоднократно отмечалось, что в соответствующих погребениях кружки могли выполнять роль специальных погребальных сосудов и нередко сопровождаются кувшинами или горшками, дополняя друг друга [*Плетнёва* 1967, 118; *Красильников* 2009, 113–114].

Таким образом, набор керамических сосудов из описанных погребений вполне характерен для погребальных памятников салтово-маяцкой культуры, а его хронологические рамки можно ограничить второй половиной VIII – первой половиной X вв. При этом необходимо отметить, что аналогии этим сосудам в виде целых форм или фрагментов присутствовали среди находок, происходящих как из культурного слоя, так и хозяйственных комплексов того же памятника. Данное обстоятельство позволяет с большой долей вероятности говорить о синхронности поселения и публикуемых гробниц.

Остальной инвентарь маловыразителен. Железные пластины с гвоздиками для крепления и следами дерева, аналогичные обнаруженным в погребении С-Т-40-2, встречены ещё в нескольких близких по времени и культуре погребальных комплексах, сравнительно недавно исследованных на Тамани: Виноградный 7 [*Марченко и др.* 2007, 195, рис. 51] и в погребении 25 могильника Виноградный Северо-восточный 2. При этом, судя по опубликованному плану погребения, они лежали в порядке, аналогичном описанному выше. Исходя из значительно лучшей сохранности органических остатков погребения из могильника Виноградный Северо-восточный 2, данные находки можно достаточно уверенно интерпретированы, как остатки деревянного щита [*Карпов, Сударев* 2017, 84].

Также представляется необходимым сделать ряд замечаний относительно особенностей погребального обряда публикуемых комплексов. Захоронения, совершенные в грунтовых ямах, характеризуются следующими признаками. Они имеют западную ориентацию и остатки органической подстилки на дне. Могильные ямы впущены в материк на незначительную глубину. Также, по всей вероятности, при совершении захоронений использовались гробовища. При этом следует отметить достаточно редкое парное захоронение и расположение инвентаря и напутственной пищи в ногах погребенного.

Однако по ряду признаков рассмотренные захоронения достаточно специфичны для Таманского п-ова. В качестве примера можно привести грунтовые и курганно-грунтовые могильники поселение Виноградный 7 – Гора Чиркова I [*Марченко и др.* 2007; *Свиридов и др.* 2019; *Карпов, Сударев* 2017]. Здесь доминировали северная ориентировка погребенных и могильные сооружения в виде ям с заплечиками. Впрочем, погребения в простых грунтовых ямах с западной ориентировкой также известны. Например, в могильнике «Грунтовый могильник Виноградный северо-восточный 2» [*Карпов, Сударев* 2017, 84]. Таким образом, можно говорить о намечающихся различиях в погребальном обряде отдельных близких по времени и культуре могильников, расположенных на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. Вполне вероятно, это свидетельствует о неких этнографических различиях групп населения, проживавшего на территории Таманского полуострова в хазарское время.

Аналогии захоронению в плитовой могиле также хорошо известны в городских некрополях Таматархи и средневековой Фанагории и некоторых других поселений хазарского времени Тамани [*Чхаидзе* 2006; *Свиридов и др.* 2019, 264–265; *Марченко и др.* 2007, 194, 247]. Однако обращает на себя внимание, что она была меньше самой могильной ямы, в которую была впущена. Возможно, это чистая случайность: ошибка «строителей», исправленная частично упомянутой подсыпкой. Кроме этого, крайне редким

явлением для захоронений в плитовых могилах является наличие погребального инвентаря, в том числе керамических сосудов и остатков заупокойной пищи. Обращает на себя внимание и расположение сосудов в погребении. Они были обнаружены в заполнении между западной стенкой ямы и западной плитой каменного ящика.

По мнению В.Н. Чхаидзе распространение погребений в каменных гробницах знаменовало утверждение общехристианского обряда для всего Приазовья [*Чхаидзе* 2006, 66]. Вполне вероятно, что рассматриваемое погребение «документирует» начальный этап этого процесса.

Список литературы

И*ванов* А.А. 2021. Находки причерноморских амфор редкого типа из раскопок поселения «Балка Лисовицкого – 1» на Тамани в 2018 году // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 19. Армавир–Карачаевск, 66–71.

Ильюков Л.С. 2013. Раннесредневековые курганы могильника Ливенцовский 7 (по материалам раскопок 1994–1995 гг.) // Хазарские древности. Аксай, 227–235.

К*арпов* Д.А., *Сударев* Н.И. 2017. Виноградный северо-восточный 2, Виноградный северо-восточный 3, курганная группа (10 насыпей) (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 (Материалы спасательных археологических исследований. 19). М., 74–87.

Кравченко Э.Е, *Шамрай* А.В. 2000. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области // Донская археология. 3–4, 70–82.

Красильников К.И. 2009. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. 7. Хазарское время. Донецк, 99–152.

М*айко В.В.* 2020. Лощеная керамика салтово-маяцких памятников Крыма. Анализ источниковой базы // Ученые записки Крымского федерального университета им. Вернадского. Сер. «Исторические науки». Т. 6 (72). № 3. Симферополь, 44–60.

Марченко И.И., *Бочковой* В.В., *Кононов* В.Ю. 2007. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. 7. Краснодар, 151–391.

П*аль* Е.П., *Ткачёва* Н.Н., *Жупанин* О.Ф., *Иванов* А.А., *Куликова* О.П., *Кутуков* Д.В., *Нарожный* Е.И., *Мокрушин* В.П., *Соков* П.В., *Тищенко* И.Б., *Соколов* П.М. 2019. Охранно-спасательные археологические исследования 2018 г. на Кубани и в Крыму // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 17. Краснодар–Армавир, 259–281.

Паршина Е.А., *Тесленко* И.Б., *Зеленко* С.М. 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Сб. научных статей. Киев, 52–81.

Плетнёва С. А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура (МИА. 142). М., 197.
Плетнёва С. А. 1981. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. 2. Прабългарската култура. Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 8–19.
С*виридов* А. Н., *Язиков* С. В., *Суханов* Е. В. 2019. Новые средневековые погребения с Таманского полуострова (БИ. XXVIII). Симферополь, 256–298.
Ч*хаидзе* В. Н. 2006. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология Евразийских степей. Сб. статей к юбилею профессора С. А. Плетнёвой (Материалы и исследования по археологии Поволжья. 3). М. –Йошкар-Ола, 53–86
Чхаидзе В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 328.
Чхаидзе В. Н. 2012. Фанагория в VI–X веках. М., 590.
Я*кобсон А. Л.* 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 163.

Summary

O. F. Zhupanin, A. A. Ivanov
Burials of the Khazar time from the excavations of the settlement Balka Lisovitsky-1 on Taman

The article is devoted to the introduction into scientific circulation of three burials identified during the security and rescue excavations carried out in 2018 by the expedition of the NAO "Heritage of the Kuban" at the settlement of the Khazar time Lisovitsky Balka-1.

During the excavations of the settlement, 3 burial complexes close in time and culture were identified and studied, which formed a group of objects that was compact in planigraphic terms. They probably formed a small compact burial ground formed during the functioning of this settlement.

Two burials were made in soil pits. One of them turned out to be a pair. The buried had a western orientation. Another burial was made in a stone box. The burial inventory is represented by ceramic vessels and iron objects. The set of ceramic vessels found in the burials is characteristic of the burial monuments of the Saltovo-Mayak culture, and dates back to the period of the second half of the 8th - the first half of the 10th centuries.

The published complexes are important both for the cultural characteristics of this monument and for understanding the dynamics of ethno-cultural processes on the territory of the Taman peninsula in the Khazar period.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.59-100

Д. В. Журавлев * / **, Г. А. Ломтадзе *
*(*Государственный Исторический музей;*
***НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва)*

Столовая посуда и светильники из резиденции Хрисалиска

Введение

Одним из наиболее интересных памятников северо-восточной части Таманского полуострова является открытый экспедицией Н. И. Сокольского в 1970–1973 гг. в результате спасательных работ на окраине современного поселка «За Родину» комплекс сакральных сооружений: толос и окружающий его по периметру перистильный двор трапециевидной формы площадью 2310 м². Среди местного населения поселок носил название «Румынский», т. к. с 1947 г. здесь жили переселенцы-старообрядцы из Румынии. Кстати, в инвентарных книгах Исторического музея, куда попала большая часть материала из этих раскопок, название памятника зафиксировано именно так: Румынский 1. Раскопанный позднее комплекс с монументальным зданием с фресковой росписью получил название Румынский 2 [*Сорокина* 1985; *Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер* 2010, 562–563, рис. 11–15].

Поселение «Румынский 1» – это общее название нескольких разновременных археологических объектов, находившихся на одном месте. Наиболее значительными из них являлись Таманский толос и резиденция Хрисалиска. Около середины II в. до н. э. ансамбль Таманского толоса был полностью разрушен, а в 20-х годах II в. до н. э. на его руинах возник другой комплекс построек с центром – резиденцией Хрисалиска. Свое название этот монументальный дом получил по находке плиты с именем Хрисалиска [*Сокольский* 1976, 40–41, рис. 30], вероятно, одного из крупных должностных лиц периода правления Асандра (47–17 гг. до н. э.) [*Сокольский* 1975; *Сокольский* 1976; *Сорокина* 1984, 86–87, табл. XLII; *Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер* 2010, 560–567].

Двухэтажный дом Хрисалиска, общей площадью 378 м², имел сырцовые стены толщиной 1,65 м на каменных фундаментах. Всего в доме открыто пять помещений, два из которых были хозяйственными. Здесь обнаружено значительное количество кухонной и столовой посуды, которая, вероятно, рухнула со второго этажа вместе с обгоревшими перекрытиями крыши.

Материалы были опубликованы, но без специального рассмотрения керамического комплекса. Отдельные сосуды издавалились специально [*Журавлев* 1995, рис. 1, 2;

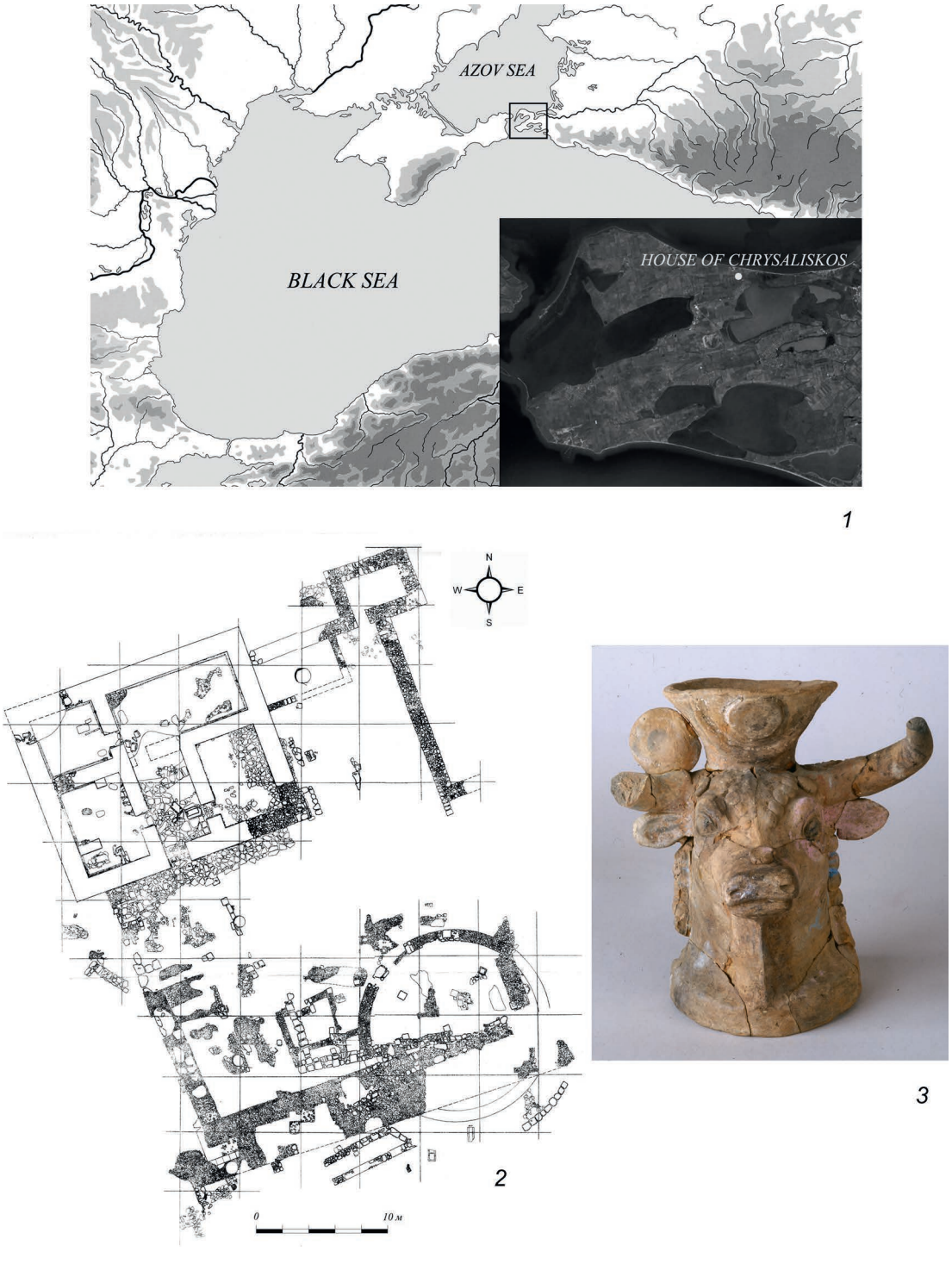


Рис. 1. *1* – карта с расположением поселения «Румынский 1»; *2* – план строительных остатков римского времени поселения «Румынский 1» (по: *Сокольский* 1976, рис. 33); *3* – курильница в форме головы быка из раскопок резиденции Хрисалиска

Zhuravlev 1997, 254–264, fig. 1–2; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6; *288*, fig. 31], но в целом этот комплекс подробно еще не рассматривался. В 2020 г. в трудах Ассоциации исследователей эллинистической керамики нами была опубликована статья на английском языке, посвященная этому керамическому комплексу [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020]. Предлагаемая вниманию читателя статья является дополненным и переработанным вариантом этой публикации.

Керамический комплекс

Множество фрагментированных сосудов было обнаружено в результате раскопок Н. И. Сокольского; частично они были реставрированы и вошли в таблицы посмертной публикации исследователя, которая была подготовлена к печати Н. П. Сорокиной. Но значительное число фрагментированных и археологически целых сосудов до сих пор хранится в отделе археологических памятников ГИМ и ожидает реставрации[1]. Мы включили в нашу статью лишь целые формы, а также часть археологически целых форм, не вошедших в книгу автора раскопок[2]. Необходимо отметить, что вся керамика была обнаружено в слое пожара, поэтому многие сосуды пережжены или их поверхность несет следы огня. Именно поэтому некоторые характеристики глины и лака, в первую очередь их цвет, могут быть скорректированы.

К сожалению, определить все центры, в которых была изготовлена эта керамика, на настоящем уровне исследований не представляется возможным. Но, согласно морфологии сосудов и визуальным характеристикам глины и лака, значительная часть из них относится к боспорской сигиллате.

Сосуды боспорской сигиллаты сделаны из характерной местной глины – красно-коричневой, с известковыми включениями. Они покрыты красно-коричневым лаком различных оттенков, при этом нижняя часть сосуда далеко не всегда бывает покрыта, на поддоне зачастую видны подтеки. Эллинистическая боспорская сигиллата впервые была выделена К. Домжальским на основании анализа керамики из Нимфея и Танаиса [*Domzalski* 1996, 95–97; *Domzalski, Zin'ko* 1999, 74–76, fig. 1. *1*, *2*]. Некоторые предварительные наблюдения о боспорской сигиллате уже публиковались, в том числе, одним из авторов статьи [*Домжальский*, *Журавлев* 2003, 89–92; *Журавлев* 2005, рис. 4–7; 2011, 221–263; *Zhuravlev* 2011, 869–876; *Žuravlev, Žuravleva* 2014, 267–272]. Стоит отметить, что боспорская сигиллата производилась и в раннеримское время и играла на Боспоре достаточно большую роль, хотя и была впоследствии вытеснена понтийской сигиллатой.

Отметим, что боспорская сигиллата имела локальное значение и региональное распространение. Впрочем, не исключено, что при более пристальном изучении находок за пределами Боспорского царства подобные импорты могут быть выделены. Так, например, И. И. Шкрибляк среди материалов Неаполя Скифского и других крымских памятников [*Shkribliak* 2016, 530–531, fig. 2. *7–8*; 4. *1–3*], а М. И. Тюрину – среди материалов из Херсонеса и его округи [*Тюрин* 2018, 113–120] удалось выявить находки боспорских

[1] ГИМ 103991, Оп. Б–1763. Все указанные номера соответствуют номерам по полевой описи экспедиции Н. И. Сокольского.

[2] Все рисунки к статье выполнены А. Журавлевым и С. Тищенко, фото – Д. В. Журавлевым (керамика) и И. А. Седеньковым (светильники).

рельефных чаш. Эти замечательные открытия показывают, что мы не всегда верно оцениваем масштабы боспорской торговли в позднеэллинистическое время.

Часть керамики сделана из типичной для боспорской сигиллаты глины и имеет красный цвет покрытия. Другие сосуды, по свой форме не отличающиеся от краснолаковых, имеют черный цвет лака и блестящую поверхность. Вероятно, мы имеем дело с двумя «версиями» одних и тех же форм сосудов. Недавно сосуды с темным покрытием («темнолаковая керамика») были специально рассмотрены А. А. Масленниковым, который отнес массовое распространение такой посуды на Боспоре к третьей четверти I в. до н. э. [*Масленников* 2019, 141].

На основании анализа сероглиняных сосудов, один из авторов статьи выделяет группу Боспорской серой керамики (*Bosporan Gray Ware*), по своим характеристикам близкую средиземноморской *Fine Gray Ware* [*Hayes* 2008, 60–62, fig. 29, 30]. Мы не можем исключить ее связи и с понтийской серой керамикой (*Pontic Gray Ware*) раннеримского времени [*Zhuravlev* 2002, 262–264, fig. 19]. К сожалению, на сегодняшний день у нас недостаточно информации об этих группах столовой посуды.

Так же стоит отметить, что в настоящей момент опубликованной классификации сосудов боспорской сигиллаты не существует. Определенную схему предложил А. А. Масленников [*Масленников* 2019], но это скорее именно рабочая классификация для небольшого объема материала. На различных конференциях одним из авторов статьи было представлено несколько предварительных вариантов, но они требуют доработки и использования более массового и разнообразного материала. В скором времени в рамках монографической публикации краснолаковой керамики Пантикапея, такая классификация будет опубликована.

Тарелки/блюда

Наиболее популярной формой среди сосудов боспорской сигиллаты были тарелки на низком кольцевом поддоне, с отогнутым наружу венчиком. Глубина тарелок различна, формы венчиков также разнообразны. Условно эти тарелки уже много лет называются Формой 1, но в дальнейшем будет необходимо более дробное их членение.

Аналогичные сосуды в массовых количествах известны со всех синхронных памятников Боспора. Так, они были найдены в Пантикапее [*Забелина* 1984, табл. I. 17; *Lomtadze, Zhuravlev* 2004, 206, fig. 3. *5*; *Žuravlev, Žuravleva* 2014, 267–268, fig. 13. *2*], Нимфее [*Domzalski* 1996, fig. 1. *1–9*], Горгиппии [*Алексеева* 1997, табл. 54. *38*, *40*, *41*], святилище Полянка [*Масленников* 2006, 47, рис. 60 (черное покрытие), 51, рис. 64д (красный лак)], при раскопках укреплений, имеющих отношение к оборонительным сооружениям эпохи Асандра – в башнях на Узунларском валу [*Масленников* 1998, fig. 72. *10*; *Масленников* 2018, 160–162, рис. 19. *10–13* (черное покрытие)], укреплению Ахтанизовская 4 [*Ломтадзе* 2015, 156–157, рис. 13. *1–4*; 14. *1–3*][3]. А. А. Масленников специально выделяет группу «темнолаковых» тарелок аналогичной формы с поселения Полянка [*Масленников* 2019, рис. 2. *2–5*, *10–15*]. Весьма вероятно боспорское происхождение блюда аналогичной формы

[3] Часть этих сосудов имела черное покрытие [*Ломтадзе* 2015, 157, рис. 14]. Но некоторые из этих тарелок высокого качества имеют оттиснутые штампом изображения пальметт на внутренней стороне дна. Мы не можем исключать их небоспорского происхождения, например, группы Fine Gray Ware [*Hayes* 2008, 60–62].

с граффити из Кеп [*Сорокина* 1998]. Такие сосуды были найдены даже в Танаисе [*Арсеньева, Науменко* 2001, 63–64, рис. 12, 13], хотя мы можем говорить лишь о морфологической близости этих форм, а не о составе глины.

Тарелки и блюда аналогичной формы происходят из Кутлакской крепости [*Ланцов, Труфанов* 1999, рис. 5. *15–20*][4]. К сожалению, в публикации не указаны ни характеристики глины, ни даже цвет поверхности. По всей видимости, лишь часть подобных сосудов можно отнести к боспорской сигиллате, а остальные имеют импортное происхождение и могли даже выступать в качестве прототипов для боспорской продукции [*Максимова* 1979, 136, табл. 1. *5*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2004, 205–206, fig. 3. *5*; *Žuravlev et al.* 2007, 224, Abb. 15. *5*][5]. Так, Кат. 2 выглядит не вполне обычно для боспорской сигиллаты, хотя по характеристикам глины он достаточно близок Кат. 1 и Кат. 4.

Скорее всего, эта форма боспорской сигиллаты изначально восходит к сирийской Eastern sigillata A, воспроизводя характерные *Atlante* Forms 1–3 [*Hayes* 1985]. Впрочем, для I в. до н. э. эта форма была наиболее распространенной во многих производственных центрах.

Кат. 1 (рис. 2; 3). Тарелка на высоком кольцевом поддоне. Тулово имеет полусферическую форму, массивный венчик отогнут, слегка нависая над туловом сосуда. На дне два ряда кольцевых бороздок, с косыми нарезками внутри (rouletting). На внешней стороне дна – граффито «П». Массивный венчик отогнут.

Глина темно-красная (dark reddish gray – 2.5YR 4/1), хорошо заметны крупные известковые включения и мелкие блестки (кварцевый песок?). Лак от красного (red – 2.5 YR 6/8) до красно-коричневого (reddish-brown – 2.5YR 3/1). Внешняя сторона дна лаком не покрыта, полоска лака видна лишь в верхней части. Следы копоти на поверхности. Размеры: D – 29,8; d –10,9; H – 5,4 см.

Раскопки 1971 г., помещение Г, № 6 [*Сокольский* 1976, 97, рис. 50. *1*; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6. *3*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 534, 536, fig. 2. *1*; 3. *1*].

Кат. 2 (рис. 2; 3). То же, что Кат. 1, более глубокое вместилище; венчик не столь массивный, и отогнут сильнее. Две кольцевые бороздки в центре дна. Глина темно-красная (dark reddish gray – 2.5YR 4/1), с большим количеством известковых включений и отдельными блестками (кварцевый песок?). Лак темно-красный (dark red – 2.5YR 4/6), со следами копоти на поверхности. Наружная поверхность лаком не покрыта, за исключением полосы в верхней части. Размеры: D – 30,2; d – 10,5; H – 6,5 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 11 [*Сокольский* 1976, 98, рис. 52. *4*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 534, 536, fig. 2. *2*; 3. *2*].

Кат. 3 (рис. 2; 3). То же, что Кат. 1, но вместилище мельче, поддон низкий, венчик отогнут сильнее и нависает над стенками тарелки, изнутри отгиб венчика образует маленький желобок. Глина желтовато-красная (yellowish red – 5YR 5/6), есть известковые

[4] Без визуального знакомства трудно быть однозначно уверенным в их боспорском происхождении. Например, сосуды с Беляуса выглядят как явный импорт [*Дашевская* 2014, табл. 37. *7*; 49. *4*; 52. *4*; 98. *3–4*].

[5] Впрочем, М.И. Максимова считала, что тарелка из Артюховского кургана «принадлежит к какой-то (может быть, таманской) разновидности местной краснолаковой керамики, так как рядом своих особенностей она связана с боспорскими изделиями этого типа» [*Максимова* 1979, 136]. В свое время мы не исключали, что этот сосуд может иметь сирийское происхождение, относясь к оригинальной Восточной сигиллате А [*Журавлев и др.* 2006, 21].

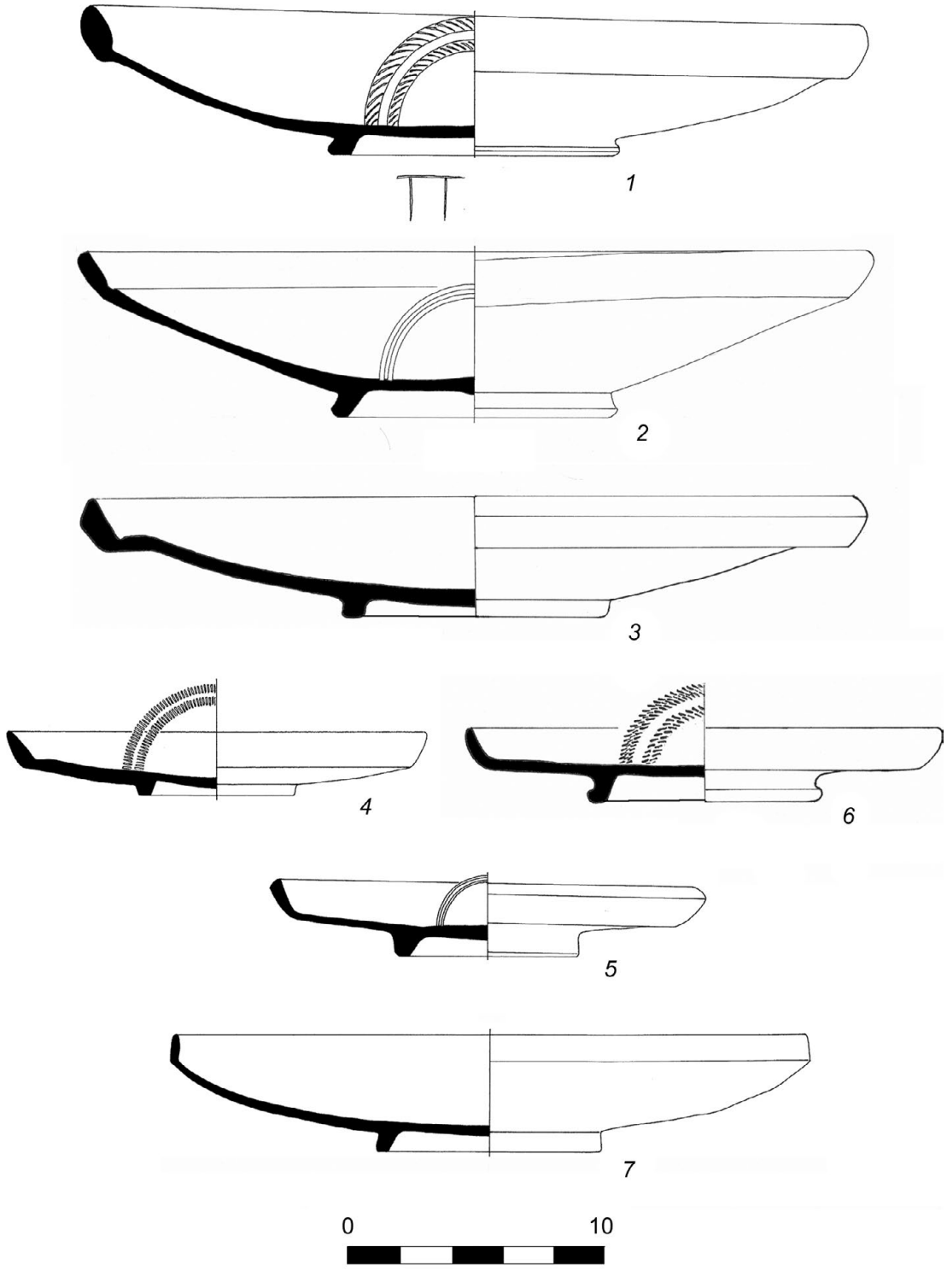


Рис. 2. Тарелки и блюда

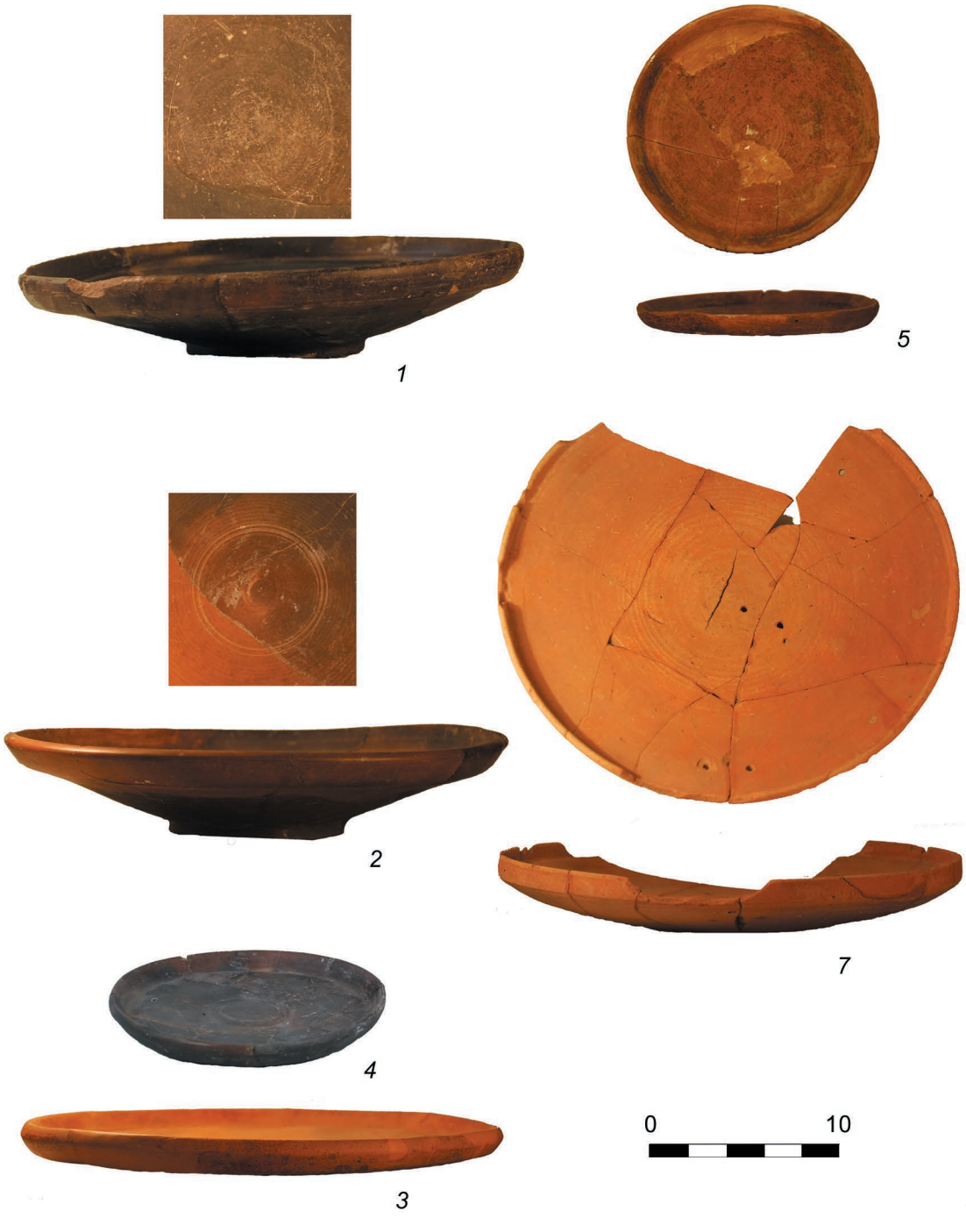


Рис. 3. Тарелки и блюда

включения, отдельные блестки. Лак красный (red – 10R 4/6), снаружи покрытие отсутствует D – 29,9; d – 10,6 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 50 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 534, 536, fig. 2. *3*; 3, *3*].

Кат. 4 (рис. 2; 3). То же, что Кат. 3, но значительно меньшего размера, дно в центре вогнуто. Две линии кольцевых бороздок плохой сохранности. Глина красно-серая (dark reddish gray – 2.5YR 4/1), хорошо заметные известковые включения. Лак от красного (red – 2.5 YR 6/8) до красно-коричневого (reddish-brown – 2.5YR 3/1). Наружная сторона лаком практически не покрыта, лишь по внешнему краю венчика видна неширокая полоса. Следы сажи на поверхности. D – 16,6; d – 7; H – 2,8 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 23 [Сокольский 1976, 97, рис. 50. *2*; Lomtadze, Zhuravlev 2020, 535, fig. 2. *4*; 3. *4*].

Кат. 5 (рис. 2; 3). То же, что Кат. 4, но венчик не столь массивный, внутренний желобок под венчиком отсутствует. Дно орнаментировано двумя кольцевыми бороздками. Глина светло-коричневая (light brown – 7.5YR 6/4), небольшие известковые включения. Лак красный (red – 2.5YR 5/6), с отдельными более темными пятнами, хорошо видны следы гари снаружи. D – 15,8; d – 5,8; H – 2,5 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 7 [*Сокольский* 1976, 97, рис. 50, *3*; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6. *2*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 536, fig. 2. *5*; 3. *5*].

Кат. 6 (рис. 2; 3). Тарелка как Кат 4–5, но дно более уплощенное. Оно орнаментировано двумя кольцевыми бороздками. Глина красно-серая (dark reddish gray – 2.5YR 4/1), с известковыми включениями. Лак от красного (red – 2.5 YR 6/8) до красно-коричневого (reddish-brown – 2.5YR 3/1). Наружная часть лаком не покрыта, следы лака заметны лишь сверху. Следы гари на поверхности. D – 18,1; d – 8,8; H – 3,3 см.

Раскопки 1972 г., 11–Е/6 штык, № 106 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 536, fig. 2. *6*].

Кат. 7 (рис. 2; 3)[6]. Тарелка на кольцевом поддоне, вместилище имеет полусферическую форму, венчик практически вертикальный. На внутренней стороне дна видны многочисленные неглубокие концентрические линии. Часть сосуда утрачена, тарелка была разбита еще в древности, и следы ее ремонта в виде сквозных просверленных отверстий сохранились на поверхности. Глина светло-красная (light reddish brown – 2.5YR 6/4), с известковыми включениями различного размера и небольшими блестками. Лак красный (red – 2.5YR 5/6), с отдельными пятнами более темного цвета. D – 24,9; d – 8,6; H – 4,5 см.

Раскопки 1972 г., кв. 16–Л, шт. 6, № 212 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 537, fig. 2. *7*; 3. *7*].

Миски/чаши

Имитации пергамской сигиллаты (?)

Две миски, происходящие из комплекса резиденции Хрисалиска, возможно, являются имитациями пергамской сигиллаты. Во всяком случае, морфологически они очень близки форме Meyer-Schlihtmann N15b–c [*Meyer-Schlihtmann* 1988, 99–100, Taf. 31. *142–143* (с большим списком аналогий)], датированной второй половиной I в. до н. э. При этом

[6] Похожая тарелка происходит из некрополя Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму [*Внуков, Лагутин* 2001, 114–115, рис. 9. *23*].

глина их почти идентична изделиям боспорской сигиллаты, что позволяет нам говорить о ее локальном происхождении.

Кат. 8 (рис. 4; 5). Миска с туловом усечено-конической формы, вместилище сосуда расширятся кверху, венчик отогнут наружу и слегка нависает над стенками, по его верхней кромке сделана кольцевая бороздка, на кольцевом поддоне. Глина красно-серая (dark reddish gray – 2.5YR 4/1), с известковыми включениями и небольшими блестками. Лак красно-коричневый (reddish brown – 2.5YR 3/1), отдельные пятна более темные (dusky red – 2.5YR 4/4). D – 17,2; d – 6,7; H – 4,8 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 21 [*Сокольский* 1976, 97, рис. 50. *6*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 538, fig. 4. *8*; 5. *8*].

Кат. 9 (рис. 4; 5). Миска, близкая Кат. 8, меньшего размера, стенки вогнуты. Глина красно-коричневая (reddish brown – 5YR 5/4), с известковыми включениями, небольшими блестками. Лак красный (red – 2.5YR 5/6), большая часть поверхности темно-красная (dusky red – 2.5YR 4/2), красно-серая (dark reddish gray – 2.5YR 4/1). D – 19,5; d – 7,8; H – 6,9 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 17 [*Сокольский* 1976, 97, рис. 50, *7*; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6. *5*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 538, fig. 4. *9*; 5. *9*].

Неизвестный центр

Сосуды, близкие Кат. 10, но меньшего размера, происходят из некрополя Золотое в Восточном Крыму [*Корпусова* 1983, табл. XXXVIII. *3*] и из некрополя Беляуса на северо-востоке полуострова [*Дашевская* 2014, 14–15, табл. 12. *8*]. По той же схеме сделаны и «темнолаковые» сосуды с клювовидным венчиком из Крымского Приазовья [*Масленников* 2019, 136, 139, рис. 3. *2*, *5*], также имеющие меньшие размеры.

Кат 10 (рис. 4; 5). Миска с глубоким вместилищем; нижняя часть тулова – усеченно-коническая, на низком кольцевом поддоне, верхняя часть завершается вертикальным бортиком с расширяющимся в верхней части венчиком, имеющим плоскую площадку. На внутренней части тулова сохранились плохо заметные следы декора в виде пояска rouletting, сделанного специальным колесиком. Глина красная (red – 2.5YR 5/6), с маленькими известковыми включениями и мелкими блестками. Лак от красного (red 10R 4/6) до темно-красного (dark red – 10R 3/6), с черными пятнами, нижняя часть лаком не покрыта. D – 33,2; d – 12; H – 12,8 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 19 [*Сокольский* 1976, 98, рис. 52. *10*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 538, fig. 4. *10*; 5. *10*].

Кат. 11 (рис. 4; 5). Миска с полусферическим туловом, на невысоком кольцевом поддоне. Венчик горизонтальный. С двух сторон сделаны небольшие вертикальные ручки необычной формы, напоминающие сверху скорее архитектурный элемент, подобный навершию погребального акротерия, с небольшим углублением треугольной формы. Глина красно-коричневая (reddish brown – 5YR 5/4), с известковыми включениями и небольшими блестками. Лак желто-красный (yellowish red 5YR 4/6), с темными пятнами. Поверхность сосуда повреждена в огне пожара. D – 16,4 (с ручками – 20,0); d – 8,3; H – 10,8 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 31 [*Сокольский* 1976, 96, рис. 48. *7*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 538, fig. 4. *11*; 5. *11*].

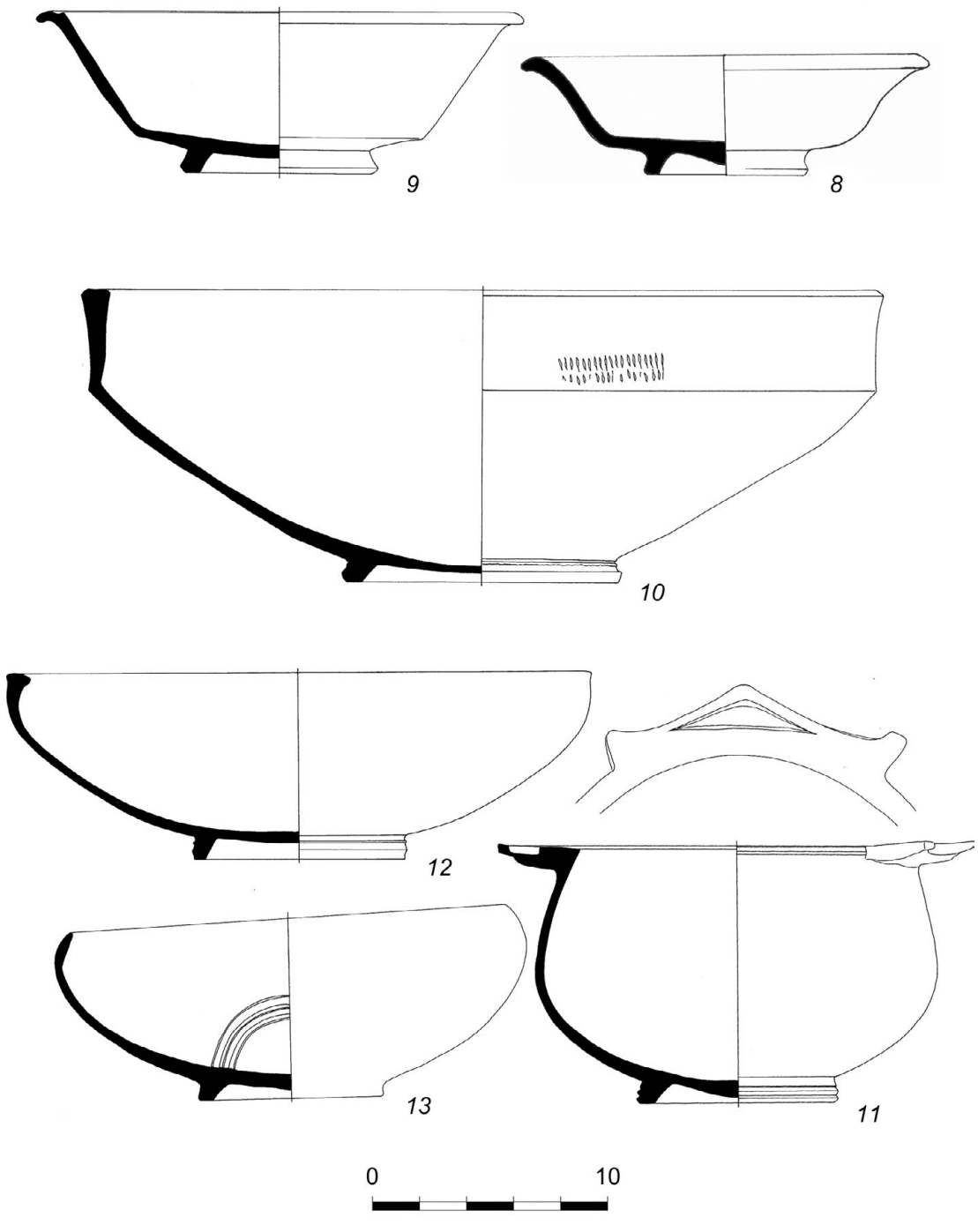


Рис. 4. Миски

Рис. 5. Миски

Боспорская сигиллата

Кат. 12 (рис. 4; 5). Миска с полусферическим туловом, на невысоком кольцевом поддон, венчик слабо вогнут внутрь. Глина – красно-желтая (reddish yellow – 7.5YR 6/6) с известковыми включениями. Лак красный (red – 2.5 YR 5/6–5/8), отдельные пятна темно-красного цвета, снаружи покрытие есть только в верхней части. D – 24,3; d – 9; H – 8 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 16 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 540, fig. 4. *12*; 5. *12*].

Кат. 13 (рис. 4; 5). Миска как Кат. 12. Представляет собой явный керамический брак – одна сторона сильно выше другой. На дне – три кольцевые неглубокие бороздки, обрамляющие центр. Глина темная, красно-серая (dark reddish gray – 2.5YR5/1), с известковыми включениями. Лак имеет разные оттенки темно-красного цвета (dark red 10R 3/6 – dusky red 10 3/2), нижняя часть лаком не покрыта, разноцветные подтеки. D– 18,3; d –7,6; H –7,2–8,6 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 16 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 540, fig. 4. *13*; 5. *13*].

Подобные сосуды происходят из ряда комплексов в Крыму: некрополь Золотое [*Корпусова* 1983, табл. XXXVIII. *11*; XXXIX. *7, 10*]; святилище Полянка [*Масленников* 2007, 48–49, рис. 27. *4*], крепость Кутлак [*Ланцов, Труфанов* 1999, 173, рис. 5. *1–6*]. Специально отмечалось, что часть подобных сосудов имеет темное покрытие [*Масленников* 2019, 136, 139, рис. 3. *8, 10, 12*].

Чаши

Представленный тип глубоких чаш, наряду с тарелками, был одним из наиболее характерных форм боспорской сигиллаты (условная форма 2). Отдельные сосуды имеют следы декора в технике West Slope – простые линии на тулове и венчике. Возможно, это один из видов орнаментации, выполненный в популярном пергамском стиле [см. например: *Корпусова* 1983, 142, табл. XXX, *4*; XXXVI. *6*; XLIII, *10*; *Žuravlev, Žuravleva* 2014, 266–267, fig. 12, *4–6*; *Zhuravlev* 2014, 134, fig. 5]. Подобные сосуды производства различных центров были распространены в Северном Причерноморье повсеместно [7].

Отличительной особенностью этих чаш являлись рельефные двояко-изогнутые ручки в виде «бантика» или «восьмерки», прикрепленные с двух сторон в верхней части бортика. Если на публикуемых сосудах они еще имели функциональное назначение, выступая за линию тулова чаши, то позднее эти ручки уже плотно прилегают к бортику [ср.: *Масленников* 2019, 136], а уже в I в. н. э. превращаются в простые рудиментарные налепы, лишь маркирующие характерную форму.

Подобные чаши боспорского производства получили широкое распространение на территории Боспорского царства в I в. до н. э. – I в. н. э. Их находки известны из раскопок Пантикапея [*Lomtadze, Zhuravlev* 2004, 205, fig. 2. *1*; *Žuravlev, Žuravleva* 2014, 268,

[7] Zhuravlev 2014, 148–149, fig. 19–20 (атрибутированный как пергамский сосуд); импортный или «возможно, импортный»: некрополь Золотое [*Корпусова* 1983, табл. XIV. *9*; XXX. *4*; XXXVI. *6*; XLIII. *10*]; некрополь Ново-Отрадное [*Арсеньева* 1970, табл. 15. *10*]; крепость Кутлак [*Ланцов, Труфанов* 1999, рис. 4, *10–13*]; некрополь Беляуса [*Дашевская* 1991, табл. 56, *8*; 57, *11*; Дашевская 2014, табл. 26, *6*; 34, *4*; 37, *2*; 61, *4*; 80, *9*; 126, 2]; Чайка [*Журавлев* 2007, 280–281; рис. 2, *16–20*], меотские городища Подонья [*Каменецкий* 1993, рис. 25, *183–186*], Неаполь Скифский [*Зайцев* 1998, рис. 2, *12–13*], Калос Лимен [*Уженцев, Труфанов* 2004, рис. 2, *12–14*]. Отметим, что дериваты этой формы были также характерны позднее для сосудов понтийской сигиллаты [*Журавлев* 2010, 59, табл. 27, Кат. 191–192].

fig. 13. *5*; 14, *4*], святилища Полянка [*Масленников* 1998, 134, рис. 85, *5–6*; *Масленников* 2007, 44–45, рис. 24, *2*; 47–49, рис. 26, *2*; 27, *2*], некрополя Золотое [*Корпусова* 1983, табл. XXXIX, *2*], некрополя Ново-Отрадное [*Арсеньева* 1970, табл. 15, *11, 13*; 16, *7*], укрепленного поселения Ахтанизовская 4 [*Ломтадзе* 2015, 156–157, рис. 12, *1–2*; 13, *5–10*], башне на Узунларском валу [*Масленников* 2003, 84, рис. 50]. Вне всяких сомнений, они были местными репликами средиземноморской посуды, в первую очередь, книдского производства [*Kögler* 2014, 158–159, fig. 2], хотя известны и пергамские сосуды аналогичной формы [*Meyer–Schlihtmann* 1988, Taf. 7, S. 2].

Кат. 14 (рис. 6; 7). Глубокая чаша с туловом усечено-конической формы на кольцевом поддоне. Бортик сосуда высокий, почти вертикальный, с небольшим наклоном внутрь сосуда. На дне сосуда видны концентрические круги. Глина от коричневой (strong brown – 7.5YR 5/6) до желто-красной (yellowish red – 5YR 5/6), с известковыми включениями. Лак красный (red – 10R 4/6), разноцветные пятна по поверхности, нижняя часть сосуда снаружи без покрытия, подтеки. На поверхности видны следы копоти. D – 22,5; d – 7,4; H – 9,6 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 16 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 540, fig. 6, *14*; 7, *14*].

Кат. 15 (рис. 6; 7). Чаша как Кат. 14, но ручки меньшего размера. Глина красно-желтая (reddish yellow – 7.5YR 6/6), с известковыми включениями. Лак красный (red – 2.5 YR 5/6–5/8), пятнами, снаружи покрывает лишь верхнюю часть сосуда. Следы копоти на наружной поверхности. Ручки частично обломаны. D – 22,7; d – 8,2; H – 9,3 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 9 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 540, fig. 6. *15*; 7. *15*],

Кат. 16 (рис. 6; 7). Чаша как Кат. 14–15. На дне видны концентрические круги. Сосуд кривой (производственный брак). Глина от коричневой (strong brown – 7.5YR 5/6) до желто-красной (yellowish red – 5YR 5/6), с известковыми включениями. Лак от красного (red 10R 4/6) до темно-красного (dusky red – 10R 3/2), пятнами, покрытие с наружной стороны отсутствует. Потеки, следы копоти. D – 17,7–18,3; d – 6,8; H – 8,3 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 14 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 541, fig. 6, *16*; 7, *16*].

Кат. 17 (рис. 6; 7). Чаша как Кат. 14–16, дно сосуда гладкое. Глина красно-желтая (reddish yellow – 5YR 6/6), с известковыми включениями. Лак темно-красный (dusky red – 2.5YR 3/2–3/3), покрытие на внешней поверхности отсутствует, подтеки. Следы копоти. D – 17,2; d – 6,8; H – 7,3 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 13 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 541, fig. 6, *17*; 7, *17*].

Кат. 18 (рис. 6; 7). Сосуд как Кат. 14–17, но сильно отличается по глине и лаку. Глина от темной, красно-серой (dark reddish gray – 2.5 YR 4/1) до красно-коричневой (reddish brown – 2.5 YR 3/1), с очень мелкими известковыми включениями. Лак от красно-черного (reddish black – 2.5YR 2.5/1) до черного. Нижняя часть сосуда покрыта лаком, но с подтеками. D – 14; d – 5,3; H – 6,2 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 6 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 541, fig. 6, *18*; 7. *18*].

Кат. 19 (рис. 7). Чаша как Кат. 14–18, фрагментирована. Глина светло-коричневая (light brown – 7.5YR 6/4) с мелкими известковыми включениями. Лак от красного (red – 2.5YR 5/6) до темно-красного (2.5YR 4/8). Нижняя часть снаружи не покрыта. D – около 18; d – 6,7; H – 7,9 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 8 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 541, fig. 7, *19*].

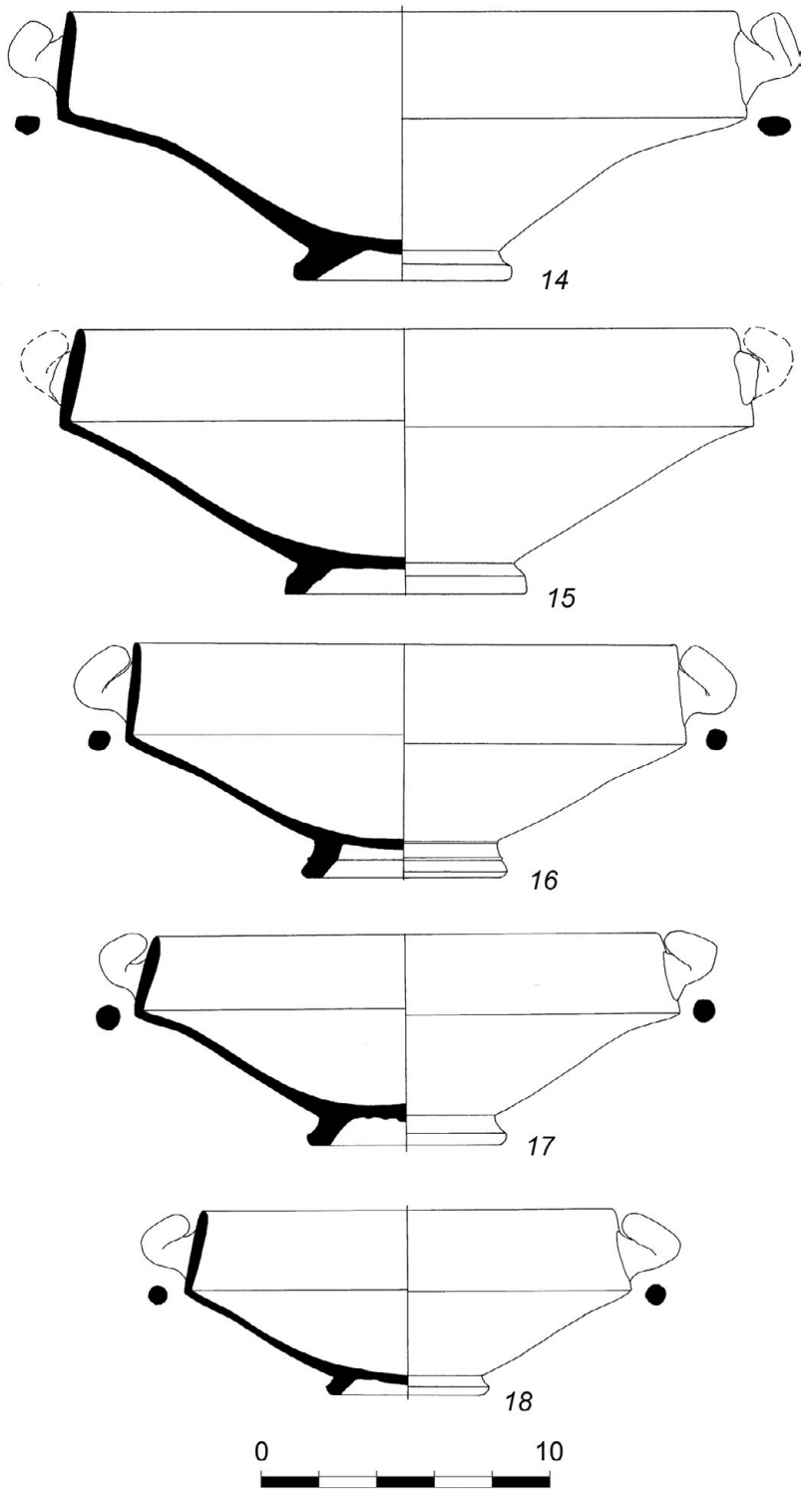


Рис. 6. Чаши

Рис. 7. Чаши

Пергамская сигиллата

Скифосы с аппликативными рельефами были очень популярны не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерноморье [*Zhuravlev* 2014, 141–149; *Журавлев* 2015]. Пергам был одним из наиболее важных поставщиков импортной столовой посуды в регион, ассортимент которой был достаточно широк [о пергамском импорте в Северном Причерноморье см.: *Zhuravlev* 2014, 129–150; *Журавлев* 2015; с литературой и обзором находок]. Этот сосуд относится к типу S8 [*Meyer-Schlihtmann* 1988, 69, Taf. 8. *28*], который был популярен в I в. до н. э. Хочется сказать о цвете лакового покрытия публикуемого скифоса – бурый снаружи и красный внутри. Уже неоднократно отмечалось, что эти цвета часто сосуществовали даже на одном сосуде, что зависело от доступа кислорода при повторном обжиге и, соответственно, его окислительного или восстановительного характера. Обеспечить это можно было, в том числе, плотной загрузкой керамики в обжигательной печи, когда поддон одного сосуда оказывался внутри стоящего под ним, соответственно, ограничивая доступ внутрь кислорода. В результате внутренняя поверхность скифосов и их нижняя часть, включая поддон, оставались красными. Соответственно, у тарелок и других открытых сосудов красными оставались внутренняя часть поддона и круг в центральной части дна снаружи, соответствующий размерам поддона стоявшей выше тарелки. Весьма вероятно, что подобная двухцветная посуда выпускалась отнюдь не по недосмотру, а специально, как некий элемент моды [ср.: *Japp, Engels, Keweloh* 2016, 307–315].

Кат. 20 (рис. 8; 9). Скифос с грушевидным туловом на сложнопрофилированном широком кольцевом поддоне, венчик слабо отогнут наружу, скруглен на конце. Верхние сгибы ручек с двух сторон украшены налепными плоскими щитками – ротеллями. В нижней части тулова, а также на поддоне сделаны по две неглубокие кольцевые бороздки. По периметру центральная часть тулова декорирована симметрично расположенными рельефными эротическими композициями, выполненными в технике аппликативного рельефа. Глина красно-коричневая, плотная, хорошо отмученная, без заметных включений. Поверхность сосуда полностью покрыта лаком, изнутри и на поддоне он красно-коричневый, с металлическим блеском, снаружи – коричнево-бурый, местами почти черный. D – 16,3; d – 11,7; H – 11,9 см.

Раскопки 1971 г. помещение Б, № 63 [*Сокольский* 1976, 96, рис. 49; *Журавлев* 1995, 72–79; 2015, рис. 11. *2*; *Zhuravlev* 1997, 254–264; 2014, 139, 141, fig. 11–12; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, fig. 8. *20*; 9. *20*; и др.].

Книдская посуда и ее имитации

Эти сосуды ранее были ошибочно опубликованы среди изделий боспорской сигиллаты [*Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6]. Несмотря на сходство формы их ручек, публикуемые кубки имеют разную глину и были произведены в различных центрах. Очевидно, Кат. 21 может быть импортом с Книда ([*Kögler* 2010, 115, Abb. 55, Kn. 33, со списком аналогий], но Кат. 22 может быть скорее имитацией, возможно, местной.

Близкий по форме сосуд, орнаментированный в технике West Slope, но значительно меньшего размера происходит из некрополя Беляуса в Северо-Западном Крыму. Автор публикации датирует его второй половиной II в. до н. э. ([*Дашевская* 2001, 92–93, рис. 4. *1*; 2014, 31–32, табл. 68. *1*]. Похожие ручки есть у канфаров иной формы

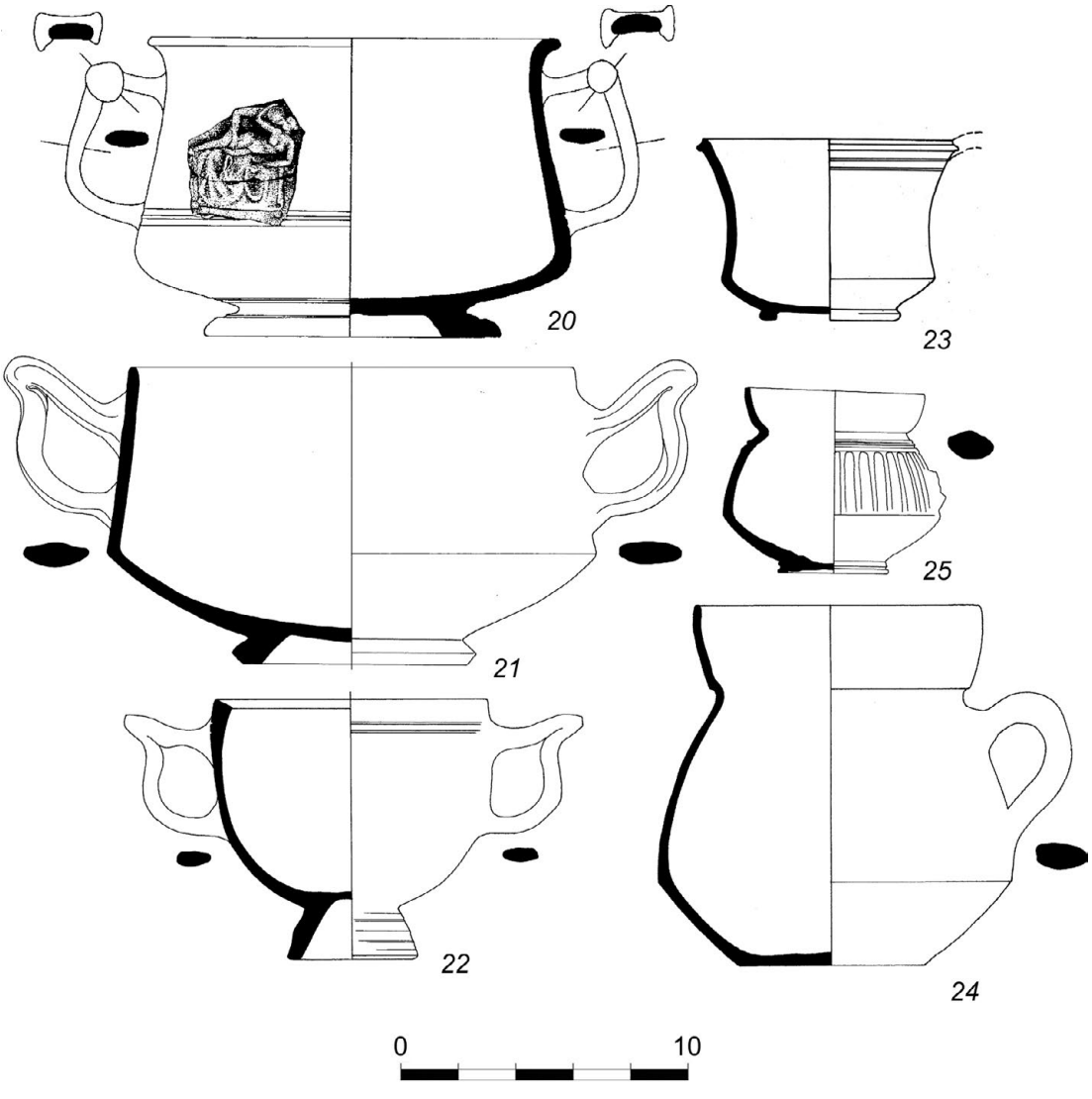


Рис. 8. Кубки и кружки

из Ольвии ([*Парович-Пешикан* 1974, 86, рис. 80. *8*] или Прикубанья [*Лимберис, Марченко* 2021, 274, 278–279, рис. 3. *4*]. Дж. Хейс отмечал, что подобные ручки «*may be adaptations of ones on metalware*» [Hayes 2008, 100, 262, fig. 48. *1544*]. Кроме того, близкие по форме ручки характерны для причерноморских пелик с каннелированным туловом[8].

[8] Такие сосуды происходят из Пантикапея [*Забелина* 1984, 135, 137, табл. I. *1*; II. *3*; *Толстиков, Журавлев, Ломтадзе* 2003, 291, рис. 7. *3, 5*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2004, 205–206, fig. 3. *6*; *Tolstikov, Zhuravlev* 2004, 274, fig. 99. *10*], Горгиппии [*Алексеева* 1982, 103–104, рис. 59]. Е.М. Алексеева относит ее к «позднему эллинизму» [*Алексеева* 1986, 46, рис. 8; см. также: *Алексеева* 1997, 494, табл. 212]. Кроме того, их находки известны из Круглого кургана в Подонье [*Демиденко, Журавлев, Трейстер* 1997, 193–194, рис. 4. *1*; *Žuravlev, Demidenko, Treister* 1997, 418–420, Abb. 7. *1*], могильника «Рядовые могилы» [*Зубарь, Кубышев* 1987, 250, рис. 1. *2*] и других захоронений из Нижнего Поднепровья [*Евдокимов, Куприй* 1992, 16, рис. 6. *13*], с городищ Чайка [*Журавлев* 2007, 281–284, рис. 3. *21–22*] и Кара-Тобе [*Внуков, Штепа* 2010, 324–360; *Шапцев* 2016, 167, табл. 2. *12*] в Северо-Западном Крыму.

Рис. 9. *20–25* – кубки и кружки; *27–32* – унгвентарии

Публикуемый Кат. 22 также похож на тонкостенную керамику (pareti sottili) италийского производства, но сосуды этого типа датируются немного позднее [*Ricci* 1985, 296–297, tav. XCV. *4–5*, Tipo 2/289; 2/391].

Кат. 21 (рис. 8; 9). Нижняя часть тулова кубка на кольцевом имеет полусферическую форму, затем стенки почти вертикальные, вместилище сосуда слабо сужается кверху. Край венчика не выделен, скруглен. С двух сторон к тулову прикреплены петлевидные ручки, сгибы которых выделены и слегка заострены. Глина желто-красная (yellowish red – 5YR 5/6) с включениями блесток слюды, лак красный (red – 10R 4/6), нижняя часть им не покрыта. D – 15,1; d – 7,8; H – 10,3 см.

Раскопки 1971 г., помещение Д, № 3 [*Сокольский* 1976, 96, рис. 48. *3*; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6. *12*].

Кат. 22 (рис. 8; 9). Кубок на высоком кольцевом поддоне колоколовидной формы, тулово имеет полусферическую форму. В верхней части стенка утолщается и немного загнута внутрь сосуда, венчик образован скошенной подрезкой. Ручки имеют ту же форму, что у Кат. 21. Глина красная (red – 2.5YR 5/6), лак варьирует от красного до темно-красного (red – dusky red 10R 4/6 – 10R 3/4). Поверхность сосуда сильно повреждена в пожаре. D – 9,3; d – 4,4; H – 9 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 40 [*Сокольский* 1976, 96, рис. 48. *2*; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6. *8*].

Тонкостенная керамика

К этой категории тонкостенной керамики из публикуемой нами коллекции можно отнести кубок с вогнутыми стенками. Похожий сосуд (но без ручек) был найден в могиле 150 некрополя Золотое [*Корпусова* 1983, 37, 39, рис. 10. *13*; 117, табл. V. 7]. В Юго-Западном Крыму такой кубок был найден в кургане у Братского кладбища [*Журавлев, Фирсов, Бельский* 2021, рис. 59. *3*]. Его также можно сопоставить с формой Ts2 пергамской сигиллаты [*Meyer-Schlichtmann* 1988, 85–86, Taf. 41; 44], датировки которой пока, к сожалению, широки – от второй четверти I в. до н. э. до начала I в. н. э. Сосуды близкой формы известны и среди италийской тонкостенной посуды [*Ricci* 1985, 262, Tipo I/85; I/86, tav. LXXXIII. *11*, *12*]. Место производства публикуемого кубка не вполне ясно, хотя состав глины говорит, скорее, о его боспорском происхождении.

Кат. 23 (рис. 8; 9). Кубок с вогнутыми стенками на кольцевом поддоне. В верхней части тулова, под венчиком – кольцевой желобок. Венчик отогнут. Ручка, верхний край которой крепился к венчику, утрачена. Глина серая, пережженная, но по составу известковых примесей выглядит, как боспорская. Лак – красный (red – 10R4/6), нижняя часть сосуда снаружи не покрыта, поверхность кубка повреждена в огне. D – 9,2; d – 4,7; H – 6,5 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 30 [*Сокольский* 1976, 96, рис. 48. *9*; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6. *11*].

Одноручные кружки (в литературе встречается и их определение, как кувшины с округлым туловом) хорошо известны среди находок в Средиземноморье [*Kögler* 2010, 233–235]. Большим разнообразием представлены такие сосуды среди италийской тонкостенной керамики [*Ricci* 1985, tav. LXXXIV. *3, 8, 14*]. Позднее, примерно с середины I в. н. э., эта форма распространяется в Причерноморье [*Журавлев* 2010, 91–93, с многочисленными аналогиями]. Присутствие слюды в тесте явно говорит о его импортном происхождении. Возможно, именно такому сосуду соответствует «темнолаковый» фрагмент с поселения Полянка [*Масленников* 2019, 138, рис. 4. *2*].

Кат. 24 (рис. 8; 9). Одноручная краснолаковая кружка. Тулово грушевидное, высокий венчик отогнут наружу, край его слегка вогнут. Дно сосуда плоское. Овальная в сечении ручка прикреплена на тулове. Глина розово-коричневая (pinkish brown – 2,5 YR 7/6), пористая, с включениями слюды и светлых частиц. Лак плотный красный (red – 10 R 6/6–4/3). D – 10; d – 6,2; H – 12, 7 см,

Раскопки 1970 г., помещение Б, № 73 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 546, fig. 8. *24*; 9. *24*].

Двуручные кубки с округлым туловом были широко распространены как в Средиземноморье [*Ricci* 1985, 214, 261, tav. LXXXI. *2*; LXXXIII. *7, 8*], так и в Причерноморье

[*Журавлев* 2010, 61–62, табл. 28–29, со списком аналогий и дискуссией об их происхождении] с I в. до н. э. и в особенности в I в. н. э.

Кат. 25 (рис. 9). Двуручный кубок с туловом округлой формы, венчик отогнут наружу, край его не выделен. Дно кубка плоское. Петлевидные ручки, верхней частью крепящиеся к основанию венчика, плоские в сечении. Глина светло – коричневая (light brown – 7,5 YR 8/4) с блестками и светлыми включениями. На поверхности видны остатки белого ангоба, покрывающего сосуд. D – 8; d – 4; H – 7 см.

Раскопки 1970 г, VI/3, № 26 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 548, fig. 9. *25*].

Серая керамика

К этой категории из нашей коллекции можно отнести кубок с каннелированным туловом.

Единственный известный нам сосуд аналогичной формы найден в Золотобалковском могильнике в Нижнем Поднепровье (могила 43) и датируется концом I в. до н. э. [*Вязьмитина* 1972, 40–41, 129–130, рис. 16. *6*; 63. *1*]. Интересно отметить, что ручки у этого сосуда очень близки по форме ручкам публикуемых канфаров Кат. 21–22. Вне всяких сомнений, это локальная имитация чернолаковых канфаров, но с иной формой ручек. Другой сосуд, также с утраченными ручками, происходит из Кутлакской крепости [*Ланцов, Труфанов* 1999, 164, рис. 4. *9*].

Кат. 26 (рис. 8; 9). Кубок сероглиняный. Тулово грушевидной формы, с изломом в месте максимального диаметра. Внешняя поверхность каннелирована. Край отделен от тулова врезным пояском и отогнут наружу. Венчик не выделен. Сохранился нижний прилеп одной из ручек (обе ручки утрачены). Глина серая, пористая, с мелкими блестками слюды и белыми включениями известняка. D – 6; d – 3,7; H – 6,6 см.

Раскопки 1971 г, помещение Д, № 38 [*Сокольский* 1976, 96, рис. 48, *8*; *Zhuravlev* 2002, 249, fig. 6. *7*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, fig. 8. *26*; 9. *26*].

Унгвентарии

Керамические флаконы – *унгвентарии* представлены в материалах раскопок резиденции Хрисалиска стандартными типами. В нашей работе рассматриваются только экземпляры, покрытые красным или бурым лаком. Их можно разделить на два варианта. Первый (Кат. 28, 31, 32) имеет классическую веретенообразную форму «с высоким плечом» [*Anderson-Stojanović* 1987, 106–108, fig. 1b; *Camilli* 1999, fig. 11. *B 31–33*]. Второй вариант (Кат. 27; 29, 30) – сосуды с коническим туловом [*Anderson-Stojanović* 1987, 106–108, fig. 1c; *Camilli* 1999, fig. 12. *C 52; Rotroff* 2006, 157–158, 296, fig. 66, pl. 54], наиболее близкие аналогии которым встречаются в материалах причерноморских комплексов I в. до н. э. [*Масленников* 2003, рис. 69. *14*; *Зайцев, Мордвинцева* 2007, 321–322, рис. 6; *Ломтадзе* 2015, 158, рис. 15. *5*].

Кат. 27 (рис. 9; 11). Унгвентарий буролаковый. Тулово конической формы. Треугольный венчик отогнут наружу. Плечи отделены от тулова резким изломом. Ножка сформована в виде расширяющегося книзу кольцевого поддона. D – 2,5; d – 2,3; Dmax – 4,2; H – 13,4 см. Глина светло-коричневая (light gray – pink – 5YR 7/4–7,1), пористая, с включениями известняка, лак бурый (dark reddish brown – yellowish red – 5YR 5/6–2/5).

Раскопки 1971 г., помещение Д, № 37 [*Сокольский* 1976, рис. 54. *1*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 548, fig. 9. *27*; 11. *27*].

Кат. 28 (рис. 9; 11). Фрагмент краснолакового унгвентария. Тулово веретенообразной формы. Верхняя часть горла с венчиком и нижняя часть ножки не сохранились. Переход плеча в тулово плавный, без излома. Глина розово-коричневая (pink – 5YR 8/3–7/3), пористая, с включениями слюды и светлых частиц, лак красный (red – 2,5YR 5/8). Dmax – 4,4 см.

Раскопки 1971 г., помещение В, № 2 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 548, fig. 9. *28*; 11. *28*].

Кат. 29 (рис. 9; 11). Фрагмент краснолакового унгвентария. Тулово конической формы. Верхняя часть горла с венчиком и нижняя часть ножки не сохранилась. Плечи отделены от тулова резким изломом. Глина красно-желтая (reddish yellow 5YR 6/7–6/8), пористая с включениями светлых и темных частиц, лак светлый красно-коричневый (light red – 2,5YR 7/6). Dmax – 5 см.

Раскопки 1972 г., кв. 8–Н/8, № 42 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 548, fig. 9. *29*; 11 *29*].

Кат. 30 (рис. 9; 11). Фрагмент краснолакового унгвентария. Тулово конической формы. Верхняя часть горла с венчиком не сохранилась. Горизонтальные плечи отделены от тулова резким изломом. Ножка с плоской подошвой, расширяющейся книзу. Глина красно-коричневая (pale red – 2,5YR 7/4), пористая, с включениями светлых и темных частиц, лак красный (red – 2,5YR 5/8). d – 2,2; Dmax – 5,1 см.

Раскопки 1971 г., кв. 10–Н/9, № 24 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 548, fig. 9. *30*; 11. *30*].

Кат. 31 (рис. 9; 11). Фрагмент краснолакового унгвентария. Тулово веретенообразной формы, каннелировано и отделено от ножки двойным уступом. Ножка с плоской подошвой, расширяющейся книзу. Глина светло-коричневая (brown-pink – 7,5YR 8/4–4/2), с большим количеством слюды и темных включений, лак бурого цвета (dark red – 2,5YR 4/6–4/8). Dmax – 4,5; d – 2,7; сохранившаяся высота – 11,3 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 3 [*Сокольский* 1976, рис. 54. *9*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 548, fig. 9. *31*].

Кат. 32 (рис. 9; 11). Тулово краснолакового унгвентария веретенообразной формы. Треугольный венчик отогнут наружу. Плечи отделены от тулова изломом. Ножка сформована в виде невысокого, расширяющегося книзу кольцевого поддона. Глина слоистая, светло-коричневая (very dark gray – pink – 7,5YR 8/3–3/1), с включениями слюды и белых частиц, лак красный (dusky red – dark red – 2,5 YR 4,8–3,3). D – 3; d – 4; Dmax – 7,8; H – 19,5 см.

Раскопки 1971 г., помещение Д, № 35 [*Сокольский* 1976, рис. 54. *10*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 548, fig. 9. *32*; 11. *32*].

Ойнохоя с украшенной рельефным атташем ручкой

Одной из наиболее интересных находок из резиденции Хрисалиска, без сомнения, является краснолаковая ойнохоя с атташем у нижнего крепления ручки в виде головы бородатого сатира. Прямых аналогий данному сосуду найти пока не удалось, хотя известен ряд атташей на кувшинах иных типов [*Niveau de Villedary y Marinas*, *Sáez-Romero* 2016, 57, fig. 2b]. Наиболее близкие параллели присутствуют на глазурованных сосудах [*Hochuli-Gysel* 1977, T 40–41, S150]. Вероятнее всего, что наш сосуд является имитацией металлического прототипа. Место производства тоже пока остается загадкой.

Рис. 10. Краснолаковая ойнохоя с рельефным атташем

Кат. 33 (рис. 10). Низкий краснолаковый кувшин-ойнохоя. Тулово сосуда имеет грушевидную форму. Треугольный в сечении венчик отогнут наружу. В плане венчик имеет лепестковидную форму и украшен в месте сужения треугольными выступами. Горло сдавлено с двух сторон в месте сужения венчика. Верхняя часть тулова чуть выше нижнего прилепа ручки украшена двумя врезными поясками. Ручка овальной

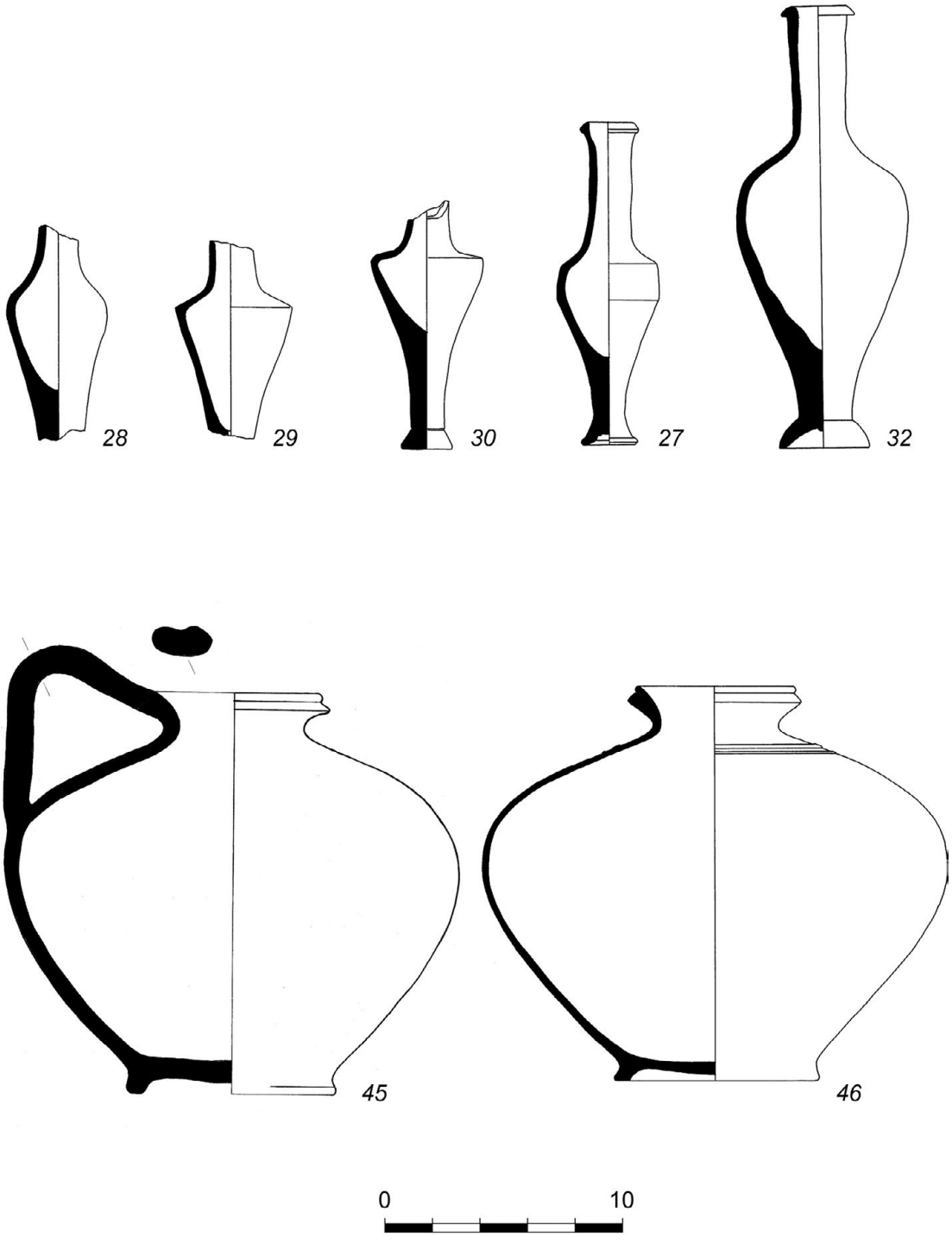


Рис. 11. *28–32* – унгвентарии; *45, 46* – кувшины

в сечении формы. Ее верхний прилеп сформован в виде уплощенного налепа с сужающимся окончанием, перекрывающего часть венчика; место соединения ручки и налепа украшено двумя выступами-«ушками». Нижний прилеп ручки украшен атташем в виде головы бородатого сатира, слегка повернутой вправо и окруженной пояском круглых вдавлений. Дно кувшина плоское. Глина красно-коричневая (red – pale red – 10R 6/3–5/6) с включениями слюды, лак бурый (dusky red – red – 2,5YR 5/6–3/4). D – 6×7; d – 6; Dmax – 10; H – 13 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 29 [*Сокольский* 1976, рис. 51; *Zhuravlev* 2002, 288, fig. 31; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 549, fig. 10].

Лекифы с чернолаковым покрытием

Отдельную группу находок составляют *лекифы* с венчиком в виде трилистника, характерным для классических ойонохой. Судя по всему, подобный тип сосудов для масла является преемником чернолаковых лекифов классического времени [*Rotroff* 1997, 169]. Наши экземпляры относятся к наиболее поздней разновидности, встречающейся в комплексах конца II–I вв. до н. э. [*Robinson* 1959, 85, pl. 18; *Rotroff* 1997, 170–171; *Rotroff* 2006, 79, 252, fig. 12, pl. 12; *Kögler* 2010, 216–217; *Алексеева* 1997, 121, табл. 85. 4; *Масленников* 2007, рис. 20. *2–3*; *Масленников* 2019, 136, рис. 1, *3, 6, 8*]. Их отличительными особенностями являются короткое узкое горло, расширяющийся кверху венчик в форме трилистника со сливом, расположенным перпендикулярно к ручке, плоская профилированная ручка и дно в виде низкого кольцевого поддона. К сожалению, о месте производства этих сосудов сказать что-то однозначное сложно. В тоже время, представленные нами лекифы делятся на несколько явно отличающихся друг от друга групп. Первая (Кат. 34–41), наиболее многочисленная, имеет все признаки, описанные выше. Ко второй группе можно отнести лекиф Кат. 42, морфологические признаки которого отличаются от предыдущих. Тулово его имеет более плавные очертания, ручка круглая в сечении, лаковое покрытие более плотное и качественное. Кат. 43 также отличается от вышеописанных. Он не покрыт лаком, профилировка его более небрежна. Интересно, что слив на венчике у него расположен параллельно ручке, а горло и венчик украшены небрежными врезными линиями[9]. И, наконец, Кат. 44, отличающийся крупными размерами, возможно, использовался для хранения масла [*Rotroff* 1997, 169].

Кат. 34 (рис. 13). Лекиф «буролаковый». Тулово шаровидной формы, с выделенным плечиком. Горло отделено от плеч небольшим уступом. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик отделен от горла уступом, верхняя его часть не сохранилась. Ручка уплощенной формы. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. На нижней поверхности поддона – граффито: AN. Глина розово-коричневая (pink – 7,5YR 8/4), плотная, с включениями слюды, лак коричневый (brown – reddish yellow – 7,5YR 6/8–4,2), плотный. Dmax – 10,8; d – 6,1; Hсохр – 13,3 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 27 [*Сокольский* 1976, рис. 53. *2; Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 549, fig. 13. *34*].

[9] Эти особенности лекифа Кат. 43 позволяют предположить его локальное производство, но без анализа глин уверенно говорить об этом невозможно.

Кат. 35 (рис. 12; 13). Лекиф «чернолаковый». Тулово шаровидной формы, с выделенным плечиком. На плечиках сосуда концентрическая бороздка. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик отделен от горла уступом и имеет лепестковидную форму со сливом. Часть венчика отколота. Ручка уплощенной формы со слабой профилировкой. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Глина темно-серая, с включениями слюды, лак черный, плотный. Dmax – 8,8; d – 4,4; H – 12,5 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 25 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 549, fig. 12. *35*; 13. *35*].

Кат. 36 (рис. 12; 13). Лекиф «чернолаковый». Тулово шаровидной формы, с выделенным плечиком. На плечиках сосуда две концентрических бороздки. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик отделен от горла уступом и имеет лепестковидную форму со сливом. Ручка уплощенной формы, со слабой профилировкой. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Глина серо-коричневая (pale brown – 10YR 6/3), плотная, с небольшим количеством слюды и белыми включениями, лак темно-серый, не плотный. Dmax – 9; d – 4,8; H – 12,2 см.

Раскопки 1970 г., помещение А, № 67 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 549, fig. 12. *36*; 13. *36*].

Кат. 37 (рис. 12; 13). Лекиф «чернолаковый». Тулово шаровидной формы, с выделенным плечиком. Плечико отделено от тулова выраженным «переломом». Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик отделен от горла уступом и имеет лепестковидную форму со сливом. Ручка уплощенной формы. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Глина серая, слоистая, с большим количеством слюды, лак черный, плотный. Dmax – 8,7; D поддона – 4,7; H – 11, 4 см.

Раскопки 1970 г., помещение А, № 66 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 549, fig. 12. *37*; 13. *37*].

Кат. 38 (рис. 12; 13). Лекиф «чернолаковый». Тулово шаровидной формы, с выделенным плечиком. На плечиках сосуда две концентрических бороздки. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик не сохранился. Ручка уплощенной формы, со слабой профилировкой. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Глина темно-серая, лак черный, плотный. Dmax – 9,5; d – 5,7; H – 12,7 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 28 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 549, fig. 12. *38*; 13. *38*].

Кат. 39 (рис. 12; 13). Лекиф красноглиняный. Тулово шаровидной формы. На плечиках сосуда две концентрических бороздки. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик расширяется кверху и имеет лепестковидную форму со сливом. Верхняя часть горла (в месте перехода к венчику) и венчик украшены врезными полосками. Ручка уплощенная. Нижняя часть сосуда не сохранилась и восстановлена по аналогиям. Глина от розоватой до красно-черной (pink – black – 5YR 8/3–2.5/1), пористая, с включениями слюды и белыми частицами.

Раскопки 1972 г., кв. 11– Е/6, № 98 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 549, fig. 12. *39*; 13. *39*].

Кат. 40 (рис. 12; 13). Лекиф «буролаковый». Тулово шаровидной формы. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик отделен от горла уступом и имеет лепестковидную форму со сливом (большая часть венчика не сохранилась). Ручка круглой в сечении формы. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Глина серо-коричневая (light brownish gray – 10YR 6/2), плотная с включениями слюды, лак темно-коричневый (strong brown – black – 7,5 YR 5/6–2,5/1). Dmax – 7,9; d – 4,8; H – 11,2 см.

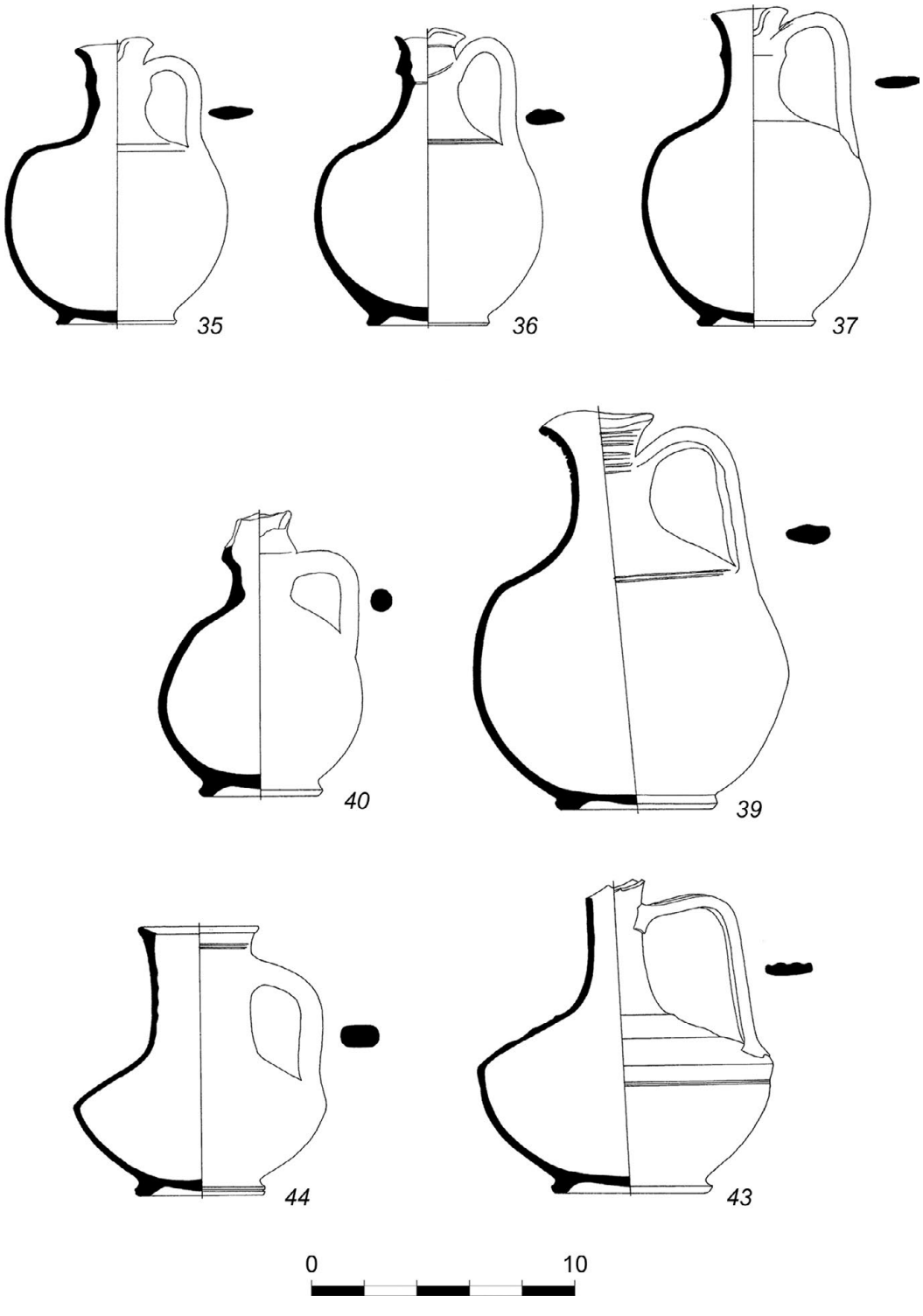


Рис. 12. *35–39* – лекифы и лагиносы; *43, 44* – лагиносы

Рис. 13. *35–42* – лекифы; *43, 44* – лагиносы; *45, 46* – кувшины

Раскопки 1970 г., помещение А, № 68 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 550, fig. 12. *40*; 13. *40*].

Кат. 41 (рис. 12; 13). Лекиф «краснолаковый». Тулово шаровидной формы, с выделенным плечиком. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Венчик отделен от горла уступом и имеет лепестковидную форму со сливом. Ручка уплощенной формы. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Лаком покрыта только верхняя часть тулова и ручка. Глина красновато-желтая (reddish yellow 7,5YR 6/8), плотная, с небольшим количеством слюды и белыми включениями, лак красный, местами бурый (red, dark reddish brown – 5YR 5/6; 3/2). Dmax – 18; d – 10; H – 25 см.

Раскопки 1972 г., кв. 11–Е/7, № 97 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 550, fig. 12. *41*; 13. *41*].

Кат. 42 (рис. 12; 13). Лекиф «коричневолаковый». Тулово шаровидной формы, с выделенным плечиком. Под нижним прилепом ручки – неглубокая бороздка. Горло короткое, суживающейся кверху формы. Ручка не сохранилась. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Глина серо-коричневая (gray – light brown – 7,5YR 6/1–6/4), лак коричневый (dark brown – very dark gray – 7,5 YR 3/1–3/3), плотный, местами стерт. Dmax – 9,3; d – 5,9; H – 11,8 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 12–13 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 550, fig. 12. *42*; 13, *42*].

Кувшины и лагиносы

Лакированные кувшины и лагиносы в рассматриваемой коллекции представлены несколькими отдельными формам. Интересно, что прямых аналогий нашим сосудам в средиземноморских комплексах найти не удается, при том, что они близки к хорошо известным во II–I вв. до н. э. типам высококачественной столовой посуды [*Roroff* 1997, 127; *Lund* 2015, 80–81, 118–119, fig. 48, 147, cat. 110, 700]. Интересно, что фрагменты подобных сосудов из раскопок поселения «Полянка» недавно были опубликованы А. А. Масленниковым [*Масленников* 2019, 135, рис. 1. *4, 7, 9*]. Это позволяет, пока с осторожностью, согласиться с А. А. Масленниковым и причислить их к местному производству.

Причиной отнесения Кат. 44 к лагиносам являются пропорции тулова, хотя широкое горло для подобной формы мерных сосудов не характерно. Нельзя не отметить, что раньше некоторые исследователи аналогичные приземистые пропорции считали влиянием сарматской традиции [*Шелов* 1961, 63–64, табл. XXV. *3*].

Кат. 43 (рис. 13). Лагинос чернолаковый стандартной формы с широким туловом, почти горизонтальными плечами, узким, высоким горлом и плоской профилированной ручкой. Донце выполнено в виде низкого кольцевого поддона. Глина темно-серая с блестками слюды, лак черный, плотный. d – 5,7; Dmax – 10,5; H – 11 см.

Прямых аналогий данному изделию найти не удалось, хотя по своей форме он сходен с сосудами II–I вв. до н. э. разных центров производства [*Roroff* 1997, 127; *Lund* 2015, 80–81, 118–119, fig. 48, 147, cat. 110, 700].

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 26 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 550, fig. 12. *43*; 13. *43*].

Кат. 44 (рис. 12; 13). Лагинос чернолаковый. Тулово широкое, приземистое, биконической формы. Горло широкое с слабо выделенным, отогнутым наружу венчиком. Дно сформовано в виде низкого кольцевого поддона. Глина темно-серая с блестками слюды, лак черный, плотный. D – 4,8; d – 5,7; Dmax – 9; H – 9, 5 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 24 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 550, fig. 12, *43*; 13, *42*].

Кувшины

Еще одна группа сосудов, представленная в коллекции находок из резиденции Хрисалиска – это кувшины с широким туловом, высоко поднятой ручкой и узким коротким горлом. Вероятно, они являются поздней разновидностью хорошо известной формы кувшинов позднеклассического и эллинистического времени [*Кругликова* 1957, рис. 6. *23*; *Rotroff* 1997, 132, 299, fig. 39, pl. 51, N 528–532*; Rotroff* 2006, 29, 251–252, fig. 11, N 63–71; *Zolotarev* 2005, 197, fig. 9; *Кононов, Кононова, Шарапа* 2020, рис. 2. *2*]. Близкие аналогии нашим сосудам встречаются в причерноморских комплексах II–I вв. до н. э. [*Масленников* 2006, 43, рис. 55. *с–д*; *Масленников* 2007, рис. 18. *2аб*], причем, судя по разнообразию визуальных характеристик глин и покрытия, производились они не в одном центре. А. А. Масленников справедливо отмечает, что подобные кувшины выглядят «несколько архаично» [*Масленников* 2007, 34].

Кат. 45 (рис. 11; 13). Кувшин с широким туловом, которое по форме близко к эллипсовидному. Голо короткое, воронковидное. Венчик профилирован и отогнут наружу, частично сколот. Профилированная двумя валиками ручка высоко поднята над венчиком. Дно плоское, отделено от тулова четкой гранью. Глина светло-коричневая (pale yellow – 2,5Y 8/2), поверхность покрыта светло-серым ангобом и заглажена. D – 8; d – 8,8; Dmax – 19; H (без ручки)– 16,8 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 2 [*Сокольский* 1976, рис. 53. *7*; *Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 550, fig. 11. *45*; 13. *45*].

Кат. 46 (рис. 11; 13). Кувшин с широким туловом, которое по форме близко к эллипсовидному. Голо короткое, воронковидное. Венчик профилирован и отогнут наружу. Профилированная двумя валиками ручка высоко поднята над венчиком как у Кат. 45, но утрачена. Дно плоское, отделено от тулова четкой гранью. Глина серая. D – 7,7; d – 9; Dmax – 19, 5; H – 16 см.

Раскопки 1971 г., помещение Д, № 4 [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020, 550, fig. 11. *46*; 13. *46*].

Кувшин с росписью белой краской

По горлу сосуда изображены γ-видные лини. К сожалению, время не пощадило орнамент, поэтому наиболее достоверный рисунок происходит из публикации Н. И. Сокольского [Сокольский 1976, рис. 53. *6*]. В нашем случае трудно точно восстановить орнамент, однако можно утверждать, что композиционно он состоял их пояска γ-видных линий, возможно, чередующихся с точками, в верхней части горла сосуда, а также еще какими-то изображениями (венки, листья плюща?) в верхней части тулова. Кувшин может быть условно сопоставлен с формой кувшинов 4 из некрополей Бельбекской долины [*Журавлев* 2010, 76–77, форма 4, табл. 44–45], но, безусловно, является более ранним. Краснолаковые кувшины часто имели орнамент белой краской на горле [подробнее см.: *Журавлев*, в печати]. Наилучшая сохранность орнамента белой краской с подобными линиями и звездами представлена на кувшине из погребения № 1 кургана № 2 сарматского могильника Архиповский в Воронежской области [*Березуцкая, Березуцкий* 2002, 67, 69, рис. 6. *3*; *Березуцкий, Гринев* 2008, 19–22, рис. 7. *8*; *Медведев* 2008, 24, рис. 12. *1*], на кувшине из кургана № 6 у с. Подовое в Херсонской области [*Симоненко* 1993, 41–42, рис. 11. *2Б*], и на горле кувшина из Пантикапея [*Журавлев, Ломтадзе* 2005, 285, рис. 3. *3*; *Zhuravlev, Zhuravleva* 2014, 266, fig. 12. *8*], кувшине из могилы № 4 некрополя

у с. Холмовка в Крыму [*Труфанов* 2009, 168, 170, рис. 29. *2*], а также на столовой амфоре из Усть-Альминского некрополя [*Пуздровский, Труфанов* 2016, 147, рис. 29. *3*]. Два целых кувшина из некрополя Пантикапея с подобным орнаментом были опубликованы Е. К. Соколовой. Один из них (П. 1910.75), по мнению автора публикации, импортного производства и датируется I в. до н. э. [*Соколова* 1984, 131–132, табл. II. *11*], второй – боспорского, первых десятилетий I в. н. э. [*Соколова* 1984, 133, табл. II. *15*]. Еще один кувшин с подобным орнаментом происходит из могилы № 8 Кыз-Аульского некрополя, также датированной автором публикации I в. до н. э. ([*Гайдукевич* 1952, 200–201, 208, рис. 73. *1*]. К первой половине I в. н. э. относится могила № 5 некрополя у д. Ново-Отрадное с кувшином, имеющим такую орнаментацию [*Арсеньева* 1970, 89, табл. 14. *7*]. Упомянем также кувшин из кургана № 3 Соколовского могильника, имеющий сходный декор [*Raev* 1986, 51, 52, pl. 12; 23; 42; 43]. Роспись белой краской, как известно, была характерна не только для I в. до н. э. [ср.: *Каменецкий* 1993, 105; *Ланцов, Труфанов* 1999, 162]. Фрагменты кувшинов с росписью белой краской также известны из Китея и его округи [*Молев, Молева* 2016, 378, 387, № 42; Симонова, Никольская 2020]. Большинство этих сосудов имеют боспорское происхождение. Даже из нашего, весьма неполного, круга аналогий видно, что подавляющее большинство сосудов, украшенных близким орнаментом, относятся ко второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э., что не дает нам возможности уточнить дату кувшина из резиденции Хрисалиска.

Кат. 47 (рис. 14). Кувшин с туловом шаровидной формы, на низком кольцевом поддоне; плечи покатые, переходят в широкое цилиндрическое горло, завершающееся отогнутым наружу венчиком. В верхней части горла сделаны две неровные кольцевые бороздки. Нижний прилеп ручки находится в верхней части тулова, верхний – под венчиком. Глина красно желтая (reddish-yellow 5YR 6/8) с включениями известковых частиц. Лак неровный, от красно-серого до красного (reddish-brown 5YR 5/4–4/6), неровными пятнами, нижняя часть сосуда не покрыта, многочисленные подтеки. На тулове и горле сосуда сохранились плохо различимые в настоящее время следы орнамента белой краской, описанные выше. Сосуд был реставрирован сразу после находки, в настоящее время требует новой реставрации. D – 10; d – 9,6; H – 24,8 см.

Раскопки 1971 г., помещение А, № 41 [*Сокольский* 1976, рис. 53. *6*].

Светильники

При раскопках резиденции Хрисалиска было обнаружено всего несколько светильников. Интересно отметить, что в помещении Д, где, вероятно, располагалось домашнее святилище, светильники вообще отсутствовали[10].

Эфесский светильник

Светильники из Эфеса (тип Howland 49 (Howland 1957)) во второй половине II–I вв. до н. э. были одним из наиболее распространенных типов импортных осветительных приборов на Боспоре и даже стали примером для подражания [см. подробнее: *Журавлев,*

[10] Интересно, что светильники отсутствовали и в Полянкинском святилище [*Масленников* 2007, 65], что лишний раз сближает его с домашним святилищем резиденции Хрисалиска ([*Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер* 2010, 567].

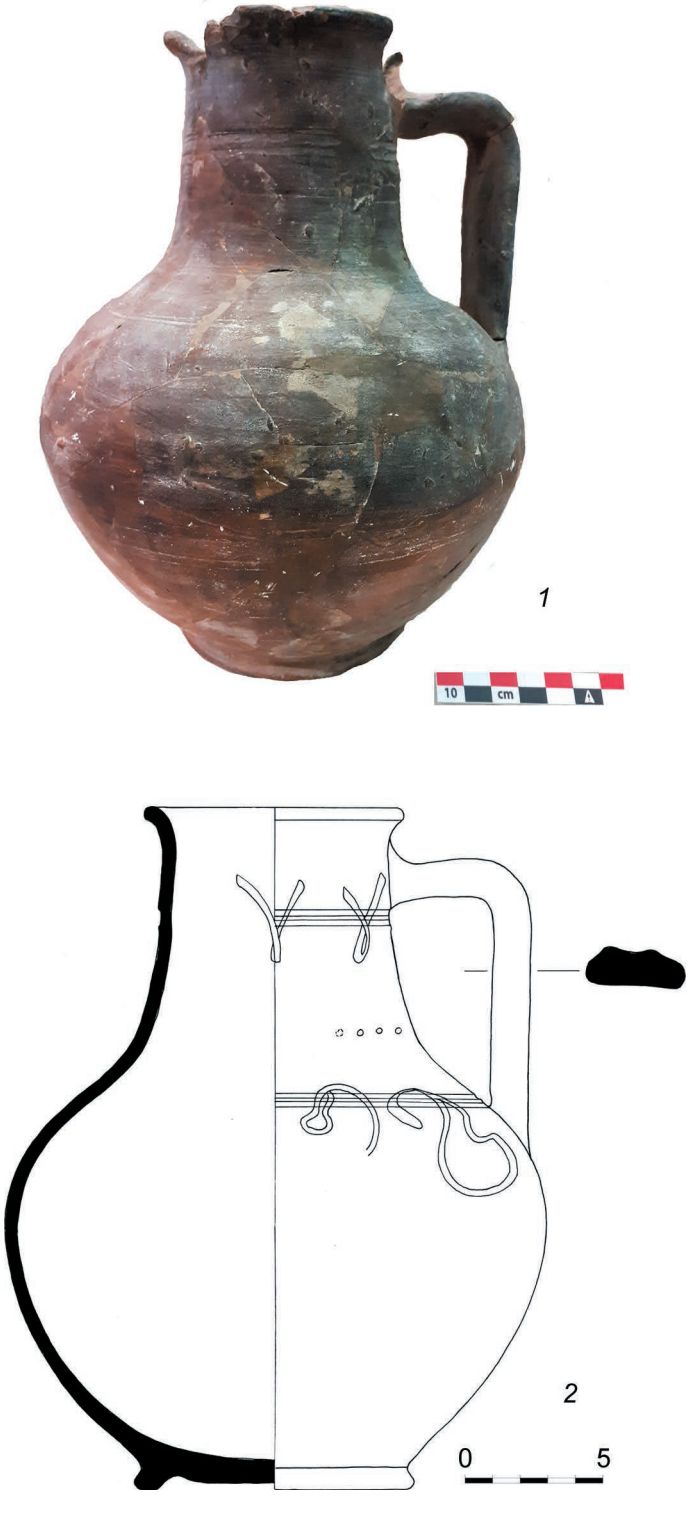


Рис. 14. Кувшин с росписью белой краской

Быковская, Желтикова 2010, 20–36]. Рожок, форма которого является хронологическим признаком, отсутствует, но, вероятно, наш экземпляр сравнительно поздний, и может датироваться второй-третьей четвертью I в. до н. э.

Кат. 48 (рис. 15; 16). Светильник круглой формы, на низком поддоне миндалевидной формы. Щиток светильника окружен рельефным валиком. В центре находится отверстие для заливания масла и расположены четыре маленьких отверстия. Плечи декорированы изображениями гирлянд листьев. Рожок обломан. Глина плотная, серая, с включениями мелких блесток. Светильник покрыт черно-бурым лаком низкого качества. Ширина 7,1; Н – 3,5 см.

Раскопки 1973 г., кв. 1–0, шт. 1. № 31.

Второй светильник – открытый, однорожковый, с горизонтальной ручкой, по всей видимости, отношения к резиденции Хрисалиска не имеет. Подобные светильники боспорского производства получили распространение в V–IV вв. до н. э., возможно, заходя и в III в. до н. э. [*Журавлев, Быковская, Желтикова* 2007, 115]. По всей видимости, этот экземпляр связан с периодом бытования Таманского толоса.

Кат. 49 (рис. 15; 16). Открытый светильник. Дно плоское, стенки тулова скруглены в верхней части, узкие горизонтальные плечи. Круглый короткий рожок обломан, следы копоти. Горизонтальная ручка, крепившаяся на противоположной от рожка стороне, утрачена. Глина желтовато-красная. Размеры: l сохр. – 7,8; ширина 6,5; Н – 7,8 см.

Раскопки 1971 г., кв. 14–П, вымостка, № 53. № 391.

Светильники типа кувшинчика

Этим светильникам уже были посвящены специальные исследования, поэтому ограничимся лишь краткими ссылками [*Журавлев, Быковская, Желтикова* 2007, 90, 93–105; *Журавлев* 2010б]. Наши светильники относятся к наиболее позднему типу 4 (вариант 4.1) I в. до н. э., за исключением Кат. 50, который был найден вместе с Кат. 49, явно вне резиденции Хрисалиска. Этот светильник также относится к типу кувшинчика, но более раннему варианту, определить который сложно из-за его фрагментарности.

Кат. 50 (рис. 15–16). Фрагмент рожка с частью тулова, отверстие для фитиля овальное, со следами копоти. Глин серая, возможно, пережженная. Сохранившаяся длина 8,3 см.

Раскопки 1971 г., кв. 14–П, вымостка, № 54

Кат. 51 (рис. 15; 16). Светильник с округлым туловом, дно плоское, округлые плечи, длинный приподнятый кверху рожок, носик овальной формы, широкий. Вокруг отверстия для заливания масла – высокий венчик, край которого отогнут наружу. Ручка отсутствует, многочисленные сколы на венчике и рожке. Глина серо-коричневая, пережженная. Рожок закопчен. Размеры: длина – 12,1; ширина 7,1; Н – 4,9 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 38.

Кат. 52 (рис. 15; 16). То же, что Кат. 51. Ручка утрачена. Глина желто-коричневая (brownish-yellow, 10YR 6/6–6/8|). Размеры: длина 11,1; ширина 6,6; Н – 4,2 см.

Раскопки 1971 г., помещение Б, № 37.

Кат. 53 (рис. 15; 16). То же, что Кат. 51. Ручка и рожок утрачены, сколы на венчике. Глина – коричнево-красная, пережженная. Поверхность светильника ангобирована. Размеры: сохранившаяся длина – 8; ширина 6,7; Н – 4 см.

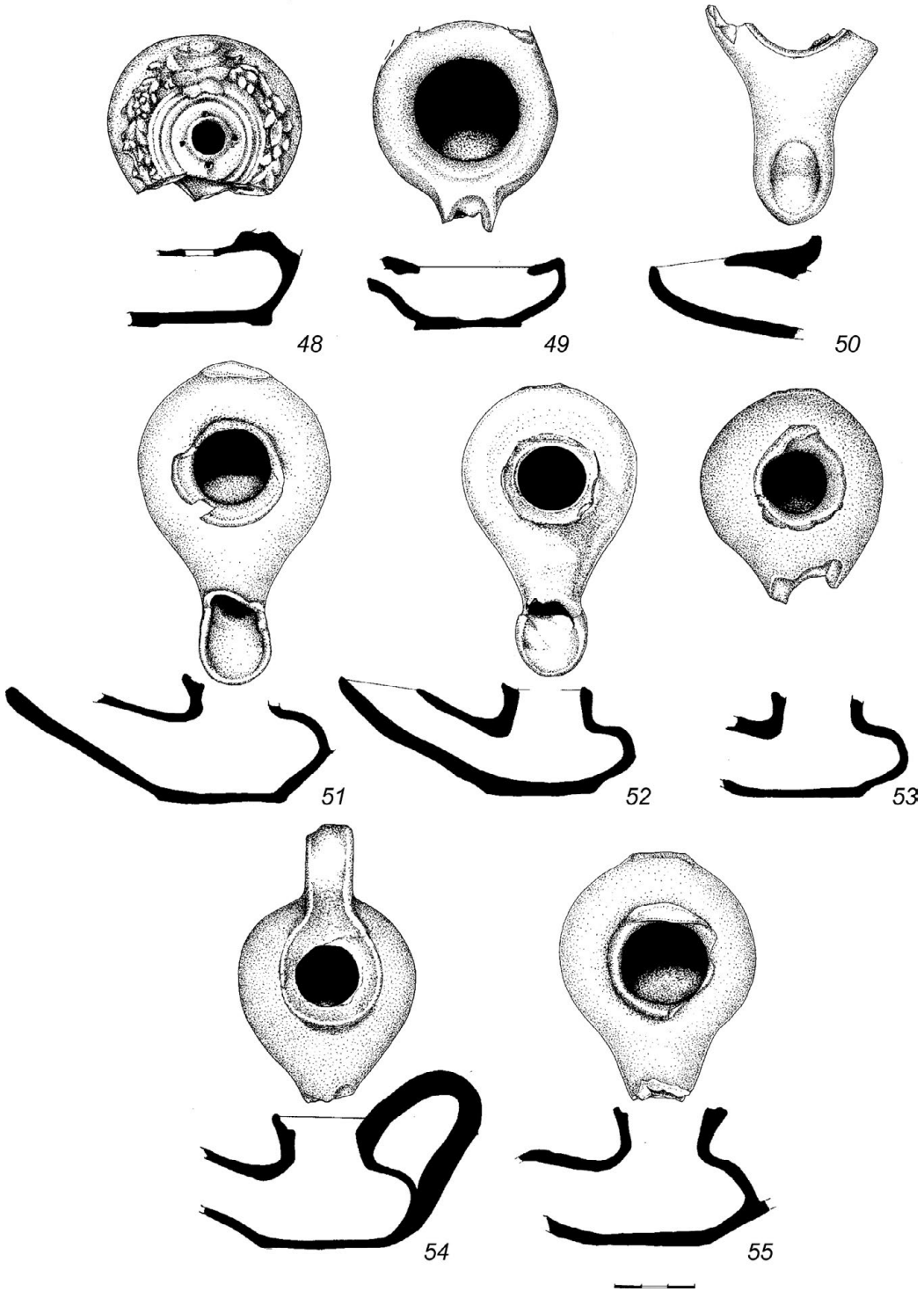


Рис. 15. Светильники

Рис. 16. Светильники

Раскопки 1973 г, кв. 1–0. № 40.

Кат. 54 (рис. 15; 16). То же, что Кат. 51, сохранившаяся плоская в сечении ручка высоко поднята над светильником, рожок утрачен. Глина красная, плотная (reddish-yellow – yellowish-red 5YR – 6/8–5/8). Размеры: сохранившаяся длина – 11; ширина – 6,8; Н – 6,2 см (с ручкой).

Раскопки 1973 г., кв. 1–л, шт. 1, № 28 [*Сокольский* 1976, рис. 54. *2*].

Кат. 55 (рис. 15; 16). То же, что Кат. 51, ручка и край рожка утрачены, сколы на венчике. Размеры: сохранившаяся длина – 9,1; ширина – 7,2; Н – 5,1 см.

Раскопки 1973 г. [*Сокольский* 1976, рис. 54. *4*].

Среди всех светильников лишь один – лепной, причем он имеет крупные размеры. Очевидно, он в некоторой степени, является грубой имитацией светильника типа

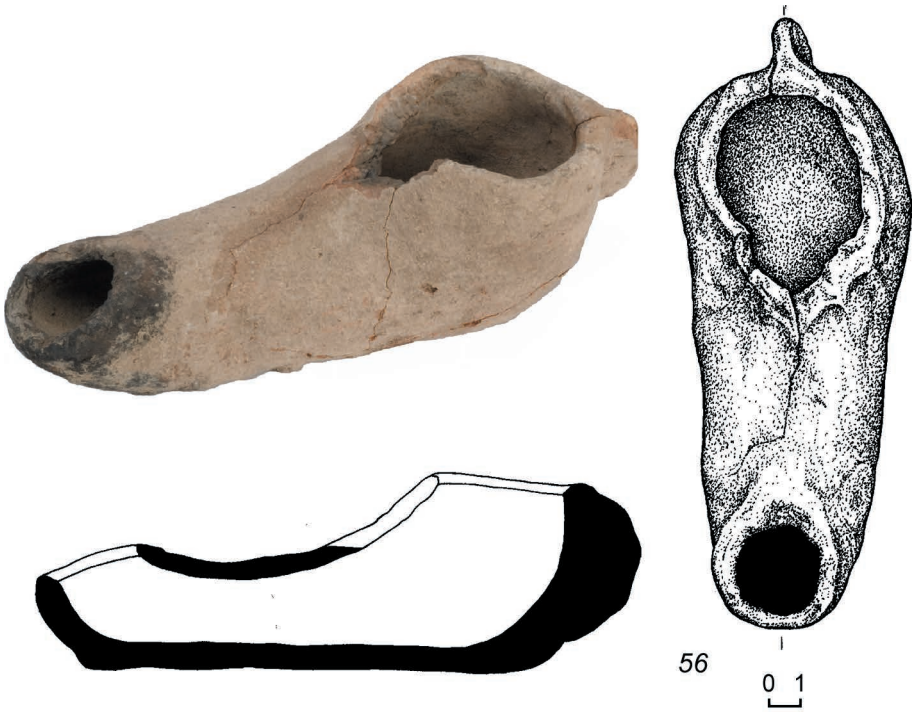


Рис. 17. Лепной светильник

кувшинчика, хотя его ручка не петлевидная, а оформлена в виде небольшого защипа глины со стороны, противоположной рожку. Морфологически близкие лампы несколько меньшего размера происходят, например, из слоя первых веков н. э. Танаиса [*Арсеньева* 1988, 88, табл. XXXI. *3*, тип 7].

Кат. 56 (рис. 17). Плоскодонный светильник с длинным вытянутым туловом, переходящим в слегка поднятый рожок с округлым широким отверстием для фитиля. Отверстие для горючих продуктов широкое, окружено невысоким бортиком. Ширина отверстия, очевидно, обусловлена тем, что в качестве топлива использовалось не масло, а животный жир. Светильник изготовлен из серой глины, с крупными известковыми включениями. Сколы на рожке и тулове. Размеры: длина 19,2; ширина – 7,3; Н – 6,4 см.

Раскопки 1971 г., помещение Г, № 3 [*Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер* 2010, 567, рис. 33].

Заключение

Резиденция Хрисалиска, по мнению Н. И. Сокольского, погибает в огне пожара в результате карательной акции Полемона (14–13 гг. до н. э.). Тем не менее, время гибели этого памятника все еще остается дискуссионным. Нумизматический материал не дает оснований для столь поздней даты[11]. Поселение Полянка на Керченском полуострове, из которого происходят аналогичные терракоты и керамика, А. А. Масленников

[11] Из поздних монет можно указать на обол Асандра (47–44 г. до н. э.) и на два пантикапейских тетрахалка (44–30 гг. до н. э.), один из которых найден вне резиденции Хрисалиска [*Сокольский* 1976, Приложение I. № 15, 16, 47]. Ср.: [*Завойкин* 2021, 158].

датирует весьма широко: конец 40-х годов – середина последней четверти I в. до н. э. [*Масленников* 2007, 66]. Кутлакская крепость в Южном Крыму, керамический комплекс которой очень близок материалам из дома Хрисалиска, также имеет широкую дату, но авторы в качестве одного из основных хронологических аргументов приводят дату гибели резиденции Хрисалиска, ссылаясь на публикацию Н. И. Сокольского [*Ланцов, Труфанов* 1999, 166]. Довольно близки к керамическому комплексу резиденции Хрисалиска и материалы из башни на Узунларском валу, раскопанной А. А. Масленниковым [*Масленников* 1998, 106–111, рис. 71, 72]. Исследователь датирует сооружение этих укреплений временем Асандра, ссылаясь на свидетельство Страбона о постройке этим боспорским царем стены с башнями на западных рубежах Боспора (Strabo, VII. 4, 6), а разрушения – концом I в. до н. э., «не позднее 8 г. до н. э.».

В целом допустимо бытование в резиденции Хрисалиска в течение длительного времени более ранней парадной посуды, например, пергамского скифоса с аппликативными рельефами, изготовленного в начале I в. до н. э. Краснолаковая керамика, которая наряду с амфорами, является основным датирующим материалом в этом комплексе, суммарно может быть отнесена ко второй половине I в. до н. э. К тому же она имеет ряд параллелей сосудам, происходящим из более ранних комплексов. В то же время, здесь присутствуют практически все формы «темнолаковой», по А. А. Масленникову, столовой посуды, которые он, – на наш взгляд, абсолютно справедливо – датирует именно третьей четвертью I в. до н. э. [*Масленников* 2019, 141]. Датировка светлоглиняных амфор, в значительной части представленных разновидностью CIa по С. Ю. Внукову, не помогает в уточнении датировки гибели резиденции Хрисалиска, ибо дата амфор довольно широка и охватывает вторую половину I в. до н. э. [*Внуков* 2006, 152–153][12].

По мнению С. Ю. Сапрыкина, плита с надписью из резиденции Хрисалиска[13] указывает, скорее, на время войны Асандра и Скрибония в конце 20–17 гг. до н. э. [*Сапрыкин* 2002, 143, сноска 51]. Нам представляется, что гибель резиденции Хрисалиска могла произойти несколько ранее, на рубеже третьей и четвертой четверти I в. до н. э., хотя вопрос о том, с какими конкретными историческими событиями были связаны разрушения столь значительного характера, остается нерешенным.

Говоря о комплексе столовой, в первой очередь, покрытой красным/бурым лаком, керамики, отметим, что у нас пока недостаточно информации о центрах производства подобных сосудов. Очевиден лишь один факт – в керамическом комплексе резиденции Хрисалиска преобладает керамика боспорского и понтийского производства, как, впрочем, и на других синхронных памятниках. При этом, нет никаких сомнений, что многие формы посуды копировали импортные оригиналы. Предварительно отметим, что к южнопонтийскому производству относится и большинство амфорного материала из резиденции Хрисалиска. Подобную ситуацию принято связывать с событиями митридатовых войн и римской блокадой проливов (Plut. Pomp. 34–36; 38–39; ср.: Dio Cass. XXXVI. 54 – XXXVII. 4), что могло сказаться на смене привычных торговых поставщиков

[12] Фрагменты тарных амфор из этой коллекции мы планируем опубликовать в ближайшее время.

[13] На наш взгляд, необходима ревизия чтения надписи. Так, например, мы уже отмечали свои сомнения относительно восстановления φιλ как φιλ[ορωμαίος] [*Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер* 2010, 578, сноска 60], но, не будучи эпиграфистами, оставляем судить об этом специалистам.

[см.: *Журавлев* 2005, 246–247; *Масленников* 2019, 141]. Можно предположить, что ситуация начала I в. до н. э. заставила северопонтийский рынок переориентироваться в сторону большей самодостаточности. Этому же, вероятно, способствовало и продолжение неспокойной военно-политической ситуации (действия Фарнака, Асандра и Полемона), и, вполне возможно, новый разгул пиратства.

Список литературы

А*лексеева* Е. М. 1982. Юго-восточная часть Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 5–116.

Алексеева Е. М. 1986. Культы Горгиппии // СА. 4, 34–52.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560.

Арсеньева Т. И. 1970. Могильник у деревни Ново-Отрадное // МИА. 155, 82–149.

Арсеньева Т. М. 1988. Светильники Танаиса. М., 142.

Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 2001. Усадьбы Танаиса. М., 232

Б*ерезуцкая* Т. Ю., *Березуцкий* В. Д. 2002: Архиповские курганы // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сб. научных трудов. Воронеж, 59–76.

Березуцкий В. Д., *Гринев* А. М. 2008. Россошанские курганы. Воронеж, 174.

В*нуков* С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II (Петрография, хронология: проблемы торговли). СПб, 320.

Внуков С. Ю., *Лагутин* А. Б. 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма (Тр. ГИМ. 118). М., 96–121.

Внуков С. Ю., *Штепа* О. И. 2010. Краснолаковая пелика с городища Кара-Тобе (опыт комплексного исследования) // ПИФК. 1, 324–360.

Вязьмитина М. И. 1972. Золотобалковский могильник. Киев, 192.

Г*айдукевич* В. Ф. 1952. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930–х годов) // МИА. 69, 154–238.

Д*ашевская* О. Д. 2001. Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма (Тр. ГИМ. 118). М., 87–95.

Дашевская О. Д. 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь, 283.

Домжальский К., *Журавлев* Д. В. 2003. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья (Боспорские чтения. IV). Керчь, 89–92.

Е*рмолин* А. Л. 2010. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 14. М., 130–161.

Ж*уравлев* Д. В. 1995. Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из дома Хрисалиска // ВДИ. 3, 72–79.

Журавлев Д. В. 2005. О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время // Antiqvitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 1, 235–254.

Журавлев Д. В. 2007. О некоторых категориях краснолаковой керамики Чайки // Материалы исследования городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 275–312.

Журавлев Д. В. 2010а. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) (МАИЭТ. Suppl. 9). Симферополь, 320.

Журавлев Д. В. 2010б. О боспорских светильниках типа «кувшинчика» // ПИФК. 1, 264–276.

Журавлев Д. В. 2011. Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 4, 221–263.

Журавлев Д. В. 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 1, 190–215

Журавлев Д. В. (в печати). Краснолаковая керамика из погребений кочевников Азиатской Сарматии.

Журавлев Д. В., *Быковская* Н. В., *Желтикова* А. Л. 2007. Светильники VI – первой половины III вв. до н. э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. I. Киев, 207.

Журавлев Д. В., *Быковская* Н. В., *Желтикова* А. Л. 2010. Светильники второй половины III в. до н. э. – IV в. н. э. Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического и римского времени. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. II. Киев, 336.

Журавлев Д. В., *Ильина* Т. А., *Ломтадзе* Г. А., *Сударев* Н. И. 2006. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной (Тр. ГИМ. 159). М., 12–46.

Журавлев Д.В, *Ломтадзе* Г. А. 2005: Новые комплексы римского времени из Пантикапея // БИ. VIII. Симферополь–Керчь, 284–307

Журавлев Д. В., *Ломтадзе* Г. А., *Шлотцауер* У. 2010. Памятники северо-востока Таманского полуострова // Античное наследие Кубани. II. М., 556–580.

Журавлев Д. В., *Фирсов* К. Б., *Бельский* С. В. 2021. Могильник Бельбек I и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н. М. Печёнкина в 1903–1905 гг. (Гераклейский сборник. 5). СПб., 1–153.

З*абелина* В. С. 1984. Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. 7, 133–152.

Завойкин А. А. 2021. Южная окраина Фанагории в IV–I вв. до н. э.: некоторые итоги и проблемы исследований // ДБ. 26, 142–165.

Зайцев Ю. П., *Мордвинцева* В. И. 2007. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 319–358.

Зайцев Ю. П. 1998. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье (Тр. ГИМ. 102). М., 52–60.

К*аменецкий* И. С. 1992. Городища донских меотов. М., 230.

Кононов В.Ю., *Кононова* С.А., *Шарапа* А.В. 2020. Остатки гончарного производства конца V–IV вв. до н. э. в предградье Нимфея (по результатам раскопок 2017 г.) // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. 2. СПб, 201–208.

Корпусова В.Н. 1983. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 183.

Кругликова И.Т. 1957. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI–III вв. до н. э. // МИА. 56, 96–138.

Л*анцов* С.Б., *Труфанов* А.А. 1999. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. 2, 161–173.

Лимберис Н.Ю., *Марченко* И.И. 2021. Атрибуция и хронология эллинистических канфаров из меотских погребений // ДБ. 26, 267–282.

Ломтадзе Г.А. 2015. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 151–163.

М*аксимова* М.И. 1979. Артюховский курган. Л., 150.

Масленников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская округа Европейского Боспора в античную эпоху. М., 300.

Масленников А.А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 280.

Масленников А.А. 2006. Античное святилище на Меотиде. М., 152.

Масленников А.А. 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 562.

Масленников А.А. 2018. Еще одна башня у Узунларского вала // ДБ. 22, 141–169.

Масленников А.А. 2019. Сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму // РА. 4, 134–143.

Медведев А.П. 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. Воронеж, 218.

Молев Е.А., *Молева* Н.В. 2016. Боспорский город Китей. Ч. II (БИ. Suppl. 5). Симферополь–Керчь, 451.

П*арович-Пешикан* М. 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 220.

Пуздровский А.Е., *Труфанов* А.А. 2016: Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь–М., 308.

С*апрыкин* С.Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 270.

Симоненко А.В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев, 144.

Симонова М.А., *Никольская* Е.Д. 2020. Расписной кувшин из позднеантичной тризны юго-западного участка Китейского некрополя // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. 2. СПб, 137–143.

Соколова Е.К. 1984. Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея (собрание Эрмитажа) // Культура и искусство античного мира (Тр.ГЭ. XXIV). Л., 125–137.

Сокольский Н.И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 143, 21–30.

Сокольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 126.

Сорокина Н.П. 1984. Поселение у поселка «За Родину» // АГСП. Археология СССР. М., 86–87.

Сорокина Н. П. 1985. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо–1982. Тбилиси, 374–382.

Сорокина Н. П. 1998. Краснолаковое блюдо с граффити из Кеп // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I (Тр.ГИМ. 102). М., 94–97.

Т*руфанов* А. А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. 4. СПб–Кишинев–Одесса–Бухарест, 117–328.

Тюрин М. И. 2018. Боспорские рельефные чаши из раскопок Херсонеса и его ближайшей округи // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб, 113–120.

Ш*елов* Д. Б. 1961. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) (МИА. 98). М., 94.

A*nderson-Stojanović* V. R. 1987. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // AJA. 91, 105–122.

C*amilli* A. 1999. Ampulae. Balsamari ceramici di età ellenistica e romana. Roma, 152.

D*omżalski* K. 1996. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. 47. Warsaw, 95–97.

Domzalski K., *Zin'ko* V. N. Roman Fine Pottery from Rescue Excavations Conducted Outside the Defensive Walls of the Town of Nymphaion in 1995 // Archeologia. 50. Warsaw, 73–82.

H*ayes* J. W. 1985. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio). Atlante delle forme ceramiche II. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1–96.

Hayes J. W. 2008. Roman Pottery. Fine-ware Imports (The Athenian Agora. XXXII). Princeton, 386.

Hochuli-Gysel A. 1977. Kleinasiatische Glasierte Reliefkeramik (50 V. Chr. bis 50 N. Chr.) und ihre Oberitalischen Nachahmungen (Acta Bernensia. VII). Bern, 203.

Howland R. H. 1958. Greek Lamps and Their Survivals (The Athenian Agora. IV). Princeton, 321.

J*app* S., *Engels* B., *Keweloh* A. 2016. Kiln Stacking as a Technique for Polichrome Surface Design – A Pergamenian Innovation? // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. Vol. I. Wien, 307–315.

K*ögler,* P. 2010. Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit. Wiesbaden, 623.

Kögler P. 2014. Table Wares from Knidos: the Local Production during the 2nd and 1st centuries BC // Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery (BSS. 16). Aarhus, 157–173.

L*omtadze* G., *Zhuravlev* D. 2004. Amphorae from the Late Hellenistic Cistern from Pantikapaion // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002 (Monographs of the Danish Institute at Athens. 5). Aarhus, 203–209.

Lomtadze G., *Zhuravlev* D. 2020. Fine Ware from the House of Chrysaliskos (Taman Peninsula, Black Sea Region) // Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP Kaštela, June 2017, 1st – 4th. Wien, 533–554.

Lund J. 2015. A Study of the Circulation of Ceramics in Cyprus from the 3rd Century BC to the 3rd Century AD (Costa Enbom Monographs. 5). Aarhus, 390.

M*eyer-Schlichtmann* C. 1988. Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2 Jh v.Chr – mitte 2 Jh n. Chr. (Pergamenische Forschungen. 6). Berlin–New York, XVI+265.

N*iveau de Villedary y Marinas* A. M., *Sáez-Romero* A. M.. 2016. The Red Slip Tableware and Early Roman Gadir / Gades (4th – 1st cent. BC): An Update on the so-called "Kuass Ware" // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceeding of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7th – 10th. Wien, 55–68.

R*aev* B. 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR International Series. 278). Oxford, 135.

Ricci A. 1985. La ceramica a pareti sottili // Atlante delle forme ceramiche. Ceramica fine romana nel bacino del Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero) II. Roma, 231–365.

Robinson H. S. 1959. Pottery of the Roman Period (The Athenian Agora. V). Princeton, XIV+149.

Rotroff S. I. 1997. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and related material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 612 p., 106 figs., 147 pls.

Rotroff S. I. 2006. Hellenistic Pottery. The Plain Wares (The Athenian Agora. XXXIII). Princeton, XXXVIII + 444.

S*hkribliak* I. 2016. Hellenistic Mold-made Relief Bowls from Late Scythian Sites of Crimea // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. Vol. I. Wien, 529–537.

T*olstikov* V., *Zhuravlev* D. 2004. Hellenistic pottery from two cisterns on the acropolis of Panticapaeum // ΣΤ' Επιστημονικη Συναντησε για την Ελληνιστικη Κεραμικη. Χρονολογικα προβλεματα της ελληωιστικης κεραμεικης. Κλειστα Συνολα – Εργαστεpια. Αθηνα, 269–272.

Z*huravlev* D. 1997. A Late Hellenistic Scythos from Pergamon with Apliqué Reliefs from the Chrysaliskos Estate // ACSS. 4/4, 254–264.

Zhuravlev D. 2002 Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survey) // ACSS. 8/3–4, 237–309.

Zhuravlev D. 2011. Production of Late Hellenistic Pottery in the Bosporan Kingdom // Z' Επιστημονικη Συναντησε για την Ελληνιστικη Κεραμικη. Αιγιο, 4–9 απριλιο 2005. Πρακτικα. Αθηνα, 869–876.

Zhuravlev D. 2014. Hellenistic Pergamene tableware in the northern Black Sea region // Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use. Warsaw, 129–150.

Žuravlev D., *Lomtadze* G., *Il'ina* T., *Sudarev* N. 2007. Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi // Eurasia antiqua. 13, 215–255.

Žuravlev D., *Žuravleva* N. 2014. Late Hellenistic Pottery and Lamps from Pantikapaion: Recent Finds // Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery (BSS. 16). Aarhus, 255–286.

Zolotarev M. 2005. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC (BSS. 3). Aarhus, 193–216.

Summary

D. V. Zhuravlev, G.A Lomtadze

Fine Ware and Lamps from the Residence of Chrysaliskos

The Residence of Chrysaliskos is one of the most interesting Late Hellenistic fortified constructions, situated in the north-eastern part of the Taman Peninsula. It was excavated in 1970-1973 by Nikolay Sokol'skiy. This house, which was a residence of a powerful Bosporan official during the reign of king Asandros, was destroyed in a great fire. In the layers of destruction, an important pottery assemblage was unearthed. The materials from the excavations have been preliminary published but without any special analysis of the ceramic complex.

We could not distinguish exactly all the production centers of this pottery without archaeometric studies, but according to visual characteristics the main part of them belong to Bosporan sigillata, a local group of pottery distributed only in the Bosporan kingdom. Some Pergamene and Knidian vessels as well as their local imitations were also found here. A separate group of pottery of the same shape as Bosporan sigillata was covered with black slip. Several lekythos and unguentaria are also present in the article. Lamps of jug-shape type, typical for the late Hellenistic period, are the most common group among lighting equipment.

This article is the revised version of the publication in English in the volume of the International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period (Lomtadze, Zhuravlev 2020).

All the parallels for different pottery groups came from Crimea and Taman peninsula, as well as from other regions of the Black sea area and Mediterranean, mainly from the contexts of the second quarter of the 1st century BC

From our point of view the Residence of Chrysaliskos could have been destroyed in the late third – early fourth quarter of the 1st century B.C., however it is still not evident what exact historic events could have caused such considerable devastation.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.101-112

А. А. Завойкин
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Китей: размышления о «малом боспорском городе»

Благодаря многолетним исследованиям Е. А. Молева и его предшественников, мы знаем о Китее не так уж мало. Между тем, не мало остается и вопросов не только об исторических судьбах этого городского центра, но и о его статусе в различные периоды истории Боспорского государства, в состав которого он входил. В определенном отношении Китей является эталонным памятником, позволяющим затрагивать некоторые вопросы об административно-территориальной структуре Боспора, в том числе и такие, которые либо вовсе невозможно, либо значительно сложнее рассматривать на материалах других «малых» боспорских городов[1].

Первостепенное для нас значение имеет тот факт, что Китей (Κύταια – Ps.-Scyl. Per. 68; Schol. ad Apoll. Rhod. 399)[2] был основан уже в процессе внутренний колонизации. Во всяком случае, мы не располагаем никакими археологическими свидетельствами того, что поселение к западу от мыса Такиль появилось ранее конца VI – начала V в. до н. э. При этом о начальном этапе становления урбанистической его структуры затруднительно говорить раньше, чем с последней трети V в. до н. э. [*Молев* 2010, 30][3]. Завершение этого процесса логично сопоставлять со строительством городских оборонительных стен в конце IV – начале III в. до н. э.[4], хотя уже в третьей четверти IV в. до н. э. Пс.-Скилак (Per. 68) называет Китей πόλις в числе других городов (Феодосия – Китей – Нимфей –Пантикапей). Таким образом, этот небольшой город (ок. 6 га), центр сельскохозяйственного района, город-крепость в политическом отношении не был субъектен, а являлся элементом территориальной организации хоры некоего полиса. На роль центра такого полиса могут претендовать Нимфей, расположенный ближе

Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

[1] Проблему статуса «малых» городов и их соотношения с «большими» я рассматривал в статье [*Завойкин* 2009, 176–185].

[2] Город Κύτα ранее (?) назывался Κυδεάκαι (Ps.-Arr. PPE. 76); Ptol. III. 6, 5 – Κύταιον; Plin. NH. V. 86 – Cytae. St. Byz. s. v. Κύτα.

[3] Анализ хронологии см. [*Завойкин* 2013, 121–124].

[4] Не исключено, что северо-восточная угловая башня «С» [*Марти* 1929, 121–123] представляет собой остатки предшествующей фортификации [см. *Завойкин* 2013, 124].

(ок. 17 км), или более удаленный Пантикапей (примерно в 31 км)[5]. Сделать однозначный выбор в пользу того или иного полиса затруднительно, в том числе учитывая, что, согласно указанию Страбона (XI. 2, 8), находящаяся по соседству[6] – с противоположной стороны от мыса Такиль – «деревенька» (κωμίον)[7] Акра располагалась «в пантикапейской земле»[8]. Это свидетельство, безусловно, относится уже ко времени сформировавшегося государства Спартокидов, когда определение «пантикапейская земля» могло приобрести расширительное значение.

По своему статусу Китей изначально отличался от таких «малых» городов Восточного Крыма, как Тиритака и Мирмекий. Они возникли в ходе Великой греческой колонизации как автономные апойкии, в которых формируются автономные гражданские общины. Сложно сказать, сохраняли ли они свой политический статус в дальнейшем, по мере развития расположенного вблизи от них сильного Пантикапейского полиса, а если утратили – вопрос: когда? Не располагая источниками по этим вопросам, можно лишь умозрительно предполагать их симполитию (добровольную или принудительную) с Пантикапейским полисом, в рамках которой они становятся его подразделениями, центрами территориальных округов (новых «фил» или «демов»?). В отношении Мирмекия отражение этого процесса гипотетически можно усматривать в изображении на лицевой стороне мелких номиналов ранних серебряных монет Пантикапея муравья (μύρμηξ)[9]. В отношении же Тиритаки и этого сказать нельзя. Так или иначе, в составе объединенного Боспора Спартокидов эти небольшие города никаких полисных прав и свобод сохранять не могли. Полное отсутствие малейших проявлений хотя бы ограниченной гражданской жизни и во все последующие века, скорее всего, говорит о полной «растворенности» населения обоих городов в гражданской общине Пантикапея. В этом плане статус Мирмекия и Тиритаки сравнялся с положением Китея, который собственно городом становится при ранних Спартокидах.

Однако почти тоже самое можно сказать и о других, более значительных городах Боспорского государства. Еще проницательный М. И. Ростовцев писал: «…Не имеет аналогий в греческой тирании тот факт, что основные институты греческой πόλις – народное собрание и совет, δῆμος и βουλή – не действуют и, очевидно, не имеют конституционного существования в городах Боспора; во всяком случае мы не имеем до сих пор ни одного ни литературного, ни эпиграфического свидетельств, которые хотя бы намекали на существование этих учреждений…» [*Ростовцев* 1989, 183]. Прошло не мало лет со времени написания этих строк, но и в наши дни не стали известны какие-либо свидетельства

[5] По прямой. Расстояния по сухопутным дорогам или вдоль побережья, конечно, значительно больше.

[6] От Нимфея до «деревушки» Акры – 65 стадиев (8.1/3 мили), а от Акры до города Κύτα – 30 стадиев (4 мили), согласно Ps.-Arr. PPE. 76.

[7] Так же «деревенькой» Акра названа у Ps.-Arr. PPE. 76.

[8] Е. А. Молев какое-то время считал Китей автономным «городом-государством», которое было завоевано Спартокидами только в ходе войны за Феодосию, но позднее изменил свою точку зрения, склоняясь к тому, что город был основан паникапейцами или, по крайней мере, под их руководством [*Молев* 1986, 44–45; ср. *Молев* 1997, 17].

[9] Даже если считать, что наименование города связано со скалой, выступающей в море напротив Мирмекия (подобно скале Μύρμηξ между островом Скиатос и Магнесией), ассоциация с муравьем вполне очевидная. С учетом современных поправок в хронологию начальных этапов чеканки боспорской монеты [в частности, см. *Кузнецов, Абрамзон* 2020, 39 слл., с лит.] появление этой «эмблемы» сложно датировать раньше 480 г. до н. э.

о гражданской активности отдельных полисов (гражданских общин) в их ли взаимоотношениях между собой или же с центральной властью вплоть до конца эпохи Спартокидов[10]. Лишь во время правления Митридата Евпатора обнаруживаются первые следы «реанимации» полиса (квазиавтономные чеканки Пантикапея, Фанагории, Горгиппии; декрет в честь наемников, принятый Советом и Народом Фанагории в 88/87 г. до н. э.; и т. д.).

Впрочем, здесь необходимы определенные оговорки. До конца правления Спартокидов чеканится монета от лица Пантикапейской общины (царская монета появляется лишь с Левкона II). Примерно с конца III – начала II в. до н. э. чеканятся мелкие номиналы меди от имени Фанагории (т. е. ее граждан). Таким образом, *хотя бы формально*, эти два столичных города сохраняют какие-то признаки своей политической субъектности. Это, конечно, не должно вводить нас в заблуждение. Вся полнота политической власти в государстве была сосредоточена в руках правящей династии. Наверное, самым ярким отражением такого порядка вещей являются уникальные для всего античного мира документы – проксенические декреты[11], принятые не по инициативе полиса, а от имени династов и их сыновей-соправителей[12]. Очень показательно, что местами находок этих документов, связанных с организацией государственной таможенной службы, через которую реализовывалось монопольное право Спартокидов на внешнюю торговлю, являются столичные города Пантикапей и Фанагория, а также город, названный в честь представителя правящей династии, младшего брата Левкона I – Горгиппия. Этот перечень, разумеется, следовало бы расширить, включив в него Феодосию, в порту которой, специально перестроенном Левконом I, внешнеторговые операции, несомненно, тоже производились (см. Demosth. XX. 33)[13], хотя проксении здесь пока и не найдены[14].

Мне неоднократно приходилось излагать свои представления о статусе полисов в составе Боспорского государства[15]. Поэтому сейчас ограничусь самыми общими и краткими формулировками. Боспор Спартокидов представлял собой государство с монархической (тиранической [см. *Сапрыкин* 2003, 28–29]) верховной властью, генетически связанной с полисом (Пантикапеем), структурно организованное как «мегаполис», в котором гражданские общины, включенные в его состав, утратили часть исконных прав и прерогатив, узурпированных Спартокидами, а некоторые общины – и вовсе могли быть лишены этого статуса: они приблизились к положению, говоря условно, «демов». Только таким образом, как мне кажется, можно объяснить (и альтернативные варианты объяснений остаются мне неизвестны), почему при Спартокидах «полис пропал».

---

[10] Единственный пример проявления гражданской жизни –пассивная деятельность экклесии в столичном Пантикапее, собранной по инициативе Эвмела ради легитимации узурпированной им власти (Diod. XX. 24).

[11] На сегодняшний день Ф. В. Шелов-Коведяев [2022, 326] насчитывает 26 таких документов (с учетом литературных источников и копий – 29).

[12] Называя старших сыновей правящих тиранов *соправителями*, я по-прежнему считаю власть Спартокидов монархической по своему характеру [см. *Завойкин* 2007], вкладывая в этот термин лишь тот смысл, что потенциальные наследники престола принимали участие в управлении страной.

[13] Также см.: Strab. VII. 4, 6; [*Жижина-Гефтер* 1918, 81–87; *Завойкин*, *Завойкина* 2020, 151–152].

[14] В этой связи представляется уместным отметить, что в титулатуре Спартокидов Феодосия упоминается отдельно от Боспора, причиной чего могут быть обстоятельства не только географические, но и исторические [см. *Завойкин* 2013, 417–423].

[15] Мои суждения по этой проблематике суммируются в: [*Завойкин* 2013, 434–456].

Однако, как уже было отмечено, статус городов в составе Боспора не был одинаковым для всех. По меньшей мере, выделяются по своему положению два столичных полиса, Пантикапей и Фанагория. Из них первый, – ядро политической системы государства, родина тирании Спартокидов, где располагалась их резиденция, – занимает особенное место. Второй – главный город («столица») Азиатского Боспора [см. *Завойкин* 2021а]. Обстоятельства исторического и географического характера (относительно позднее включение в состав державы Спартокидов, пограничное положение) определили специфику статусов Феодосии и Горгиппии (Синдской Гавани) [*Завойкин* 2013, 417–423]. В отличие от них, допустимо предполагать наиболее раннее и органичное (?) «поглощение» Пантикапейским полисом Мирмекия и Тиритаки (возможно еще при Археанактидах, если не раньше)[16]. Хотя достоверно это нам не известно (см. выше). Нимфей, тоже предположительно, стал тем полисом, с захвата которого («измена Гилона») началось становление державы Сатира I – Левкона I.

А что можно сказать о других полисах, Гермонассе, Кепах, Патрее и Киммериде? Разве что о Кепах нам известно, что где-то в конце V – начале IV в. до н. э. они были переданы «в кормление»[17] Гилону в награду за «сдачу» тиранам Нимфея (Aesch. III. 171–172). Из остальных трех полисов, – по всей видимости, бывших членов Афинской архэ (МИС 1, 237–238 = IG I^2, 63), – два могут быть как-то охарактеризованы лишь археологически[18], а третий (Киммерида) остается недоступным исследователям и в этом отношении [*Завойкин* 1999а]. Однако именно о нем в литературной традиции сохранилась весьма ценная для нас информация [см. *Завойкин* 1999б].

Анонимный автор конца II в. до н. э. в своем стихотворном перипле сообщает, что в устье Киммерийского Боспора «лежит *город* (πόλις) Киммерида…, основанный боспорскими тиранами» (Ps.-Scymn. Per. 896–898; так же: Ps.-Arr. PPE. 74). А вот Страбон столетие спустя называет этот населенный пункт Киммерийским «селением» (κώμη) и дает о нем дополнительную информацию: Киммерик *прежде был городом* (πόλις ἦν πρότερον) на полуострове и запирал полуостров рвом и валом (Strab. XI. 2, 4–5; ср. VI. 3, 6: «“Киммерийский город” у Гекатея»[19]). Несмотря на то, что в обоих случаях сведения о Киммериде содержатся в источниках географического характера, восходящих к лоциям, для которых важны были не столько содержательные характеристики пунктов на побережье, вдоль которого проходит каботаж, сколько их положение как ориентиров для плавания, очевидно, что в обоих случаях эти источники включают в себя информацию исторического плана, в конечном счете почерпнутую, надо полагать, из местной традиции.

[16] Т. е. в его составе они оставались небольшими городами, население которых стало пантикапеитами.

[17] Что следует понимать таким образом: налоги, причитающиеся с полиса Спартокидам, были выделены «на кормление» третьему лицу [*Кошеленко, Усачева* 1992, 53–54; *Завойкин* 2013, 217].

[18] Кроме того, Гермонасса – по ряду ярких эпиграфических памятников.

[19] На мой взгляд, весьма вероятно, что речь идет именно о Киммериде, упомянутой логографом в его «Азии», а не о городе мифических киммерийцев. В таком случае (принимая также во внимание членство Ким [мериды] в Афинском морском союзе) появляются основания для предположения, что город после захвата Сатиром I был реколонизован, подобно Синдской Гавани – Горгиппии (?).

Как правило, с учетом хронологического разрыва между источниками, в этих (и подобных им) характеристиках населенного пункта видят отражение его деградации: был городом – стал деревней[20]. На деле все может оказаться сложнее.

Ἡ κώμη – это не только деревня в нашем понимании, неукрепленное селение (без стен, *opp*. укрепленному городу), но и вообще: поселок, «местечко», а также – городской район, участок, квартал (Isocr. VII. 46). У Платона в «Законах» *кóма* – это низшая территориально-административная единица полиса (Plat. Leg. 5, 746d: φρατρίαι καὶ δῆμοι καὶ κῶμαι). Афины после реформ Клисфена подразделялись на 10 *фил* (вместо традиционных 4 ионийских), каждая из которых делилась на 10 *демов* – это самые мелкие административно-территориальные единицы[21]. Согласно же Аристотелю (Poetica. 3, 1448a 35–37), афинские *демы* соответствуют дорийским *комам*[22].

В этой связи следует припомнить новеллу Полиена, в которой рассказано, как во время войны с гераклеотами Левкон I родственникам подозреваемых в измене и отстраненных им от службы триерархов «вручил власть и управление над селами (ἀρχάς καὶ ἐπιμελείας ἐνεχείριζε κωμῶν), показывая благосклонность к ним» (Polyaen. Strat. VI. 9, 3). Кажется, что в этом контексте «благосклонность» выглядела бы весьма сомнительной, если бы речь здесь шла о власти над отдельными небольшими сельскими поселениями. Одно из двух, либо каждый из родственников триерархов получал в управление определенную *территорию* (область), на которой располагалось некоторое количество сельских поселений[23], либо же под κῶμαι следует разуметь административный центр такой области (и ее саму). Иначе говоря, весьма похоже, что здесь κώμη – это некая территориально-административная единица. Оценивая содержательную ценность данного умозаключения, следует отметить более чем правдоподобное, на мой взгляд, мнение, что информация Полиена коренится в боспорском историческом источнике[24].

Высказывая предположение о Боспоре Спартокидов как о своего рода «мегаполисе», в котором утратившие независимость полисы были включены в его состав в качестве «демов», я подчеркивал условность этого наименования. В действительности мы понятия не имеем о реальной структуре территориально-административного членения государства и номенклатуре его структурных элементов. Единственное, в чем можно

---

[20] Аналогичным образом рассуждают исследователи относительно других населенных пунктов. Так, С.Р. Тохтасьев [2002, 19], рассматривая информацию Птолемея (Ptol. V. 8, 8) о κώμη Синда, допускает, что она отражает либо деградацию Синдской Гавани, либо зависит от источника архаического времени, когда эта апойкия еще не достигала городского статуса. А.М. Новичихин [2014, 42–43] «деревенское» определение статуса Синдской Гавани/Горгиппии и Баты (также: Strab. XI. 2, 14) объясняет разрушениями римско-боспорской войны и возводит эту информацию к Митридату VIII времени его пребывания в Риме. Сходным образом судил и автор этих строк о судьбе Патрея, усматривая здесь параллель исторической периодизации Киммериды [*Завойкин* 1999, 117–119].

[21] Территориально каждая *фила* подразделялась на *триттии*, расположенные в различных местах Аттики [*Суриков* 2008, 79–80].

[22] В Афинах *комами* назывались городские кварталы [*Гаспаров* 1983, 781, прим. 11].

[23] Вообще говоря, очевидно, что в этом контексте не может быть речи об отдельных частных усадьбах граждан на хоре полиса, не нуждавшихся в каком-либо внешнем управлении. Если даже допустить, что здесь под κῶμαι подразумеваются «деревни» осевших на внутренних землях Восточного Крыма скифах, и предполагать, что эти территории представляли собой так называемые «царские земли», то и в этом случае следует видеть в них некие территориально-административные области.

[24] Через Дуриса Самосского (?) [*Ростовцев* 1925, 134–135; *Завойкин* 2013, 298].

быть уверенным, так это в том, что базисом такой структуры послужили сами эти полисы, включая, разумеется, их хору (а также области за пределами полисных территорий, что были включены в состав государства [см. *Завойкин* 2021б, 62–65]).

Привлекая в качестве аналогии материалы по истории государственного строительства сицилийской державы Дионисия Старшего и, в частности, ссылаясь на оценку политики этого тирана Платоном (Plat. Ep. VII, 332e), – согласно которому, ее результатом было гипертрофированное расширение Сиракузского полиса [см. *Фролов* 2001, 445], – я, конечно, отчетливо понимал, что данное представление не следует понимать буквально, и не отрицал мнение авторитетных специалистов, отмечавших, что речь должна идти о «территориальной монархии, при которой отдельные общины сохраняют лишь некоторую коммунальную самостоятельность», в них «продолжали действовать конституции отдельных полисов» [*Берве* 1997, 303; *Фролов* 2001, 447].

Вместе с тем, исторические судьбы и положение различных полисов в составе единого Боспорского государства (так же, как и в державе Дионисия), как я пытался показать, могли различаться. Вплоть до того, что некоторые из них в составе государства Спартокидов могли полностью утратить свой изначальный статус, будучи, например, включенными в структуру столичного Пантикапея (как мы предположили относительно Мирмекия и Тиритаки в еще более раннее время). Нам же, однако, сейчас важно отметить, что наряду с главными городскими центрами полисов на их хоре могли существовать урбанистические поселения.

Не случайно Ю. А. Виноградов, критически проанализировав упоминания боспорских населенных пунктов, упомянутых античными авторами, и принимая в расчет нумизматические источники и эпиграфические документы, пришел к выводу, что только шесть из них (Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Гермонасса, Нимфей, Кепы) могут быть признаны *полисами*, основанными в ходе Великой греческой колонизации, а остальные он посчитал продуктом внутренней колонизации этих апойкий. По мнению исследователя, эти урбанизованные поселения (Мирмекий, Тиритака, Китей и др.) были выведены из Пантикапейского полиса и являлись центрами крупных сельских округ (где размещались сельские поселения, «усадьбы» граждан), структурными подразделениями (вроде аттических демов) одного полиса, политический центр которого располагался в районе совр. горы Митридат [см.: *Виноградов* 1995а, 65, примеч. 1; 1995б, 80–91].

В любом случае это суждение справедливо в отношении таких городков, какими были Китей и… по определению Страбона (XI. 2, 8), «деревенька» (κωμίον) Акра. Благодаря многолетним подводным исследованиям коллег, мы теперь можем твердо говорить о том, что, по крайней мере, в эллинистическое время Акра представляла собой значительное поселение (ок. 3,5 га) с монументальными городскими стенами [*Вахонеев*, *Соловьев* 2018, 246–248]. Закономерен вопрос, почему же этот населенный пункт характеризуется даже не просто как сельское поселение, а всего лишь как «деревенька»? Можно, конечно, вновь предположить, что во времена Страбона… Однако мы не располагаем хоть каким-то основанием, позволяющим эту информацию географа датировать временем написания его труда (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.). Напротив, имеются некоторые основания отнести эти сведения (как и большинство других о данном регионе) на счет перипла Артемидора Эфесского [*Ростовцев* 1914, 374–375; *Тохтасьев* 2002, 20, 21;

ср. *Грацианская* 1988, 63–66], время творчества которого (конец II в. до н. э.) определяет *terminus ante quem* (!) для интересующего нас состояния Акры. Если ход наших рассуждений признать правомочным, не вижу иного способа объяснить этот парадокс, иначе как признать, что такая характеристика Акры относится не к самому населенному пункту, а к размерам той сельской округи, центром которой он был. Иначе говоря, похоже, что термин κωμίον здесь отражает место Акры в территориально-административной структуре. Кстати, необходимо отметить, что замечание источника касаемо того, что эта *кóма* находится «в пантикапейской земле», – отнюдь не «периплического» свойства. Судя по всему, это своего рода реликт первоисточника.

Очень жаль, что в «Географии» не нашлось места для упоминания Китея. Страбон сообщает: «От Феодосии до Пантикапея около 530 стадиев; вся эта земля богата хлебом, имеет *деревни* и город (только один! – *А. З.*) с хорошей гаванью, называемый Нимфей» (Strab. VII. 4. 4). Одну из этих «деревень» (Акру) географ упоминает только в той связи, что она маркирует вход в Киммерийский Боспор (на противоположной стороне пролива – «деревня» Корокондама) и южную границу распространения ледового покрытия зимой (Strab. XI. 2, 8). Это «умолчание» удивительно, поскольку данный городок, находившийся на самом берегу (высоком) побережья, казалось бы, представляет собой хороший ориентир для лоции[25]. Ремарка о хлебородных достоинствах этих земель тоже не имеет прямого отношения к вопросам навигации.

О Тиритаке также не сказано в «Географии» ни слова (ср. Ps.-Arr. PPE. 76). А вот Мирмекий у Страбона отмечен двояко: то как «городок» (πολίχνιον – VII. 4, 5), то как «деревня» (κώμη – XI. 2, 6[26]). Т. е. эти понятия выступают здесь как равнозначные.

Имеет смысл посмотреть, каким образом эта номенклатура представлена у Страбона на азиатской стороне Боспора. Продвигаясь по периплу от Танаиса к югу, доходим до Киммерийской «деревни» (κώμη), о которой сообщается, что прежде она была городом (πόλις) (Strab. XI. 2, 4–5), согласно Пс.-Скимну, «основанным боспорскими тиранами» (Ps.-Scymn. 896–899). Примечательно, что из этой «деревни» отправлялись корабли в плавание по Меотиде (Strab. XI. 2, 4–5). Далее, в самом устье пролива расположена «деревня» (κώμη) Ахиллий, в которой располагалось святилище Ахилла (Strab. XI. 2, 6). Нет ощущения, что здесь речь идет о локальном сельском святилище. Уместно еще заметить, что из некрополя Гермонассы происходит надгробная стела (V–IV вв. до н. э.) с посвящением некоего Полемарха Исократу ахиллийцу (Ἰσοκράτει | τῶι Ἀχιλλη|ΐ̈ωι – *КБН* 1059). На мой взгляд, наиболее вероятно, что упомянутый этникон (демотикон?) имеет отношение к жителю боспорского Ахиллия, а не какого-то иного. Затем упомянуты «деревни» Патрей (Πατραεύς; ср. St. Byz. s. v. Πάτρασυς: «понтийский город, как говорит Гекатей в описании "Азии"») и Корокондама (Strab. XI. 2, 8)[27]. На внутреннем побережье Корокондамитского озера располагаются *города*: Фанагория, Кепы, Гермонасса и святилище Апатур, при этом последние два пункта располагаются «за Гипанисом,

[25] Ср.: Ps.-Scyl. Per. 68; Ps.-Arr. PPE. 76, где Китей, также как Тиритака и Мирмекий, назван городом.

[26] Как и Парфений, что находился вдвое дальше от Мирмекия (40 стадий), чем тот отстоял от Пантикапея.

[27] Стефан Византийский (s. v.), сообщая, что Корокондама – «деревня близ Синдики», прямо ссылается на XI книгу «Γεογραφούμενα» Артемидора.

в Синдике», где «недалеко от моря» расположена и Горгип[п]ия, «столица синдов», и некая Аборака (Strab. XI. 2, 10).

В этом пункте мы остановимся, отметив, что здесь Страбон, компилируя разные источники, явно не разобрался в ситуации и допустил ошибки, усугубленные поздними переписчиками «Географии» [см.: *Тохтасьев* 2002, 11–22; *Завойкин* 2020, 150–151, 155–158]. Для нас важнее акцентировать внимание на терминологии Страбона. Эта задача упрощается тем, что Л. И. Грацианская в своем исследовании источниковедческих проблем применительно к «Географии» Страбона специальное внимание уделила противопоставлению терминов πόλις и κώμη, которое у этого автора «выступает на первый план». В частности, она пишет: «Противопоставление идет у Страбона по нескольким линиям: в первую очередь, по признаку территориального размера, населенности, наличия монументального строительства, ремесел для производства товаров и торговли, а также разного рода культурных и культовых учреждений: театров, библиотек, храмов и т. д. Страбоновский термин πόλις не включает в себя политического компонента, о его управлении и государственной принадлежности обычно сообщается отдельно. Укрепленность также не обязательна для полиса, он может быть укрепленным, а может и не быть» [*Грацианская* 1988, 124–125].

В целом, видимо, это утверждение справедливо, и оно подкреплено рядом ссылок на сам источник [см. там же, прим. 117]. Однако не следует упускать из виду, что терминология Страбона, отнюдь не всегда имевшего возможность составить собственное представление о физическом облике и размерах упомянутых им населенных пунктов, во многом зависит от его источников. А они (главным образом литературные[28]) были многочисленны, разновременны и разнообразны по своему характеру. Очевидно, что в компилятивном труде Страбона сложно, а скорее даже невозможно определить сколько-нибудь достоверно идентичность терминологии, представленной в разных частях его сочинения, т. е. в разных регионах ойкумены. Таким образом, если в понимании Страбона противопоставление πόλις / κώμη – это неоговоренное точно соотнесение поселений по размеру и «физическому облику» (вовсе не означающее «город / сельское поселение, деревня»[29]), то это ни в какой мере не означает автоматически то же самое применительно к тем источникам, из которых Страбон почерпнул информацию.

Итак, мы видим, что к числу πόλεις Страбоном отнесены наиболее значительные города: *Пантикапей*, μητρόπολις боспорцев, город с акрополем, гаванью и доками на 30 кораблей (VII. 4, 4); *Фанагория* – πόλις ἀξιόλογος, μητρόπολις азиатских боспорцев (XI. 2, 10); *Феодосия*, «город с плодородной долиной и гаванью, пригодной даже для сотни судов» (VII. 4, 4); *Нимфей*, «город с хорошей гаванью» (VII. 4, 4); *Кепы* и *Гермонасса* [«прекрасно построенная»] (XI. 2, 10; [Dion. Per. 541–553]); «*синдская гавань и город*» (XI. 2, 14)[30]. Для четырех из этих шести городов нам известны их метрополии[31], а в отношении одного

[28] В том числе для Северного и Восточного Причерноморья – в особенности [*Грацианская* 1988, 38].

[29] В этой связи еще раз напомню идентичность для географа понятий κώμη и πολίχνιον применительно к Мирмекию.

[30] Т. е. Синдская Гавань = Горгиппия [см.: Тохтасьев 2002, 11 слл.,; Завойкин 1998].

[31] Пантикапей, Феодосии и Кепы – колонии Милета (Strab. VII. 4, 4; Plin. NH. IV. 87; Arr. PPE. 30; Ps.-Arr. 77; Ps.-Scymn. 899; Ps-Arr. 74); Фанагорию основали теосцы (Ps.-Scymn. 886–887; Eust. Comm. ad Dion. 549); Гермо-

(Синдская Гавань) мы знаем, что он был основан «эллинами из ближних местностей» (Ps-Scymn. Per. 896–899)[32].

К κῶμαι же причислены меньшие по размерам поселения «городского типа», которые в нашей историографии принято называть «малыми боспорскими городами». В прямом переводе источников их обычно обозначают: «деревни» или «селения», в то время как в иных источниках (в основном более ранних или в зависимых от них поздних) некоторые из них фигурируют под термином πόλις: *Мирмекий* (πόλις / πολίχνιον) и *Китей* (Ps.-Scyl. Per. 68; Strab. VII. 4, 5; Ps-Arr. PPE. 76[33]; Ptol. III. 6, 5; St. Byz. s.vv.); *Тиритака* (Ps.-Arr. PPE. 76; Ptol. III. 6, 3; St. Byz. s. v.); *Киммерида*, «основанная боспорскими тиранами» (Ps.-Scymn. Per. 896–899; Ps.-Arr. PPE. 74); *Патрей* / Патрасис, «понтийский город», упомянутый Гекатеем Милетским в «Азии» / Патус, город в Синидке[34] (St. Byz. s. v.; Ps-Scyl. Per. 72).

И хотя, как было отмечено ранее, некоторые из этих городов (городков), определяемых Страбоном как κῶμαι, вполне могли изначально существовать как автономные πόλεις (Мирмекий, Тиритака, Патрей, Киммерида, менее вероятно – Ахиллий и Корокондама[35]), возможно, что в государстве Спартокидов они вовсе утратили свой полисный статус, даже в «усеченном» виде[36]. Это, разумеется, не означает, что они перестали существовать как городские поселения и превратились в деревни в собственном смысле слова. Как мы можем видеть, что это вовсе не так. Мирмекий и Тиритака сохраняют свой урбанистический облик, наряду с ними городские оборонительные стены приобретают Китей и Акра, которые появились в результате внутренней колонизации.

Попытаемся суммировать сказанное. Все, что нам известно об этих «малых городах» (κῶμαι), едва ли согласуется с представлением об облике сельского поселения, деревни. Но в то же время, похоже, что эти «поселения городского типа» по ряду признаков своим статусом отличаются от более крупных городов (πόλεις). Опираясь на наблюдение, сделанное при анализе текста Полиена (Strat. VI. 9, 3), рискну предположить, что эти городки являлись центрами территориальных областей (сельских округ), которые именовались *ко́мами*[37]. Косвенно на это указывает и отмеченная выше, весьма эпизодически сохранившаяся в источниках, связь упоминаний этих центров (*ком*) с земледельческой тематикой. Так, Акра находится в «пантикапейской земле»; между Феодосией, обладавшей плодородной долиной, и Пантикапеем лежат плодородные земли, на которых располагаются κῶμαι (в их числе – Акра) и город Нимфей (Strab. VII. 4. 4). Этого, конечно, слишком мало, чтобы

нассу – ионийцы и эолийцы (Dion. Per. 541–553 = Eust. Comm. ad Dion. 549).

[32] Речь здесь идет о реколонизации города Спартокидами, в результате чего он получил имя Горгиппия [*Завойкин* 1998, 143–145].

[33] Наряду с городом Киммериком, который известен только в таком статусе (Ptol. III. 6, 5).

[34] Наряду с Фанагорией и Синдской Гаванью. По мнению некоторых (ВДИ. 1947. № 3, 155, прим. 14) Патус Пс-Скилака – это «селение с гаванью» Бата Страбона (XI. 2, 14).

[35] К сожалению, материальные остатки трех последних не найдены, не сохранились или остаются недоступными археологическому исследованию.

[36] Важнейший вопрос о том, какое место в социально-политической структуре могли занять жители (граждане) этих «упраздненных» полисов, как и вопрос об их положении в структуре поземельных отношений в виду скудости источников чрезвычайно трудны для решения (если вообще возможно дать на них обоснованный ответ). Поэтому здесь мы этих вопросов касаться не будем.

[37] Нет ничего удивительного в том, что большинство из них (если не все) располагались на побережье.

утверждать, что во всех случаях, когда географ упоминает боспорские κῶμαι, следует полагать, что за этим термином скрывается аграрные городки, центры сельскохозяйственных округ. Сам Страбон, безусловно, так не думал (для него это вообще не имело значения), черпая информацию и, вероятно, терминологию из сочинения Артемидора (см. прим. 27). Скорее всего, и для последнего содержательная информация о статусе населенных пунктов этого региона не представляла интереса. Однако Артемидор мог использовать источник (по содержанию, это мог быть только источник местный), в котором получили отражение элементы территориально-административной структуры боспорских земель. Не исключаю даже (хотя доказать это, конечно, невозможно), что этот был тот же самый источник (первоисточник), из которого заимствовал нужную ему информацию Полиен. Иначе говоря, по всей видимости, именно над такими *ко́мами* поставил начальниками родственников подозреваемых в измене триархов Левкон I. Подобная практика близко напоминает предоставление Кеп «в кормление» деду Демосфена, Гилону, по-видимому, еще отцом Левкона, Сатиром I (Aesch. III. 171–172) [см. *Завойкин* 2013, 289–290 с лит.][38].

Китей, явным образом, может быть поставлен в один ряд с другими упомянутыми κῶμαι, хотя, в отличие от них, во всех сохранившихся источниках он назван городом. *Ко́ма*, как низовой элемент административно-территориальной структуры Боспора, с центром в Китее[39], следует полагать, как и соседняя Акра, располагалась «в пантикапейской земле», т. е. на разросшейся хоре Пантикапея. В таком случае ее жители были гражданами того же полиса. В 234 г. н. э. община китеитов (ἡ πατρὶς Κοιτειτῶν) на собственные средства возвела «от основания» храм (с прилегающим домом и оградой) богу гремящему внемлющему (*КБН* 942). Термин πατρίς неоднозначен для понимания (см. *КБН*, стр. 524–525), но, если даже он означает только часть, а не всю общину жителей Китея, очевидно, что *китеит* – это демотикон, который употреблялся применительно к населению этой *ко́мы*.

Список литературы

Б*ерве* Г. 1997. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 640.

В*ахонеев* В. В., *Соловьев* С. Л. 2018. Боспорский город Акра в IV в. до н. э. по материалам подводных исследований // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. I. СПб., 245–249.

[38] Разница здесь только в том, что Кепы – это *полис* с иным, более высоким статусом, и расположен он не «в пантикапейской земле». Данный пример лишь оттеняет тот факт, что политические и административные права Спартокиды в отношении захваченных (или присоединенных к их державе на добровольной основе, не важно) полисов были практически безграничны, и они (эти полисы) были включены в единую государственную структуру.

[39] Не исключено, что сами *ко́мы* именовались по названию своих городских центров.

Виноградов Ю. А. 1995а. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы конф. Севастополь, 65–68.

Виноградов Ю. А. 1995б. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 9, 79–96.

Г*аспаров* М. Л. 1983. [Поэтика. Примечания] // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 779–788.

Грацианская Л. И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // ДГ СССР 1986 г. М., 6–175.

Ж*ижина-Гефтер* В. Б. 1918. Новый статус Феодосии в составе Боспорского царства: к истолкованию пассажа Demosth. XX. 30–33 // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. I. СПб., 81–88.

З*авойкин* А. А. 1998. Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия // ВДИ. 3, 134–145

Завойкин А. А. 1999а. Проблема локализации Киммериды // ДГВЕ. 1996–1997 гг. М., 220–236.

Завойкин А. А. 1999б. Периодизация истории Киммериды // ДБ. 2, 114–122.

Завойкин А. А. 2007. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.–Киев–Запорожье, 219–243.

Завойкин А. А. 2009. О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 13, 176–205.

Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь, 589.

Завойкин А. А. 2017. «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова) // ПИФК. 3, 147–163.

Завойкин А. А. 2021а. Фанагория и Спартокиды (историко-археологический очерк) // ПИФК. 4, 174–193.

Завойкин А. А. 2021б. Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // Hyanis. 3, 58–71.

Завойкин А. А., *Завойкина* Н. В. 2020. Третий декрет Спартокидов из Фанагории // ДБ. 25, 134–154.

К*ошеленко* Г. А., *Усачева* О. М. 1992. Гілон і Кепи // Археологія. 2, 51–56.

Кузнецов В. Д., *Абрамзон* М. Г. 2020. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория. Т. 8). М., 158.

М*арти* Ю. Ю. 1929. Раскопки городища Китая в 1928 г. // ИТОИАЭ. III (60), 116–130.

Молев Е. А. 1986. Боспорске місто Кітей IV–III ст. до н. э. (За матеріалами розкопок 1970–1981 р.) // Археологія. 54, 33–46.

Молев Е. А. 1997. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 118.

Молев Е. А. 2010. Боспорский город Китей (БИ. Suppl. 6). Симферополь–Керчь, 315.

Н*овичихин* А. М. 2014. Синдская топонимия // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Краснодар–Анапа, 39–45.

Р*остовцев* М. И. 2014. Страбон, как источник для истории Боспора // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 366–380.

Ростовцев М. И. 2025. *Скифия и Боспор*. Л., 626.

Ростовцев М. И. 1989. Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 2, 183–197.

С*апрыкин* С. Ю. 2003. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 1, 11–35.

Суриков И. Е. 2008. Солнце Эллады. История афинской демократии. СПб., 359.

Т*охтасьев* С. Р. 2002. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. 4. СПб., 11–34.

Ф*ролов* Э. Д. 2001. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 599.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 2022. De titulis Bosporanis et viciniis VI // ДБ. 27, 315–335.

Summary

A. A. Zavoykin

Kytaion: reflections on the "small bosporan town"

Kytaion was a small Bosporan town. It originated in the process of internal colonization by the Hellenes of the lands of Eastern Crimea. Literary sources, starting with the Periplus of Ps.-Scylax (3rd quarter of the 4th century BC), call it πόλις. At the same time, settlements similar to it in size and urban appearance in Strabo's "Geography" (and in later sources) are attributed to the number of κῶμαι. (Some of them were probably founded as independent *apoikiai* as a result of the Great Greek Colonization, but lost the polis' status due to their entry into the power of the Spartokids.) In Russian historiography the term κῶμαι is usually translated and understood as "villages", "rural settlements", although it is polysemantic (settlement; the Dorian equivalent to Attic *demes*; urban area, quarter).

The author of the article, relying on the testimony of Polyaenus (Strat. VI. 9, 3) about appointment by Leucon I to relatives of suspected treason of *trierarchs* in the management of κῶμαι, tried to prove that here we are not talking about individual "villages", but about rural districts – the lowest district in the administrative-territorial system of the Bosporus state. From this angle, he analyzed information about these κῶμαι in Strabo, descended from writing of Artemidorus of Ephesus. As a result, the author concluded that, unlike the larger cities that retained elements of *polis'* form organization (Pantikapaion, Phanagoria, Theodosia, Nymphaion, Kepoi, Hermonassa, Gorgippia), the so-called "small Bosporan towns" (Strabo' κῶμαι) were mainly urban centers of territorial districts. The formation of such a structure dates back to the reign of Leucon I, although the beginning of this process must apparently be dated back to the last decades of his father's life. Probably, these districts were named after their urban centers, and the *demoticon* of their inhabitants remained used, at least as early as the 3rd century AD (*CIRB* 942).

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.113-124

Н. В. Завойкина
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Новые коммерческие надписи на амфорах V–IV вв. до н.э. из Фанагории[1]

Импортные амфоры непосредственно отражают торговый обмен между полисами продуктами первой необходимости, к числу которых относится вино, оливки (давленные или в рассоле) и оливковое масло, соленая рыба и пр. [*Garlan* 2000, 1]. Древние авторы единодушно отмечают, что вино и оливковое масло были основными продуктами, которые средиземноморские центры поставляли в Северное Причерноморье (Dem. Adv. Lacr. XXXV.35; Polyb. IV.38.5; Strabo. XI.2.3). И Фанагория, конечно, не была исключением. Во второй половине VI–V в. до н. э. одним из основных торговых контрагентов Фанагории являлся о. Хиос. С середины – второй половины V в. до н. э. заметную роль в торговле с Фанагорией начинает играть Фасос [см. *Завойкин* 1992, 260–264], свои коммерческие позиции этот центр сохраняет и в IV в. до н. э.

Практически в каждом крупном центре-экспортере бытовали специфические формы амфор, обычно не схожие с формами керамической тары других полисов. Это обстоятельство было осознано достаточно давно, и в источниках имеется прямое указание на это: из свидетельства Афинея известно, что по заказу Кассандра Лисиппом был изготовлен прототип амфоры для новой столицы (Athen. XI, 784c). Надо полагать, что практически всякий рядовой покупатель без всяких этикеток прекрасно знал, в каких амфорах продается вино с Хиоса, Фасоса или Лесбоса [*Monakhov*, *Kuznetsova* 2017, 63]. Поэтому появление коммерческих маркировок (дипинти, граффити) на импортных амфорах второй половины VI–IV в. до н. э., найденных на Боспоре, выступает сравнительно редким и интересным источником, который конкретизирует ассортимент поставляемых продуктов и напитков в амфорах, а также представляет имена поставщиков и покупателей.

Если касаться вопроса о причинах маркировки тары, то можно выделить, по крайней мере, две, которые представляются наиболее важными. Во-первых, в амфорах одного центра могли поставляться разные сорта вин и виды продуктов. Торговые метки позволяли определить содержимое в тарных сосудах до их вскрытия. В поддержку

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН “Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций” (№ НИОКТР 122011200269-4).

этого мнения выступают дипинти и граффити «А» и «Е» на хиосских пухлогорлых амфорах, которые обозначают, соответственно, виноградное вино и оливковое масло (см. ниже). Во-вторых, коммерческая маркировка амфор была, как кажется, необходима при смене привычной, старой формы амфор на новую. Определенная форма тары помогала купцам и покупателям определить центр производства и содержимое в новой, непривычного облика транспортной таре. В частности, смена хиосских пухлогорлых амфор прямогорлыми на рубеже третьей и последней четвертей V в. до н. э. могла послужить причиной появления на последних коммерческих меток типа «X», «XI»[2].

Дипинти на амфоры наносились, как правило, в местах заполнения тары продуктом или же непосредственно перед их продажей заказчику [*Намойлик* 2010, 400]. Вопрос об условиях нанесения коммерческих граффити выглядит сложнее, поскольку нельзя однозначно решить, когда была процарапана торговая маркировка [*Намойлик* 2010, 398–400]. Она могла быть сделана купцом в месте приобретения амфоры с вином, условно говоря, «под заказ» или уже после доставки амфор (-ы) в определенный центр[3]. Дипинти и граффити на амфорах, найденные в городах и поселениях Боспора, регулярно публикуются. За последние 15 лет они были обобщены и систематизированы в нескольких монографических исследованиях [*Сапрыкин*, *Масленников* 2007; *Молев* 2010; *Емец* 2012; 2017; *Ильяшенко* 2013], не считая многочисленных отдельных их публикаций. Подобная историографическая ситуация облегчает исследование поставленных вопросов. Однако какие именно вина и продукты с Хиоса и Фасоса поставлялись в Фанагорию, решить сложно в виду краткости большинства коммерческих маркировок на амфорах [*Емец* 2012, 197–199; 2017, 120].

Новые надписи на амфорах.

1. Практически целая (после реставрации) хиосская пухлогорлая амфора 470–450 гг. до н. э. (рис. 1. *1*) [*Завойкин, Кузнецов* 2020, 137, рис. 6. *7*; 138] была найдена в 2018 г. на раскопе «Верхний город» в числе других тарных сосудов, раздавленных рухнувшими сырцовыми стенами, в подвальном помещении (№ 835), разрушенного в результате сильного пожара. Эта постройка предположительно интерпретируется как святилище хтонических богов [*Кузнецов* 2019, 404–405, рис. 4, 5; 411]. Многочисленные амфоры[4], столовая керамика, светильники и др. предметы, находившиеся в этом заглубленном помещении на момент катастрофы, указывают на то, что оно использовалось для хранения имущества и продуктов, принадлежавших храму в антах [*Кузнецов* 2019, 404, рис. 3]. Находки в этом комплексе фрагментов глиняных пробок[5] свидетельствуют, что, по крайней мере, часть амфор с вином хранилась здесь закупоренными (рис. 3).

В верхней части амфоры сохранилась 2-х строчная надпись (рис. 1. *2*; 2). Высота букв 2,5–4 см, расстояние между ними 1–2 см. Состояние надписи хорошее, несмотря на то что, местами буквы повреждены случайными царапинами (*ипсилон*, *ро* в стк. 1;

[2] См. ниже**.** Примечательно, что на этот же отрезок времени приходится нерегулярное клеймение хиосской амфорной тары (*Grace* 1979, fig. 48, 49).

[3] Вопрос о вторичном использовании амфор и «вторичных» граффити на них выходит за рамки темы статьи.

[4] Всего здесь обнаружены обломки не менее 22 амфор [*Завойкин* 2019, 110; 2020, 138, прим. 33].

[5] Об использовании амфорных затычек из необожженной глины см. [*Завойкин*, *Шавырина*, 2013, 34–38, рис. 10].

Рис. 1. Хиосская амфора второй четверти V в. до н.э. из подвала № 835 (*1*); надпись на плече амфоры (*2*)

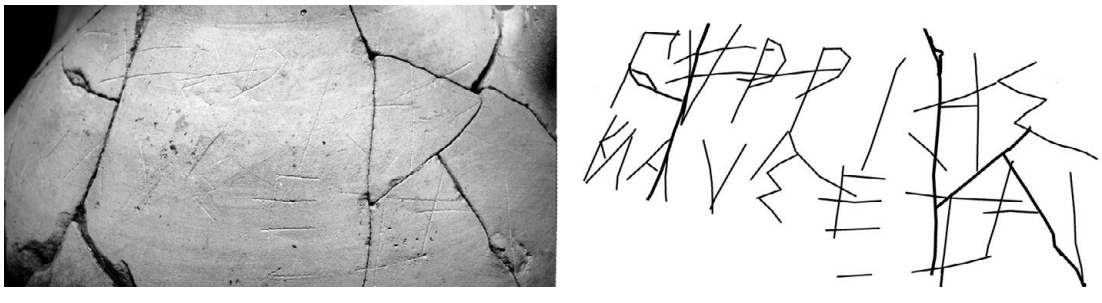


Рис. 2. Надпись на амфоре и ее прорисовка

йота, *альфа* в стк. 2) и разломами амфоры. В стк. 1 левая гаста *ипсилон* частично повреждена трещиной, также разлом стенки амфоры уничтожил полностью левую гасту *эты*. В стк. 2 затерта лицевая поверхность амфоры над буквами *каппа*, *альфа*, *исилон, сигма.* Левая гаста *альфы* (предпоследняя буква в стк. 2) уничтожена разломом стенки амфоры.

Надпись: ΠΥΡΡΙΗΣ | ΚΛΑΥΣΕΙΑΙ – Πυρρίης Κλαυσει АІ.

Имя Πυρρίης в антропонимии боспорских городов встречается впервые. Это достаточно редкая ионийская, форма популярного имени Πυρρῖας[6]. Имя Πυρρίης отмечено всего 4 раза за пределами Боспора: на Фасосе (Северная Эгеида) в VI–IV вв. до н.э. (LGPN II, s.v.; LGPN III, s.v.), в Колофоне (Иония) в 311–306 гг. до н.э. (LGPN I, s.v.) и Теносе[7] в архаическое время [*Jeffery* 1990, 306, no. 51; LGPN I, s.v.]. Буквы ΚΛΑΥΣΕΙ понимаем как dat. sing. мужского имени Κλαυς. Горизонтальная черта в центре *альфы* просматривается с левой стороны под затертой лицевой поверхностью (рис. 2 а, б). Имя

[6] По данным LGPN, отмечено 132 раза в разных регионах античного мира.

[7] Располагался на одноименном острове в Кикладском архипелаге.

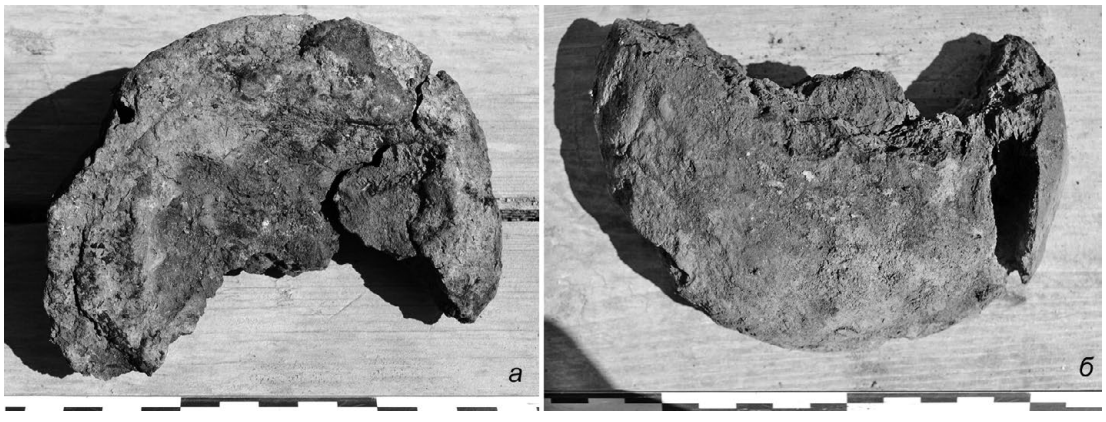


Рис. 3. Глиняные амфорные пробки из подвала № 835

Κλαυς встречено в граффито на поддоне чернолакового *стемлесса* второй четверти – середины V в. до н. э. из Фанагории [*Завойкина* 2019, 37]. Предполагаем, что фанагорийский антропоним Κλαυς представляет ранний вариант греческой транслитерации киликийского имени Κλους. Не исключено, учитывая редкость антропонима Клавсий, что в обеих надписях упоминается один и тот же житель Фанагории первой половины V в. до н. э. Таким образом, надпись содержит имя отправителя и адресата и переводится как «Пиррий Клавсию AI».

Аббревиация AI. В настоящее время публикуемая надпись является самой ранней, в которой встречено сокращение AI. Эти буквы неоднократно встречены на амфорах, но у исследователей нет единого мнения в его интерпретации. Одни понимают эти буквы, как начало имени владельца [*Крапивина*, *Диатроптов* 2014, 7]. Другие – как «ἀ(μφορεύς) I, амфора объемом в один амфорей, что составляет один метрет, 39,4 л» [*Сапрыкин*, *Масленников* 2007, № 1, 84, 700, 913]. Не исключается трактовка как «первая или одна партия с виноградным вином», а сокращения AB, AГ и т. п. могли указывать на вторую, третью и последующие партии винных поставок [*Сапрыкин*, *Масленников* 2007, № 10]. Учитывая содержание надписи, становится очевидным, что из всех интерпретаций ни одна не раскрывает смысла аббревиации AI. Так, её расшифровка как «1 амфорей (39,4 л)» невозможна, поскольку объем пухлогорлой хиосской амфоры второй четверти V в. до н. э. составляет 25–27 л. Интерпретация как «первая или одна партия с виноградным вином» подразумевает поставку партии амфор, однако на других амфорах (обнаружено не менее 22) из подвального помещения не встречено цифровых меток. Можно было бы предположить чтение AI как цифры 11, то есть: «Пиррий Клавсию 11 (амфор)». Такое чтение подразумевает наличие цифровых меток на других амфорах из «складского помещения» (№ 835). Однако таковых также не было обнаружено.

Высказывалось мнение, что буквы AI на хиосских амфорах могут выступать начальными буквами слова αἴ(θοψ), которое входит в словосочетание «αἴθοψ οἶνος, багряное вино» [*Емец* 2017, 9–10]. Под определением «багряное вино» понимается темное, черное вино, которое производилось на Хиосе. Перевод прил. αἴθοψ как «багряный» было

предложено в русскоязычном издании труда Афинея «Пир мудрецов» [2004, 38, прим. 211][8]. Трактовка сокращения AI как «αἴθοψ οἶνος» представляет интерес для рассматриваемого контекста. Как отмечалось, при исследовании Фанагории хиосские амфоры обнаружены в значительном количестве, что отражает интенсивность торговых отношений между Хиосом и Фанагорией в конце VI–V вв. до н. э. Хиосское вино из-за своего высокого качества пользовалось широким спросом. Об этом свидетельствуют многочисленные хвалебные упоминания этого напитка античными писателями и поэтами (Athin. Deipn. I. 51, 59; Plin. NH. XIV.9; поэты: Эвбул (Kock. II. 209), Филлий (Kock. I. 787)). Так, Афиней в «Пире мудрецов» приводит длинный список разных винтажных вин, среди которых лучшим, по мнению автора, является хиосское вино (Athen. I. 32f). О высокой стоимости хиосского вина во времена Сократа в Афинах сообщает Плутарх – цена за амфору доходила до 100 драхм и более за метрет (Plut. De tranq. 470f). Очевидно, что источники указывают на взаимосвязь между сокращением AI, обильным хиосским импортом в Фанагорию и свидетельствами древних авторов о высоком спросе на хиосское вино. Аббревиация AI известна в виде дипинто на фрагменте горла хиосской амфоры с поселения хоры Нимфея [*Власова* 2003, 59]. Именно подобная встречаемость (в дипинто и граффито) сокращения AI на амфорах одного центра производства дает основания подозревать, что под ним может скрываться одно и тот же название хиосского вина.

По нашему мнению, русскоязычный перевод выражения «αἴθοψ οἶνος» нуждается в уточнении. Рассмотрим нарративные источники, чтобы понять, какое вино подразумевалось в античности под словом αἴθοψ и насколько перевод «багряный» передает значение этого др.-греч. прилагательного. Словосочетание «αἴθοψ οἶνος» впервые встречается у Гомера (Hom. Il. I.460–465; IV.259; XXIII.237; XXIV.791). Контекст упоминаний (как правило, это сакральные возлияния и пиры аристократии) не позволяет однозначно понять, какое именно вино употребляли герои «Илиады». Объяснение значения прил. αἴθοψ находим в «Гелиэвтике» Оппиана, автора второй половины II в. н. э. Он сообщает, что рыба коракин (букв. «вороненок») названа так из-за темного цвета своей наружности (…καὶ κορακῖνον ἐπώνυμον αἴθοπι χροιῇ) (Opp. H. I. 133)[9]. Итак, согласно Оппиану, αἴθοψ обозначает буквально «цвет оперенья ворона», т. е. насыщенный черный. У Афинея же в пассаже о преимуществах старого вина встречаем интересное упоминание, что Гомер восхваляет старое вино черного цвета, называет его *αἰτοποβым* (Athen. I. 47: …ἐπαινῶν δὲ Ὅμηρος τὸν μέλανα οἶνον πολλάκις αὐτὸν καὶ αἴθοπα καλεῖ.). Далее Афиней сообщает, что оно очень крепкое, а действие его – длительное. Итак, под определением «αἴθοψ οἶνος» у Гомера следует понимать вино черного цвета. Сохранили ли греки позднее гомеровское восприятие *αἰτοποβα* вина? Следует принимать во внимание, что эллины предпочитали старые, выдержанные вина, поскольку считали их не только более приятными на вкус, но и полезными для здоровья (Athen. I. 47). У того же Афинея имеется ремарка, что греки делили вина на белые, желтые и черные сорта (Athen. I. 59: τῶν οἴνων ὁ

[8] Перевод «багряный» не единственное значение прил. αἴθοψ, оно может переводиться и как пурпурный (Epigr. ap. Luc. Dips. 6).

[9] А. И. Емец приписывает Оппиану мнение, что при определении сорта вина термин αἴθοψ является синонимом слова «черный» [*Емец* 2017, 10]. Как видно из цитированного отрывка, ничего подобного Оппиан не сообщает.

μὲν λευκός, ὁ δὲ κιρρός, ὁ δὲ μέλας). Учитывая современное деление вин по цветовой гамме, можно считать, что распределение вин у Афинея подводит к очевидному выводу: наименование «черное вино, ὁ μέλας οἶνος» подразумевает красные сорта вин. Феопомп Хиосский, историк второй половины IV в. до н. э., сообщает, что хиосцы первыми научились производить черное вино (FGrHist 115 F 276: Θεόπομπος δέ φησι παρὰ Χίοις πρώτοις γενέσθαι τὸν μέλανα οἶνον…). Таким образом, можно заключить, что прилагательные αἴθοψ и μέλας использовались для обозначения насыщенных по тону красных вин, «черных», по представлениям древнего грека, но обозначают они, насколько позволяют судить нарративные данные, разные виды вина. Так, термин μέλας употребляется для названия красного вина вообще; термин αἴθοψ является более древним и использовался, если верить Афинею, для обозначения старых, выдержанных, темно-красных вин густого черного оттенка. Какое слово наиболее близко передает значение прил. αἴθοψ в русском языке? Полагаем, что перевод «багряный, багровый» не совсем подходит для точной передачи значения прил. αἴθοψ. В русском языке «багряный» выступает синонимом значения ярко-красный, красный как указано в «Большом толковом словаре русского языка» [2018, багряный] и в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» [*Абрамов* 1999, багряный]. Однако это определение не вяжется со значением прил. αἴθοψ как «насыщенный черный цвет». Поэтому считаем, что под определением «αἴθοψ οἶνος» должно понимать не столько цвет вина, а скорее его сорт – старое, выдержанное темно-красное, почти черное, вино.

Суммируя сказанное, полагаем, что на хиосской амфоре надпись «Πυρρίης Κλαυσει ΑΙ» следует переводить как «Пиррий Клавсию выдержанное черное (вино)». Итак, *айтоповое* вино с Хиоса было поставлено Пиррием Клавсию в Фанагорию. Учитывая условия находки, можно предположить, что Клавс преподнёс амфору с выдержанным хиосским вином в храм на акрополе Фанагории. Хотя нельзя исключать, что Клавс был поставщиком вина и прочих продуктов для религиозных обрядов в этот же храм.

2. Остроугольная *альфа* процарапана на горле хиосской амфоры с воронкообразным горлом третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 4. *1*). Фрагмент найден при исследовании «Верхнего города» в 2014 г. Высота буквы – 7,1 см. *Альфа* в дипинти или граффити на амфорах из боспорских поселений встречена неоднократно [*Соломоник* 1984, 18, 43–44; *Сапрыкин*, *Масленников* 2007, № 4, 5, 67–83, 85, 87, 90, 94–97 и пр.; *Намойлик* 2010, 442; *Молев* 2010, 135, 165; *Монахов* и др. 2016, 65, Ch. 10; 74, Ch. 28; *Монахов* и др. 2019, 82, Ch. 23]. Распространено мнение, что литера А на амфорах является сокращением словосочетания «ἀ(μπέλιος οἶνος), виноградное вино» [*Соломоник* 1984, 18, 43–44; *Сапрыкин*, *Масленников* 2007, № 4, 5, 67–83 и пр.; *Намойлик* 2010, 442; *Молев* 2010, № 23, 239; *Емец* 2017, 120–121 и пр.]. Следует добавить, что жидкости (вино, оливковое масло) могли поставляться и хранится в однотипных амфорах[10]. Известны дипинти А на хиосских амфорах [*Завойкин* 2013, *Монахов* и др. 2016, 65, Ch. 10; 74, Ch. 28; *Монахов* и др., 2019, 82, Ch.23]. Из склада амфор № 290Б, погибшего в 470-х гг. до н. э. на акрополе Фанагории, происходит хиосская пухлогорлая амфора второй четверти V в. до н. э. с дипинти А [*Завойкин*

[10] Ср. дипинти А и Е на двух однотипных хиосских амфорах второй четверти V в. до н. э. из коллекции Гос. Эрмитажа (*Монахов* и др. 2019, 82, Ch. 23, 24).

Рис. 4. Фрагмент горла хиосской амфоры последней четверти VI в. – ок. 480 г. до н. э. с граффито «А» (*1*); фрагмент плечевой части фасосской амфоры с дипинто (*2*)

и др. 2013, 218, амфора № 7, 219, рис. 18. *7*]. Отметим, что подобная маркировка на тарных сосудах имеет вполне практический смысл. Она помогала торговцам и покупателям определить содержимое в амфорах, поскольку одни и те же типы амфор, в частности хиосские пухлогорлые, использовались для транспортировки и хранения как виноградного вина, так и оливкового масла (ἔλαιον)[11]. В последнем случае, содержимое обозначалось буквой Е [*Емец* 2017, 18–19].

3. Стенка верхней части фасосской амфоры с дипинто найдена в 2019 г. в ходе археологических раскопок «Верхнего города» Фанагории. На внешней стороне стенки сохранилось двухстрочная надпись красной краской (рис. 4. *2*). Местами надпись покрыта известковым налетом. Левые части первых букв в строках уничтожены сколом: в стк. 1 – левая гаста *мю*; в стк. 2 от начальной *ню* сохранился край правой гасты. Начертание букв отличаются сочетанием позднеархаических и классических форм, что характерно для второй половины V – первой половины IV вв. до н. э.: *альфа* то с прямой, то со скошенной центральной перекладиной; *каппа* с укороченной верхней косой гастой; *эпсилон* с горизонтальными равновеликими гастами; *мю* и *лямбда* с наклонными и слегка изогнутыми боковыми гастами; *ню* с укороченной центральной частью и небольшим наклоном буквы вправо; *омега* в форме вытянутого полуовала на широко расставленных в стороны коротких горизонтальных основаниях[12].

Дипинто: ΜΕΛΑΙΝΑΙ | ΝΙΚΩΝΙ

Чтение и перевод: μέλαιναι Νίκωνι – черные Никону.

[11] Об экспорте с Хиоса оливкового масла известно из папирусов архива Зенона (PSI IV. 428). См. также: (*Монахов* и др. 2019, 82, Ch. 23, 24).

[12] Аналогичная схема в начертании букв наблюдается в письме Полемарха из Фанагории второй половины V – первой половины IV вв. до н. э. [*Zavoykina* 2019, 419–420].

Вопрос о содержимом позволяет рассмотреть прил. μέλαιναι (fem., plur.), которое выступает названием хранившегося продукта в амфоре. У Афинея в «Каталоге закусок» сохранилась информация о видах оливок и способах их заготовки в античности (Athen. Deipn. II. 47). Среди прочего, он упоминает черные маслины, μέλαιναι ἐλάαι. Писатель приводит мнение др.-греческого врача Дифила[13], который не рекомендует их употреблять целыми в пищу – от них болят и голова, и живот, – качество черных маслин улучшается, если их подавить. Афиней передает также слова Филемона[14] о том, что черные маслины называются давленными (…στεμφυλίδες δὲ αἱ μέλαιναι). О давленных маслинах сообщает Аристофан (Kock. I.493: θλαστὰς ποιεῖν ἐλαίας).

Свидетельства античных авторов позволяют думать, что в дипинто из Фанагории под прил. μέλαιναι подразумевается, по всей видимости, словосочетание «μέλαιναι ἐλάαι, черные оливки». Сохранившиеся отрывки также показывают, что античная кулинария предполагает употребление давленных черных маслин в пищу. Однако нельзя исключать, что маслины поставлялись в амфорах и в мареновом виде [*Garlan* 2000, 1]. Употребление μέλαιναι в дипинто вместо словосочетания «μέλαιναι ἐλάαι» указывает, что мы имеем дело с распространенным среди торговцев и населения античных полисов наименованием черных оливок. Об использование усеченных названий в обозначении продуктов или способа их заготовки свидетельствует, в частности, употребление слова δρυπεπεῖς (спелые, зрелые) поэтом Телеклидом вместо выражения δρυπεπεῖς ἐλάαι, «спелые оливки» (Athen. Deipn. II. 47).

Среди изданных материалов из раскопок Фанагории обращает на себя внимание фрагмент амфоры с дипинто ΘΑCΙ[ΑΙΕΛΛ]ΑΙ – фасосские оливки. Он был найден при раскопках «Города А» в 1936–1937 гг. [*Блаватский* 1941, 16]. Чтение надписи было предложено Б. Н. Граковым [см. *Блаватский* 1941, 16]. Исследователь датировал амфору II в. до н. э. Однако фасосские амфоры этого времени в Причерноморье практически не известны, они весьма редки на Боспоре уже к началу второй трети III в. до н. э. [*Monakhov*, *Kuznetsova* 2017, 98][15]. Если судить по лунарной *сигме*[16] надпись на амфоре может датироваться и более ранним временем – второй половиной IV – началом III в. до н. э. И. А. Емец понимает эту надпись как часть дипинто с надписью [ΕΛΑΙ]ΑΙ, оливки [*Емец* 2017, 34]. Пока эта интересная надпись остается неопубликованной должным образом. Тем не менее, В. Д. Блаватский рассматривал ее как свидетельство импорта оливок с Фасоса в Фанагорию.

Таким образом, в дипинто на амфоре из Фанагории под словом «μέλαιναι» подразумеваются черные оливки, доставленные Никону с Фасоса. Надпись на амфоре с указанием фанагорийского адресата была сделана незадолго до отправки товара в Фанагорию. К сожалению, мы не располагаем сведениями, была ли на этой амфоре с дипинто

[13] Автор обширного труда о питательных веществах, уроженец Сифна, современник Лисимаха, правителя Фракии (323–281 гг.).

[14] Греческий комедиограф IV в. до н. э.

[15] По подсчетам С. Ю. Монахова и Е. В. Кузнецовой, к 271–265 гг. до н. э. объем поставок продуктов с Фасоса не превышал 8,2% от общего объема импорта в Фанагории.

[16] В ряде экземплярах «Трудов ГИМ» лунарная *сигма* осталась не пропечатанной в тексте, но на стр. 16 между *альфой* и *йотой* просматривается ее оттиснутый контур.

цифровая маркировка, которая указывала бы количество поставленных Никону амфор. В совокупности два дипинти на фасосских амфорах содержат информацию о поставках оливок, в том числе черных, в столицу Азиатского Боспора. Остается пока не известным, в давленном или маринованном состоянии они поступали на фанагорийский рынок.

Вернемся к надписям на хиосских амфорах из Фанагории. Дипинто AY в лигатуре встречено на хиосской пухлогорлой амфоре [*Завойкин* и др. 2013, 216, амфора № 4, рис. 17. 4][17] из склада амфор 290Б 470-х гг. до н. э. на акрополе Фанагории. Аналогичное дипинто известно на стенке амфоры из Мирмекия [*Емец* 2012, № 367]. Предполагается, что буквы AY являются сокращением словосочетания αὐ(στηρὸς οἶνος) – «кислое вино» и обозначают содержимое амфоры [*Емец* 2017, 16]. Предлагаемая расшифровка лигатуры AY представляет интерес для темы нашего исследования. Вопрос: насколько точно перевод «кислое вино» передает представления греков об *аустеровом* вине? В одном из медицинских трактатов Гиппократа (ок. 460–370 гг. до н. э.) говорится, что при лечении сложных травм повязку необходимо намочить в черном *аустеровом* вине: …τούτος ἐν οἴνῳ μέλανι αὐστηρῷ βρέχοντα… (Hp. Fract. 28). Как было показано выше, прил. μέλας использовалось в словосочетании μέλας οἶνος для обозначения красного вина. В третьей книге *Problemata Physica*, которое приписывалось в древности Аристотелю, автор, рассуждая о пьянстве и влиянии вина на организм человека, противопоставляет по оказываемому воздействию γλυκὸς οἶνος, сладкое вино, и αὐστηρὸς οἶνος, кислое вино ([Arist.] Probl. III 872 b 35, 873 a 13). О том, что под αὐστηρὸς οἶνος Аристотель (или его последователь) подразумевает сухое вино показывает пассаж о причинах солоноватого вкуса, который, по мнению автора, выражен сильнее у сладкого, чем у кислого вина (([Arist.] Probl. III 934^{a} 34). Таким образом, сведения Гиппократа и Аристотеля дают основания думать, что под выражением «αὐστηρὸς οἶνος» следует понимать красное сухое вино, бывшее, по мнению античного человека, кислым по своим органолептическим свойствам. Дипинто AY на хиосской пухлогорлой амфоре второй четверти V в. до н. э. из Фанагории можно трактовать как «αὐστηρὸς οἶνος, сухое красное вино». Предполагаем именно красное вино, поскольку в античную эпоху Хиос славился производством разных сортов красного вина.

Дипинто «X» в форме прямого креста встречено на хиосской амфоре третьей четверти V в. до н. э., найденной в комплексе «Холм Г» [*Завойкин* 2013, 140, рис. 3. 2]. Буква *хи* наибольшее число раз встречена на хиосских амфорах из разных античных центров Северного Причерноморья [*Емец* 2017, 26–27]. На фрагменте горла хиосской амфоры IV в. до н. э. под венцом процарапано граффито «XI» [*Завойкина* 2017, 270, № 6]. Буквы XI интерпретируют как начальную часть словосочетания Χῖ(ος οἶνος), «хиосское вино». Подобные маркировки – не редкость [Зеест 1956, 60]. Только из сел и деревень Боспора происходит 13 аналогичных надписей [*Сапрыкин*, *Масленников* 2007, № 1240]. Нельзя исключать возможность, что появление граффити X и XI на хиосских амфорах следует связывать со сменой стандартных для определенного временного отрезка форм хиосских амфор.

Итак, амфорный материал из Фанагории предоставляет нам сведения о нескольких обозначениях содержащегося в них хиосского вина. Полагаем, что перечисленные

[17] В публикации дипинто прочитано как буквы AN.

сокращения на хиосских амфорах могут относиться к определенным сортам вина. Сокращение «AI» предлагаем трактовать как αἴθοψ οἶνος, «выдержанное, красное вино»; «AY» – αὐστηρὸς οἶνος, «сухое красное вино». Наименование Χῖος οἶνος, скрытое под сокращениями «X», «XI» на хиосских амфорах, по всей видимости, следует также рассматривать как наименование неизвестного ближе сорта хиосского вина. Хиос славился производством красного вина, и хиосское вино неоднократно упоминается в сочинениях древних авторов. Достаточно широкое употребление этого наименования заставляет подозревать, что под выражением «хиосское вино» авторы подразумевали какой-то определенный сорт красного вина с Хиоса. Наименование «ἀμπέλιος οἶνος – виноградное вино», которое на амфорах могло обозначаться литерой «А», является обобщающим наименованием всякого вина. Такое определение заставляет предполагать, что под ним может скрываться какое-то дешевое сухое вино, привозимое в амфорах, в том числе и с Хиоса.

Список литературы

А*брамов* Н. М. 1999. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 431.

Б*лаватский* В. Д. 1941. Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 г. // Труды ГИМ. XVI. Работы археологических экспедиций. М., 4–74.

Большой толковый словарь русского языка. 2018. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1534.

В*ласова* Е. В. 2003. Каталог керамических клейм и надписей // Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. Итоги работ Керченской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа: 1992–1996 гг. СПб., 110–113.

Е*мец* И. А. 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М., 1304.

Емец И. А. 2017. Содержимое древнегреческой керамической тары по данным граффити и дипинти. М., 257.

З*авойкин* А. А. 1992. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 260–270.

Завойкин А. А. 2004. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города» (ДБ. Suppl. I). М., 242.

Завойкин А. А. 2013. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // ДБ. 17, 132–152.

Завойкин А. А. 2019. О пифоидных амфорах с «полыми донъями» из Фанагории // КСИА. 254, 104–118.

Завойкин А. А., *Кузнецов* В. Д. 2020. Хронология архаического дома из Фанагории // Hypanis. 2. М., 129–140.

Завойкин А. А., *Кузнецова* Е. В., *Монахов* С. Ю. 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 (Фанагория. Т. 1). М., 206–229.

Завойкин А. А., *Шавырина* Т. Г. 2013. Погребение 23/180 Восточного некрополя Фанагории: к вопросу о закупорке античных амфор // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 (Фанагория. Т. 1). М., 230–239.

Завойкина Н. В. 2017. Коммерческие маркировки на амфорах третьей четверти VI–IV в. до н. э. из Фанагории // КСИА. 249/1, 264–274.

Завойкина Н. В. 2019. Материалы к истории фанагорийского общества // ПИФК. 4, 29–45.

Зеест И. Д. 1956. Керамическая тара боспорских городов (МИА. 83). М., 180.

И*льяшенко* С. М. 2013. Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III–IV вв. н. э. (БИ. XXIX). Симферополь – Керчь, 285.

К*узнецов* В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 24, 398–416.

М*олев* Е. А. 2010. Боспорский город Китей (БИ. Suppl. VI). Симферополь – Керчь, 316.

Монахов С. Ю., *Кузнецова* Е. В., *Федосеев* Н. Ф., *Чурекова* Н. Б. 2016. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь – Саратов, 222.

Монахов С. Ю., *Кузнецова* Е. В., *Чистов* Д. Е., *Чурекова* Н. Б. 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 352.

Н*амойлик* А. С. 2010. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // ДБ. 14, 397–450.

С*оломоник* Э. И. 1984. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 144.

Сапрыкин С. Ю., *Масленников* А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (Боспорские исследования. Supplementum I). Симферополь – Керчь, 320.

G*race* V. R. Amphoras and Ancient Wine Trade. Rev. Ed. (Excavations of Athenian Agora. Picture Book. No. 6). Princeton, 1979.

J*effery* L. H. 1990. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 480 + ill.

M*onakhov* S. Yu., *Kuznetsova* E. V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic till the Hellenistic Period // The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, connectivity, and cultural interactions. Cambridge, 59–99.

Z*avoykina* N. V. 2019. A Letter of Polemarkhos from Phanagoria // Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20–24, 2018 (Pontica et Mediterranea. Vol. VIII). Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 419–429.

Summary

N. V. Zavoykina

New commercial inscriptions on amphorae of the V–IV centuries BC from Phanagoria

Three inscriptions on amphorae from Phanagoria have published in the article. The inscription no. 1 was made on a Chios amphora dating to the second quarter of the Vth century BC. It reports «Πυρρίης Κλαυσει ΑΙ». The name Πυρρίης has found for the first time in the anthroponymy of the Bosporan cities. This is the Ionian form of the ancient Greek name Πυρρῖας. The letters ΚΛΑΥΣΕΙ present *dat. sing*. of the male name Κλαυς. The name Κλαυς is incited on a black-glazed stemless pallet dating from the second quarter to the middle of the Vth century BC from Phanagoria. It is assumed that the name Κλαυς represents an early version of the Ancient Greek transliteration of the Cilician name Κλους. The abbreviation ΑΙ has been interpreted as «αἴθοψ οἶνος». An analysis of the testimonies of Ancient Greek authors has showed that the phrase hides a certain sort of red wine from Chios – seasoned dark-red wine, which the Ancient Greeks named «black wine». Thus, the inscription no. 1 reports «Pyrries to Claus some seasoned black wine». The inscription no. 2 is represented by the letter «A» scratched on the neck of a Chios amphora dated to the 3rd quarter of the VIth century BC. It is widely believed that the letter A on amphorae is an abbreviation of the phrase «ἀμπέλιος οἶνος, – grape wine». The inscription no. 3 informs «μέλαιναι Νίκωνι, – many black to Nikon» and it is written in red paint on the fragment of a Thasian amphora. It dates from the second half of the Vth - the first half of the IVth centuries BC. The analysis of the testimonies of ancient Greek authors has revealed that *adj. pl. fem*. μέλαιναι refers to black olives. Traditionally, ancient Greeks ate them in crushed form. New and published dipinti and graffiti on amphorae from Chios and Thasos from Phanagoria, have given rise for a conclusion about the regular supplies of olives from Thasos from the second half of the Vth – beginning of the IIIrd centuries BC and several sorts, mainly, red wine from Chios in the last third of the VIth – IVth centuries BC. The archaeological materials from Phanagoria have provided us with information about several sorts of the Chios wine contained in amphorae. The abbreviation «ΑΙ» is interpreted as «αἴθοψ οἶνος, – seasoned red wine»; «ΑΥ» – «αὐστηρὸς οἶνος,– dry red wine». The name «Χῖος οἶνος», hidden under the abbreviations «Χ», «ΧΙ» of the amphorae, apparently, should be considered as the name of a closer unknown variety of Chios wine. The name «ἀμπέλιος οἶνος, – grape wine», which was denoted by the letter «A» on amphorae, is a generalized name for wine. Such a definition may be hiding under it some apparently dry and cheap wine, brought in amphorae, including from Chios.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.125-137

В.Г. Зубарев*, А.Е. Кислый**
(Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула;*
*** Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь)*

Поселение Каменской культуры Восточного Крыма в районе западной части некрополя городища «Белинское»

В 2015 г. в северной части урочища Аджиэль (Крымское Приазовье) С.Л. Смекаловым была проведена магниторазведка, позволившая выявить несколько поселений эпохи бронзы, в том числе Каменской культуры Восточного Крыма (ККВК). Разведками и шурфовками в этой же местности в 1984 г. экспедицией Керченского историко-археологического музея под руководством А.Е. Кислого также было выявлено поселение ККВК [*Кислый*, 1986, 241]. Это поселение расположено в 0,7 км к югу от с. Белинское в небольшой ложбине, открытой к северу и западу и окруженной невысокими холмами с северо-востока и юга.

ККВК достаточно своеобразная местная культура эпохи бронзы. Одна из ее особенностей – связь с древнейшими сухопутными (дальними, через весь Керченский п-в) и морскими (через Прото-Боспор Киммерийский) путями. По этой причине керамика и иные артефакты культуры могут выглядеть синкретически: на ранних этапах много проявлений катакомбноидных, а на поздних – прослеживаются традиции, ставшие характерными для Сабатиновской и срубной культур. О последнем писала ещё В.Д. Рыбалова – исследовательница поселения Каменка в 50–60-х гг. [*Рыбалова* 1974, 49], а о том, что ККВК может быть одной из первых культур региона, где на фоне катакомбных черт появляется многоваликовый орнамент, сделал предположение Г.М. Буров [*Буров* 2006, 97].

Заселенные местности у Азовского побережья как бы оставались немного в стороне от обозначенных древних путей. Конечно, по всей территории распространения упомянутой культуры существовали небольшие поселения, сезонные стойбища, стоянки и сторожевые пункты [*Кислый* 2004, 97]. Выяснение характера таких поселений в Приазовье, в Крымском предгорье и других местностях, не привязанных жестко к основным дорогам или к морскому побережью, составляет ныне очень важную задачу для понимания тех процессов, что проходили здесь в конце III – начале II тыс. до н.э. Напомним, что первые исследователи памятников этой культуры (А.Я. Брюсов, П.М. Заболоцкий, О.Н. Бадер) допускали в связи с ее особенностями название «Крымская прибрежная культура» [*Кислый* 2004, 94–97].

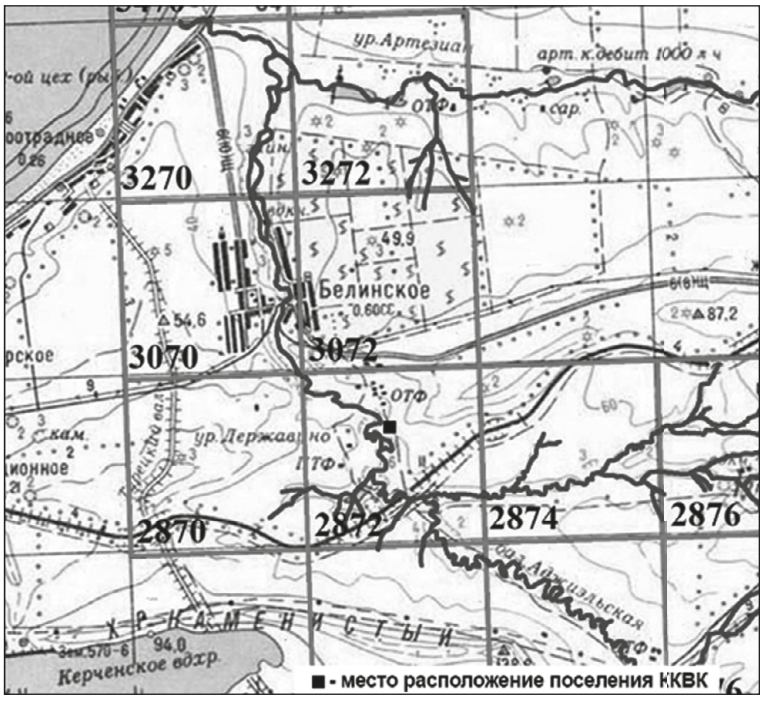


Рис. 1. Расположение поселения Каменской культуры Восточного Крыма

Обратим внимание и на памятники здешней округи античного времени, что помогает как бы оттенить проблемы жизнедеятельности местного населения и в предшествовавшие эпохи.

Городище античного времени «Белинское» и его некрополь расположены в северной части урочища Аджиэль, близ южной окраины быв. с. Державино, в полуторах километрах от села Белинское, в районе фермы и карьера 70-х годов прошлого века. Городище находится невдалеке от Узунларского (Аккосова) вала и как бы связано с ним цепочкой курганов (дорога?) (рис. 1; 2. *I*). В радиусе 10 км известен ряд других довольно значительных античных городищ: Ново-Николаевское (Савроматий), Артезиан, Ново-Отрадненское, в районе с. Либкнехтовка, а также группа курганов бронзового века и несколько селищ эллинистического времени.

Некрополь городища «Белинское» располагается на плато по другую сторону балки, в 600 метрах к востоку от него и простирается в этом же направлении в сторону современного шоссе на площади около 8 га (рис. 2. *II*). Рельеф местности здесь имеет общее понижение к северо-западу и к югу, в направлении Аджиэльской балки. В центральной и северной частях естественный природный ландшафт тут существенно нарушен карьером и иной, относительно недавней хозяйственной деятельностью. С запада территория некрополя ограничена грунтовой дорогой, идущей от фермы к железной дороге «Джанкой – Керчь», с востока – склоном Аджиэльской балки, на севере – фермой.

Одно из упомянутых поселение эпохи бронзы занимает западную часть античного некрополя (рис. 2. *III*). С 2016 г. работы здесь велись Белинской археологической экспедиции. Таким образом, имелась возможность исследовать также и это поселение.

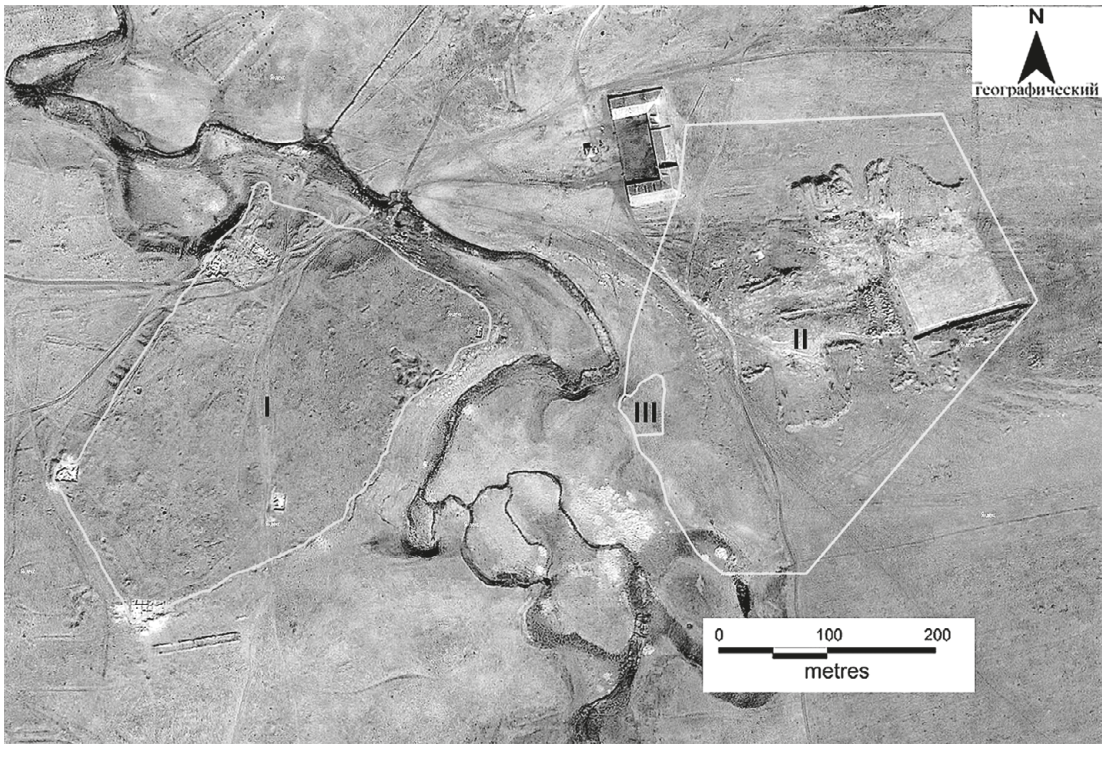


Рис. 2. Рельеф местности, археологические объекты. Вид сверху. I – античное городище; II – античный некрополь; III – поселение Каменской культуры Восточного Крыма

Общая раскопанная тут площадь к настоящему времени составляет 225 м^2. В целом, максимальная мощность культурного слоя достигала 1 м, а слоя эпохи бронзы – до 0,5 м.

Сразу под дёрном шёл слой Салтово-маяцкого периода (IX – первая половина X вв.), сформировавшийся на основе суглинка с примесью (местами значительной) золы, мелких обломков известняка и раковин виноградной улитки. Цвет варьируется от серо-коричневого до тёмно-серого. Распределение слоя по площади раскопа неоднородно, хотя он прослеживается повсеместно. С ним связаны остатки фундаментов нескольких стен, хозяйственные ямы и каменные завалы. Наибольшая концентрация строительных остатков приходится на южную и юго-восточную части раскопа. Присутствующий в слое материал типичен для Салтово-маяцкой археологической культуры Крыма.

Под ним выявлен слой жёлто-коричневого (жёлтого) суглинка. В верхней части он нарушен более поздней хозяйственной деятельностью. На различных участках в нём встречаются немногочисленные фрагменты керамики эллинистического, римского, позднеантичного и салтовского времени. Ниже залегает слой слабоподзолистого грунта, подстилаемый материком (глина жёлтого цвета с белыми известковыми включениями). Находки из этого слоя представлены исключительно материалом бронзового века. Реконструируя общую площадь древнего поселения, отметим, что кроме раскопанного участка надо учесть встречаемость отдельных находок из кремня (преимущественно отщепов) и на сопредельных участках некрополя. Общая площадь распространения

Рис. 3. Каменные сооружения в слое поселения Каменской культуры Восточного Крыма. Вид с юга

соответствующих артефактов составляет чуть более 0,16 га (рис. 2. *III*), но, скорее всего, она была более значительной. Во-первых, на это указывает то обстоятельство, что часть остатков каменной конструкции, соотносимой со слоем бронзового века, уходит в восточный борт раскопа. Во-вторых, нынешний рельеф восточного склона Аджиэльской балки в древности мог иметь иную конфигурацию.

Со слоем бронзового века соотносятся несколько каменных завалов, сконцентрированных в юго-восточной и северо-восточной частях раскопа. Если в первом случае это разрозненные камни, положение которых частично нарушено поздними перекопами, то каменная конструкция на северо-востоке (рис. 3) представляет собой явный развал кладок, характерных для Каменской культуры Восточного Крыма [*Рыбалова* 1974, 21, 32 и др.; *Кислый* 2005, 98–107].

Этот участок каменного развала (7.3 м кв.) был выявлен на глубине 0,98 м от (здесь и далее все отметки приводятся от уровня дневной поверхности) в слое жёлто-коричневого (жёлтого) суглинка и при зачистке материка (камни частично заглублены в материк). Материал – белый известняк. Завал уходит в восточный борт раскопа (рис. 3). При его зачистке были найдены изделия из кремня и несколько фрагментов керамики бронзового века.

Рис. 4. Хозяйственная яма на поселении. Вид с севера

Ещё один объект, который предположительно можно соотнести с эпохой бронзы, это яма, расположенная рядом с развалом камней в северо-восточной части раскопа (рис. 4). Горловина её была выявлена по каменной обкладке и отдельным камням в её заполнении. Яма была вырыта частично в материковой глине жёлтого цвета. Размеры горловины (неправильной, приближающейся к трапециевидной формы) 2,08×1,7 м в восточной части и 2,08×1,2 м в западной, глубина 1,2 м. Стенки неровные, слегка сужающиеся ко дну. Дно также неровное, с понижением к востоку. Грунт заполнения отличается от материка только степенью плотности (более рыхлый).

Находки из заполнения ямы представлены исключительно обломками костей крупного рогатого скота. Предложенная хронология данной ямы основана на находках в грунте вблизи неё и характере каменной обкладки (вертикально врытые в грунт крупные плоские камни). Подобные обкладки-выгороди известны внутри жилищ на поселении Каменка, однако, они не ограничивают там хозяйственные ямы. На поселении Алчак-Кая Каменской культуры плоские камни укрепляли осыпающийся в сторону жилища с навесом склон холма. Кроме того, на возможную связь ямы с Каменской культурой Восточного Крыма указывает явное преобладание в остеологическом материале костей крупного рогатого скота. Следует отметить, что это характерно не только для заполнения ямы, но и для всего остеологического материала из слоя желто-коричневого суглинка. Такая же картина наблюдается и на других поселениях Каменской культуры.

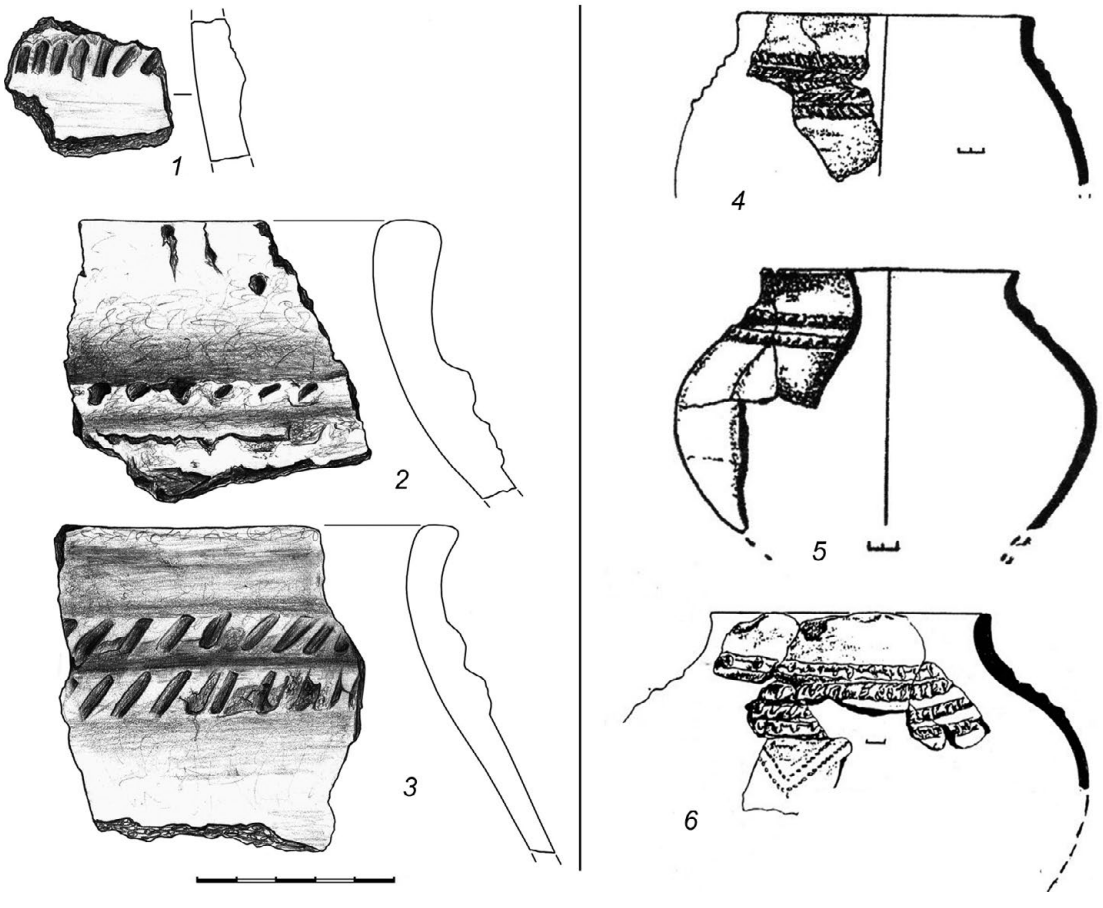


Рис. 5. Находки лепной керамики из поселения (*1–3*)
и близкие аналогии (поселение Планерское) – *4–6*

Находки фрагментов лепной керамики, – основного определяющего материала, немногочисленны (всего 11 экз.), но те, что определимы, выразительны и характерны именно для этой культуры. На некоторых – заметны затертые расчесы, а сама поверхность местами красновато-кирпичного оттенка.

1. Венчик лепного сосуда (7,0×6,6 см, рис. 5. *2*), очевидно, подбиконического профиля, с прямостоящий, невысокий, расширяющийся кверху. По плечикам сосуд был орнаментирован многоваликовым орнаментом, от которого сохранились два горизонтальных, расчленённых косыми (вправо) вдавлениями валика.

2. Венчик лепного горшка (8,2×7,6 см, рис. 5. *3*) s-овидного профиля, уплощен сверху и немного отклонен наружу. По плечикам сосуд орнаментирован многоваликовым орнаментом; сохранилось два валика, расчлененных косыми насечками стеком вправо.

3. Стенка лепного сосуда (4,0×3,2 см, рис. 5. *1*) с орнаментом в виде рассечённого насечками валика.

Лепные сосуды со слегка отклонёнными или прямыми венчиками – наиболее часто встречающиеся формы на поселениях Каменской культуры (рис. 5. *4*, *5*). Характерен

также многоваликовый орнамент: валики с насечками. Он известен практически на всех поселениях. Для более позднего времени эпохи бронзы типичен иной профиль сосудов – ближе к «баночному». Возможна также орнаментация одним валиком, расположенным гораздо выше, ближе к венчику сосуда [*Лесков* 1970, 18, рис. 10; *Березанская и др*. 67, рис. 19]. Присутствующий на публикуемых фрагментах многоваликовый орнамент с расчленением валиков вдавлениями-насечками является самым характерным из всех возможных орнаментов ККВК, а также КМК на иных территориях [*Кислый* 2005, 108, 109 и др.].

Наиболее многочисленную группу находок из слоя жёлто-коричневого (жёлтого) суглинка составляют изделия из кремня, цвет которого варьируется от светло-бежевого до тёмно-серого. Общее их количество составляет 56 шт. К числу особенностей рассматриваемой коллекции следует отнести явное доминирование малых форм, сколов и проч.

В целом, изделия из кремня можно разделить на три подгруппы: готовые изделия, заготовки в виде отщепов, пластин, сколы, как производственные отходы и нуклеусы. Среди готовых изделий упомянем наконечник копья или дротика с хорошей уплощающей и заостряющей по краям ретушью (немного скошен против осевой линии) (рис. 6. *1*), что встречается, к примеру, в бабинской культуре (Остров Перун и др.). Второй наконечник с сильно забитым острием, возможно, имел вторичное использование (рис. 6. *2*). Отметим также обломок прямого вкладыша серпа «катакомбного облика» с четким зубчатым краем с одной стороны (рис. 6. *3*); скребки и скобели-скребки – на отщепе с хорошо выделенным ретушью рабочим краем (рис. 6. *9*) и на широкой пластине с концевой ретушью (рис. 6. *13*). Значительна группа ножевидных пластин и резцов (рис. 6. *4–10, 12*); в отдельных случаях резцы подретушированы по краю (рис. 6. *8*), некоторые служили проколками.

Обратим внимание на сравнительно многочисленные находки мелких и не очень сколов и отщепов (рис. 6. *11*), а также технологический «мусор» кремневого производства. «Непропорциональные», несколько небрежно выполненные наконечники в какой-то мере могут свидетельствовать о заключительной фазе катакомбного периода. Вполне вероятно, что в данном случае мастерам не доставало кремневого материала, и необходимая длина изделия соперничала технологически с аккуратностью. Ножевидные платины разного облика встречаются практически на всех памятниках ККВК. Иногда этот факт приводит к тому, что вместе с фрагментами подлощенной керамики этой культуры её материал интерпретируют, как кизил-кобинский, таврский (С.Н. Сенаторов). Ножевидные пластины, между тем, известны и в погребениях Бабинской культуры, а подлощенная керамика – одна из черт ККВК, что давно отмечено в литературе разными исследователями [*Березанская и др*. 1986, 7; *Кислый* 2005, 109 и др.].

Среди отщепов, сколов и проч. встречены те, что можно интерпретировать во многих случаях, как результат т.н. «первичного» скалывания из кремневого желвака: на них сохранилась скальная корка (рис. 6. *14*, *16*). Кроме того, отдельные находки из кремня (около двенадцати нуклеусов (рис. 6. *17*, *18*), видимо, являлись технологическими заготовками.

Все эти яркие факты говорят о том, что в этом месте могли периодически активно обрабатывать кремень. Мы сознательно удерживается от определения «мастерская

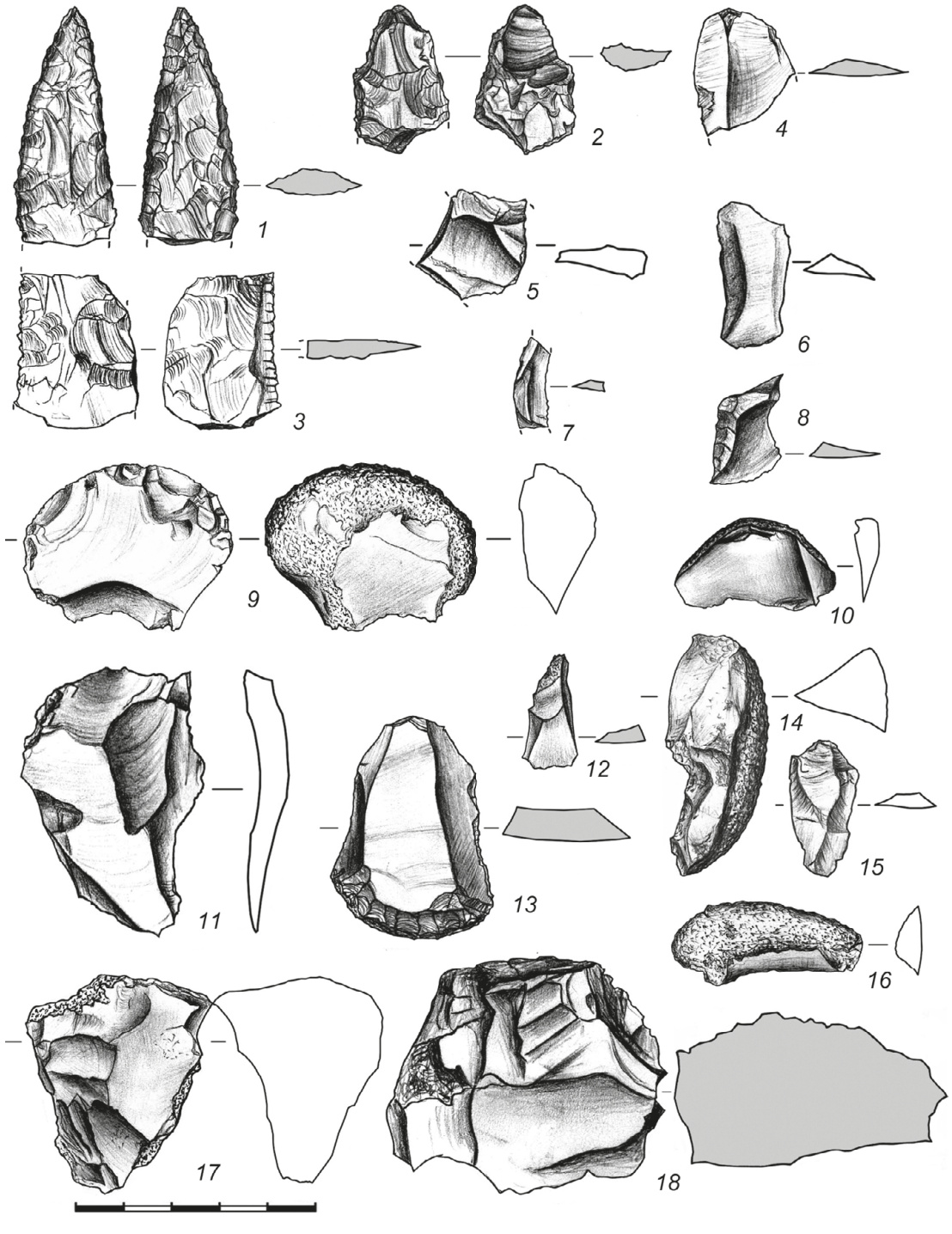


Рис. 6. Изделия из кремня и материалы кремневого производства

по обработке…» по следующим соображениям. В литературе высказывалось мнение, что обработкой кремня занимались в рассматриваемое время специальные мастера [*Березанская* 1994, 27]. Вместе с тем, на изучаемом поселении необычно мало находок керамики. Возможно, в какое-то время здесь был дозорный, сторожевой пункт ККВК подобно тому, как отмечено в результате находок и описания В. В. Веселова на Темир Горе [*Кислый* 2015, 190–191]. В таком случае, естественно, пребывавшие здесь занимались также и скотоводством-земледелием. Вероятно, рядом были иные поселения (возможно сезонные стоянки) ККВК. Добавим к сказанному, что в этой части Восточного Крыма нет выходов кремня. Соответственно, такой сторожевой пункт должен был находиться на каких-то древних путях. Местность была охраняема, как это отмечено применительно к дорогам вдоль Темир-Горы; рабочие руки для подобных «мастерских» также были. Какое-то количество мужчин на этом этапе развития функций поселка должно было находиться здесь почти постоянно. Со временем рядом со сторожевым пунктом, как это было и на Темир-Горе, расположились иные поселения, жители которых выпасали скот, обрабатывали поля. Если при дальнейших исследованиях подтвердится, что поселение имело в хозяйствовании преимущественно земледельческую направленность, то продуктами обмена были чаще продукты земледелия.

Прочие находки из соответствующего слоя представлены обломком зернотёрки, сколом морской гальки, антропоморфом-личиной, а также двумя изделиями из кости.

Нижний камень ладьевидной зернотёрки (48,0×28,2×12,4 см) со сработанной поверхностью, выполнен из плотного известняка, имеет боковые утраты. Подобные зернотёрки характерны как для Каменской культуры Восточного Крыма, так и для иных культур бронзового века. Скол морской гальки серого цвета (4,9×5,6 см) был достаточно функционален даже в расколотом виде (рис. 7. *1*). Материал изделия плотный, зернистый, вероятно, это одна из магматических пород, что еще раз подчеркивает возможности «поставок» из предгорий. Отметим, что различные по форме камни, особенно окатанные морем и удобные для работы, удержания в руке часто приносились «каменцами» на свои поселения.

Антропоморф-личина (?) выполнен в местном ракушечнике жёлтого цвета (26,4×26,6 см) (рис. 7. *2*). Глазные впадины и рот обозначены тремя углублениями в рыхлом камне. Природная, близкая к треугольной форма камня слегка подправлена дополнительной обработкой, в результате четко выделен подбородок, менее ясно – ушные раковины. «Изваяние» выполнено в так называемом стиле «застенчивого изображения», который был характерен и для ККВК. В. Д. Рыбалова также обращала внимание на такие природные камни, сходные с изваяниями-фигурками (т. н. «лягушка»), этой теме посвящена отдельная статья [*Кислый* 2011, 189–207].

Проколка (рис. 7. *3*) из лучевой кости конечности КРС (5,1×2,0 см) – часто встречаемое изделие. Подобные проколки характерны как для Каменской археологической культуры, так и для других синхронных культур. Иная характеристика, отчасти гадательная, может быть дана четырёхгранному, черешковому костяному наконечнику стрелы (5,4×1,0 см) (рис. 7. *4*). Такие наконечники хорошо известны на различных памятниках эпохи бронзы, однако более позднего времени, чем общая датировка ККВК. Предмет достаточно яркий, мог быть принесен позже, даже в античное

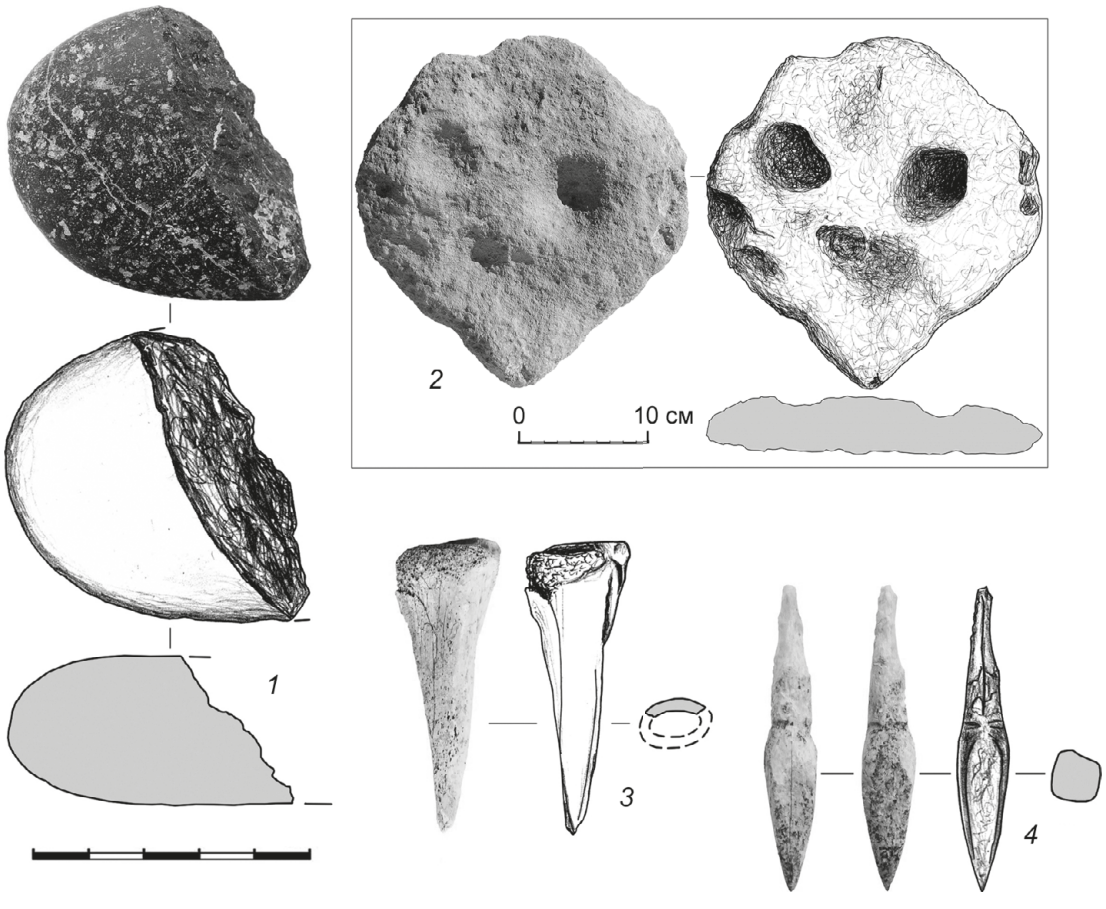


Рис. 7. Изделия из камня и кости

время древними «исследователями» киммерийских предшественников [*Кислый* 1999, 102–106]. Не исключено, однако, как уже писалось и «доживание» этого поселения до начала позднебронзовой эпохи [*Гершкович, Кислый* 1989, 78]. В таком случае этому времени будет соответствовать, вероятно, также упомянутая яма. С другой стороны, хозяйственные ямы, забитых костями животных, известны в большом числе и на салтово-маяцких поселениях.

Общее количество костей только за один 2021 г. составила 377 экз. Обратим внимание на то, что они располагались не равномерно по площади раскопа, как бы концентрируясь в отдельные группы, заглублённые в материк.

Итак, подавляющее большинство рассмотренных выше находок относится к среднему этапу Каменской культуры Восточного Крыма, датируемому по традиционным определениям, т. е. без значительного удревнения культур эпохи бронзы, XVIII–XVII вв. до н. э. или же с верхней датой – с XIX в. В то же время некоторые, например, кремнёвый подкруглый скребок с ретушированным рабочим краем полукружием (рис. 6, *9*), могут относиться ко времени чуть более раннему.

Поселение на западном участке некрополя городища «Белинское» не единственное в этой части Аджиэльской балки. Наиболее ранние следы присутствия здесь человека

относятся ещё к эпохе камня. Так на восточной оконечности плато, на котором расположено городище «Белинское», прямо напротив западного участка некрополя, под слоем античного времени, был выявлен слой жёлтого суглинка, содержавший большое количество изделий из кремня. Хронология их: от периода мустье до бронзового века [*Зубарев, Ярцев* 2019, 321–345]. Остатки ещё одного поселения под слоем античного времени были обнаружены на южном участке того же городища. Найденные тут артефакты позволили отнести его к Белозёрской культуре (XII–X вв. до н. э.) [*Зубарев, Ярцев* 2013, 60–63].

Таким образом, можно с определённой долей уверенности говорить не просто об активном освоении людьми территории северной части Аджиэльской балки задолго до прихода сюда греческого населения, а о системности такого освоения и бытования здесь таких направлений жизнедеятельности, что нашли продолжение в античное время. Этот тезис был бы крайне любопытным для его рассмотрения в ракурсах: среда обитания и традиции, проблемы защиты территории, необходимость и возможность дальних контактов, использование моря в условиях Приазовья – сходства и отличия в рамках древних культур и античного уровня экономики. Несомненный интерес вызывает и то обстоятельство, что поселения в восточной части городища «Белинское» и на западном участке некрополя, могут хронологически соприкасаться в отношении разных периодов эпохи бронзы. На это, в частности, указывает определённое сходство изделий из кремня: отсутствие крупных форм и однотипность орудий на отщепах, датируемых этим временем. В этой связи кажется вполне уместным предположение одного из авторов статьи о возможности специфического местного развития катакомбной культуры в Крыму на примере Каменской культуры [*Кислый* 2005].

Что касается поселения в южной части городища, то его и поселение Каменской культуры Восточного Крыма на западе некрополя разделяет довольно внушительный временной отрезок в несколько столетий. Его основало уже совсем другое население, возможно, ничего не знавшее о своих предшественниках в этой части полуострова.

И последнее, что хотелось бы отметить в данной статье. Анализ периодичности возникновения и бытования стационарных и относительно длительных по времени существования поселений в окрестностях городища «Белинское», позволяет проследить интересную закономерность. Периоды оседлого освоения территории здесь сменяются не менее длительными периодами её запустения. Первый такой этап начинается во второй четверти – середине II тысячелетия до н. э. и заканчивается к XII в. до н. э. с приходом сюда носителей Белозерской культуры. Второй – в начале – середине I тысячелетия до н. э, когда здесь появляется целый ряд эллинистических селищ [Зубарев и др. 2019, 65–69]. В античный и ранневизантийский периоды полного запустения рассматриваемой территории не было. Даже в период варварских походов III в. н. э. и в IV в. н. э. какая-то жизнь на городище теплилась, а само поселение довольно быстро возрождалось. Новый период запустения наступил к середине VI в. н. э. и закончился с приходом сюда носителей салтово-маяцкой культуры в конце VIII – середине IX вв.

Можно предположить, что полученная картина отражает этапы смены населения во внутренней части всего Крымского Приазовья (или даже всего Восточного Крыма?). При этом периоды запустения связаны с господством кочевых племён, присутствие которых, например, в рамках первого периода, зафиксировано наличием курганов

бронзового века от Узунларского вала в сторону Керченского пролива. К сожалению, эти курганы пока никого, кроме грабителей, не заинтересовали.

Подобные местные поселения были местом бытования скотоводов и земледельцев. Вероятна их связь с населением ККВК Низовьем Дона, с её Ливенцовской крепостью (В. Д. Рыбалова, С. Н. Братченко, А. Е. Кислый). Возможно, она осуществлялась и по морю. Итак, довольно частое расположение поселений ККВК в местах более поздней концентрации античных объектов не только определённый «минус» для их исследователей (разрушался соответствующий культурный слой), но и возможность понимания тех вызовов среды обитания, что оказались продуцентом изучаемой своеобразной древней культуры.

Список литературы

Б*ерезанская* С. С. 1994. Камнедобывающее и камнеобрабатывающее производство // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. Киев, 8–54.

Березанская С. С., *Отрощенко* В. В., *Чередниченко* Н. Н., *Шарафутдинова* И. Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 168.

Буров Г. М. 2006. Каменско-ливенцовская культура // Энциклопедия Крымских древностей. Киев.

Г*ершкович* Я. П., *Кислый* А. Е. 1989. О некоторых особенностях керамики каменско-ливенцовской культурной группы // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. Донецк, 95–97.

З*убарев* В. Г., *Ярцев* С. В. 2013. Новое поселение эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму // Таврійські студії. Історичні науки. № 1. Симферополь, 60–64.

Зубарев В. Г., *Ярцев* С. В. 2019. Новый памятник каменного века в урочище Аджиэль в Восточном Крыму // ПИФК. 4, 321–345.

Зубарев В. Г., *Смекалов* С. Л., *Ярцев* С. В. 2019. Культурно-исторический ландшафт Аджиэльской балки в Восточном Крыму. Тула, 222.

К*ислый* А. Е. 1986. Исследования в Восточном Крыму // АО 1984 года, 241.

Кислый А. Е. 1999. Феномен античной письменной традиции: Боспор Киммерийский, киммерийская культура на Боспоре // Боспорский феномен. СПб, 102–106.

Кислый А. Е. 2005. Население и памятники Каменской культуры Восточного Крыма // Stratum+. 2003–2004/2, 93–126.

Кислый А. Е. 2011. Условность и реализм искусства Каменской культуры Восточного Крыма // ДБ. 15, 189–207.

Кислый А. Е. 2015 Планиграфия памятников Каменской культура Восточного Крыма: поселения Долины Любви и Азовского Побережья под Керчью // ДБ. 19, 184–206.

Л*есков* А.М. 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев, 7–59.
Р*ыбалова* В.Д. 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 16. Л., 19–49.

Summary

V.G. Zubarev, A.E. Kisly
Settlement of the Kamenskaya Culture of the Eastern Crimea in the Western Part of the Necropolis of the Settlement «Belinskoe»

The article publishes the materials of the Eastern Crimean Bronze Age settlement of the Kamenskaya culture, explored in the lower layers during excavations of the ancient burial ground near the ancient settlement «Belinskoe». The analysis of the settlement materials suggests that there was an outpost in the Bronze Age. Further excavations may provide information about similar living conditions of the local population both in the Middle Bronze Age and in ancient times.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.138-156

Ю. Ю. Каргин
(г. Балаково, Саратовская область)

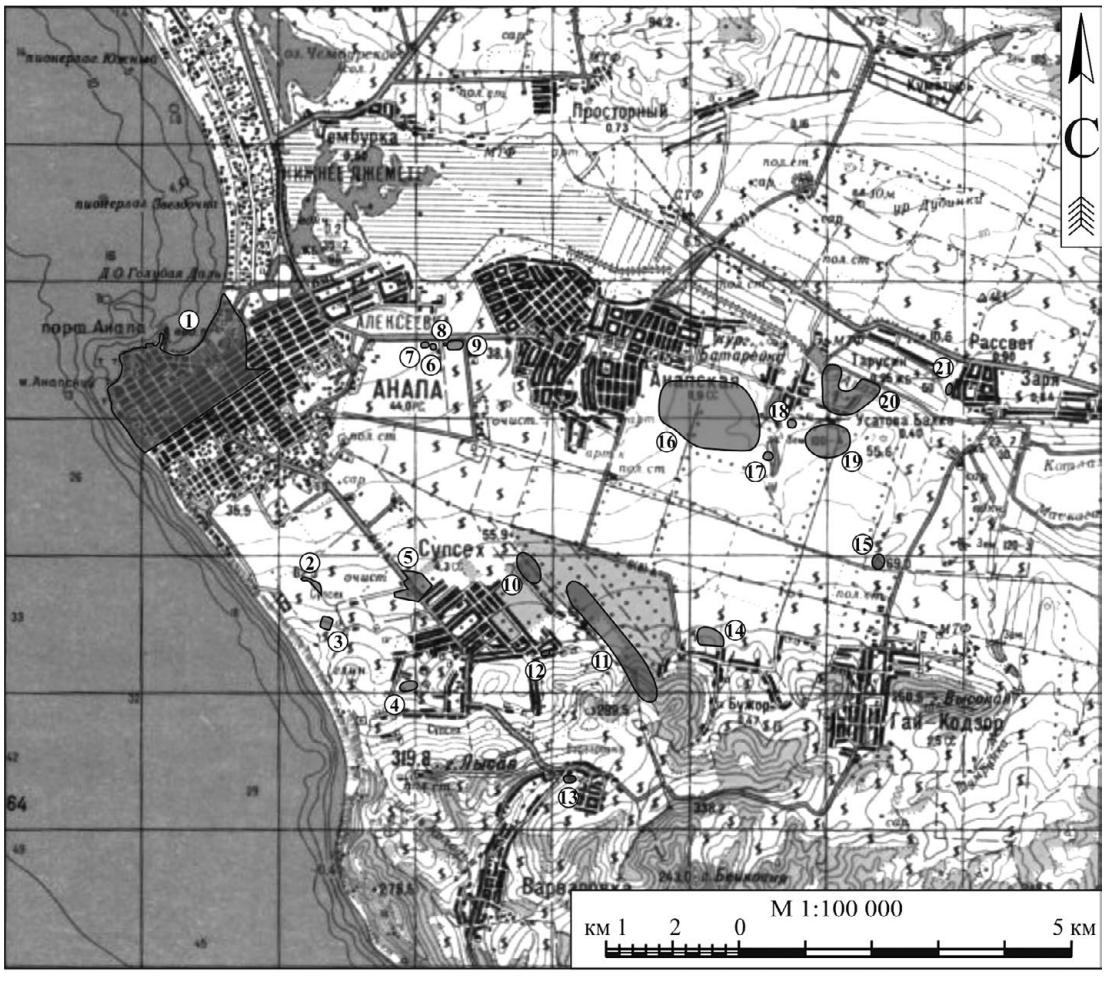
Монеты из раскопок поселения «Ленина» в окрестностях Горгиппии в 2018 г.[1]

В 2018 г. экспедиция ООО «Прогресс» под руководством В. В. Матаева проводила охранные раскопки поселения «Ленина» на побережье Чёрного моря, между с. Су-Псех и юго-восточной окраиной г. Анапа (рис. 1). Мощность культурного слоя, типичного по своим характеристикам для сельских поселений Боспора [*Завойкин* 2011, 29] на двух раскопах общей площади около 4300 м^2, составляла от 0,2 до 0,8 м. Материк – глина с геологическим пластом фрагментированной скальной породы в верхнем горизонте.

В ходе работ на раскопе 2 было обнаружено 24 монеты. (рис. 2). Территория этого раскопа, по-видимому, затронула окраину сельского поселения конца V – первой трети II в. до н. э., на которой были выявлены скопления, выкладки и протяжённые наброски камней с керамикой и черепицей (17 объектов), а также 26 ям хозяйственного назначения, некоторые из них относились к концу VI–V вв. до н. э. В процессе раскопок, а также при проверке отвалов и заполнений ям для выявления металлических предметов применялся металлодетектор «Garrett Ace 250». Все обнаруженные при этом находки сданы на хранение в Анапский археологический музей.

Сохранность монет в целом хорошая (рис. 3). Почти все они найдены в центральной и северо-западной частях раскопа 2, в радиусе 10–15 м от мощного скопления камней с керамикой и фрагментами черепиц (объекта 4), а также между камнями. Формирование данного объекта могло быть результатом более позднего разрушения культурного слоя и, возможно, расположенной за пределами раскопа усадьбы. Больше всего монет (11 экз. – 45,8%) было найдено на глубине 40–60 см. В то же время, какой-либо хронологической закономерности в их распределении на территории раскопа не прослеживается (табл. 1). Особый интерес представляют 4 монеты (рис. 3. *4–6*, *8*; табл. 3. *4–6*, *8*) из заполнения ямы 21 с намеренно сооружённой каменной выкладкой вокруг горловины (рис. 5), где также встречено несколько фрагментов керамики и целая свинцовая скобка.

[1] Выражаю благодарность В. В. Матаеву за возможность вдумчиво и обстоятельно обработать материалы раскопок поселения «Ленина».



1 - археологический комплекс городище/некрополь «Горгиппия»
2 - **поселение «Ленина»**
3 - поселение «Троицкое»
4 - поселение с. Супсех, юго-западная окраина села
5 - поселение «Усадьба Супсех-1»
6 - поселение «Алексеевка-1»
7 - поселение «Алексеевка-2»
8 - поселение «Алексеевка-3»
9 - поселение «Алексеевка-4»
10 - поселение, усадьбы с. Супсех, северо-восточная окраина села
11 - поселение с. Супсех, юго-восточная окраина села
12 - поселение «Дачное»
13 - поселение «Варваровка»
14 - поселение с. Бужор, северо-западная окраина села
15 - поселение, курган с. Гай-Кодзор, 1,2 км к северу от села
16 - усадьба между станицей Анапской и хутором Усатова Балка
17 - поселение «Усатова Балка 1»
18 - поселение «Усатова Балка 2»
19 - поселение «Усатова Балка 3»
20 - поселение «Усатова Балка 4»
21 - синдское здание (городище) х. Рассвет, западная окраина села

Рис. 1. План-схема расположения бытовых археологических памятников периода античности к востоку и юго-востоку от Анапского поселения / Горгиппии в г.-к. Анапа Краснодарского края

Согласно проведённому анализу, выпуск почти всех обнаруженных на поселении монет осуществлялся в столице Боспорского царства – Пантикапее в период с последней трети IV до начала II в. до н. э. Лишь одна монета, самая ранняя и большая, происходила из Сиракуз (344–317 гг. до н. э.). Это крупная, литая бронзовая монета весом 17,1 г. и номиналом гемидрахма [*CNS II*, n. 72; *SNG Copenhagen*, № 727–728; *SNG ANS*, № 477–478]. На аверсе – голова бородатого Зевса Элевтерия в лавровом венке вправо, вверху с обеих

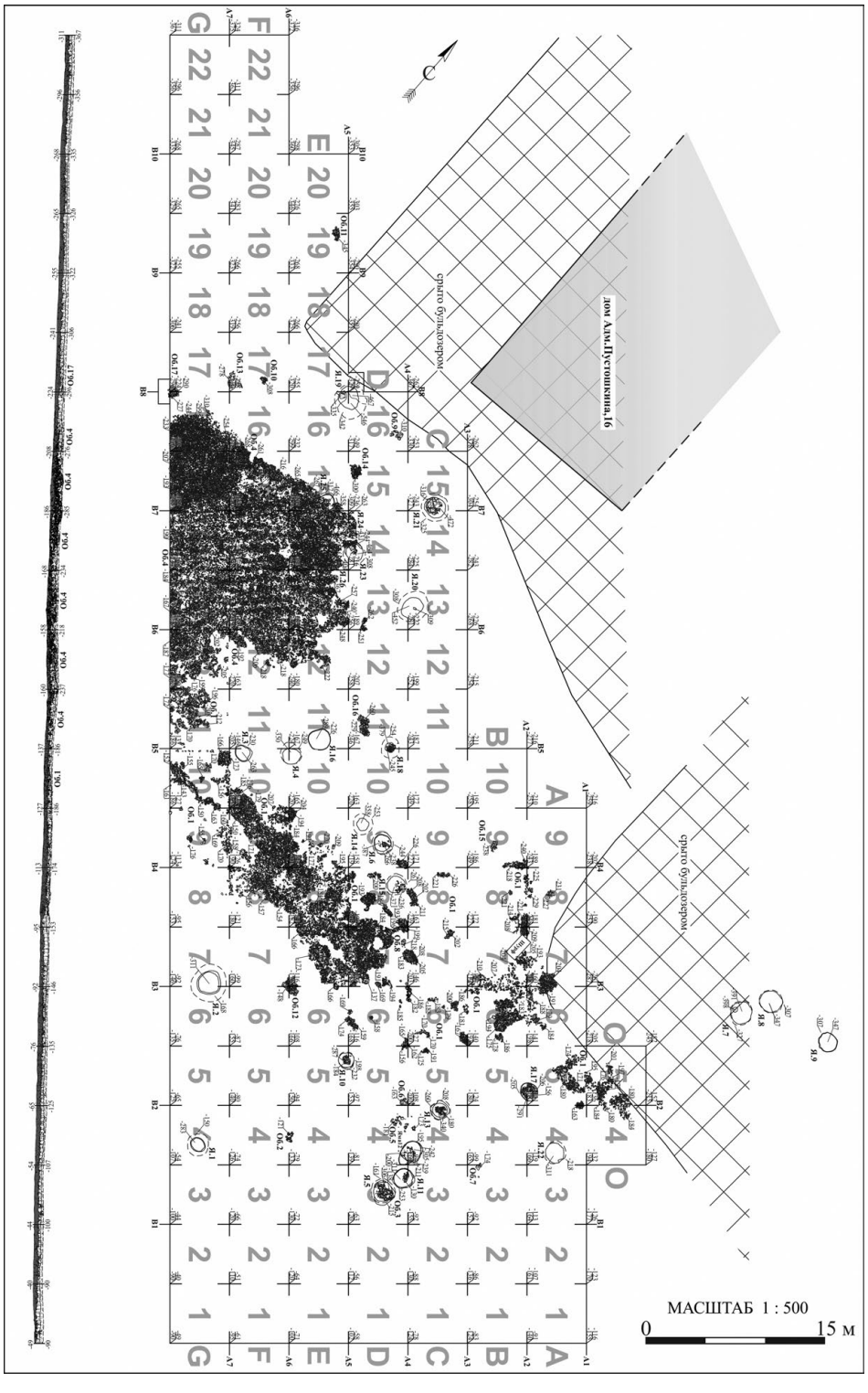


Рис. 2. План раскопа 2 поселения «Ленина» (2018 г.) с обозначением объектов и ям, нивелировочными отметками поверхности и зафиксированного уровня материка

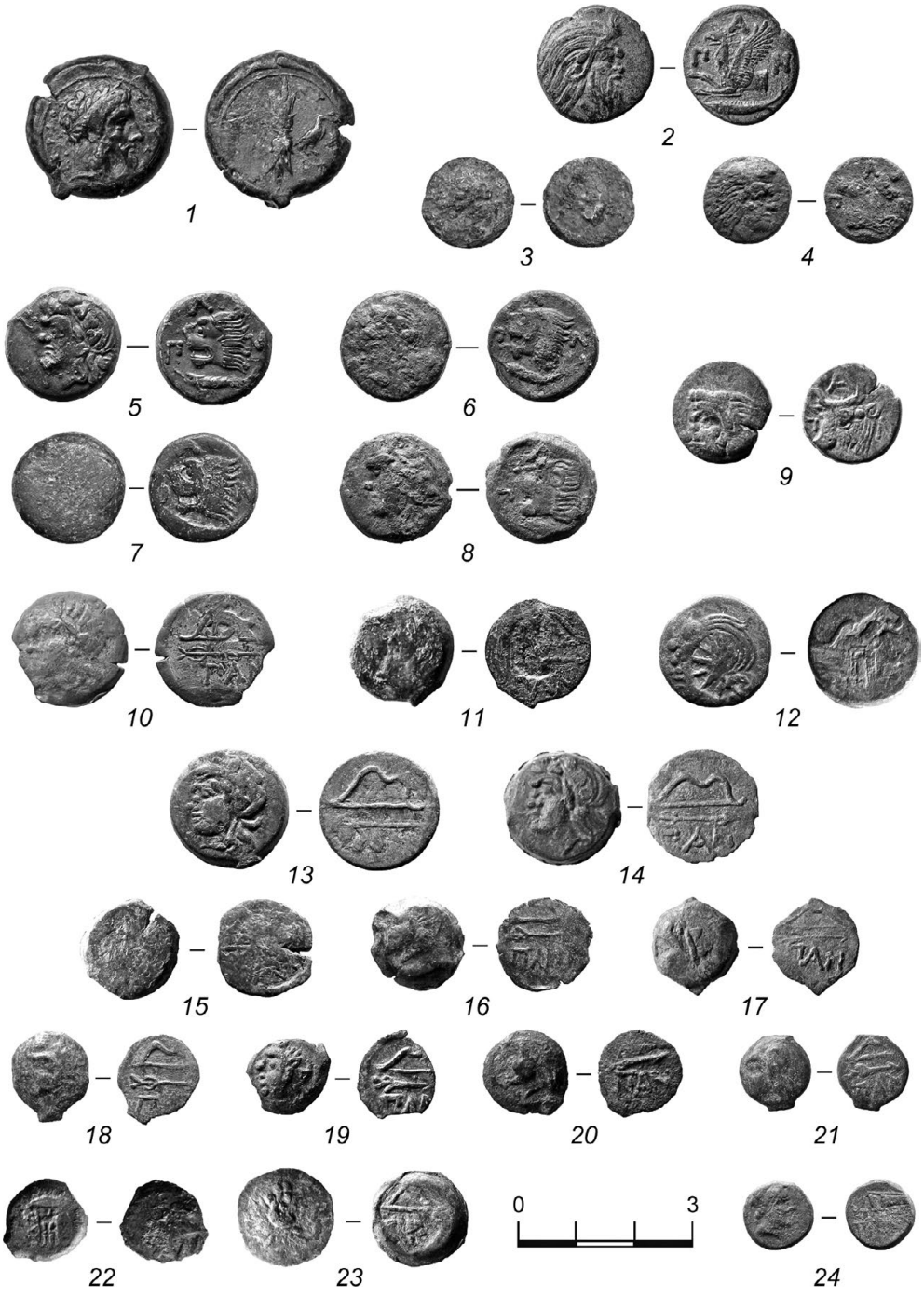


Рис. 3. Бронзовые монеты из раскопок поселения «Ленина» (раскоп 2, 2018 г.).
1 – монета Сиракуз (344–317 гг. до н. э.); *2–24* – монеты Пантикапея:
2–9 – ранних Спартокидов (*2–4* – 330–315 гг. до н. э.; *5–8* – 315–300 гг. до н. э.);
9–23 – периода денежного кризиса (*9* – 300–290 гг. до н. э.; *10–14* – около 300–275 гг. до н. э.; *15–21* – 275–250 гг. до н. э.; *22, 23* – середина III в. до н. э.); *24* – поздних Спартокидов (около 200–120 гг. до н. э.)

Таблица 1. Распределение монет на раскопе 2 поселения «Ленина» (2018 г.)

Центр производства	Датировка	Пласт 1	Пласт 2	Пласт 3	Пласт 4	Объект 1	Объект 4, Ур. 1	Яма 21	*ВСЕГО*	*ИТОГО*
Сиракузы	344–317 гг. до н.э.	1	–	–	–	–	–	–	**1**	**1**
Пантикапей	330–315 гг. до н.э.	–	1	1	–	–	–	1	**3**	
	315–300 гг. до н.э.	–	–	1	–	–	–	3	**4**	
	ок. 300–290 гг. до н.э.	–	–	1	–	–	–	–	**1**	
	ок. 300–275 гг. до н.э.	–	1	4	–	–	–	–	**5**	
	275–250 гг. до н.э.	1	2	2	1	1	–	–	**7**	
	сер. III в. до н.э.	–	–	2	–	–	–	–	**2**	
	ок. 200–120 гг. до н.э.	–	–	–	–	–	1	–	**1**	**23**
ИТОГО	**3/3 IV – сер. II вв. до н.э.**	**2**	**4**	**11**	**1**	**1**	**1**	**4**	**24**	**24**

сторон головы по кругу надпись: «ΖΕΥΣ ΕΛΕΥΘΕΡΙΟΣ»; на реверсе – двусторонняя молния, справа от неё – сидящий орел вправо, по кругу надпись: «ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ» (табл. 3. *1*; рис. 3. *1*). Монета не имеет аналогий в Северном Причерноморье. Известно, что в собрании ГИМ находятся 102 сиракузские монеты, 10 из которых относятся к тому же периоду, но представлены другими типами [*Абрамзон, Фролова* 2014, 212–214]. В целом же, иноземные монеты в Горгиппии и её округе чрезвычайно редки: среди датируемых IV в. до н. э. ивестна лишь одна бронзовая монета Византия [*Алексеева* 1997, 191].

Начало денежного обращения в Горгиппии и её округе относится к 340-м – 330-м гг. до н. э., когда здесь во время правления на Боспоре Перисада I появились серебряные и бронзовые монеты Пантикапея [*Алексеева* 1997, 192]. Поселение «Ленина», судя по анализу массового керамического материала, на тот момент уже существовало [*Каргин* 2020, 949, табл. 2]. Не исключено, что сицилийская монета также могла использоваться в качестве платёжного средства. Её находку следует признать неожиданной, но не случайной: данный вектор торговых связей подтверждается обнаружением неподалёку, в яме 2, крупных профильных фрагментов широкогорлой «рыбной» амфоры (fish amphorae) (рис. 4), схожей с тарой типа Mañá D, распространённой в IV в. до н. э. в Западном Средиземноморье (Тунис, юг Испании, Сицилия (?), Сардиния (?)) [*Sciallano, Sibella* 1991, 75].

Остальные 23 бронзовые монеты представлены несколькими достаточно заурядными типами выпуска Пантикапея указанного времени. Такие монеты имеют довольно длительную историю изучения [*Зограф* 1951; *Шелов* 1956; *Анохин* 1986]. Для их определения также привлекались широко известные каталоги [*Бурачков* 1884; *BMC* 3; *SNG BM* I; *SNG Stancomb*; *Анохин* 2011]. Важно упомянуть и чрезвычайно ценный электронный ресурс – постоянно пополняющийся каталог-архив «Монеты Боспора» [URL: www.bosporian-kingdom.com], в котором собрано и описано свыше 20 тысяч монет из музейных собраний и частных коллекций. В последние годы датировка различных типов пантикапейских монет была скорректирована благодаря обстоятельному анализу закрытых археологических комплексов и, прежде всего, кладов М.Г. Абрамзоном, Н.А. Фроловой и А.М. Новичихиным [*Абрамзон, Фролова* 2010; *Абрамзон, Новичихин* 2013; 2017; 2018а; 2018б; 2019].

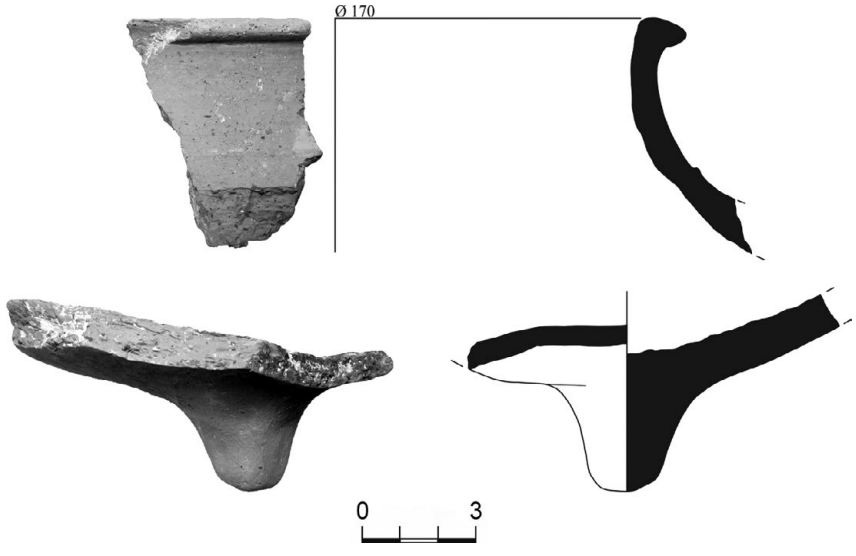


Рис. 4. Фрагменты «рыбной» амфоры западносредиземноморского производства из ямы 2 раскопа 2 поселения «Ленина»

Монеты ранних Спартокидов (около 379–290-е гг. до н. э.) являются самыми древними на поселении и представлены 9 экземплярами. Это монеты с изображением головы сатира – божества круга Диониса, отождествлявшегося с членом династии Спартокидов, завоевателем Сатиром I [*Зограф* 1951, 171]. В дальнейшем, вплоть до конца II в. до н. э., сатир, как с бородой, так и без неё, неизменно присутствовал на лицевой стороне большинства типов боспорских монет.

Первая монета – крупная среднего номинала тетрахалк массой 6,55 г с изображением на лицевой стороне головы бородатого сатира вправо, а на оборотной – протомы грифона влево, осетра и букв «П-А-N» по сторонам (табл. 3. *2*; рис. 3. *2*). Двумя экземплярами заметно худшей сохранности представлены монеты меньшего номинала – дихалки массой 3,7 и 3,25 г с изображением на лицевой стороне головы безбородого сатира вправо, а на оборотной – протомы пегаса вправо с буквами «П-А-N» по сторонам (табл. 3. *3*, *4*; рис. 3. *3*, *4*). Все три вышеописанные монеты, согласно В. А. Анохину, относятся к правлению Перисада I и могут быть датированы 320–310 гг. до н. э. [*Анохин* 2011, 151, № 1023, 1024]. М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова и А. М. Новичихин предлагают скорректированную датировку: 330–315 гг. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2010, 340, табл. II. *9–11*; *Абрамзон, Новичихин* 2019, 20].

Четыре более поздние монеты номиналом тетрахалк относятся к одному из самых распространённых на Боспоре типу: на лицевой стороне – голова безбородого сатира влево, а на оборотной – голова льва влево и осётр с буквами «П-А-N» по сторонам (табл. 3. *5–8*; рис. 3. *5–8*). Все они исполнены разными штемпелями, их вес существенно колеблется от 5,65 до 7,75 г. Три из них обнаружены в яме 21 (рис. 5) вместе с монетой вышеописанного типа, причём одна отличается заметно более грубым качеством изображений (табл. 3. *8*; рис. 3. *8*). Некоторые авторы не без оснований считают такой вариант

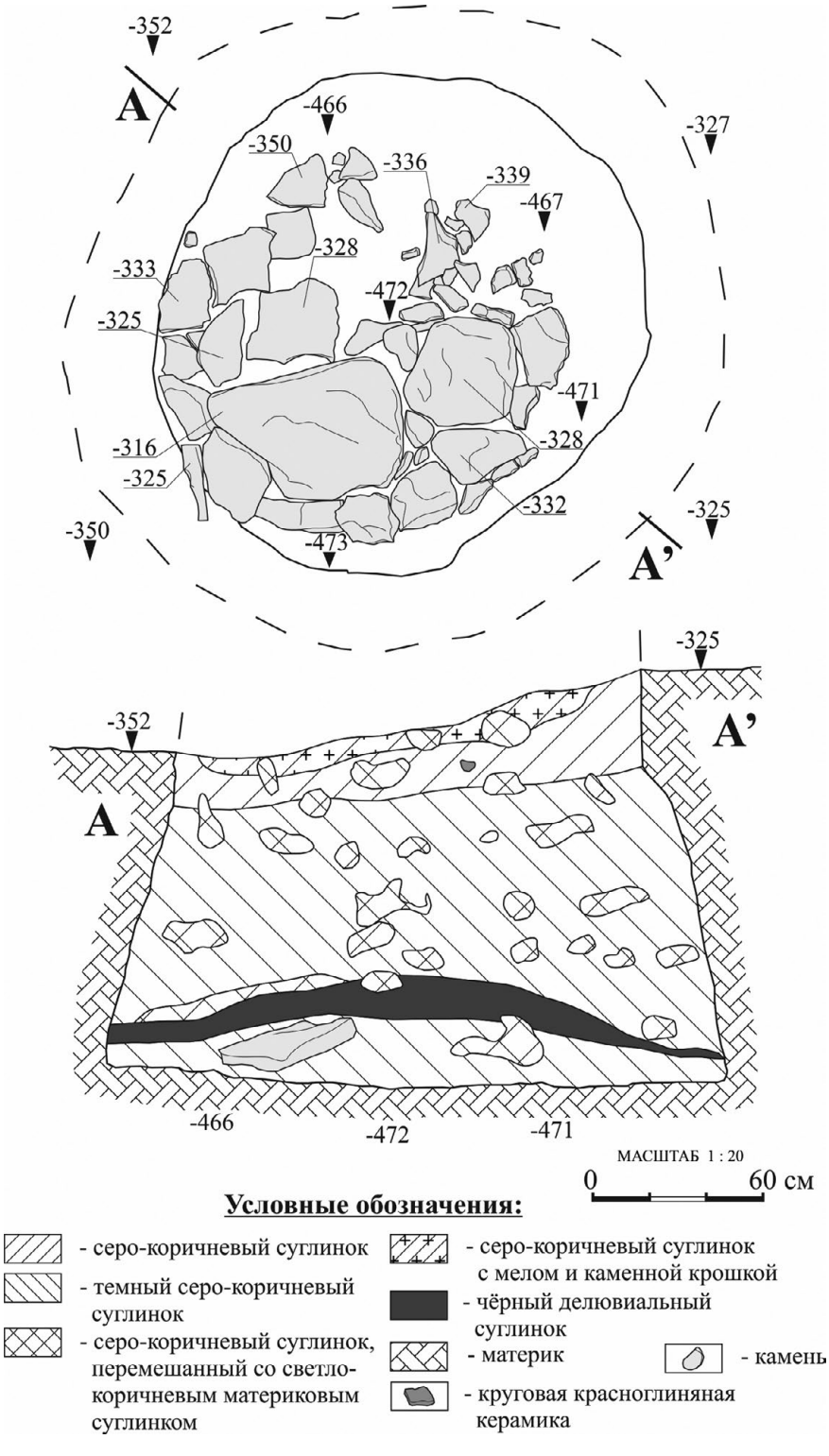


Рис. 5. План и разрез ямы 21 раскопа 2 поселения «Ленина»

подделкой [*Чореф* 2018, 395–396]. Четвёртая монета происходит из культурного слоя. Она сильно потёрта, особенно с лицевой стороны, что может свидетельствовать о её длительном использовании (табл. 3. *7*; рис. 3. *7*). Все эти монеты, согласно В. А. Анохину, следует относить ко времени правления Спартока III и датировать 293–283 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 55]. М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова и А. М. Новичихин и здесь предагают иную датировку: 315–300 гг. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2010, 340, табл. II. 12–13; *Абрамзон, Новичихин* 2019, 20].

Монеты периода денежного кризиса на Боспоре (III в. до н. э.) представлены 13 разнообразными экземплярами с характерными для того времени признаками: ранними выпусками с надчеканками, перечеканенными в новый тип – с луком и стрелой, монетами этого же типа с выраженными признаками деградации и их контрамаркированными вариантами [*Анохин* 1986, 47; *Суханов* 2005, 22–23; и др.]. Эти находки отражают масштабные операции по унификации и корректировке номиналов.

Одним из ранних проявлений денежного кризиса стало массовое изъятие монет типа «голова безбородого сатира влево/голова льва, осётр, П-А-N» для проведения операции по контрамаркированию – надчеканке их изображениями восьми или двенадцатилучевой звезды и горита. Эту операцию В. А. Анохин датирует 283–275 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 55]. Есть и иная датировка: рубеж IV и III вв. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2010, 302–303; *Абрамзон, Новичихин* 2017, 382]. В дальнейшем надчеканенные монеты были перечеканены новым типом «голова безбородого сатира влево/лук и стрела, ПАN» [*Зограф* 1951, 178; *Шелов* 1954, 59; *Фролова* 1970, 33–34]. На поселении «Ленина» встречено три такие монеты весом 4,4, 4,9 и 6,55 г (табл. 3. *10–12*; рис. 3. *10–12*). Судя по имеющимся экземплярам, надчеканка и позднейшая перечеканка производились без строгого соблюдения соответствия лицевых и оборотных сторон. Датировка этих монет – 275–245 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 55], или же – около 300–275 гг. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2010, 341, табл. III. *1–5*; *Абрамзон, Новичихин* 2019, 20].

Как известно, дискуссия о смысле проведения описаных операций с бронзовыми монетами длится уже довольно долго. А. Н. Зограф полагал, что надчеканка была призвана подтвердить их достоинство [*Зограф* 1951, 178]. Д. Б. Шелов выдвинул идею о контрамаркировании монет с целью увеличения номинальной стоимости: по его мнению, надчеканка должна была превратить гемиоболы (тетрахалки) в оболы [*Шелов* 1956, 124]. Эту позицию поддержала и Н. А. Фролова [*Фролова* 1970, 39]. Принципиально иную точку зрения представил В. А. Анохин, предложив рассматривать надчеканку и перечеканку монет как запоздалую попытку снизить их цену, чтобы приблизить её к реальной торговой цене меди (*Ю. К.* – так у автора). Исходя из типологии предыдущих номиналов, он предположил, что после проведения надчеканки цена тетрахалков должна была уменьшиться в 4 раза – до халков [*Анохин* 1986, 48–50]. Но наиболее логичную, на наш взгляд, версию выдвинул М. М. Чореф: он установил, что операция по контрамаркированию тетрахалков проводилась боспорскими властями с целью изъятия из обращения подделок и узаконивания номинала оригиналов [*Чореф* 2018, 396]. Представив новую трактовку сведений Полиэна, он предположил, что в ходе денежной реформы именно в первой половине III в. до н. э. бронзовые оболы, дихалки, халки и лепты фактически перестали быть кредитными деньгами, а в ходу остались прежние тетрахалки,

курс которых после контрамаркирования был повышен до обола [*Чореф* 2018, 400]. Однако, обозначив эти прогрессивные идеи, автор не довёл их до логического завершения: не разделил операции по надчеканке и перечеканке монет, очевидно, имеющие различный смысл. Дело в том, что последовательность данных операций давно установлена по материалам кладов [*Абрамзон, Фролова* 2010, 304]. Вслед за М. М. Чорефом логично предположить, что надчеканка тетрахалков производилась с целью изъятия подделок и подтверждения номинала оригиналов, а их перечеканка и выпуск монет «нового типа» того же веса, согласно его же трактовке сведений Полиэна [*Чореф* 2018, 398], – с целью удвоения номинала этих тетрахалков до оболов. Археологические находки на Боспоре также подтверждают, что в первой половине III в. до н. э. властями была предпринята весьма успешная попытка унифицировать всё разнообразие пантикапейских бронзовых монет до единого номинала, представленного новым типом «голова безбородого сатира влево/лук и стрела, ΠΑΝ». Монеты «нового типа» изначально были того же веса, что и тетрахалки, подвергнувшиеся контрамаркированию и перечеканке [*Шелов* 1956, 109]. На поселении «Ленина» их встречено две – 6,45 и 6,55 гг. (табл. 3. *13*, *14*; рис. 3. *13*, *14*). Очень похоже, что операции по изготовлению новых и перечеканке старых монет осуществлялись фактически одновременно с целью унификации правил внутренней торговли и насыщения рынка единой монетой.

Местное население к денежным реформам боспорских властей отнеслось настороженно, что закономерно выразилось в тезаврации накоплений в виде серий монет ранних типов [подробнее о таких кладах – *Абрамзон, Новичихин* 2019, 19]. На поселении «Ленина» небольшой схрон из 4-х монет был встречен в яме 21 (рис. 5). По количеству монет типа «голова безбородого сатира влево/голова льва, осётр, П-А-N» без надчеканок (3 ед.) он является вторым на Боспоре после клада 1986 г. из помещения 102 дома 29 в Горгиппии, где было обнаружено 32 таких тетрахалка. В реальности же, согласно материалам кладов, монеты старых типов продолжали использоваться для расчётов наряду с новыми вплоть до середины III в. до н. э. [*Абрамзон, Новичихин* 2017, 382] и даже позднее. В это же время выпускались монеты уменьшенного веса – с головой бородатого сатира влево на лицевой стороне и с головой быка влево на ¾ и с буквами «П-А-N» по сторонам на оборотной, которые М. М. Чореф предлагает считать тетрахалками, что вписывается в общую логику денежной реформы [*Чореф* 2018, 397]. Ранее исследователи, по аналогии с более ранними образцами, считали эти достаточно редкие монеты дихалками. На поселении «Ленина» найдена одна такая монета весом 4,2 г (табл. 3. *9*; рис. 3. *9*). В. А. Анохин относил их к периоду правления Перисада II и датировал 283–275 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 50]. Однако в настоящее время принята иная датировка: около 300–290 гг. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2010, 341, табл. III. 6, 7; *Абрамзон, Новичихин* 2019, 20].

Монеты нового типа «голова безбородого сатира влево/лук и стрела, ΠΑΝ» выпускались вплоть до середины III в. до н. э., но при этом довольно быстро деградировали, теряя в весе, аккуратности исполнения и реальной рыночной стоимости [*Абрамзон, Новичихин* 2017, 382]. Вероятнее всего, это следует связывать с ослаблением центральной власти и активизацией деятельности фальшивомонетчиков. На поселении «Ленина» обнаружено 7 таких монет с выраженными признаками деградации, датируемых 275–250 гг.

до н. э. Три из них – более ранние весом от 2,2 до 2,75 г.; с двух сторон хорошо заметен отруб облоя[2], а изображения, особенно профиль сатира, едва различимы (табл. 3. *15–17*; рис. 3. *15–17*). Поздние монеты того же типа представлены 4 находками весом 1,5–1,8 г с отрубом облоя с одной или, реже, двух сторон, сохранность изображений – от едва различимых до вполне чётких, хотя и примитивных (табл. 3. *18–21*; рис. 3. *18–21*).

Последняя группа из двух монет периода денежного кризиса связана с его окончанием. Это мелкие монеты всё того же типа: «голова безбородого сатира влево/лук и стрела, ΠΑΝ» с надчеканками «треножник, ΠΑΝ». Первая весом 1,75 г выглядит стандартно (табл. 3. *22*; рис. 3. *22*), а вторая – очень редкая (табл. 3. *23*; рис. 3. *23*). Судя по всему, она представляла собой тетрахалк типа «голова бородатодого сатира влево/голова быка в ¾ влево, Π-A-N», весом 2,85 г, перечеканенный в стандартную монету типа: «голова безбородого сатира влево/лук и стрела, ΠΑΝ», на который впоследствии были нанесены надчеканки: «крыло грифона» и «треножник, ΠΑΝ». Монеты такого типа В. А. Анохин датирует 245–225 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 56–58], а упомянутые уже ни раз авторы – серединой III в. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2010, 342, таб. IV. *1–3*; *Абрамзон, Новичихин* 2017, 382]. Очередная операция по надчеканке монет, согласно мнению Д. Б. Шелова и В. А. Анохина, была призвана уменьшить номинал наиболее распространённых, но деградировавших бронзовых оболов в 2 раза – до тетрахалка, чтобы выровнять неблагоприятное для драгоценных металлов рацио и таким образом способствовать преодолению кризиса [*Анохин* 1986, 58]. Логично предположить, что путём массового изъятия и контрамаркирования монет власти в очередной раз попытались положить конец деятельности фальшивомонетчиков. Однако из-за недостатка в городской казне меди реформа оказалась не вполне удачной [*Анохин* 1986, 56]. Дальнейший поиск выхода из денежного кризиса привёл к передаче права чеканки бронзовых монет общинам таких крупных городов как Феодосия и Фанагория, а в Пантикапее – храму Аполлона. На территории Синдики в это время, вероятнее всего, продолжалось хождение монет предыдущих типов.

Монеты поздних Спартокидов (около 210–109 гг. до н. э.) на раскопе 2 поселения «Ленина» представлены всего одной мелкой монетой весом 2,9 г типа «голова Аполлона в лавровом венке вправо/лук в горите влево, ΠΑΝ» [табл. 3. *24*; рис. 3. *24*]. Тем не менее, это наиболее массовый тип монет, бытовавший на протяжении практически всего II в. до н. э. В. А. Анохин определял их номинал как обол и относил к первой городской серии времени Перисада IV 150–140 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 66], однако позже понизил датировку до 215–205 гг. до н. э. [*Анохин* 2011, 155, № 1059]. М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова и А. М. Новичихин определяют эти мелкие монеты, как халки и датируют около 200–120 гг. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2010, 343, табл. V. *1–2*; *Абрамзон, Новичихин* 2018а, 335]. Вторая датировка наиболее предпочтительна и коррелируется с самыми поздними датами: 175–173 и 165–163 гг. до н. э., определёнными по клеймам на ручках родосских амфор, которые обнаружены здесь же – в составе объекта 4 и поблизости от него [*Каргин* 2020, 957, табл. 5, *23*, *25*].

[2] В археологической литературе сложилась традиция именовать облой литником, что терминологически и с технологической точки зрения некорректно.

* * *

Подводя итог обзору коллекции бронзовых монет из раскопок поселения «Ленина», следует остановиться на нескольких принципиальных моментах. Прежде всего, уникальной является находка монеты Сиракуз, которая вместе с фрагментами западносредиземноморской «рыбной» амфоры указывает на один из малоисследованных векторов торговых отношений Синдики во второй трети IV в. до н. э. Остальные 23 монеты являются заурядными пантикапейскими; их бытование укладывается в рамки последней трети IV – первой трети II вв. до н. э. Самые ранние из них представлены несколькими типами, которые могли использоваться в торговых операциях наряду с монетами периода денежного кризиса на протяжении всего этого времени [*Шелов* 1982, 48]. Поэтому датирующие возможности этих монетных находок логично рассматривать с поправкой на анализ массового амфорного материала с уточнением по керамическим клеймам. С учётом довольно продолжительного существования поселения «Ленина» следует отметить ограниченность этих возможностей временем зарождения активного денежного рынка в окрестностях Горгиппии, продолжительным денежным кризисом и завершением функционирования поселения.

Таблица 2. Хронологическое распределение монет из раскопок поселения «Ленина» (раскоп 2, 2018 г.).

Центр производства, тип		ХРОНОЛОГИЯ			
		350 г. до н.э.	300 г. до н.э.	250 г. до н.э.	200 г. до н.э.
Сиракузы	Зевс, ΖΕΥΣ ΕΛΕΥΘΕΡΙΟΣ / двусторонняя молния, сидящий орёл, ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ	1			
Пантикапей	Сатир с бородой / протома грифона, осётр, П-А-N	1			
	Сатир без бороды / протома пегаса, П-А-N	2			
	Сатир без бороды / голова льва, осётр, П-А-N	4			
	Сатир с бородой / голова быка влево, П-А-N		1		
	Сатир без бороды / голова льва, осётр, П-А-N (с надчеканками, перечекан. в след.)		3		
	Сатир без бороды / лук и стрела, П-А-N		2		
	Сатир без бороды / лук и стрела, П-А-N (деградация)			7	
	Сатир без бороды / лук и стрела, П-А-N (деградация, с надчеканкой)			1	
	Сатир с бородой / голова быка влево, П-А-N (перечекан. в пред., с надчеканками)			1	
	Аполлон / лук в горите, П-А-N				1
ДАТИРОВКА		350 г. до н.э.	300 г. до н.э.	250 г. до н.э.	200 г. до н.э.

Единственным случаем, в котором на поселении «Ленина» монетные материалы дают узкую дату, является ситуация с ямой 21 (рис. 5). Здесь обнаружены 4 монеты, самые поздние из которых – со львом и осетром без надчеканок, в том числе одна фальшивая, датируются 315–300 гг. до н. э. Тезаврация этих экземпляров, судя по всему, была произведена в самом начале денежного кризиса – на рубеже IV и III вв. до н. э. В настоящее время, помимо этого, на Боспоре известно всего 5 кладов данного периода.

Сопоставление монетных находок с итогами анализа массового амфорного материала позволяет утверждать, что развитие денежного рынка в Горгиппии и её окрестностях, включая рассматриваемое поселение, совпало с общим сокращением объёмов поступавшей в Причерноморье импортной продукции [*Каргин* 2020, 949, табл. 2]. Уже к последней четверти IV в. до н. э. импорты снизились до минимума, что было связано с глобальными политическими и экономическими изменениями в регионе после македонских завоеваний [*Monakhov, Kuznetsova* 2017, 76]. Похоже, что в этой ситуации

развитие монетного обращения, регламентируемое Пантикапеем, было направлено на структурирование и развитие внутреннего рынка Боспора.

Практически полное отсутствие находок монет после середины III в. до н. э. на поселении «Ленина» совпадает с принципиальным уменьшением количества прочих категорий археологических материалов. Здесь не встречено ни одного комплекса позднее первой трети этого века: имеются лишь разрозненные находки профильных фрагментов столовой посуды, а также амфор Синопы и Родоса, в том числе 8 ручек с клеймами, даты которых устанавливаются в промежутке от первой половины 240-х до конца 160-х гг. до н. э. Очевидно, затухание жизни на поселении связано с общеисторическим контекстом: во второй четверти III в. до н. э. у границ Боспора сформировался сирако-меотский военно-политический союз племён [*Марченко* 1996, 115–116]; следствием участившихся конфликтов стали городской пожар в Горгиппии середины III в. до н. э. и опустошение её хоры [*Алексеева* 1997, 45–46]. Тем не менее, хозяйственная территория памятника западнее исследованного участка функционировала после этого ещё как минимум 90 лет.

Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Новичихин* А. М. 2017. Крупнейший клад пантикапейских медных монет III в. до н. э. с хоры Горгиппии (2013 г.) // ВДИ. 77/2, 377–388.

Абрамзон М. Г., *Новичихин* А. М. 2018а. Два монетных клада митридатовского времени с юго-восточной окраины Боспора (2014 г.) // ВДИ. 78/2, 333–348.

Абрамзон М. Г., *Новичихин* А. М. 2018б. Клад пантикапейских медных монет III в. до н. э. с хоры Горгиппии (1986 г.) // ПИФК. 3, 234–249.

Абрамзон М. Г., *Новичихин* А. М. 2019. Клады пантикапейских монет IV–III вв. до н. э. из раскопок Горгиппии 1980 и 1986 гг. // ДБ. 24, 15–25.

Абрамзон М. Г., *Фролова* Н. А. 2010. Денежное обращение // АНК. II, 290–350.

Абрамзон М. Г., *Фролова* Н. А. 2014. Античные монеты Сицилии из собрания Государственного исторического музея // ПИФК. 2, 212–245.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560 + 40 табл.

Алексеева Е. М. 2010. Горгиппия // АНК. I, 470–509.

Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 184.

Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 328.

Б*урачковъ* П. О. 1884. Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Ч. I. Одесса, 290 + 32 табл.

З*авойкин* А. А. 2011. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н. э. // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (МПАИ. 4). М., 18–39.

Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА. 16). М.–Л., 264 + 50 табл.

К*аргин* Ю. Ю. 2020. Керамические клейма из раскопок поселения «Ленина» в окрестностях античной Горгиппии в 2018 г. // МАИАСП. 12. Нижневартовск, 914–995.

М*арченко* И. И. 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 338.

Монеты Боспорского царства. URL: www.bosporian-kingdom.com (Дата обращения 20.04.2018)

С*уханов* В. И. 2005. Денежный кризис на Боспоре в III в. до н. э. (новые материалы к дискуссии) // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М., 22–23.

Ф*ролова* Н. А. 1970. О денежном обращении Боспора в III в. до н. э. // СА. 4, 33–40.

Ч*ореф* М. М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации // Stratum plus. 3, 387–404.

Ш*елов* Д. Б. 1954. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. II (МИА. 33). М., 58–70.

Шелов Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. (Причерноморье в античную эпоху. 9). М., 222 + 9 табл.

Шелов Д. Б. 1982. К истории обращения пантикапейских медных монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 45–50.

B*MC* 3. Pool R. S. (ed.). The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, etc. (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 3). London, 1877.

C*NS* II. Calciati R. Corpus Nummorum Siculorum. Vol. II: Syrakus, die Symmachie und Alaisa. Milan, 1986.

M*onakhov* S. Ju., *Kuznetsova* E. V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period // The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity and Cultural Interactions. Cambridge, 59–99.

S*ciallano* M., *Sibella* P. 1991. Amphores, comment les identifier? Edisud, 112.

SNG ANS. Sylloge Nummorum Graecorum. The Collection of the American Numismatic Society. Vol. 5: Sicily. New York, 1988.

SNG BM I. Sylloge Numorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. The British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993.

*SNG Copenhage*n. Sylloge Nummorum Graecorum Copenhagen. The Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum. Vol. 1: Italy–Sicily. Munksgaard–Copenhagen, 1947.

SNG Stancomb. Sylloge Numorum Graecorum. Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000.

Таблица 3. Опись монет из раскопок поселения «Ленина» (раскоп 2, 2018 г.). (Определения Ю. Ю. Каргина).

№	№ Оп.	Номинал, тип	Датировка	Определение	Примечание	Масса, г	Размер, мм	Место находки
Сиракузы								
1	2 / 5	Гемидрахма: Голова бородатого Зевса Элевтерия в лавровом венке вправо, по кругу ΖΕΥΣ ΕΛΕΥΘΕΡΙΟΣ / Двусторонняя бьющая молния, справа сидящий орёл вправо, по кругу ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ	344–317 гг. до н.э.	CNS II, *n. 72*; SNG Copenhagen, *727–728*; SNG ANS, *477–478*	По краям 2 лопины, выраженный обруб облоя, реверс потёрт в процессе эксплуатации	17,1	25×27	Пл.1, кв.E6
Пантикапей								
2	2 / 16	Тетрахалк: Голова бородатого сатира вправо / Протома грифона влево, внизу осётр, по сторонам П-А-N	330–315 гг. до н.э.	BMC 3, *20*; Бурачков 1884, табл. XIX. *44*; Зограф, 1951, табл. XL. *19*; Шелов, 1956, табл. V. *57*; Анохин, 1986, *№ 111*; Анохин, 2011, с. 151, *№ 1023*; SNG BM I, *869*; SNG Stancomb, *541–542*; Монеты Боспорского царства, *111-3002*	глубокий облом облоя, рядом трещина	6,55	20,5×21,5	Пл.2, кв.D11
3	2 / 72	Дихалк: Голова безбородого сатира вправо / Протома пегаса вправо, по сторонам П-А-N	330–315 гг. до н.э.	Бурачков 1884, табл. XX. *88*; Зограф, 1951, табл. XL. *19*; Шелов, 1956, табл. V. *56*; Анохин, 1986, *№ 112*; Анохин, 2011, с. 151, *№ 1024*; SNG BM I, *873*; SNG Stancomb, *544*; Монеты Боспорского царства, *112-2048*	глубокий облом облоя	3,25	15,5×16	Пл.3, кв.G17
4	2/ 146	То же	330–315 гг. до н.э.	То же		3,7	15,5×15,5	Яма 21, (кв. C14 и C15)
5	2 / 147	Тетрахалк: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лев и осётр, по сторонам П-А-N	315–300 гг. до н.э.	BMC 3, *21–22*; Бурачков 1884, табл. XX. *71*; Зограф, 1951, табл. XLI. *2*; Шелов, 1956, табл. V. *61*; Анохин, 1986, *№ 125*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1039*; SNG BM I, *885*; SNG Stancomb, *552*; Монеты Боспорского царства, *125-3005*	один край обрублен	7,75	19×20	Яма 21, (кв. C14 и C15)
6	2 / 148	То же	315–300 гг. до н.э.	То же		6,9	19×20	Яма 21, (кв. C14 и C15)

Таблица 3. Опись монет из раскопок поселения «Ленина» (раскоп 2, 2018 г.). (Определения Ю. Ю. Каргина) *(продолжение).*

№	№ Оп.	Номинал, тип	Датировка	Определение	Примечание	Масса, г	Размер, мм	Место находки
7	2 / 56	Тетрахалк: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лев и осётр, по сторонам П-А-N	315–300 гг. до н.э.	BMC 3, *21–22*; Бурачков 1884, табл. XX. *70–71*; Зограф, 1951, табл. XLI. *2*; Шелов, 1956, табл. V. *61*; Анохин, 1986, *№ 125*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1039*; SNG BM I, *883–885*; SNG Stancomb, *552–553*; Монеты Боспорского царства, *125-3005*	аверс сильно затёрт, реверс – по краям	5,65	19×19	Пл.3, кв.E19
8	2 / 149	То же, стиль изображений грубый (подделка?)	315–300 гг. до н.э.	BMC 3, *21–22*; Бурачков 1884, табл. XX. *71*; Зограф, 1951, табл. XLI. *2*; Шелов, 1956, табл. V. *61*; Анохин, 1986, *№ 125*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1039*; SNG BM I, *883–885*; SNG Stancomb, *552*; Монеты Боспорского царства, *125-3128*	на одном крае выщерблина от облома облоя, на другом – неглубокая трещина	6,75	19×19,5	Яма 21, (кв. C14 и C15)
9	2 / 38	Тетрахалк: Голова бородатого сатира влево / Голова быка влево на 3/4, по сторонам П-А-N	300–290 гг. до н.э.	BMC 3, *17–18*; Бурачков 1884, табл. XIX. *40–42*; Зограф, 1951, табл. XLI. *7*; Шелов, 1956, табл. VI. *63*; Анохин, 1986, *№ 132*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1046*; SNG BM I, *890–893*; SNG Stancomb, *557–558*; Монеты Боспорского царства, *132-3156*	с одного края – обруб облоя с трещиной	4,2	16×17,5	Пл.3, кв.C9
10	2 / 74	Тетрахалк: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лев и осётр, по сторонам П-А-N Надчеканка: Надчеканка «звезда» (8-лучевая) / Надчеканка «лук в горите» Перечеканка в обол: Лук и стрела вправо, внизу ΠΑΝ / Голова безбородого сатира в плющевом венке влево	315–300 гг. до н.э. нач. III в. до н.э. ок. 300–275 гг. до н.э.	BMC 3, *30*; Бурачков, 1884, табл. XX. *75, 77–78*; Шелов, 1956, табл. VI. *67*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1047–1048*; SNG BM I, *897*; SNG Stancomb, *556*; Монеты Боспорского царства, *133-3118*	Край неровно и глубоко обломан, с противоположной стороны – 3 неглубокие радиальные трещины, небольшие закраины завернуты на одну сторону	4,4	19×21	Пл.3, кв.G19
11	2 / 77	То же	315–300 гг. до н.э. нач. III в. до н.э. ок. 300–275 гг. до н.э.	То же	с одного края – обруб облоя, с противоположного – глубокий обруб облоя	4,9	17×18	Пл.3, кв.G20

Таблица 3. Опись монет из раскопок поселения «Ленина» (раскоп 2, 2018 г.). (Определения Ю. Ю. Каргина) *(продолжение).*

№	№ Оп.	Номинал, тип	Датировка	Определение	Примечание	Масса, г	Размер, мм	Место находки
12	2 / 52	Тетрахалк: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лев и осётр, по сторонам П-А-N Надчеканка: Надчеканка «звезда» (12-лучевая) / Надчеканка «лук в горите» Перечеканка в обол: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лук и стрела вправо, внизу ПАN	315–300 гг. до н.э. нач. III в. до н.э. ок. 300–275 гг. до н.э.	BMC 3, *30*; Бурачков, 1884, табл. XX. *76*; Шелов, 1956, табл. VI. *67*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1047–1048*; SNG Stancomb, *556*; Монеты Боспорского царства, *133-3118*	один край неровно обломан, противоположный обрублен и чуть завернут	6,55	19×19,5	Пл.3, кв.E12
13	2 / 51	Обол: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лук и стрела вправо, внизу ПАN	ок. 300–275 гг. до н.э.	BMC 3, *27*; Бурачков, 1884, табл. XX. *73–74*; Зограф, 1951, табл. XLI. *4*; Шелов, 1956, табл. VI. *65*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1049*; SNG BM I, *897*; SNG Stancomb, *560*; Монеты Боспорского царства, *133-3142*	с одного края обрубленный облой	6,55	20,5×21,5	Пл.3, кв.E12
14	2 / 21	То же	ок. 300–275 гг. до н.э.	BMC 3, *27*; Бурачков, 1884, табл. XX. *73–74*; Зограф, 1951, табл. XLI. *4*; Шелов, 1956, табл. VI. *65*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1049*; SNG BM I, *894*; SNG Stancomb, *561*; Монеты Боспорского царства, *133-3142*	с одного края обрубленный облой, с другого края обрубленный облой загнут	6,45	19,5×20	Пл.2, кв.E11
15	2 / 94	То же	275–250 гг. до н.э.	Анохин, 1986, *№ 133*; Монеты Боспорского царства, *133-3215*	с двух сторон обруб облоя, в одном месте – с трещиной, сильно потёрта	2,75	16×17	Пл.4, кв.F17
16	2 / 173	То же	275–250 гг. до н.э.	BMC 3, *28*; Бурачков 1884, табл. XX. *94–95*; Зограф, 1951, табл. XLI. *5*; Шелов, 1956, табл. VI. *66*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1049*; SNG BM I, *901*; SNG Stancomb, *562–563*; Монеты Боспорского царства, *133-3117*	с двух сторон обруб облоя, по краям – неглубокие трещины	2,2	15,5×16,5	Объект 1, кв.G12

Таблица 3. Опись монет из раскопок поселения «Ленина» (раскоп 2, 2018 г.). (Определения Ю. Ю. Каргина) *(продолжение).*

№	№ Оп.	Номинал, тип	Датировка	Определение	Примечание	Масса, г	Размер, мм	Место находки
17	2 / 22	Обол: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лук и стрела вправо, внизу ΠΑΝ	275–250 гг. до н.э.	BMC 3, *28*; Бурачков 1884, табл. XX. *79*; Зограф, 1951, табл. XLI. *5*; Шелов, 1956, табл. VI. *66*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1049*; SNG BM I, *901*; SNG Stancomb, *562–563*; Монеты Боспорского царства, *133-3117*	с двух сторон неровный обруб облоя	2,6	15,5×17	Пл.2, кв.E18
18	2 / 57	То же	275–250 гг. до н.э.	То же	с одной стороны обруб облоя	1,65	13,5×16	Пл.3, кв.E19
19	2 / 3	То же	275–250 гг. до н.э.	То же	неровный обруб облоя	1,6	13,5×15	Пл.1, кв.C14
20	2 / 48	То же	275–250 гг. до н.э.	BMC 3, *28*; Бурачков 1884, табл. XX. *79*; Зограф, 1951, табл. XLI. *5*; Шелов, 1956, табл. VI. *66*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1049*; SNG BM I, *904*; SNG Stancomb, *562–563*; Монеты Боспорского царства, *133-3117*	края неровные, с одной стороны – обруб облоя	1,8	14,5×15,5	Пл.3, кв.D16
21	2 / 32	То же	275–250 гг. до н.э.	BMC 3, *28*; Бурачков 1884, табл. XX. *79*; Зограф, 1951, табл. XLI. *5*; Шелов, 1956, табл. VI. *66*; Анохин, 1986, *№ 133*; Анохин, 2011, с. 153, *№ 1049*; SNG BM I, *905*; SNG Stancomb, *563*; Монеты Боспорского царства, *133-3117*	с двух сторон обруб облоя, потёрта в процессе эксплкатции	1,5	12,5×13,5	Пл.2, кв.G10
22	2 / 49	Обол: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лук и стрела вправо, внизу ΠΑΝ Перечеканен в тетрахалк (?): Надчеканка «треножник», слева ΠΑΝ / То же	ок. 300–275 гг. до н.э. сер. III в. до н.э.	Бурачков 1884, табл. XXI. *131*; Зограф, 1951, табл. XLI. *8*; Шелов, 1956, табл. VI. *84*; Анохин, 1986, *№ 139, 142*; Анохин, 2011, с. 153–155, *№ 1051, 1055*; Монеты Боспорского царства, *000-3232*	края неровные, с одной стороны – обруб облоя	1,75	14×14,5	Пл.3, кв.D16

Таблица 3. Опись монет из раскопок поселения «Ленина» (раскоп 2, 2018 г.). (Определения Ю. Ю. Каргина) *(окончание).*

№	№ Оп.	Номинал, тип	Датировка	Определение	Примечание	Масса, г	Размер, мм	Место находки
23	2 / 39	Тетрахалк: Голова бородатого сатира влево / Голова быка влево на 3/4 (?), по сторонам П-А-N Перечеканен в обол: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лук и стрела вправо, внизу ПАN Перечеканен в тетрахалк (?): Надчеканка «крыло грифона» вправо (?) / Надчеканка «треножник», слева ПАN	300–290 гг. до н.э. 290–275 гг. до н.э. сер. III в. до н.э.	Бурачков 1884, табл. XXI. *131*; Зограф, 1951, табл. XLI. *8*; Шелов, 1956, табл. VI. *84*; Анохин, 1986, *№ 139, 142*; Анохин, 2011, с. 155, *№ 1051, 1055*; Монеты Боспорского царства, *142-3102*	закраины, местами завёрнутые	2,85	17×17,5	Пл.3, кв.С9
24	2 / 191	Халк (?): Голова Аполлона в лавровом венке вправо / Лук в горите влево, внизу ПАN	ок. 200–120 гг. до н.э.	Бурачков 1884, табл. XXI. *114*; Зограф, 1951, табл. XLII. *9*; Шелов, 1956, табл. VIII. *95*; Анохин, 1986, *№ 169*; Анохин, 2011, с. 155, *№ 1059*; SNG BM I, *920–922*; SNG Stancomb, *573–575*; Монеты Боспорского царства, *169-3148*	с двух сторон – неровный обруб облоя	2,9	12×12,5	Объект 4, 1 ур.

Summary

Ju. Ju. Kargin
The coins from the excavations of the settlement «Lenina»
in the chora of Gorgippia in 2018

The article analyzes a collection of 24 bronze coins from the excavations of the settlement "Lenina" in the chora of ancient Gorgippia. 23 of them are ordinary Panticapean and dated from the third third of the IV – beginning of the II centuries BC. They were used for calculations from the moment of the birth of an active de-tender market in the chora of Gorgippia, during the monetary crisis and until the completion of the settlement. Of particular interest is the complex of 4 coins of the third third of the IV century BC in the pit 21, which can be considered among the rare hoards of the very beginning of the monetary crisis at the turn of the centuries. An imported Syracuse coin of 344–317 BC is a unique find, which, together with the remains of a Western Mediterranean fish amphora, indicates one of the little-known vectors of trade relations of the Syndica in the second third of the IV century BC.

The comparison of coin materials with the results of the analysis of mass amphorite material indicates the development and structuring of the Bosporus domestic market against the background of a reduction in the volume of imported products, which is generally characteristic of the Black Sea region and is associated with global political and economic changes after the Macedonian conquests. The decline of life in the settlement of "Lenin" began closer to the middle of the III century BC due to the general destabilization of the situation in the steppe. However, the economic territory to the west of the investigated site functioned for at least another 90 years, which established by several late amphorae stamps and a coin.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.157-169

А. В. Катцова
(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Восточный район Китея в конце III–VI вв.

Е. А. Молев посвятил исследованию Китея почти пятьдесят лет. Его научная и полевая деятельность оказались неразрывно связаны с историей этот небольшого боспорского города. Подводя итоги многолетней кропотливой и не всегда простой полевой работе, ученый указывал: «…Открыты участки всех трех линий укреплений города, часть жилых кварталов, вымосток, ям различного назначения, более 100 погребений некрополя» [*Молев* 2010, 18]. Очевидно, сделано немало. Изучение разных участков городища позволило Е. А. Молеву не только очертить основные этапы истории Китея, но и охарактеризовать степень освоения городского пространства в разные исторические периоды, выявить особенности каждого из районов.

Перед началом полевого сезона 2021 г., как обычно, обсуждались планы на предстоящее лето и перспективы на будущее. Евгений Александрович настоятельно рекомендовал продолжать исследования на ранее заложенных раскопах и предлагал, на его взгляд, наиболее интересные участки. Особое внимание было уделено раскопу IV, где «вырисовываются слои последнего периода истории города с наилучшей сохранностью архитектуры» (из личной переписки). Учитывая мемориальный характер сборника, предметом этого небольшого очерка были выбраны строительные комплексы и объекты III–VI вв., обнаруженные в восточном районе Китея. В нём впервые будут представлены все открытые на этом раскопе архитектурные сооружения (рис. 1). Это объекты, уже опубликованные Е. А. Молевым, постройки, не введенные им в научный оборот, а также строительные комплексы, зафиксированные Китейской экспедицией Государственного Эрмитажа в 2021 г. При описании и характеристике помещений отдельное внимание будет уделено той интерпретации, которую дал им сам автор раскопок. Хронологические рамки исследования также определены не случайно. Е. А. Молевым были выделены основные этапы истории Китея. Первоначально он писал: «…Последний период истории города связан уже с византийским временем» [*Молев* 2000, 44]. В дальнейшем ученый несколько скорректировал данную версию. Последний, поздний период он относил к концу III – второй четверти VI в. В это время повсеместно отмечаются значительные перестройки. Восточный район города не стал исключением [*Молев* 2006, 123; *Молев* 2010, 69].

Впервые экспедиция Е. А. Молева начала работу в восточном районе Китея чуть больше 40 лет назад, в 1980 г. Первостепенной задачей тогда являлось исследование

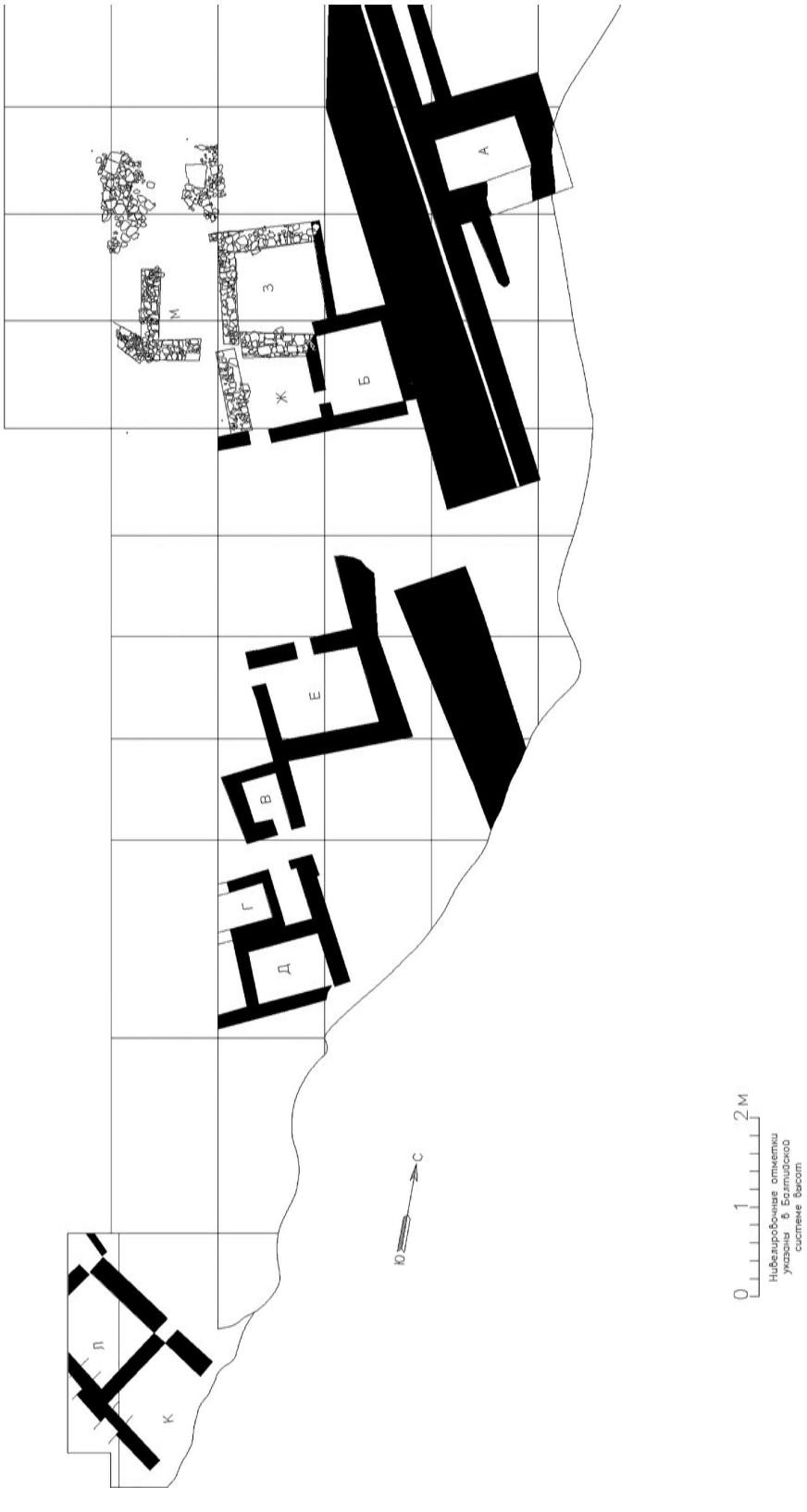


Рис. 1. Китей. Раскоп IV. План строительных остатков конца III-VI вв.

крепостной стены над обрывом балки «Казан» [*Молев* 1980, 13]. Впоследствии раскопки здесь продолжались с перерывами более 10 сезонов. Общая исследованная площадь на сегодня составила 1110 м². В результате был уточнен характер крепостной системы восточной линии обороны города, открыты жилые, культовые и хозяйственные комплексы различных эпох. Е. А. Молевым выделено 11 помещений или строительных объектов, которые получили буквенные обозначения от А до Л. К интересующему нас периоду относятся не все из них. Открытые здесь постройки III–VI в. условно можно разделить на несколько групп. Одни помещения были возведены в предшествующий период и сохранили свое функциональное назначение вплоть до последнего этапа жизни города, другие подверглись значительной перестройке.

Безусловно, определяющими всю градостроительную структуру восточного района Китея сооружениями следует считать оборонительную стену и улицу. Касательно последнего объекта наши сведения ограничены лишь планом П. Дюбрюкса и сведениями о работах на этом участке экспедиции директора Керченского музея древностей Ю. Ю. Марти. Отсутствие точной привязки открытого участка на планах этого исследователя не дает возможности с уверенностью привязать открытые им объекты к современному раскопу. Впрочем, имеющиеся материалы позволяют утверждать, что к югу от открытых комплексов существовали одни из ворот, ведущих в город. Судя по расположению, улица была ориентирована по направлению запад-восток. К сожалению, дополнительных сведений об устройстве одной из городских магистралей у нас нет.

Характеристику восточной крепостной стены припортового квартала Китея удалось восстановить с большей детализацией. Первое упоминание оборонительной системы города можно найти в дневниковых записях Поля Дюбрюкса. Французским исследователем также был составлен подробный план, где обозначены все видимые тогда на поверхности строительные остатки. Из этих сведений следует, что в восточной части город был окружен двойной крепостной стеной. Оборонительная система была усилена расположенными здесь башнями и рвом. На плане в этой части указаны и упомянутые выше ворота [*Молев* 2002, 297; *Молев* 2010а, 515, *Поль Дюбрюкс* 2010, т. I, 314; 2010, т. II, 240]. Толщина внешней стены составляла 2,13 м, внутренней – 1,8 м. Внутренняя стена шла параллельно внешней на расстоянии 4,3 м от нее. Ширина рва перед внешней стеной равнялась 6,4 м. [*Молев* 2010а, 515; *Поль Дюбрюкс* Т. I. Тексты, 2010, 314]. В северной части восточная оборонительная стена завершалась овальной башней, которая имела два входа с внутренней стороны [*Молев* 2010а, 515]. Безусловно, работа, выполненная Дюбрюксом, внесла неоценимый вклад в исследование памятника. Детальные описания и тщательная картографическая фиксация объектов позволила составить общее представление об оборонительной системе города. Однако достоверно утверждать, что таковая в неизменном виде просуществовала вплоть до последнего периода жизни Китея, сложно. Дополнить эту информацию оказалось возможным лишь благодаря проведенным на данном участке раскопкам.

Первые археологические исследования восточной крепостной стены и двух башен были предприняты Ю. Ю. Марти в 1927–1929 гг. В этот же период был составлен новый топографический план памятника, на котором отчетливо видны ландшафтные изменения. На месте южного участка восточной оборонительной стены и ворот уже

обозначена балка «Казан». Впрочем, раскопки в южной части все же позволили открыть сохранившиеся остатки ворот, упомянутых П. Дюбрюксом, а проведенные работы в целом – уточнить параметры крепостной стены и ее датировку [*Марти* 1929, 116–124]. Согласно представлению Ю. Ю. Марти, восточная линия оборонительной системы состояла из двух параллельных стен. Строительство внутренней стены исследователь отнес к IV–III вв. до н. э. Время постройки внешней «определить значительно труднее: облицовка стены во всяком случае могла возникнуть в более позднее время» [*Марти* 1929, 120, 124; *Молев* 2010а, 516]. Эта более поздняя стена отступает от внутренней линии обороны на 0,40 м. Она состоит из двух рядов камней длиной 1,15 м, шириной 0,7 м, толщиной 0,40 м. Внутренняя стена сложена из обработанных камней с внутренней забутовкой мелкими камнями. Завершает оборонительную систему наружная облицовка, состоящая из 4–5 рядов тщательно подогнанных друг к другу камней. Общая толщина оборонительных стен Китея насчитывает 6 метров [*Марти* 1929, 123]. К последнему, позднеримскому этапу строительства укреплений в этой части города Ю. Ю. Марти отнес прямоугольную башню Е, пристроенную впритык к внешней стене [*Марти* 1929, 123]. С северо-восточной стороны он открыл еще одну угловую башню. Характер кладки и обнаруженные здесь находки позволили ему предположить, что время ее сооружения относится к V–IV в. до н. э. При этом, в римское время башня была перестроена [*Марти* 1929, 121–123].

Во многом результаты первых исследований были скорректированы в ходе дальнейших археологических изысканий. В результате было установлено, что система обороны этой части города состояла не из двух, а из одной линии крепостной стены, усиленной дополнительным панцирем и башен. С южной стороны стена имеет уступ внутрь города шириной 3,5 м [*Молев* 2010, 32]. Е. А. Молев считал, что восточная оборонительная стена была сооружена в конце IV в. до н. э. [*Молев* 2002, 301; *Молев* 2010, 32]. Затем в середине – второй половине I в. до н. э. перестроена, усилена дополнительным панцирем и ее толщина достигла 4,5 м. В восьми метрах к северу по линии стены возводится новая башня А взамен разрушенной башни на уступе обрыва. Ее размеры 5×5 м, толщина стен 1,3–1,5 м. [*Молев* 2010, 35].

Других сведений о состоянии, мощности оборонительных стен, перестройке или внесении строительных изменений в оборонительную систему восточной части города в поздний период его существования у нас нет. Согласно утверждению Е. А. Молева, «оборонительные сооружения на этом участке выполняли свои функции без существенных перестроек до конца истории города» [*Молев* 2002, 301; *Молев* 2010, 35]. В статье Ю. Ю. Марти мы также не находим информации о возможных жилых или хозяйственных постройках на участках вблизи оборонительной линии города. Исследователь лишь отмечал, что «фрагменты краснолаковой и стеклянной посуды найдены в большом количестве в верхних слоях над остатками стен А и Б; также в верхних слоях найдено стекло желтого и зеленого цвета и черепки стекла с темным накладным орнаментом в виде нити. На поверхности земли в качестве подъемного материала посреди городища подобраны обломки посуды из красной и серой глины с вытесненными на них крестами ранней византийской эпохи» [*Марти* 1929, 123]. К сожалению, в процессе

исследования восточной оборонительной стены Китея остался не ясным вопрос относительно солидных рвов, описанных и нанесенных на план П. Дюбрюксом.

Изучение жилых и хозяйственных построек восточного района Китея осуществлялось экспедицией Е. А. Молева. Они появляются в припортовой части города еще в IV в. до н. э. Впрочем, активная застройка этого района начинается лишь в I в., в период наивысшего расцвета города. Впоследствии часть зданий и сооружений перестраиваются, некоторые из них меняют функциональное назначение, возводятся новые постройки.

Градостроительный облик рассматриваемого района Китея заключительного этапа его истории начинает формироваться в конце III в. н. э. В это время отмечаются последние значительные перестройки квартала, которые касаются преимущественно сооружений, возведенных здесь в предшествующий период. К ним относятся помещения *В*, *Г*, *Д*, *Е* и *З*. Описание этих комплексов следует начать с помещения *Д*, самого южного из представленных построек.

Это небольшое помещение появилось еще в I в. При его строительстве в качестве восточной стены использована кладка IV в. до н. э. Стены сложены из бута без применения раствора. В дальнейшем перестраивалась лишь северная стена здания. Общая площадь постройки составила 10 м². Впрочем, обращаясь к характеристике здания позднеантичного времени, автор раскопок указывает – «комплекс… был расширен в западном направлении, о чем свидетельствует сооружение двухрядной постелистой кладки 46 как продолжение южной стены помещения *Д*» [*Молев* 2010, 71]. Однако в полевом отчете о работах экспедиции в 1988 г. дана противоречащая этому информация. Значится, что данная кладка сохранилась только в виде фундамента и аналогично пристроенной впритык к ней стене датируется первыми веками н. э. [*Молев* 1988, 6]. Если обратиться к сводному плану строительных комплексов, то следует отметить, что участок, где предполагается соединение стены помещения Д и кладки к западу от него, остался до настоящего времени неисследованным [*Молев* 2010, 50]. В связи с этим, вряд ли возможно уверенно утверждать о продолжении постройки в данном направлении. Кажется, следует согласиться с предположением, указанным в отчете: «…в слое лежит угол неопределенного помещения.» [*Молев* 1988, 5]. Е. А. Молев считал, что на протяжении всего времени функционирования, помещение *Д* было жилым. Постройка просуществовала вплоть до первой половины VI в. [*Молев* 2010, 65].

К западу от дома *Д* была открыта яма трапециевидной в сечении формы с каменной обкладкой стен. Горловина её выложена камнями небольшого размера. Глубина – 1,0 м, диаметр горловины – 0,5 м, диаметр дна – 1,15 м. Среди датирующих находок в заполнении встречена ножка амфоры рубежа эр и монета Рескупорида VI. Е. А. Исходя из этого, Молев определил время функционирования объекта II–IV вв. [*Молев* 1988, 6].

В расположенном к северу от постройки Д помещении В следы серьезных изменений на позднем этапе истории города не пролеживаются. Эта постройка аналогично зданию *Д* была возведена в I в. н. э., представляя собой небольшое прямоугольное помещение, которое без значительных изменений просуществовавшее вплоть до второй четверти VI в. Площадь его внутри стен составляет 3 м². В южной стене был зафиксирован дверной проем шириной 0,7 м. Первоначально пол помещения был вымощен каменными плитами. Материал, обнаруженный на нём, датируется не ранее I в. [*Молев* 1988, 9].

На пространстве между помещениями *Д* и *В* открыта постройка *Г*, где в интересующий нас хронологический период располагался склад, заполненный 15 раннесредневековыми амфорами разных типов, стоявшими друг на друге в два ряда. Сохранность их различна. Три сосуда удалось восстановить полностью. Сверху над амфорами лежал известняковый тарапан. В северо-восточном углу помещения *Г* находилась амфора с рифлением тулова типа «набегающей волны», рядом с которой был обнаружен золотой солид Юстиниана (527–538 гг.). Из этого же слоя происходят ещё монеты Фофорса и Рескупорида VI, фрагменты краснолаковых тарелок с оттисками крестов на внутренней стороне, обломки лампад зеленого стекла. Е. А. Молев полагал, что представленные типы амфорной тары датируются от IV до VI в. Однако формирование комплекса, вероятно, происходило во второй четверти VI в. [*Молев* 2010, 72]. Подводя итог, исследователь пришел к заключению, что постройка была перестроена, скорее всего, в начале IV в. и просуществовала до второй четверти VI в. Судя по находке тарапана и склада амфор, помещение Г в последний период своего существования было домашней винодельней [*Молев* 2010, 72]. Небольшое прямоугольное помещение *Г* было открыто частично, западная его стена оказалась недоисследованной, а точная площадь не ясной. Судя по наличию среди находок обломков соленов боспорской глины, крыша постройки, скорее всего, была черепичной [*Молев* 1980, 8].

С северо-восточной стороны от помещения В расположена постройка Е. При строительстве её в конце I в. до н. э. или в самом начале I в. н. э. частично были использованы кладки некого строения эллинистического времени. С юга и запада возведены новые стены. Ранее существовавший дверной проем был заложен и перенесен в торец западной кладки. Его ширина 1,0 м. В результате, площадь прямоугольного жилого помещения внутри ограничивающих его стен составила 17,8 м². Е. А. Молев писал: «В дальнейшем это помещение существовало без существенных перестроек до конца истории города. В его верхнем слое была найдена редкая монета – варварское подражание с типом идущего Марса середины III–IV в. н. э.» [*Молев* 2010, 67]. Среди находок в заполнении зафиксированы фрагменты боспорских соленов, что также позволяет предположить наличие черепичной крыши [*Молев* 1988, 11].

Далее к северу расположено помещение *Б*. В отличие от предыдущих, оно построено во второй половине III в. н. э. и примыкает к внутренней стороне крепостной стены. С противоположной стороны открыт дверной проем, ведущий во двор. Крыша помещения была покрыта черепицей, обломки которой найдены при расчистке пола. Судя по наличию очага, помещение *Б* было жилым и просуществовало до IV–V в. С запада к нему примыкал двор (*Ж*), огороженный каменно-сырцовыми стенами. В южной – зафиксирован дверной проем шириной 0,72 м. В последний период существования помещения он был заложен мелким бутом, битой черепицей и фрагментами керамики на глинистом растворе [*Молев* 1993, 5]. На полу двора сохранились остатки вымостки, которые были повреждены тремя ямами середины – конца III в. В северо-восточном углу открыт алтарь, сложенный из различных плит. По сопутствующему материалу он датируется концом III – началом IV в. н. э. В целом, верхние горизонты заполнения «помещения» Ж насыщены обломками амфорной тары римского и позднеантичного времени. Это обломки амфор с воронковидным горлом, сосудов типа Делакеу, амфор

с рифлением типа «набегающей волны» и пр. Е. А. Молев отмечал общее преобладание амфор 100 типа по И. Б. Зеест и боспорских красноглиняных широкогорлых сосудов. Датирующие обломки краснолаковой керамики представлены фрагментами тарелок группы «Африканская краснолаковая» и «Late Roman C» [*Молев* 1993, 10, 11].

На участке открытого двора зафиксировано несколько групп ям. Однако к позднему периоду истории Китея уверенно можно отнести лишь одну из них. Она была открыта в восточной части двора под основанием восточной кладки. Материал из верхней части заполнения датируется III–IV вв.

С севера к помещению Б и двору Ж примыкает сооружение *З*. Оно было построено в I в. и использовалось, как жилое. В III в. н. э. была произведена его перестройка и смена функционального назначения. Здесь на уровне пола помещения открыто горло врытого в землю пифоса и горловина ямы, в которую была впущена позднебоспорская амфора. Горловина ямы обложена плоскими камнями размером 0,10–0,15 м. Глубина ямы 0,7 м, диаметр устья 1,5 м, диаметр дна 2,0 м. Амфора кроме горла покрыта известняковой обмазкой. Восточнее врытого пифоса лежал развал еще одного [*Молев* 2010, 75; *Молев* 1994, 6; *Молев* 1995, 10]. В середине помещения на одной линии находились два грубо обработанных блока мшанкового известняка с выемками в верхней части, предположительно, для установки столбовых опор [*Молев* 1995, 11]. При расчистке заполнения помещения обнаружены остатки обгорелых бревен. На этом основании Е. А. Молев предположил, что в нём могла быть деревянная перегородка, разделявшая пространство на две части – северную и южную [*Молев* 2010, 75; *Молев* 1995, 10]. При этом северная часть могла представлять собой мастерскую камнетеса [*Молев* 2010, 75]. Помещение погибло в пожаре. Мощный слой с включениями золы, сажи, углей и остатков обгоревших деревянных столбов прослеживается вплоть до уровня пола.

Среди находок больше половины составляют обломки позднебоспорской черепицы. Многочисленны также фрагменты битого оконного стекла [*Молев* 2010, 75]. Подводя итог, Е. А. Молев писал: «Время возникновения помещения *З* следует датировать самое раннее началом н. э. Второй его строительный период приходится на III в., а время гибели на первую четверть VI в. Кладки, составляющие помещение, были сооружены в первой половине I в. н. э.» [*Молев* 1995, 10].

К сожалению, помещение *З* и участок двора *Ж* не были доследованы. В завершении полевого отчета о результатах работ в 1994 г. Е. А. Молев резюмирует: «В сезоне будущего года планируется продолжить работы на открытых участках» [*Молев* 1995, 14]. Однако исследование этих архитектурных сооружений возобновилось только спустя 27 лет. В 2021 г. Китейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством автора статьи продолжила работы в восточном районе Китея. Для дальнейших исследований был выбран участок в продолжение линии помещений *Ж–З* (рис. 2). Итогом стало доследование западной стены помещения З и открытого двора Ж. Планировочная система этих сооружений приобрела завершенные черты. Площадь построек по внутренней линии их стен насчитывает: помещение *З* – 18,5 м², двор *Ж* – 14,5 м².

С запада от постройки *З*, под мощным каменным завалом, открыт угол помещения, которому согласно принятой сквозной буквенной литерации, присвоено обозначение *М* (рис. 3). Раскопан верхний ряд южной и западной стен здания. Помещение *М*

Рис. 2. Общий вид раскопа 2021 г.

расположено в продолжение линии исследованного ранее помещения 3. Однако кладки постройки *М* расположены на некотором отдалении от него, что на данном этапе исследования не позволяет выявить характер взаимосвязи двух построек. При разборке каменных завалов зафиксированы пятна желтого суглинка, что свидетельствуют о возможном использовании сырца в конструкции стен. Подобные конструктивные особенности в строительстве отмечались еще Е. А. Молевым и описаны нами выше. Судя по наличию копоти, обугленных камней и обгорелой керамики, открытое помещение погибло в пожаре. В перекрывающем его слое основной материал датируется в пределах IV–VII в., при незначительном преобладании материала VI – начала VII в. В силу незавершенности исследований, дата появления постройки пока не ясна. Но предположить активное использование её в указанный период кажется вполне возможным.

В южной части раскопа открыта кладка, назначение которой пока осталось не вполне понятно (рис. 3). Она примыкает к углу указанного выше помещения и идет по направлению: запад-восток, нарушая общую систему застройки участка.

К северо-западу от помещения *М* была раскопана вымостка, сложенная из плит разного размера (рис. 3). На нескольких блоках, расположенных вблизи друг от друга, отмечены небольшие округлые углубления, которые предположительно могли служить опорой для легковозводимой конструкции. Остатки этой же вымостки были

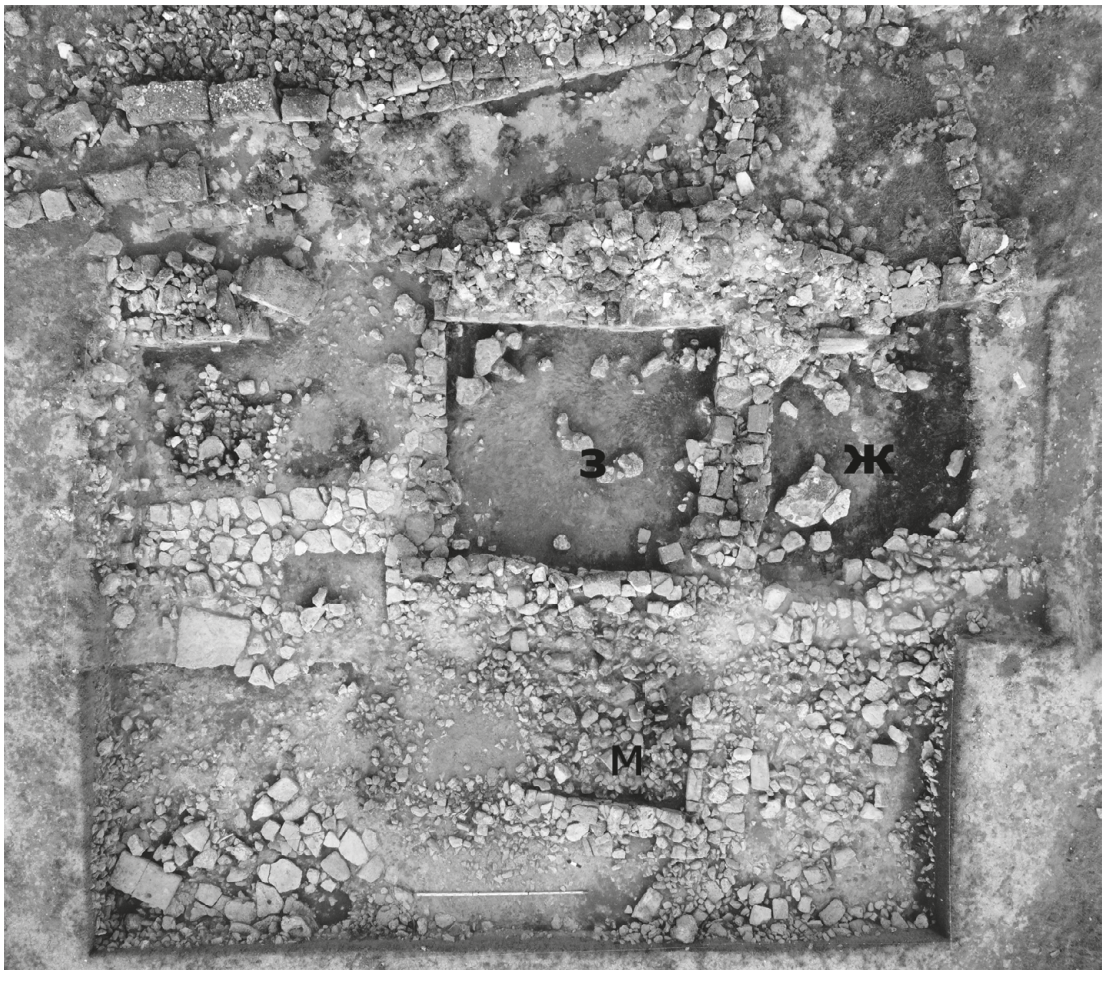


Рис. 3. Комплекс зданий и сооружений на участке 2021 г.

зафиксированы близ помещения *З*. Здесь открыта крупная каменная плита и ряд горизонтально уложенных плоских камней. Можно предположить, что этот участок был мощеным двором, расположенным с севера от постройки *М* и к северо-западу от помещения *З*.

Время появления вымостки определяется фрагментами амфорной тары и краснолаковой посуды. Наиболее ранние представлены обломками боспорских широкогорлых амфор IV в. Поздними являются профильные части амфор типа LRA1 и LRA2, бытование которых относится к VI–VII в. Обломки краснолаковой посуды дают схожую дату. Несмотря на присутствие единичных фрагментов II–III в., наиболее часто встречающимися находками оказались обломки различных типов мисок формы 3 Late Roman C или «фокейской краснолаковой» группы, при преобладании типа F начала VI – первой четверти VII в.

Отдельно от описанных выше помещений и сооружений расположены постройки *К* и *Л*. Это два самых южных помещения в восточном припортовом районе города.

Они датируются концом III – началом IV вв., что также отличает их от сооружений, возведенных на фундаментах I в. Оба имеют одну общую стену и ориентированы выходами на юго-запад. Кладка сложена из крупных блоков с подтеской с наружной стороны и забутовки из мелких камней.

Помещение *К* раскопано частично на площади 17,2 м^2. Юго-восточная стена не сохранилась из-за береговой абразии. Юго-западная стена сложена из нескольких крупных блоков, слегка подтесанных с внешней стороны, камней мелкого и среднего размера. Наибольшая сохранившаяся высота 1,3 м. Открыт дверной проем (1,0×0,7 м). Камни, использованные в нём, подтесаны с наружной стороны. Северо-восточная кладка сохранилась на высоту одного ряда и состоит из нескольких больших плоских плит, подтесанных с наружной стороны и мелкого бута между ними. В северном углу помещения К открыты обработанные блоки некой прямоугольной конструкции. Северная сторона объекта представлена большим куском печины. Е. А. Молев интерпретировал данное сооружение, как обжигательную гончарную печь, а всё помещение – как производственное [*Молев* 2017, 33]. Впрочем, судя по отчетной документации, при разборке этой конструкции никакие фрагменты керамического брака или заготовок не обнаружены. Оно было построено в конце III – начале IV вв. и просуществовало до V – первой половины VI в. Многочисленные обломки соленов свидетельствуют о наличии и здесь черепичной крыши.

Помещение *Л* расположено к западу от постройки *К*. Как уже упоминалось ранее, оба они имеют единую стену. Юго-западная кладка сложена из двух рядов крупных, подтесанных с внешней стороны блоков и забутовкой между ними из мелких камней и глинистого грунта. Наибольшая высота сохранившейся части 1,3 м. Аналогично помещению *К* здесь открыт дверной проем – вход в помещение с юга. Его размеры 1,0×1,0 м. Противоположная стена помещения имеет схожую конструкцию. Наибольшая высота сохранившейся части 1,7 м. Такой же и характер северо-западной стены, уцелевшей в высоту на 1,7 м. В помещении *Л* открыты два очага в северном и восточном его углах. От очага в северном углу сохранилась лишь часть (западная и восточная стенки). Очаг в восточном углу также сильно фрагментирован. В северо-восточном углу помещения, между восточной плитой очага и более мелкими камнями снаружи от него было найдено (в вертикальном положении) красноглиняное лощеное блюдо с крестом. Заметим, что при публикации этой находки, вероятно, произошла опечатка: ошибочно указано «помещение *К*, у его северо-западного угла, в гончарной обжигательной печи» [*Молев, Молева* 2017, 222]. В юго-восточном углу того же помещения открыта яма с остатками раздавленного позднебоспорского пифоса. Среди находок упомянем два алтаря: внутри и снаружи помещения, что вероятно, говорило о его сакральном назначении [*Молев* 2018, 19]. При разборке заполнения были сделаны многочисленные находки, среди которых особо примечателен ещё один солид императора Юстиниана. Автор раскопок полагал, что время появления и функционирования помещения *Л*– III–VI вв. [*Молев* 2018, 20].

Следует признать, что история Китея в позднеантичный/ранневизантийский период изучена слабо. Это время варварских нашествий, внутреннего кризиса и, наконец, утверждения Византийской Империи на берегах Боспора, безусловно, не могло не найти отражения и в материальной культуре жителей Китея.

Представленные результаты изучения восточного квартала Китея с уверенностью позволяют утверждать, что активная жизнь продолжалась в городе на протяжении всего интересующего нас периода. Открыты жилые и хозяйственные постройки, зафиксированы ямы и различные объекты бытового назначения. Градостроительной доминантой, вероятнее всего, являлась улица, идущая по направлению восток запад. Вероятно, по обеим её сторонам располагались различные постройки и целые строительные комплексы. Немаловажную роль играли и оборонительные стены, к которым пристраивается одно из жилых помещений. В целом, основы планировочной системы домов в восточном квартале города были заложены еще в I в. и в значительной степени сохранены вплоть до последних десятилетий жизни города. Подобная практика известна и по материалам других городов Боспора. В частности, описывая градостроительную структуру боспорского города Тиритаки в ранневизантийское время В. Н. Зинько и А. В. Зинько указывают «…В I в. н. э. одновременно с укреплением старых крепостных стен город подвергся капитальной перестройке, однако при этом сохраняются основные градостроительные оси, установленные еще в последней трети VI в. до н. э. Поэтому большинство комплексов, открытых в ранневизантийских горизонтах, и стратиграфически связанные с ними строительные и хозяйственные постройки, отражающие период существования Тиритаки в пределах второй половины III – третьей четверти VII в., были возведены еще в первые века н. э.» [*Зинько, Зинько* 2020, 170]. Однако застройка и перестройка припортового района Китея выполнены не одновременно. Как мы видим, всего на исследованном участке было выявлено 10 комплексов III–VI в., которые условно разделяются по хронологическому принципу. К первой группе построек следует отнести помещения, которые были возведены в I в. н. э. и сохранили свое функциональное назначение без последующих изменений. Это помещение *Е* и небольшая постройка *В*. Большая же часть из исследованных сооружений подверглись кардинальной перестройке в III в., а некоторые из них изменили первоначальное назначение. К данным строениям относится жилой дом *Д*, постройка *Г*, двор *Ж* и хозяйственное помещение *З*. Отдельную группу составляют «дома», строительство которых следует датировать III–IV в. К ним относятся сооружение *К* и *Л*. Заметим, что наиболее поздние комплексы керамического материала зафиксированы в помещениях *К*, *Л* и постройке *Г*. Дата постройки и функциональное назначение помещения *М* пока неясно, однако материалы из верхних слоев заполнения позволяют утверждать о существовании здания в VI в.

Несмотря на фрагментарность и нередко плохую сохранность открытых объектов, с той или иной степенью вероятности можно выделить планировку жилищно-хозяйственных комплексов, состоявших из нескольких помещений. К ним следует отнести постройки *Д*, *Г*, *В*. Здесь жилое помещение *Д* и постройка *В*, расположенные напротив друг друга, имели выходы во внутреннее пространство. К северо-западу от здания *Д* пристроено помещение *Г*, которое на последнем этапе существования Китея служило домашней винодельней. Вторым комплексом, вероятно, является жилое помещение *Б*, имеющее выход во двор *Ж*. Каким образом с ними соотносятся хозяйственное помещение *З* и открытое строение *М* – сказать сложно. Расположение их дверных проемов не ясно. Очевидно, зафиксированная рядом вымостка свидетельствует о наличии здесь открытого двора. Отличными от указанных комплексов являются связанные друг

с другом строения *К* и *Л*. Они имеют общую стену, ориентированы выходами в одном направлении и построены в один хронологический период. Эта постройка напоминает прямоугольные в плане дома казарменного типа. Подобные сооружения для позднеантичного периода известны, к примеру, на поселении Белинское [*Зубарев, Седых* 2013, 257].

Завершая небольшой обзор строительных остатков III–IV в. в восточном районе Китея, следует отметить, что в период упадка прежних центров Европейского Боспора этот небольшой город продолжает существовать и, вероятно, принимать активное участие в жизни государства. Находки в слоях над вымосткой близ помещения *З* и *М* двух солидов Юстиниана и золотого медальона – яркое тому свидетельство.

Многолетние исследования Китея экспедицией под руководством Е. А. Молева заложили основу тем знаниям и представлениям о городе, которые были отражены им в многочисленных статьях и монографиях. Безусловно, многое еще предстоит уточнить и дополнить. Однако основополагающие вехи истории этого города сформулированы именно им.

Список литературы

Д*юбрюкс Поль*. 2010. Собрание сочинений. Т. I. Тексты. СПб, 728; Т. II. Иллюстрации. СПб, 312.

З*инько* В. Н., *Зинько* А. В. 2020. Основы планировочной структуры Боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. XXV, 168–187.

Зубарев В. Г., *Седых* Е. Е. 2013. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» в II – первой половине V вв. н. э. // БИ. XXVIII, 250–274.

М*арти* Ю. Ю. 1929. Раскопки Китэя в 1928 г. // ИТОИАЭ. 3 (60), 116–130.

Молев Е. А. 1980. Отчет о раскопках городища и некрополя Китея в 1980 году. Научный архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хранения 659. Отдел древней истории, 18.

Молев Е. А. 1988. Отчет о работах Китейской экспедиции за 1988 г. Научный архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хранения 1115. Отдел древней истории, 42.

Молев Е. А. 1993. Отчет о работах Китейской экспедиции в сезоне 1992 г. Белгород. Научный архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Единица хранения 1216. Отдел древней истории, 23.

Молев Е. А. 1994. Отчет о раскопках городища Китея в 1993 г. Нижний Новгород. Научный архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хранения 1308. Отдел древней истории, 37.

Молев Е. А. 1995. Отчет о раскопках городища Китея в 1994 г. Нижний Новгород. Научный архив ВКИКМЗ. Опись 2. Ед. хранения 1347. Отдел древней истории, 54.

Молев Е. А. 2000. Основные этапы истории Китея // Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). СПб, 42–44.

Молев Е. А. 2002. Система обороны Китея // БИ. II, 297–312.

Молев Е. А. 2006. Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). СПб, 118–124.

Молев Е. А. 2010. Боспорский город Китей (БИ. Suppl. 6). Симферополь–Керчь, 315.

Молев Е. А. 2010а. История исследований боспорского Китея // Поль Дюбрюкс. Собр. соч. Т. I. Тексты. СПб, 515–518.

Молев Е. А. 2017. Отчет о результатах археологических раскопок Китейской экспедиции ННГУ им. Н. И. Лобачевского в 2016 г. Нижний Новгород. Научный архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хранения 2385. Отдел древней истории, 127.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2017. Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китея в 2016 г. // История и археология Крыма. V. Симферополь, 222–225.

Молев Е. А. 2018. Отчет о результатах археологических раскопок Китейской экспедиции ННГУ им. Н. И. Лобачевского в 2017 г. Нижний Новгород. Научный архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хранения 2459. Отдел древней истории, 121.

Summary

A. V. Katsova

Eastern part of the Kytaion in late 3rd – 6th century AD

Article overviews residential buildings and household structures dated late 3rd – 6th century AD, that were disclosed in eastern part of Kytaion settlement. For more than 10 years architectural structures in this part of the settlement were explored by archaeological expedition headed by E.A. Molev. In 2021 the Kytaion archaeological expedition of the State Hermitage Museum resumed investigation of this area. In the paper main stages of building up and restructure of eastern district are described, general description and details of buildings are provided. The emphasis is made on the interpretations given by E.A. Molev.

The Results allow us to conclude that Kytaion existed in late antiquity and early Byzantine time.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.170-180

М. Е. Клемешова, А. А. Горошников, З. В. Горошникова
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия 1 (предварительные результаты)[1]

Поселение Панагия 1, обнаруженное в 2017 г. в урочище Холодная Долина в юго-западной части Таманского полуострова, является представительным археологическим объектом эпохи поздней бронзы. Оно относится к кругу памятников Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень и белозерской культуры. Присутствие их на Таманском п-ове достоверно установлено по итогам масштабных археологических охранно-спасательных работ в последнее десятилетие.

В 2018 и 2019 гг. участок поселения общей площадью около 6,3 га был исследован под руководством А. А. Горошникова [*Горошников* 2018, 17–19; *Горошников, Горошникова* 2019, 168], а в 2021 г. границы памятника по итогам разведочных работ были уточнены и скорректированы в сторону увеличения до 8,5 га [*Горошников, Горошникова* 2021а, 103–106]. Установленная мощность культурного слоя составляет около 0,9–1,3 м.

Полученные материалы позволяют скорректировать ранее предложенные датировки [*Кияшко, Горошников* 2020, 40–46; *Горошников, Горошникова* 2021 б, 61–64] в пределах XIV–X вв. до н. э.

Необходимо отметить, что тогда же были открыты как погребения, отнесенные к эпохе средней бронзы (катакомбная культура), так и комплексы античного времени (VI–IV вв. до н. э.). Помимо этого, был исследован участок средневекового кочевья (VIII–IX и XI–XIV вв. н. э.), представленный хозяйственными ямами. Однако наиболее информативным, представительным и имеющим большое значение для изучения материальной культуры населения данного региона, выступает именно период существования памятника в эпоху поздней бронзы. И в этой связи, на сегодняшний день и на данной территории поселение Панагия 1 является, пожалуй, самым исследованным. Среди прочих полученных материалов немалый интерес представляет лепная посуда, в частности, результаты её технико-технологического анализа.

В статье представлены итоги изучения формовочных масс 17 сосудов, относящихся к различным хронологическим периодам эпохи поздней бронзы. Работы велись

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00469.

с целью получения информации о технологии изготовления керамики. Технико-технологический анализ посуды проводился по методике, разработанной А. А. Бобринским [*Бобринский* 1978; 1999]. Были получены сведения о гончарных традициях отбора исходного пластичного сырья и составления формовочных масс для изготовления посуды. Исследование проводилось с помощью микроскопа МБС-10 по свежим изломам черепков[2].

Вид исходного пластичного сырья (ИПС) устанавливался в соответствии с признаками, выделенными А. А. Бобринским, И. Н. Васильевой [*Бобринский* 1999, 17–20; *Васильева* 1999, 194]. Определение лиманных илистых глин осуществлялось по признакам, описанным М. Е. Клемешовой [*Клемешова* 2017, 232]. Степень ожелезненности ИПС определялась на основе разработок Ю. Б. Цетлина [2006, 421–425] по эталонам, хранящимся в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН. Состояние ИПС, использованного древними гончарами для приготовления формовочной массы (увлажненное или в сухом дробленом состоянии), устанавливалось на основании информации, выделенной А. А. Бобринским [*Бобринский* 1978, 108; 1999, 33]. Степень запесоченности сырья указывалась в соответствии со шкалой, разработанной О. А. Лопатиной как низкая, средняя или высокая [*Лопатина, Каздым* 2010, 48–55]. Характер примеси раковины (естественная или искусственная) определялся по признакам, описанным в работах Н. П. Салугиной [*Салугина* 2006] и И. Н. Васильевой [*Васильева* 2002, 18]. Размерность дресвы и шамота указана в соответствии со шкалой, разработанной А. А. Бобринским для учета твердых минеральных частиц: мелкие (0,5–0,9 мм), средние (1–1,9 мм), крупные (2–2,9 мм), очень крупные (3 мм и больше). Концентрация примесей описана соотношением количества частей примеси с количеством частей использованной гончаром глины, т. е. запись «шамот 1:4» означает примесь шамота в соотношении одна часть шамота на четыре части глины.

Исследованные сосуды в основном относятся к сабатиновской (рис. 1; 2. *1–4*) и белозерской культурам (рис. 3). Четыре образца, происходящие из одного объекта (яма 57), имеют смешанные черты сабатиновской и бабинской культур (рис. 2. *5–8*), культурная принадлежность одного сосуда (рис. 2. *9*) не определена.

Керамика сабатиновской культуры представлена фрагментами нелощёного S-видного в профиле лепного горшка (рис. 2. *1*), черпака с приподнятой, профилированной с шишковидным налепом ручкой (рис. 2. *4*), крупных горшковидных сосудов с отогнутым венчиком, дуговидной в профиле шейкой и округлым корпусом, орнаментированных валиком, с пальце-ногтевыми вдавлениями под венчиком или в основании шейки (рис. 1. *1, 2*; 2. *2, 3*). Один из сосудов, помимо рельефной орнаментации, дополнительно декорирован поясом из прочерченных ов и рядом ногтевых вдавлений (рис. 1. *2*). Сосуды подобных форм и орнаментации широко распространены в материальном комплексе блока культур Сабатиновка – Ноуа – Кослоджень [*Лесков* 1970, 27, рис. 17. *12*; *Гершкович* 1997, 134, рис. 5, 9; *Sava*, 2014, 36, fig.10. *8*, *205*, fig.133. *7*, *280*, fig.166. *1*].

Керамика, имеющая смешанные черты сабатиновской и бабинской культуры, представлена профилем горшка с отогнутым венчиком, короткой зауженной шейкой

[2] Технико-технологический анализ керамики выполнен М. Е. Клемешовой в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН.

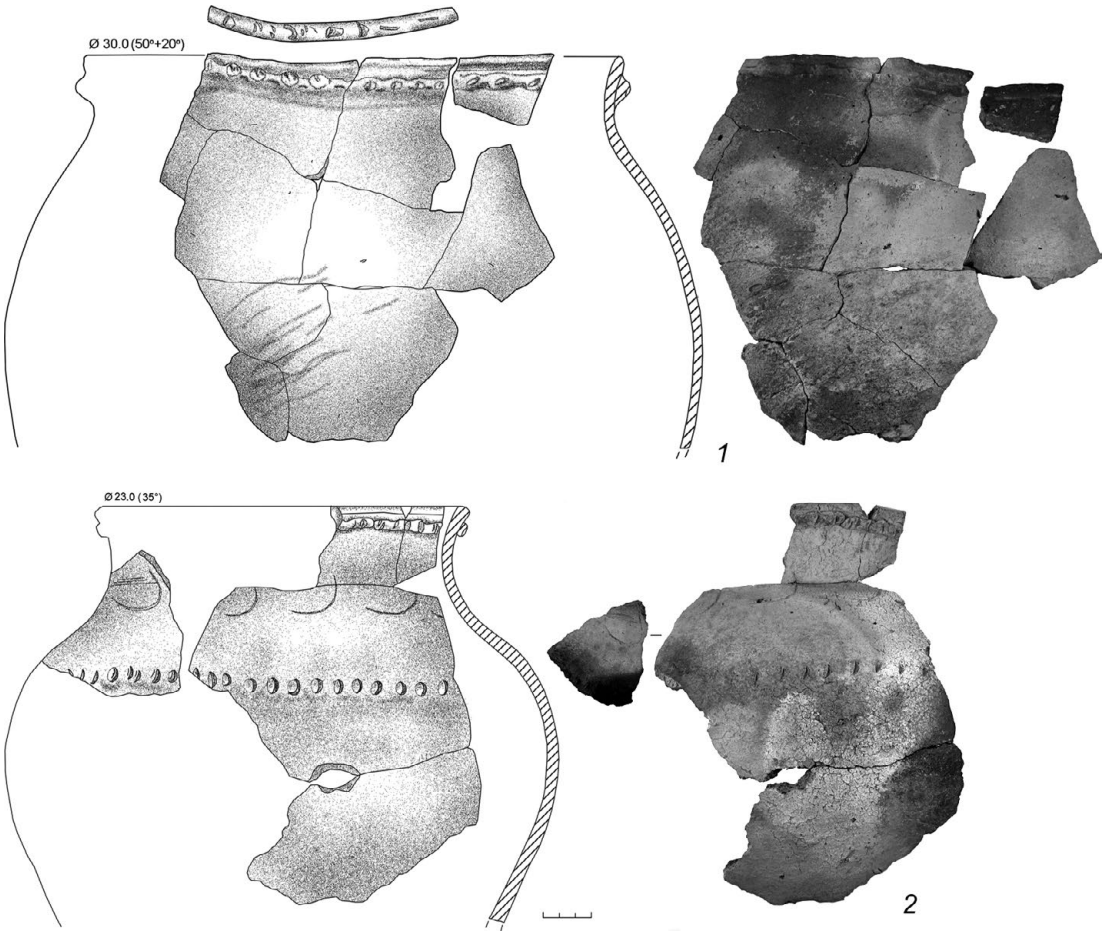


Рис. 1. Поселение Панагия 1, лепные горшки эпохи поздней бронзы, сабатиновская культура

и округлым плечом, переходящим в овоидное тулово на плоском дне (рис. 2. *6*), фрагментами орнаментированного рядами ногтевых вдавлений S-видного в профиле горшка (рис. 2, *7*), крупного горшковидного сосуда с отогнутым венчиком, край которого украшен пальце-ногтевыми защипами и дуговидной шейкой, орнаментированной валиком со спущенной овой, разделенной пальце-ногтевыми вдавлениями (рис. 2. *8*), а также фрагментами тулова крупного сосуда, орнаментированного многочисленными валиками с пальце-ногтевыми вдавлениями (рис. 2. *5*а, *5*б). Аналогичные орнаменты в виде многорядных валиков с пальце-ногтевыми вдавлениями встречены в материалах поселения Балка Лисовицкого [*Кияшко, Сударев* 2018, 218, рис. 1. *4*].

Керамический комплекс белозерской культуры представлен сосудом с шаровидным туловом на плоском дне, с горизонтальными ручками-ушками со сквозными отверстиями для подвешивания на венчике (рис. 3. *1*), профилем лепного горшка с отогнутым венчиком, суженой шейкой, переходящей в шаровидное тулово на плоском дне с закраиной (рис. 3. *6*), фрагментами черпаков с высоко поднятыми ручками (рис. 3. *3, 4*),

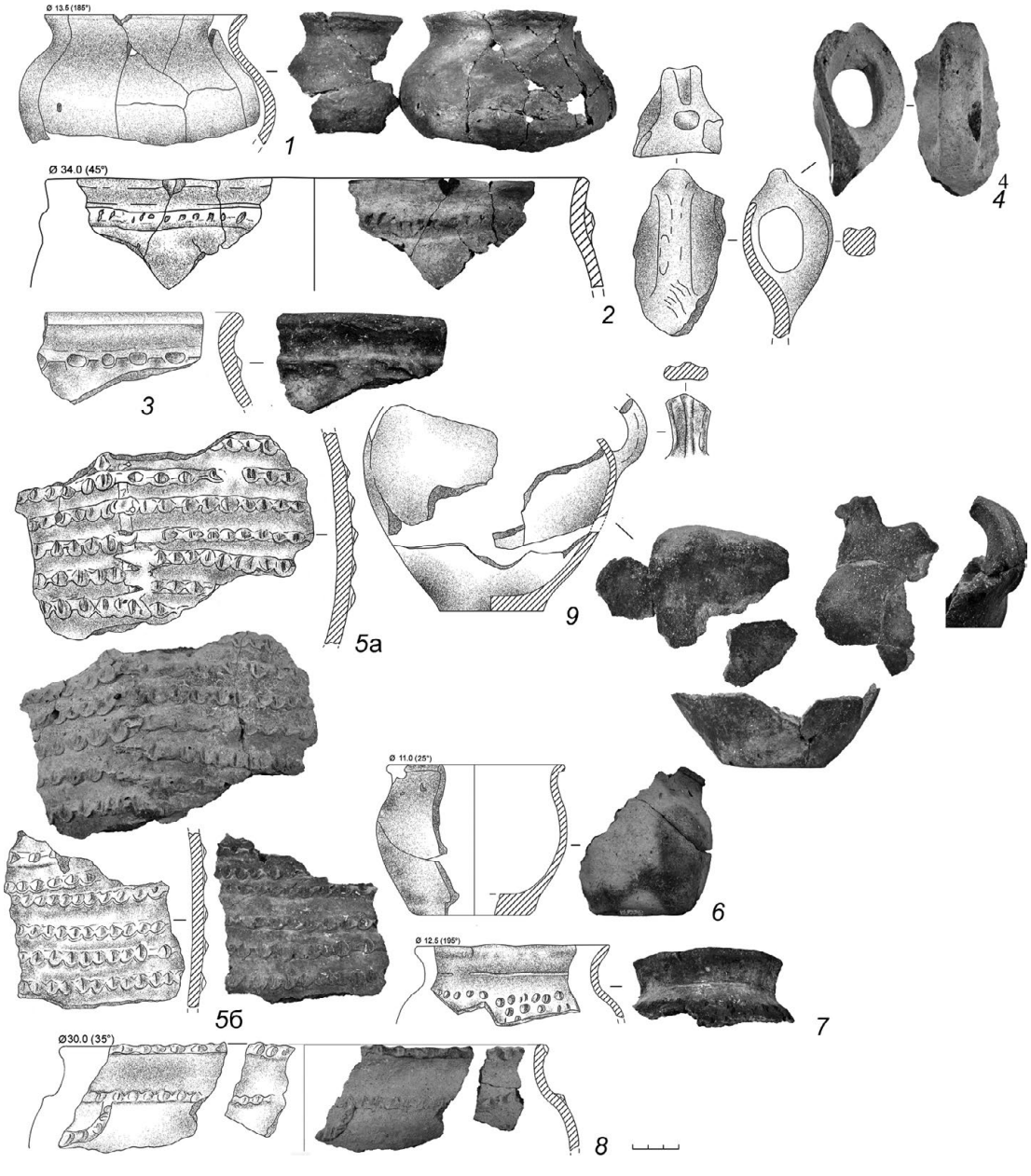


Рис. 2. Поселение Панагия 1, лепные сосуды эпохи поздней бронзы: сабатиновская культура (*1–4*), со смешанными чертами сабатиновской и бабинской культур (*5–8*), неопределенная культурная принадлежность (*9*)

лощеного кубка с шаровидным туловом (рис. 3. *2*), сосуда, орнаментированного налепом в форме «подковы», выложенного гладким валиком (рис. 3. *5*). Морфологически сходные формы есть в материалах поселений на территории Крыма [*Ванчугов* 1990, 75, рис. 28. *1*, *2*; 30. 5; *Колотухин* 2003, 127, рис. 60. *9*, *16*].

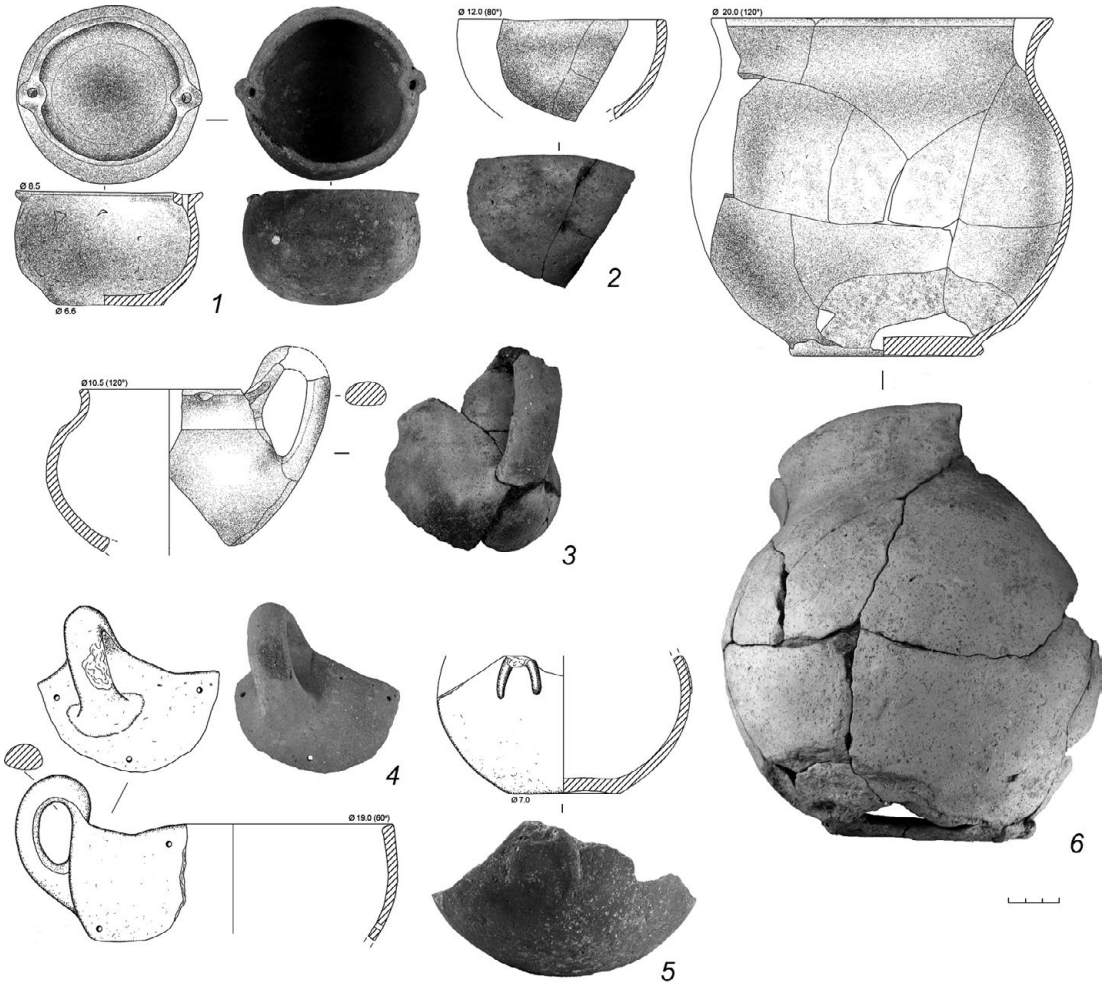


Рис. 3. Поселение Панагия 1, лепные сосуды эпохи поздней бронзы, белозерская культура

Проведенное исследование показало, что все представленные образцы керамики сделаны из слабоожелезненного сырья, 12 – из глины, 5 – из лиманной илистой глины с естественной примесью морской раковины. Глина использовалось слабозапесоченная (12 образцов), в 1 случае – среднезапесоченная. Сосуды из илистой глины были в 1 случае сделаны из слабозапесоченного, 3 случаях – из среднезапесоченного, в 1 – из сильнозапесоченного сырья. Во всех образцах из глины отмечена естественная примесь пылевидного кварцевого песка. В одном из них в качестве естественных включений встречена примесь обломочного известняка 0,2–1 мм, в основном 0,3–0,5 мм (12–13 вкл. х кв. см), в одном – единичное, слегка окатанное железистое включение (бурый железняк? гематит?). Количество естественной примеси раковины в образцах из илистой глины в основном: от 1:8 до менее 1:10, в одном случае около 1:5. Кроме раковины, в качестве естественных примесей к илистой глине в них встречен пылевидный кварцевый песок и единичные углефицированные растительные частицы

0,1–0,2 мм длиной. В одном из образцов присутствуют половинки и целые раковины фораминифер 0,2–0,5 мм, около 28 экз. х кв. см.

Для приготовления формовочной массы всех образцов исходное пластичное сырье было использовано во влажном состоянии. В качестве искусственных примесей отмечены: шамот (в 14 образцах/82,4%), дресва из кварца и из кварцевого песчаника (3 образца/17,7%), навоз мелкого рогатого скота (1 образец/5,9%), навозная выжимка (9 образцов/52,9%), дробленая раковина (1 образец/5,9%), органические растворы[3]. В одном случае отмечена искусственная примесь окатанного кварцевого песка с частицами около 0,5 мм в концентрации 1:6–1:7, возможно, являющаяся не специальной примесью к формовочной массе, а подсыпкой, использованной при растаптывании глины (небольшое количество и очень неравномерное распределение песчинок в образце).

В формовочных массах, составленных на основе глины, шамот использовался мелкий (7 образцов) и средний (3 образца) в концентрации 1:3–1:6, в основном 1:4–1:5. В одном образце присутствует примесь среднего некалиброванного шамота (встречаются включения до 3 и 5 мм). В формовочных массах из илистой глины шамот присутствует мелкий, в концентрации 1:6 и 1:8–1:10. Дресва из кварца присутствует мелкая, в концентрации 1:5–1:6 и 1:7. Дресва из кварцевого песчаника – также мелкая, в концентрации 1:7. Примесь навоза мелкого рогатого скота отмечается в одном случае, в концентрации не менее 1:2. Использованная выжимка из навоза жвачных животных характеризуется небольшим количеством включений растительных волокон шириной 0,1–0,2 мм, длиной до 0,5 мм (1–6 вкл. х кв. см). Примесь дробленой раковины в одном из образцов из илистой глины отмечается в виде белых и сероватых остроугольных, с небольшой примесью слегка окатанных, фрагментов размером 0,2–2 мм, в основном, около 0,5 мм, в концентрации около 1:6. Присутствие органических растворов фиксируется по наличию в изломе черепка черного или темно-коричневого (в ряде случаев, возможно, прозрачного) налета различной интенсивности с влажным жирным блеском, черных блестящих сгустков во впадинах, впадин 0,1–0,3 мм с гладкими блестящими стенками. По исследуемой керамике выделены следующие рецепты составления формовочной массы:

1. Глина + шамот + органический раствор – 3 образца (рис. 2. *1, 2, 7*) – 17,7%;

2. Глина + шамот + навозная выжимка – 6 образцов (рис. 1. *1, 2*; 2. *4, 5*; 3. *2, 5*) – 35,3%;

3. Глина + шамот + дресва (кварц) + органический раствор (навозная выжимка?) – 2 образца (рис. 3. *3, 4*) – 11,8%;

4. Глина + шамот + дресва (кварцевый песчаник) + песок (?) + навозная выжимка – 1 образец (рис. 2. *8*) – 5,9%;

5. Илистая глина + органический раствор – 2 образца (рис. 2. *3*; 3. *6*) – 11,8%;

6. Илистая глина + дробленая раковина + органический раствор – 1 образец (рис. 2. *9*) – 5,9%;

7. Илистая глина + шамот + навозная выжимка – 1 образец (рис. 3. *1*) – 5,9%;

8. Илистая глина (?) + шамот + навоз (мрс) – 1 образец (рис. 2. *6*) – 5,9%

[3] Очень вероятно, что органический раствор в ряде образцов является выжимкой из навоза жвачных животных с минимальным количеством растительных волокон, но из-за небольшого размера изучаемых фрагментов это не представляется возможным точно установить.

Таблица 1. Сравнительные результаты исследования составов формовочных масс сосудов, относящихся к различным культурам

№ п/п	Рецепт ФМ	Сабатиновская культура	Бабинская / сабатиновская культуры	Белозерская культура	Не-опред.
1	Гл + Ш + ОР	2	1	–	–
2	Гл + Ш + Нав. выж.	3	1	2	–
3	Гл + Ш + Др (кварц) + ОР (нав. выжимка?)	–	–	2	–
4	Гл + Ш + Др (кварц. песчаник) + П (?) + нав. выж.	–	1	–	–
5	Ил. гл + ОР	1	–	1	–
6	Ил. гл. + Р + ОР	–	–	–	1
7	Ил. гл. + Ш + нав. выж.	–	–	1	–
8	Ил. гл. (?) + Ш + навоз (мрс)	–	1	–	–
Всего		**6**	**4**	**6**	**1**

Примечания: Гл – глина, Ил. гл. – илистая глина, Ш – шамот, Др (кварц) – дресва из кварца, Др (кварц. песчаник) – дресва из кварцевого песчаника, П – песок, Р – дробленая раковина, ОР – органический раствор, Н (мрс) – навоз мелкого рогатого скота, нав. выж. – выжимка из навоза жвачных животных.

Сравнительные результаты исследования составов формовочных масс сосудов, относящихся к различным культурам, представлены в таблице 1.

Необходимо отметить существенные особенности, касающиеся обработки поверхности и режима обжига рассматриваемых сосудов[4]. Преобладающим способом обработки поверхности данной выборки керамики является заглаживание (16 образцов – 94,1%). Сплошное двустороннее лощение присутствует только на одном фрагменте белозерского сосуда (рис. 3. *2*), вероятнее всего, венчике ковша или кубка.

На одном из сосудов – горшке сабатиновской культуры (рис. 1. *1*) – имеются следы весьма своеобразной обработки поверхности. Снаружи отмечается большое число отпечатков мелких растительных волокон длиной 0,1–0,3, шириной 0,1 мм сухого непросеянного навоза (мрс?), гораздо больше, чем их встречается в изломе. Формовочная масса этого горшка – «глина + шамот + навозная выжимка», в которой присутствуют мельчайшие растительные волокна – 1–2 вкл. х кв. см излома сосуда. На внешней поверхности же таких отпечатков присутствует значительно больше. Они наблюдаются в сочетании с шероховатой поверхностью с мелкими комочками глины и шамота и следами заглаживания. Отпечатки растительных волокон в основном вытянуты в одну сторону. Невооруженным глазом такие следы практически не видны. Внутренняя поверхность просто заглажена, имеются единичные следы отпечатков растительных фрагментов, по количеству и размеру соответствующие наблюдаемым в изломе. Единичные лепные сосуды с подобными следами обработки поверхности ранее были обнаружены среди сарматской керамики Приуралья, на поселении Ахтанизовская 4

[4] Исследования этих ступеней гончарной технологии по методике А. А. Бобринского в рамках данной работы не проводилось.

(I в. до н. э. – I в. н. э.), на Таманском п-ове и поселении Чокракский мыс в Восточном Крыму в слое IV в. до н. э. [*Краева* 2003, 338, 340, рис. 1. *1*; 3. *4; Клемешова* 2020, 212–214, рис. 3, 4]. Л. А. Краева объясняет их возможным использованием прокладки из сухого измельченного навоза при изготовлении сосудов в форме-ёмкости. М. Е. Клемешова трактует как умышленный способ обработки влажной поверхности сосуда – обмазывание ее этим измельченным сырьем, возможно, с целью придания ему каких-то свойств при сушке, например, для предотвращения растрескивания или как проявление рудиментарности каких-то более ранних гончарных традиций, связанных с использованием навоза. В описываемом случае подобные следы могли образоваться при обмазывании внешней поверхности горшка смесью жидкой глины с шамотом и сухим навозом. Данное предположение нуждается в дальнейшем исследовании и экспериментальном подтверждении.

Обожжены сосуды, в основном, в окислительной атмосфере (88,2% случаев), обе поверхности светло-рыжие, иногда с темно-серыми пятнами, в 3 случаях внутренние поверхности бежево-серые или темно-серые. Изломы таких изделий трехслойные (светло-рыжий/темно-серый/светло-рыжий), с четкой границей между слоями. В одном случае использовался обжиг в полувосстановительной атмосфере (рис. 1. *1*). Этот сосуд имеет обе темно-серо-бежевые, слегка осветленные поверхности с небольшими бежево-рыжими областями и однослойный темно-серый излом. В одном случае сосуд был обожжен в восстановительной атмосфере (рис. 3. *5*). Обе его поверхности темно-серые, излом однослойный, черно-серый.

Изучение исходного пластичного сырья и состава формовочных масс проанализированных образцов показало, что в большинстве случаев у представителей сабатиновской, белозерской и изготовивших сосуды со смешанными бабинско-сабатиновскими чертами культур при лепке посуды использовалась слабозапесоченная глина (70,6% случаев). Лиманная илистая глина использовалась редко: в 5,9% случаев отмечается в сабатиновской керамике, в 11,8% случаев в белозерской и в 5,8% случаев при изготовлении бабинско-сабатиновских сосудов. Отбиралось при этом, в основном, среднезапесоченное сырье. Основным видом примесей к исходному пластичному сырью во всей представленной керамике является шамот (82,4% случаев), в подавляющем большинстве случаев мелкий (до 1 мм), выжимка из навоза жвачных животных (47,1% случаев) и органические растворы неустановленного состава (в ряде случаев, возможно, также являющиеся аналогичной выжимкой). Изредка, в дополнение к шамоту, встречается примесь дресвы из кварца и кварцевого песчаника (17,7% случаев) – в сабатиновской и белозерской посуде. Лишь в одном случае у сосуда с неясной культурной принадлежностью отмечена примесь дробленой раковины (в формовочной массе, образованной на основе илистой глины). Основным используемым рецептом составления формовочных масс является «глина + шамот + навозная выжимка» (35,3% случаев). Сходная информация о технологии изготовления керамики была ранее получена при изучении сосудов памятников эпохи поздней бронзы Таманского полуострова (поселение Ильич 1, грунтовый некрополь Волна-1) и прилегающей к нему с востока территории (курганный могильник Уташ, поселение Шуха 1) [*Вальчак*, *Клемешова* 2018, 52; *Клемешова* 2018; *Шаров*, *Клемешова* 350–359; *Клемешова*, *Романченко*, в печати; *Клемешова*, *Мимоход*, *Сударев* 2021, 67–68].

Таким образом, проведенное исследование позволило получить первичные данные для определения состава технологических традиций изготовления керамики в различных культурах эпохи поздней бронзы и их сравнительного анализа на основе керамического комплекса поселения Панагия 1. Представляется необходимым продолжить работу с происходящей оттуда керамикой и дальнейшее сопоставление полученных результатов с материалами остальных памятников этого периода, известных к настоящему времени на территории Таманского полуострова. В перспективе же – и на территории Крыма, с целью получения детальной информации о сходстве или различии культурных традиций изготовления керамической посуды, и, как следствие, определения возможных взаимосвязей между различными культурами, населявшими эти территории в указанный хронологический период, а также выявления путей их миграций.

Список литературы

Б*обринский* А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М., 272.

Бобринский А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 5–109.

В*альчак* С. Б., *Клемешова* М. Е. 2018. Результаты анализа формовочных масс керамики из курганного могильника Уташ в Краснодарском крае // XXX Крупновские чтения. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Карачаевск, 50–52.

Ванчугов В. П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье: проблемы формирования белозерской культуры. Киев, 162.

Васильева И. Н. 1999. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. 3. Оренбург, 191–216.

Васильева И. Н. 2002. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. 2. Самара, 15–49.

Г*ершкович* Я. П. 1997. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // Археологический альманах. 6. Донецк, 125–144.

Горошников А. А. 2018. Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тез. докл. круглого стола. М., 17–19.

Горошников А. А., *Горошникова* З. В. 2019. Новые данные о поселении эпохи поздней бронзы Панагия 1 на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2019 г.) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конф. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла

(IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва. Т. II. СПб, 168–169.

Горошников А. А., *Горошникова* З. В. 2021а. Разведочные работы на территории поселения Панагия 1 в 2021 г. // XVI Международная археологическая конф. студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья». Ростов-на-Дону–Таганрог, 103–106.

Горошников А. А., *Горошникова* З. В. 2021б. Закрытый комплекс с зооморфным глиняным изделием из раскопок поселения «Панагия 1» на Тамани в 2018 г. // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конф. молодых ученых. М., 61–64.

К*ияшко* А. В., *Горошников* А. А. 2020. О памятниках белозерской культуры на Таманском полуострове // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской международной археологической научн. конф. Волгоград, 40–46.

Кияшко А. В., *Сударев* Н. И. 2018. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации (Боспорские чтения. XIX). Керчь, 212–218.

Клемешова М. Е. 2017. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // ДБ. 21, 228–240.

Клемешова М. Е. 2018. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы из раскопок поселения Ильич-1 // XXX Крупновские чтения. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Карачаевск, 207–210.

Клемешова М. Е. 2020. Лепная керамика поселения Чокракский мыс из раскопок 2019 г. // ДБ 25, 209–219.

Клемешова М. Е., *Мимоход* Р. А., *Сударев* Н. И. 2021. Горизонт погребений эпохи поздней бронзы в некрополе античного времени Волна-1 на Таманском полуострове // РА. 1, 59–73.

Клемешова М. Е., *Романченко* А. С. (в печати.) Лепная керамика поселения Шуха-1 эпохи поздней бронзы и античного времени // X Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Анапа.

Колотухин В. А. 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 139.

Краева Л. А. 2003. Технико-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. Оренбург, 332–358.

Л*есков* А. М. *1970.* Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев, 200.

Лопатина О. А., *Каздым* А. А. 2010. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 46–57.

С*алугина* Н. П. 2006. К методике определения раковины в составе древней керамики // Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск, 379–381.

Ц*етлин* Ю. Б. 2006. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. 4. Самара, 421–425.

Ш*аров* О. В., *Клемешова* М. Е. 2019. Лепная керамика эпохи бронзы поселения Ильич-1 по данным технико-технологического анализа // КСИА. 256, 344–362.

S*ava* E. 2014. Așezări din perioada târzie a epocii bronzului (Noua-Sabatinovka) în spațiul pruto-nistrean. Chișinău, 592.

Summary

Klemeshova M. E., Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V.
Technological analysis of Late Bronze Age Ceramic from Panaghiya 1 settlement (preliminary results)

The article presents first results of studying paste compounds of Late Bronze Age hande made vessels from Panaghiya 1 settlement, Taman Peninsula. Vessels are dated to XIV-X C BC. The fragments of 17 vessels of Sabatinovskaya, Belozerskaya Cultures, with mixed features of Sabatinovskaya and Babinskaya Cultures and a vessel of unknown cultural background were researched. The study was carried out with the method of technological analysis, developed by A. A. Bobrinsky. It was specified that the main used resipe of paste composing was "clay + grog + dung infusion" (35,3 %). A temper of crushed rock (kwartz and kwartz sandstone) to it is noted in 17,7 % cases. Liman silty clay as a raw material for paste composing were used rarely (5,9 % cases in Sabatinov ceramic, 11,8 % cases in Belozerskaya ceramic, 5,9 % cases – Sabatinov-Babino vessels, 5,9% – a vessel of unknown cultural background). A composition "silty clay + crushed shell + organic liquid" was noted in 1 case (5,9 %) in the same vessel.

The study of paste compounds of Late Bronze Age ceramic from Panaghiya settlement is expected to continue. In future it is planned to compare the outcome and the other sites materials of the same period from Taman Peninsula and, in the long run, from Crimea.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.181-217

А. Б. Колесников
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище: каталог. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. – 180 с.: ил. (Работа над ошибками)

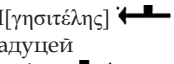
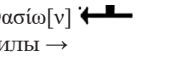
В 2015 году вышла в свет обширная монография В. И. Каца, которая вводит в научный оборот 2588 керамических клейм, обнаруженных в Горгиппии, на памятниках ее хоры и на Семибратнем городище. Это вторая работа, охватывающая столь крупный регион Северного Причерноморья. Несомненно, публикация новых материалов играет важнейшую роль, поскольку служит фундаментом для дальнейших исследований по самым различным аспектам истории античного мира. И здесь, пожалуй, наиболее актуальным является вопрос о надежности этого фундамента, что, в первую очередь, зависит от того насколько тщательно и выверено проделана автором первая часть работы по восстановлению и атрибуции легенд клейм. Ведь именно на ней строится и вторая часть исследования В. И. Каца, в которой на основании распределения клейм во времени и пространстве, строится широкая картина динамики торгово-экономических связей региона.

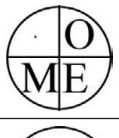
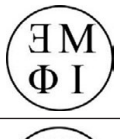
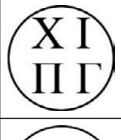
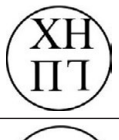
Книга В. И. Каца получила высокую самооценку и самые положительные отзывы в интернете. Согласно этой оценке каталог в течение многих будущих десятилетий будет служить надежным (эталонным) источником для всех дальнейших исследований.

Однако реальность иная – некритичное использование материалов публикации неизбежно приведет как к тиражированию уже имеющихся ошибок, так и к появлению новых. Поэтому их исправление представляется весьма актуальным. Работа с оригиналами, хранящимися премущественно в фондах Анапского и Краснодарского музеев, позволила выявить большое количество ошибочных чтений и неточностей, корректировка которых предлагается в настоящей рецензии. В ней я не затрагивал различные и зачастую очень спорные вопросы методики количественного анализа керамических клейм, предлагаемые В. И. Кацем, чему планирую посвятить отдельную работу. Итак:

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
		Лесбос	
7, 8	Буквы, прочерченные до обжига амфор.		Граффити по сырой глине.
		Хиос	
24	Гроздь. На горле амфоры с «колпачковой» ножкой.		Клеймо на ручке. Глина не хиосская.
		Фасос («протоклейма»)	
25	Эмблема – пифоидная амфора.	Кратер.	См. G 54.
26–29		Группа В (ок. 390–380 гг.).	См. G 264–277.
29	пом. 102.	пл. 102.	
		Фасос	
32	голова Сатира → [---]	голова Сатира → Δα[μάστης]	[См.: *Монахов* 1999, 232 сл., табл. 96, *1*; G 61].
33		Океан 1990, пл. 130, пом. 38, КМ11333/12, из двух фрагментов (оп. 314, 315).	Не указана вторая эмблема.
34		Океан 1990, под пом. 24, оп. 356.	– ” –
36			Клеймо оттиснуто на горле.
41	Раскоп «Берег».	Сл. нах. на берегу моря.	
50	КМ 11461/36.	КМ 11461/37.	
55	1974	1975	
58	Θασί[ω | ν Ἀμφα |]νδ(ρος) | Ἀλκεΐ | (δης) эмблема ? ← 	Θασί[ω | ν Ἀμφα |]νδ(ρος) | Ἀλκεΐ | (δης) рог изобилия ← 	
66–71	Эмблема – гиена.	Эмблема – собака.	
77	Ἀριστοκ(ράτης) ← дельфин → Δημάλκης ←	[Θασι(..) | Ἄμφα]ν|δ[ρ(ος) | ---] ? дельфин ↑→	Рис. 1.
78			Привлекаемая аналогия (G 965) таковой не является. Чтение клейма ошибочно.
81			Нужно повернуть на 180° и начинать чтение с имени фабриканта (см. G 775).
82	оп. 20.	Траншея, участок 20.	– ” – (см. G 787).
93		Перепутаны шифры.	
95, 97			Публикация: G 503, 504.
96, 378	«Ремар», 2004.	«Ремар», 2006.	
100	Θασίων | Ἡροφῶν | Γλαυκών голова Геракла ↑→; палица ←; наконечник копья ↑ 	[Θασίων] | Ἡροφῶ[ν | ---] голова Геракла ↑→; палица ←; [эмблема] 	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
101	Θασίων | Ἡροφῶν | Γλαυκών голова Геракла ↑→; палица ←; наконечник копья ↑ 	[Θασίων] | Ἡροφῶν | Λεώφ[αντος] голова Геракла ↑→; палица ←; ойнохоя ↑ 	См. G 361.
102			Публикация: G 361.
106, 107			Штамп: см. G 370.
115		КМ 11001/9 соответствует: «Горком», 1989, кв.95, оп. 84, Синопа ([---]του).	Перепутаны шифры.
134	[Κλ(ε)οφ]άν(ης) | дельфин ← [Θα|σι(..)][Μέγ|ω(ν)]	[Ἀρι]στείδη(ς) | Θασ|ι(..) Αἰσ[χρί(ων)] птица ↑← 	Рис. 1.
142	Ἡρα(κλείδης) ← птица ← [Μεσ(- -)] [Θ]ασι(..) ←	Чтение ошибочно, ссылка на G 659 некорректна – другой штамп.	
144	Н. «Горпарк», 1981, над погребением 3, оп. 34. Ан.м. КМ 11516/22	Горг.-71, Город, пл. 75, шт. 6, оп. 34. . Ан.м. КМ 11516/22.	Перепутан шифр.
152	Θασ|ι(.ν) | Μυ[ισ(...)|Στεφα(---) кузнечик ? → Новый штамп.	Ἡράκ|λειτο(ς)] | Θασ(ι..) | Μυΐσ(...) кузнечик ← Новый штамп. 	Возможное чтение.
181	Σκύμ|μ(ος) Θα|σι(..) Στ[α(τ - -)] дельфин ↑→ кв. 131.	Σκύνμ(ος) | Θασ|ι(..) Ἀρισ|τ(- -) дельфин↓← под вымосткой 31.	Клеймо оттиснуто дважды. Ср. G 402.
184, 186	Ἀριστο(---) козёл → [Τιμησίθε]ος	Ἀριστο(κράτης) горный козёл ↑→ Τιμησ(ίθεος)	Магистрат не ΤΙΜΗΣΙΘΕΟΣ, а ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣ.
185	Ἀριστο(---) козёл → [Τιμησίθε]ος	[---] собака ↑→ [---]	Рис. 1.
230	Г. «Город II»,стена, оп. ? Ан.м. КМ 8365/3605.	Горгиппия 1977, сл. нах., КМ 8365/9605.	
250			Публикация: G 771.
251	дельфин	[Θάσιον | Φι]λοκ[ρά(της)] меч ← [Τιμαρχί(δας)]	Рис. 1. Ср. G 700.
252	Θ[---] Ν[---]	[Κτήσι(ς)?] Θ[ασίω(ν)] Ν[οσσί(κας)]	Ср. G 132.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
254	[---]σι[---]	Τ[ηλε]φ[άνη|ς] кнемида ↑← [Μεγακλείδη] | ς 	Ср. G 926.
257	не читается	[Ἀριστ]είδη(ς) | Θ[ασ|ι(..) ---] эмблема 	Схема легенды ср. G 636, 637, 646–649.
258	не читается	Θασ[ίων] букраний ←, [звезда] Ἀρισ[τ(αγόρης)]	Повернуть на 180°. Ср. G 602.
261	[---]μ	Вероятно, эпоним ΜΕΣΣ(---).	Повернуть на 90° вправо. Ср. G 663.
264	Θασί[.]ν рог [---] ←	Ἀριστοφῶ | ν рог изобилия ← Θασί[ω]ν	Повернуть на 180°. Ср.: [*Bon* 376; *Tzochev* 2016, № 123*a*,*d*] ΑΡΙΣΤΟΦΩΝ 1.
267	Θασίων кратер Ἀλκείδης	Θασίων круглодонный сосуд Ἀλκείδης	
273	Ἀριστο[φῶν] меч в ножнах → Θασίων	Ἀριστο[φῶ | ν ↴] меч в ножнах → Θασίων	Аналогии: [*Garlan*1986, Fig. 35*c*; *Tzochev* 2016, № 125].
274	[Θα]σίων щит [Ἀρχῆναξ]	[Θ]ασίων щит Παμφάη | ς	Рис. 1. Ср.: [*Avram* 1996, № 310].
275	Θασίων ? Ἀρχῆνα[ξ]	Θασίων угорь → Ἀριστόδικ | [ος]	Рис. 1.
278	Ἡ[γησιτέλης]  кадуцей Θασίον 	Ἡγ[ησιτέλης] кадуцей → Θασίων	
281–283	Bon, 1957, № 795	Bon, 1957, № 779	Неверная ссылка.
288	Θασίω[ν]  вилы → [Κηφι]σοφῶν кв. Д Аналогии: IOSPE III, № 2344.	Θασίω[ν] пятизубые вилы → [Κηφι]σοφῶν пл. Д, кв. 111 Аналогии: IOSPE III, № 2324.	Разные неточности.
297	оп. 18.	участок 18.	
320	Παντι- μίδεω кратер ↑	Λεώ[| φαν(τος) | Θασί(..) | Ἀρχη(-)] сосуд без ручек ←	Ср. Bon 409.
323	[Παντι]/ μίδεω кувшин ↑	Παν | τιμίδεω ↱ ойнохоя ←	
330, 331	Παντι- μί[δεω] треножник	Παντι- ↑ μί[δεω] треножник	Повернуть на 180°.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
332	КМ 8365/189.	КМ11098/18.	
335, 336	Θασίων	Θασίον	
339	оп. 21.	участок 21	
345	Πα[---] серп → [---]	[Λ]ά[μιο(ς)] | Πα[|υσαν|ίης] ящерица →	Повернуть на 180°. Рис. 1. Ср. G 426.
365	квадрига	бига	
Менда			
374	Менда КМ 11397/19	Книд. Нос корабля, анэпиграфное. КМ 11397/1	О подобных клеймах [см.: *Cancardeş Şenol G.* 2015, 182, 183, Fig. 29, 31].
381	Менда.	Аканф.	
385	Целая амфора (в настоящее время в музее не обнаружена).	Находится в экспозиции в здании музея на ул. Протапова 1.	Несоответствие для № 385(18) выходных данных, приведенных в электронном каталоге с бумажным изданием (с. 157).
387	кружок КМ 6995/5.	**N** в круге.	КМ 6995/5 соответствует № 376.
391			Ср.: [*Garlan* 2006 , Fig. 1f].
392–393			Ср.: [*Garlan* 2006, Fig. 1g].
394–395			Ср.: [*Garlan* 2006, 2006 , Fig. 6b].
402			Повернуть на 90° вправо. Ср.: [*Garlan* 2006 , Fig. 6g].
403			
405			
406			
408			

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
409	оп. 428. Ан. м. КМ 6993/116.	оп. 121, у стены 428. КМ 11339/2.	
		Родос	
411	«Заповедник II».	«Море».	Проиллюстрирован № 411, а не 412.
413	Г. «Заповедник», пл. XXa, яма 2.	Г. «Город», пл. XXXa, яма 2.	
416	[Ἐπὶ Ἀλε]ξιάδα Κ- [αρνείου] Г. «Заповедник», 1989, пл. 117.	Ἐπὶ Ἀ{ν}αρ- [ία---]υ Г. «Заповедник», 1986, пл. 112.	Эпоним АΝΔΡΙΑΣ, Период Va.
417	Раскоп «Берег», сл.нах.	Сл. нах. на берегу моря.	
419	Ἐπὶ ἱερέως Ἀριστείδα Σμινθίου ΑΡΙΣΤΕΙΔΑΣ II оп. 354	Ἐπ ἱερέως Ἀριστείδα Σμινθίου ΑΡΙΣΤΕΙΔΑΣ III оп. 344	Vc –111г.
421	Ἐπὶ Ἀριστο- δά[μου]	Ἐπὶ Ἀριστ(ε)ί- δά	ΑΡΙΣΤΕΙΔΑΣ I - IIa – 233–220 гг.
423	Ἐπὶ Ἁρμοσίλ[α] [---]	Ἐπὶ Ἁρμοσί- [λα] ← лист лавра	
431	Ἐπὶ Κα[λλικρατίδα] Ὑ[ακινθίου]	Ἐπὶ Κλ[ε]ά[ρχου] Ὑ[ακ]ινθί̣ο[υ]	ΚΛΕΡΧΟΣ - IIc – 203–199 гг.
436	ΞΕΝΟΦΑΝΤΟΣ II оп. ?	ΞΕΝΟΦΑΝΤΟΣ I оп. 6, КМ 12907/4	Штемпель очень близок RE-ΞΕΝΟΦΑΝΤΟΣ 01-ΠΑΝΑΜΟΣ-002. Группа IIb – ок. 210 г.
442	Ἐπὶ [Στε-] νέλα кадуцей ← оп. 96.	Ἐπὶ Σ̣τε- νέλα тирс ← оп. 36.	
443	Ἐπὶ Σω[δάμου] [Βα]δρομίου Н. «ул. Астраханская.	Ἐπὶ Σωδάμου [Βα]δρομίου Берег моря в районе Заповедника.	В первой строке видны все буквы. Штамп – RE-ΣΩΔΑΜΟΣ-ΒΑΔΡΟΜΙΟΣ-003.
449	[---] Τιμασ(τ)ρα[---] без эмблемы ↺	Κρέοντος Ἀρταμιτίου ↻ буквы ретроградно, без эмблемы, сигма лунарная	Период I–II – 304–199 гг.
451	Ἐπὶ [---] Ὑακινθίου	Ἐπὶ Ἀρχ[ιβίου] Ὑακινθίου	ΑΡΧΙΒΙΟΣ – период Vc – 115 г.
454	не читается вокруг цветка	Ζ̣ηνο- δ̣ότου ↑ цветок	RF-ΖΗΝΟΔΟΤΟΣ-002, период III–IV – 198–140 гг.
456	Ἐπὶ [---] Καρνείου цветок ↻	Ἐπ[ὶ Κλ]εφνύμ[ου] Καρνείου вокруг цветка ↻	RE-ΚΛΕΩΝΥΜΟΣ 02 – ΚΑΡΝΕΙΟΣ-002, период IIIb – 182 г.
457	Πα[νάμου] Ἀγ[αθοκλεύς]	Πα̣[νάμου] Ἀγ[ησίλα]	Рис. 1. RF-ΑΓΗΣΙΛΑΣ-ΠΑΝΑΜΟΣ-001, период II – 234–199 гг.
458	Ἀρταμιτί- ου [Ἀγησίλ]α	Ἀρταμιτί- [ου] Ἀρ̣[χέλ]α	RF-ΑΡΧΕΛΑΣ, период II – 234–199 гг.
459	Ἀγοράνακ- τος Πανά- μου	Ἀγοράνακτος Πανάμου	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
469	Βρομίου	Βρομίου венок справа	
470	[Β]ρόμιος Κα[ρνείου] цветок ʊ	Κλε[ισιμβροτίδα] Β[αδρό]μιος ʊ цветок	RF-ΚΛΕΙΣΙΒΡΟΤΙΔΑΣ, период II–IIIa – 234–190 гг.
472	Διογέν(ευς) дата ?		RF-ΔΙΟΓΕΝΗΣ I, период II – 234–199 гг.
473	Διοδότου [гроздь] ← ΔΙΟΔΟΤΟΣ II Новый штамп.	Διοδότου ← ΔΙΟΔΟΤΟΣ I RF-ΔΙΟΔΟΤΟΣ O1-001	Период III – 198–175 гг.
475	Ἔρμωνος ← два дельфина	Клеймо косское.	См. IOSPE III, 101–102; VRG_Folder_0618, № 275.
478	Θευδ- ώρο[υ] фабрикант	Θευδ- ώρου эпоним	RE-ΘΕΥΔΩΡΟΣ 01, период Ic – 244–236 гг.
482	ΙΑΣΩΝ I	ΙΑΣΩΝ II	Период V – 145–108 гг.
483	Ἰάσονος звёзды– две сверху и две снизу	Ἰάσονος шапки Диоскуров – две сверху и две снизу	
489	Με[νεσθ]έως Δ[αμαινέτ]ου	Μεν[εσθ]έως [---]υ	
502	Φαν[ία] звезда III МГ	Φαν[ίας] звезда, шапка Диоскуров	RF-ΦΑΝΙΑΣ 01-002, период Ib – 270–247 гг.
504	Φιλαινίου	Φιλαινίου цветок →	
507	Θε[---] [---]	Θε[ύδωρος] [---]	
508	Κ[---] [---]ρου	Κ[ρέοντος] [Θεσ]μοφο- ρίου	RF-ΚΡΕΩΝ, I–II – 304–199 гг.
511	[---]του	Ạ[ώ]ρου	RF-ΔΩΡΟΣ II, период V–VI – 145–86 гг.
513	Σμι[---]	Σμιγ[θίου] Ạ[γαθοκλεῦς(]	RF-ΑΓΑΘΟΚΛΗΣ II, период III – 198–175 гг. Ср. RF-ΑΓΑΘΟΚΛΗΣ 02-ΣΜΙΝΘΙΟΣ 005-006.
514	[---]οκρ[---]	Δαμ]οκρ[άτευς vac. вокруг цветка	RF-ΔΑΜΟΚΡΑΤΗΣ I, II-III – 234–175 гг.
517	[---] [---]ειοης	Δι[ο]- ← [π]είθης ← сигма лунарная	RE-ΔΙΟΠΕΙΘΗΣ, период Ia – 304–271 гг. Новый штамп.
536			Неверный шифр.
Книд			
549			Фото дублирует № 2351 и не соответствует шифру.
550	[Ἐξ]ακ | έστ | ο(υ) кв. 263, 271	[Ἐ]ξακ | έστ | ου кв. 263, 277	
551	[Θ]ευ/κλεῦς	Θευκλ | εῦς	
553	[Κλε | άν]δρο | υ 	Κλε | άνδρ | ου 	[См.: *Брашинский* 1980, № 790].

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
554–555	Πασ | ικρ(άτης)	Πασι | κρά(της)	
558	Φ[ιλῖ]/[ος] оп. 108	Φίλων оп. 101	
568	[---]πυθι [---]α	Πυθι- [αδ]α	
Кос			
583	Μιρο(..) палица ←	Μιννίων ← палица →	См. VRG_Folder_0618, № 465.
Гераклея			
588	[Ἱστιεῖος] гроздь [ἐπὶ] Ἀγασίλ(λου) ↺	[Ἀγα]σίλ. ↶ [Ἱστι]εῖος ↷ гроздь	
591	Αἰ[---] Αἰθήρ	Ἀνικ- άτο Λυ(	Вероятно, этого же штемпеля № 730.
615	[Εὐ]κλείων якорь ? [ἐ]πὶ Ἀνδρο(νίκο)	Εὐ]κλείων тирс [ἐ]πὶ Ἀνδρο(νίκο)	
616	Μίκ[κο(.)] палица ἐπὶ Ἀν[δρονί(κου)]		Эмблема, скорее, герма. Первое имя может быть также и Μικίων.
617	[---]ιμας [ἐπὶ] Ἀνδρο(νίκο)	[Τ]ιμας- άνδρο	
618	[---]ος розетка [ἐ]πὶ Ἀνδρονί(κο)	[Σάτ]υρος розетка [ἐ]πὶ Ἀνδρονί(κο)	
619	[---] эмблема ? [ἐπὶ] Ἀνδρο(νίκο)	[Διονύσιος] ← палица [ἐπὶ] Ἀνδρο(νίκο)	
620–622	Διονυσί[ου ἐ-] [πὶ] Ἀπολ[λωνίο] Новый штамп.	Διονυσί[ου ἐ-] [πὶ] Ἀπόλ[λων]	Штамп [см.: *Чистов 2006*, рис. 22. 3].
628	1)ἐπ᾽ Ἀρ- ιστ[οκ]- λ[έος] 2)Σ[ωτ-] ή[ρ] Новые штампы.	1)ἐπ᾽ Ἀρ- → ιστο[κ]- ← λ[έος] ← 2)[Σω]τή- [ρος]	Первый штамп новый, второй – известен.
630	[Ἀρισ]το- [κλῆς Δι-] [ονυσίο]	[Ἀρισ]το- [κράτ]ης	
631	[Ἀθανα]ίων [ἐπὶ Ἀρισ]τωνος	[Δαμοφ]ῶν [ἐπὶ Στύ]φωνος	Ср. № 816.
635–638	Ὄνασος Ἀρίστων(ος)	Ὀνάσο ἐπ᾽ Ἀρίστωνος	
639	Πασιάδα ἐπὶ Ἀρίστ[ωνος] Новый штамп.	Πασιάδας ἐπὶ Ἀρίστ[ωνος]	Имя фабриканта оканчивается на сигму. См. Ф 216, 218 (имя восстановлено неверно). Штамп [см. *Гаврилов* 2011, Журавки-2, № 19].

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
649	Χιάδα Ἀρίσ[των]	Χιάδα Ἀρίσ. или Χιάδα Ἀρίσ[τω]	Ср. Ф 1988.
650	[---] ἐπὶ Ἀρίστω[νος]	[Ἀθαναίων] ἐπὶ Ἀρίστω[νος]	Аналогии – Фанагория: (1869, № 422р, ГЭ; 1960 – ГМИИ ЭФ-157).
652	[Θευγ]ένε[ο(ς)] [ἐπὶ] Βά(κ)χο(υ)	Ἰάχχου ἐπὶ П- εισί(στρατου)	Повернуть на 180°. Этого же штемпеля [см.: *Брашинский* 1961, 186, № *1–3*, рис. 6. *1*; *Брашинский* 1980, м114; *Брашинский* 1964, табл. III. 6].
656	[Ἀ]πολλ<ω>ν(ιο.) гроздь Δαμат(ρίο) Новый штамп.	Ἀ]πολλώνιος гроздь → Δαματρι(	Штамп [см.:*Федосеев* 2009, рис. 1. *6*].
657– 658	[Δαμοφ]ών Δειν]όμαχο	[Δαμο]φῶν [Δειν]όμαχος	См. Ф 1208.
661	«Заповедник», 1980, пом. 52, оп. 329, Ан. м. КМ 7441/7 Νό[σσο ἐπὶ] Δε[ινομάχο]	«Заповедник», 1984, под стеной 265, оп. 56, Ан. м. КМ 7441/7. Νό[σ(σ)ος ἐπὶ] Δεν[ομάχο]	См.:Ф 308–того же штампа.
662	«Заповедник», 1984, под стеной 265, оп. 56, Ан. м. КМ 6993/61 Νό[σσο ἐπὶ] Δε[ινομάχο]	«Заповедник», 1980, пом. 52, оп. 329, Ан. м. КМ 6993/61 ἐπὶ Λυσιθ]έο [---]ν → лист Новый штамп.	Рис. 1.
665	А[ἴθων ?] Διον[υσίο]	Ἀρ[ίστων] ↑ Διον[υ(σίο)] полумесяц	[Ср.: *Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 195].
666	Ἀπολλώνιος ἐπὶ Διονυσίο ←	Ἀπολλώνιος ← ἐπὶ Διονυσίου←	Ср. Ф. 344.
670	--- полумесяц Е Διον[υσίο]	→ἐπὶ Καλλία Διονυσίου полумесяц	[См.: *Брашинский* 1980, табл. XXVIII, *378*].
672	ἐπὶ Εὐγετίωνος Δέ[ρκετο] ↺	ἐπὶ Εὐγετίωνος Δέ[ρκετος] ↺	Склеивается с № 932. Аналогии: Голубицкая-1990, яма 3 (ТМК).
675	[Ἀ]πολ(---) гроздь → [Е]ὐ(φρονίο)	[Ἀ]πολ. гроздь → Ἐὐφ[ρ.]	
677	Ἐχέμου Ἀστρ(---)	← гирлянда Ἐχέμου Ἀστρ(---)	Не отмечена эмблема.
678	[Ἡρ]ακλέδ- [α] Θεογε(ν---) Новый штамп.	Ἡρακλέδ- [ας] Εόγε(-)	Штамп [см.: *Balabanov, Garlan, Avram* 2016, Cat. 200; *Гаврилов* 2011, Петровка, № 9].
679	Ἡρα[κλ(είδα)] Λυκαρ[ά(το)	Ἡρα[κλ(---)] амфора → Λυκαῖ(ος)	См. № 2189.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
683–684	[Ἡρα]κλε[ίδα] палица → [Θεώ]νιχος	Ἡρακλεί(δα) палица → Θεώνιχος	Перепутаны подписи под фотографиями. **а** и **б** нужно поменять местами. С № 683 стыкуется слева № 913. Этого же штемпеля [см.: *Лосієвскій, Бондар* 2015, 42, № 25].
685	[Θεώ]νιχος [---]ος	[Θεώ]νιχος [Βισαν]ός	Публикация: [*Гаврилов* 2011, Петровка, № 10(повернуть на 180°); *Федосеев* 2016, № 1022]. Аналогии: ВКИКМЗ, ККК 22188.
686	[---]μου [ἐ]πὶ Θεω[νίχο]	[Σ]ίμου [ἐ]πὶ Θεδώρ[ο] Новый штамп.	
688	Ἡρακλέδα Ια(---)℧ вокруг свастики	Ἡρακλε(ί)δα Πα(---)℧	Имя магистрата Πα(---). Свастики в клейме нет.
692	[ἐπὶ Καλλία] Ἄττ[ητος]	[Μενοίτιος] ← сосуд ,Ἄττ[ης]	Рис. 1. [См. *Брашинский* 1980, XXVI. *310*].
697	[ἐπὶ Καρακ]ύδεος Δαμο(---) гроздь ℧	Δαμο[φῶ | ν ἐπὶ Καρα | κ]ύδεος вокруг грозди	
702	[Δα]μοφῶν [ἐπ]ὶ Κε[ρ(κίνο)]	[Δα]μοφῶν [ἐπ]ὶ Κε[ρκίνο]	См. IOSPE III, № 243–245 (без илл.); [*Онайко* 1970, табл. IV. *166*]
704	палица Δέ<ρ>κε[το] ἐπὶ Κερκ[ίνο] ← треугольное	↑ палица Δέ(ρ)κε[τος]← ἐπὶ Κερκ[ίνο] ← треугольное	Имя фабриканта оканчивается на «σ».
716	[Ἡρακ]λέδα [Κερκ]ίνο Новый штамп.	[Ἡρακ]λέδα [ἐπὶ Κερκ]ίνο	Штамп Ф 511.
717	Μαλί[α] ἐπὶ Κ[ερ(κίνο)]	Μαλί[ας] ἐπὶ Κ[ερ(κίνο)]	См. Ф 517.
725–726	Εὐκλείο(---) [Κῦ]ρος Π	Εὐκλεί- ↓ ωνος ΘΕ.	Магистрат ΘΕ.
729	ἐπὶ Λευκί- [ππου Ἀρις(---)]	ἐπὶ Λευκί- [ππου Σιμ(---)]	Одного штемпеля с Ф 252, 574.
730	[Ἀ]νικ[ή-] το Λυ(---)	Ἀνικ- άτο Λυ(	Ср. с № 591.
738	Ἀρίστ[ων] ἐπὶ Λύ[κων(ος)] ←	Ἀρίστῳ[ν] ← ἐπὶ Λύκ[ωνος] ←	См. Ф 583.
740	Διονύσ[ιος] ἐπὶ Λύκ[ωνο(ς)]	Διονύσ[ιος] ἐπὶ Λύκ[ωνος]	[См.: *Balabanov, Garlan, Avram* 2016, Cat. 237].
746	Μί[κκο] Λύκ[ωνος]	Μίκκου ἐπὶ ветвь → Λύκωνος	Рис. 1. Склеиваются, № 746 –левый фрагмент, № 966 – правый.
966	[---]ος ветвь [---]αχος		
753	[Ἀρίστων] канфар Λυσίθε(ο)	[Ἰστιεῖος] канфар → Λυσίθε(-	[См. *Buzoianu, Barbulescu* 2006, s120].

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
757–758	Δεξ[ίππο] Λυ[σιθέ(ο)] Новый штамп.	Δεξ[ίππο] Λυ← ← два листа (или гроздь, виноградное семечко)	Штамп [См. *Balabanov, Garlan, Avram* 2016, Cat. 13; Ф. 2163].
759	Διον[ὺσι(ο)] Λυσιθ[έ(ο)]	Διον[ὺσιος] [гроздь →] Λυσίθ[έ(ος)]	См. Ф 1313.
760	[Μί]κκος канфар Λυσιθέ(ο)	[Σατυρ]ίσκος канфар → Λυσίθε(ος)	[См.: *Полин* 2014, рис. 359].
761	[Μί]κκος канфар Λυσιθέ(ο)	Ἐὐφρ[αῖος] канфар → Λυσίθε(ος)	Рис. 1. См. Ф 1437.
762	[Σατυρίσκο] ἐπὶ Μάτ]ριος	[Διονυσί]ο ἐπὶ Μάτ]ριος	См. IOSPE III, № 325 (без илл.).
763	Βοάθ[ου] ἐπὶ Μελα(νώπου)	Βοάθ[ου] ἐπὶ Μελα[νώπου]	См. Ф 669.
774	Θεο[γέν-] εος [Μολ(οσσῦ)	Θεο[γέν-] εος [Η *vac* ↓ лист]	Одного штемпеля с [*Кутайсов* 2015, рис. 38. *17*; Ф 1553].
777	Νόσσος [Μολοσσῦ]	Νόσσος [ἐπὶ Κερ.]	См. Ф 521.
785	[Δαμοφῶν] [ἐπὶ Πα]υσανία	[Εὐδαιμονίων] [ἐπὶ Πα]υσανία	См. [*Полин* 1984, рис. 3; *Полин* 2014, рис. 185. *4*].
788	Σί[---] Π[αυσανία]	Σί[μου ἐπὶ] Π[ινδάρο]	См. Ф 740.
789	ἐπὶ Πινδά- [ρ]ο[υ] Ἀρίστω(νος)	ἐπὶ Πινδά- ρο Ἀρίστω[(νος	
791	ʻΙστιηῖο[ς] палица ἐπὶ Σατύ(ρο)	Ἰστιηῖος секира → ἐπὶ Σατύ(ρου)	Клеймо найдено в первом Тарасовском кургане Николаевской станицы.
792	Μῦς ἐπὶ Σάτυ(ρο) ↻ вокруг палицы	ἐπὶ Σάτυ(ρου) Μύο | ς ↻ вокруг палицы	
796	[Ἀμφισ]τρά(το) [ἐπὶ Σιληνῦ]	[---] [ἐπὶ Ἀλκ]έτα	В первой строке может быть Σάτυρος или Παιάν ← палица.
797	Ἀπολλ[ώνιο] гроздь ← Σιλαν[ῦ]	Ἀπολλ[ώνιος] гроздь ← Σιλαν[ός]	[См.: *Брашинский* 1980, № 263; Ф 1040].
800	Θυὸς Η ἐπὶ Σιλή[νῦ]	Θυὸς Ἡφ[αι.] ἐπὶ Σιλή[νο]	См. Ф 776.
801	[---] сосуд ? [Σι]λαν(ῦ) ↓	[Μῦς] [Σ]ιλαν. ↓ канфар	
807	Ἀπολλωνίο ἐπὶ Σκύθα	Ἀπολλώνιος ἐπὶ Σκύθα	
810	Μῦ[ς] Σκύ[θα]	Μῦ[ς гроздь →] Σκύ[θας]	См. IOSPE III, 1002; [Ф 1769, 1770].
811	[---]ς [ἐπὶ Σκύ]θα	[Ἄττη]ς [ἐπὶ Σκύ]θα	Того же штемпеля – Патрей-2017, подводный комплекс 47. Благодарю Е.В.Захарова, предоставившего возможность ознакомиться с материалами раскопок.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
812	[Ἀγνοδ-] άμ[ο] [Σπινθά(ρο)] в форме буквы П	палица | Σαμ. | Σπίνθα. 	[См.: *Лосієвскій, Бондар* 2015, № 29; Ф. 952].
813	[Βόστρυχος] лук Σπίνθ(αρο)	Βόστρυ. палица → Σπίνθ.	См. Ф 1124, 1128, 1198.
814	Ἀρίστιπ[πο] ἐπὶ Στ[ύφωνος]	Ἀρίστιπ[πος] ἐπὶ Στ[ύφωνος]	
815	Δα[μοφῶν] Στύφων[ο]ς	[Φίλων ἐπὶ] палица → Στύφων[ο]ς	См. Ф 885.
818- 819	Δεξίππου ἐπὶ Στύφωνος	Δεξίππο. ↑ ἐπὶ Στύφωνος лист	
820			Имя магистрата перевернуто.
821	Διο[νυσίο] [Σ]τ[ύφωνο(ς)]	Διο[νυσίο] Ἀ[ρισ.]	См. Ф 2016, 1270.
834	[---] Στύ[φωνος]	Φί[λων ἐπ палица → Στύφωνος	Аналогии: см. Ф. 885.
835	[Ἀρίστων]ος [Φι]λινος	[Ἀρίστων]ος ἐπὶ Λύκ]ωνος	Этого же штемпеля [см.: *Balabanov* 2009, PL. 10, *2*; Ф 589].
836	Ἀστέα гроздь → Φιλῖνος	Ἀστέας гроздь → Φίλῖνος	
840	[Νό]σσ[ο(.)] [Φυλ]|έο(ς)	[Νό]σσ[ο(.)] [Φυλ]|έο[ς]	
843	Ἀπολλ- ων[ίο]	ἐπὶ Ἀπολλ(ωνίου) Ἀμφιστρά(το) 	См. Ф 179.
857	[Δε]ξίππο листья плюща	[Δε]ξίππο [Λυ]← ← два листа (или гроздь, виноградное семечко)	См. № 757, 758.
859	Διον- υσίο	Διονυ- σίο	
870	Εὐρυ- [δ---]	Εὐρυφ[ῶν] кольцо или канфар→ Μα[λάκων]	См. [*Брашинский* 1980, XXVI. *290*; *Garlan* 2007, Fig. 2a; *Jefremow, Snytkó* 2004, № 3; Ф 1432, 1433].
871– 873	Ἥραι А	Ἥραε. Μοδ. рельефное	См. [*Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 305; Ф 2735].
874	[Ἡρ]ακ- палица [λέ]δας	[Ἡρ]ακλε- палица ← ίδας	См. [*Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 75].
876	Ἡρακλείδα ←	Ἡρακλείδ[α] ← [Στύφωνος ←]	№ 823; [*Полин* 2014, рис. 295. *1*; Ф. 1525, 2325.
878	Θε[ογέ-] νε[ος]	Θε[ομέ-] νε̣ο[ς Ευ]	ТМК, мыс Тузла; Чубово-2014, оп. 298 (Анапский музей).
886	Σατ]ύρο [ς] палица	Σατ]ύρο ← палица	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
887	Σιλ[α] амфора [νο]	Σιλ[α.] → Θε[υ.] тимиатерий	Ф. 1891; Фанагория, ГМИИ, ЭФ-135.
888	Σκύθα	Ἡρακλείδα ἐπὶ Σκύθα	Одного штемпеля с № 808.
896	Σωπ(---)	Σωτῆ[ρος] [ἐπὶ Ἀρίστων?]	
897	Σωτ[ῆ-] ρ[ος] КМ 7145/5	Σωτ[ῆρος ἐπ[ὶ Ἀρίστων КМ 7145/5	Это же клеймо продублировано под № 626, где верное чтение, но там ошибочен номер описи – 186 (правильно 126).
901	Τι(---)	Τι[μολ-] [ύκο Πα(---)]	См. № 784; [*Кутайсов* 2015, рис. 40. *5*]; Ф. 1957.
907	гроздь	[Φιλῖνος] [Μῦς] гроздь ←	Повернуть на 180°. [См. *Коровина* 2002, табл. 46. *12*; Ф 1969].
910	Σ[---] ἐπὶ Ἀ[---]	Σῳ[τῆρος] ἐπὶ Ἀ[ρίστων]	Новый штамп.
913			См. примечание к № 683, 684.
914	[---]λυ(---) Σιλα(.)	Λυκο(-) ← канфар Σιλα(-) Надпись под углом. Эмблема в вершине угла	Ф. 1659.
921	[---]полумесяц [---]αρο гроздь	[Κερκίνο] [ἐπὶ Βά]κχο ↑ гроздь	Ф. 272.
923	[---]ων [---]	[Ἀρίσ]των [Ἀλκέ]τας	См. № 600.
929	Δ[---] Λ[---]	Δ[εξίππο] Λ[υ← ← два листа (или гроздь/ семя винограда)]	См. № 757–758.
932	[---]κ[---]ευο[---]	ἐπὶ Εὐγετίωνος Δέρκετος ретроградно	Склеивается с № 672.
933	[---]μα[---]	[Σι]λά- [νο]	Ф. 2440.
934	[---]ορι[---] по треугольнику	Ἄκορν[ος] ← Κερκ[ῖνος] ← Форма клейма в виде буквы А, надписи начинаются с ее вершины.	*Balabanov, Garlan, Avram* 2016, Cat. 223 (первое имя не прочитано).
936	ωι[---]	Μ[ῦς] Ὧρ[ος]	На фото № 936 верхняя строка обрезана [Гаврилов 2011, Узун-Сырт (подножие), № 6]; Ф. 1775.
937	[---[νος [---]πι	[Λύκω]νος [Μαλία ἐ]πί	*Balabanov, Garlan, Avram* 2016, Cat. 240.
938	Ισ[---] Ε[---]	Ἰσ[τιαίου ἐπ-] ὶ [᾽Απολλών(ιος)]	[*Лосієвскій, Бондар* 2015, 40, № 21]; Ф. 206.
942	[---]ν [---]τ	[Μαλακ]ῶν канфар → [ἐπὶ Μάτριος]	Ломтадзе, 2005, рис. 2, *2* (Патрей-1990, сверка по оригиналу)

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
943	Ευ[---]	Εὐ[άρ- χο Φι(-)] (?)	
944	[Θ]εομέ[ν---] ↶	[Μενοίτιος↷] [Θ]εομέ[νης] ↶ Надпись по кругу, в центре – канфар	Аналогии: ВКИКМЗ ККК 8550; [*Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 187].
945	Ἀκό[ρνο] ἐπὶ Α---]	Ἄκο[ρνος ἐπὶ Λύ̣κ[ωνος]	Ф 578.
946	[---]δενο[---] [---]κισ[---]	Ἡρακλείδα ← Στύφωνος ←	№ 823, [*Полин* 2014, рис. 295. *1*].
951	Ἡρο[δῶρο] [.]ε[---]	[Σωτ]ῆρο[ς] [ἐπ̓ Ἀλ]κέ̣τ[α]	IOSPE III, 64 (без фото).
952	[---]παν [---]	[Θηραίο ἐ]π̓ Ἀλ- [κέτα]	Одного штемпеля с IOSPE III, 53; [*Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 120]; Ф 101.
953	[---]ρι[---] [---]νος	Ἄκορνος ← Κερκῖνος ← Форма клейма в виде буквы А, надписи начинаются с ее вершины	См. № 934.
955	[---] [Σκ]ύθα ?	[Ἄττης] [ἐπὶ Σ]κύθα	См. № 811.
957	ἐπὶ[---]ης	[Ἀττ]ης | ἐπὶ Κ[αρα | κύδεος] вокруг грозди	См. [*Брашинский* 1980, XXVIII. *404*]; IOSPE III, 228.
958	[---] Ἡρ[---]	[ἐπὶ Βάκχο ↑] Ἡρ[ακλείδα] [лист]	Аналогии: Волна-1, 2001, оп. 211 (ТМК).
961	не читается	Ἀρτέμ. канфар → Ἀ̣μφ[ίτα]	Клеймо того же штемпеля [*Ломтадзе, Сударев* 2010, 169 = ГИМ 114818/109]. См. также Ф 1087.
963	[Ἀπο]λλώνιος [---] ν ←	[Ἀπο]λλώνιος ν ← гроздь → [Ἀμφίτα]	Одного штемпеля с № 612 и Ф 1017.
966			См. № 746.
969	[---]νδ палица [---]	[Ἰστιηίο ἐπὶ Ἀ]νδρο[νίκο] Надпись по кругу, внутри эмблемы – [лист/гроздь], буква М.	Аналогии [см.: *Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 243, 244, 246]; в Таманском музее.
971	[Βότα]χος ? [---]	[Βόστρ]υχος канфар → [Σιλανό]ς	Того же штемпеля см. Ф 1120.
973	[---] ἐπὶ[---] ←	[Εὔαρχος] ← ἐπὶ Λ[ύκω(νος)] ←	См. № 741–743.
974	[---] [---]ας	[δι|ὰ Ἀγ|]ας [канфар крестовидное]	См. IOSPE III, 1208; Ф 2012.
975	[---]ον ←	Νό[σσο] [Φυλ|εός]	Аналогии: Волна-1-2001, оп. 207, 2014, оп. 2124; IOSPE III, 1014.
983	Ἰστι[είο---] ↻	Ἰστιη[ίο ἐπὶ Ἀνδρονίκ]ο [Надпись по кругу, внутри эмблемы - лист/гроздь, буква М.]	См. примечание к № 969.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
984	[---]λλο[---] [---]υτ[---]	[Ἀ]πολλ[ο(---)] ← [ἐπὶ] Ἐῦιο(-) ←	Новый магистрат Εὔιος [см.: Колесников 2019, 303, рис. 1. 4].
		Синопа	
1016–1017		Σ ← в имени магистрата.	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 8713.
1021	Αἰσχίνεω ἀστυνό(μο) Ποσειδω(νιο.) ← орёл на дельфине 2004	Αἰσχίνου ← άστυνό ← Γόλατος ← амфора 2006	
1025	[Αἰ]σχίνο [ἀσ]τυνό(μο) [Διο]νυσ(ίο) два дельфина	[Αἰ]σχίνο [ἀσ]τυνό(μο) [Διο]νυσί(ο) два дельфина	См. IOSPE III, 716.
1027	«Заповедник», 1978, кв. 1, оп. 6.	«Город», 1976, кв. 1, шт. 5, оп. 6.	
1029	оп. 225	оп. 235	
1035	ἀστυ[νόμου палица] Α(ἰ)σχίν[ου] [Ἀττάλου]	ἀστυν[όμου Α(ἰ)σχίνου [Ἀ]ττάλ̣ο[υ] ↑ [палица]	На протирке клеймо излишне обрезано справа.
1052	[Ἀν]τιμάχου [ἀσ]τυνό(μου) [---]	[Ἀν]τιμάχου [ἀσ]τυνό. голова в фас → [Δώρου]	Этого же штемпеля – ГМИИ, ЭФ-580.
1053	ἀστυνόμου Ἀντιμάχου τοῦ Θευπείθου Ἀπατουρίου слева рог изобилия	ἀστυνόμου Ἀντιμάχου τοῦ Θευπείθους Ἀπατουρίου слева рог изобилия	
1054–1055	Δῖο[ς] ἀστυ[νό(μου) Ἀντ[ιμάχου] [рог изобилия]	Δῖος ἀστυνόμου ↑ Ἀντιμάχου рог изобилия	
1057	«Заповедник I», 1979, пл. С, яма А, оп. 33. Ан. м. КМ 11099/8	«Заповедник I», 1979, пл. С, шт. 6, оп. 33. Ан. м. КМ 11099/8.	КМ 11099/8 относится к клейму № 1118.
1065	ἀστυνομοῦ[ν-] [τος] Ἀπατουρίου τοῦ Ἄττα [Γλ-] αυκίου канфар ↑	ἀ[στυνο]μοῦν- τος Ἀπατ[ουρί-] ου τοῦ Ἄττα Γλ- αυκία лист ↑, колос →	Разные неточности. Аналогии ВКИКМЗ, ККК 15905.
1075	2004	2006	
1080	2004	2006	
1081	[Νεομη]νίο. [ἐπὶ Ἀπολ]λ- [οδώ. ἀστ]υ.←↓ орёл на дельфине	[Νεομη]νίο. [ἐπὶ Ἀπο]λ- [λοδώ. ἀστ]υ.←↓ орёл на дельфине	Неточное распределение букв по строкам.
1088	Ἀρισ[τοβούλο колос] ἀστ[υνό(μο) цветок] Π[οσειδωνιο(.)голова]	Ἀρισ[τοφάνεος] ἀστ[υνό] Π[οσειδω.] [голова льва впрямь, палица]	Более вероятен астином Аристофан.
1094	новый штамп	известный штамп	[См.: *Garlan* 2004, Cat. 562].

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
1096	Ἀρτε[μιδώρου] ἀστ[υνόμου] Κα[λλισθένου раковина, гроздь] Ан. м. КМ 11099/1	Ἀρτε[μιδώρ.] ἀσ[τυνό] ↑ Κα[λλισθέ.] цветок Ан. м. КМ 13885/5	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 486, 761.
1100	ἀστυνόμου Ἀττάλου голова → Μιθραδάτου	ἀστυνόμου Ἀττάλου голова ← Μιθραδάτου	КМ 13885/13
1107	Βόρ[υος] ἀστυ[νόμου] [---]	Βόρ[υος] ἀστυ[νόμου] [Ἄνουος] голова →	
1114	[ἀστυνό]μου [Δέλφιο]ς τοῦ [Ἀρτεμι]δώρου [Ἀγάθω]ν нос корабля	[ἀστυνό]μου [Δέλφιο]ς τοῦ [Ἀρτεμι]δώρου [Κτήσω]ν нос корабля	Одного штемпеля с клеймом - Патрей, 1990, объект 8, колодец в море.
1137	ἀστυνόμ[ου] Διο[νυ]σίο[υ] гроздь [τοῦ Δημητρίου] [---]	[Βάκχιος] [ἀστ]υνόμου [Διο]νυσίου τοῦ ↑ [Δημητρίου] гроздь	Одного штемпеля с IOSPE III, 2641.
1142	Г. «Тираспольский 1», 2004, кв. 28, печь 2, оп. 1429. Ан. м.	Г. «Тираспольский », 2004, кв. 28, печь 2, оп. 1425. Ан. м. КМ 12319/41	
1145	[ἀ]στυνόμου [Ἑκα]ταίου τοῦ [Λα]μάχου тирс →	[ἀ]στυνόμου [Ἑκ]αταίου το- [ῦ Λα]μάχου тирс →	
1148	[ἐπ]ὶ Ἐν[δή(μο)] [Ἴαρ]ά[κτος] [орёл на дельфине]	[ἐπ]ὶ Ἐν[δή.] [Ἴαρ]ά[κτο.] [орёл на дельфине]	Этого же штемпеля ВКИКМЗ, ККК 1818.
1149– 1151	ἐπὶ Ἐνδή(μο) Νεομηνί(ο) ←↑ орёл на дельфине	ἐπὶ Ἐνδή|μο Νεομηνί|ο ←↑ орёл на дельфине	Последние буквы (μο и ο) сильно уменьшены и размещены над крыльями орла (μο) и между двух строк (ο). Аналогии Волна-4, 2006, оп. 28; ВКИКМЗ, ККК 274.
1171	Δ[ᾶς] ἀστυνόμου Εὐχαρίστου ν ←	Δ[ᾶς] ↑↑ ἀστυνόμου Εὐχαρίστου [лист, цветок] ν ←	См. того же штемпеля IOSPE III, № 3332.
1178	ἀστυνόμου Ζήνιος τοῦ [Ἀπο]λλοδώρου [---]	ἀστυνόμου [Ζ]ήνιος τοῦ [Ἀπο]λλοδώρου [Κεφα]λ̣ίῳ[ν] [трофей]	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 22952.
1184	[ἀστυνό]μου [Ἡ]ρακλείδου [τοῦ Ἑκαταίου] [---]	[ἀστυ]νόμου Ἡρακλείδου [τοῦ Ἑκαταίου] Зевс мечет молнию вправо	Рис. 1.
1185	[ἀστυνό]μου [Ἡ]ρακλείδου ↓ [τοῦ Ἑκαταίου] [---] женщина с копьем	[ἀστυνόμ]ο̣υ Ἡρακλείδου [τοῦ Ἑ]κ̣αταίου [Δ]ᾶς стоящая женщина впрямь с факелом в левой руке	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
1187	кв. 8	кв. 5	
1188	[ἀστυνό]μου Ἡρακλείδου τοῦ Μικρίου ↓ Μενίσ[κου] статуя с рогом изобилия	[ἀστυνό]μου Ἡρακλείδου τοῦ Μικρίου Μενίσ[κος конь идет вправо	
1193	2004	2006	
1198	[ἀστυνομοῦντο]ς [Ἡρωνύ]μου [τοῦ Ἡρων]ύμου ↓ [τοῦ Ποσε]ιδωνίου [---] трофей	[ἀστυνομοῦντο]ς [Ἡρωνύμ]ου [τοῦ Ἡρων]ύμου [τοῦ Ποσε]ιδωνίου [Ἀρτεμίδωρος] ↑ трофей	Обного штемпеля с ВКИКМЗ, KKK 1467.
1203	[Θεογείτου] ἀστυν[ό(μου) лист Μαντιθέ(ου)	[Πρωταγό.] ἀστυν. лук ↑ Μαντιθέ.	Одного штемпеля с Волна-4, 2007, оп. 627.
1207	Θε[υπεί-] гроздь ↓ θους ἀστυν(όμου) Δρόμων	Θε[υπεί-]↑канфар ? θου ἀστυνό Δρόμων	
1215	[Νικίας] [ἀστυνόμου] [Ἱκεσίου] ← птица кв. 154	[Θυαία]ς [ἀστυνόμο]υ [Ἱκεσίο]υ ← птица кв. 164	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, KKK 5012.
1228	[Ἱστι]αίο [ἀ]στυ(νομο) Δωρ[ο(.) ← орёл на дельфине	[Ἱστι]αίο [ἀ]στυ. [Τι]μώρ[ιο] ↓← орёл на дельфине	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, KKK 4714.
1261	Καλλιστράτο. ἀστυνόμου [Νουμμηνί.] ↑→ кадуцей, голова Гермеса	Καλλιστράτο. ἀστυνόμου [Νευμμηνί.] ↑→ кадуцей, голова Гермеса	
1265	Καλλιστράτο(υ) ἀστυνό(μου) колос → Ποσειδω(νιο) гроздь ← под вымосткой 336.	Καλλιστράτο ἀστυνό. Ποσειδω. ↑ Цветок, под вымосткой 536.	
1267	ἀστυνόμου Καλλιχόρου τοῦ Πρωταγόρου [---]ιος → собака под пом. 132.	ἀστυνόμου Καλλιχόρου τοῦ Πρωταγόρου [Ἀπατο]ύριος → собака под плитами 122, 132.	
1270	[Κρατιστάρχου] ἀστυνομοῦντος Στεφάνου ← голова Аналогии: IOSPE III, № 4851-4853.	[Κρατιστάρχου] ἀστυνομοῦντος Στεφάνου → голова сатира	Одного штемпеля с IOSPE III, 4952. Приведены неверные аналогии.
1279	[ἀστυνομοῦντος] [Μαντιθέου τοῦ] [Πρωταγ]όρου лев [Κτήσω]ν ←	[ἀστυνόμου] [Μαντιθέου] [τοῦ Πρωταγ]όρου [Κτήσω]ν лев сидит влево	Неверно определена форма магистратуры и неправильно обозначено место предлога.

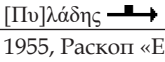
№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
1287	кв. 85-87	кв. 88-89, перекоп	
1288	Μί[κου гроздь] ἀσ[τυνό(μου)] Τ[---]	Μί[κου ← колос] ἀσ[τυνό] Τ̣ε̣[ύθρα ↑ гроздь]	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 20676.
1296	кв. 5	пл. А	
1300	Μνήσιος ἀστυνόμο(υ) Δελφινί[ο.]	Μνήσιος ἀστυνόμο ↑ Δελφινίο голова барана	
1306	Г. «Берег», 1984	Берег моря в районе Заповедника, 1983.	Не отмечена вторая эмблема – цветок.
1317	Г. «Берег», 1984	Случайная находка на берегу моря.	
1322	ἀ[στυνόμου] Πλ[εισταρχίδ-] ου [τοῦ Ἀπημά-] ν[του ---]	ἀ[στυνόμου] Πλ[εισταρχίδ-] ου [τοῦ Ἀπημά-] ν[του Πρῶτος] воин с копьем	Вероятное восстановление по аналогии: [*Conovici* 1998, Cat. 524].
1324	Πολύκ[τορος] ἀστυνό(μου) ↑Ἡφα[ιστίο.] ← гроздь, канфар; голова	Π̣ο̣λύκτο. ἀστυνό ↑Ἡφαιστ[ίο] ← гроздь, канфар; голова	
1329	[ἀστυνό]μου маска ↓ [Πολύκτορος τ]οῦ [Δημητρ]ίου [---]χος	[ἀστυνό]μου [Ἴφιος τ]οῦ [Ἑστιαίο]υ маска ↑ [---]νος	
1330–1331	Πολυχάρμου ἀστυνόμου Γλαυκία → ↑ лист, канфар	Πολυχάρμου ἀστυνόμου Γλαυκία ← ↑ гроздь, колос	
1338	[Ποσειδωνίου] [ἀστυνόμου] [Τεύθρα] змея ↑ [τοῦ Θυμοχάρι]ος Ремар, 2004.	[Ποσειδωνίου] [ἀστυνόμου] [Τεύθρα] ←↑ [τοῦ Θυμοχάρ]ο(υ)ς змея, свившаяся кольцом Ремар, 2006.	
1339	Ποσειδ[ωνίου] ἀστυνό[μου] [--]σ[-]μ[---]	Ἡ̣Ποσειδ[ωνίου] ἀστυνο[μοῦν-] τ̣ο̣ς̣ Θ̣υ̣[ός (Θῦς)] голова юноши	
1342	ἀστυνόμ[ου] Ποσιδ[είου τοῦ] [Ἡφαιστοδώρου] ←	ἀστυνόμ[ου] ← Ποσιδείου το[ῦ] ← [Ἡφαιστοδώρο] ← палица вертикально в правой части клейма	
1348	[ἀστ] υνόμου [Πος]ιδε(ί)ου] [τοῦ Θ]εαρ[ίωνος] [---]	[ἀστ]υνο[μοῦντος] [Πος]ιδεί[ου] [τοῦ Θ]εαρ[ίωνος] [Ἡρακλείδης] [фигура у колонны с рогом изобилия]	Того же штемпеля: [*Conovici* 1998, Cat. 438], ГМИИ, ЭФ-311.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
1353	[ἀστυνόμου] П[ρολόχου τοῦ] М[είκου тренож-] Ἀγ[άθων ник]	ἀσ[τυνομοῦντος] П[ρολόχου τοῦ] М[είκου] Ἀπ[ολλώνιος] [котел на треножнике]	
1383	2004	2006	
1387	Χαβρ[ία] ἀσ[τυνό голова] Ε(ὶ)ρ[ηνα(ιος) льва]	Χαβρ[ία] ἀσ[τυνό] ← Γό[λα[(ντος)] килик устьем влево	
1395	2004	2006	
1398	ἀστυνομοῦντος [---]ιος τοῦ [---]ος	ἀστυνομοῦντ[ος] [Μ]νήσιος το[ῦ] [Φορμίων]ος ↑ [---] [Ника]	
1399			Правая часть клейма № 1312.
1408	[---]που [ἀστυνό]μου [---]	[Ἐπιέλ]που [ἀστυνό]μου [---]	
1413	Г. «Центр», 1978, оп. 19. Ан. м. КМ 11864/3		КМ 11864/3 соответствует клейму № 1064.
1414	Г. «Заповедник I», 1979, оп. 2. Ан. м. КМ 11906/9		КМ 11906/9 соответсвует клейму № 1134.
1431	[---] [---] трофей ↑ [---]	[ἀστυνόμου] [Ἱκεσίου] τοῦ [Σιμίο]υ [---] ↑ статуя с рогом изобилия у колонны	
1436	[---]το [ἀστυν]ό(μου) [---]ο	Ποσειδ[ωνί-] ου ἀστ[υνόμου] Γ[λαυκία] гроздь	Повернуть на 90° по часовой. Аналогии: ВКИКМЗ, ККК 4815, 4816.
1439	[---] [---]σι [---]ων	[Πο]σει- [δ]ωνί[ο] ↰ орёл на дельфине	Рис. 1.
1440	[---]οιου [ἀστ]υνόμου [---]	[Θευπ]είθ[ου] [ἀστ]υνόμου [---] крылатая фигура влево	
1442	[ἀστυνό]μου [---]ου τοῦ эмбл.? [---] [---]	[ἀστυνό]μου [Δημητρ]ίου τοῦ [Θευγνήτου] [---] [кратер]	
1444	[---] ἀστυνό(μου) Ποσειδωνίο	[Ποσειδωνίο] ἀστυνό → колос Ποσειδωνίο ↑ треножник	Одного штемпеля с IOSPE III, 6657.
1452	КМ12265/1	КМ12265/6	
1453	2004	2006	
1457	КМ12317/29	КМ12317/9	
1496	2004	2006	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
1507–1508	Γειρίωνος На амфоре коричневой глины римского времени	Ἱερωνυ(Кос	См.: VRG_Folder_0618, № 373.
		Неопределенные центры	
1518–1519	Ἀλ(---) σε(---)	Ἀλ- σε(Родос.	Штемпель близок Amphoralex, RF-ΑΛΣΕΙΟΣ-002. Период I – 304–235 гг.
1523	[Ἀ]λκά- νορος	[Ἀ]λκά- νορος Александрия Троадская	См.: [*Panes, Pontes* 1998, 229–233, 245 f., nos. 60–69; *Lawall* 1999: 191, 200 f., no. 15; *Lawall* 2019: 139 ff.].
1526	Βίων	Βίων Милет	См.: [*Jöhrens* 2014, 182, no. 14–16; *Alkaç, Cankardeş-Şenol* 2016, 198, Fig. 3–4; *Cancardeş Şenol, Alkaç, Abdelgawad* 2017, 308].
1529	Νικο(	Νικο(Группа Парменискa	См.: [*Ακαμάτη* 2000 41, no. ΠΑΡ 49, Pin. 7; *Jöhrens* 1999 246, no. 840; *Panagou* 2010, 174].
1531	Σωσύλου	Σωσύλου Группа Никандра	См.:[*Cankardeş Şenol* 2010, 132].
1532	Σωται- ρίδας	Σωται- ρίδας Родос. Новое имя	
1535–1540	Ἀλ(---)	ΑΛ Аканф	См.: [*Garlan* 1989, 480, Fig. 1b; Idem 2006: 267, note 20; *Nicolaidou-Patera* 1986, 486, Fig. 1; *Panagou* 2010, 87, Eik, 18.].
1547	Με(---)	Με(---) Аканф	См.: [*Garlan* 2006: 287, Fig. 2c].
1548	палица Παρ(---)	палица Παρ(---) Кос	См.: VRG_Folder_0618, № 534, 539.
		Неопределенные центры. Клейма с монограммами	
1555		Аканф	
1558	оп. 18.	Книд. «Заповедник», 1998, оп. 18, КМ 13885/19.	См.: [*Болонкина, Ефремов, Колесников*, 2019, КН 16.1, 17.1].
1559		Самос	Ср.: [*Jöhrens* 1986, Fig. 16 ; *Johnston* 2015, 11, Fig. 23, 24.].
1565–1567	Менда ?	Аканф	
1573		Кос	Рис. 1.
		Неопределенные центры. Клейма с невосстановленными легендами	
1579	не читается	[Κτ]ήσι(ς) [Θασίω(ν)] [Δαμά(στης)]	Рис. 1. См.: [*Garlan* 1999, № 121]. Клеймо на горле. В этом случае в третьей строке возможен только фабрикант Δαμά(στης).
1580	[---]δ	Аканф	Фрагмент такой же монограммы как и под № 1565–1567.
1581	Г. «Заповедник», 1984, оп. 274. Ан. м. КМ 11330/1	Эти шифры относятся к клейму № 1511	
1584	сбито	[Θασίων] [эмблема] Κλεῖ[τος]	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
		Отпечатки гемм	
1609	гоплит	юный Геракл	
1610	возлежащая фигура	отдыхающий Геракл	
		Синопа. Черепица	
1651	Νίμακτος ἐπὶ Ἀπολλοδώρο ἀστυ(νόμο) ← орёл на дельфине Г. «Заповедник», 1985, пом. 49, оп. ? Ан. м. КМ 7560.	Νίμακτος ἐπὶ Ἀπολλοδώρ | ο ἀστυ. ꟾ орёл на дельфине Г. «Заповедник», 1985, Осыпь под римской мостовой у пом. 19. Ан. м. КМ 7560.	Рис. 1.
		Семибратнее городище. Фасос	
2031–2032	Λεω(γ--) Θασι..) Δαμ(άτριος)	Λεω(γ--) Θασι..) Δαμ(άστης)	
2033	Λεω(γ--) Θασι..) Κίρω(ν) 1939? Кр.м. КМ846/А 4064 25 (IOSPE III,, 335 – ошибочно восстановлено имя фабриканта).	Λεωγ(- - -) Θασι(..) Φανό(κριτος) 1939, оп. 4063. Кр.м. КМ846 (IOSPE III, 335 – имя фабриканта восстановлено правильно)	Рис. 1.
2040	1938?	1938, подъемный материал	
2046	Λεων[ι(- - -) Θασι[ω(..) Κίρω[ν]	Λεωγ(- - -) Θασι(..) Κίρω(ν)	См. G 165.
2052	KM3819_340	KM3819_349	
2053	2005, кв. 5, оп. 72. Ан.м. КМ 12022/14	2004, кв. 5, оп. 72. Ан.м. КМ 11850/14	
2054	Μνημέ(ας) Θασίω(ν) Πα[υσανί(ης)]	Λε[ω]νι---) Θασίω(ν) Πϙϙ[ίδ]ει(ος)	
2064	пл. XXII/12 гиена	пл. XXII/10 собака в стойке	
2065	[Ἀρ]ιστε[ίδ(ης)] | [Θα|σι(..)] гиена → [Μέ]γω | [ν]	[Ἀρι]στε[ίδ(ης) | Θα |]σι(..) Καλλ | ι(φών) коленопреклоненный Эрот ↑← 	Рис. 1.
2068–2069	Ἀρχέσ | τρα(τος) [Θ]ασίων канделябр ↓ [Ἀριστ]αγόρης 	[Ἀρισ]ταγόρης | Ἀρχέσ | τρα(τος) канделябр → [Θ]ασίων 	См. G 775.
2077			Не отмечены две эмблемы – палица и кузнечик
2080	Ἱππίδης Θα | σίων | Στρατ[(---)] голова собаки оп. 2	Ἱππίδης Θα | σίων | Στρατω[(---)] голова собаки оп. 24	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2084	1939.? Кр. м. КМ 846/1105	1939, раскоп «А», пл. 3, Кр. м. КМ 846, А4125/25.	
2086	1955? Кр. м. КМ 1827/79	1955, раскоп «Е», пл. XXIVa, оп. 79, Кр. м. КМ 1827/79.	
2088	КМ 1840/А-7	КМ 1840/А-11.	
2090	1949, кв. VI	1949, раскоп «Е», кв. VI.	
2096	1952, раскоп «Е», пл. XIII. Кр. м. КМ 3819/313.	1952, раскоп «С», пл. II. Кр. м. КМ 3819/313.	
2098	1939, пл. I. Кр. м. КМ 846/ А1420-25 (IOSPE III, № 1777).	1939, Раскоп «А», пл. I, Западная наружная сторона здания. Кр. м. КМ 846/ А1499-25 (IOSPE III, № 1777).	
2099	пл. XX	пл. XXI	
2102	1939, пл. II	1939, раскоп «А», пл. II, Западная наружная сторона здания.	
2103	1955. ? Кр. КМ 1826/30	1955, раскоп «Е», пл. XXIVa. Кр. КМ 1827/80.	
Клейма с невосстановленными легендами			
2104		дублирует № 2106	
2105	[---] треножник. → [Θάσιον]/ Ἀριστείδης 1955, раскоп «Е», пл. XXX. Кр. м. КМ 1827/79.	Ἀριστείδη(ς) | Θ[ασ|ι(..) Λεύκω|ν] треножник ← 1955, раскоп «Е», пл. XXII. Кр. м. КМ 1826/126.	См. G 646
2106-2107	Θασ[ίων/[---] треножник, пилос ← 	[Ἀριστείδη(ς) | Θασ|ι(..) Λεύκ]ω|ν треножник ← IOSPE III, № 3032.	
2110	1952? Кр. м. 3819/420.	1952, раскоп «Е», пл. XVIII. Кр. м. КМ 1826/420.	
2111	[---] рыба → [---] кв. XXII	[Τελέα] кадуцей ↑ и неопределенная эмблема пл. XXIII.	См.: G 87.
2112	[---] дельфин [---]	Ἀριστοκ(ράτης) ← дельфин ↱ [Δημάλκης] ←	Того же штемпеля G 956.
2113	Θασι[---]/[---] алабастр, стригиль → →	Θασι(..) Ἰσ[| α | γ | ό(ρης) Φειδι]ππ | ο флакон → стригиль → 	Рис. 1. Новое сочетание имен.
2114	[---] колчан ? Θασί[ω/ν]	[Παυ]σαν | ίης | Θασίῳ[ν][---?] ← колчан 	
2115	[---] глаз ? [---]	[Τελέα] кадуцей? щит?	Аналогии: G 88.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2116	Ἀγ[---] ? Λαγε[---]	Αἰσχρίων σ [Θ] ι ↓ [α] Λαγέτ[ας] двойной топор (?)	Новое сочетание имён.
2117	[---] рог [---]	Ἱππίδης ← Θασίων ← нога коня ↑← [Πυ]λάδης 	Новый штамп. Ср. G 913.
2122	1955, ? Кр. м. КМ 1826/326	1955, Раскоп «Е», пл. XXIII. Кр. м. КМ 1826/326.	
2123- 2124	1939, сев. склон. КМ 846-4063/25. Новый штамп.	1939, сев. склон городища. КМ 846-4062/25.	Штамп [*Bon*, 1335].
2127	1951.	1951. Раскоп «Западный», пл. I .	
2128	Κλεο[---] ? [---]	Κλεο[φῶν | Θασίων | Ἀρισταγόρη|ς] οἴνοχοя →↓ 	См.: G 449.
Семибратнее городище. Родос			
2148	ἐπὶ Ναυσί- ππ[ου Πε]- δα[γειτνύου]	ἐπὶ Π[εισι]στρ- [άτου] Δα[λίου]	
2151	Μικύθ[ου] Δα[λίου]	Μικύθ[ου] Δα[λίος]	
Семибратнее городище. Гераклея			
2159			Эмблема гроздь, а не лист
2162	Πόρο [ἐ]πὶ Ἀλκ(έτα)	Πορο. Παν.	См.: [*Гаврилов* 2011, Журавки-2, № 9].
2163	Εὐφραῖος гроздь Ἀμφίτα 1950, пл. X.	Εἰράνος гроздь → Ἀμφίτα 1950, раскоп «Е», пл. X.	
2164	Εὐφραῖος гроздь Ἀμφίτα	[Μαλακ]ῶν гроздь → [Ἀμ]φίτα	См.: [*Федосеев* 2016, № 1666].
2165+ 2258	Εὐφραῖος гроздь Ἀμφίτα	Εἰράνος гроздь → Ἀμφίτα	Рис. 2. Из двух фрагментов. № 2258-левая часть (ΕΙΡΑΝ); № 2165-правая часть (ΝΟΣ/ΦΙΤΑ).
2167	Δαμοφών палица ἐπὶ Ἀνδρο(νίκο)	[Δαμο]φῶν амфора → [Ἡρακ]λεί̣δ ?	
2171	пл. XII	пл. XX	
2173	[Ἄκορν]ος [ἐπὶ Ἀ(ρ)ίσ]των[ος]	[Σωτῆ]ρος [ἐπὶ Ἀρί]στω. лук ←	Рис. 2. Новый штамп .
2174+ 2200	Ἀρί[στιππος] ἐπὶ Ἀ[ριστων(ος)]	Ἀρίστωνος ἐπὶ Λύκωνος	Рис. 2. Склеиваются два фрагмента: № 2174-левая часть (прочитано неверно), 2200-правая часть.
2175	Διονυσί(ο) Ἀρίσ(τωνος)	Διονυσίο Ἀρίσ(τωνος)	См.: Ф 1261-1276, 1278-1284.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2180	[---]ικω[---] Δενομ[άχο] раскоп «Р»	Λύκῳ[ν] Δενομ[ά(χο)] раскоп «А»	Одного штемпеля с IOSPE III, 932; Ф1651.
2181	ἐπὶ [Δημοκράτεο(ς)] Ιστιηίου	ἐπὶ Δ[η]μο̣[κ.] Ιστιηίου	Клеймо того же штемпеля см.: Ф 314=IOSPE III, 155.
2183	1955. Кр. м.	1955. раскоп «Е», пл. XXII, Кр. м.	
2184	Μῦσ Δι[ο] νύσιο	Μῦσ Δι[ο] νύσιο[ς]	См.: Ф 1752; IOSPE III, 992.
2185	Ἀγάθων полумесяц ἐπ]ί Διονύσι(ο)	Ἀγάθων ↑ полумесяц [ἐ]πί Διονύσιο	
2186	[ἐπὶ Εὐγετίωνος Δ]έρκετ[ο] ↺ 1949. ? Кр. м.	[ἐπὶ Εὐγετίωνος Δ]έρκετ[ος] ↺ 1939. Раскоп «Е», пл. V. Кр. м.	См. № 672.
2187	[Σατυ]ρίσ(κος) гроздь [Εὐθύ]ρρη(ς) *Аналогии*: IOSPE III,, № 1195 (не восстановлено)	В IOSPE III, № 1195 есть карандашное примечание Б.Н.Гракова, согласно которому он предполагал один из двух вариантов восстановления штампа Σατυρισ/ Εὐθύρρης и Σατυρίσ/κου Θύρρη	
2189	Ἡρακλ[ε(ίδα)] Λυκα[ρά(το)] 1949. ? Кр. м.	Ἡρακλ. пифос → Λυκαῖ(ος) 1949. Раскоп «Е», пл. IV. Кр. м.	Рис. 2. На оригинале отчетливо видно, что пятая буква второй строки – йота. LGPN содержит один вариант восстановления имени Λυκαῖος. Не отмечена эмблема. Правильное чтение [IOSPE III, № 795, *Зегебарт* 1990, № 67]) проигнорировано автором.
2193	Κερκίν(ο) рыба Δαμοφῶ(ν)	Δαμοφῶ[ν] ← рыба ← Κερκίν[ο] ←	Повернуть на 180. [См.: IOSPE III,, № 905; *Кац* 2015, № 701; *Полин* 2014, рис. 185. *1*; Ф 1213.
2196	[---] кадуцей [ἐπ]ὶ Λαίσα ←	[---] ἐπὶ Λαίσα ←	Эмблема придумана автором. Вторая строка читается полностью.
2198	Διονυ- + Λυ(---) σίο	Διον- υσίο Νικ(...) второе имя перпендикулярно, сверху вниз	Рис. 2.
2200			См. № 2174.
2201	[---]υ[---] Λυσίθεος	[Μ]ῦς [Λ]υ(---) гроздь → Λυσίθεος	Клейма того же штемпеля [см.: *Брашинский* 1980, табл. XXX. *514*; *Стоянов* 2007, 270, рис. 13. *1b*; *Garlan* 2007, Fig. 1a; Ф 1761, 1764].
2202	[Αἴθ]ων ἐπὶ [Μολ]οσσῦ ν и π ←	[Φί]λων ἐπὶ [Μο]λοσσῦ ν и π ←	Того же штемпеля, что и №779, 2205. См. также Ф 701.
2206	Πο[ρο] Πα(---)	Πο[ρο] Πα[ν]	См.: [*Гаврилов*, 2011, Журавки-2, № 9].

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2207	Κρόνιος лист Σ[κ]ύ[θ]α 1955. Кр. м.	Κρόνιος лист → [ἐπὶ] Λύκων[ος] 1955. Раскоп «Е», пл. XXIVa. Кр. м.	Аналогии: [*Колтухов* 2007, Рис. 4. *1*; Ф 625].
		Клейма фабрикантские	
2214	Ἀγά[θ-] [ωνος]	Ἀγάθ[ων ↑ [ἐπὶ Διονυσίο] полумесяц	Одного штемпеля с № 2185 и с [*Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 194].
2217	Ἀρχ[εσ-] палица + гемма τράτ[ο]	Ἀρχεσ- палица → τράτο рядом отпечаток геммы или перстня Ἀρχεσ- амфора → τράτο	Читаются все буквы клейма и геммы.
2219	Δι(---) ← Аналогии: склад у с. Ислам Джаферка (Монахов, 1999. С. 455). ПФГ – первая четверть III в.	ΙΔ топор-секира Новый штамп	Не отмечена эмблема. Определена ошибочная аналогия и соответственно датировка завышена приблизительно на столетие [ср. с фото и рис.: [*Bujor* 1962, 483, Fig. 3-b, *4*].
2224	Εὐ[ρυ-] [δάμο] 1950, пл. X, кв. 8.	Εὐρ[υ-] δά[μο] 1950, Раскоп «Е», пл. X, шт. 8.	
2226+ 2254	Θεογέ□- νε(ος)	Θεομέ□- νεος Ευ.	Рис. 2. Склеивается с № 2254 (правый фрагмент).
2229	Κε[ρκί-] [νος]	[---] [ἐπ]ὶ Κ[ερ][κινο] ?	
2231	[Πυρ]ω- [νί]δα	[Δανοφ]ῶν [ἐπὶ Ἀγν]οδά(μο)	Аналогии: Ф 14.
2238	Σω[τῆ-] ρος	[Στασιχ]όρο палица → [Ἀρίστων]ος	Повернуть на 180°. Того же штемпеля № 643, 644.
		Клейма с невосстановленными легендами.	
2239	[---]ος гроздь [---]	Ἰστιεῖος ↷ гроздь ← [Μ]υός ?	Аналогии: Патрей-2017, подводный комплекс 47.
2240	[---]ρτ[---] [---] Кр. м. КМ 846/А-290	Ἀργ- εί]ο Кр. м. КМ 846/А-2901/25.	Рис. 2. Аналогии: [*Кутайсов* 2015, 319, рис. 38. *1*; Ф 2035].
2241	сбито	Εὐφρ[αῖος] ἐπὶ Δεν[ο] ? Новое сочетание имен.	
2244	смазано	[Δ]ιονυ¬ [σ]ίο Στ. тау перевернута	Аналогии: Ф 1349.
2245	[---]α[---] Μ[---]	Ἡρα[κλ.] ←[амфора] Μῦ[ς]	Аналогии: Ф 1503.
2248	сбито	Гроздь плюс доп. эмблема в центре (вытянутый предмет) ?	На клейме следы букв (Ι, Σ ?).

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2249	[---]λυν [---]	[Ἡρακλείδας ?] Φ]ιλῖν[ος гроздь →]	Рис. 2. Аналогии: Ф 1533.
2250	[---]νιος [---]	[Ἀπολλ]ωνίος [ἐπὶ Σκύθα ?]	Ср. № 807 и Ф 794.
2251	сбито	Δ̣αμ̣α- [τρίο Διο(---)]	Того же штемпеля Ф1148.
2253	[---] Σωτ[---]	Не читается.	Рис. 2.
2254			См. № 2226.
2255	сбито	[Ἀρτώνδα] Φι(---) ↺	Рис. 2. Аналогии: [Ф 1097; *Гаврилов* 2011, Журавки-2, № 34].
2256	[---] Δ[---]	Ε[ὐρυ- δά[μο	Рис. 2. Аналогии: [*Кутайсов* 2015, рис. 38, *6*; Ф 2278].
2257	[---] Μ̃ς[---]	[Φιλῖνος] Μ̃ς гроздь ←	Того же штемпеля Ф 1969.
2258			См. № 2165.
2261	Ἀρχε[---] ολ[---] пл. ?	Ἀρχε[στ-] Ε ← ράτ[ο] или Ἀρχε[στ-] Ε ← ράτ[ο Ἡ.] пл. XXIV	Одного штемпеля с *Balabanov, Garlan, Avram* 2016, Cat. 96 ; IOSPE III, 597.
2263	не читается 1955, раскоп Е. ? Кр. м. КМ ?	Σ̣ιλ(-) Τ Новый штамп. 1954, раскоп «Е», пл. XXI, шт. 8.	Повернуть на 90° влево. Аналогии мне неизвестны, чтение первой строки лишь достаточно вероятное. Подобный тип клейм [см.: *Монахов* 1999, табл. 152, *3*; *Гаврилов* 2011, Новопокровка-1, № 260].
2264	Η[---] Θε[---]	Ἡρ[ακλεί(δα)] [→ палица] Θε[ώνιχος]	См. № 683, 684.
2266	[---] [---]σπ ←	[Μ̃ς ← кадуцей ←] [ἐπ]ὶ Σπ[ι.] ←	Аналогии: [*Полин* 2014, рис. 432].
2267	[---] [Μ]ενοιτ[---] ←	[Θ]εογέ[νη(ς) ἐ-] ← πὶ Μενοίτ[(ιο ←	Того же штемпеля: [*Брашинский* 1980, табл. XXIX. *442*].
2268	[---] Αη[---]	Ἀ[ριστοκ-] λή[ς Σιλά-] νο	См. № 2171.
2270	[---] Ευα[---]	[Ἡρακλείδας] ? [гроздь →] ? Εὐφ[ρόνιος]	Аналогии: Ф 1010.
Синопа			
2273	[ἐ]πὶ Αἰσχίν[ου] канфар Βάντος 1940, раскоп В	ἐ | πὶ Αἰσχίν[ου] ↱ [Βάν]τος ← канфар ↑ Σ ← 1940, раскоп «С»	См. № 1016–1017.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2274	ἀστυ[νόμου] Ἀνθε[στηρίου] τοῦ Νουμ[ηνίου] Ἀπ[ατούριος] 1938, кв. IV.	ἀστυν[όμου] Ἀνθεστ[ηρίου] τοῦ Νουμη[νίου] Ἀπατ[ούριος] [акростилий] 1938. Раскоп «А», кв. II, 3-ий штык завала.	
2275	1937, подъемный материал	Найдено в выбросах земли из траншей для добычи камня на месте здания в С-В части городища (раскоп «А» 1938 г.).	
2276	[ἀστυνόμου] Βόρυος Ποσειδωνίου [---]	[ἀστυνομοῦντος] Βόρυος Ποσειδωνίου	Клеймо трехстрочное.
2278	1940, раскоп С	1940, раскоп «С», кв. III, юг, завал.	
2279	ἀστυν[ομοῦντος] [Ἐ]καταίου [Κλεό]νι[κος] → нос корабля КМ 1571 Д/1529	[Θευδωρίδου] ἀστυν[όμου] Ἑκαταίου ↑ голова сатира впрямь КМ 1571 А/1529.	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 19035.
2280	1939, пл. 3. Кр. м. КМ 846А/4011	1939, раскоп «А», пл. III, юг. Кр. м. КМ 846А/4001.	
2282– 2283	Ἡφαισ[τίο] ἀστ[υνό(μου)] Ποσε[ιδωνί(ου)]	Ἡφα[ιστίο] ἀστ[υνό(-)] Ποσε[ιδωνί(ου)] [орёл на дельфине]	Одного штемпеля с IOSPE III, № 306.
2284			Не отмечена вторая эмблема – гроздь.
2285	[Θευπ]είθους [ἀστ]υνόμου [---]ρα[---] 1938, кв. I Новый штамп	[Θευπείθο]υς [ἀστυνό]μου [Τεύθρα венок, палица] 1938, Раскоп «А», кв. I, шт. 20.	Штамп см.: IOSPE III, № 4119; ВКИИМЗ, КП-198653.
2286	[Θευπ]είθους [ἀστ]υνόμου [---]ρα[---] 1951, раскоп Р, пл. II Новый штамп	[Θευπ]είθους [ἀσ]τυνόμου [Τεύθ]ρᾳ [венок, палица] 1951, раскоп «Западный», пл. II, шт. 6.	
2287	Ἰσ[τιαίο] ἀ[στυ(νόμου) Νευμηνί(ο)	Ἰσ[τιαίο ΖΩ] ἀ[στυνό.] Ν[ευμηνί.] орёл на дельфине Найдено в выбросах земли из траншей для добычи камня на месте здания в С-В части городища (раскоп «А» 1938 г.).	Одного штемпеля с IOSPE III, 372.
2288	квадрига 1952, раскоп Е, пл. XX. Кр. м. КМ 3819/382	бига 1952, раскоп С, кв. I, шт. 6. Кр. м. КМ 3819/322.	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2289	[ἀστυνό]μου [Μητροδώ]ρου ↑ канфар [τοῦ Ἀ]ρισταγόρ- [ου Μι]θραδά[του]	[ἀστυνό]μου [Μητ]ροδώρου [τοῦ Ἀ]ρισταγόρ- [ου Μι]θραδάτο- ↑ канфар υ	
2290	Μίκου ἀστυ[νό(μου) гроздь] Καλλ[ισθέ(νου) цветок]	Μίκου [гроздь ←] ἀστυ[νόμου лист ↑] Καλλ[ισθένου цветок]	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 830.
2291	Μνήσιος ἀστυνόμο(υ) Ἀρχεπτολ(έμο)	Μνήσιος ἀστυνόμο ῾ Ἀρχεπτολέ. голова сатира	Одного штемпеля с ГМИИ, ЭФ-504 (Гермонасса, 1981, оп. 139).
2292	[Μνήσιος] άστυνόμου Ἄττειος 1940, раскоп С	Ν̣αύ̣[πωνο]ς άστυνόμου Ἄττειος 1940, раскоп «С», кв. III, сев., шт. 8	Аналогии: ВКИКМЗ, ККК 4783.
2296	ἀστυνόμου Πόσιος τοῦ Δαΐσκου [---]	ἀστυνόμου Πόσιος гроздь ↑ τοῦ Δαΐσκου [Δίου]	Клеймо того же штемпеля [см.: *Garlan* 2004, Pl. XXXIX, *Cat. 337*].
Синопа. Имена астиномов не восстановлены			
2299	[---] ἀστ[υνόμου] Ἑκατα[ίου]	ἀστ[υνόμου] Ἑκατα[ίου] [тирс →]	Клеймо двухстрочное, одного штемпеля с ГИМ, инв. № 7598, собр. Подшивалова (Люценко), Керчь, оп. IV/305, № 159.
2300	[---] ἀσ[τυνόμου] Δα[---] 1938, кв. V. Кр. м. КМ 2253А/2253	[ἀστυνομοῦντος] Κα[λλισθένου] Δάν[τος → лук в горите] 1938, раскоп «А», кв. V, шт. 14. Кр. м. КМ 2253А/1249	Одного штемпеля с IOSPE III, 4683a.
2301	ἀσ[τυνόμου] А[---] Ειο[---] 1938, кв. V. Кр. м. КМ 2253А/122	ἀστ[υνομοῦντος Διο[νυσίου τοῦ] Διον[υσίου τοῦ] [Κλειταγόρου] ↑ [---] [котел на треножнике] 1938, раскоп «А», кв. V, шт. 12, зап. половина. Кр. м. КМ 2253А/1221.	Аналогии: [IOSPE III, III, № 2646–2664; *Conovici* 1998, Cat. 589, 590; *Garlan* 2004, Cat. 509, 510].
2303	[---] [ἀστυνόμο]υ гроздь ↓ [---]	[Ἀπολλοδ]ώρο [ἀστυνόμο]υ ↑ гроздь [Θευδώρου] ↑ цветок	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 8102.
2305			Такой же шифр у № 2279.
2306	А[---] [---] [---]	ἀ[στυνόμου] В[όρυος τοῦ] Ζ[εύξιος] [---]	
Синопа. Клейма фабрикантов.			
2307	1950, пл. XII	1950, раскоп «Е», пл. XII, шт. 4.	Аналогии: [*Шелов* 1975, табл. VII. *588*; *Garlan* 2004, Pl. LIV. *Cat. 481*].
2308	пл. 7	пл. III, шт. 2	

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
		Херсонес	
2309	[Ἀπολλ]ωνίδ[ου] [ἀστυ]νόμου Аналогии: *Кац*, 1994. № 1-15, 1	[Ἀπολλ]ωνίδα [ἀστυ]νόμου Аналогии: *Кац*, 1994. № 1-15, 4.	
2310			Клеймо книдское [см.: *Монахов* 2003, табл. 74. *3*; *Болонкина, Ефремов, Колесников* 2019, 314, табл. 5. *КН 64–66*].
		КЛЕЙМА ХОРЫ ГОРГИППИИ	
2335–2337	Посёлок Азос.	АЗОСВиВ – Анапская зональная опытная станция виноградарства и виноделия	Научное учреждение (Пионерский просп., 36). Клейма обнаружены на опытном поле.
2336	Менда ?	Книд	См.: [*Болонкина, Ефремов, Колесников* 2019, КН 52].
2337	КМ 8534/9	КМ 8534/3	Клеймо излишне обрезано снизу.
2339	Книд [---]γεων/ος нос корабля 	Фасос ἐπὶ | Μέεω|νος | Πο|σίδηι|ος безбородая голова в профиль →↑ 	Повернуть на 90° вправо. В имени магистрата вместо «γ» ошибочно вырезан «ε». Штамп [см.: *Bon* 1957, № 1147; *Garlan* 1999, № 479].
2340	[Ἰσ]τιηῖος якорь [ἐπὶ] Σατύ(ρου)	[Ἰσ]τιηῖος секира → [ἐπὶ] Σατύ(ρου)	Того же штемпеля № 791.
2352	Кос Εὐπύρου	Εὐτύχου	Неверное чтение. См.: VRG_Folder_0618, № 309.
2342	Ἀσπα[μι-] θάρ[ης] [орёл на дельфине]	Ἀσπαμι- θάρ[εω] [орёл на дельфине]	См.: [*Цехмистренко* 1960, 60, рис. 1, *2*].
2354	ἀστυνόμου Ἵππωνος τοῦ Διονυσίου [Διονύ]σιος ↑ 1988	ἀστυνόμου Ἵππωνος τοῦ Διονυσίου [Διο]νύσιος ↑ пальмовая ветвь 1986	
2355	ἀστυνόμου Μητροδώρου τοῦ Ἀθηνίππου [---] 1991, пом. 16.	[ἀστ]υνομοῦντος [Μητρ]οδώρου τοῦ [Ἀθη]νίππου [Μενέκρι]τος 8-лучевая звезда В имени фабриканта «σ» ретроградная. 1991, пос. Андреевская щель-I (п. 16), пм, оп. 5	Рис. 2. Клеймо «недочитано». Одного штемпеля с № 1282, 1283.
2356	[Μικρίου] ἀστυνο- [μοῦντο]ς конь ← [---]	[Μικρίου] ἀστυνο- [μοῦντ]ος конь ← [Γλαυκία]	Клеймо того же штемпеля [см.: *Garlan* 2004, Pl. XXI, *Cat. 169*].
2359–2364	Клейма из станицы Благовещенская.	Клейма из станицы Благовещенской.	
2359	Θασ]ίων лошадь → [---]	Θασ]ίων лошадь ↱ [Ἀμφαν]δρο | ς	См. Bon 2359 (без илл.).

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2360	[Ἡρακλείδου] ἀστυνό[μου] Ζωπυρί[ωνος] амфора →	Ἡ[ρακλίδου] ἀστυνο[μοῦντος] Ζωπυρί[ωνος] амфора ←, [лук с колчаном →]	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, KKK 12574.
2363	ἀστυν[όμου] Π[οσ]ιδ[είου τοῦ] [Ἡφαιστοδώρου] KM10178/6	ἀστυν[όμου] Ι̣ο̣ι̣[δείου τοῦ] [Θεαρίωνος] [Θεύδωρος] [человек у колонны с рогом изобилия] KM10178/5	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, KKK 14525.
2364			Не отмечена вторая эмблема – гроздь.
2365-2371	Посёлок Воскресенское.	Посёлок Воскресенский.	
2372	ἀστυνόμου Εὐχαρίστου [τοῦ] Καλλισθένου Δα[ΐσκου гроздь]	ἀστυνόμου [лист ↑] Εὐχαρίστου τ̣ο̣ῦ̣ Καλλισθένου гроздь ↑ Δα̣ΐ̣σ̣[κος]	
2376–2381	Клейма из станицы Гостагаевская.	Клейма из станицы Гостагаевской.	
2402	[ἀστυ]νόμου [---]τα[---] [---]ς	[ἀστυ]νόμου [Ἰκεσ]ίου τ[οῦ] [Ἐ]τεονίκου [---] всадник ↰	
2404	ἀστυνόμου Λεωμέδοντος всадник τοῦ Ἐπιδήμου [Ἀπατού]ριος	[ἀσ]τυνόμου [Λε]ω̣μ̣έ̣δοντος [τοῦ Ἐπ]ι̣δ̣ήμου [Διονύσ]ιος всадник ↰	Клеймо того же штемпеля [см.: *Garlan* 2004, Pl. XLIX, *Cat. 441*].
2428	[Φι]λιστιάνου	[Καλ]λιστιάνου	По LGPN единственно возможныое имя.
2340	Νικο(---) ← неопределённое	Νικο(---) Ν ← Группа Парменискa.	Повернуть на 180° [См.: *Ακαμάτη* 2000, ΠΑΡ 49; *Jöhrens* 1999, № 246; *Panagou* 2010, 174].
2440	[Ἀντι]μάχου [ἀστυ]νό гроздь [---]	[Ἀντι]μάχου [ἀστ]υνό. голова в фас → [Δώρο]υ	См. № 1052.
2446	Δημ- ητρίου неопределённое	Родос	RF- ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ I, период I.
2447	Φικ(---) неопределённое	Книд	[См.: *Болонкина, Ефремов, Колесников* 2019, табл. 3, *KH 33*].
2472	[ἀστυ]νομο[ῦντος] [Ἡ]ραγένου τοῦ [Νει]κάνορος [---]	[ἀστυ]νομο[ῦντος] [Ἡ]ραγένου τοῦ [Νεικ]άνορος гроздь ↑ [Ἡφαίστιος]	См. № 2419.
2473	[Θεαρί]ωνος [τοῦ Φίλ]ωνος [ἀστυνομ]οῦντος [κεραμεύς] [Γλαυκία]	[Θεαρί]ωνος гроздь ↑ [τοῦ Φίλ]ωνος [ἀστυνομ]οῦντος [κεραμέως] омфалос? [Γλαυκία]	Керамевс оканчивается на «ως». См. IOSPE III, 3911.

№	Прочитано	Исправления	Номера рисунков, примечания и аналогии
2474	[ἀστυνόμου] [Μ]νη[σικλέους τοῦ] Ἀριστέως Ἀγάθων	ἀ[στυνομοῦντος] Μνη[σικλέους τοῦ] Ἀριστέως Ἀγάθων стоящая фигура ↱	
2485	алтарь гемма неопределённое	змея на алтаре, восьмиконечная звезда Фасос	
2526	[Ἀριστοκλέυς] бык ἀστυνό(μου) Посеидωνίο цветок	[Ἀριστοκλέους] ἀστυνό. бык ↰ Посеιδωνίο цветок	Имя астинома оканчивается на «εους».
2545	[Ἀρ]ιστοφῶ[ν] ? [Θασίων]	[Ἀρ]ιστοφ[ῶ | ν] зеркало ← [Θασίων]	
2551	[Γόλαν-] τος	[Κιν]ώ- [λ]ιος	Ошибочное чтение. По IOSPE III, 588 (без илл.) возможен также вариант Κιμώ/λιος.
2552–2553	Α[ἰσχίνο] ἀστ[υνό(μου)] Ποσ[ειδω(νίο)]	Χ[αβρία] ἀστ[υνό круглый щит] Ποσ[ειδω]	
2554	Αἰσχίν[ο] ἀστυν[ό(μου) венок] Φιλοκ[ρά[---]]	Αἰσχίν̣[ο] ἀστυ̣[ό] Φιλο̣κ[ρά. венок ↑]	Имя фабриканта оканчивается на «α».
2560	[Μνήσ]ιος [ἀστ]υνό(μου) гроздь ↑ [Κυλλι]άνι(ος)	[Μνή]σιος [ἀ]σ̣τ̣υνό гроздь ↑ [Κυλι]άνι.	Фото излишне обрезано слева. Лишняя «λ» в имени фабриканта. Того же штемпеля IOSPE III, 5824.
2562	Πολυχ[άρμου канфар] ἀστυνό[μου гроздь] Νουμ[ηνί(ου) Πο(---)]	Πολυχ[άρμου] ἀστυ[νό ↑↑↑] Νουμ[ηνί. vac. Πο.] [канфар, гроздь, колос]	Не указана третья эмблема. См.: IOSPE III, 6476.
2565	[Χαβρία] щит [ἀσ]τυνό(μου) [Ποσ]ειδω(---) КМ 6995/24	[Ἰσοκρίτου] [ἀσ]τυνό венок [Π]οσειδωνί КМ 6995/29	[См.: *Garlan* 2004, Cat. 40].
2568	[---]ς [---]ιου [---]	[ἀστυνόμου] [Ἡρακλ]είδου [τοῦ Μικ]ρίου ↱ [---] [статуя с рогом изобилия]	
2569	[---] [ἀστυ]νό(μου) [---] «Черешневый сад». Ан. м. КМ 6995/12	[Χαβ]ρία [ἀστ]υνό дельфин ↱ [Δαμέα] п. 26. Ан. м. КМ 6995/24	Того же штемпеля [*Garlan* 2004, Cat. 48].
2570	[---]δων [ἀστυ]νό(μου) [---]	[Ποσει]δωνί. [ἀστυν]ό палица ↗ [Καλλισθέ.] гроздь ↑	Повернуть 90° вправо. Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 4819.
2584			См. № 2365.

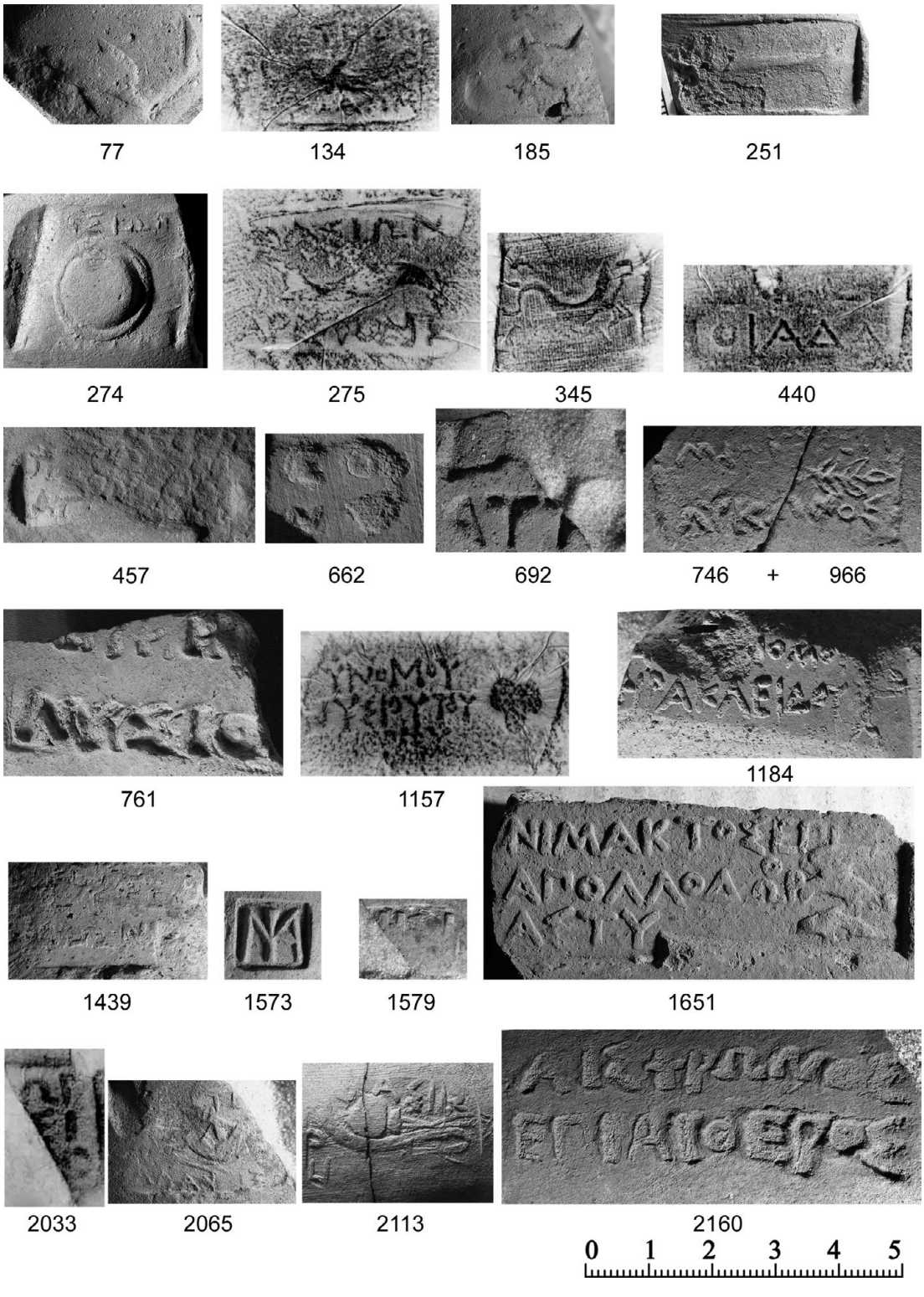


Рис. 1. Амфорные клейма Горгиппии (77–1651) и Семибратнего городища (2033–2160)

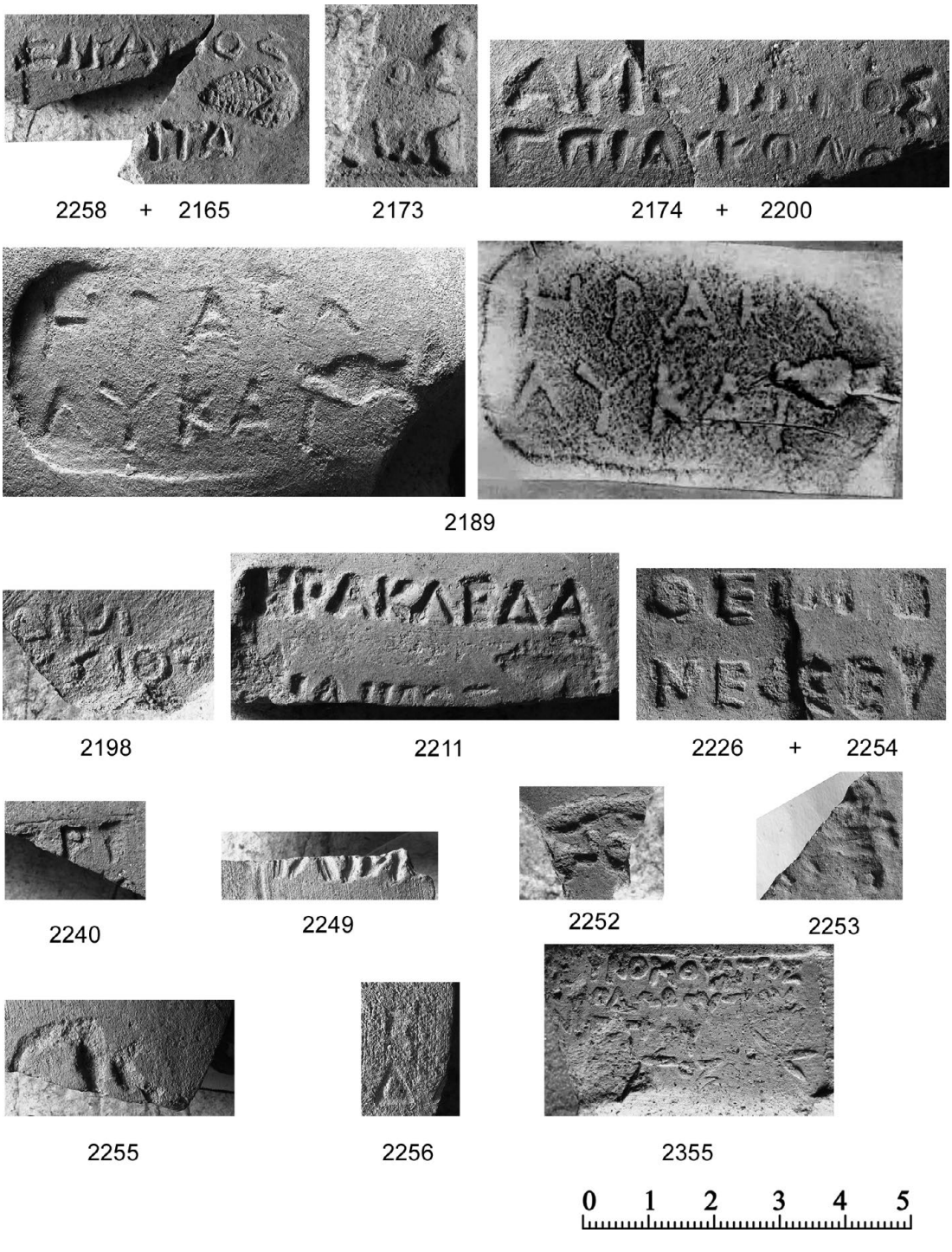


Рис. 2. Амфорные клейма Семибратнего городища (2165–2256)
и поселения “Андреевская щель” (2355)

Список литературы

Б*олонкина* Е. В., *Ефремов* Н. В., *Колесников* А. Б. 2019. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда // АМА. 19, 274–317.

Брашинский И. Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л., 268.

Г*аврилов* А. В. 2011. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) (Археологический альманах. 24). Донецк, 348.

З*егебарт* К. 2002. Археологические данные о торговых связях Гераклеи Понтийской с населением Нижнего Прикубанья (IV–III вв. до н. э.) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 45–55, 201–204.

К*олесников*, 2019. Колесников А. Б. Новые гераклейские магистраты // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. (Боспорские чтения. XX). Симферополь–Керчь, 301–308.

Колтухов С. Г. 2007. Основное погребение Кургана Беш-Оба IV/2 // Древняя Таврика. Симферополь, 193–206.

Коровина А. К. 2002. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 146.

Кутайсов В. А. 2015. Античный город Керкинитида. Saarbrūchen, 400.

Л*омтадзе* Г. А., *Сударев* Н. И. 2010. Исследования на поселении Вышестеблиевская 10 // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М. –Киев, 166–169.

Лосієвскій І. Я., *Бондар* К. В. 2015. Колекція давньогрецкіх керамічних клейм у фондах ХДНБ (Харківська державна наукова бібліотека) імені Б. Г. Короленка. Памятки антічної культури у фондах ХДНБ імени В. Г. Короленка. Харків, 120.

М*онахов* С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.–Саратов, 352.

О*найко* Н. А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. (САИ. Д1–27). М., 119.

П*олин* С. В. 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 776.

С*тоянов* Р. В. 2007. Комплекс керамики второй четверти IV – середины III вв. до н. э. из северо-восточного района Херсонеса Таврическокого // Hyperboreus. Vol. 13. Fasc. 1–2. СПб, 245–282.

Ф*едосеев* Н. Ф. 2009. Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы (Боспорские чтения. X). Керчь, 448–458.

Федосеев Н. Ф. 2016. Коллекция керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Т. 2. Гераклея Понтийская. Керчь, 320.

Ц*ехмистренко* В. *И.* 1960. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 3, 59–77.

Ч*истов* Д. Е. 2006. «Святилище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия // БИ. XIII, 99–133.

Ш*елов* Д. Б. 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н. э. М., 168.

А*καμάτη* I. M. Ενσφράγιστες λαβές αμφορέων από την Αγορά της Πέλλας. Ανασκαφή 1980–1987. Οι ομάδες Παρμενίσκου και Ρόδου. Αθήναι. (Stamped Handles from the Agora at Pella. Excavations 1980–1987) // Βιβλιοθηκη της εν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρείας. ΑΡ. 197, 214–241, 15 σχ., 15 πιν.

Alkaç E., *Cankardeş-Şenol* G. 2016. Amphora mühürleri işiğinda Miletos ve Alexandria ticari ilişkileri (Commercial Relations of Miletus and Alexandria by Means of Amphora Stamps) // Olba. XXIV, 191–216.

Avram A. 1996. Les timbres amphoriques 1. Thasos (Histria. VIII). Bucarest–Paris, 176, XLIV pls.

B*alabanov* P., *Garlan* Y. et *Avram* A. 2016. Les timbres amphoriques Grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'etablissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av. J.-C.) // Pontica XLVIII–XLIX, Suppl. IV, 199.

Bon A.-M., Bon A. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos (École française d' Athènes: Études thasiennes IV). Paris, 538.

Buzoianu, L., *Bărbulescu*, M. 2016. «Amphores de provenance diverse découvertes à AlbeŞti (Depart. de Constantza)» Pontos Euxeinos. Beiträge zur Archäologie und Geschichte des antiken Schwarzmeer- und Balkanraumes, Langenweissbach, 45–56.

C*ancardeş Şenol* G. 2010. Nikandros Group: Matrix Studies on the Amphora Stamps of the Group (Nikandros Grubu: Gruba Ait Amphora Mühürlerinin Kalıp ÇalıŞmaları) // Olba. XVIII, 125–139.

C*ancardeş Şenol* G. 2015. Early Cnidian Amphora Exports to Alexandria, Egypt // Recent Studies on the Archaeology of Anatolia (BAR International Series. 2750), 169–192.

C*ancardeş Şenol* G., *Alkaç* E., *Abdelgawad* M. 2017. The Results of Clay Analysis of Stamped Amphora Handles of Miletus and Rhodian Peraea in Alexandria (Egypt) // Olba. XXV, 297–316.

Conovici N. 1998. Les timbres amphoriques, 2. Sinope (Histria. V (VIII)). Bucarest–Paris, 206, XLVII pls.

G*arlan* Y. 1986. Quelques nouveaux ateliers amphoriques a Thasos // BCH. Suppl. XIII, 201–276.

Garlan Y. 1989. Les abords N.-E. de l'agora de Thasos. 2. Les timbres céramiques (BCH 113/2), 477–480.

Garlan Y. 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens Anciens. Athènes–Paris, 337, XII pls.

Garlan Y. 2004. Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Paris, 310, LXXII pls.

Garlan Y. 2004–2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. 128–129/1, 269–329.

Garlan Y. 2006. Interpretation des timbres amphoriques “à la rou” d’Akanthos // BCH. 130, 263–291.

J*efremow* N., *Snytkó* I. 2004. Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siverson Majak dei Olbia // Münstersche Beiträge z. antiken Handelsgeschichte. XXIII/2, 1–46.

Johnston A. 2015. Stamped Amphora. Willing A. (eds.). Naukratis: Greeks in Egypt (The British Museum). London http://www.britishmuseum.org/naukratis

Jöhrens G. 1986. Zur Herkunft der Amphorenstempel aus dem Heraion von Samos // Recherches sur les amphores grecques (BCH. Suppl. XIII). Paris, 497–503.

Jöhrens G. 2014. Funde aus Milet XXIX. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899–2007, 2. Teil // AA 2, 177–219.

L*awall* M. 1999. Troia und Troas-Aktuelle Ausgrabungen und Umfeld. 2. Troia-Ilion, hellenistische Unterstadt. Studies in Hellenistic Ilion: Transport Amphoras from the Lower City // Studia Troica. 9. Mainz, 187–224.

Lawall M. 2019. Alkanor: Amphora Stamps Beyond the Polis // Analyse et explotation des timbres amphoriques grecs. Rennes, 139–146.

P*anagou* T. M. 2010. Ησφραγίση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων: Κέντρα παραγωγής και συνθετική αξιολόγηση. Τ. Α-Γ: Κείμενο; Κατάλογοι; Εικόνες, πίνακες, χάρτες (Ph. diss. University of Athens). Αθήνα, LII, 474, 394, 55, XIII, 58.

Panes Ch., *Pontes* H. 1998. Stamped Amphora and Lagynos Handles from the 1989–1995 Seasons // Studia Pontica. 8. Mainz, 223–262.

T*zochev* Ch. 2016. Amphora Stamps from Thasos (The Athenian Agora. XXXVII). Princeton, 244.

Электронные ресурсы:

https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid
http://www.amphoralex.org/
https://www.lgpn.ox.ac.uk/online/Searches.html

Summary

A. B. Kolesnikov
Katz V.I. Ceramic stamps of Asian Bosporus. Gorgippia and its chora, Semibratnee settlement: catalog. Saratov: Saratov University Press, 2015. – 180 p.: ill.

The Asian Bosporus was an important region of the ancient world. For a study of its history and economy, such a category of archaeological finds as stamps on amphorae, table vessels and ceramic tiles is of great importance. Just this category of materials the analyzed monograph is devoted to. It offers research 2588 ceramic stamps found in Gorgippia, its chora and in the Semibratneje settlement as well.

The working with originals, stored mainly in museus depots in Anapa and Krasnodar, made it possible to identify a large number of incorrect and inaccurate readings, whose improvements are proposed in this review.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.218-233

А. А. Масленников
(Институт археологи РАН, г. Москва)

Стена на Чокраке[1]

Всякий мало-мальски опытный археолог согласится с тем, что возвращаться на ранее раскопанные памятники, если конечно есть такая возможность, во многих отношениях полезно и даже… приятно. И автор – не исключение.

Не столь уж большое, но по-своему весьма примечательное поселение было раскопано в южной части длинного узкого мыса, вдающегося в Чокракское озеро с юга, почти четверть века назад (рис. 1, 2). И, как казалось тогда, практически полностью. Раскопки, начатые в 1986 г., продолжались в 1988–1991, 1993–1995 под руководством В.Г. Зубарева, затем – в 1998 и 2019–2021 гг. – автора. На площади около 2000 кв. м были открыты хорошо сохранившиеся остатки построек солидного усадебного комплекса, а также культурные напластования и иные объекты, относившиеся не менее чем к трём строительно-хронологическим периодам (видимо, с перерывами), начиная с последней четверти VI и по середину последней четверти I вв. до н. э. (рис. 3). Прежде всего, это двухэтажное центральное здание усадьбы площадью 421,5 кв. м с внешними стенами толщиной до 1,75–1,8 м, сохранившимися высотой до 0,7 м (рис. 3) и сложенными в нижней части в технике двухлицевой трёхслойной орфостатной квадровой кладки из известняковых блоков, обработанных трёхсторонним рустом. Квадры местами крепились между собой с помощью пиронов. Ширина же каменного цоколя строения достигала 2 м. Верхняя часть стен была возведена, вероятно, из сырцовых кирпичей. Здание, несомненно, имело черепичную кровлю и было ориентировано стенами по сторонам света. С запада к нему примыкали жилые и хозяйственные помещения с двориками и ямами. Эти постройки относились в основном к IV–III вв. до н. э. К востоку – располагалась секция помещений I в. до н. э., но прослежены и слои более раннего времени. С юга все эти строения прикрывались солидными (толщиной 2,8 м с востока и 3,2 м с запада) оборонительными стенами. Ещё южнее были выявлены ранние ямы, невысокий земляной вал и оборонительный ров длиной около 90 м при ширине в верхней части до 4 м, представлявший собой (на западе) расширенный и удлиненный естественный овраг-вымоину. То есть вся оборона строилась, исходя из опасности с юга. К северу от усадьбы,

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Причерноморская и Центрально-Азиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрёстке культур и цивилизаций» № НИОКТР 122011200269-4.

Рис. 1. Озеро Чокрак. Аэрофотосъёмка. Внизу по центру – мыс «Южный»

вплоть до оконечности мыса, на поверхности (в направлении с востока на запад) заметны многочисленные параллельные (с промежутком до 7–10 м) прямые валообразные возвышенности высотой 0,2–0,3 м и шириной до 1 м, явно искусственного происхождения. Аналогичные «валики» имеют место и в юго-западной части мыса, на расстоянии примерно до 100 м от раскопанной «усадьбы». Все они, вероятнее всего, представляют собой следы древних землеустроительных работ: стенки-оградки на виноградниках, «траншеи» и «межи» огородов или садов. Сопутствовавший при их частичных раскопках и зачистках в береговых обрывах материал относится к IV–III вв. до н. э. В северо-западной части основного раскопа в верхнем горизонте слоя, образовавшегося после гибели античного поселения, встречались фрагменты средневековой керамики и были обнаружены два средневековых захоронения, в том числе в хозяйственных ямах античного времени, переделанных в подобие подбойных могил. Материалы этих раскопок неоднократно публиковались [*Масленников* 1998, 111–114; 2010, 14–20 и др.].

Следует отметить, что остальная поверхность южной части мыса несколько десятилетий назад была снивелирована при строительстве дамбы озера-ставка. Впрочем, геофизическая съёмка, неоднократно проводившаяся на всём этом памятнике, как будто бы показала наличие здесь, по крайней мере, ям [*Смекалова* 2007, 302–329; *Смекалова*

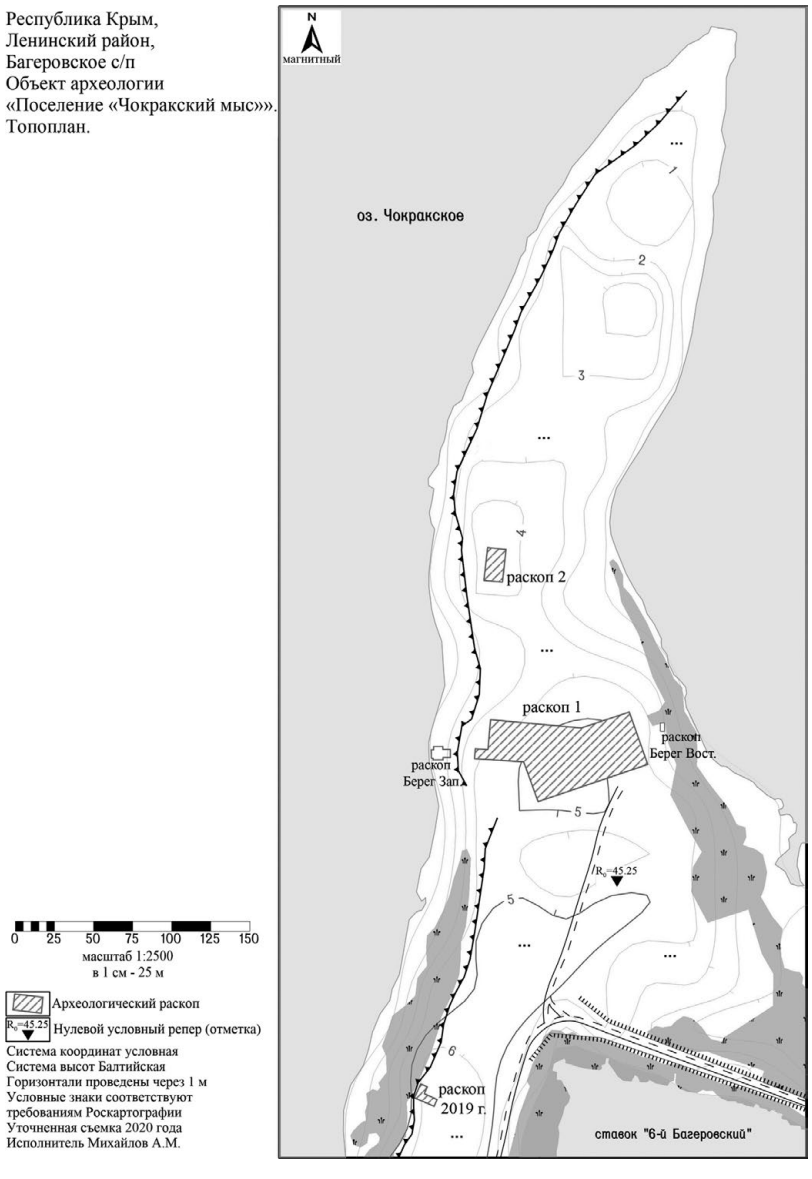


Рис. 2. Чокракский мыс и античное поселение на нём. Топографический план

и др. 2020, 291–306]. А в 180 м к югу, юго-западу от основного раскопа на площади 100 кв. м были открыты остатки построек IV–III вв. до н. э., предположительно хозяйственно-производственного назначения. Наконец, на мысу и вблизи него по берегам Чокракского озера помимо античного встречался подъемный материал от каменного века до нового времени [*Мацкевой* 1977, 108; *Гаврилов* 2017; *Клемешова* 2021].

Но обратимся, наконец, к предмету нашего нынешнего интереса. При очередном осмотре западного склона мыса в 2019 г. и в начале сезона 2020 г., непосредственно под основным старым раскопом, почти у берега озера наше внимание привлекло плотное скопление камней в грунте осыпи, которое располагалось как бы в «трассе» раскопанного наверху

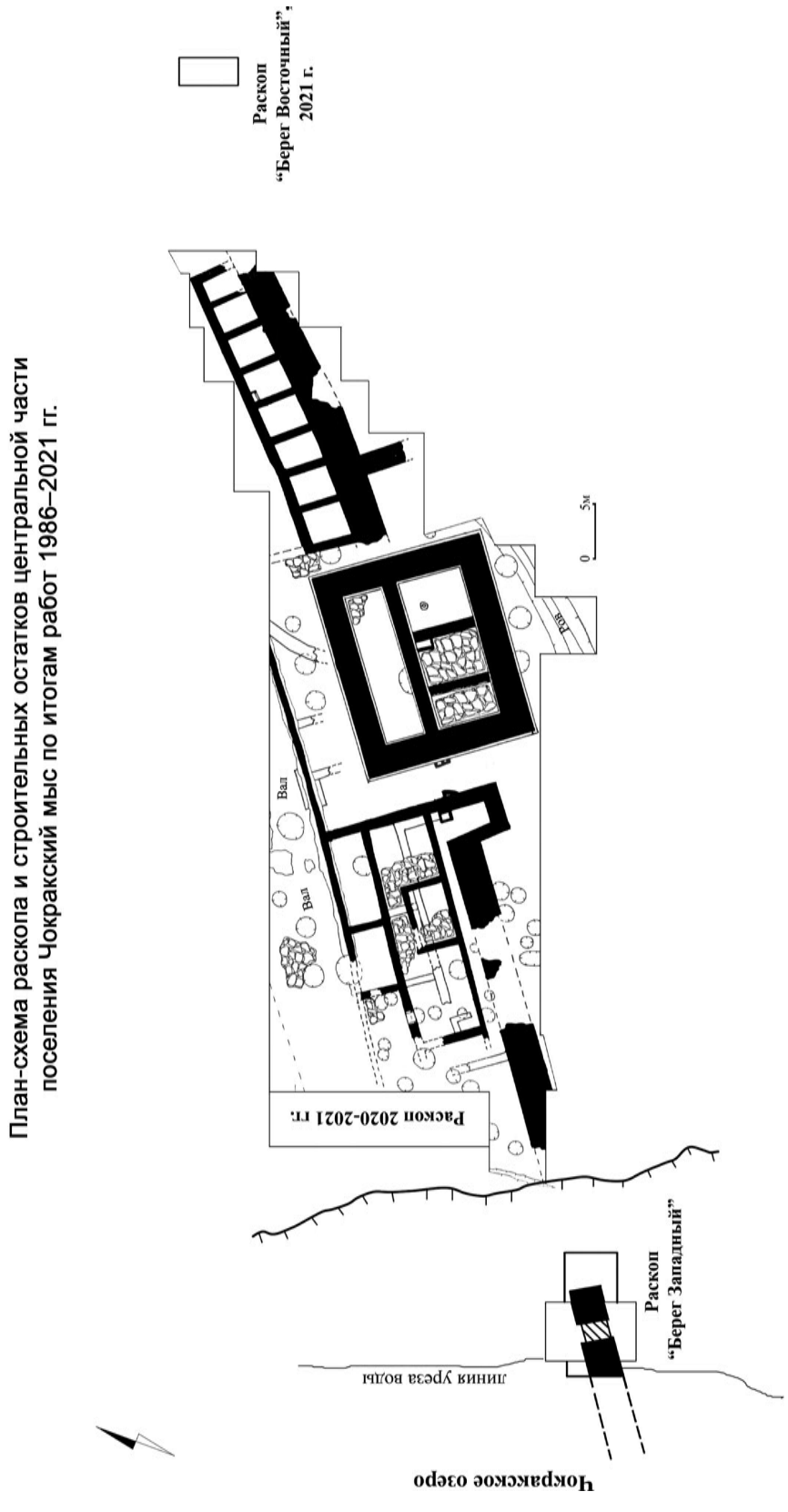


Рис. 3. Схема раскопов и строительных остатков на поселении Чокракский мыс

Рис. 4. Раскоп «Стена, западный склон». Общий вид, фото с дрона

упомянутого участка оборонительной стены. Вместе с тем, камни лежали всё-таки дальше к западу, чем это могло бы иметь место, будь они всего лишь свалившимися сверху. Соответствующие раскопки в итоге выявили тут остатки солидной стены и участки непотревоженного осыпью и размывами культурного слоя, о которых речь и пойдёт ниже (рис. 3–9).

Стратиграфия прокопанных напластований в районе стены оказалась достаточно сложной (мощность их, включая и чисто геологические слои, составляла от 0,3–0,35 м (на западе) до 1,7/1,8–2,2 м (в центре и на востоке), отражая не только специфику склона, но и целый ряд локальных геолого-морфологических особенностей и даже феноменов, достойных отдельного рассмотрения. Скажем лишь, что стена строилась тут явно с учетом и того, и другого. Внешне, кроме упомянутого развала крупных камней, она до наших работ ничем о себе не свидетельствовала. В раскопанном же, насколько это позволили природные обстоятельства, состоянии стена представляла собой достаточно аккуратное сооружение в технике иррегулярной, двухрядной, трёхслойной кладки из относительно крупных (0,72×0,38×0,46 м; 0,84×0,5×0,28 м и т. п.), в некоторых случаях обколотых или даже частично обработанных камней местного известняка, уложенных наиболее ровными (плоскими) «гранями» наружу в кладке фасов стены, в закладе калитки, а также в оформлении её входа с севера (торцовые части основной стены). В основном же это средние (0,34×0,42×0,56 м; 0,44×0,31×0,38 м и т. п.) необработанные и мелкие камни. В качестве связующего использовался раствор земли и светло-коричневой глины. Выявленная «доподлинно», т. е. на суше длина стены (в направлении почти точно с запада на восток) составляет около 7 м. Ширина 2,3–2,4 м. Сохранившаяся высота 0,52–0,72 м (на востоке), 0,96–1,2 м (в центре), около 0,22–0,46 м (на западе) и 0,55, 0,68 и 0,72 м (по восточному её торцу). В районе заложенной калитки толщина

Рис. 5. Раскоп «Стена, западный склон». Общий вид с запада

Рис. 6. То же. Ближний план

стены 1,52–1,56 м, а высота около 0,7–0,96 м. Фасы (без учета района калитки) относительно ровные и вертикальные (рис. 5–9). Большой разницы в их внешнем виде и характере материала на севере, юге и даже востоке (торец) нет. Щели между камнями снаружи в пределах 0,03–0,06 м и частично были заложены щебнем и глиной. Внутри камни уложены менее плотно. Верхние камни находились, что естественно в условиях склона, на разных глубинах от 0,05–0,15 м (на западе) до 0,7–0,89 м (в восточной части раскопа). Основание стены располагалось относительно ровно с небольшим, но заметным общим уклоном к западу. Но на крайнем восточном участке, на протяжении примерно полутора метров, этот уклон был более выражен. В целом же соответствующий перепад «высот» достигал 0,8 м. В восточной части стены (почти до калитки) её основание лежит на достаточно толстом (до 0,4–0,45 м) слое тёмно-серого, рыхлого и влажного грунта с включением фрагментов керамики, отдельных костей животных и раковин моллюсков. Западнее – на относительно тонком (до 0,08 м) «горизонте» такого же грунта. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что собственно кладка торцовой части стены примыкала к специально немного (на 0,22 м) заглублённому и почти вертикально «подрезанному» материковому грунту: сначала плотному глинистому, затем ещё более твёрдой (коренной) материковой породе (галька со щебнем). По центру стены и отчасти западнее её основание помещалось как будто бы на слое плотной сырой супеси. Ещё западнее (фактически под слоем воды, грязи и ила озера) – на плотной, вязкой сырой и серой глине. Цоколь стены, как таковой, даже с внешней (южной) стороны, не выделяется. Но в районе её торца на востоке (подчеркнём, это именно специально выложенный торец стены, а не её сохранившаяся после развала или выборки часть) камни нижнего ряда особенно по центру немного (до 0,14–0,16 м) выдвинуты вперёд (т. е., к востоку). В 2,0–2,1 м от восточного угла стены в ней выделялся аккуратно и плотно заложенный проход (калитка) шириной в среднем 1,2 м (рис. 7, 8). Торцовые камни угла стены с внутренней стороны (вход в калитку с севера) заметно стёсаны, как бы «закруглены». Уровень основания этого заклада (характер камней тот же в принципе, что и у стены, но внизу использован один прямоугольный обработанный блок, порог?) немного (до 0,15 м) выше, чем у сопредельных участков стены. При этом калитка была заложена почти «под лицо» с внешней (южной) стороны, а с внутренней – с «проёмом» глубиной 0,52–0,56 м. Порог или нечто в этом роде тут отсутствовал, но с севера именно сюда подходил относительно ровный слой (до 0,15 м толщиной) очень плотной супеси и мелкого щебня с включением мелких же фрагментов керамики и раковин (т. н. вымостка-трамбовка или дорога?) шириной не менее 2 м (рис. 7). Она частично была прокопана.

На этом собственно археологические изыскания в районе стены можно посчитать завершёнными. Действительно: к востоку, вверх по очень крутому склону мыса она явно не продолжалась и, следовательно, с оборонительной стеной на мысу не соединялась. Геофизические измерения (магнитометрическая разведка С. Л. Смекалов) и предварительные промеры щупом показали, что к западу (в озеро) стена следовала ещё не менее чем на 10–16 м, а, может быть, и до 30 м на глубине от 0,01 м до 1,5 м. Но это уже собственно и не полевая, и (учитывая специфику Чокракского озера) не подводная археология…

Логично было бы предположить, что нечто подобное (стена) имело место и на восточном, гораздо более пологом и протяжённом склоне мыса, продолжая тем самым соответствующую часть выше описанных укреплений усадьбы. Неоднократные осмотры

Рис. 7. Раскоп «Стена, западный склон». Вид с севера (по центру – заложенная «калитка» и примыкающий к ней участок «трамбовки»)

и геофизическая разведка явных признаков таковой не выявили, но зачистка плотного скопления больших камней у самого края склона, в густых зарослях камыша показала наличие очевидных остатков (торца) некоей кладки шириной 2,8 м, причем именно в том направлении, что и ожидалось (рис. 11). Уточним при этом, что здесь, в отличие от противоположного склона, у основания мыса ещё несколько десятилетий назад располагалось русло небольшой речушки, впадавшей в озеро и ныне перегороженной упомянутой выше плотиной. Не исключено, что эта «особенность» существовала и в древности и как-то учитывалась строителями усадьбы. Полную характеристику данного объекта (восточной стены) мы пока представить не можем. Тем не менее, некоторые рассуждения «общего плана» уже представляются не лишними.

Итак, мы имеем дело с неким весьма значительным и в то же время загадочным новым объектом на ранее исследованном памятнике. И первое из только что сказанного, обусловливается несколькими обстоятельствами, вернее, вопросами. Во-первых, полные размеры уже раскопанной (западной) стены. Во-вторых, её датировка. В-третьих, назначение. В четвертых… Впрочем, и этого в данном случае достаточно.

Как только что было отмечено, подлинная длина стены, в отличие от её ширины, остаётся не ясной. В любом случае, она составляет, как минимум, 17–23 м, а как максимум – где-то за 32 м. Напомним, протяжённость прослеженной (первоначально, наверняка, несколько, но не очень сильно больше) оборонительной стены усадьбы наверху мыса равняется соответственно: около 33 м (западный участок) и 32 м (восточный).

Рис. 8. Раскоп «Стена, западный склон». План

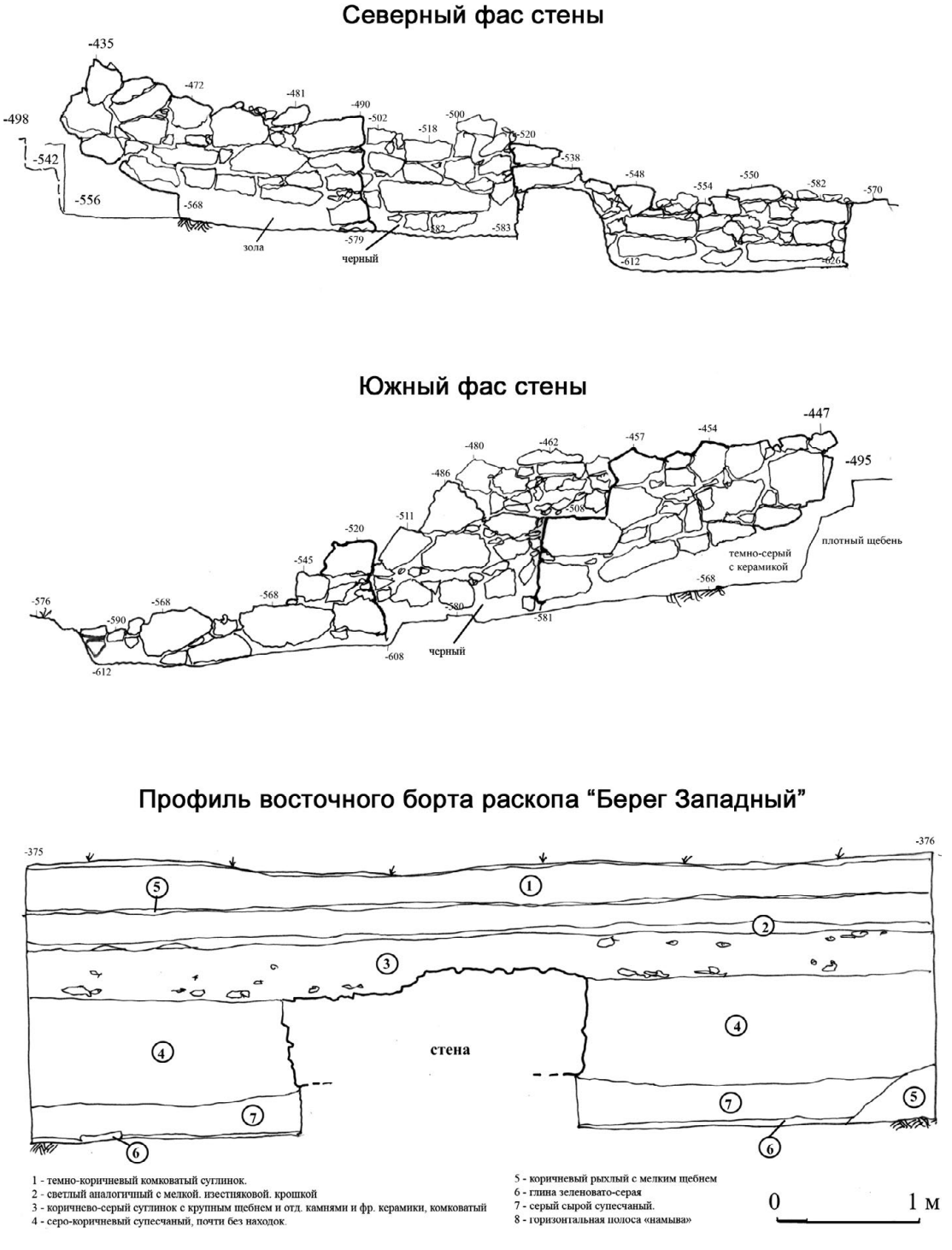


Рис. 9. Раскоп «Стена, западный склон».
Фасы стен и профиль восточного борта раскопа 2020 г.

Не менее сложен и второй вопрос. Стратиграфически стена нигде не перекрыта напластованиями позднее позднеклассического – раннеэллинистического времени. Во всяком случае, как это имеет место «наверху», слоем и строениями I в. до н. э. Нет даже отдельных находок этого периода. А что же есть? Есть, как говорилось выше, некий слой однородного грунта, подстилающий стену в её восточной части и на непосредственно примыкающем к ней там же с юга и севера пространстве. Культурные напластования прослежены также над развалом стены и в меньшей степени – ещё выше. Но они в данном случае для нас менее интересны и значимы. Остановимся на характеристике соответствующих находок (рис. 10). Прежде всего, это амфорный бой. Судя по профильным частям, «картина» представляется такая. В разных, но не сильно различающихся пропорциях представлены следующие центры: Хиос, Менда, Гераклея, Синопа, Фасос, вероятно, Книд и Пепарет. Уверенно судить о морфологических характеристиках этой тары ввиду фрагментарности и немногочисленности её профильных обломков сложно. Тем не менее, это амфоры Хиоса с прямым горлом и «прото-колпачковой» ножкой, варианта V-A по С. Ю. Монахову [2003, 21–24, табл. 10, 11] конца V – начала следующего века до н. э. и, по всей видимости, с «колпачковой» ножкой варианта V-B [*там же*, табл. 11, 12] первой –третьей четверти IV в. до н. э.

Менда: варианты II-A и II-B, может быть, II–C [*Монахов* 2003, 95, табл. 62–66] конц f V – третьей четверти IV вв. до н. э.

Книд (с грибовидным венцом): второй – третьей четверти или даже конеца IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 110, табл. 71].

О прочих говорить ещё труднее, но, наверняка, это в основном IV-й, возможно, самое начало III-го в. до н. э.

Особо выделим амфорные клейма. Их три: синопское (310–300 гг. до н. э.) и два гераклейских (360–350 гг. до н. э.)[2]. Остальная посуда (несколько фрагментов венчиков, ручек, донцев и стенок красноглиняных кувшинов, край красноглиняной миски, отдельные стенки и венчик лепных сосудов) во всех отношениях малопримечательна. Исключение: развал глубокой чернолаковой миски с сильно загнутым внутрь острым краем (лак тусклый, глина тёмно-красная без видимых включений (рис. 10. *5*) [*Rotroff* 1997, 341, fig. 63, nos. 1000–1001; *Егорова* 2009, 121, № 319: 290–275 гг. до н. э.]; маленький обломок каннелированного тулова чернолакового канфара с граффито (?) (такой способ декорирования столовой посуды получает распространение в нашем регионе, как известно, с конца IV в. до н. э. [*Егорова* 2009, 27); край другого красноглиняного чернолакового канфара классической серии с тонким формованным венчиком [*Егорова* 2009, 90–91, № 71, 72: начало III в. до н. э.] и части дна ещё одного чрнолакового же канфара. Упомянем ещё с десяток разных костей животных, примерно столько же крупных раковин устриц и отдельные куски печины. Попутно особо отметим обнаруженный при зачистке камней стены в её западной части бронзовый втульчатый трёхлопастной наконечник стрелки, характерный для соответствующего набора IV–III вв. до н. э. Какая бы ни была датировка этого слоя, подчеркнём, что ни по характеру грунта, ни по находкам в нём он не являлся зольно-мусорным, то есть, просто сброшенным с обрыва мыса. Вероятнее

[2] Определены к. и.н. А. В. Ковальчук, которой выражаю искреннюю благодарность.

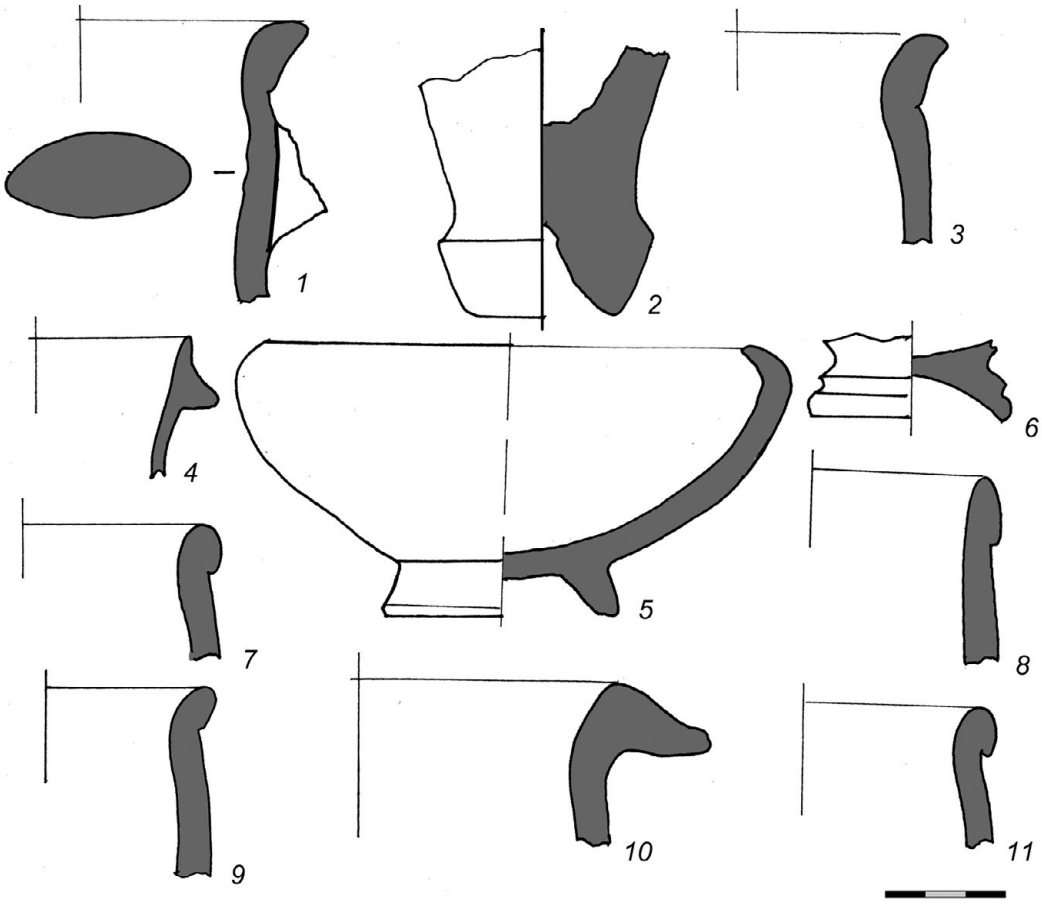


Рис. 10. Раскоп «Стена, западный склон». Находки из слоя, предшествовавшего строительству и/или бытованию стены

всего, данный слой сформировался тут, на месте, у его подножья и не был окончательно размыт озером. И это весьма важный момент для последующих рассуждений.

Таким образом, *terminus post quem* строительства стены: скорее всего, начало (в пределах первой трети) III в. до н. э. Но это только, так сказать, её нижняя (ранняя) дата. Но возможна и более «верхняя», поздняя. Ведь, строго говоря, стена могла появиться на вышеупомянутом слое и через весьма продолжительный период. Тем более, что факт почти полного временного запустения всего усадебного комплекса, как будто бы, засвидетельствован археологически [*Масленников* 2010, 17–20]. В этой связи достойно внимания, что восточный участок оборонительной стены усадьбы, построенный не ранее начала второй половины I в. до н. э., по своим характеристикам (ширина около 2,8 м, использование во внешних рядах кладки, главным образом, относительно небольших и далеко не всегда плоских камней, не слишком плотная забутовка, отсутствие цоколя) гораздо более походит на вновь открытую стену, нежели на западный участок основных укреплений усадьбы на верху мыса. Впрочем, не будем торопиться с этими выводами и тем более их возможной интерпретацией, хотя таковая как бы и напрашивается, по крайней мере, до полного исследования стены на восточном склоне мыса.

Рис. 11. Восточный склон мыса. Зачистка выхода камней стены. Вид с востока

Ещё труднее пока ответить на третий вопрос. Казалось бы, всё ясно: это нижний участок оборонительной стены усадьбы. Но, как ни странно, это не единственно возможная интерпретация. Есть мнение, что это пристань (мол), от которой в полутора-двух десятках метров к югу действительно имелся естественный (?), более или менее пологий подъём (вспомним про овраг-вымоину, переходившую в ров) к главному входу – воротам усадьбы. Пример такого рода сооружений в Приазовье хорошо известен: мол около усадебного комплекса Казантип-западный [*Масленников* 2010, 213–215, рис. 193–195]. Он был прослежен в длину на 13,5 м (от «коренной» суши до скалы-островка) при ширине 3,3 м и сохранившейся высоте до 1,4 м. Нечто подобное предположительно имеет место и в западной части мыса Зюк. Наверняка искусственные причалы существовали близ городищ Генеральское-Западное, соседнего – «Юго-западный склон» и некоторых других. Правда, в нашей стене, что в рассматриваемом «варианте» совсем некстати, имелся проход-калитка, через которую прыгать и тем более с грузом, было бы как-то «не с руки». Да и относительно судоходства на Чокракском озере в древности есть сильнейшие сомнения, но…

Ещё более смелое, если ни сказать фантастическое, предположение вытекает как раз из только что сказанного. По озеру и тогда не плавали, а вот целебную грязь и соль добывали. И эта «стена» служила своего рода дорогой, по которой было удобно доставать и то, и другое, используя потом на месте или отправляя куда следует. Причем в большом объёме. А что? Ещё Плиний Старший писал: «На Таврическом полуострове в *городе* (скорее, здесь слово *civitate* следует переводить, как община, посёлок, населённой пункт.– А.М.) Парасин есть земля (terra), с помощью которой излечиваются любые раны» (*Plin*. NH. II. 210; перевод Б. А. Старостина)[3]. Точно местоположение этого

[3] Плиний Старший. Естественная история. Т. 1. Античная библиотека. Латинская серия. Т. III. Под ред. А. В. Подосинова. М., 2021.

«города» и добычи земли-грязи он не называет. Все комментаторы склоняются к тому, что и Плиний, и, скорее всего, Клавдий Птолемей (III. 6, 5 – «город» Пароста) имели в виду район современного Сакского озера с его давно и широко известными грязевыми целебными источниками. Но среди таковых вполне могло быть и Чокракское озеро. Про более позднее время, особенно конец XIX – начало XX веков, свидетельства этого прекрасно засвидетельствованы. Да и по своим лечебным качествам, по мнению всех современных специалистов, грязи с Чокрака ничем не уступают Сакским. А значит, должны были формироваться схожим образом, при тех же условиях и за такое же примерно время. То есть довольно давно, в условиях мелководья, при подпитке водой, как из моря (морей?), так и окрестных минерализованных источников и т. п. Следовательно, Чокракское озеро уже в глубокой древности не было судоходным заливом и… пристань (как и «дорога»), да опять-таки ж с этой «досадной» калиткой, местным обитателям была не нужна. Но обо всем этом, а равно и современном состоянии грязелечения на Чокракском озере любопытствующий читатель без труда прочтёт в любой относящейся к Восточному Крыму туристской рекламе, да и сам может запросто, а, главное, пока ещё «задарма», вымазаться с ног до головы при соответствующем вояже. Известно даже, по крайней мере, две (в том числе совсем недавняя) попытки строительства к озеру специальной дороги… Что до соли, то о её добычи в Крыму писал ещё Страбон (*Strab*. VII. 4, 7), а непосредственно к соляному промыслу в окрестностях Керчи, в том числе, по-видимому, и на Чокракском озере, был причастен незабвенный Поль Дюбрюкс – «отец» российской античноскифской полевой археологии [*Тункина* 2002, 146–147]. Таковая (добыча соли) ещё велась тут вплоть до Великой Отечественной войны.

Итак, первый вариант интерпретации данной постройки представляется всё же предпочтительнее, хотя и тут есть и сомнения, и вопросы. Прежде всего: её размеры и связь с укреплениями на мысу. Строго говоря, они различаются по некоторым параметрам, хотя, как отмечалось в самом начале статьи, их трассы и совпадают. Западный участок оборонительной стены собственно усадьбы несколько шире (2,80–3 м) и, по крайней мере, у основания был сложен в основном из больших и очень больших относительно плоских известняковых глыб, куда более солидных, чем камни интересующей нас постройки. Завершение её у края мыса не сохранилось, но нет никаких оснований, утверждать, что обе стены соединялись напрямую: крутой склон мог быть просто специально сделан ещё более отвесным. А вот непомерная с современной точки зрения длина раскопанной нами стены …Какой бы в итоге она не оказалась, совершенно очевидно, что большая её часть в настоящее время скрыта под грязью, илом и соляным раствором озера. Но ведь это настоящая кладка, а не некие клети-решётки, заполненные камнями, как это имеет место с изначально подводными участками подлинно морских и речных причалов. А значит, согласно самым элементарным правилам строительства, тем более фортификационного (а древние греки и римляне их очень даже хорошо знали и учитывали) камни основания стен старались укладывать на возможно более твёрдые и прочные «коренные» породы или слои, для чего рыли специальные траншеи-фундаменты и т. п. Всё это сделать не только под водой, но и на топком месте было просто невозможно, тем более силами жителей пусть и большой, но всё-таки одной усадьбы, даже при самых благоприятных условиях, включая наличие подсобной рабочей силы, временный отвод воды и т. п. Значит, в момент

строительства стены здесь со всей очевидностью была суша, да ещё какая «сухая» и… протяжённая! (В настоящее время ширина местного твёрдого пляжа не превышает здесь 5 м. Разумеется, лето 2021 г. – вообще редкое исключение: волны озера плескались у самого основания мыса!) Допустив упомянутую выше протяжённость стены, получим некое предназначенное для защиты пространство «нижней террасы» во много раз шире современного. И как тогда оно использовалось? Конечно, фланкировать оборону усадьбы было вполне разумно, отсекая её по суше с юга «от моря до моря». Но зачем? Выше уже писалось, что собственно застройки усадьбы занимала относительно небольшую площадь в самой возвышенной части мыса, примерно: 90×15–20 м. Всё остальное – возделанные угодья: сады, виноградники, огороды. Они, конечно, и сами по себе имели большую ценность для её обитателей. Но могли также служить местом укрытия и убежища для скота и окрестного населения, если таковое было. Правда, всё это имело место, как уже говорилось, скорее в IV – начале III вв. до н. э., нежели во второй половине I в. до н. э. Хотя…? Так что, сомнения в целесообразности и возможности защиты этой территории остаются.

Разумеется, почти всё, что касается наших «стратегических» размышлений – не более, чем домыслы. Нам не постичь в полной мере ни замыслов, ни логику поступков (и тем более вызвавших их обстоятельств) обитателей этой боспорской усадьбы-крепости. Одно ясно: окружающий ландшафт был тогда иным. Совершенно очевидно, что в какой-то период античной эпохи уровень этого озера, а, может быть, морского залива был существенно ниже современного, что само по себе уже примечательно, но ставит дополнительные вопросы. (Как же тогда плавали?). Подтверждают это и находки раковин устриц, которые никак не могли обитать в нынешних условиях. Но, видимо, к I в. до н. э. уровень озера (залива?) и его «соляной режим» изменились. Часть территории поселения, возможно, располагавшаяся у подножья мыса, как с востока, так и с запада, была затоплена и частично разрушена в результате абразии берегов. Впрочем, не исключено, что процесс этот имел «обратный вектор», и тогда… всё было наоборот. Есть и другие, выявленные нашими недавними раскопками наблюдения и обстоятельства, которые ещё более запутывают здешнюю палеоэкологическую картину. Но это уже совсем другая история…

Список литературы

В*еселов* В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Suppl. II). М., 264.

Г*аврилов* К. Н. 2017. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района Республики Крым в 2016 г. // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 53165.

Д*ирин* А. А. 1896. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. XIX, 126 сл.

Е*горова* Т. В. 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 254.

К*лемешова* М. Е. 2021. Отчет Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН за 2020 г. // Научный архив ИА РАН.

Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 300.

М*асленников* А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 302.

Масленников А. А. 2010. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Том 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 244.

Мацкевой Л. Г. 1977. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 180.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. М. –Саратов, 352.

С*мекалова* Т. Н. 2007. Система античного землеустройства в районе Крымского Приазовья // ДБ. 11, 302–329.

Смекалова Т. Н., *Масленников* А. А., *Фридрихсон* С. К., *Гаврилюк* А. Н., *Живанюк* И. А. 2020. Результаты археолого-геофизических исследований поселения Чокракский мыс // ИИАК. XIII. Симферополь, 291–306.

Т*унькина* И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.) СПб, 676.

Summary

A. A. Maslennikov

The Wall on the Chokrak

In 2020–2021 in the cliff of the western shore of the cape, located in the southern part of Chokrak lake, in close proximity to the old excavation of a large antique estate of the 4th-1st centuries BC remains of a solid wall were found. It had a width of up to 2,4 m and was traced in length towards the lake no less than 23 m, most likely even more. According to the few accompanying finds, the time of its construction can be attributed to the very beginning of the III century BC. Apparently, it was a continuation of the fortifications of the estate on the lower (western) terrace of the cape, which is now almost completely flooded by the lake. It is possible that it was somehow connected with the extraction of salt and therapeutic mud in ancient times. In any case, this is a weighty reason for further paleogeographic and archaeological research.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.234-242

М. Ю. Меньшиков
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Античные впускные погребения «кургана» Султановка 1 (Керченский полуостров)

В ходе спасательных археологических работ в 2017 г. отрядом Крымской Новостроечной Археологической экспедиции ИА РАН под руководством И. В. Рукавишниковой и М. Ю. Меньшикова был исследован интересный археологический памятник – «курган Султановка 1»[1]. Памятник расположен на территории Ленинского района Республики Крым, в 1,12 км к северо-востоку от АЗС в с. Горностаевка[2] (рис. 1). Площадь памятника частично попадала в пределы расположенного рядом поселения Султановка 1, которое также было исследовано в ходе раскопок в 2017 г. (рис. 2). Поверхность памятника была плотно задернована и поросла полевым разнотравьем. Всхолмление не имело видимых повреждений. Визуально участок, на котором расположен памятник, возвышался над неровным окружающим рельефом примерно на 2,5 м; диаметр составил около 80 м. Северо-восточная часть исследуемой территории имела выраженное понижение дневной поверхности в сторону низменности, по которой протекает безымянный ручей.

В ходе снятия верхнего дернового слоя стало понятным, что «курган» представляет собой природный скальный останец, который покрыт небольшим слоем почвы: в верхней центральной части слой почвы имел мощность до 25 см, в районе подошвы до 60 см. На протяжении XX в. территория исследования распахивалась. Из-за особенностей рельефа наиболее интенсивно распашке была подвержена южная и западная более пологие части памятника, северо-восточная сохранилась лучше.

На наиболее хорошо сохранившейся северо-восточной части холма удалось расчистить остатки кромлеха, который практически полностью был спахан на других участках (рис. 3). Кромлех состоял из камней фракцией до 35–40 см, которые лежали в один-три ряда. Реконструируемый диаметр по внутреннему краю – до 23–24 м, по внешнему – до 28–29 м. С севера прослежено ответвление кладки, возможно выполнявшее функцию вымощенного камнем прохода к кургану и центральному погребению.

[1] В ходе работ уже в поле документация на памятник неоднократно уточнялась, поэтому по официальной документации памятник имел также следующие названия: «№ 1062 (уч.№ 1239)» и «Курган "Курган" уч. 3292, пос. Султановка 1».

[2] В 0,358 км к северо-востоку перекрестка ул. Танкистов и ул. Школьная, на южном отроге естественной гряды, вытянувшейся по линии запад – восток.

Рис. 1. Расположение памятника на карте Крыма

Кромлех, вероятно, связан с самым ранним центральным погребением эпохи поздней бронзы.

В античное время холм также использовался для совершения погребений и ритуальных действий. С этим периодом связаны многочисленные фрагменты амфор, вероятно, использованные для тризн и обнаруженные на камнях кромлеха эпохи бронзы; два погребения (№ 1 и 3), а также объекты 4 и 6, назначение которых сложно интерпретировать однозначно.

Погребение 1 (рис. 4). Погребение было совершено в каменном ящике из известняковых плит размерами 3,3×1,3 м и ориентированном по линии юго-запад – северо-восток, расположенном в шести метрах к северо-западу от центра «кургана». При исследовании каменного ящика было расчищено погребение подростка 13–14 лет, лежащего вытянуто на спине, головой на юго-запад. Скелет очень плохой сохранности, инвентарь погребения представлен сильно фрагментированным скифским зеркалом, чернолаковым *болсалом*, стоявшим с правой стороны у головы погребенного, у правого колена обнаружена терракотовая фигурка, возможно, она находилась в руке в момент погребения (рис. 5). Погребение подвергалось ограблению, о чем свидетельствуют находки фрагментов зеркала и *болсала* за пределами каменного ящика. Кроме того, за его пределами было найдено три глазчатые бусины и одна миниатюрная из простого стекла, очевидно, также входившие в состав погребального инвентаря. В целом погребение может быть датировано первой половиной IV в. до н. э.

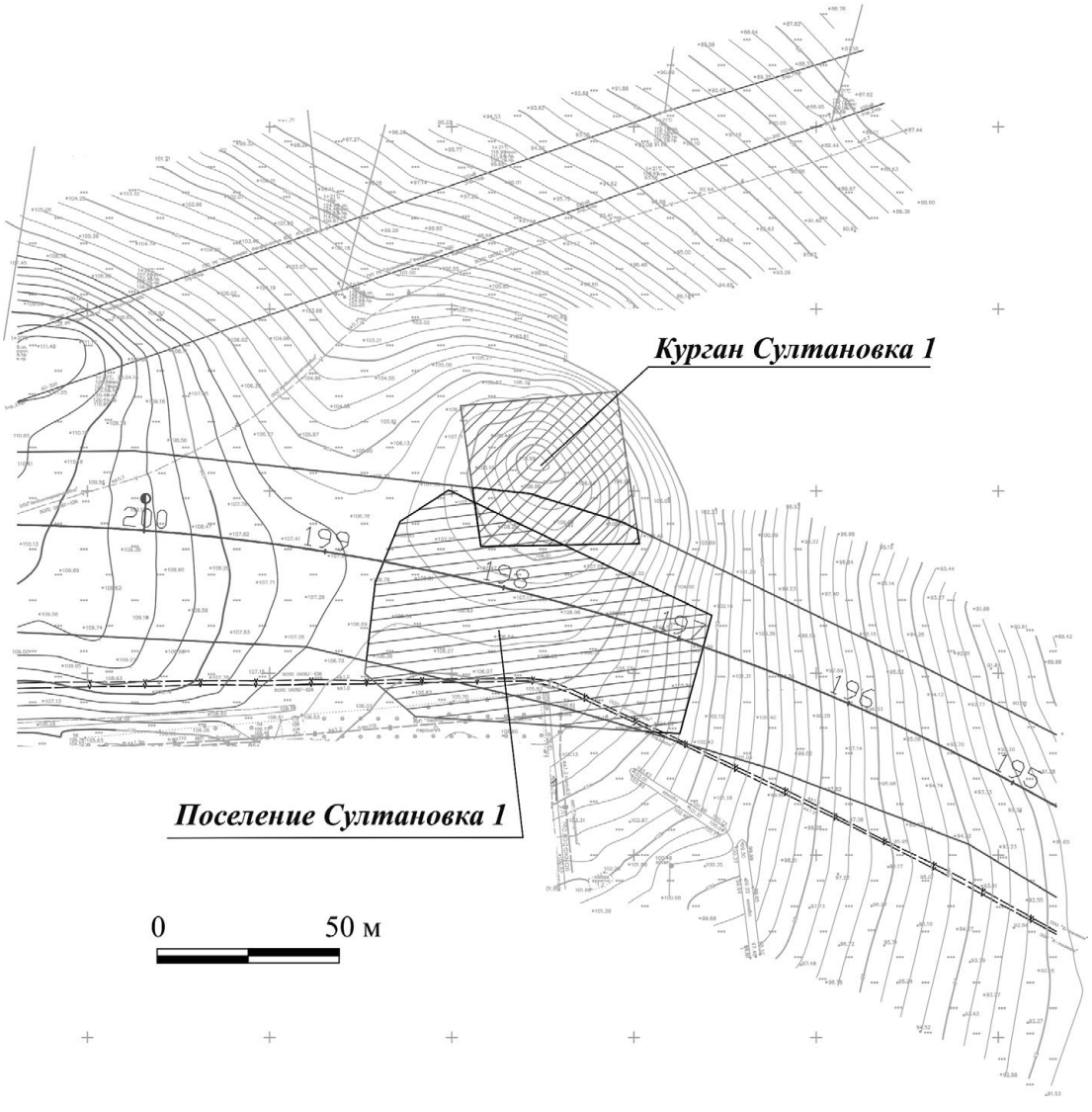


Рис. 2. Топография территории памятника

Погребение 3 (рис. 6). В 2,35 м к юго-западу от центра кургана был обнаружен каменный ящик размерами 0,9×0,67 м, ориентированный по линии юго-запад – северо-восток. В ящике исследовано погребение ребенка 2–3 лет. Погребение безынвентарное, сохранился лишь череп и потревоженные бедренные (?) кости. Предположительно погребенный лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. Датировка захоронения затруднительна, но ориентировка и особенности погребального сооружения позволяют считать его синхронным погребению 1.

Объект 4. Каменный заклад, расположенный в 20 м к юго-востоку от центра кургана. Размеры 1,44×1,06 м (рис. 3). С северо-западной стороны заклада найдены фрагменты амфоры гераклейского типа. Первоначально был принят за погребение, но при исследовании заполнения не было обнаружено остатков погребенного, как и сколь-либо

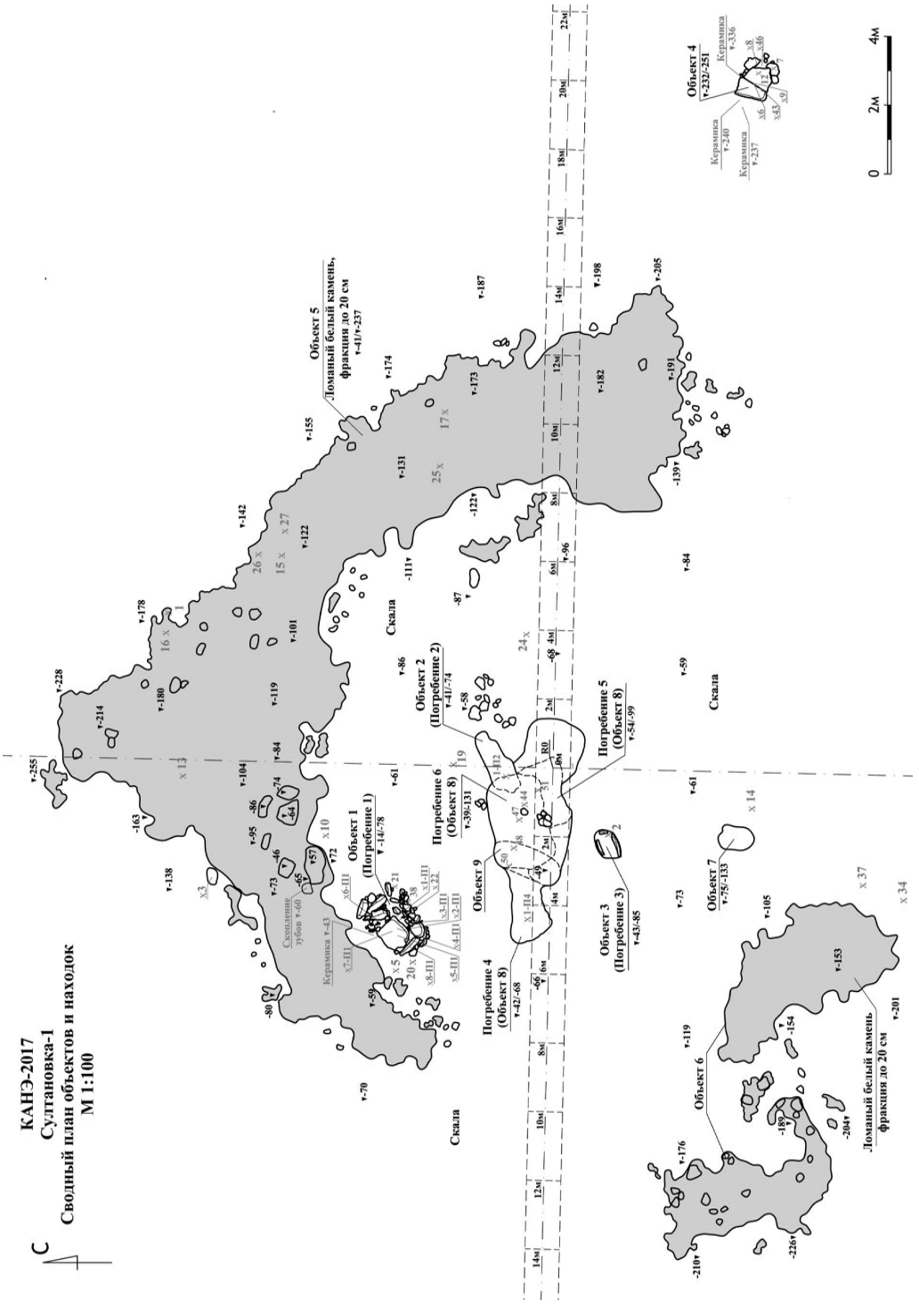


Рис. 3. Сводный план объектов и находок после снятия почвенного слоя

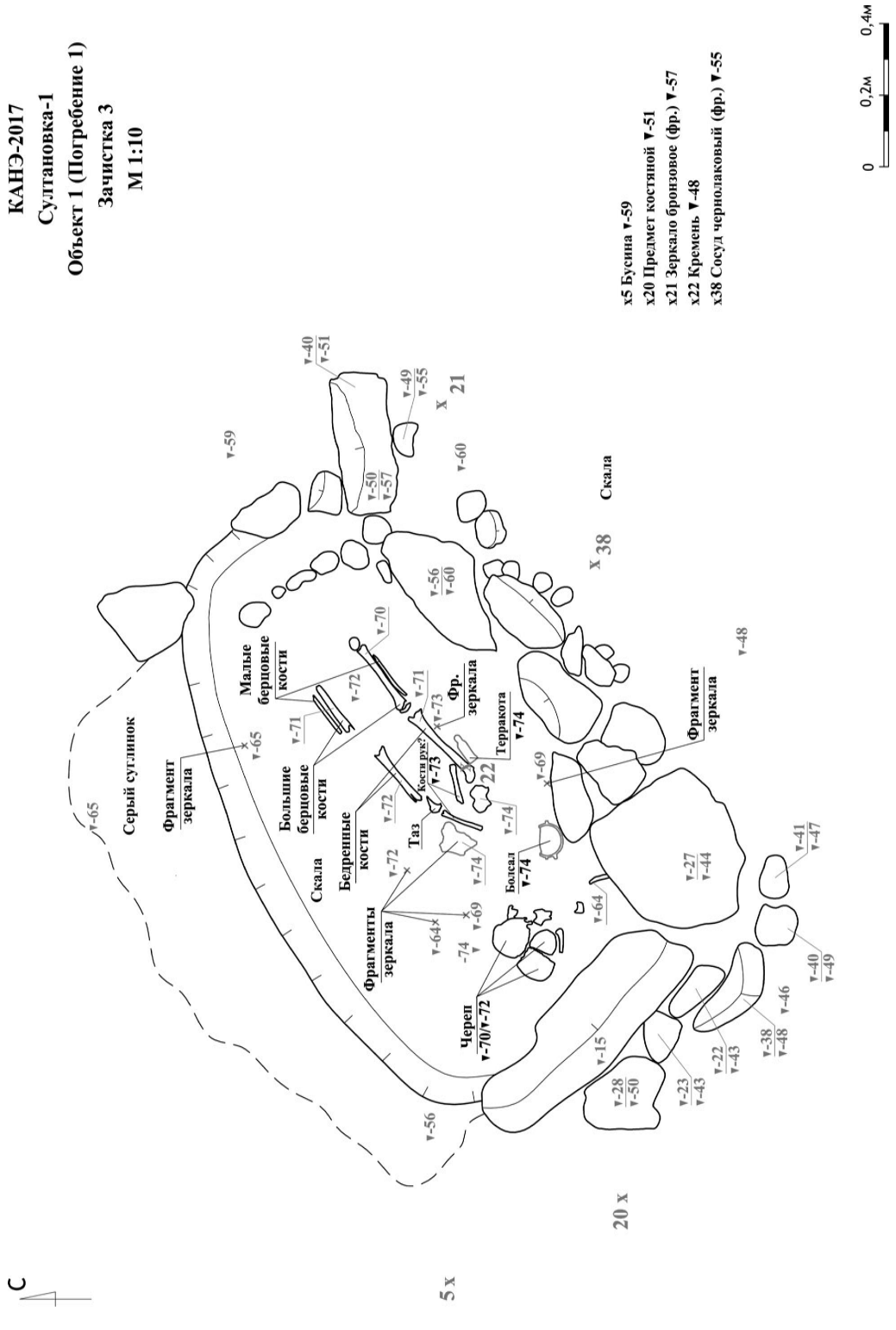


Рис. 4. Погребение 1. План

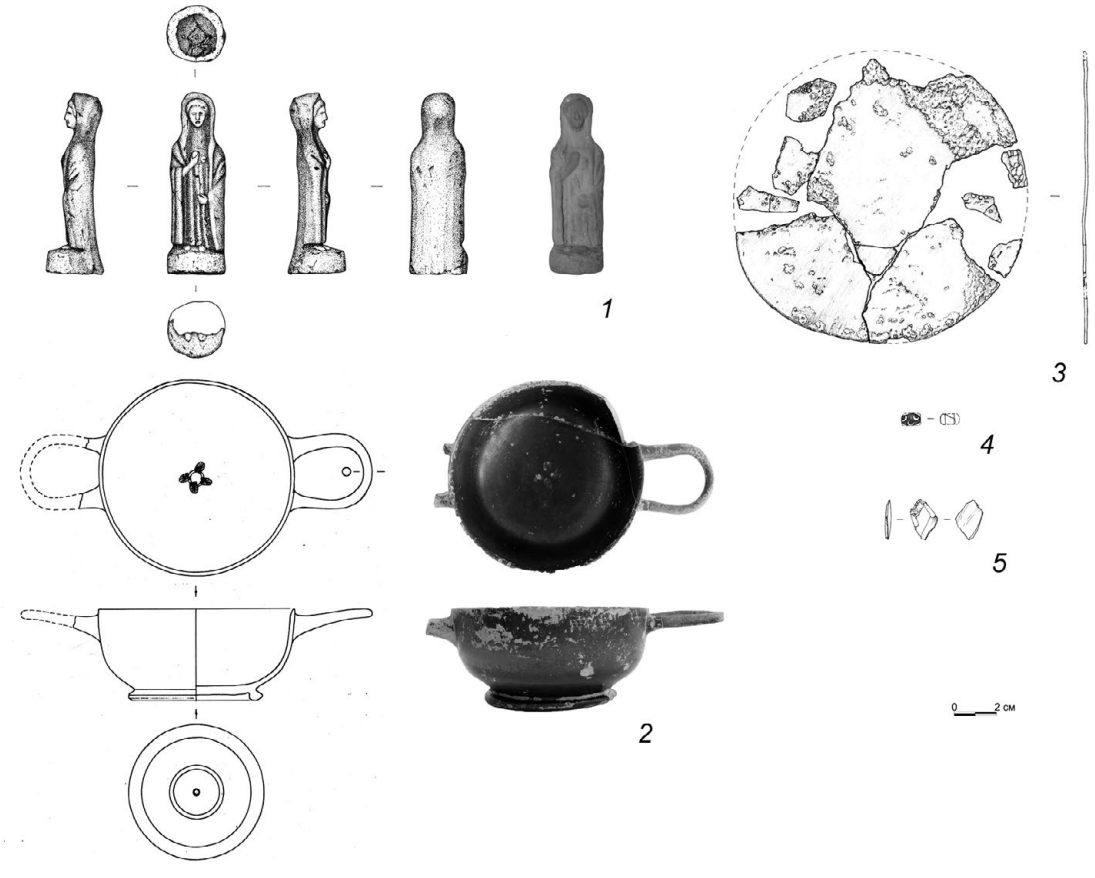


Рис. 5. Инвентарь погребения 1. *1* – статуэтка терракотовая; *2* – болсал чернолаковый; *3* – зеркало бронзовое; *4* – бусина глазчатая; *5* – отщеп кремневый

выразительного инвентаря. Примечательно, что при разборе в юго-восточной части однородного заполнения было обнаружено шесть глазчатых бусин, две из простого синего стекла и раковина каури (рис. 7). Также необходимо отметить, что северо-западная часть ямы была отделена от юго-восточной каменным закладом. В северо-западной части находок обнаружено не было. Все границы объекта при этом достаточно условны, так как его заполнение – суглинок материкового происхождения и мало чем отличался от материкового основания, и при его исследовании больше приходилось полагаться на плотность грунта. Судя по всему, сооружение является либо могилой-кенотафом, либо оригинальным жертвенником и на основании находок может быть датировано также IV веком до н. э.

Объект 6. Скопление камней в 8 м к юго-западу от вершины всхолмления, вероятно, было частью кромлеха, окружавшего центральное погребение эпохи бронзы (рис. 3). Единственное место на юго-западном склоне, где камни не были полностью спаханы и сохранились хорошо. С этим участком связано наибольшее количество находок фрагментов античной керамики на памятнике. Это позволяет высказать предположение, что в античное время кромлех читался на поверхности и его участок мог использоваться для тризн.

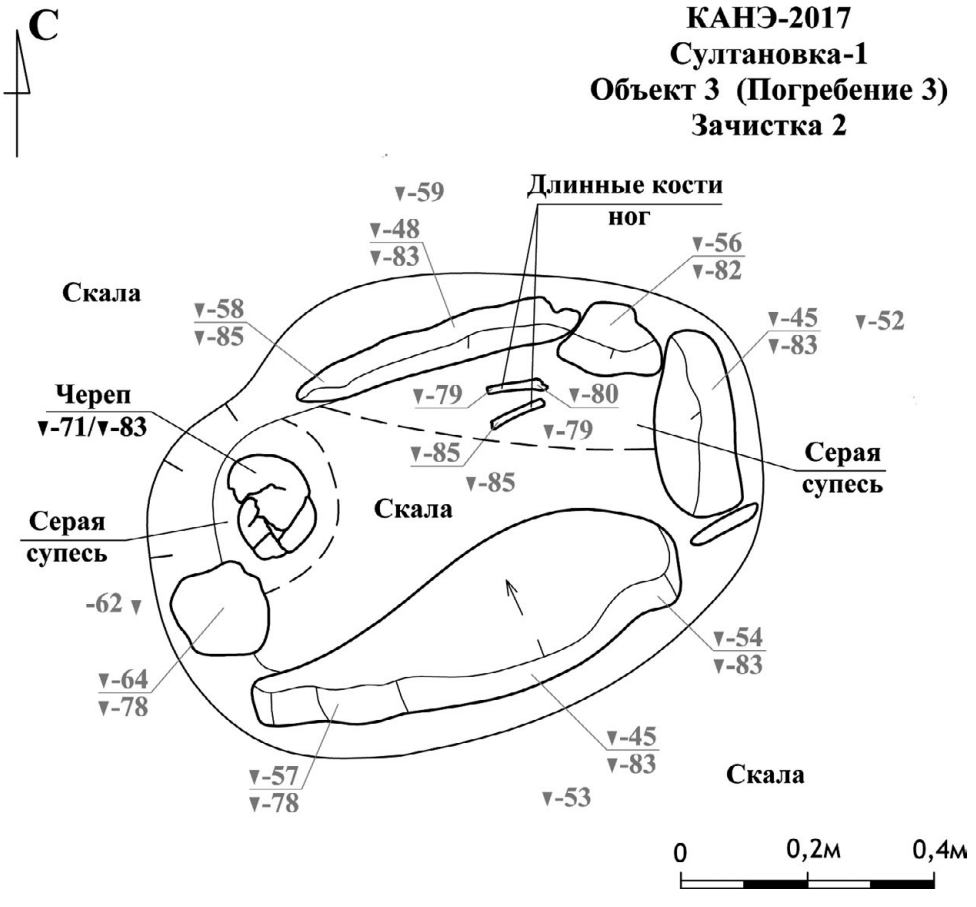


Рис. 6. Погребение 3

Античный период в целом представлен на памятнике достаточно большим количеством находок. Все они связаны, вероятно, с двумя совершенными здесь детскими погребениями. Обнаруженный в погребении 1 *болсал* позволяет датировать период совершения погребения первой половиной IV в. до н. э. [*Егорова* 2017, 30–32, № 46, рис. 5, табл. 9]. Не противоречат этой дате и определения других керамических материалов (рис. 8). Встреченные на памятнике клейма, по устному определению Н. Ф. Федосеева, относятся также к IV в. до н. э. По мнению В. А. Горончаровского, несмотря на отсутствие известных ему на Боспоре аналогий, найденная в погребении статуэтка стилистически может быть отнесена к тому же периоду[3]. Обнаруженный на памятнике бронзовый трехгранный наконечник стрелы, также вполне укладывается в период IV в. (рис. 8. *б*). Признаков более поздних погребений или обрядов, которые можно было бы отнести к античному времени, на памятнике выявлено не было. Следующий этап, к которому относятся исследованные на памятнике погребения, датируется уже развитым средневековьем.

[3] Выражаю свою признательность к. и.н. Н. Ф. Федосееву, к. и.н. В. П. Копылову и д. и.н. В. А. Горончаровскому за консультации при работе с материалами раскопок.

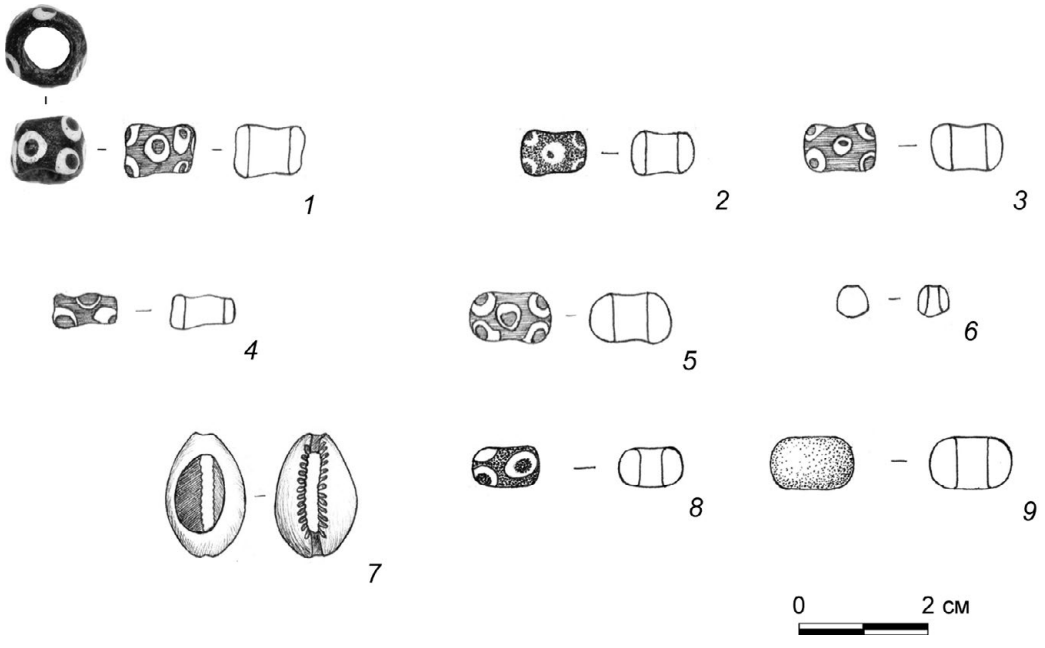


Рис. 7. Находки из объекта 4. *1–5, 8* – бусины глазчатые; *6, 9* – бусины синего стекла; *7* – раковина каури с отверстием

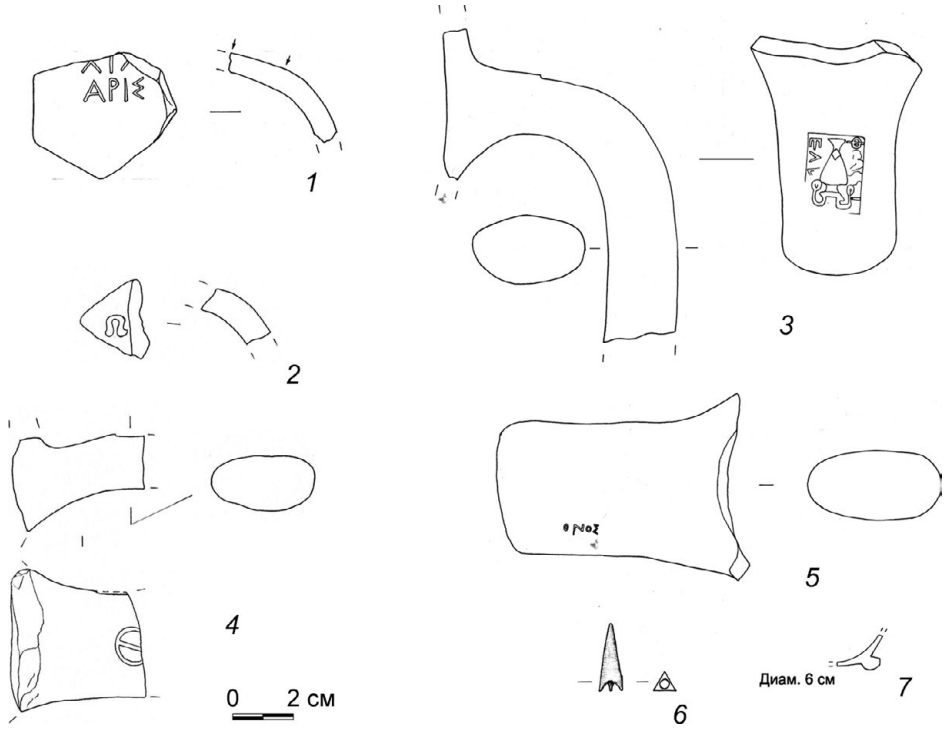


Рис. 8. Находки из насыпи «кургана». *1–5* – клейма амфорные; *6* – наконечник трехгранный бронзовый с утопленной втулкой; *7* – сосуд чернолаковый, фрагмент

Обнаружение погребений рядового скифского населения Крыма не является редкостью. Однако на общем фоне ярких скифских погребальных комплексов им уделялось не так уж много внимания. Первая полная публикация сводных данных об этой группе памятников была предпринята в 1970 г. [*Яковенко* 1970, 113–135]. Спасательные археологические работы, связанные со строительством трассы «Таврида», значительно расширили наши знания о памятниках данной группы [см. *Рукавишникова и др*. 2018, 190–200].

Помимо интересных результатов работ на памятнике в очередной раз были получены подтверждения идеи о том, что в древности любое выразительное природное всхолмление на рельефе нередко могло восприниматься как курган. Это приводило к совершению «впускных» погребений в природные останцы, что необходимо учитывать при проведении разведок в районах с подобным рельефом.

Список литературы

Е*горова* Т. В. 2017. Античная чернолаковая керамика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 203.

Р*укавишникова* И. В., *Меньшиков* М. Ю., *Резниченко* И. А., *Горболь* Н. Ю. 2018. Скифские памятники Ленинского района, исследованные на трассе «Таврида» // ДБ. 23, 190–200.

Я*ковенко* Э. В. 1970. Рядовые скифские погребения Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 113–135.

Summary

M. Y. Menshikov
Inlet burials IV B.C. in the mound “Sultanovka 1” (Kerch peninsula).

This paper discusses a group of objects discovered during the study of a natural hill located on the Kerch peninsula. In the ancient times this hill was perceived as anthropogenic. Four antique times objects were explored during the process of the rescue archaeological works: two burials, one cenotaph and one location of the funeral feast can all be dated to 4th century BC.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.243-258

А. П. Пигин, В. А. Хршановский*
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Аэрофотогеодезические методы выявления памятников археологии на Илуратском плато и Китейской равнине

С 2011 по 2017 г. компанией Кредо-Диалог (Минск) была проведена полевая практика (наземная тахеометрическая и спутниковая (RTK) съемки) студентов геодезических вузов на археологических объектах Боспора, сначала Азиатского, а с 2013 г. – Европейского.

Как известно, в последние годы широкое распространение получило использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в археологических экспедициях. Перспективные фотоснимки с БПЛА весьма информативны, дают прекрасное общее впечатление об исследуемых памятниках и территориях. Однако метрически такие фотографии некорректны. Точные ортофотопланы, облака точек 3D с шагом 3–5 см, цифровые модели объектов формируются только при продуманной организации аэрофотосъемочных и последующих камеральных работ.

В этой связи в 2017 г. по инициативе керченского археолога А. В. Куликова была начата отработка соответствующей технологии для топографического обеспечения археологических исследований на Боспора. Разработка методики, планирование и выполнение залетов, создание точной фотограмметрической модели (ФГМ) при этом были выполнены К. Н. и В. Н. Ходаковскими; создание высокоинформативной цифровой модели местности (ЦММ) и выпуск отчетных документов (ортофотопланов, топографических планов, детальных планов раскопов и строительных остатков) – А. П. Пигиным.

ФГМ и ЦММ позволяют изготовлять топографические планы и пространственные модели изучаемых археологических объектов с высокой точностью и детальностью. Эта технология уже нашла широкое применение в практике обеспечения археологических исследований. Всего к 2021 г. такие топографические работы были выполнены на 66 археологических объектах Керченского и Таманского п-овов, в том числе на памятниках, представленных в настоящей публикации (рис. 1, № 9, 12, 13, 43, 51).

Вопросы организации и технологии проведения аэрофотосъемки с помощью БПЛА, в том числе при археологических работах широко освещаются в публикациях

* Статья подготовлена В. А. Хршановским в рамках выполнения темы НИР ИА РАН “Современные методы выявления и первичного обследования памятников археологии” (№ ЕГИСУ НИОКТР 121041500196-8) на примере территории Ленинского района Республики Крым

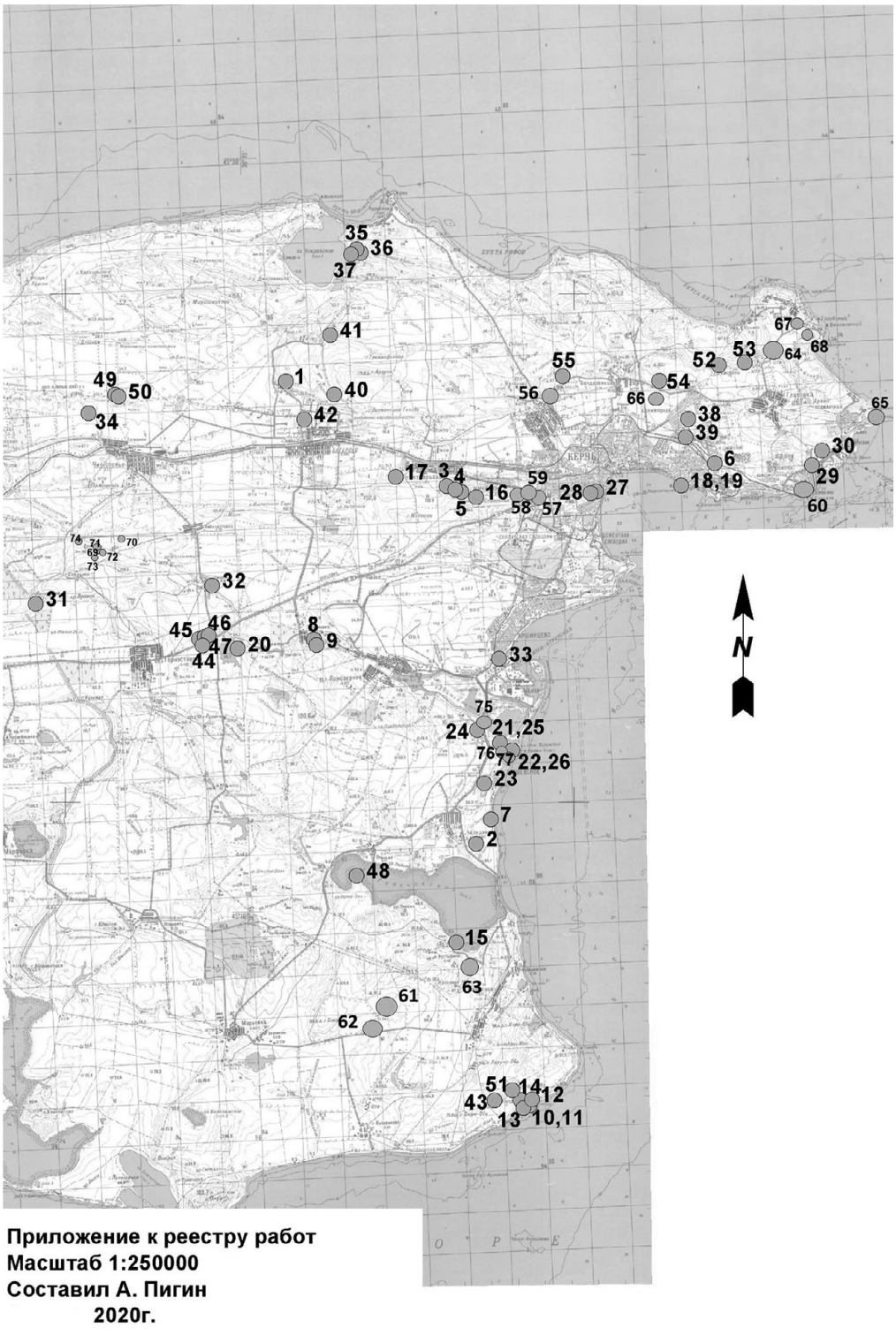


Рис. 1. Схема расположения археологических объектов Керченского полуострова, на которых в 2013–2020 гг. были осуществлены аэрофотогеодезические работы

и в сети Internet[1]. Тем не менее, отметим некоторые особенности при аэрофотосъемке археологических объектов.

Весьма условно можно выделить два типа создания и использования топографических материалов с применением БПЛА в археологии, обозначив их как обзорные и детальные.

Обзорные съемки выполняются на относительно крупных площадях – от нескольких до десятков и сотен гектаров, охватывающих весь разведываемый или исследуемый археологически район. Высота залета порядка 80–170 м, программа залета обеспечивает продольное и поперечное перекрытие снимков 60% (продольное) и 40% (поперечное). В зависимости от разрешения аппаратуры обеспечивается точность 5–7 см в плане и по высоте. Результаты представляются ЦММ и топографическими планами в масштабах от 1:200 до 1:2000. Пример такого плана приведен на рис. 4.

Детальная съемка выполняется для отдельных участков местности, участков со строительными остатками, раскопов на разных этапах – от подготовки квадратов до окончательной зачистки. Высота залета от 40 до 100 м, продольное и поперечное перекрытие – 80% (продольное) и 60% (поперечное). Достаточно доступная аппаратура после соответствующей камеральной обработки обеспечивает практически сантиметровую точность в плане и по высоте. Результаты – фотограмметрические и цифровые модели, отчетные топографические и археологические материалы в масштабах 1:50–1:200.

Так на Илуратском плато и расположенной к юго-западу от него небольшой возвышенности в результате проведённых аэрофотогеодезических работ были откорректированы старые и составлены новые топографические планы с фиксацией археологических объектов, соответствующие современным техническим требованиям.

В 2013–2015 гг. археологическая экспедиция ИИМК РАН – ИА НАНУ (2013) и ИА РАН (2015) произвела разведку и наземную топографическую съемку курганных групп возле малых боспорских городов Илурата и Китея.

Первая курганная группа находилась на расстоянии 0,25–0,6 км к юго-западу от южной границы расположенных здесь некрополей: скального и скально-грунтового (рис. 2. а, б). Визуальная разведка, сопровождавшаяся топографической (теодолитной) съемкой, выполненной Ю.Г. Кутимовым и А.В. Реппо позволила установить, что эта компактная курганная группа с координатами центра по GPS 45°,27660 с.ш., 36°,28505 в.д. состоит из 32 насыпей высотой от 1 до 4–5 м. На некоторых (например, на втором с востока в северной цепочке, с высотой насыпи 5,5 м и абсолютной высотой по балтийской системе 70 м, координаты вершины по GPS 45°,27825 с.ш., 36°,28715 в.д.) поверх насыпи сохранилась каменная обкладка. На многих насыпях зафиксированы грабительские шурфы. Между курганами и на курганных насыпях имеются выложенные отдельными камнями «дорожки» и «выгородки», как представляется, синхронные им и составляющие единый погребально-поминальный комплекс.

[1] Материалы разной степени подробностей об этом можно, например, найти по следующим ссылкам:
http://gis-lab.info/qa/aerial_photo_DJI_Phantom_3.html
https://habr.com/post/347344/
https://rusdrone.ru/blog/otrasli-primeneniya-bpla/primenenie-bpla-v-arkheologii/
https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-9/Gnera/gnera.html.

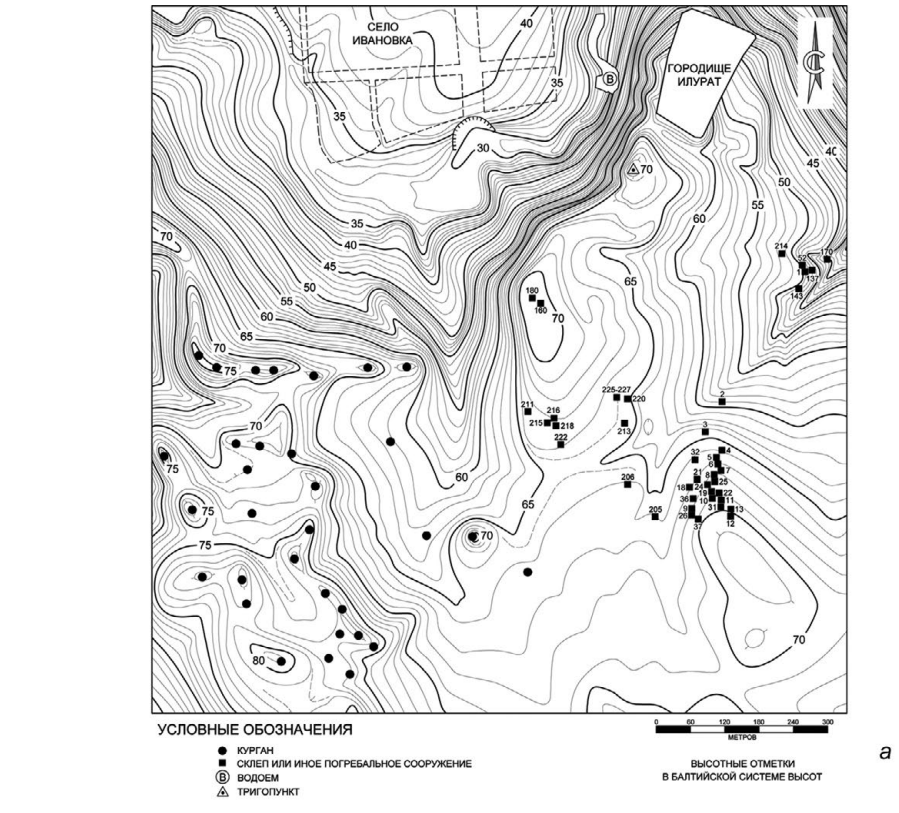


Рис. 2. *А*. Илуратское плато. Наземная топографическая съёмка 2013 г.
Б. Курганая группа к юго-западу от Илуратского плато. Вид с востока

В 2016–2020 гг. были проведены и наземные и аэрофотогеодезические работы над курганным полем и Илуратском плато (рис. 3. а, б). Созданы обзорные и детальные топографические планы. Выяснилось, что отмеченные на плане 2013 г. насыпи четко позиционируются на своих местах как по данным топоплана М 1:10000, так и по данным спутниковой съемки. Вопрос о датировке этих курганов, равно как и об их корреляции с городищем римского времени или предполагаемым эллинистическим Протоилуратом [*Хршановский*, 2014, 181] остается открытым. Малочисленный подъёмный материал – в том числе несколько непрофильных фрагментов античных сосудов не является достаточным основанием для этого. Однако распространенный в скифское время способ размещения курганных некрополей на естественных выходах (высотах) мшанковых известняковых останцов (скальных грядах и кряжах) [*Смекалова, Горончаровский* 2016, 445], позволяет предположительно отнести к этому времени и описываемую курганную группу. Косвенным подтверждением этого являются результаты раскопок на ближайшей к ней Михайловской гряде, где большинство погребений датировалось IV–III вв. до н. э. [*Ефимова, Кожин, Петерс,* 1972, 97].

В отличие от курганов, положение отдельных склепов в юго-западной части Илуратского плато (рис. 4) не соответствовало спутниковым снимкам с расхождением до 20–35 м. Уточнение плана требует здесь дополнительных полевых работ, определения координат склепов навигатором с последующим уточнением специальными средствами для повышения точности их позиционирования.

Обзорный топографический план Илуртского плато подтверждает визуальные наблюдения, позволяющие предположить, что наиболее интересным и перспективной из трёх участков (или отдельных некрополей) [*Khrsanovskij* 2019, 411–458] может быть северная часть юго-западного скально-грунтового некрополя.

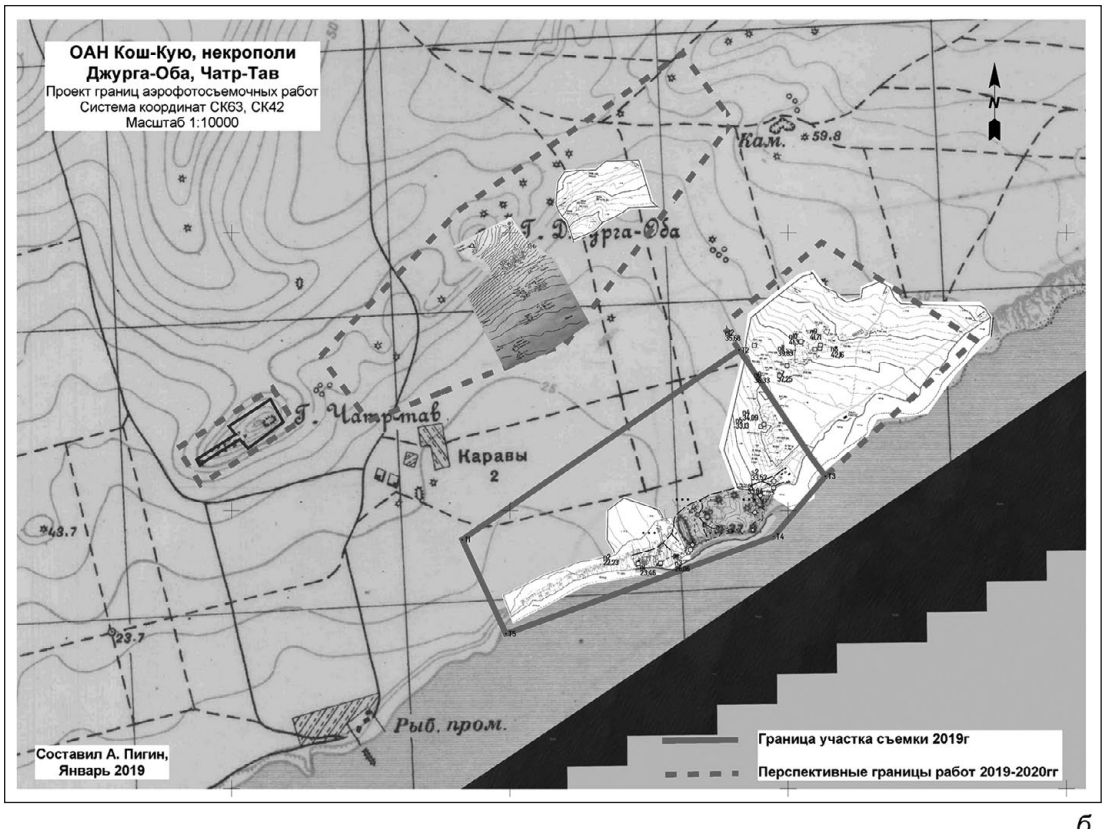
На юго-востоке Керченского полуострова объектом археологических разведок и раскопок уже довольно давно являлась т. н. Китейская равнина, ограниченная на юге береговой линией Черного моря, на севере – кряжами Чатр-Тав и Джурга-Оба и простирающаяся примерно на 1 км к западу и востоку от городища Китея (рис. 5. а). Здесь с 2015 г. по настоящее время ведутся работы по созданию и обновлению (с учетом результатов последних полевых сезонов) планов археологических объектов, регулярно исследуемых экспедициями Гос. Эрмитажа и ИА РАН на городище и прилегающей к нему территории, а также по созданию опорной топографической сети для привязки всех выявленных на Китейской равнине археологических памятников. На северо-западе равнины – это курганы на кряже Чатр-Тав, на севере – скальные и грунтовые некрополи у южного и восточного подножья кряжа Джурга-Оба, к юго-востоку от них – центральный участок китейского некрополя со скально-грунтовыми погребальными сооружениями, а на юго-юго-западе – предместье Китея с погребальными и ритуальными комплексами (рис. 5. б).

Кряж Чатр-Тав расположен в 1,5 км к северо-западу от северо-западного угла городища (рис. 6. а, б). Ещё В. Ф. Гайдукевич отметил на этом хребте несколько курганов [*Гайдукевич* 1959, 212, рис. 81]. В ходе проведенных разведок и раскопок 2015 и 2018 гг. был создан топографический план кряжа и на него нанесены шесть курганных насыпей (рис. 6. б). Координаты по GPS крайних точек участка между самым западным

Рис. 3. *А*. Илуратское плато. Вид с севера. Аэрофотосъёмка.
Б. Схема границ аэрофотосъёмки Илуратского плато в 2018 г.

Рис. 4. Илуратское плато. План городища и некрополя. 2021 г.

а



б

Рис. 5. *А*. Китейская равнина. Вид с юго-запада. Аэрофотосъёмка.
Б. Китейская равнина и кряжи Чатр-Тав и Джурга-Оба. Схема границ осуществленной и планируемой аэрофотосъемки на Китейской равнине в 2019–2020 гг.

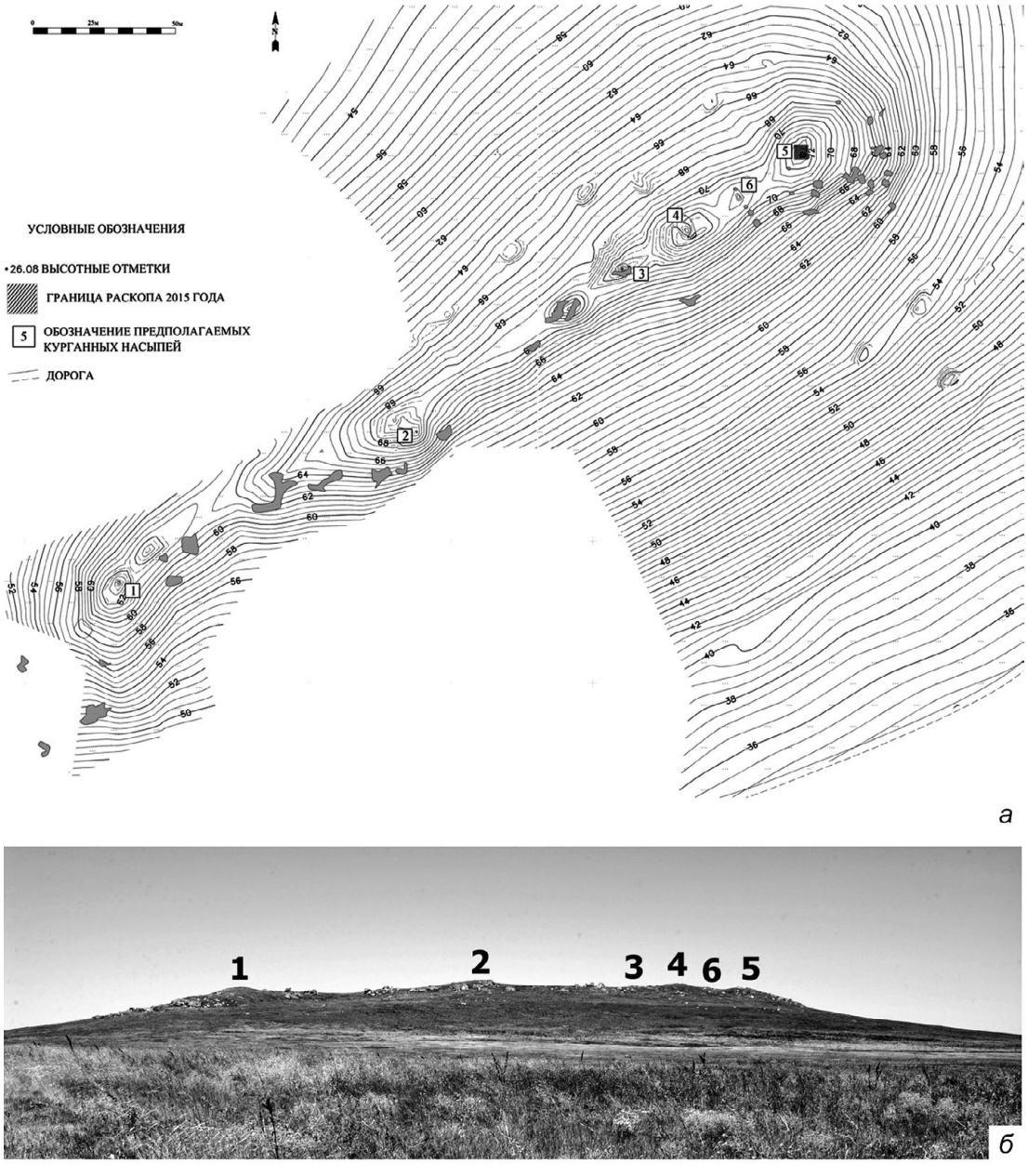


Рис. 6. *А*. Кряж Чатр-Тав. Топографический план. 2015 г.
Б. Курганы на кряже Чатр-Тав. Вид с юга

курганом № 1 и самым восточным – № 5: 45°04′50″ с. ш., 36° 23′56″ в. д. и 45°04′55″ с. ш., 36°24′07″ в. д. Высота сохранившихся насыпей от 1 до 3 м, самого кряжа – от подножья до хребта – 20–30 м. Возле каждой из них и в самих насыпях имелись грабительские ямы.

Самая большая насыпь – курган № 5 (рис. 7. а) находится на восточной оконечности кряжа, возле высшей его точки – горы Чатр-Тав. Координаты её центра по GPS – 45°04′55,1″ с. ш., 36°24′07,3″ в. д. В результате проведенного доследования

а

б

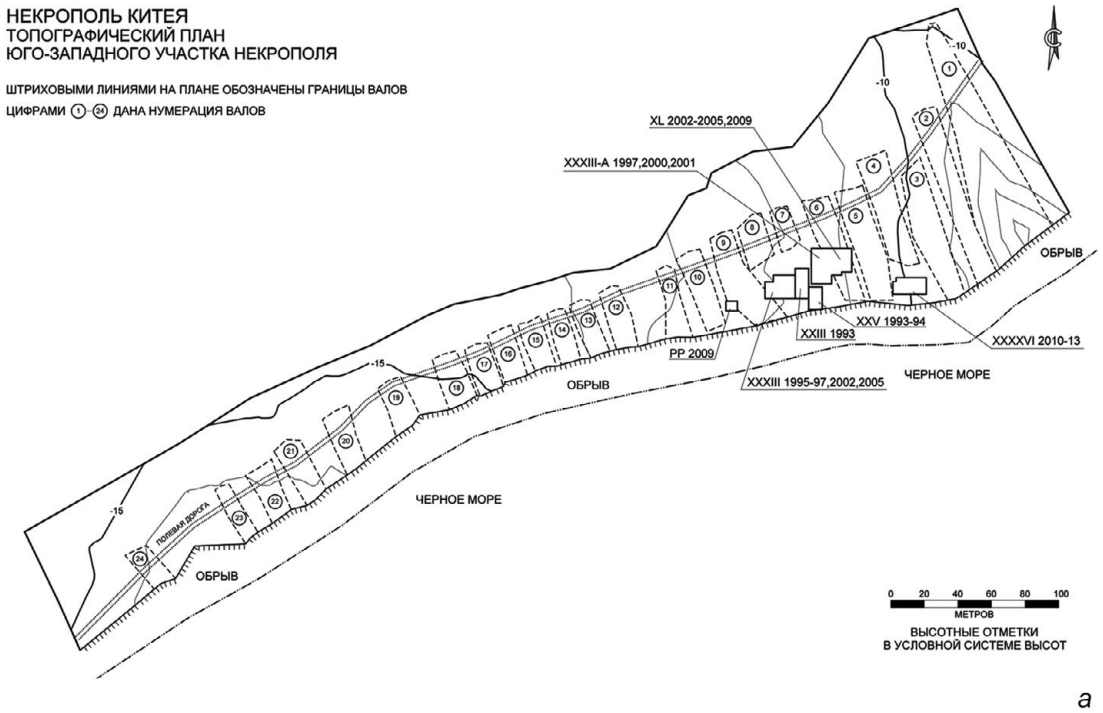
Рис. 7. *А*. Кряж Чатр-Тав. Курган № 5. Вид с юго-запада. *Б*. Кряж Чатр-Тав. Курган № 5. Подкурганная каменная гробница. Вид с юга

грабительского шурфа на глубине около 1,5 м тут было обнаружено монументальное погребальное сооружение (склеп), сложенное из блоков и плит известняка (рис. 7. б). Судя по самым ранним найденным здесь материалам, курган № 5 мог быть сооружен во второй-третьей четвертях V в. до н. э. Есть основания полагать, что упомянутая гробница была вторично использована в римское время [*Хршановский* 2020, 43–49]. Взаиморасположение курганов на хребте кряжа скорее говорит в пользу их принадлежности одному историческому периоду, но это, безусловно, нуждается в археологическом подтверждении.

В начале текущего века на севере Китейской равнины, у юго-восточной оконечности кряжа Чатр-Тав вела раскопки экспедиции А. Л. Ермолина, у восточной – В. А. Хршановского. Первая – в 2001–2008 гг. открыла около двадцати могил и сорока склепов, которые дали богатый материал позднеантичного времени [*Ермолин* 2009, 70–77]. Вторая – доследовала после грабителей несколько вырубных и плитовых могил и три вырубных в скале склепа с общей хронологией IV в. до н. э. – III–IV вв. н. э. [*Хршановский* 2003, 169–175]. Оба участка некрополя обозначены на схеме проекта аэрофотосъемочных работ, как «перспективные», необходимые для создания общего плана археологических памятников Китейской равнины, так же, как и расположенный к северо-востоку от городища центральный участок Китейского некрополя (рис. 5. б), функционировавшего от V в. до н. э. до V в. н. э.

В последнее десятилетие основное внимание исследователей было привлечено к юго-западному предместью Китея, на котором аэорофотосъемка производилась в 2019 г. (рис. 5. б). Здесь, в зоне интенсивной береговой абразии, в 90-х годах XX и начале XXI веков были доследованы и открыты три склепа середины – второй половины IV в. до н. э. [*Хршановский* 2013, 182–200], позднеантичный некрополь и ритуальные комплексы второй половины IV–V вв. н. э. [*Ханутина, Хршановский*, 2021, 117–136].

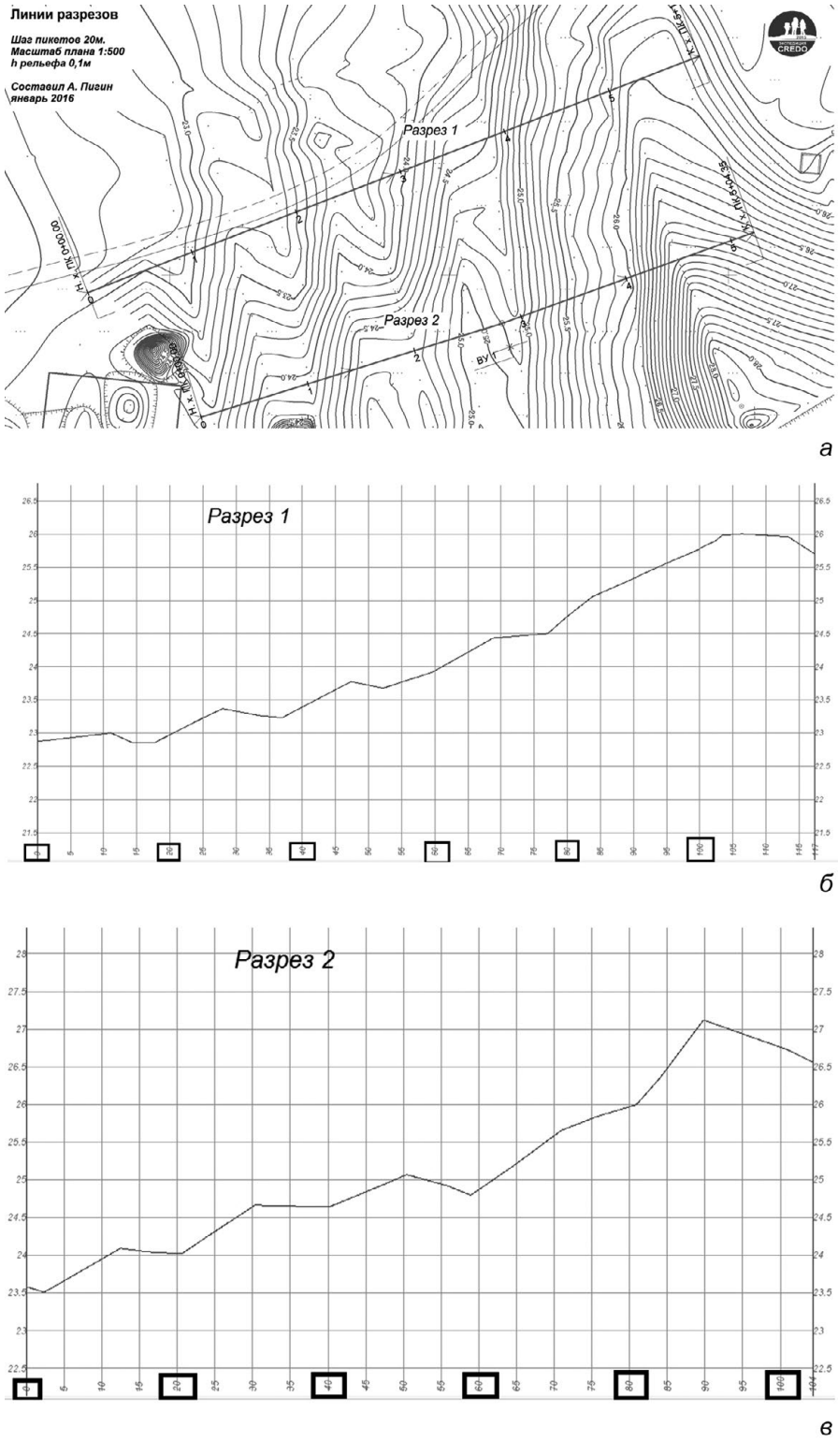
Особенностью этого участка являются невысокие земляные валики, визуально прослеживающиеся, начиная от берегового обрыва к северу на 30–120 м и теряющиеся на распаханном поле. Они располагаются параллельно друг другу, вытянуты в меридиональном направлении и прослежены к западу от западной крепостной стены Китея на расстоянии от 50 до 650 м (рис. 8. а). Все открытые здесь к настоящему времени погребальные сооружения и ритуальные комплексы находились под этими валиками – на уровне древнего горизонта или в их толще. Дополнительную информацию об этих странных «конструкциях» удалось получить, применив новую методику аэрофотогеодезических работ. Снимки с квадрокоптера «проявили» невидимые с земли следы валов на распаханном поле (рис. 8. б). Судя по ним, первоначально валики тянулись на север не менее, чем на 1 км – до самого подножья кряжа Джурга-Оба. На юг, видимо, – до древнего берега моря. Анализируя формирующийся обзорный план Китейской равнины со следами валов на пахотном поле и у южного подножья Джурга-Обы, можно предположить, что открытые на нём А. Л. Ермолиным могилы и грунтовые склепы также находились под исчезнувшими ныне валами. В таком случае «Джурга-Обинский» некрополь и некрополь в юго-западном предместье Китея, возможно, являются частями одного большого позднеантичного некрополя, функционировавшего не менее века. Близкая датировка обоих некрополей: вторая половина IV–V юго-западного



а

б

Рис. 8. *А*. Топографический план юго-западного участка некрополя Китея с валами. 2013 г. *Б*. Валы в западной части Китейской равнины. Вид с юга. Аэрофотосъемка



а

б

в

Рис. 9. *А*. Валы № 1–5 на юго-западном участке. План. 2016 г.
Б. Разрез 1. *В*. Разрез 2

и вторая половина V – первая половина VI в. н. э. северо-западного, делает это допущение вполне вероятным.

С учётом масштаба земляных работ, необходимых для сооружения описанных валов, перегораживавших всю западную часть Китейской равнины, их количества (более 20) и правильного расположения (параллельно, на равном расстоянии друг от друга) встает вопрос об их происхождении и назначении. Вклад в его решение могут внести дополнительные данные аэрофотогеодезической разведки. Для уточнения микрорельефа валов № 1–5 была осуществлена детальная топографическая съёмка юго-западного участка в масштабе 1:500 с высотой сечения рельефа 0,1 м. Съемка производилась двумя методами:

– комплектом спутникового оборудования Trimble – двумя двухчастотными приемниками с управлением контроллером в режиме RTK;

– электронными тахеометрами Leica и Trimble M3.

Обработка спутниковых измерений проведена в системе CREDO ГНСС, совместное уравнивание наземных и спутниковых измерений для контроля работы режима RTK проведено в системе CREDO_DAT. Результаты съемки обработаны в системе CREDO_DAT, цифровая модель местности создана в системе CREDO ТОПОПЛАН.

В итоге был получен новый топоплан южной части валов № 1–5 (рис. 9. а) и установлено, что они представляют собой скорее террасы с небольшим обратным уклоном к западу (рис. 9. б, в). На данном этапе исследований эти валики рассматриваются, прежде всего, как насыпи-перекрытия погребальных и ритуальных комплексов второй половины IV–V вв. н. э.

Таким образом, судя даже по промежуточным результатам, достигнутым на Илуратском плато и Китейской равнине, метод аэрофотогеодезических работ, позволяющий создавать обзорные топографические планы и высокоточные пространственные модели исследуемых объектов на современном техническом уровне, доказал свою эффективность, может и должен быть использован для разведок, создания опорной топографической сети и первичного обследования памятников археологии.

Список литературы

Г*айдукевич* В. Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 69, 154–238.

Е*фимова* Г. М., *Кожин* П. М., *Петерс* Б. Г. 1972. Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка // КСИА. 130. М., 97–104.

Ермолин А. Л. 2009. Кроваво-золотой стиль «клаузоне» в ювелирных украшениях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // БФ: Искусство на периферии античного мира. СПб, 70–77.

С*мекалова* Т. Н., *Горончаровский* В. А. 2016. Курганный некрополь в ландшафте Нимфея. История изучения и современное состояние // Боспорские чтения. XVII.. Керчь, 439–447.

Х*анутина* З. В., *Хршановский* В. А. 2021. Позднеантичный некрополь боспорского города Китей // Pontika et Caucasica II. Interdisciplinary Research on the Antiquity of the Black Sea (Światowit Suppl. Series C. Pontica et Caucasica. Vol. II). Warsaw, 117–136.

Хршановский В. А. 2003. Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году // Из истории античного общества. 8. Нижний Новгород, 162–176.

Хршановский В. А. 2013. Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. 2. Нижний Новгород, 182–200.

Хршановский В. А. 2014. Археологические исследования Илуратского плато (ретроспектива и перспектива) // БФ. Погребальная культура Боспорского царства. СПб, 172–182.

Хршановский В. А. 2020. Курганная группа на кряже Чатр-Тав (по материалам разведок 2015 и 2018 гг.)//Археологические вести. 29. СПб, 43–49.

K*hršanovskij* V. A. 2019. Nécropoles et sanctuaires du plateau d ` Ilouraton // Études bosporanes. Sur un royaume aux confins du monde gréco-romain (Études de letters. 309). Lausanne, 411–458.

Summary

A. P. Pigin, V. A. Khrshanovsky

Aerial photogeodetic methods for identifying archaeological sites on the Iluraton Plateau and the Kytaion Plain

The article summarizes preliminary results of the aerial photogeodetic method by means of unmanned aerial vehicles (UAVs) in research at the archaeological sites of the Iluraton Plateau and the Kytaia Plain. The existing topographic plans of the kurgan group and the necropoleis of the Iluraton Plateau have been verified; also, the discrepancies in the mutual arrangement of the crypts at the southwestern necropolis have been identified, the most promising areas for further research have been determined, and finally a reference network and a synoptical topographic plan of all archaeological sites known on the plateau was initiated. In order to fix and initiate the study of the mound group at the Chatre-Tav ridge of the Kytaia Plain, a topographic plan was created in accordance with a new method. The reference network and the synoptical plan of archaeological subjects of the Kytaia Plain, adjacent to the Kytaia settlement from the northeast, north, northwest and southwest, made it possible to clarify their interposition and possible interrelation. Aerial photography helped to establish that the

extension of ramparts, which had been recorded earlier in the coastal zone of the southwestern section judging by the traces on the plowed field, stretched several hundred meters to the north, probably to the southern foot of the Djurga-Oba ridge. A special survey of the ramparts closest to the western fortification wall resulted in finding out that those were terraces with a slight reverse incline (to the west), which may appear to be important for determination of their origin and functionality. Generally speaking, and judging by the results of the work, the new method of aerial photogeodetic survey has actually proved its efficiency and positive perspective for archaeological sites' research.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.259-281

С. Ю. Сапрыкин
*(Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова;
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)*

Фиас Зенонова Херсонеса

В 2021 г. сотрудник Керченского музея-заповедника А. В. Куликов прислал мне фотографию греческой надписи, которая была найдена случайно на месте боспорского городища, расположенного на мысе Зюк и известного как Зенонов Херсонес. А. В. Куликов смог сделать только один снимок памятника, сохранность которого оставляет желать лучшего. Вызывает большое сожаление, что ему не удалось определить размеры плиты и величину букв. Неизвестно, что стало с этой надписью и где она хранится в настоящее время. Поэтому технические данные (размеры плиты, величина букв, расстояния между ними и т. п.) приходится опустить. Сохранившийся обломок напоминает треугольник с немного выступающим вниз левым углом. Надпись нанесена на плиту из мрамора серого цвета, буквы прорезаны достаточно четко и только в верхней правой части плита немного повреждена, возможно, вследствие пожара или пребывания в воде, хотя контуры букв в этом месте просматриваются. От надписи дошло лишь пять строк. Текст читается достаточно хорошо, а его расположение показывает, что обломок представлял собой середину верхней части плиты с большой надписью, которая принадлежала фиасу. Остатки строк выглядят следующим образом (рис. 1):

ΙΤΑ
ΕΑΠΕ
ΠΑΡΑΦΙΛΑΓ
ΥΚΑΙΓΥΜΝΑ⊏
ΕΑΝ

Обращают на себя внимание угловатая форма *сигмы*, четкое апицирование кончиков букв, лигатура M и N в стк. 4, широкая окружность Ф, ушко Р в виде небольшого завитка, не доходящего до вертикальной гасты. Любопытно написание букв Е и А: средняя гаста *эпсилон* представляет собой завиток, не доходящий до вертикальной основной гасты буквы, а *альфа* имеет вид «скачущей» маленькой буковки в середине между большими литерами, либо поставлена вверху между ними в слегка наклонном положении то влево, то вправо. Эти особенности шрифта позволяют убедительно датировать

Рис. 1. Фрагмент надписи с мыса Зюк. Случайная находка 2021 г.

надпись III в. н. э. [*Болтунова, Книпович* 1962, 11, табл. IV]. Восстановление ее не вызывает особых трудностей:

[Θιασ]ῖ̣τα[ι]	1
[οἱ περὶ ἱερ]έα Πε[.....]	2
[.....καὶ] παραφιλάγ[αθον ...]	3
[.....ο]υ καὶ γυμνας[ίαρχον]	4
[.....Θ]εαν [γέλου?.....]	5
[.....]	

Перевод: «Фиаситы (во главе со) жрецом Пе(…, сыном …, и) парафилагафом (…, сыном …) и гимнасиархом (…, сыном Теангела?.. ….)».

В надписи упоминаются фиасоты и три руководящих лица в фиасе: жрец, парафилагаф, гимнасиарх, имена которых не сохранились. Восстановить имя жреца фиаса, от которого дошли только две первые буквы Пе(…), затруднительно. Индекс к КБН дает семь личных мужских имен с таким начальным слогом, корпус имен из причерноморского и смежных регионов приводит 57 примеров имен на Πε(…) [*LGPN* IV 277–279]. Имя отца парафилагафа оканчивалось на -ος, так как на камне сохранился *ипсилон* от окончания

родительного падежа – ου. Патронимик гимнасиарха восстанавливается более менее уверено: это греческое имя Θεάγγελος и Θεάνγελος – Теангел, известное на Боспоре и популярное исключительно в римскую эпоху. Оно фигурирует как отчество некоего Фидана в надписи из Пантикапея 70-х годов III в. н. э. [*КБН* 36], а также Ахемена и Дада в надписи танаисского фиаса 155 г. н. э. [*КБН* 1260]. Этот антропоним известен и в качестве личного имени фиасита, и как отчество филагафа фиаса в Танаисе II в. н. э. [*КБН* 1263, 1268]. Теангел, сын Хорегиона, засвидетельствован в Горгиппии среди членов фиаса [*КБН* 1138, I–II вв. н. э., ср. *LGPN* IV 161]. Имя чаще всего встречается в списках фиасотов, так что восстановление его в публикуемой надписи вполне вероятно.

Надпись, о которой идет речь, не первое свидетельство о фиасах в Зеноновом Херсонесе. Еще в конце XIX в. на мысе Зюк был обнаружен фрагмент плиты со списком имен, очевидно, членов фиаса [*КБН* 898, III в. н. э.]. Из римских слоев городища происходят фрагменты мраморных плит с именами [*Масленников* 1992, 137, рис. 11. *4–8*], которые определены как принадлежавшие членам фиаса или нескольких фиасов [*Сапрыкин, Масленников* 1999, 193–202]. Одну из надписей [*Масленников* 1992, 137, рис. 11, *4*; *Сапрыкин, Масленников* 1999, 202, табл. I. *1*] было предложено реконструировать как [Ἀγαθῆι] Τύ[χηι] / [Ἐπὶ βα]σιλεῖ Κο[τύει …] (рис. 2) и высказывалось сомнение в ее принадлежности фиасу. Однако позднее, при более тщательном изучении, выяснилось, что на камне прочитывается незамеченная ранее первая строка, в которой сохранились буквы ΙΑΣΙ. Это позволяет уверенно восстановить надпись как [Θ]ι̣α̣σῖ[ται] / [Ἀγαθῆι] Τύχ[ηι] / [Ἐπὶ βασ]ι̣λεῖ Κο[τύει …]. Буквы ΤΥ в стк. 2 по величине превосходят буквы в остальных строках. В ней, как и предполагалось ранее, скорее всего упоминается царь Котис III (227–233 гг. н. э.), а преамбула «фиаситы» аналогична преамбуле публикуемой выше новой надписи. В этой связи нельзя исключать, что оба документа относятся к одному и тому же фиасу. Возможно, что опубликованный ранее как отдельная надпись фрагмент IV с тремя начальными строками ΝΗΝ̣[…] / ΚΑΙΠ̣ […] / Ι̣Ο[…] [*Масленников* 1992, 137, рис. 11. *7*; *Сапрыкин, Масленников* 1999, 202, табл. I. 4] на самом деле представляет левую часть надписи фиаситов с датировкой по правлению царя Котиса III. На нем сохранились остатки имен членов фиаса. На принадлежность двух этих фрагментов одной надписи указывает сходство качества мрамора и палеографии. К сожалению, состыковать оба фрагмента невозможно (рис. 2), но восстановить надпись можно приблизительно таким образом:

[Θ]ι̣α̣σῖ[ται]	1
[Ἀγαθῆι] Τύχ[ηι]	2
[Ἐπὶ βασ]ι̣λεῖ Κο[τύει ...]	3

[.....Φάν-]	4
νην̣ [.....]	5
καὶ π̣[.....]	6
Ἰο̣[υλίαδην? *vel* Ἴουλιον?]	7
[.....]	

Обращает на себя внимание необычная для надписей боспорских фиасотов и синодистов формула датировки с предлогом ἐπὶ и дательным падежом. Примеры такой дати-

ровки приведены нами ранее [*Сапрыкин, Масленников* 1999, 194]: она встречается в начале III в. н. э. при царях Савромате II [*КБН* 1256], Рескупориде II [*КБН* 1245, 1246, 1248] и, очевидно, Ининфимее [*КБН* 1251]. Применительно к Котису III и надписям боспорских фиасов она пока не засвидетельствована. Однако, учитывая возможную дату надписи по правлению этого царя (227–233 гг. н. э.), сына Рескупорида II, который использовал в своих надписях оборот ἐπί + dat., можно предположить, что и Котис III пользовался подобным вариантом датировки. Тем более что у его предшественников Савромата II и Рескупорида II в ходу была как традиционная формула «в царствование царя», так и более редкий ее вариант «при царе» с дательным падежом. Реконструкция личных имен предположительная, поскольку сохранность текста плохая. Окончание […]νην позволяет восстановить имя Φάννης = Φάννας, которое часто фигурирует в надписях боспорских фиасов [*КБН* index, p. 902, 903]. Союз καὶ предполагает логическую связь Фанна и некоего лица, имя которого в последней строке начинается на Ιο[…]. Возможных вариантов его восстановления немного – это Юлиад, Юлий, Юлиан – имена романизованных граждан, часто упоминаемые в боспорских списках фиасотов римской эпохи [*КБН* index, p. 875]. Это могло быть также имя с иранской основой типа Ἰο[δασαν? – *КБН* 1263, Танаис, II в. н. э.), Ιο[δα Σα… αιου] [ср. *КБН* 945 = *LGPN* IV 174, II в. н. э., *Сапрыкин* 2021, 334]. Союз καί в преамбулах надписей фиасов и синодов обычно соединял имена и должности руководящих членов этих объединений. В таком случае можно предложить следующее восстановление надписи: [Θ]ι̣ᾳ̣σῖ[ται] / [ΑΓΑΘΗΙ] ΤΥΧ[ΗΙ] / [Ἐπὶ βασ]ι̣λεῖ Κο[τύει …] / [οἱ περὶ ἱερέα Φάν] / νην̣ [.....] / καὶ π̣[αραφιλάγαθον] / Ἰο[υλίαδην? *vel* Ἰουλιον?] / [.....] – «Фиаситы. (С добрым) счастьем! При царе Котисе (… во главе со жрецом Фанном, сыном …) и п(арафилагафом?) Ю(лиадом? Юлием? Иодасом?..)».

Рис. 2. Два фрагмента одной надписи с датировкой по правлению царя Котиса III

О фиасе в Зеноновом Херсонесе свидетельствуют теперь пять надписей, которые по палеографии укладываются в пределы II–III вв. н. э. Надписи, о которых идёт речь, принадлежат двум разным резчикам. Два фрагмента со списком имен, введенные в научный оборот ранее [*Сапрыкин, Масленников* 1999, 202, табл. I. *2*, *3*], сработаны другим резчиком (или двумя разными людьми, но в близкое время). На одном из них написание буквы *ро* с завитком, не доходящим до вертикальной гасты, близко форме этой буквы в новой публикуемой выше надписи. Шрифт надписи из трех букв АРД на небольшом фрагменте плиты [*Масленников* 1992, 137, рис. 11. *5*; *Сапрыкин, Масленников* 1999, 202, табл. I. *5*; ср. *КБН* 898 – Ἀρδ[αρον?] отличается от них иным начертанием буквы Р (с завитком, упирающимся в вертикальную гасту). Учитывая датировку надписей II–III вв. н. э. и то, что хронологически они не намного отстоят друг от друга, а также принимая во внимание повторение ряда имен (Ард…, Деметрий) и изготовление надписей четырьмя резчиками на протяжении второй половины II – первой половины III в. н. э., следует выдвинуть предположение, что в Зеноновом Херсонесе мог функционировать один фиас. Его члены заказывали и воздвигали стелы с надписями, очевидно, в ознаменование различных событий, важных для города (и горожан-фиаситов). В этой связи заметим, что сам городок был столь маленьким, а население – столь же небольшим, что «позволить себе» несколько сообществ было просто… некому.

Надписи, часто предваряемые традиционным пожеланием доброго счастья и упоминанием фиаса или коллектива фиасотов с последующим решением фиаса во главе со жрецом и другими должностными лицами нередко встречаются на Боспоре. В Пантикапее в царствование царя Савромата II фиас (или фиасоты) какого-то бога приняли некое постановление, предварив его преамбулой Ἀγα[θῇ τύχῃ] Θέασ[ος…] [*КБН* 77]. Впрочем, здесь возможно восстановление Θεασ[εῖται] (ср. стк. 9 этого документа, а также [*КБН* 1132, 1134 и т. п.]. В Фанагории фиаситы во главе со жрецом (Θιασ[εῖται οἱ περὶ Ἀγαθοῦν ἱερέα) возвели стелу своим умершим сочленам [*КБН* 987], а в другой надписи, вероятно, надгробии, поставленном умершему члену союза, его погребальное изображение ставит фиас во главе со жрецом [*Габелко, Завойкина, Шавырина* 2006, 337]. Согласно надписи из ст. Ахтанизовская фиас (возможно из Фанагории или Гермонассы) во главе со жрецом, гиеромастором, филагафом поставил надгробный памятник некоему Авенону, очевидно, члену данного объединения [*КБН* 1016]. В Горгиппии фиаситы предварили постановление традиционным пожеланием доброго счастья и указанием на правление царя Савромата II, а также на фиас или фиаситов […]σαυας θ[…] во главе со жрецом, лохагом, синагогом и фронтистами с последующим списком членов союза [*КБН* 1136]. В Китее надгробие умершего фиасота I в. до н. э. – I в. н. э. предваряет формула «Фиаситы во главе с Деметрием и Ни (…)» [*Молев* 2001, 98, 101; 2010, 97, рис. 135]. Преамбула двух надписей фиаса жителей Зенонова Херсонеса не отличается от постановлений фиасов других городов Боспора, за исключением отдельных деталей, о чем ниже. Следовательно, фиас зенонитов по структуре и организации, а также при принятии решений не отходил от практики, принятой в фиасах Боспорского царства в императорскую эпоху. Фиас в Зеноновом Херсонесе, подобно другим боспорским объединениям, являлся религиозным или религиозно-профессиональным союзом, который был создан не без участия царской власти. Об этом говорят датировочная формула

по царствованию Котиса III, а также упоминание должностных лиц фиаса, которые встречаются в надписях фиасов и синодов других боспорских городов.

В надписях с мыса Зюк сохранились названия четырех должностей: жрец, парафилагаф, гимнасиарх, отец синода. Как показывает публикуемая надпись и ранее опубликованные документы они входили в руководство фиаса в Зеноновом Херсонесе. Ранее высказывалось предположение о существовании в фиасе этого городка должности синагога, однако об этом по-прежнему говорить рано. Должность жреца в фиасе зенонитов показывает, что он объединял почитателей бога, имя которого неизвестно. Практически все постановления боспорских религиозных и религиозно-профессиональных союзов приняты должностными лицами союзов (фиасов, синодов) во главе со жрецом. Жрец – главное лицо объединений граждан, собиравшихся для почитания божества – покровителя союза. Его имя и должность во всех надписях, относящихся к синодам и фиасам, поставлены на первое место. Он принимал решения не только от имени руководителей и простых членов союзов, он вносил предложения на рассмотрение синода и фиасотов[1]. В его прямые обязанности входило отвечать за организацию сакральных действий – празднеств в честь божеств, покровителей объединений, похорон и священных трапез в память о почивших членах союзов, поскольку они проходили под покровительством божеств. Жрецы фиасов и синодов передавали своим сочленам пророчества и пожелания божества, вокруг которого объединялись члены союза. Поэтому жреца считали наместником бога, почитаемого фиасотами, главным исполнителем его воли, которой следовало подчиняться. На это указывают надписи фиасотов Танаиса с решениями, которые принимались синодом во главе с Богом Высочайшим и жрецом и остальными фиасотами [*КБН* 1278, 1280, 1282]. Бог Высочайший Внемлющий – всевышний – считался главой фиаса, а жрец принимал его распоряжения и передавал их членам союза, хотя все дела решал сам, а другим членам синода (президиума фиаса) и фиаситам предписывалось строго им следовать. Поэтому Богу Высочайшему, Богу Высочайшему Внемлющему, Богу Внемлющему танаиты по обету приносили жертвы и вотивы, ставили статуи, устраивали праздники [*КБН* 1260–1261, 1277–1288], а в честь других богов, например, бога реки Танаиса, покровителя танаитов, организовали специальный «день Танаиса» [*КБН* 1259]. Все это происходило под покровительством жреца фиаса, поэтому его имя и должность всегда ставили во главе списка членов союза после датировочной формулы с именем и титулом царя, если таковая имелась. В Танаисе жрец вносил свои средства для восстановления памятника Богу Высочайшему Внемлющему по обету [*КБН* 1260]. Это говорит о серьезной дисциплине, а также о прочной и достаточно жесткой иерархической вертикали в структуре союзов. Поскольку в Зеноновом Херсонесе жрец поставлен на первое место среди должностных лиц фиаса, то он, очевидно, исполнял там те же обязанности, которые жрецы выполняли в других фиасах и синодах Боспора. На римском Востоке жрецы отвечали за благоустройство полисов и строительное дело. За это они пользовались почетом и уважением, поэтому их включали в состав фиасов [*Quass* 1993, 212–220].

1 В Каллатисе жрец фиаса почитателей Вакха (Диониса) вносил предложение о награждении всем фиасом благодетелей союза [*ISM* III 45].

Вторым после жреца в публикуемой надписи из Зенонова Херсонеса фигурирует парафилагаф. Эта должность, которая в надписях фиаса с мыса Зюк оставалась под вопросом, теперь, после обнаружения публикуемой надписи, засвидетельствована достаточно твердо. Парафилагафы часто встречаются в надписях фиасов и синодов в Пантикапее [*Сапрыкин* 2009, 334; *КБН* 80–83, 88, 90, 91, 93, 99, 100, 103, 107], Танаисе [*КБН* 1259–1260a, 1262–1265, 1268, 1277–1282, 1284, 1288], однако они не засвидетельствованы ни в Фанагории, ни в Горгиппии. Эта должность в иерархии союзов, как правило, следует за должностью филагафа. В Гермонассе в надписи синода и фиасотов присутствует филагаф, а парафилагаф не засвидетельствован [*КБН* 1054]. В Фанагории зафиксирована должность филагафа синода, а парафилагаф не упоминается [*Яйленко* 2002, 234]. Филагафы в боспорских ассоциациях занимались проверкой родословной входивших в них членов, их моральной стороной и материальным положением. Они рекомендовали продвигать фиасотов по иерархической лестнице в рамках союза. Парафилагафы являлись помощниками филагафов и вместе с ними входили в синод – президиум фиасов, поскольку занимались вопросами внутренней жизни союзов [*Poland* 1909, 355–357; *Латышев* 1910, 42; *Новосадский* 1928, 55; *Гайдукевич* 1949, 435]. Иногда, особенно если это касалось погребения членов ассоциаций, жрец и филагаф в надписях не упоминались. Вместо них решения принимались во главе с парафилагафами, о чем говорится в одной из надписей одного из пантикапейских синодов. Очевидно, по какой-либо причине при принятии решения о погребении, т. е. по делу, касавшемуся внутренней жизни фиаса, жрец и филагаф не посчитали необходимым присутствовать, либо погребенный не являлся значимой фигурой. Это позволяло принять постановление при участии второстепенных членов президиума фиаса, коими были парафилагафы – помощники филагафов [*Сапрыкин* 2009, 334]. Аналогичным образом в Гермонассе и Фанагории, в фиасах которых встречается должность филагафа, нет упоминаний о парафилагафе. Очевидно, при вынесении постановления парафилагафа не было на месте или он не вошел в президиум фиаса. В Гермонассе это могло быть связано с тем, что в руководство фиаса включили накора (неокора) – жреца-храмоблюстителя императорского культа, находившего под патронажем царя, первого неокора в государстве. Вместе со жрецом и гиеромастором, отвечавшими за организацию священнодействий, а также грамматеем союза и филагафом, принималось решение касательно какого-то религиозного действа [*КБН* 1054], связанного, очевидно, с почитанием римского императора (и, возможно, боспорского царя). Поэтому для выполнения этого государственного решения в президиум фиаса не включили младших должностных лиц парафилагафа, гимнасиарха, неанискарха, ибо их деятельность не имела касательства к культу римского императора. Согласно публикуемой надписи с мыса Зюк решение союза принималось в присутствии жреца и парафилагафа (должность филагафа могла просто не сохраниться, однако для ее восстановления на камне нет места). Это не означает, что у зенонитов в фиасе не было филагафа, просто в какой-то момент его обязанности были возложены на его помощника – парафилагафа. Присутствие в надписях Зенонова Херсонеса жреца и парафилагафа, во главе с которыми принималось решение фиаса, напоминает положение в фиасах Пантикапея, но отличается от практики, принятой в союзах Фанагории и Горгиппии. Это может означать, что фиас зенонитов создавался

по образцу пантикапейских союзов. При этом в ряде деталей он имеет сходство с ассоциациями Танаиса. Среди них включение в руководство союза парафилагафа и гимнасиарха, что фиксируется и в Пантикапее [*КБН* 80–84, 88, 90]. Последнее неслучайно, ведь Танаис был основан выходцами с Боспора, главным образом, из Пантикапея (*Strab.* VII. 4, 5; XI. 2, 3; *Plin.* VI. 20).

Должность гимнасиарха, засвидетельствованная публикуемой надписью из Зенонова Херсонеса, часто встречается на Боспоре. В Пантикапее гимнасиархи входили в состав синодов – президиумов фиасов во II в. н. э. [*КБН* 90] и в III в. н. э. [*КБН* 103]. Гимнасиархов можно встретить в Танаисе среди руководителей фиасов как членов синодов [*КБН* 1260а, 1263, 1264, 1268, 1277–1280, 1282, 1287, 1288]. В Горгиппии в 19/20 г. н. э. царь Аспург сделал посвящение Гермесу и Гераклу при гимнасиархе Дасии, сыне Грипа [*Завойкина и др.* 2018, 682]. В той же Горгиппии в середине-второй половине II в. н. э. обязанности гимнасиарха исполнял некий Фарнакион, имя которого фигурирует в середине списка имен граждан [*КБН* 1140]. Горгиппийские гимнасиархи известны пока только вне религиозных и религиозно-профессиональных союзов – фиасов и синодов, в руководство коих они не входили. Очевидно они руководили полисными гимнасиями, т. е. являлись городскими магистратами, отвечавшими за физическое воспитание граждан полисов [*Curty* 2015, 317]. Однако в Пантикапее, Танаисе и теперь, как стало известно, в Зеноновом Херсонесе гимнасиархи входили в руководство союзов, что относится ко времени не ранее II в. н. э. Это означает, что в рамках местных фиасов их обязанностью было заниматься физической подготовкой их членов, готовить их к агонам и состязаниям на праздниках в честь божеств – покровителей союзов, а также в честь римских цезарей и боспорских царей. В Пантикапее гимнасиархи присутствуют в руководстве фиаса – синоде только при погребении и постановке памятников отдельным членам, в одном случае вместе с неанискархом [*КБН* 103], отвечавшим за воспитание молодых сочленов, а в другом случае без неанискарха [*КБН* 90]. Это может означать, что гимнасиархов включали в синод, когда почитали умерших членов фиаса, которые занимались физическими упражнениями непосредственно под руководством или под присмотром гимнасиарха (возможно в городском гимнасии, которым гимнасиарх продолжал руководить). В тех же случаях, когда гимнасиарх прежде не занимался с умершим фиасотом гимнастическими упражнениями или же принимал участие в его физическом воспитании уже достаточно давно и потому не отвечал за него перед руководителями союза, то в число участников погребальных мероприятий его могли не включать.

В Танаисе на протяжении второй половины II – первой половины III в. н. э. гимнасиархи почти регулярно (исключение [*КБН* 1260, 1262]) присутствуют в синоде – руководящем органе фиаса, особенно когда всем фиасом возводилась стела или статуя Богу Высочайшему и Внемлющему как покровителю союза или же когда составлялись обновленные списки союза и стела с именами руководителей и членов выставлялась на всеобщее обозрение. Гимнасиархи в Танаисе всегда упоминаются в синоде вместе с неанискархами, поскольку совместно готовили молодых членов союза, отцы которых были фиасотами, для состязаний на празднике в честь Бога Высочайшего и Внемлющего, когда все его почитатели приносили дары и совершали жертвоприношения. При этом гимнасиархи отсутствуют среди руководителей союза в празднование «дня Танаиса»

в 104 г. н. э. [*КБН* 1259]. Тогда они, вероятно, еще не входили в руководство союза или же их воспитанники не принимали участия в этом празднике, так как спортивные состязания не предусматривались. Отсутствует гимнасиарх и при посвящении по обету Богу Высочайшему в правление царя Евпатора, несмотря на то что при этом присутствовали почти все члены синода и фиасоты, кроме секретаря [*КБН* 1960; ср., вероятно, также 1962]. Возможно гимнасиарх и тогда не входил в руководство союза по причине отсутствия еще не избранного нового должностного лица после смерти предыдущего. Нет о гимнасиархах упоминаний в танаисских надписях «приемных братьев» [*КБН* 1281, 1283, 1284], очевидно, новых адоптированных в союз членов, отцы которых не являлись ранее его членами [*Жебелев* 1953, 302; *Pázsint* 2019, 571]. Эти новые члены еще полностью не освоились в союзе, поэтому патронат гимнасиархов на них не распространялся, так как в отличие от «наследственных фиасотов» они не принимали участие в гимнастических и гимнических состязаниях.

Таким образом в Зеноновом Херсонесе, как в Пантикапее и Танаисе, гимнасиархи входили в руководство фиаса, поскольку он объединял граждан, получавших право на членство в союзе «от отцов», т. е. сыновьям и внукам как бы по наследству передавалось право почитать божество – покровителя зенонитов, что позволяло им оставаться полноправными членами фиаса. Все сказанное еще раз подчеркивает ранее отмеченную близость союза зенонитов фиасам Пантикапея и Танаиса.

В одной из надписей с мыса Зюк (рис. 3) восстанавливается должность «отца синода» [*Сапрыкин, Масленников* 1999, 194, табл. I. 2]: […]ΑΤΕΡΑΣ […] / […]ΡΑΤΟΝ[…] / […]Θ[…]. При первой публикации текст был восстановлен не совсем точно – в последней строке вместо отчетливой Θ мы ошибочно рассмотрели Ω и на основании лишь одной этой буквы реконструировали в строке должность синагога. На самом деле надпись следует читать таким образом:

[.....]
1 [.....καὶ π]ατέρα σ[υνόδου]
2 [.....Στ]ρατον[ίκου καὶ]
3 [τῶν λοιπῶν]θ[ιασεῖτων...]
[..... .]

Перевод: « (…во главе …… и) отцом синода (…), сыном Стратоника (и остальные фиасоты (…)».

Это фрагмент постановления синода или фиаса, по обыкновению предварявшегося традиционной формулой «синод во главе со жрецом и другими должностными лицами синода/фиаса (в их число входил и «отец синода») и остальные фиасоты». Скорее всего, в данной надписи перед «отцом синода» упоминались жрец, стоявший во главе союза, и другие должностные лица (либо просто жрец и «отец синода»). Она свидетельствует, что в Зеноновом Херсонесе существовал синод. Вопрос о боспорских синодах до сих пор дискуссионен. Выдвигался тезис, что синоды и собрания фиасотов (койнон) могли быть кружками сверстников и товарищескими сообществами, объединяемыми культовыми целями, религиозно-возрастными союзами, частными сообществами, религиозными товариществами, семейно-родственными ассоциациями почитателей культа умершего

Рис. 3. Фрагмент списка имен зенонитов с упоминанием отца синода

предка и даже погребальными сообществами [*Завойкина* 2003, 120–137; 2006, 2–13; 2007, 299–315; 2013, 25–130]. Такой разброс оценок при характеристике союзов объясняется попыткой привязать к боспорским реалиям широко известные в науке термины «voluntary associations» и «альтернативные сообщества». Идея в общем правильная, фиасы и синоды – это изначально сакральные союзы, которые имели социальный статус [*Wilson* 1996, 1–7; *Kloppenborg* 1996, 26; *Pázsint* 2019, 570]. В Истрии, например, в постановлении филы – местной религиозной ассоциации, ранее являвшейся административно-территориальным подразделением полиса – говорится, что в месяц Анфестерион участники жертвоприношения богам, очевидно, во время одноименного празднества, устраивают синод и проводят награждение золотым венком тех, кто совершал благодеяния гражданам и членам филы, т. е. союза-ассоциации. В данном случае синод выступает как руководящий орган ассоциации, который решал дела «без разногласий» [*ISM* I. 58]. На Боспоре фиасы и синоды – это религиозные союзы, которые, несмотря на общее сходство в ряде черт, имели в каждом городе определенное своеобразие, объяснявшееся стремлением сохранить за полисами видимость автономных привилегий, утраченных в результате усиления царской власти. Боспорские синоды и фиасы, участвовавшие в погребальных церемониях умерших членов и священнодействиях, представляли собой не разные типы сообществ, а ассоциации, в задачу которых входило повышать социальный статус членов, заниматься похоронами и возведением погребальных стел, жертвоприношениями и либациями, принесением даров, организацией празднеств и совместных пиров в честь богов-покровителей союза, римских императоров, а также эллинистических монархов. Эти мероприятия входили в обязанности фиасов, а позднее их взяли на себя синоды, изначально сакральные объединения, которые в большинстве

религиозных сообществ на Боспоре усилиями властей превратились в руководящий орган ассоциаций, т. е. стали президиумом фиасов [*Сапрыкин* 2009, 337–341].

В публикуемой новой надписи из Зенонова Херсонеса и в надписи с датировкой по правлению царя Котиса III жрец, парафилагаф и гимнасиарх являются должностными лицами в фиасе. В Пантикапее, в надписях фиасов эллинистической эпохи и приблизительно рубежа I–II вв. н. э. [*КБН* 75, 76], должностные лица союза, позднее упоминаемые в синоде, выступают как руководители фиаса, а не синода. Это наглядно демонстрирует надгробие рубежа эр из Китея, где умершего члена фиаса почитают фиасоты во главе с руководителями сообщества, должности которых отсутствуют [*Молев* 2001, 98, 101; 2010, 97, рис. 135]. В одном случае, при Савромате II, жрец, «отец синода», прагмат входят в руководство фиаса, при этом синод не упоминается, хотя присутствие там «отца синода» подразумевает его существование [*КБН* 77]. Очевидно, синоды как президии фиаса стали возникать в Пантикапее, Танаисе, Фанагории [*КБН* 988; возможно, *Яйленко* 2012, 234], Гермонассе [*КБН* 1054, 1055], Горгиппии [*КБН* 1129, 1135] в рамках уже ранее существовавших объединений – фиасов. Поэтому решения членов синода принимались при участии «остальных фиаситов» или просто фиаситов, которые совместно с руководителями синода удостоверяли эти постановления своими именами или же просто упоминались на стеле. Впервые фиас на Боспоре упоминается в надписи из Пантикапея в правление царя Перисада IV (150–125 гг. до н. э.), когда фиаситы посвятили памятник Афродите Урании Апатуре. Они сделали это во главе с синагогом – одним из руководителей или же единым в то время руководителем сообщества [*КБН* 75]. Впоследствии синагоги как одни из руководителей фиасов войдут в синоды, которые станут во главе сообществ – фиасов. Появление синодов как президиумов фиасов могло произойти во II в. н. э., возможно, в первой половине столетия. Об этом косвенно свидетельствует список членов синода и «остальных фиасотов» из Танаиса, датированный В. В. Латышевым не позднее первой половины II в. н. э. [*КБН* 1263]. Однако если датировка погребальной надписи пантикапейских синодистов в память о почившем Дафе, сыне Психариона, «управляющем царским двором», действительно относится к I в. н. э. [*КБН* 78], то можно предположить, что синоды существовали даже раньше. Однако до II в. н. э. они не обладали полномочиями руководить всеми делами в союзе. То же могло происходить в Зеноновом Херсонесе, где синод – руководящий орган фиаса – был создан позднее самого фиаса, ранее уже активно функционировавшего. Если это было так, то мы в очередной раз должны отметить сходство фиасов Пантикапея, Танаиса и Зенонова Херсонеса.

Надпись из Зенонова Херсонеса, о которой речь, скорее всего, поставлена в память об умершем члене фиаса или синода. Убедительной параллелью ей являются многочисленные надписи пантикапейских синодов с аналогичной преамбулой, перечислением должностных лиц в синоде и указанием на остальных фиасотов/синодистов в именительном или родительном падеже множественного числа [*КБН* 79, 82–84, 87– 90, 93, 96–99, 101, 103, 104, 106]. Постановку стелы умершему фиаситу и прощание с ним организовывали члены синода и фиаситы, причем формулировка «и остальные фиаситы» показывает, что члены синода также считались фиаситами, но составляли его элиту – руководящее ядро союза. Поэтому в некоторых случаях они именовались синодистами, т. е. лицами, руководившими союзом. Если умирал член фиаса, то необходимые

формальности, организацию прощальной церемонии, постановку изображения умершего брали на себя члены синода и остальные фиасоты [*КБН* 79, 82, 88, 89] или только синодисты. Если из жизни уходил член синода – крупный деятель, царский чиновник, простой синодист, то памятную стелу ставили синодисты [*КБН* 78, 86] или же совместно синодисты и фиасоты [*КБН* 83, 90]. При прощании с должностным лицом фиаса – членом синода, например, синагогом, памятник возводили синод и остальные члены фиаса [*КБН* 87]. Не всегда ясно, являлся ли почивший членом синода или простым фиасотом, ибо его положение в союзе не фиксировалось [*КБН* 80, 81, 84, 88, 93]. Если все расходы на погребение брал на себя синод, то умерший, скорее всего, являлся членом синода. На это намекает постановка стелы синагогу – одному из руководителей синода и фиаса – синодом во главе с Мастаром, Гедистом, Гедигеном и Иларионом, должности которых не указаны [*КБН* 87]. Очевидно, это были члены синода, которые не замещали никаких должностей, но получили право руководить прощальной церемонией в фиасе. Аналогичная ситуация сложилась в фиасе Китея на рубеже эр (см. выше). Участие одних должностных лиц в такой церемонии и неучастие других, упоминание при этом фиасотов либо их не упоминание, можно объяснить финансовыми делами фиаса. Те, кто вносил деньги в общую казну союза для организации похорон (возможно, за эти расходы отвечал синод, отчего в надписях всегда присутствует формула «синод во главе с …»), получали право поместить свое имя (и должность) на памятную стелу, сопровождавшую изображение покойного или увековечивавшую его имя.

Это доказывает, что в Пантикапее и других городах Боспора, синоды являлись президиумами фиасов, деятельность которых широко развернулась во второй половине II – первой половине III в. н. э., особенно при Савромате II и его ближайших преемниках [*Сапрыкин* 2009, 336–341]. Они объединяли должностных лиц союзов, знатных граждан, царских чиновников, благотворителей-эвергетов типа «друзей синода» [ср. *КБН* 1277, Танаис], а также лиц, которых именовали «отцом синода». В фиасах Пантикапея «отец синода» входил в руководство союзов, так как при принятии постановления о прощании и постановке стелы умершим фиасотам или синодистам он занимал в иерархии синода второе место после жреца [*КБН* 77, 95, 96, 98–100, 103–105]. Иногда «отца синода» называли кратко – «отец» [*КБН* 96, 103, 105]. В союзах Танаиса «отец синода» также упоминался вторым после жреца перед другими должностными лицами союза [*КБН* 1261, 1263, 1277, 1282, 1288]. И только в одной танаисской надписи он назван в числе простых членов фиаса [*КБН* 1278], но восстановление там этой должности сомнительно. «Отец синода» не засвидетельствован в других городах Боспорского царства. В Танаисе и Пантикапее в ряде случаев мы не находим его среди руководителей союзов, нет его и среди простых фиасотов и синодистов. Это может означать отсутствие «отца синода» при принятии решения о почитании умершего сочлена или же по каким-то причинам он не присутствовал на собрании фиасотов или синодистов, когда принималось постановление, как проводить священнодействия. Можно предполагать уход его из жизни незадолго до принятия решения относительно соответствующих мероприятий союза. Функционирование этой должности исключительно в синодах Пантикапея, Танаиса и Зенонова Херсонеса в очередной раз говорит о том, что фиас зенонитов создавался по образцу пантикапейских и танаисских союзов.

В эллинском мире синоды – это культовые объединения вокруг божеств-покровителей [*Wilson* 1996, 1–7], поэтому боги часто возглавляли подобные объединения. В Танаисе бог всевышний являлся главой синода и стоял во главе списка должностных лиц синода, поэтому его теоним всегда предшествовал именам руководителей [*КБН* 1278, 1280, 1282]. В Александрии в римскую эпоху во главе священного синода ксистов (атлетов – метателей копья) стояли Геракл и верховный жрец – пожизненный ксистарх [*IGR* I–II 150, 155]. В начале II в. до н. э. в Пергаме во времена царя Аттала II большим влиянием пользовался религиозный союз τὸ κοινὸν технитов (почитателей) Диониса в Ионии и Геллеспонте во главе с этим богом. Впоследствии союз технитов возглавлял Дионис Катагемон – один из верховных богов, считавшихся покровителем Атталидов. Этот союз именовался и синодом и койнон [*IG* XI. 4. 1136 + 1061; *Michel* 1900/1912–1927, 1014–1016; *Robert* 1937/1970, 445–450; *Allen* 1983, 149; *Шарнина* 2002, 288]. В одной из дельфийских надписей говорится: τὰς θυσίας καὶ σπονδὰς ἐκώλυον ποιεῖν, καθὼς εἰθισμένον ἦν τῇ συνόδωι, τῶι τε Διονύσωι καὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς καὶ τοῖς κοινοῖς εὐεργέταις Ῥωμαίοις – «мешали совершать жертвоприношения и либации, как по обыкновению, было в синоде Диониса и других богов и союзах эвергетов римлян» [*FD* III 2, 70, 45]. Поэтому можно согласиться с утверждением, что в эпоху Римской империи различия между фиасом, койнон и синодом постепенно стирались и этот процесс коснулся Боспора [*Ziebarth* 1896, 137; *Габелко, Завойкина, Шавырина* 2006, 337]. В союзах почитателей Бога Высочайшего и Внемлющего в Танаисе синод занимал важнейшее место в структуре фиасов. Напротив, в таком религиозно-профессиональном сообществе, каким был фиас навклеров в Горгиппии при Савромате II, синод как руководящий орган союза не засвидетельствован [*КБН* 1134]. Следовательно, появление синодов в рамках боспорских фиасов имело место в сакральных объединениях[2]. Синоды, получившие во II в. н. э. важные руководящие полномочия, решали внутренние дела сообществ, например, касающиеся погребений умерших членов, а также некоторые религиозные вопросы, связанные с почитанием богов-покровителей союза. Они как бы присвоили себе все важные функции, прежде возлагавшиеся на фиас. В этой связи становится понятнее смысл должности «отца синода» – это был старейший и уважаемый член ассоциации, основатель и один из главных руководителей синода – президиума фиаса, который отвечал за структуру и логистику ассоциации, контролировал справедливое и правильное распределение функций должностных лиц и денежных средств, организовывал коллективные пиры и банкеты членов ассоциации. Члены фиасов и синодов считались «братьями», так как их объединяло божество-покровитель. Новые члены союза, которых включали в фиас или синод, только адаптировались среди постоянных членов и потому именовались «приемными братьями» [см. *КБН* 104, 1283–1286]. Поэтому

[2] В Истрии еще в эллинистическую эпоху синоды являлись сакральными объединениями и имели свои законы [*ISM* I. 1, 58; *Ruscu* 2014, 139–152]. В Каллатисе в римское время синоды считались собраниями фиасотов, причем имели право принимать декреты в честь своих благодетелей [*ISM* III. 41]. Однако чаще всего решения о награждении венком благодетелей фиаса и о воздании им почестей принимались всем фиасом, но на собраниях синодов [*ISM* III. 42–46]. Это означает, что синоды в Каллатисе были составной частью фиаса, т. е. собраниями наиболее влиятельных фиасотов, поэтому имели право принимать решения самостоятельно. В Истрии, Каллатисе, Дионисополе, Византии названия ассоциаций – фиаситов и синодистов – связано с божествами, а их отличие друг от друга объяснялось характером почитаемых божеств [*Pázsint* 2019, 570–574].

участники религиозных ассоциаций – «братья», особенно те, кто почитал всевышнего, имели право называть старейшего сочлена «отцом синода» или по-простому «отцом», ибо главой объединения нередко выступал сам бог, воспринимавшийся как отец союза. По положению «отец синода» был тождествен ктисту и эвергету, каковым был, например, основатель афинского синода почитателей Афины Сотеры, которому синод предписал оказывать почести и сохранять о нем память [*Syll*.[3] 1104]. Благодетелями и почитателями фиасотов в Каллатисе являлись выходцы из знатной семьи – Аристон и его сын Аристон, которого в 12–15 гг. н. э. за благодеяния фиасу и народу фиасоты увенчали венком при всем синоде [*ISM* III. 44: κατὰ [πᾶσαν σύν]οδον, ср. 42: [ἐμ πάσαι συν]όδωι] и в дни праздников, когда фиасоты объединялись. Поскольку некоторые декреты ассоциаций Каллатиса датированы по эпонимии царя – полисного магистрата с жреческими полномочиями[3], а их деятельность как эвергетов восхвалялась за доброе отношение к народу и фиасу, и к тому же отец Аристона получил звание «ктиста полиса», причем дважды [*ISM* III 40–45], можно предполагать, что эвергет фиаса и народа имел связи с полисными властями. Вполне возможно, что на Боспоре «отец синода» осуществлял контакты между фиасотами/синодистами и боспорскими чиновниками, включая царя[4].

Некоторые надписи фиасов и синодов Боспора, в том числе в Зеноновом Херсонесе, продатированы по царствованию монархов, а в других надписях такой датировочной формулы нет. Для объяснения этого следует обратить внимание на письма Плиния Младшего императору Траяну, в которых легат провинции Вифиния Понт испрашивает кесаря, как поступать с союзами граждан полиса. В Никомедии он предложил создать коллегию пожарников (аналог религиозно-профессионального союза) и дать им права исключительно в профессиональной сфере, чтобы держать их под надзором. Император побоялся создать такой союз, сославшись на то, что в городах подобные союзы могли превратиться в нежелательные тайные сообщества даже несмотря на даваемые властями названия, ограничения в членстве и привилегии [*Plin.* Epist. X. 33, 34]. Траян запретил поддерживать в городах провинции систему денежных ссуд, которые граждане и члены союзов вносили в общую кассу для помощи сочленам по уставу союзов. Принцепс опасался, что подобные кассы могут побудить граждан на восстания против римлян и на поддержку недозволенных союзов, поэтому запретил их везде, кроме Амиса, где разрешил использовать их только для нужд полисной общины, но не союзов [*Plin.* Epist. X. 92, 93]. Из этого следует, что римские власти вводили нормы регулирования деятельности союзов [*Cotter* 1996, 82–85]. Траян, например, следил, сколько членов союза было в гильдии писцов Оксиринха, которые поклялись ему, что их не будет более установленного количества в пять человек [*Pap. Oxy* 1029]. Согласно Дигестам (Институциям Гая) взаимоотношения власти, союзов, товариществ и коллегий, их учреждение

[3] В Каллатисе эпонимная должность басилея, характерная для дорийских полисных общин, в первые века н. э. являлась почетной. В одном случае ее, очевидно, номинально, замещал фракийский царь Котис III, сын Реметалка I [*ISM* III 44], а в другом случае император Тиберий [*ISM* III 46].

[4] На Боспоре при Савромате I был учрежден Νεικαιέων νέων σύνοδος – союз молодых никейцев, уроженцев города Никея в провинции Вифиния-Понт, основателем – ктистом и эвергетом которого являлся сам царь Савромат I [*КБН* 44]. В данном случае царь был тождествен «отцу синода» в надписях фиасов Боспора.

и деятельность ограничивались императорами и решениями сената. Разрешалось организовывать союзы для сбора государственных налогов, разработки приисков и рудников по добыче драгоценных металлов, для солеварения, а также создавать союзы ремесленников и корабельщиков. Им предоставлялось право иметь общее имущество, казну, а их представителю – заведующему делами или синдику – следить, чтобы все дела в союзе совершались сообща, как в общине. В таких союзах надлежало иметь защитника их интересов, в случае его отсутствия власти имели право завладеть их имуществом и даже издавать приказы о его продаже. Если синдик или представитель союза – защитник его интересов отсутствует по болезни или по неспособности заниматься делами, то по закону его не существует вовсе [*Digest*. III. 4. 1]. Члены ассоциаций, которые создавались вместе с эллинами и назывались гетериями, получали право на любые контракты, которые хотели заключить друг с другом, но только если они не шли во вред публичным законам. В основу деятельности союзов были положены законы Солона, по которым разрешалось формировать сообщества, если не было расхождений с существующим законодательством. Тогда всем, кто создавал объединение для жертвоприношения, морских плаваний, или же хотел быть погребенным в общей гробнице, или быть членом одного сообщества, чтобы жить вместе, и об этом была достигнута договоренность и общественные законы этого не запрещали, то такие товарищества власти создавать не препятствовали [*Digest*. XLVII. 22. 4].

В Римской империи ассоциации, коллегии, товарищества и сообщества создавались с разрешения властей – императора, легатов провинций, а также согласно сенатусконсультам в соответствии с законами. Власть жестко регламентировала их деятельность, способствуя в основном организации религиозно-профессиональных сообществ ремесленников и корабельщиков, поскольку они приносили доходы в казну. Другие типы сообществ могли быть созданы по воле и желанию императоров, но только если они не представляли угрозы власти римлян. Поэтому и их деятельность зависела от принцепса, который при принятии решения об их организации руководствовался соответствием их деятельности законодательству городов и провинций. Среди них были религиозные союзы, появление которых обуславливалась эдиктом императора или актом сената, чтобы использовать их как инструмент политики властей. Помимо них были частные ассоциации без государственных функций, объединявшие вольноотпущенников, рабов, воинов, иностранцев и т. п. [*Kloppenborg* 1996, 16–18]. На Боспоре, который находился под влиянием Римской империи и представлял собой вассальное государство, местное законодательство не могло значительно расходиться с правилами и законами Империи. В Риме, например, все союзы, связанные с торговлей хлебом, кораблестроительством и подвозом зерна, выступали как бы на службе государственных интересов [*Rostovtzeff* 1926, 149]. В Боспорском царстве во II в. н. э. большим влиянием пользовался фиас навклеров из Горгиппии, который, как предусматривалось боспорским правом и соответственно римскими законами, находился под патронажем царской власти [*Жебелев* 1953, 204–217; *Алексеева* 1997, 67]. По римским законам сообществам и союзам предписывалось иметь представителя –– синдика или actor'а, влиятельного и богатого человека, защитника их интересов перед властями [*Kloppenborg* 1996, 19]. В боспорской иерархической структуре фиасов и синодов ему соответствовал «отец синода». Выше

отмечалось, что в некоторых случаях «отец синода» и некоторые другие члены руководства союзов не фигурируют в надписях сообществ. Это коррелирует с отмеченным выше предписанием римского императора, что если представитель союза – защитник его интересов – либо по болезни либо по неспособности заниматься делами отсутствует, то его по закону как бы не существует. Это объясняет, почему боспорские синоды не включали в списки отсутствовавших при принятии решений лиц, входивших в руководство союзов. Присутствие в фиасах и синодах царских чиновников – «начальника царского двора», «начальника Горгиппии», «руководителей царской резиденции» и других было выгодно царям, так как соответствовало римским установкам осуществлять более пристальный контроль за деятельностью объединений. При этом участие фиасотов и особенно их руководства – синода в погребальных церемониях и других священнодействиях считалось обязательным для союзов и коллегий [*Kloppenborg* 1996, 21], а не выставляло синоды и фиасы в качестве частных сообществ. Это соответствовало боспорским традициям полисной жизни и римским законам и нормам, призывавшим сообщества вести дела «как в общинах». Все это убедительно показывает, что боспорские религиозно-профессиональные и сакральные союзы находились под достаточно сильным контролем царской администрации, которая стремилась следовать римским правовым нормам. При этом, если дело касалось государственных интересов или идеологии, включая священнодействия в рамках культов ведущих божеств боспорского пантеона, либо если речь шла о строительстве или ремонте стен или зданий общественно-государственного значения, то цари, согласно предписаниям римских и местных законов, разрешали союзам проводить соответствующие акции общественного характера. Для этого даже выделялись определенные средства из царской казны[5]. В таких случаях решения союзов согласовывались с пожеланиями властей, а их декреты и постановления сопровождались официальной датировкой с указанием титулатуры и имени правящего царя. Если же дело касалось прощания с умершим членом сообщества или его руководства (особенно если он не занимал государственных постов), то это считалось внутренним делом союза и не попадало под статус официального мероприятия, поэтому формулировка по правлению монарха на стелу не ставилась. Впрочем, иногда жертвоприношения, почитание богов-покровителей, возведение статуй и соответствующие священные действия синода и фиасотов также не сопровождаются датировкой по правящему царю [ср., например: *КБН* 1280, 1281, 1287]. Это может означать, что сакральные действия проводились исключительно по решению союза и на средства из его общей казны. То же самое относится к полным спискам членов синодов, например, к перечислению всех руководителей синода и остальных членов фиаса в Танаисе [*КБН* 1282]. Они, как и многочисленные

5 В Горгиппии, например, доходы союзов находились в тесной зависимости от доходов полиса. В состав фиасов, объединявших горожан и чиновников городской и царской администраций, входили лица, которые ведали поступлением в царскую казну пошлин, «священные экономы», заведующие доходами сообщества-фиаса и «начальник фисков», который следил за поступлением из Горгиппии доходов в царскую казну. Цари могли сократить количество налогов и податей в размере тех сумм, которые фиасоты тратили на общественные и государственные нужды. Они давали ссуды фиасам и городам для организации священнодействий и общественно значимых мероприятий, которые союзы и полисы пускали в рост через систему откупов, что приносило доходы сообществам и соответственно приводило к росту отчислений в царскую казну [*Сапрыкин* 1990, 203–213].

фрагменты таких списков из других мест, не продатированы по царской формуле декретов. Их появление можно сопоставить с практикой утверждения членов союзов римскими императорами, как в Оксиринхе (см. выше). Очевидно, на Боспоре это были списки членов союзов, которые обновлялись и выставлялись на всеобщее обозрение, прежде чем их официально утверждали боспорские цари. В этом случае официальная государственная датировка, принятая на Боспоре, не предусматривалась, так как ее можно было использовать лишь на тех документах союзов, которые согласовывались с царской администрацией. Таким образом боспорские власти оказывали влияние на местные сообщества и осуществляли контроль за их деятельностью, которая, как и в Римской империи, не должна была противоречить интересам государства и официальной идеологии.

Все сказанное в полной мере относится к фиасу и синоду Зенонова Херсонеса. Следует обратить внимание, что в новонайденной надписи с мыса Зюк имя и титул правящего царя отсутствуют, а надпись с упоминанием царя Котиса III датирована по правлению монарха. Такое различие можно объяснить тем, что новая надпись была поставлена фиаситами по частному поводу, вызванному внутренними делами союза, а вторая надпись отражала связь фиаса с правящей династией или скорее появилась вследствие некоторого влияния на него со стороны царского двора. Надпись с упоминанием царя Котиса была найдена в слое разрушения поселения в контексте находок из слоя, связанного с постройкой оборонительной стены городища в первой половине III в. н. э. Поэтому было высказано предположение, что она имела отношение к возведению оборонительных сооружений [*Масленников* 1992, 163]. В таком случае фиас зенонитов мог принять участие в государственном деле – строительстве стены, поэтому поставленная по данному поводу надпись получила официальный характер и потому продатирована по царствованию Котиса III.

Нам известен ряд имен жителей Зенонова Херсонеса, входивших в фиас или синод: Теангел, Фанн, Байос, Самбион, Гераклий, Деметрий, Гераклид, Тамфл, Дионисий, Стратоник, Дад, Мен(…), возможно, Ардар, Атта [*КБН* 898; *Масленников* 1992, 169; *Сапрыкин, Масленников* 1999, 194–196]. Большинство имен греческие, часть из них негреческие, скорее всего, малоазийские и иранские (Дад, Ардар?, Атта), что свойственно антропонимике Боспора римского времени и является показателем эллинизации населения. Некоторые имена, например, Деметрий, Стратоник повторяются – вероятно, это члены семей, представители которых на протяжении одного-двух поколений входили в фиас. В таком случае, согласно общеэллинской и местной боспорской практике, членство в сообществе могло передаваться от отцов к сыновьям и от сыновей к внукам. Фрагмент списка имен, скорее всего, членов фиаса (рис. 4), опубликованный в 1999 г. [*Сапрыкин, Масленников* 1999, 195], был прочитан нами таким образом: […Δά]δον Μην[…] / […Δ]ιονύσιον[…] / [..Ἡρό]ξενον Στ[ρατονίκου?]. Однако на камне в стк. 3 вместо *кси* отчетливо читается *ипсилон*, поэтому имя фиасота Героксена восстановлено неверно. В строке сохранилось сочетание букв […]ΥΕΝΟΝΣΤ[…]. Это с большой вероятностью позволяет реконструировать ее как […Πολ]ύενον Στ[…] с традиционным для римской эпохи αι = ε в личном мужском имени Πολύαινος [*Доватур* 1965, 802, § 6, 1–2]. Это имя широко известно в Элладе [*LGPN* II. 371], однако в Северном Причерноморье до сих пор не встречалось [ср. *LGPN* IV. 283: Македония, Амфиполь, Фракия]. Отчество Полиена

Рис. 4. Фрагмент списка фиасотов Зенонова Херсонеса

начиналось на Στ[…]: в боспорской антропонимике мужских имен с подобным началом более десятка, но наиболее популярными являлись имена Ст(ратий), Ст(ратон), Ст(ратонакт), Ст(ратокл) [*КБН* индекс, с. 898; *LGPN* IV 317–319]. Мы с известной долей гипотетичности восстанавливаем в данной надписи патронимик Полиена как Ст(ратоник), тем более что такое имя засвидетельствовано в другой надписи с мыса Зюк. Стк. 1 […]δον Μην[…] восстанавливается предположительно. Список имен с окончанием на (…)δος достаточно обширен [*LGPN* IV index, p. 376, 377]. На Боспоре чаще всего фиксируются имена Δάδος, Σίνδος, Εὔοδος, поэтому дополнение […Δά]δον условное. Мужских имен на Μην[…] очень много, на Боспоре их 27, но наибольшей популярностью пользовались Μηνόδωρος, Μήνιος, Μηνᾶς, Μηνόφιλος [*КБН* индекс, с. 884]. Одно из них вполне могло фигурировать в данной надписи.

Список членов фиаса зенонитов или просто граждан города приводится в винительном падеже. Эта лингвистическая особенность встречается на Боспоре. В Танаисе, например, имена членов фиаса или синода «братьев», сделавших посвящение в 230 г. н. э. Богу Всевышнему, стоят в винительном падеже [*КБН* 1284]. При этом большая часть подобных списков составлялась в номинативе. С учетом сказанного, надпись реконструируется следующим образом:

1 [...Δά?]δον Μην[...]
2 [...Δ]ιονύσιον[...]
3 [...Πολ]ύενον Στ[ρατονίκου?]

Большая часть имен фиаситов Зенонова Херсонеса принадлежит грекам. Поэтому население этого города в римскую эпоху сохраняло эллинские черты и соблюдало греческие традиции. Боспорские фиасы и синоды, как сообщества жителей государства, были организованы в Пантикапее, Фанагории, Танаисе, Гермонассе, Горгиппии, в их окрестностях и в так называемых «малых городах», включая Зенонов Херсонес и Китей. Они появились тогда, когда боспорские власти стали урезать привилегии полисов в связи с принятием архонтами Боспора и Феодосии царского титула. Однако особенно серьезные изменения во взаимоотношении полисов и царской власти произошли в митридатовскую и постмитридатовскую эпохи. Цари Боспора прекратили полисную чеканку, провели масштабное перераспределение земельной собственности. Они значительно урезали полисную хору, прирастив за ее счет царские владения и земли крупных храмов. Одновременно на Боспоре оседало большое количество пришлого населения из других мест античной ойкумены и варварского анклава, перемещались группы людей, переселявшиеся на новые места, в основном, в города и на царскую хору. Об этом говорят многочисленные списки имен из разных мест, особенно с Азиатского Боспора [*Сапрыкин* 2017, 334]. В этих условиях в греческих полисах Пантикапее, Горгиппии, Фанагории, Гермонассе, малых городах, которые также имели земельные владения, не без участия царской власти и не без влияния их римских патронов стала повышаться роль сообществ – ассоциаций типа фиасов, объединявших значительное количество людей. Они были заняты как в профессиональных сообществах, так и в сакральных союзах почитателей богов официального пантеона Афродиты Апатуры, Посейдона, Геры и Зевса Спасителей и т. п., а позднее Богов Всевышнего и Внемлющего и его дериватов типа Богов Пантократоров и т. п. Это позволяло усилить эллинизацию новых жителей, о чем свидетельствуют многочисленные варварские имена в списках боспорских граждан, быть может, будущих членов боспорских сообществ. Создание союзов в условиях контроля со стороны власти открывало возможность сохранить элементы общинного образа жизни, создавало иллюзию автономии и свободы, что отвечало менталитету греков. Такая политика была достаточно привлекательной для новых подданных и, очевидно, пользовалась поддержкой граждан, поэтому число участников сообществ постоянно возрастало. Это привело к увеличению количества союзов по всему Боспору, а внутри союзов вызвало рост числа их членов. Как следствие, усложнилась их иерархическая структура, были созданы президии фиасов – синоды, объединявшие руководство фиасов и покровителей союзов из числа лиц царской администрации и эвергетов из богатых и знатных граждан. В греко-римском мире эти лица занимались благотворительностью, брали на себя литургии, вкладывали средства в строительство, закупку хлеба и организацию его раздач, за что пользовались большим почетом и потому вводились в руководящие органы союзов граждан [*Wörrle* 1988, 132–135]. К тому же для властей открылась возможность упорядочить систему налогообложения, чтобы извлечь дополнительные доходы в казну от торговой и ремесленной деятельности наиболее значительных профессионально-религиозных ассоциаций. Религиозные союзы и их синоды также пользовались поддержкой царской администрации, поскольку по примеру коллегий в римских провинциях их задачей было отвлекать население от выражения недовольства, сплачивать его для почитания верховных богов, покровительствовавших царям и римским цезарям.

Разбирая статус аттических религиозных союзов оргеонов, Э. Д. Фролов отмечал, что первоначально эти сообщества являлись гентильными и административными корпорациями афинских граждан типа административных подразделений полиса – родов или демов. Постепенно со временем стали появляться сообщества более частного характера, которые в условиях кризиса и проникновения в состав полисов неграждан как бы заменили прежние корпоративные организации полиса, превратившись в обычные полурелигиозные полупрофессиональные объединения. Они воспроизводили полисную форму устройства, но не являлись полисными институтами, так как обеспечивали своим членам духовную, моральную и религиозную свободу, столь ценимую эллинами [*Фролов* 2002, 209–216]. Неслучайно, в институциях Гая (Дигестах) они величаются гетериями, общинами – демами, фратерами, членами похоронных товариществ, фиасотами (см. выше). В Истрии они назывались филами (см. выше), в пафлагонском городке Абонутейхе фратриями [*Reinach* 1905, 113; *Poland* 1909, 528], которые ранее являлись подразделениями в структуре полисов, восходившими к гентильным организациям [*Bourriot* 1976, 650]. На Боспоре фиасы и синоды вряд ли выступали корпоративными институтами полисного строя. Их появление в позднеэллинистическую и особенно в римскую эпоху должно было компенсировать потерю полисной свободы и автономии, а гражданам восполнить утрату ряда важных личных свобод и привилегий. Однако если в полисах частные и религиозно-профессиональные союзы – филы, гетерии, фратрии и т. п. просто трансформировались в альтернативные сообщества в рамках тех же полисов, то в Боспорском государстве таких корпоративных организаций не существовало (во всяком случае о подразделениях полисов типа фил или фратрий нам ничего неизвестно). Поэтому там их заменили фиасы и синоды, которые были призваны сохранить общинные традиции полисной жизни, но без политической окраски, и создать представление о поддержке царями свободы эллинов при утрате полисами конституционной автономии и элевтерии. Эта тенденция была особенно близка малым городам Боспора, которые ранее, вероятно, составляли часть структуры крупных боспорских полисов и не имели всей полноты политических привилегий. Поэтому обитатели Зенонова Херсонеса, возможно, прежде подчинявшиеся пантикапейскому полису, а впоследствии оказавшиеся под юрисдикцией царской власти на царской хоре, получили в рамках фиаса мнимую свободу. Но она была ограничена исключительно выражением их религиозного и духовного менталитета. Разрешение властей создать фиас и их добро на отдельные его мероприятия обеспечивало администрации некоторый контроль за его деятельностью, как это было установлено для всего Боспора.

Список литературы

А*лексеева* Е. А. 1997. Античный город Горгиппия. М., 558.

Б*олтунова* А. И., *Книпович* Т. Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. III, 3–31.

Г*абелко* О. Л., *Завойкина* Н. В., *Шавырина* Т. Г. 2006. «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века н. э. // АМА. XII, 334–344.

Г*айдукевич* В. Ф. 1949. Боспорское царство. М. –Л., 622.

Д*оватур* А. И. 1965. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН, 797–831.

Ж*ебелев* С. А. 1953. Северное Причерноморье. М.–Л., 387.

З*авойкина* Н. В. 2003. Частные сообщества Пантикапея в первые века н. э. // ДБ. 6, 120–137.

Завойкина Н. В. 2006. Частные сообщества городов Боспорского царства в I – первой половине III вв. н. э. (по материалам эпиграфики). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2–13.

Завойкина Н. В. 2007. Частные сообщества Танаиса (104–244 гг. н. э.) // ПИФК. 17, 299–315.

Завойкина Н. В. 2013. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 285.

Завойкина Н. В., *Новичихин* А. М., *Константинов* В. А. 2018. Новая посвятительная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 3, 680–693.

Л*атышев* В. В. 1910. Неизданные горгиппийские надписи // ИАК. 37, 36–63.

М*асленников А. А.*1992. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 120–173.

М*олев* Е. А. 2001. Эпиграфические памятники из раскопок Китея // ПИФК. X, 97–103.

Молев Е. А. 2010. Боспорский город Китей. Симферополь–Керчь, 316.

Н*овосадский* Н. И. 1928. Боспорские фиасы // Труды РАНИОН. 3, 55–70.

С*апрыкин* С. Ю. 1990. Lex sacra из Горгиппии // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia, 203–213.

С*апрыкин* С. Ю., *Масленников* А. А. 1999. Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 2, 193–202.

Сапрыкин С. Ю. 2009. Савромат II и фиасы Боспора // ДБ. 13, 329–347.

Сапрыкин С. Ю. 2017. К прочтению новой надписи из Ильичевского городища // ДБ. 21, 328–337.

Сапрыкин С. Ю. 2021. Epigraphica regni Bosporani // ДБ. 26, 333–357.

Ф*ролов* Э. Д. 2002**.** Религиозные союзы // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб, 201–216.

Ш*арнина* А. Б. 2002. Техниты Диониса // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб, 217–314.

Я*йленко* В. П. 2002. Опистограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота // ПИФК. XII, 229–242.

А*llen* R. E.1983. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 251.

B*ourriot* F. 1976. Recherches sur la nature du genos. 2 vol. Paris, 1421.
C*otter* W. 1996**.** The Collegia and Roman Law: State Restrictions on Voluntary Associations, 64 BCE – 200 CE // Voluntary Associations in the Graeco-Roman World. L., 74–89.
Curty O. 2015. Gymnasiarchika. Recueil et analyse des inscriptions de l'époque hellénistique en l'honneur des gymnasiarques. Paris, 386.
K*loppenborg* J.S. 1996. Collegia and Thiasoi: Issues in Function, Taxonomy and Membership // Voluntary Associations in the Graeco-Roman World. L., 16–30.
M*ichel C.* 1900. Recueil d'inscriptions grecques. Vol. 1. Paris, Brussels, 1000.
P*ázsint* A.-I. 2019. Cult Associations in the Black Sea Area: A Comparative Study (3rd Century BC – 3rd Century AD) // Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. Cluj-Napoca, 563–585.
Poland F. 1909. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig, 332.
R*einach* T. 1905. A Stele from Abonuteichos // NC. 5. Ser. 4, 113–119.
R*obert* L. 1937/1970. Études anatoliennes. Paris, 620.
Rostovtzeff M.I. 1926. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 841.
R*uscu* L. 2014. On Cult Associations at Istros and Tomis // Ephemeris Napocensis. 24, 139–152.
Q*uass* F. 1993. Die Honoratiorenschicht in der Stadten des griechischen Ostens. Stuttgart, 451.
W*ilson* S.G. 1996. Voluntary Associations: An Overview // Voluntary Associations in the Graeco-Roman World. L., 1–15.
Wörrle M. 1988. Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasiens. München, 268.
Z*iebarth* E. 1896. Das griechische Vereinswesen. Leipzig, 223.

Summary

S. Yu. Saprykin

Thiasos in Chersonesus of Zeno

The author is publishing a fragment of new Greek inscription on marble found by accident on the place of the settlement on the Cape of Zyk (the ancient Bosporan town of Chersonesus of Zeno). It is a part of a decision or decree of *thiasotoi* – members of voluntary association. It was adopted by the priest, the *paraphilagathos* and the *gymnasiarchos* whose names are unfortunately lost except two letters in the priest's name Pe(….) and three letters in the *gymnasiarchos*' farther's name (…)ean(…). The latter is restored as personal male name {Th}ean(gelos)? popular among members of the Bosporan associations in Imperial period. We now have five inscriptions from Chersonesus of Zeno which belong to the associations of its citizens. Their study allowed the author to attribute all of them to one and the same *thiasos* which was active in course of the 2-3rd centuries AD and united the inhabitants of this town, mostly the Greeks

by origin. Besides publishing the newly discovered document the author corrects the early suggested reading and interpretation of three other inscriptions from Chersonesus of Zeno. He admits that two separated pieces – one earlier attributed as the official decree or a letter of king Cotys III and dated to the time of his reign, and the second one, defined as a list of the *thiasotoi*, are in fact two fragments of one inscription – edict of the Zenonites' association, adopted in the time of Cotys III by the head of the union, presumably the *synodos* with the priest and probably the *parahilagathos* at the head. He also gives a vast commentary to other inscriptions – one mentions "the father of synodos", and the other which is a list of *thiasos*' members. He corrects the reading of one of the names in this list to be restored as (Pol)yaenos but not as *Hroxenos*. The association in Chersonesus of Zeno stands close to the associations of Panticapaeum and Tanais. The author made a complete study of the organization, activity, logistics and policy of the Bosporan associations towards the royal power, having admitted that *synodoi* could hardly be separate voluntary or alternative unions at Bosporus. They were initially sacred groups in the *thiasoi* but later, since the late 1 – 2nd century AD, started to function as their *praesidium*, i.e. head or council of associations, which included members of high position.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.282-297

И. Е. Суриков
(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Данные древнейших греческих историков о регионе Боспора Киммерийского*

Геродот и Фукидид – крупнейшие греческие историки V в. до н. э. (и единственные, чьи сочинения дошли до нас полностью), – к глубокому сожалению, не являются ценными источниками по истории Боспорского государства. Геродот лишь несколько раз мимоходом упоминает регион Боспора Киммерийского (Herod. IV. 12. 28, 100) – в основном в связи с его природными особенностями и этническим составом местного населения; у Фукидида о Боспоре нет вообще ничего, в его труде даже не встречается само это слово. Данное прискорбное обстоятельство, вне сомнения, следует признать одной из главных предпосылок того, что исторические судьбы этого государственного образования на протяжении вышеуказанного столетия известны крайне слабо, в науке касательно их есть множество «белых пятен». Так, даже момент образования Боспорской надполисной державы[1] и поныне является дискуссионным; из двух наиболее влиятельных на данный момент концепций одна (наиболее детально аргументированная Ю. Г. Виноградовым) относит это событие к первой половине V в. до н. э., а другая (главным адептом которой является А. А. Завойкин) – к его концу (исчерпывающий очерк историографии проблемы см. в [*Завойкин* 2013, 21–58]).

Причина отсутствия боспорских дел в произведениях Геродота и Фукидида – отдельный большой вопрос. В свое время его пыталась решить Т. В. Блаватская [*Блаватская* 1959, 49–63]. Однако предложенная ей гипотеза, сводящаяся к тому, что два великих мастера историописания сознательно умалчивали о Боспорском государстве из враждебности к нему, продиктованной его плохими отношениями с Афинами[2], наталкивается на непреодолимые внутренние противоречия, а, кроме того, не согласуется с рядом известных фактов, так что не может быть принята (подробнее мы

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

[1] Обычно выражаются «территориальная держава», Но это словосочетание имеет свои уязвимые стороны: разве бывают не-территориальные державы? Характерным образом А. А. Завойкин, употребив выражение «территориальная держава» в подзаголовке своей докторской диссертации [*Завойкин* 2007], в дальнейшем, издавая написанную на ее основе книгу [*Завойкин* 2013], снял это выражение из подзаголовка.

[2] Эти плохие отношения, по нашему мнению, сами по себе являются историографическим мифом, хотя и весьма распространенным у нас. Здесь мы солидарны с позицией Д. Браунда [*Braund* 2003].

писали об этом в статье, опубликованной как раз на страницах «Древностей Боспора» [*Суриков* 2013а]).

Как бы то ни было, приходится считаться с имеющим место незавидным состоянием источниковой базы о раннем Боспоре. Однако следует учитывать и то, что раннее греческое историописание не ограничивается Геродотом и Фукидидом. У них имелись предшественники, наиболее полный перечень которых приводит Дионисий Галикарнасский в трактате «О Фукидиде»: «Итак, до Пелопоннесской войны существовало много древнейших историков, и в разных местах; среди них – и Евгеон Самосский, и Деиох Проконнесский, и Евдем Паросский, и Демокл Фигелейский, и Гекатей Милетский, и аргосец Акусилай, и лампсакиец Харон, и халкедонянин Амелесагор. А немного более старшими по сравнению с пелопоннесскими событиями, но дожившими до поколения Фукидида, были и Гелланик Лесбосский, и Дамаст Сигейский, и Ксеномед Кеосский, и Ксанф Лидийский, и многие другие» (Dion. Hal. De Thuc. 5). Нельзя, правда, назвать этот список совершенно исчерпывающим: в него следовало бы включить еще Ферекида Афинского, Дионисия Милетского, Антиоха Сиракузского. А, с другой стороны, Амелесагора исключить, поскольку, как давно уже доказано, приписанный ему трактат представлял собой поздний фальсификат.

Самыми значительными из авторов данной группы были Гекатей Милетский и Гелланик Лесбосский. Точные датировки рождения и смерти Гекатея не определяются, но известно, что трактаты свои он создал в последней трети VI в. до н. э., а в начале V в. до н. э., когда шло Ионийское восстание, был еще жив и активен (Herod. V. 36, 124–125). С хронологией жизни Гелланика дело обстоит лучше [*Суриков* 2021]: с уверенностью можно утверждать, что он родился в 497/496 г. до н. э., а скончался не ранее 407/406 г. до н. э. Таким образом, он прошел очень долгий, девяностолетний жизненный путь и, в частности, будучи старше Геродота, намного пережил его[3].

Этих самых-самых первых представителей античной исторической мысли принято объединять в группу «ранних ионийских историков» (так они обозначены, например, уже в заголовке единственного в мировом антиковедении специально посвященного им исследования монографического формата [*Pearson* 1975]). Термин «ионийские» здесь употреблен не в том смысле, что все они были ионийцами и жили в Ионии. Это не соответствовало бы действительности. Так, Гелланик являлся уроженцем Митилены на Лесбосе и, следовательно, эолийцем. Однако писали они все на ионийском диалекте. Кстати, эту особенность разделяет с ними и Геродот: он, будучи дорийцем из Галикарнасса (с долей карийской крови), создал свой труд, тем не менее, тоже по-ионийски[4]. У него есть и ряд других черт сходства с его предшественниками; поэтому мы причисляем

[3] Гелланик и Геродот были и лично знакомы; однажды они вместе гостили в Македонии (Hellan. FGrHist. 4. T1).

[4] Предлагалось два основных решения вопроса, почему он поступил так. С одной стороны, высказывалась мысль, что Геродот, родным диалектом которого был дорийский, «рано приобщился к передовой ионийской культуре» [*Фролов* 1981, 104] и писал свой исторический труд на ионийском диалекте потому, что такова была сложившаяся к его времени традиция, установленная так называемыми «логографами» (но о некорректности распространенного наименования древнейших греческих историков «логографами» см. [Суриков 2011, 161–178]). С другой стороны, есть и мнение, согласно которому Галикарнасс ко времени Геродота стал уже фактически ионийским городом [*Cook* 1962, 30]; соответственно, родным для «отца истории» являлся именно ионийский диалект. Однозначный выбор между этими двумя альтернативными объяснениями вряд ли представляется возможным.

Геродота к той же ионийской традиции историописания, в то время как Фукидида считаем основоположником новой, аттической [*Суриков* 2016].

Древнейшие греческие историки очень редко становятся предметом интереса исследователей. Даже Гекатей и Гелланик, которые, повторим, являются самыми крупными из них, пока не удостоились монографий, и остается довольствоваться статьями о них[5]. Подобное пренебрежение этими писателями связано, прежде всего, с тем, что их наследие находится в плохой степени сохранности. Ни один их труд не дошел до нас полностью, приходится работать с фрагментами. В свое время колоссальную работу по сбору и систематизации этих фрагментов проделал Феликс Якоби, чьим многотомным сводом "Die Fragmente der griechischen Historiker" (FGrHist) и поныне приходится пользоваться, изучая творчество двух мастеров историописания, о которых идет речь[6]. Новейшее издание Р. Фаулера «Ранняя греческая мифография» (тексты – [*Fowler* 2007], комментарий – [*Fowler* 2013]) имеет тот недостаток, что является менее полным: в него включены только фрагменты мифографического содержания, а как раз они-то нам сейчас не столь уж интересны.

Однако, хотя в нашем распоряжении имеются только фрагменты, их количество в совокупности довольно значительно: от Гекатея таковых дошло около 400, от Гелланика – более 200. Мы специально занимались этими фрагментами, перевели их на русский язык[7] и можем ответственно утверждать, что из них можно почерпнуть определенную информацию о боспорском регионе. Пусть ее не так уж и много, но огромное ее достоинство заключается в том, что она принадлежит весьма ранним авторам – более ранним, подчеркнем, чем даже Геродот.

С характеристики Гекатея, в частности, чаще всего начинаются общие труды по истории античного историописания (например: [*Lendle* 1992, 10–18]). Традиционно его высоко оценивают как историка (единственное известное нам исключение: [*West* 1991]), нередко можно встретить суждения в том роде, что, если бы его сочинения дошли до нас, именно его имя сопровождали бы почетным эпитетом «отец истории» (кстати, влияние Гекатея на Геродота несомненно [*Armayor* 2004]).

Гекатей написал два трактата. Один из них, в четырех книгах, был по содержанию историко-мифографическим[8]; названием его было либо «Генеалогии», либо, возможно, «Истории» (именно так, во множественном числе)[9]. От него сохранилось меньше сорока фрагментов. Несравненно больше – три с лишним сотни – дошло от второго трактата – знаменитого «Описания Земли» (Περιήγησις Γῆς). Это сочинение, как видно уже из названия, принадлежит к жанру периегезы и является, следует подчеркнуть, вообще

[5] Некоторые из этих статей, имеющие отношение к тематике данной работы, будут указаны ниже, в соответствующих местах. Более пространные ссылки на литературу см.: применительно к Гекатею – в [*Суриков* 2019а], применительно к Гелланику – в [*Суриков* 2021]

[6] Фрагменты Гекатея и Гелланика содержатся в первом томе FGrHist (ссылаемся на последнее известное нам переиздание [*Jacoby* 1995]).

[7] На момент написания этих строк перевод фрагментов Гекатея уже увидел свет [*Гекатей Милетский* 2021], перевод фрагментов Гелланика принят к печати в «Вестнике древней истории».

[8] О Гекатее как историке-мифографе см. [*Bertelli* 2007; *Alganza Roldán* 2012]

[9] Неосновательно мнение, что существительное «история» ранее Геродота вообще не встречается в памятниках древнегреческого языка [*Nikolaidou-Arabatzi* 2018, 224].

самой ранней из всех когда-либо написанных греками периегез. Именно на его материале прекрасно видны большой интерес Гекатея к географии и его глубокие познания в этой сфере, что даже не обычно для столь раннего автора (по данной проблематике см., например: [*Hansen* 1997; *Braun* 2004]).

«Описание Земли» включало в себя две книги – «Европа» и «Азия». Из этого напрямую вытекает, что наш автор признавал наличие двух частей света, а впоследствии выделявшуюся третью – Ливию (Африку) еще не считал таковой, присоединяя ее к Азии. Кстати, где милетский историк проводил границу между этими двумя частями света? Ясно, что через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Эгейское море, Черноморские проливы, Понт Евксинский… А дальше?

Этому интересному вопросу недавно посвятила специальную статью В.Т. Мусбахова [*Мусбахова* 2014]. В ней проблема трактуется в контексте эволюции общегреческих взглядов на локализацию этой границы. Не со всеми положениями автора мы можем вполне согласиться, но, тем не менее, теперь все дальнейшие научные разработки по проблеме должны учитывать и эту работу.

Говоря в максимально обобщенном виде, ситуация, судя по всему, развивалась так. Изначально греки предполагали, что на крайнем востоке две части света разделяет река Фасис (Риони), вытекающая из Океана и впадающая в Черное море; именно такие представления отразились в мифе об аргонавтах. В частности, как раз Гекатей, передавая легенду об их плавании, пишет, что на возвратном пути аргонавты «из Фасиса прошли в Океан, затем оттуда в Нил, а из него в наше море (т.е. Средиземное море. – *И.С.*)» (Hecat. FGrHist. 1. F18; ср. F302)[10].

Затем эта роль перешла к Гипанису (Кубани) и, наконец, к Танаису (Дону), за которым и закрепилась. Правда, В.Т. Мусбахова считает, что в раннюю эпоху Фасисом называлась та река, которая потом стала Гипанисом, то есть Кубань, и только позднее топоним Фасис был перенесен на Риони. Но эта гипотеза влечет за собой ряд далеко идущих допущений, которые трудно согласовать с наличными фактами. В частности, поскольку Фасис в мифологии тесно связан с царством Ээта, то само это царство приходится локализовать «в бассейне Кубани» [*Мусбахова* 2014, 93]. Это ровно ни из чего не следует. Царство Ээта помещалось все-таки в Колхиде, то есть к югу от Кавказского хребта, а не к северу от него. Либо надо искать (и вряд ли такой поиск увенчается успехом) каких-то доказательств в пользу того, что греки когда-либо понимали под Колхидой не Восточную Грузию, а некий иной регион.

Другое дело, что саму Колхиду могли иногда именовать «Скифией», то есть относить этот регион к Скифии (в широком смысле слова). Так, в одном из фрагментов Гекатея (в том виде, как он передается в схолиях к Аполлонию Родосскому), повествующем о бегстве Фрикса на златорунном баране к царю Ээту, говорится, что баран унес героя «в Скифию» (εἰς τὴν Σκυθίαν)» (Hecat. FGrHist. 1. F17 = Schol. Apoll. Rhod. I. 256). Видимо, схолиаст (но вряд ли сам Гекатей) воспринимал Колхиду именно как часть Скифии.

[10] Это – архаическая географическая концепция, исследованию которой посвятил ряд работ А.В. Подосинов (итоговая из них – [*Подосинов* 2015]).

Впрочем, в конце концов, данный нюанс для нас не столь уж принципиален: речь в статье идет не о Колхиде. Важнее другое: какая река во времена Гекатея (и, соответственно, им самим) принималась за границу между Европой и Азией? Дон или еще Кубань (ясно, что в любом случае уже не Рионы)? Ко времени творчества Геродота вопрос был окончательно решен в пользу Дона, а вот о том, что это случилось уже при Гекатее, нельзя утверждать со всей категоричностью; не случайно и В. Т. Мусбахова в данной связи выражается достаточно осторожно[11].

Вероятно, лучшим способом внести хотя бы какую-то определенность будет рассмотрение сохранившихся фрагментов, содержащих информацию по этой тематике. Одним из самых характерных (но и самых проблематичных, маловразумительных) среди них является следующий, не содержащий прямой цитаты из Гекатея (более того, имеющий стихотворную форму, в то время как Гекатей писал, естественно, прозой) и даже непонятно, к нему ли восходящий (Hecat. FGrHist. 1. F195 = Anon. Peripl. Pont. Eux. 49):

Там от меотов[12] имя получившее
Лежит затем болото Меотийское.
В него же Танаис
Течет; начало от реки Аракса[13] он
Берет, как эретриец[14] Гекатей писал,
А по Эфору – он течет из озера,
Чей край неведом. И имеет Танаис
Два устья[15]: выход к Меотиде – первое,
Второе же – к Боспору Киммерийскому.

[11] «Сохранившиеся фрагменты "Землеописания", хотя и не дают абсолютно ясной картины, свидетельствуют *в основном* (курсив наш. – *И. С.*) в пользу Танаиса как границы материков…» [*Мусбахова* 2014, 83]. Кстати, совершенно не обязательно напрямую увязывать (как это делает В. Т. Мусбахова) данный вопрос с вопросом о том, считал ли Гекатей Каспийское море заливом Внешнего Океана.

[12] Меотами называли обширный и, судя по всему, неоднородный конгломерат племен, обитавших в регионах к югу и востоку от Азовского моря и со временем полностью покоренных правителями Боспора (последние в своей титулатуре с определенного момента именуются царями всех меотов, например: КБН. 1015, 1039, 1040). Насколько можно судить, например, по данным топонимики (часто фигурирует звукосочетание *пс*, особенно в гидронимах), в языковом отношении меоты по большей части принадлежали к кавказской группе. Особой проблемой является этническая принадлежность синдов, которых то включают, то не включают в число меотов. Высказывались версии вплоть даже да такой, согласно которой синды – осколок древних индоариев.

[13] Название «Аракс» в древности применялось к нескольким рекам Азии. Ясно, что здесь имеется в виду не та река, которая и поныне называется Араксом; это – приток Куры, текущий на восток, в сторону, противоположную Дону. Значительно вероятнее, что речь идет о том Араксе, который называли также Оксом, то есть о нынешней Амударье. В рассматриваемом пассаже как-то отразились представления, относящиеся к палеогеографической ситуации эпохи Геродота, когда уровень Каспийского моря (и, соответственно, его размеры) стоял на очень низкой отметке. Но налицо также и путаница. Так, ниже упоминается об озере, но ни Дон, ни какой-либо из его важнейших притоков не вытекает из крупного озера.

[14] Испорченное место. Возможно, следует предпочесть эмендацию, принимаемую Диллером и Маркоттом – «теосец». Речь, очевидно, идет о Гекатее Абдерском, а Абдера являлась колонией Теоса. Гекатей Абдерский писал на рубеже IV–III вв. до н. э. Впрочем, действительно существовал и менее известный автор Гекатей Эретрийский, работавший примерно в то же время. Якоби в первом издании первого тома FGrHist включил данный пассаж в число фрагментов Гекатея Милетского. Однако впоследствии он изменил свое мнение в пользу авторства Гекатея Абдерского, что и оговорил в addenda, включавшихся им в дальнейшие переиздания тома [Jacoby 1995, *4]: "F195 ist zu streichen: die Beziehung auf den Abderiten scheint sicher".

[15] Свидетельство о «двух устьях» Дона – тоже несомненное недоразумение. Возможно, за второе устье был принят какой-то из рукавов Кубани.

Источник фрагмента – так называемый перипл Псевдо-Арриана, в действительности составленный кем-то в позднеантичное или ранневизантийское время[16]. Здесь этим неизвестным автором цитируется отрывок из той части стихотворного перипла Псевдо-Скимна, которая сохранилась только фрагментарно (Ps.-Scymn. 865–873 Müller). Отнесение данного пассажа к «Азии» (как первоначально сделал Якоби), а не к «Европе» Гекатея представляется нам проблематичным (да и издатели труда Псевдо-Скимна обычно относят его к главе «Европа» его перипла); кажется, и сам Якоби не был в нем вполне уверен. Более того, он был не уверен (да и многие не уверены) даже в том, что в качестве источника здесь фигурирует именно Гекатей-милетянин, а не более поздний автор того же имени (см. выше прим. 14). Одним словом, лучше на основании столь сомнительного фрагмента ответственных выводов не делать.

Однако есть несколько фрагментов, которые, с одной стороны, надежно атрибутируются Гекатею Милетскому (а не Абдерскому), а с другой – позволяют, кажется, внести несколько бóльшую ясность. Приведем и их. Hecat. FGrHist. 1. F191 = Steph. Byz. s. v. Δανδάριοι: «Дандарии. Племя близ Кавказа, как пишет Гекатей в "Европе"». Hecat. FGrHist. 1. F192 = Steph. Byz. s. v. Τιπάνισσαι: «Типаниссы (этноним в рукописях испорчен. – *И. С.*). Племя у Кавказа. Гекатей в "Европе"».

Как нам представляется, из этих пассажей довольно ответственно можно делать вывод о том, что Танаис для Гекатея – не граница Европы и Азии. Ведь речь здесь идет о племенах, живших южнее Дона, в Прикубанье (в частности, дандарии относились к меотской группе), а в то же время они появляются в гекатеевой «Европе», а не в «Азии». Кстати, дандарии, которые упоминаются в первом из только что процитированных фрагментов, фигурируют, как известно из многих надписей, в титулатуре правителей Боспора первой половины IV в. до н. э. как племя, подвластное им. Поэтому их имя на слуху у всех специалистов по боспорской истории. Однако обратим внимание, сообщение Гекатея имеет хронологический приоритет по отношению ко всем этим эпиграфическим памятникам. Оно, кажется, является вообще самым первым сохранившимся свидетельством о дандариях.

С другой стороны, та территория, которая ныне является Таманским полуостровом, Гекатеем причислялась уже к Азии. Об этом свидетельствуют два фрагмента. Hecat. FGrHist. 1. F211 = Steph. Byz. s. v. Ἀπάτουρον: «Апатур. Святилище Афродиты в Фанагории, Страбон в 11-й книге… А Гекатей знает залив Апатур в Азии». Hecat. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s. v. Φαναγόρεια: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в "Азии". Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (название склоняется по среднему роду[17])».

Таким образом, выбор, судя по всему, следует делать в пользу Гипаниса-Кубани как границы Европы и Азии для Гекатея. Правда, и здесь необходимы некоторые оговорки. Дельта Кубани на протяжении веков сильно меняла свой вид и характер. Так,

[16] М. В. Агбунов признает за этим памятником арриановское авторство (например: [Агбунов 1992, 209], но здесь его мнение стоит особняком.

[17] Причем во множественном числе. Этот фрагмент ввиду его важности стоит привести и в оригинале: Φαναγόρεια· πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἑκαταῖος Ἀσίαι. ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια. ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδετέρως.

ныне наиболее полноводным из кубанских гирл является самое северное (т. н. Протока), а самое южное (т. н. Старая Кубань) совсем обмелело. В античности же локальные условия были совершенно иными и, помимо прочего, на месте Таманского полуострова находился большой остров[18], который, как видим, Гекатеем воспринимался как тяготеющий все-таки к Азии. Похоже, этот самый остров у историка и назван «островом Фанагорой».

Итак, именно в «Описании Земли» Гекатея содержалось самое раннее упоминание о Фанагории – одной из самых известных древнегреческих колоний на территории России, впоследствии – втором по значению центре Боспорского царства. И сделано это упоминание было тогда, когда с момента основания города прошло совсем немного времени. К огромному сожалению, во фрагменте F212 ничего не говорится о том, кто был Фанагор, в честь которого получила свое название Фанагория. Мы некоторое время назад [*Суриков* 2012] высказали мысль, что Гекатей имел в виду не реальное лицо, ойкиста колонии, а эпиклезу божества. Весьма вероятно, что в его трактате содержалось разъяснение этого вопроса. Но, увы, Стефан Византийский (а очень многие фрагменты «Описания Земли» извлекаются именно из его лексикона «Этника»), эпитомируя свои источники, часто делал это весьма небрежно, выписывая только то, что интересовало лично его, – названия городов и племен, а всё остальное отбрасывая.

Следующий фрагмент тоже взят из труда Стефана. Hecat. FGrHist. 1. F216 = Steph. Byz. s. v. Ἰξιβάται: «Иксибаты. Племя у Понта, близкое к Синдике[19]. Гекатей в “Азии”». Таким образом, Гекатей упоминал и Синдику – одну из важных частей региона Боспора Киммерийского.

С другой стороны, является спорным вопрос, к милетскому ли историку восходит свидетельство о городе Киммериде, которое будет приведено далее. Страбон пишет об Аполлодоре Афинском, выдающемся ученом II в. до н. э., критикуя его за чрезмерную доверчивость: «…он (Аполлодор. – *И. С.*) переходит к историкам, которые говорят о Рипейских горах[20], и об Огийской горе[21], и о жилище Горгон и Гесперид; а у Феопомпа – земля Меропида[22], у Гекатея же – город Киммерида, у Евгемера[23] же – земля Панхея…» (Strab. VII. 3. 6 = Hecat. FGrHist. 1. T13). В любом случае здесь перед нами важное сообщение о вполне реальном городе Киммериде (тоже находившемся в боспорском регионе), которое Аполлодор и за ним Страбон ошибочно поставили в ряд легендарных квази-фактов, перечисляющихся в процитированной фразе.

Ф. Якоби вначале считал данное сообщение принадлежащим Гекатею Милетскому, но потом, как и в случае с фрагментом F195, изменил свою точку зрения в пользу Гекатея Абдерского, правда, в этом случае не столь категорично, как в том, а скорее

[18] Именно большой остров, а не архипелаг, как считали до относительно недавнего времени. См. к современному состоянию проблемы (со ссылками на предшествующую литературу): [*Суриков* 2013б].

[19] Поправка издателей. У Стефана – явно ошибочное «Индике».

[20] Чаще всего отождествляются с Уралом.

[21] Какой-то мифологический топоним.

[22] Мифический материк, придуманный Феопомпом Хиосским, видным историком IV в. до н. э. (см. Aelian. Var. hist. III. 18).

[23] Знаменитый эллинистический утопист, придумавший Панхею.

предположительно: "Doch eher der Abderite" [*Jacoby* 1995, *1]. Так же считает крупнейший отечественный специалист по географическим знаниям в античности А. В. Подосинов [*Подосинов* 2012]. Нам, впрочем, представляется, что данную точку зрения не обязательно принимать. Что, собственно, препятствует признать наличие упоминания о Киммериде в «Описании Земли» Гекатея Милетского (причем это совершенно не исключает того, что о том же городе мог писать и Гекатей Абдерский)? Ведь этот трактат милетянина представлял собой практически исчерпывающую периегезу известных на тот момент земель, включая, естественно, побережья Черного и Азовского морей.

Касательно последнего приведем, например, такую цитату из Руфа Феста Авиена – римского географа IV в. н. э., из его ученой поэмы «Морские берега», сохранившейся фрагментарно (Avien. Or. mar. 32 sqq. = Hecat. FGrHist. 1. T23):

Спросил ты, если помнишь: Меотийского
Где положенье моря[24]? У Саллюстия,
Как я узнал…
… есть моря описание,
И знаменитое[25]…
…Много почерпнули мы,
Связав, из разных мест. И был средь авторов,
Конечно, Гекатей Милетский – самый тот;
Гелланик был Лесбосский…

Из сказанного здесь вытекает, что у Гекатея (а также у Гелланика, о котором речь пойдет ниже) содержалась, в числе прочего, и информация о Меотиде. Что же касается Черного моря, характерен следующий пассаж (источник, из которого взята цитата, – «Гомеровские эпимеризмы», анонимный византийский грамматический трактат, видимо, IX в.; эпимеризм – разбор слова по составу):

Hecat. FGrHist. 1. F196 = Epimer. Hom. Cram. An. Ox. I. 287, 28. «"Измерено" (μεμετρέαται)[26]: это по-ионийски. Ведь как вместо "обдуманы" – "обдумано" и вместо "сохранены" – "сохранено", так же вместо "измерены" (μεμέτρηνται) – "измерено" (μεμετρέαται) у Гекатея…[27]: "Итак, мной измерено следующим образом Боспор, Понт, а также Геллеспонт (ὁ μὲν οὖν Βόσπορος καὶ ὁ Πόντος οὕτω καὶ ὁ Ἑλλήσποντος κατὰ ταὐτὰ μοι μεμετρέαται)". И у Гиппонакта… "подвигнуто"; и Анакреонт… "отрублено"; и "наброшено"».

Здесь перед нами дословная цитата из Гекатея, причем с диалектальной ионийской особенностью (фрагменты, содержащие дословные цитаты, а не пересказ, по понятным

[24] Т.е. Азовского моря.

[25] Если таковое и было у Саллюстия, одного из лучших римских историков (I в. до н. э.), мы его не имеем. Оно могло, например, содержаться в саллюстиевой «Истории», в связи с Митридатовыми делами.

[26] В этом фрагменте мы пытаемся посильно передать непереводимую игру слов, имеющую место в греческом оригинале. Речь идет о том, что в ионийском диалекте μεμετρέαται вместо аттического μεμέτρηνται (аналогично и с окончаниями в далее приводимых примерах), что на первый взгляд может создать иллюзию формы третьего лица единственного числа, а не множественного.

[27] Перед идущей далее цитатой из Гекатея Якоби предполагает лакуну.

причинам являются наиболее ценными, но они, увы, редки), в которой появляется важное понятие измерения пространств (в данном случае водных). Кстати, эта фраза имеет большое (хотя не дословное) сходство с одним местом у Геродота (Herod. IV. 86), что заставляет задуматься. Если не считать, что здесь под видом цитаты из Гекатея дана геродотовская (а это маловероятно, поскольку, повторим, полного текстового совпадения нет), то, получается, Геродот заимствовал данные об измерениях названных водных бассейнов у Гекатея?

Как мы указываем в другом месте [*Суриков* 2011, 288–290], сам Геродот, вопреки тому, что он утверждает, лично не измерял и не мог измерять длину, во всяком случае, Черного моря в западно-восточном направлении, поскольку никогда не совершал сквозного плавания по его «длинной» стороне – ни по южной, ни по северной. Но если он опирался на Гекатея, то резонно поставить вопрос: а измерял ли Понт милетянин, и если да – то как?

Здесь, правда, перед нами возникает проблема, порождаемая тем, что, если о путешествиях Геродота, о том, где он бывал в течение жизни, мы осведомлены достаточно детально, то о соответствующем аспекте деятельности Гекатея сведений почти нет. Строго говоря, доподлинно мы знаем только о посещении им Египта. Разумеется, Гекатей уж точно не был домоседом. Всё говорит о нем как о типичном представителе ионийской интеллектуальной элиты, а этот слой вообще отличался чрезвычайно большой мобильностью. Гекатея отличали широта кругозора и большая эрудиция – эти качества, скорее всего, были им приобретены в ходе многочисленных странствий по миру.

Но одно дело странствовать, в том числе и с познавательными целями, а другое дело – заниматься в пути измерением расстояний; одно не предполагает другого с неизбежностью. Нам представляется более правомерным несколько иное решение проблемы, заключающееся в том, что милетский ученый провел измерения, о которых здесь идет речь, не «в натуре», а по карте – по своей знаменитой карте, создание которой является одной из главных его заслуг.

Для работы же над картой ее составителю, естественно, вовсе не требуется лично побывать во всех тех местах, которые на ней отображены. Тем более что свою карту Гекатей создавал не «с нуля»: он усовершенствовал предыдущую, принадлежащую Анаксимандру Милетскому. Приведем соответствующие свидетельства.

Agathem. I. 1 = Hecat. FGrHist. 1. T12a: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались». Schol. Dionys. Perieg. p. 428, 7 Muell. = Hecat. FGrHist. 1. T12b: «Кто прежде того изобразил на карте ойкумену? Первым – Анаксимандр, вторым – милетянин Гекатей, третьим – Демокрит, ученик Фалеса[28], четвертым – Евдокс». И нет никаких оснований сомневаться в том, что карте Анаксимандра Понт Евксинский и ведущие туда проливы уже присутствовали.

Приведем еще один небезынтересный фрагмент Гекатея о Черном море. Hecat. FGrHist. 1. F197 = Ammian. Marcell. XXII. 8. 9–13: «Таким образом, разделяясь

[28] Фалес здесь упомянут явно некстати. Если имеется в виду Демокрит Абдерский (а хронологическая последовательность перечисленных в свидетельстве авторов говорит именно об этом), то он был учеником Левкиппа, а Фалес жил гораздо раньше.

и заканчиваясь соединением двух морей, теперь уже оно[29], становясь более спокойным, простирается подлинно морским простором, раскинувшимся широко и далеко, доколе только достигает взгляд. Прибрежное плавание же по всему нему[30] – как если бы огибать остров – имеет протяженность в двадцать три тысячи стадиев, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птоломей[31] и другие скрупулезнейшие исследователи дел этого рода; образ моря, согласно всей географии[32], уподобляется скифскому луку с натянутой тетивой (speciem Scythici arcus, nervo coagmentati, geographiae totius adsensione formatur)… А оконечности лука с обеих сторон образуют два узких Боспора, противоположных друг другу, – Фракийский и Киммерийский».

Здесь перед нами появляется знаменитый, столь популярный в античности образ Черного моря как скифского лука. Кем он, кстати, был впервые придуман? Думаем, на роль изобретателя столь запоминающейся метафоры может с наибольшим основанием претендовать именно Гекатей. В вышеприведенном пассаже фигурируют три имени, но два остальных – Эратосфен и Клавдий Птолемей – принадлежат авторам, заведомо намного более поздним, нежели милетянин.

Во фрагментах Гелланика Лесбосского, к которому мы теперь переходим, тоже содержатся некоторые данные о боспорском регионе. Этот автор, в отличие от Гекатея, был необычайно плодовитым; пожалуй, его следует назвать вообще самым плодовитым греческим прозаиком V в. до н. э. В числе его приоритетных исследовательских интересов находились хорография и этнография. В частности, он был одним из первых в Элладе, кто написал трактат «Персидские дела» (в дальнейшем на этой ниве у него явилось немало последователей – да хотя бы тот же Геродот со своими персидскими логосами). Имелось у Гелланика и сочинение «Скифские дела». Из его дошедших отрывков видно, что скифов историк понимал в самом широком смысле, включая в их число и среднеазиатские ираноязычные племена. Так, в одном из фрагментов (Hellan. FGrHist. 4. F65) упоминаются саки. Похоже, в том же труде заходила речь и о гипербореях (Hellan. FGrHist. 4. F187).

Информацию же, ближе относящуюся к Боспору Киммерийскому, можно почерпнуть из другого произведения Гелланика. Название его цитирующими авторами передается с вариациями – то как «Основания (κτίσεις) племен и городов», то как «О племенах», то как «Названия племен». Строго говоря, даже нет полной уверенности, что это разные названия одного и того же сочинения. В любом случае здесь мы находимся в рамках прозаического жанра κτίσεις (в связи с этим жанром см. прежде всего [*Dougherty* 1993]), широко распространившегося у греков примерно с середины V в. до н. э. – Гелланик как раз был одним из его основоположников наряду с Хароном Лампсакским[33].

Вот что, в частности, читаем в этом трактате (Hellan. FGrHist. 4. F69 = Schol. Apoll. Rhod. IV. 321, к словам: «Ни синдов народы, / Ибо они проживают среди Лаврийской

[29] Якоби здесь поясняет в скобках: “sc. mare Aegaeum”. Но, строго говоря, речь здесь идет о «стыке» Эгейского и Черного морей.

[30] А вот тут уже речь идет собственно о Черном море.

[31] Так у Аммиана Марцеллина, источника фрагмента. Речь идет, естественно, о Клавдии Птолемее.

[32] Т. е. согласно всем представителям географической науки.

[33] О Хароне Лампсакском (с переводом его сохранившихся фрагментов) см. [*Суриков* 2020а, 168–169, 193–204].

равнины, / Очень пустынной»): «Лаврийская равнина в Скифии. А 55 племен Скифии перечисляет Тимонакт[34] в первой книге сочинения "О скифах". А на равнине синдов река Истр разделяется, и один ее рукав впадает в Адриатическое море, другое же – в Евксинский Понт…[35] А Гелланик в сочинении "О племенах" говорит: "Когда пройдешь Боспор (Киммерийский. – *И. С.*) – синды, а выше их скифы-меоты"».

Налицо несомненная ошибка Гелланика, отнесшего меотов к скифам. Очевидно, историк был не очень хорошо знаком с этими местами и их обитателями. В целом, кстати, о нем можно сказать, что он отнюдь не был таким заядлым путешественником, как, скажем, Гекатей. Во всяком случае, таково мнение Ф. Якоби [*Jacoby* 1912, 106], который привлекает внимание к следующему источниковому пассажу: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались. Ведь Гелланик Лесбосский, муж многосведущий во многих отношениях, просто дал повествование[36]» (Agathem. I. 1). Якоби считает, что здесь Агафемером, географом римского времени, сознательно противопоставлены друг другу Гекатей как ἀνὴρ πολυπλανής и Гелланик как ἀνὴρ πολυίστωρ. Последний предстает перед нами как своего рода «кабинетный ученый».

Несколько слов в качестве комментария к вышеприведенному фрагменту, который, заметим, тоже содержит дословную цитату из трактата Гелланика. Ясно, что слово «выше» употреблено в нем в смысле «дальше от моря». Гораздо проблематичнее другой момент. Почему синды, проживавшие южнее Боспора Киммерийского, локализуются автором после этого пролива? Так получается только в том случае, если двигаться с севера, со стороны Меотиды.

А ведь здесь перед нами, весьма возможно, знаменательная вещь! Поскольку сам историк, скорее всего, не бывал в этом «глухом медвежьем углу» ойкумены, при его описании он должен был использовать труд какого-то более раннего автора. Притом автор этот смотрел на синдов с севера, воспринимал их как племя, находящееся за Боспором. А у кого могла быть такая точка зрения? *Только* у жителя какого-либо из боспорских городов (например, Пантикапея, Фанагории и т. п.).

Итак, мы неожиданно обнаруживаем в качестве достаточно надежно устанавливаемого факта существование на Боспоре Киммерийском как минимум одного писателя (имя которого, к сожалению, неизвестно), чье произведение (видимо, перипл или периегеза) было создано ранее, чем труд Гелланика «О племенах», и использовалось в нем. «О племенах» в хронологическом плане следует отнести ко второму, среднему периоду творчества Гелланика, когда он в наибольшей степени интересовался проблемами хорографии. Этот средний период начался у него, как мы показываем в другом месте

[34] Малоизвестный историк рубежа эпох классики и эллинизма.

[35] Здесь перед нами распространенное заблуждение о наличии у Истра (Дуная) второго, адриатического рукава. Но почему здесь оно странным образом связано с землей синдов, которая весьма далека от Дуная, как бы ни представлять себе его течение? Полагаем, что Дунай здесь смешан с Кубанью (у которой в древности тоже насчитывали, как минимум, два рукава), действительно протекавшей в стране синдов. В любом случае эта ошибка в схолиях, как видим, не из Гелланика: принадлежащая ему информация появляется лишь далее.

[36] По контексту – в отличие от Гекатея, который сопроводил свой труд картой.

[*Суриков* 2021], около середины V в. до н. э. и охватил примерно четверть века, а затем начался последний, третий период, когда Гелланик погрузился в хронологические штудии (которые его и прославили в наибольшей степени, см. [*Möller* 2007]). Таким образом, его предшественник, анонимный боспорит, работал не позднее 440-х гг. до н. э. Он, пожалуй, может быть назван самым ранним писателем всего Северного Причерноморья, о котором что-то можно сказать.

Приведем еще один фрагмент, видимо, из того же сочинения Гелланика (правда, в данном случае оно обозначено как «Основания племен и городов»). Hellan. FGrHist. 4. F70 = Steph. Byz. s. v. Χαριμάται): «Хариматы. Племя у Понта. Палефат[37] в 7-й книге "Троянских дел": "Из керкетов имеются мосхи и хариматы, которые владеют Парфением в Евксинском Понте"[38]. И Гелланик в "Основаниях племен и городов": "Из керкетов же выше живут мосхи и хариматы, а ниже – гениохи, а выше – кораксы"». Эти этносы Северо-Восточного Причерноморья известны и из других авторов (в частности, керкеты нередко фигурируют в источниках по боспорской истории), но более поздних, нежели Гелланик.

В связи с Боспором Киммерийским представляет интерес еще один фрагмент (F167), в котором упоминается этот пролив. Фрагмент происходит из «Аттиды» – последнего, итогового сочинения Гелланика, с которым он стал основоположником нового жанра аттидографии (локальной афинской истории; об аттидографии и поныне не утратил значения фундаментальный труд [Jacoby 1949]). Аттидографы (Клидем, Андротион, Филохор и др.), начиная с самого Гелланика, начинали изложение с легендарных времен и, в частности, обязательно останавливались на деяниях Тесея. В числе последних описывалось плавание героя в страну амазонок, в отмщение которого, согласно традиции, девы-воительницы совершили ответный поход на Афины. Именно этот поход является сюжетом, о котором сейчас идет речь и который существует в нескольких вариантах (поскольку сохранен в нескольких произведениях позднейших авторов), так что необходимо привести все.

Hellan. FGrHist. 4. F167a = Plut. Thes. 27: «Итак, война с амазонками имела такой повод. А, кажется, что дело это было не ничтожным и не женским. Ведь амазонки не разбили бы лагерь в Афинах и не завязали бы сражение вблизи Пникса и Мусея[39], если бы не завладели страной и не приблизились безбоязненно к городу. Хотя в то, что они, как повествует Гелланик, переправились через замерзший Киммерийский Боспор, трудно поверить, но то, что они стояли лагерем почти на акрополе, засвидетельствовано и названиями мест, и могилами павших. Долгое время тянулось ожидание, и обе стороны не решались начать; но, наконец Тесей, согласно какому-то прорицанию принеся жертву Страху, напал на амазонок».

Hellan. FGrHist. 4. F167b = Tzetz. Schol. Lycophr. Alex. 1332: «И он (поэт Ликофрон, которого комментирует здесь Иоанн Цец. – *И. С.*) говорит, что те (амазонки. – *И. С.*) пошли

[37] Палефат – древнегреческий мифограф, время жизни которого с точностью не датируется (чаще его относят к IV в. до н. э.). Довел до логического предела методику рационалистической интерпретации мифов.

[38] Эта цитата испорчена, поправки не дают совершенно удовлетворительного смысла.

[39] Холмы в центральной части Афин.

войной на Афины из-за пояса[40]; а Гелланик Лесбосский говорит, что Киммерийский Боспор замерз, они перешли через него, прибыли в Аттику и, провоевав 4 месяца, ушли обратно. А причину войны он не сообщает».

Hellan. FGrHist. 4. F167c = Tzetz. Posthom. p. 7 Schirach: «"Скифоматери[41] – жены затем набег совершили[42]". Те, кто не знает в точности эту историю, а лишь болтает, подобно чревовещателям, говорят, что Троя была разрушена амазонками; они не способны назвать причину разрушения и не знают, было ли это разрушение или просто набег. А я об этом говорю так, как утверждает каждый из историков. Гелланик утверждает из историков:

Пройдя по льду Боспора Киммерийского,
Когда-то амазонок рать огромная –
Щиты из злата, топоры из се́ребра –
Пришла. Те жены убивают мальчиков.
Их племя обитает в многих местностях
И битвами гремит. Так сообщает нам
Гелланик, чье на Лесбосе отечество».

Итак, во всех трех процитированных свидетельствах появляется одна и та же деталь, ассоциируемая конкретно с Геллаником: амазонки пересекают Боспор Киммерийский по льду. Не детализировано, правда, в каком направлении. Если с востока на запад, то зачем бы им было идти в Крым? Так они оказывались бы в тупике. А если с запада на восток – то, получается, амазонки шли из Крыма? Но традиция не локализует их в Крыму. Геродот (Herod. IV. 110) в связи с амазонками говорит о Меотиде и городе Кремны, который ныне нередко отождествляют с Таганрогским поселением. Теоретически, конечно, можно представить путь с северного побережья Азовского моря в Крым, оттуда через пролив на Таманский полуостров и далее восточным, затем южным берегом Понта до Греции, хотя путь этот оказывается довольно-таки кружным.

Во всяком случае, совершенно очевидно, что Гелланик в «Аттиде» связывает амазонок с Северным, а не с Южным Причерноморьем. В свое время мы писали об изменениях в представлениях греков о месте обитания амазонок ([*Суриков* 2015, 474–498] – перепечатка статьи 2009 г.). По нашим наблюдениям, приблизительно в 440-х гг. до н. э. или чуть раньше произошло «ментальное перемещение» этого мифического племени от Фемискиры и Фермодонта к Меотиде, что нашло отражение, прежде всего, в «Истории» Геродота (Herod. IV. 110 sqq.).

Интересно в связи с этим затронуть вопрос о том, где помещали амазонок другие ранние историки. У Гекатея Милетского в одном месте (Hecat. FGrHist. 1. F34) упоминается пьяная амазонка из города Синопы, что предполагает южную, малоазийскую локализацию. Ее же, насколько можно судить, придерживался следующий видный

[40] Но пояс царицы амазонок, согласно основной версии мифа, был похищен из их царства Гераклом – героем отнюдь не афинским.

[41] Σκυθόμητρες,– кажется, гапакс. Имеются в виду амазонки.

[42] На Трою.

представитель греческого историописания – Ферекид Афинский, работавший во второй четверти V в. до н. э.[43] Правда, в связи с его сообщением о плавании Тесея к амазонкам упоминается только Понт Евксинский (Pherec. FGrHist. 3. F151), что слишком неопределенно. Но в другом фрагменте (Pherec. FGrHist. 3. F15) в контексте рассказа об амазонках уже однозначно фигурируют Фермодонт и тамошние топонимы.

Особенно интересно то, что и сам Гелланик на раннем этапе своей творческой деятельности, похоже, тоже разделял версию об обитании амазонок в Малой Азии. Во всяком случае, во фрагменте, происходящем из его трактата «Троянские дела» (Hellan. FGrHist. 4. F149 = Tzetz. Posthom. 8 sqq.), говорилось о том, что во время Троянской войны амазонки пришли на помощь троянцам. В случае, если они жили не на южном, а на северном побережье Понта, то есть чрезвычайно далеко от Троады, такое вряд ли было бы возможным. «Троянские дела» были созданы, по нашим расчетам, в 450-е гг. до н. э. Видимо, со временем, к моменту написания «Аттиды», историк изменил свою точку зрения. Вполне возможно, что на него в этом плане повлиял Геродот, сочинение которого уже было опубликовано, когда Гелланик начал работу над трактатом по афинской истории.

Итак, имеющий то или иное отношение к региону Боспора Киммерийского материал, извлеченный нами из фрагментов Гекатея и Гелланика и представленный в данной статье, думается, представляет определенный интерес и в некоторых случаях позволяет даже высказать нетривиальные соображения.

Список литературы

А*гбунов* М. В. 1992. Античная география Северного Причерноморья. М., 240.

Б*лаватская* Т. В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 160.

Г*екатей Милетский* 2021. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова // Scripta antiqua. 9, 393–482.

З*авойкин* А. А. 2007. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Дис. … докт. ист. наук. М., 1154.

Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь – Керчь, 592.

М*усбахова* В. Т. 2014. В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии / Под ред. В. Т. Мусбаховой. СПб, 75–92.

[43] О Ферекиде Афинском, авторе достаточно значительном, но малоизвестном и малоизученном (так что его нередко даже путают с Ферекидом Сиросским) см. теперь [*Суриков* 2019б; *Суриков* 2020б].

П*одосинов* А. В. 2012. Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. 3, 145–185.

Подосинов А. В. 2015. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 200.

С*уриков* И. Е. 2011. Очерки об историописании в классической Греции. М., 504.

Суриков И. Е. 2012. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 16, 440–469.

Суриков И. Е. 2013а. «Молчание ягнят» (О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н. э.) // ДБ. 17, 280–296.

Суриков И. Е. 2013б. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // ВДИ. 1, 167–176.

Суриков И. Е. 2015. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta. I). М., 720.

Суриков И. Е. 2016. «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н. э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. М., 168–202.

Суриков И. Е. 2019а. Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский, «Европа» // ПИФК. 3, 53–71.

Суриков И. Е. 2019б. Ферекид Афинский – представитель «догеродотовского» этапа античного греческого историописания // Аристей. 20, 114–142.

Суриков И. Е. 2020а. Три ранних историка: Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Дамаст Сигейский (перевод с древнегреческого и комментарий) // Аристей. 22, 166–211.

Суриков И. Е. 2020б. Сочинение Ферекида Афинского в контексте раннеклассического греческого историописания // ВДИ. 80/3, 609–632.

Суриков И. Е. 2021. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // ВДИ. 81/4, 837–862.

Ф*ролов* Э. Д. 1981. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 160.

A*lganza Roldán* M. 2012. Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // Florentia iliberritana. 23, 23–44.

Armayor O. K. 2004. Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 321–335.

B*ertelli* L. 2007. Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian’s Craft in the Age of Herodotus / Ed. by N. Luraghi. Oxford, 67–94.

Braun T. 2004. Hecataeus’ Knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton / Ed. by K. Lomas. Leiden; Boston, 287–347.

Braund D. 2003. The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171–172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. by P. G. Bilde, J. M. Højte, V. F. Stolba. Aarhus, 197–208.

C*ook* J. M. 1962. The Greeks in Ionia and the East. London, 268.
D*ougherty* C. 1993. The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece. Oxford, 209.
F*owler* R. L. 2007. Early Greek Mythography. I. Texts. Oxford, 459.
Fowler R. L. 2013. Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford, 825.
H*ansen* M. H. 1997. Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by T. H. Nielsen. Stuttgart, 17–27.
J*acoby* F. 1912. Hellanikos // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hbd. 15: Helikon – Hestia / Hg. von W. Kroll. Stuttgart, 104–153.
Jacoby F. 1949. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxford, 431.
Jacoby F. 1995. Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Teil. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden; New York; Köln, 313.
L*endle* O. 1992. Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 311.
M*öller* A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / Ed. by N. Luraghi. Oxford, 241–262.
N*ikolaidou-Arabatzi* S. 2018. ἱστορέειν and θωμάζειν: Scientific Terms and Signs of Unity in Herodotus' Histories // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 223–241.
P*earson* L. 1975. Early Ionian Historians. Westport, 240.
W*est* S. 1991. Herodotus' Portrait of Hecataeus // Journal of Hellenic Studies. 111, 144–160.

Summary

I. E. Surikov
Data of the earliest Greek historians on the region of the Cimmerian Bosporus

Herodotus and Thucydides give almost no information on the Bosporan region, but there are relevant data about it in extant fragments of even earlier Greek historians, Hecataeus of Miletus and Hellanicus of Lesbos. The article deals with these data: the fragments in question are interpreted and commented, and some historical observations are made on their material.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.298-314

М. Ю. Трейстер
(Независимый исследователь, г. Бонн)

Фалары из грабительских раскопок 1930-х гг. у ст. Даховской в Закубанье

1. Введение

В 1934–1936 гг. в районе ст. Даховская и Тульская в районе бывшей усадьбы казака Кирилла Передельского производились грабительские раскопки курганов, некоторые изделия из которых попали в Майкопский музей, а судьба остальных неизвестна – вероятнее всего, они могли находиться в Ростовском музее, где хранитель коллекций Б. В. Лунин занимался их изучением, публикацией [*Лунин* 1939; 1940] и готовил монографическое исследование [*Лунин* 1940, 28–29], которое так никогда и не увидело свет, а сами находки были утрачены в ходе Великой Отечественной войны.

Среди наиболее известных находок из ст. Даховской – стеклянная полусферическая чаша и серебряный кубок с надписью (рис. 1).

Серебряный кубок – галльского производства (?) с дарственной надписью царя Пакора на донце, предположительно Пакора III, брата парфянского царя Вологеза III (148–191 гг.), которого последний посадил на престол Армении при Антонине Пие [*Лунин* 1939, 220–223, рис. 9; 1940, 39–49, рис. 1–2; *Тревер* 1953, 242–245; *Трейстер* 2007, 25–26; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, № B/1.2, рис. 16; *Treister* 2013b, 41, 44, fig. 6 (с лит.)].

Чаша с вертикальными каннелюрами и восьмилепестковой розеттой из узких ланцетовидных лепестков [*Лунин* 1940, 38, № 1, 40, рис. 3–4; 48–49; *Кропоткин* 1970, 101, № 888 с ошибочной датировкой I в. н. э., рис. 73, *4*; 74, *7*; *Marčenko, Limberis* 2008, 299; 355, Nr. 72.2, Taf. 105, *1*] близка находке из погребения № 8 кургана № 55/1954 могильника Калиновский в Нижнем Поволжье [*Шилов* 1959, 404, 487, рис. 57, *9*; 488; *Кропоткин* 1970, 101, № 897 с датировкой I в. н. э., рис. 74, *10*; *Marčenko, Limberis* 2008, 299; *Трейстер* 2019в, 260–261, рис. 1; 2020, 168, рис. 5] и относится к группе сосудов конца II – первой половиной I в. до н. э. [*Трейстер* 2019б, 260–261; 2020, 168].

Среди находок из грабительских раскопок у ст. Даховской происходит «группа набалдашников или наверший мечей из полудрагоценных камней различных пород камня и форм (пять крупных плоских халцедоновых, одно умбонообразное из агата), все с круглыми сквозными отверстиями посередине [*Лунин* 1940, 38, № 8; *Трейстер* 2019а, 560, прим. 2].

Рис. 1. Находки из грабительских раскопок 1934–1936 гг. в районе ст. Даховской. Обложка журнала «Наука и жизнь» № 10 1937 г.

Другие находки из грабительских раскопок у ст. Даховской были лишь частично упомянуты в статьях 1939–1940 гг., опубликованных в «Вестнике Древней Истории» и «Известиях Ростовского областного музея краеведения». Если указанные работы использовались исследователями, комментировавшими находки серебряного кубка и стеклянной чаши, то научно-популярные статьи Б. В. Лунина остались забытыми. Между тем по некоторым находкам они существенно дополняют известные нам по статьям 1939–1940 гг. данные. Особенно полная информация содержится в статье 1940 г. о стеклянной чаше, из которой мы узнаем о том, что были также обнаружены и многие другие предметы, включая бронзовые сосуды[1] и фалары конской сбруи. Кратко анализируя их, Б. В. Лунин проходит к выводу о том, что они происходят из разновременных погребений в разрушенном кургане [*Лунин* 1940, 36–40].

2. Фалары из Даховской

Наше внимание привлекают фалары из Даховской. О них Б. В. Лунин сообщает в статье 1940 г. следующее: «3) группа из шести крупных и меньшего размера серебряных фаларов (в том числе фалар с выпуклым изображением бюста юноши впрямь; фалар с головой льва впрямь, фалар с горельефным изображением орла и змеи у него в ногах, фалар с головой горгоны или нагрудный горгонейон апотропеического цикла, и др.) [*Лунин* 1940, 38]. В примечании к этой фразе автор указывает: «Описанию группы даховских фаларов нами будет посвящена специальная статья» [*Лунин* 1940, 38, прим. 3].

К сожалению, обещанная статья так и не была опубликована. Находка из Даховской осталась неизвестной и В. И. Мордвинцевой и не нашла отражение в ее монографическом исследовании о сарматских фаларах [*Mordvinceva* 2001].

Судя по описанию Б. В. Лунина, один из фаларов, с изображением головы льва *en face*, может быть сопоставлен с парой фаларов из Федуловского клада (рис. 2) [*Берхин* 1962, 37–39; *Засецкая* 1966, 28–30; *Кат. Ленинград* 1985, 31, no. 34; *Pfrommer* 1993, 8–9, fig. 3; *Treister* 1996, 107, figs. 26–27; *Mordsvinceva* 2001, 71, Nr. 1, Taf. 1; *Sîrbu, Bârcă* 2017, 294–295, no. 5.1–2, fig. 9.5, *3*]. Не исключена и близость фалара с головой горгоны происходящему из клада у ст. Ахтанизовской серебряному с позолотой фалару [*Спицын* 1909, 19–20, № 1; 34, рис. 25; *Mordsvinceva* 2001, 72, Nr. 13, Taf. 6; *Власова* 2009, 74, табл. IV, *2*; 77; 2010, 254, рис. 126 *Sîrbu, Bârcă* 2017, 293, no. 1.1, fig. 9.3, *3*].

Значительно больше информации дает фалар «с изображением орла и змеи». Дело в том, что фотография и размеры этого фалара были опубликованы в короткой научно-популярной статье Б. В. Лунина 1937 г. (более того, цветное изображение было даже помещено на обложку журнала) (рис. 1, вверху слева) [*Лунин* 1937, 39, 40]. Из этой статьи мы узнаем о том, что серебряный фалар был позолочен, а его размеры составляли ок. 12×20,5 см.

Фалар имел овальную форму и, совершенно очевидно, что это прометопидий – налобное украшение коня. Судя по тому, что в нижней и верхней части фалара

[1] Судя по описанию одного из них «25) Бронзовый сосуд (кружка) с изогнутой ручкой в виде арбалетной фибулы» [*Лунин* 1940, 39] это с наибольшей вероятностью кружка типа Идрия позднереспубликанской работы [см. *Трейстер* 2020б, 50–53].

Рис. 2. Фалар с львиной мордой. Федуловский клад. Государственный Эрмитаж. Инв. 2214/8. Фото Государственного Эрмитажа

на фотографии видны по две заклепки, а пары расположены по горизонтали, на оборотной стороне фалара имелись две поперечные петли верху и внизу, через которое по вертикальной оси фалара продевался ремень.

На прометопидии в рельефе представлено изображение *en face* орла с опущенными вниз крыльями и повернутой вправо головой. Каждая нога орла заканчивается тремя крупными когтями. Ноги птицы кольцами опутывает туловище змеи, голова которой изображена повернутой в профиль влево на фоне левого (для зрителя – правого) крыла птицы. Хвост змеи лежит горизонтально на уровне земли (рис. 3. *1*).

Прометопидий из Даховской относится к типу овальных прометопидиев, которые известны по довольно редким находкам из Прикубанья и Подонья, датируемым III–II вв. до н. э. [*Mordvinceva* 2001, 71–73, Nr. 2, Taf. 3; Nr. 9 Taf. 5; Nr. 15, Taf. 7; *Treister* 2001, 262–265] и серебряного с позолотой прометопидия с изображением всадника из найденного в 1934 г. клада в Сурча в Юго-Восточной Трансильвании (в.11,3 см, шир. 7,1 см) (клад датируется концом II – I в. до н. э. – прометопидий со следами переделки – более ранний) (рис. 3. *3*) [*Fettich* 1953, 129–130, Nr. 1, Abb. 1, Taf. XVI, *1*; XVII, *1–1a*; *Cat. Rome* 2010, 178, no. 16.1; *Spânu* 2012, 76; 244–245, no. 113.1, pl. 136, *1*; 2014, 143, 144, Abb. 2, *1*; 2017, 207–208, 210, Abb. 1; 2, *1*; *Cat. Bucharest* 2013, 396–397, no. 92.1; *Sîrbu, Bârcă* 2017, 299–300, no. 19.1, figs. 9.11, *1*; 9.15, *1*]. По форме и размерам наиболее близкой параллелью среди находок из Северного Причерноморья является предмет из Федуловского клада (рис. 3. *2*) – на этом прометопидии с изображением сцены гигантомахии, который имеет меньшие размеры (в. 13,5, шир. 7,0 см), также имеются аналогичным образом расположенные заклепки на лицевой стороне, а на оборотной – остатки широких бронзовых поперечных петель [*Засецкая* 1966, 31–32, № 2, рис. 5; *Кат. Ленинград* 1985, № 35; *Treister* 1996, 106–117, fig. 29; 1999, 568, fig. 3; *Трейстер* 2001, 170, 171, рис. 2; *Mordvinceva* 2001, 71, Nr. 2, Taf. 2; *Sîrbu, Bârcă* 2017, 295, no. 5.4, fig. 9.5, *5*].

Прометопидии из погребения № 2 кургана № 4/1978 у хут. Верхний в Прикубанье с варваризованным изображением Ники[2] (плоская бронзовая основа, серебряная с позолотой обкладка с рельефным изображением, железная петля [*Mordvinceva* 2001, 72, Nr. 9, Taf. 5; *Мордвинцева и др.* 2010, 251, № 53, табл. 13, цв. табл. 6; *Sîrbu, Bârcă* 2017, 301, no. 25.1, fig. 9.8, *2*] (в. 12,2, шир. 7,0 см) (рис. 4. *3*), Ахтанизовской – с изображением горгонейона (бронзовая основа, серебряная обкладка с рельефным изображением) [*Спицын* 1909, 21, № 6; 33, рис. 22; *Mordvinceva* 2001, 72–73, Nr. 15, Taf. 7; *Власова* 2009, 73, табл. IV, *5*; 76; *Sîrbu, Bârcă* 2017, 293, no. 1.2, fig. 9.3, *2*] (в. 10,1, шир. 4,4 см) – значительно меньших размеров и имеют другую конструкцию. Также и фрагментированный налобник из Среднего кургана № 1 на Васюриной горе с изображением Ганимеда и орла (рис. 4. *2*) имеют другую конструкцию – железная основа, обтянутая бронзовым листом [*ОАК за 1872 г.*, 158, табл. III, *6*; *Ростовцев* 1913–1914, 55, № 2, табл. XXIV, *7*; *Власова* 2004, 167–168, рис. 22; *Трейстер* 2012, 474, рис. 3, *1*; 476–477, рис. 6; *Treister* 2013a, 92, Abb. 3, *1*; 93, Abb. 6].

[2] Ср. изображение Ники на происходящем предположительно из Южной Италии прометопидии из коллекции Кепелли (Базель, Античный музей и собрание Людвига, инв. № Kä 520), который датируют около рубежа IV–III в. до н. э. [*Schefold* 1960, 91–92, Nr. 329, Taf. 261; *Segall* 1965, 555–564, Abb. 3, 4; *Treister* 1996, 111–112, fig. 30, с полной библиографией; *Cat. New York* 2016, 183–184, no. 103g] (рис. 4. *1*).

Рис. 3. Овальные прометопидии. *1* – находка из грабительских раскопок 1934–1936 гг. в районе ст. Даховской (по: *Лунин* 1937, 39); *2* – Федуловский клад. Государственный Эрмитаж. Инв. 2214/12. Фото Государственного Эрмитажа; *3* – клад из Сурча (по: *Cat. Rome* 2010, 178, no. 16.1)

Приводя примеры позднеклассических–раннеэллинистических овальных прометопидиев, я уже обращал внимание на их находки также происходящие из Южной Италии, а также гипсовые слепки с таких налобников из Мит Рахине в Египте и свинцовую матрицу из Эретрии [*Treister* 1996, 111–112, figs. 30–31].

3. Сцены с изображением орла и змеи

Если известные нам овальные прометопидии украшались чаще всего изображением Ники (рис. 4. *1*) и сценами гигантомахии (рис. 3. *2*) [*Treister* 1996, 110–114, figs. 30–31], то прометопидий из Даховской представляет до сих пор неизвестный сюжет для данной категорий фаларов конской узды – орла в схватке со змеей.

Изображение орла в схватке со змеей появляется в искусстве Ближнего Востока начиная с III тыс. до н. э. [*Wittkower* 1939, 293–325]. Изображения орла со змеей в греческом искусстве имеет определенную связь с темой войны, а точнее со спонтанным и зловещим событием, воспринимавшимся как нечто экстраординарное [*Rodríguez Pérez* 2010, 16] и олицетворяет омен победы [*Dillon* 2017, 108], победу божественной небесной силы над злыми силами земли; не случайно эти изображения использовались для оформления предметов доспеха [*Cremer* 1992, 11; *Whybrew* 2017, 223; *Hölscher* 2019, 173].

В греческом искусстве сюжет известен начиная с архаического периода, когда он, в частности, используется для оформления эмблем щитов, хотя в архаическом и раннеклассическом греческом искусстве орел, как правило, изображался летящим со змеей в когтях [*Schmidt* 1983, 61–71; *Grabow* 1998, 58–74; *Rodríguez Pérez* 2010, 6–7, pl. 1. *4*]. Укажем, например, на подобные изображения: 1) на нащечнике, вероятно, элементе бронзовой скульптуры из Дельф [*Rolley* 2001, 94, fig. 1; 2002, 41–44, no. 1, figs. 1, 2], 2) на рельефной пластине, припаянной вторично на бронзовой гидрии из клада в Песчаном (рис. 5. *1*, *2*) [*Ганіна* 1970, 85–86, рис. 11, 29, 49; *Fuchs* 1978, 114, Taf. 19, *1–3*; *Kat. Schleswig* 1991, 311, Nr. 103b; *Cat. Trento* 2007, 280, fig. 5; 142, no. 99; *Kat. Leoben* 2009, 141, Nr. 25 – здесь с ошибочным инв. номером Б41–435; *Трейстер* 2019б, 521–522, рис. 4, *1. 3*; *Treister* 2019, 321–322, fig. 9, *1. 3*], и 3) на пластине вторичного использования, припаянной под нижним атташем вертикальной ручки более позднего (I в. до н. э.?) бронзового кувшина с серебряной инкрустацией из Боснян в Сербии [*Picard* 1962–1963, 1–7; *Rolley* 2002, 44, note 18; *Ratkovic* 2005, 82–85, no. 27 с лит.]. Указанные изображения сопоставимы с эмблемами на серебряных статерах Элиды ок. 471 г. до н. э. [*Kraay* 1976, 91, 104, pl. 18, no. 323], а также монетах Халкиды на о. Эвбея, в частности, тетрадрахм ок. 480 г. до н. э. [*Kraay* 1976, 91, pl. 15, no. 265].

Также с широко расправленными крыльями представлены орлы в сценах схватки со змеей на рельефах эпохи поздней классики – раннего эллинизма, судя по изображениям на аттической надгробной стеле Клеобула второй четверти IV в. до н. э. из Мениди в Аттике (рис. 5. *3*) [*Daux* 1958, 364–366, fig. 3; *Karusos* 1960, 113–123, Abb. 1–2; *Picard* 1962–1963, 2–3, figs. 2–4; *Scholl* 1996, 13–14, 284–285, Nr. 232, Taf. 48, *2*; *Flower* 2008, 96–98, fig. 12; *Rodríguez Pérez* 2010, 15, pl. 2, *8*; *Dillon* 2017, 107–108, fig. 3.2; *Sekunda* 2017, 76, fig. 1; https://arachne.dainst.org/entity/1172306] и так наз. гробницы Алкета в Термессе в Писидии на юго-западе Малой Азии (рис. 5. *4*) [*Pekridou* 1986, 76, Abb. 6; 88–100, Abb. 8; Taf. 10; *Кишбали* 2014, 40–41].

Рис. 4. Овальные прометопидии. *1* – Коллекция Кепелли. Базель, Античный музей и собрание Людвига, инв. № Kä 520 Базель. Фото К. Ниггли, Базель (по: *Cat. New York* 2016, 184, no. 103g); *2* – Васюрина гора. Средний курган № 1. Земляная гробница. Государственный Эрмитаж, инв. № Вас. 79. Фотоархив ИИМК, Санкт-Петербург, фото с негатива III-11940; *3* – Хут. Верхний. Курган № 4/1978. Погребение № 2. Краснодар, инв. № МД 1702. КМ 4980/116 (по: *Мордвинцева и др.* 2010, цв. табл. 6)

Рис. 5. Изображение схватки орла со змеей в греческом искусстве классического и эллинистического времени. *1*, *2* – бронзовая гидрия из Песчаного. Киев, Нац. Музей истории Украины, инв. №. Б41-432. Фото М. Ю. Трейстера, 2008; *3* – Мениди. Надгробие Клеобула. Афины, Национальный музей, инв. № 4951 (по: https://arachne.dainst.org/entity/1172306); *4* – Термесс. «Гробница Алкета», фото 2006 г. (по: https://www.histolia.de/pisidien/termessos/termessos-pisidien-bilder.html)

Сцены с изображениями схватки орла со змеей получают распространение в эпоху позднего эллинизма. Известны редкие изображения такого рода на надгробных стелах из Северной Греции, в частности, Фессалии [с эпитафией Пайаниса: *Gallis* 1973, 337, fig. 295 b; *SEG* 27, 193; https://arachne.dainst.org/entity/1098719]. Значительно более широкое распространение они получают в Малой Азии (преимущественно на северо-западе: Вифиния) после 200 г. до н. э. [*Pfuhl, Möbius* 1977, 51, Anm. 112; 1979, 525; *Pekridou* 1986, 97, Anm. 303; *Schmalz* 1983, 226; *Schmidt* 1991, 24, Anm. 149–150; *Cremer* 1992, 10–11; 26–35; 127–130, NSA 1–11], украшая навершия погребальных стел, основные сцены которых представляют загробную трапезу и (или) сцену сражения (при этом орел мог изображаться как с расправленными[3], так и с опущенными крыльями[4]). Так, например,

[3] Гейнюк в районе Болу, хранится в Стамбуле: *Pfuhl, Möbius* 1979, 403–404, Nr. 1647, Taf. 241; *Cremer* 1992, 33, 129, NSA 6 (I в. до н. э.).– Мустафакемальпаша в районе Милетополиса, хранится в Бурсе: *Pfuhl, Möbius* 1979, 404, Nr. 1648, Taf. 241; *Cremer* 1992, 7, 34–35, 130, NSA 10 (I в. до н. э.).

[4] Билиджик, хранится в Бурсе: *Pfuhl, Möbius* 1979, 218, Nr. 835, Taf. 122; *Cremer* 1992, 23, 29–30; 127, NSA 2 (II в. до н. э.). (рис. 6. *3*). – Киос, утрачен: *Pfuhl, Möbius* 1979, 533, Nr. 1277c; Abb. 115; *Cremer* 1992, 26–27, Abb. 2; 127,

на надгробии из Киоса (совр. Гермлик) с изображениями в двух регистрах: выше – погребальной трапезы, ниже – двух кораблей в морском сражении. Завершается стела рельефом с изображением орла в схватке со змеей (рис. 6. *1*). Надпись дает основании для датировки надгробия ок. 200 г. до н. э.[5] Для боспорских же стел такие изображения совершенно не характерны.

Казалось бы, тот факт, что крылья орла на прометопидии из Даховской опущены, был обусловлен исключительно вертикальной формой самого прометопидия. Интересно, что именно на надгробиях из Малой Азии (рис. 6. *2*–*5*)[6] и Фессалии (рис. 6. *1*) [*Gallis* 1973, 337, fig. 295 b; *SEG* 27, 193; https://arachne.dainst.org/entity/1098719] мы встречаем изображения орлов с опущенными вниз крыльями.

4. Выводы

Используя все доступные нам материалы, приходим к выводу о близости фаларов из Даховской и Федуловского клада. И. П. Берхин (Засецкая), анализируя фалары с головой льва, пришла к выводу о том, что они были изготовлены в боспорской мастерской в конце III в. до н. э. [*Берхин* 1962, 37–39], основываясь, главным образом, на сравнении с эмблемой реверса серебряных монет пантикапейской чеканки [*Берхин* 1962, 38, 39 (илл.)], которые датировались в то время последней третью III в. до н. э. [*Шелов* 1956, 158, 218, № 82, табл. VII]. Позднее, однако, эта серебряная гемидрахма с изображением головы Аполлона в профиль вправо на лицевой стороне была отнесена В. А. Анохиным приблизительно к 170–160 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 142, № 160 (П–38)]. М. Пфроммер датировал фалары с львиными мордами Федуловского клада II в. до н. э., основываясь исключительно на их размерах и его представлении о том, что ранние фалары были меньших размеров, а фалары размером 25–30 см не могут датироваться ранее II в. до н. э. [*Pfrommer* 1993, 8–9, fig. 3].

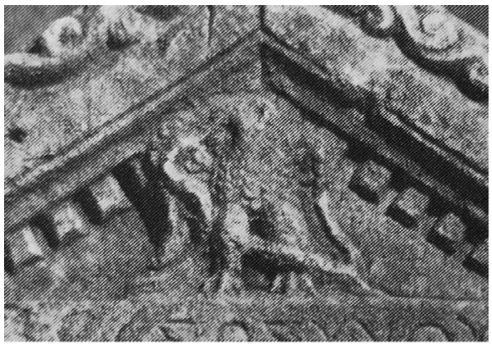
Тем не менее, очевидно, что крупные наплечные фалары из Федуловского клада и Успенской [*Трейстер* 2006, 430–435, 439–443, рис. 1–4; *Treister* 2007–2009, 68–73, 77–81, fig. 1–4], имеющие близкие размеры ок. 30–31 см в диаметре, относятся к наиболее ранним находкам такого рода в Северном Причерноморье [*Мордвинцева* 1996, 155–156] и могут датироваться в рамках последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. [*Трейстер* 2006, 439–440; *Treister* 2007–2009, 77–79]. Есть все основания относить к ранней группе фаларов и публикуемый прометопидий из Даховской, в том числе, учитывая и его крупные размеры.

Не менее важен вопрос и о возможном месте их изготовления. Рассматривая фалары из Успенской, я уже писал, что совершенно необязательно трактовать их и фалары из Федуловского клада как изделия именно боспорской мастерской и что нельзя

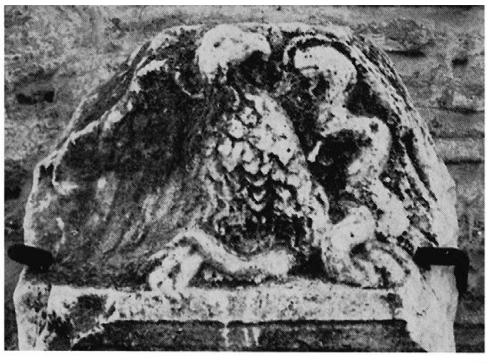
NSA 1 (первая половина II в. до н. э. (рис. 6. *2*).– Милетополис, хранится в Стамбуле: *Pfuhl, Möbius* 1979, 334–335, Nr. 1402, Taf. 204; *Cremer* 1992, 7, 34–35, 129, NSA 9 (I в. до н. э.); *Şahin* 2000, 191–192, no. KA 5, pl. XLVIII; *Slawisch* 2007, 71 (рис. 6. *4*).– Инегель, Бурса, Музей, без инв. номера: *Cremer* 1992, 32, 128, NSA 5, Taf. 9 (I в. до н. э.). – Место находки неизвестно. Бурса, Музей, без инв. номера: *Cremer* 1992, 34, 130, NSA 11, Taf. 8 (I в. до н. э.) (рис. 6. *5*).

[5] *Pfuhl, Möbius* 1979, no. 1277a-c; *Ridgway* 1990, 358, note 15.

[6] См. выше прим. 4.



1



3

4

2

5

Рис. 6. Изображение схватки орла со змеей на надгробиях из Фессалии и Малой Азии эллинистического времени. *1* – Доменико. Ларисса, Археологический музей (по: *Gallis* 1973, 337, fig. 295 b); *2* – Киос. Утрачено (по: *Pfuhl, Möbius* 1979, 533, Nr. 1277c; Abb. 115); *3* – Билиджик. Бурса, Музей, инв. № 2080 (по: *Pfuhl, Möbius* 1979, 218, Nr. 835, Taf. 122); *4* – Милетополис, Стамбул, Археологический музей, инв. № 2211 (по: *Pfuhl, Möbius* 1979, 334–335, Nr. 1402, Taf. 204); *5* – Место находки неизвестно. Бурса, Музей, инв. № 2513 (по: *Cremer* 1992, Taf. 8, NSA 11).

исключать возможность их происхождения из Малой Азии [*Трейстер* 2006, 441–442; *Treister* 2007–2009, 79–80]. Распространение мотива схватки орла со змеей в оформлении рельефов из Малой Азии (Вифинии) II–I вв. до н. э. и отсутствие подобных изображений в рассматриваемое время на Боспоре, является еще одним косвенным аргументом в пользу возможного происхождения ранних фаларов конской узды, найденных в Прикубанье и Подонье, из Малой Азии.

Список литературы

А*нохин* В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 184.

Б*ерхин* И. П. 1962. О месте производства фаларов «Федуловского клада» // СГЭ. 22, 37–39.

В*ласова* Е. В. 2004. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского. СПб, 158–174.

Власова Е. В. 2009. Ахтанизовский клад // ВДИ. 3, 63–78.

Власова Е. В. 2010. Государственный Эрмитаж. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. III. М., 198–262.

Г*аніна* О. Д. 1970. Античні бронзи з Піщаного. Киев, 98.

З*асецкая* И. П. 1966. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 7, 28–36.

К*ат. Ленинград* 1985. Античное художественное серебро. Гос. Эрмитаж. Каталог выставки. Л., 64.

Кишбали Т. П. 2014. Смерть македонца в Писидии: о термесской «гробнице Алкета» // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 4, 37–47.

Кропоткин В. В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) (САИ. – Д1-27). М., 222.

Л*унин* Б. В. 1937. Даховское погребение // Наука и жизнь. 10, 39–40.

Лунин Б. В. 1939. Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 3 (8), 210–223.

Лунин Б. В. 1940. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской // ИРОМК. 2, 27–49.

М*ордвинцева* В. И. 1996. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана // РА. 2, 155–160.

Мордвинцева В. И., *Трейстер* М. Ю. 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе 2). Симферополь, Бонн: I – 308, II – 255, III – 204.

Мордвинцева В. И., *Хачатурова* Е. А., *Юрченко* Т. В. 2010. Сокровища древней Кубани (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе 4). Симферополь, Краснодар, 448.

Р*остовцев* М. И. 1913–1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 537.

С*пицын* А. А. 1909. Спицын, Фалары Южной России // ИАК. 29, 18–53.

Т*ревер* К. В. 1953. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. –IV в. н. э.). М., Л., 396.

Трейстер М. Ю. 2001. Заметки по поводу дискуссии «Сарматы в I в. н. э.: новейшие открытия // ВДИ. 4, 168–174.

Трейстер М. Ю. 2006. Фалары из станицы Успенской (к вопросу о времени появления больших наплечных фаларов эллинистического времени) // ДБ. 10, 429–462.

Трейстер М. Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 1. Симферополь, Бонн, 15–194.

Трейстер М. Ю. 2012. Еще раз о колеснице из Первого Среднего кургана Васюриной Горы // ДБ. 16, 470–490.

Трейстер М. Ю. 2019а. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре // ДБ. 24, 553–580.

Трейстер М. Ю. 2019б. Заметки о греческой, италийской и македонской бронзовой посуде у скифов и меотов // АДИУ. 2 (31), 518–526.

Трейстер М. Ю. 2019в. Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии // III Международная научная конференция. Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том 1. М., 260–264.

Трейстер М. Ю. 2020а. Богатое сарматское погребение Калиновского могильника в Нижнем Поволжье и возможности его интерпретации // Stratum plus. 4, 163–178.

Трейстер М. Ю. 2020б. Бронзовые сосуды позднереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии // ПИФК. 4, 41–109.

Ш*елов* Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 220.

Шилов В. П. 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. 1 (МИА 60). М., 323–523.

С*at. Bucharest* 2013. Aurul şi argintul antic al României. Catalog de expoziţie, Bucureşti, Muzeul Naţional de Istorie, 2013. Bucharest, 703.

Cat. New York 2016. Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World. The Metropolitan Museum of Art. New Haven, London, 368.

Cat. Rome 2010. Ori antichi della Romania. Prima e dopo Traiano. Milano, 255.

Cat. Trento 2007. Ori dei cavalieri delle steppe: Collezioni dai musei dell'Ucraina, Trento, Milano, 384.

Cremer M. 1992. Hellenistisch-römische Grabstelen im nordwestlichen Kleinasien. II. Bithynien (Asia Minor Studien. Band 4.2) Bonn, 190.

Daux G. 1958. Le Devin Cléoboulos // BCH. 82, 364–366.

Dillon M. 2017. Omens and Oracles. Divination in Ancient Greece. London, New York, 486.
F*ettich* N. 1953. Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // ActaArchHung 3, 127–178.
Flower M. A. 2008. The Seer in Ancient Greece. Berkeley, Los Angeles, London, 305.
Fuchs W. 1978. Bronzegefäße in Kiev // Boreas. 1, 113–115.
G*allis* K. 1973. Αρχαιότητες και Μνημεία Θεσσαλίας // ADelt. 28. Chron B (1977), 327–339.
Grabow E. 1998. Schlangendarstellungen in der griechischen schwarzfigurigen Vasenkunst. Münster, 327.
H*ölscher* T. 2019. Krieg und Kunst im antiken Griechenland und Rom (Krieg und Kunst im antiken Griechenland und Rom 4). Berlin, Boston, 374.
K*arusos* C. 1960. Phrontismata // Theoria. Festschrift für W.-H. Schuchhardt. Baden-Baden, 113–122.
Kat. Leoben 2009. Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs. Wien, 318.
Kat. Schleswig 1991. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 423.
Kraay C. M. 1976. Archaic and Classical Greek Coinage. London, 390.
M*arčenko* I. I., Limberis N. J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I.I, Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
Mordvinceva V. I. 2001. Sarmatische Phaleren (Archäologie in Eurasien 11). Rahden, 110.
P*ekridou* A. 1986. Das Alkestas-Grab in Termessos (Istanbuler Mitteilungen Beiheft 32). Tübingen, 133.
Pfrommer M. 1993. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 244.
Pfuhl E., *Möbius* H. 1977. Die ostgriechischen Grabreliefs. Bd. I. Mainz, 1–274.
Pfuhl E., *Möbius* H. 1979. Die ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. Mainz, 275–612.
Picard C. 1962–1963. Aigle et serpent: sur les divers sens d'un symbole religieux á travers la Grèce du Nord: d'après un oenochoé de bronze du Musée de Belgrade // Starinar. N. S. XIII–XIV (1965), 1–7.
R*atković* D. 2005. Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu. Антика, IX. Београд, 190.
Ridgway B. S. 1990. Hellenistic Art. I. The Styles of ca. 331–200 BC. Madison, 374.
Rodríguez Pérez D. 2010. Contextualizing Symbols*:* ›the Eagle and the Snake‹ in the Ancient Greek World // Boreas. 33, 1–18.
Rolley C. 2001. Le travail du bronze à Delphes // I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi (Instrumentum Monographies 21). Montagnac, 94–99.
Rolley C. 2002. Le travail du bronze à Delphes // BCH. 126/1, 41–54.
Ş*ahin* M. 2000. Miletopolis kökenli figürlü mezar stelleri ve adak levhaları. Ankara, 281.
Schefold K. 1960. Meisterwerke griechische Kunst. Basel, 320.
Schmalz B. 1983. Griechische Grabreliefs. Darmstadt, 252.
Schmidt M. 1983. Adler und Schlange. Ein griechisches Bildzeichen für die Dimension der Zukunft // Boreas. 6, 61–71.

Schmidt S. 1991. Hellenistische Grabreliefs: typologische und chronologische Beobachtungen. Köln, 164.

Scholl A. 1996. Die attischen Bildfeldstelen des 4. Jhs. v. Chr. Untersuchungen zu den kleinformatigen Grabreliefs im spätklassischen Athen (Athenische Mitteilungen Beih. 17). Berlin, 393.

Segall B. 1965. Alexandria and Tarent. Eine tarentinische Fundgruppe des frühen Hellenismus // AA. 3, 553–588.

Sekunda N. 2017. The lochagoi of Iphicrates. Forming a Mercenary Army in the Fourth Century BC // War, Warlords, and Interstate Relations in the Ancient Mediterranean. Leiden, 64–88.

Sîrbu V., Bârcă V. 2017. Figurative Representations on the Phalerae Found between the Ural, the Caucausus and the Balkan Mountains (2nd–1st Century BC) // Western-Pontic Culture Ambience and Pattern. In memory of Eugen Comsa. Warsaw, 2017. 272–321. https://doi.org/10.1515/9783110500820–012

Slawisch A. 2007. Die Grabsteine aus Philippopolis, Ausdrucksmittel einer multikulturellen Bevölkerung // Die Selbstdarstellung der römischen Gesellschaft in den Provinzen im Spiegel der Steindenkmäler: IX. Internationales Kolloquium über Probleme des provinzialrömischen Kunstschaffens (Ikarus 2). Innsbruck, 69–82.

Spânu D. 2012. Tezaurele dacice: Creația în metale prețioase din Dacia preromană. Bucharest, 278.

Spânu D. 2014. Der Vogelreiter von Surcea Hintergründe eines keltischen Mythos im spätlatenezeitlichen Dakien // *The Clash of Cultures? The Celts and the Macedonian World.* (Schriften des Kelten Römer Museums Manching 9) Manching, 143–156.

Spânu D. 2017. Der Vogelreiter von Surcea. Hintergründe eines keltischen Mythos im spätlatenezeitlichen Dakien // *Dacia* LXI, 207–222.

T*reister* M. 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // New Studies on the Black Sea Littoral (Colloquia Pontica I). Oxford, 73–134.

Treister M. 1999. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae) // Ancient Greeks West and East. Leiden, 567–605.

Treister M. 2001. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Colloquia Pontica 8). Leiden, Köln, Boston, 617.

Treister M. 2007–2009. Phalerae from Stanitsa Uspenskaya (to the Question of the Chronology of Appearance of Large Shoulder Phalerae of the Hellenistic Period) // Il Mar Nero. 7 (2013), 67–105.

Treister M. 2013a. Der Wagen aus dem Ersten Mittleren Kurgan auf dem Vasjurin-Berg (Tamanhalbinsel). EA. 19 (2016), 89–104.

Treister M. 2013b. Gepaypyris II? Once More about a Silver Plate from Neapolis Skythike // ACSS. 19/1, 33–83.

Treister M. 2019. Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia // Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20–24, 2018 (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.

W*hybrew* S. D. 2017. Die Helmreliefs des ›Aias‹ der ›Pasquinogruppe‹ und ihre Bedeutung für die Interpretation des Bildwerks // AA. 1, 213–230.

Wittkower R. 1939. Eagle and Serpent // Journal of the Warburg Institute. 2, 293–325.

Summary

Mikhail Treister
Phalerae of horse harness from the illicit excavations of 1930-s near the Cossack village Dakhovskaya in the Trans-Kuban region

Our attention is attracted by the lost phalerae from the illicit excavations of 1934–1936 in the area of cossack village Dakhovskaya in the Trans-Kuban region, known after the brief description by B. V. Lunin, judging by which, one of them, with the image of a lion's head *en face*, may be compared with a pair of phalerae from the Fedulov hoard, and the other – a phalera with the head of a gorgon – with the piece from the hoard found near cossack village Akhtanizovskaya.

Much more information is provided by the phalera "with the image of an eagle and a serpent". The photograph and dimensions of this phalera were published in 1937 in a short popular article by B. V. Lunin, which remained out of sight of the modern scholars. This phalera has an oval shape and, it is quite obvious that this is *a prometopidion* – the forehead decoration of a horse. On this frontlet in relief, there is shown *en face* an image of an eagle, with its wings lowered and its head turned to the right, in a fight with a snake. The *prometopidion* from Dakhovskaya belongs to the type of oval frontlets, which are known from rather rare finds from the Kuban and Don regions, dating back to the 3rd–2nd centuries BC. In terms of shape and size, the closest parallel among the finds from the North Pontic area is an object from the Fedulov hoard – this piece, depicting a scene of Gigantomachy, is smaller in size, and also has rivets located in a similar way on the front side, and on the back – the remains of wide bronze transverse loops.

If the oval *prometopidia* known to us were most often decorated with the image of Nike and scenes of Gigantomachy, then the frontlet from Dakhovskaya represents a still unknown motif for this category of horse bridle phalerae – an eagle in a combat with a snake. In Greek art, this motif plot has been known since the Archaic period, when, in particular, it was used to decorate the shield emblems, although in the Archaic and early Classical Greek art, the eagle was usually depicted flying with a snake in its claws. Also, with widely spread wings, eagles are represented in scenes of a fight with a snake on the reliefs of the late Classical – early Hellenistic period from Attica and Asia Minor. Scenes with images of the combat of an eagle with a snake became widespread in the late Hellenistic period, especially in Asia Minor after

200 BC. On the other hand, such images are completely unusual for the Bosporan steles. It would seem that the fact that the eagle's wings on the frontlet from Dakhovskaya were lowered, was due to the oval-vertical form of the *prometopidion* itself, however, it is worth noting that we find images of eagles with their wings lowered down exactly on the grave stele from Asia Minor and Thessaly.

The author comes to the conclusion that the *prometopidion* from Dakhovskaya should be attributed to the early group of phalerae, also represented by finds from the Fedulov hoard and Uspenskaya, and dated within the last quarter of the 3rd – first quarter of the 2nd century BC. The spread of the motif of the combat between the eagle and the snake in the decoration of grave stele from Asia Minor of the Hellenistic period and the absence of such images in the time in question in the Cimmerian Bosporus are indirect arguments in favor of the possible origin of the early phalerae of the horse harness found in the Kuban and Don regions from Asia Minor.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.315-335

Ф. В. Шелов-Коведяев
(Свободный исследователь, г. Москва)

De titulis Bosporanis et viciniis VI[1]

22. О вотиве 2008 года из Пантикапея. В 2011 г. А. Аврам [*Avram* 2011, 137–139] кратко отнёсся к опубликованному незадолго пред этим С. Ю. Сапрыкиным и Н. Ф. Федосеевым [*Сапрыкин*, *Федосеев* 2009, 138–147] фрагменту посвящения (рис. 1). Они прочли следующее[2]:

1 [Ὑπὲρ τοῦ ἐκ βα]σιλέ[ως βασιλέων μεγά]-
[λου Ἀσανδρό]χου κα[ὶ βασιλίσσης Δυνά]-
[μεως Ἀσπούρ]γου, βασ[ιλέως τοῦ Βοσπόρου,]
[φιλορωμαίου, Π]υθοδωρ[ὶς Φιλομήτωρ, βασί]-
5 [λισσα τοῦ Πόντο]υ, Αὐ[τοκράτορα Τιβέριον Καί]-
[σαρα Θεοῦ Σεβαστοῦ υἱὸν Θεὸν Σεβαστὸν τὸν]
[ἑαυτῆς σωτῆρα καὶ εὐεργέτην].

А. Аврам с этим не согласился. В самом деле, помимо необоснованных исторических выводов, которые сделали соавторы [cf. *Avram* 2011, 138] и странного порядка слов в реконструкции стк. 6, у них получилось, что за здравие Асандра и Динамии Пифодорида (?) воздвигла изображение своего благодетеля Тиберия. Выглядит невероятно, т. к. контаминирует два жанра и две формулы – типичного заздравного посвящения божеству и воздвижения статуи императора, облагодетельствовавшего вассала своим доверием. Однако и видение А. Аврамом данного документа:

[Ὑπὲρ τοῦ ἐκ βα]σιλέ[ως βασιλέων]
[μεγάλου Ἀσανδρό]χου κα[ὶ βασιλίσσης Δυνάμεως υἱοῦ,]
[βασιλέως Ἀσπούρ]γου, βασ[ιλεύοντος παντὸς Βοσπόρου,]
[φιλορωμαίου, Π]υθόδωρ[ος τοῦ δεῖνος κτλ.

трудно принять полностью.

Во-первых, потому, что поставленное им в конце κτλ. предполагает продолжение, предложенное первоиздателями. А это возвращает недопустимое смешение стилей.

[1] I и IV серию моих заметок см. в ДБ 25 и 26 соответственно, II и III – в ВДИ № 1 и 3 за 2021 год, V – в НЭ XXI.

[2] Здесь и далее *курсивом* в греческом отмечены неполностью сохранившиеся литеры.

Рис. 1. Вотив Пифодора из Пантикапея, по: *Сапрыкин*, *Федосеев* 2009

Правда, покойный оговаривался «Pour la continuation, l'on pourrait penser soit à [βασιλέως Ἀσπούρ]γου - - - [νείκης]». Но следы литер на камне не отвечают окончанию повторного генитива ЛИ Аспурга.

Во-вторых, и в варианте А. Аврама сохраняется непропорциональность лакун как в финалах сткк. 2–3, так и в начале стк. 4. В-третьих, и КБН 31 и 33, на которые тот указывает, обе являются не почётными, но посвятительными памятниками. Наконец, стилистике вотива больше подходит не «au nom» царя, а обращение посвятителя от собственного имени.

Перечисленным наблюдениям более соответствует такая реконструкция[3]:

№	левая лакуна	текст	правая лакуна
1		[Ὑπὲρ τοῦ ἐκ βα]σιλέ[ως βασιλέων]	
	14	[μεγάλου Ἀσανδρό]χου κα[ὶ βασιλίσσης Δυνάμεως υἱοῦ,]	23 (21)
	13	[βασιλέως Ἀσπούρ]γου, βασ[ιλεύοντος παντὸς Βοσπό]-	20
	15 (14)	[ρου, φιλορωμαίου, Π]υθόδωρ[ος τοῦ δεῖνος ethni]-	
5		[cum - - - - - - - - - - - τὸ]*ν αὐ*[τοῦ σωτῆρα καὶ εὐεργέτην]	21
		[ἀνέθηκεν τῶι δεῖνι].	

Перевод: «(За сына от ца)ря (царей великого Асанд)ра и (царицы Динамии, царя Аспур)га, цар (ствующего над всем Боспором, друга римлян, П)ифодор (сын такого-то, ethnicum - - - - - - - - -), сво (его спасителя и благодетеля (статую) поставил такому-то богу).

[3] В скобках указано количество букв с учётом того, что *йота* занимает вполовину меньше места прочих литер.

Здесь *ню* (очертания линий не соответствуют высоко расположенной изгибающейся «птичке» *ипсилона*: ср. другие её примеры в данной надписи) после лакуны в начале стк. 5 относится к окончанию аккузатива, либо уточняющего местоположение полиса заказчика вотива (например, Гераклеи на Гипии (ср. КБН 55) или Гераклеи же на Латмосе): в КБН довольно посвящений за боспорских правителей, поставленных иностранцами; либо, предпочтительно, члена. В конце имеется в виду статуя самого Асандра – сотера и эвергета посвятителя Пифодора. А τῶι δεῖνι скрывает теоним.

23. О некоторых оценках А. В. Белоусова. Недавно тот [*EP* 2021.1, 123, № 74] обвинил В. П. Яйленко в хамстве и клевете. Это правда, что суждения Валерия Петровича могут ранить неокрепшие души. Порой – очень больно. Но уж кому-кому, но не А. В. Белоусову, регулярно отличающемуся подобным сверх всякой меры, бросать такие упрёки кому бы то ни было. Что он тут же и доказал.

В своих заметках в Древностях Боспора 25 [*Шелов-Коведяев* 2020, 426 слл.] аз многогрешный, стремясь предостеречь опрометчивого собрата по перу от глиссады по наклонной плоскости, всего лишь позволил себе предметно назвать его неточные ссылки на источники и публикации, пропуски в библиографии работ учёных, упоминаемых в тексте, нехватку знания специальной литературы, греческой лексики и стихосложения, недоучёт вариантов интерпретации публикуемых артефактов, огрехи в языковом материале, комичное высокомерие и т. д. В ответ он впал в эмоцию и голословно сорвался на меня за – угадайте, что, – а заодно, якобы, «кухонное менторство», «Откровения» и «ссылки на собственную гениальность» [*EP* 2021.2, 107], чего и в помине не было. В итоге уверения А. В. Белоусова, что он-де готов к критике [*EP* 2021.2, 108], звучат фальшиво. Попутно он с полным отсутствием чувства юмора *по-отечески* хвалит В. П. Яйленко (который его в два раза старше!) за то, что тот встал, как ему кажется, на путь исправления [*EP* 2021.2, 90, № 11].

И столь элегантно изъясняющийся человек имеет претензии на право Высшего Судии карать и миловать? Видно, меня снова назовут хамом, но, желая подтвердить свою открытость дискуссии, он ссылается на [*EP* 2019: 74], а в том указателе 57 статей, да и пагинация иная. Кстати, когда хотят выразить мысль, что что-то есть «не иное, чем», пишут «***ни что*** иное, как», а не «**нечто** (= «кое-что») иное» (как в [*EP* 2021.2, 107]). Выходит, enfant terrible не шибко владеет даже *родным* языком?

Впрочем, я прощаю все его пустые наскоки. Наперёд. Оптом. И не стану впредь на них отвечать. Буде же у читателя возникнет желание ознакомиться с *содержанием* некоторых дискуссий о северочерноморской эпиграфике, он благоволит обратить своё внимание, в том числе, на мои соображения в ДБ, ВДИ и НЭ (Боспор), Херсонесском Сборнике (Херсонес) и (Ольвия, Никоний и Тира) в журнале Эминак, Віснике КНУКіМ, сборниках МАСП (Одесса) и областной краеведческой конференции и Forum Olbicum (Николаев).

24. О небрежностях в указателе Epigraphica Pontica. В последний раз касаюсь этой темы. В [*EP* 2021.1, 97, № 8] А. В. Белоусов скрывает, что два альтернативных чтения хозяйственного граффито, опубликованного Н. В. Завойкиной (см. SEG 65, 626), были предложены С. Ю. Сапрыкиным и мною, а ЛИ Διονύστρατος было установлено не Д. и М. Дана, но мной и поддержано С. Ю. Сапрыкиным, на что живущие во Франции

румынские соавторы и ссылаются [*Dana*, *Dana* 2019, 126, note 50]. № 30 [*EP* 2021.1, 104–105] помещён в раздел «Херсонес и Крым», хотя целиком посвящён Боспору, где ему и место. В [*EP* 2021.1, 115, № 47] автор, прибегая к скрытому цитированию (не потому ли он и отказался рассматривать мою публикацию?), вводит читателя в заблуждение, умолчав, что на невозможность «с точки зрения <…> грамматики и смысла» сапрыкинского чтения ἐκ Ἡκσί(ō) (А. В. Белоусов *дважды* (?!) пишет *йоту* – Ἡκσιί(ō)) в фанагорийском граффито Фанагора, как и на сомнительность магического характера происходящего оттуда же граффито Нисы, указал я. В [*EP* 2021.1, 114, № 45] игнорируется, что гипотеза о том, что в имени Фанагора надо видеть ойкиста полиса, была высказана задолго до В. Д. Кузнецова Н. В. Завойкиной и развита мною [*Шелов-Коведяев* 2018, 100]. Также наши великие предшественники, когда добавляли к основному тексту одно дополнение, писали – Addendum в ед. ч., но не Addenda в pluralis. В EP в последнее время вообще не обозреваются ни Херсонесский Сборник, ни журнал Эминак, ни Таврические Студии, ни AMA, ни иные крымские и прочие русские региональные (а также украинские) издания.

Невнимательность руководителя группы указателя усваивается Л. Г. Елисеевой. В [*EP* 2021.1, 108–109, № 38] она формирует у читателя неверное понимание, не замечая, что «моления лиц, отправляющихся в дальнюю поездку» сопровождаются, как было отмечено в публикации [*Агафонов*, *Толстиков*, *Шелов-Коведяев* 2019, 38–39], припиской к каждому καταπύγων от их недоброжелателя (~ей). В [*EP* 2021.1, 116, № 51] она приписывает собственную фантазийную трактовку рядовой хозяйственной надписи на тулове гераклейской амфоры [*Шелов-Коведяев* 2019, 80–81], странным образом, С. Ю. Сапрыкину и мне.

Незрелость видна и в постоянном оригинальничанье с названиями, – как раздела о керамической (так всегда было в русской науке) эпиграфике (именуется «амфорной»), так и всего альманаха в целом: Греческая и *римская* (вместо – латинская), хотя в английской версии даётся его правильное определение (Greek and *Latin* inscriptions).

Те же недостатки множатся и в следующем выпуске *EP*. В [*EP* 2021.2, 89–90, № 10] А. В. Белоусов сожалеет, что ему осталась недоступной одна моя статья [*Шелов-Коведяев* 2020a, 203–211]; странно: Stratum Plus, где она вышла, есть в библиотеках университетов Германии, где тот тогда стажировался; да и у меня можно было бы попросить, я бы не отказал. В [*EP* 2021.2, 101–102, № 27] было бы уместно сказать, что Н. Н. Казанский принял мою корректировку своего чтения дионисова гимна из Пантикапея: ко времени второго выпуска *EP* за 2021 г. она уже увидела свет [*Шелов-Коведяев* 2021, 422–424, № 16]. В [*EP* 2021.2, 102, № 29] все грамматические (συνπλοῦσης: прилагательное σύμπλοος – двух окончаний, у него не может быть ж. р.; ударение перед долгим должно быть острым) и хронологические (форма gen. sg. χοέως появляется в *литературе*, но не *эпиграфике*, на двести лет позже, чем датируется амфора: LSJ s. v.) ошибки С. Ю. Сапрыкина некритически воспроизведены в указателе.

Не отстаёт и Л. Г. Елисеева. В [*EP* 2021.2, 96, № 17.9] неправильно указана моя публикация. В [*EP* 2021.2, 98, № 22] не отражена критика чтения Н. В. Завойкиной [*Завойкин*, *Завойкина* 2020, 134–135], данная С. Ю. Сапрыкиным [*Сапрыкин* 2021, 335–341, № 2], опубликованная намного ранее *EP*. В [*EP* 2021.2, 99–100, № 24] то же приходится констатировать

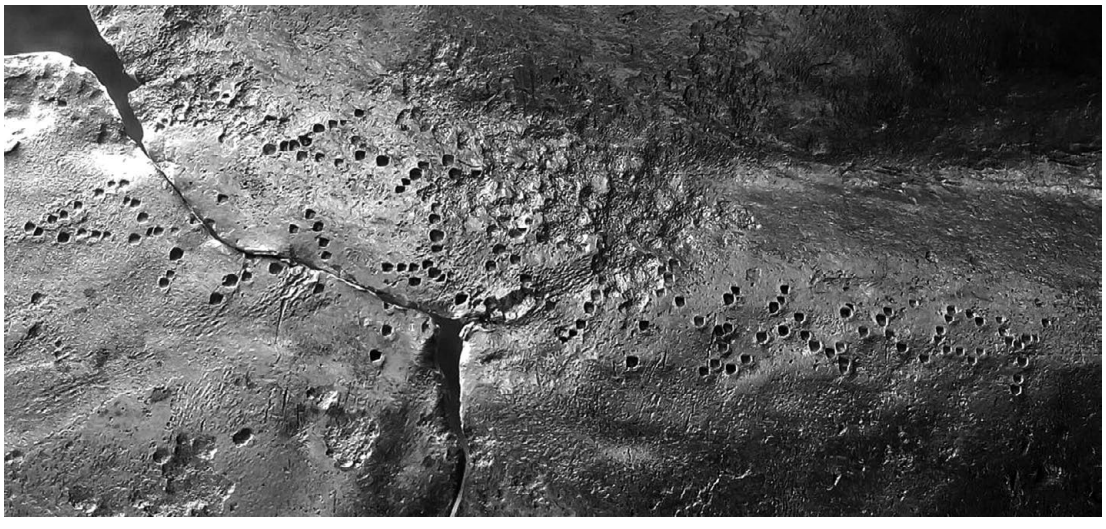


Рис. 2. Надпись на котелке из музея в Волгограде, по: *Балахванцев* 2021

и в отношении меня [*Шелов-Коведяев* 2021, 419–420, № 14]. Равно это относится и к [*EP* 2021.2, 100, № 21.1] (см. [*Шелов-Коведяев* 2020, 436–437, № 7]), и к [*EP* 2021.2, 100, № 21.2] (см. [*Шелов-Коведяев* 2021, 420, № 14a]). Ταῦτα μέν νυν ἐπὶ τοσοῦτον εἰρήσθω (Hdt. IV 199).

Список некорректного отношения можно было бы легко расширить за счёт других коллег. Но на это не достанет никаких доброй воли, времени и листажа. Sapienti sat.

25. О надписи, выбитой на бронзовом котелке из курганного могильника у х. Базки (Волгоградская область: рис. 2). В докладе, прочитанном на Конференции «Слово и артефакт» в Саратове 15 октября 2021 г. А. С. Балахванцев [*Балахванцев*, *Шинкарь* 2021] вернулся к предложенному им в 2018-м [*Балахванцев*, *Шинкарь* 2018, 193–203] чтению надписи на металлическом сосуде. В его представлении она гласит:

[Η]ΔΔΔΖ⊓ / ΔΙΡΙΝΑΚΟΥ

«(вес) 181 драхма, (собственность) Диринака». Поводом для нового обращения к памятнику послужила *попытка А. В. Белоусова* [*Белоусов* 2020, 960–969] перечитать её *без аутопсии*, по фотографии О. А. Шинкарь: ++δρ (αχμαί)+ / δι(ὰ) Μ\ι/ννάκου «?др(ахм) (столько-то)? заверено Миннаком» (рис. 3); а также обнаружение аналогии артефакту, произведённому, по мнению А. С. Балахванцева, где-то рядом с сарматскими кочевьями, возможно, в Танаисе, в грунтовом некрополе последнего [*Балахванцев*, *Шинкарь* 2021].

Я воздержусь от однозначного суждения до очного ознакомления с предметом. Требуется тщательное осмысление знаков стк. 1 и причин, по которым она врезается (?) в стк. 2, разделяя ЛИ предполагаемого Диринака (новое, следующее иранским моделям, имя). Однако пока интерпретация А. С. Балахванцева представляется мне вполне допустимой рабочей гипотезой.

Что до А. В. Белоусова, то его, привычно игнорирующего характер объекта, несущего надпись, увлекают мечтания. Беспрецедентно, чтобы на варварском котле стояла подпись лица, удостоверяющего/заверяющего что-либо (например, его объём,

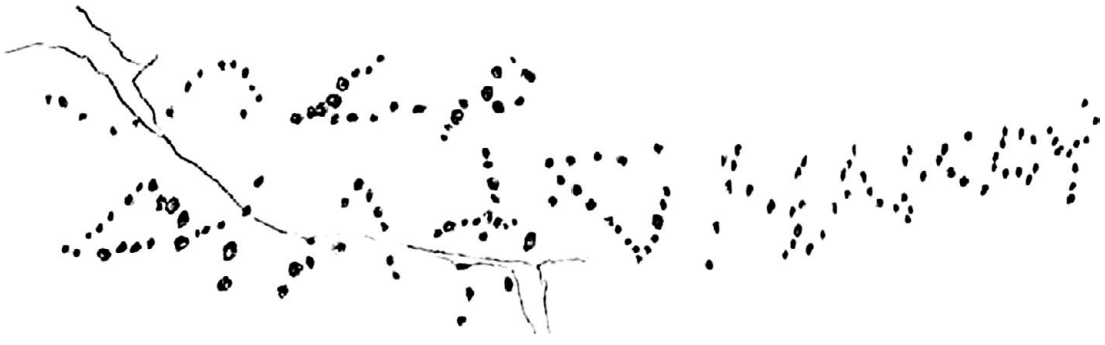


Рис. 3. Надпись на котелке из музея в Волгограде. Чтение А.В. Белоусова по: *Белоусов* 2020

содержимое и т. д.): подобно тому, как то делали эллинские магистраты и/или гончары в клеймах на амфорах и мерных сосудах различных центров производства.

26. О надписи на бронзовом ковше из Ростовской области. По аналогичным причинам чистой фантазией предстаёт видение А. В. Белоусовым надписи на ковше из раскопок 1927 г. [*Белоусов* 2020, 954 слл.]. Он воспроизвёл: ΓΛ / Διαδουμενὸς / χρυσωταῖς / νεωτέροις / ἀνέθηκε οἰκονομοῦντος / Θεοφίλου – «ГЛ? Диадумен младшим позолотчикам посвятил при управляющем Феофиле» (?!). Приведённые им примеры лапидарных надгробных и посвятительных надписей аналогиями к данному памятнику не являются.

Возможно ещё было бы не посвящение, но дарение одного человека другим. Однако глагол ἀνατίθημι сюда не годится. Можно было бы ожидать (LSJ s. v.) чего-то вроде «доверил, поручил, выложил кому» либо «(за)получил для кого» (все – c.dat.), имея в виду сам ковш. Впрочем, всё это в большинстве своём тоже уводит в литературщину.

А. В. Белоусов напрасно не уделил должного внимания чтениям А. П. Балагурова и особенно выдающегося эпиграфиста Н. И. Новосадского. Очевидно, речь, всё-таки, при всём уважении к Альберту Рему, идёт о посвящении предмета неким божествам или душам рано умерших при Теофиле, отправлявшем должность эконома в фиасе (или полисе?) либо служившем управляющим хозяйством. Надеюсь в дальнейшем подробно вернуться к этому вопросу.

27. Об АРПАТРІΣ. В 2019 А. С. Балахванцев [*Балахванцев, Завойкина* 2019, 146–154] предложил, что ЛИ АРПАТРІΣ на поддоне килика из Фанагории (рис. 4) «является композитным именем, имеет скифское происхождение и переводится как “хранитель огня”». Ономастикон Л. Згусты [*Zgusta* 1955] не знает композитов на Αρπα~/Αρπο~.

В данной связи заслуживает внимания, что, во-первых, дебюты местных имён на Αρπ~ весомо представлены в Карии и Ликии (см. LGPN, vol. Vb), недалеко от которых находилась метрополия Фанагории – Теос. Во-вторых, женских имён, оканчивающихся на ~τρις (Κέτρις, Μέστρις, Σῶστρις, Χυτρίς), и вообще, в том числе образованных от теонимов, топонимов и иных лексем с компонентом -τηρ-/-τρ- в финале (Ἄμαστρις, Δά/ήμητρις, Λαμπρίς, Μᾶ/ῆτρις/~ίς, Μίτρις ктл.), и специально на ~πατρις (Πατρίς, Ἀντιπατρίς, Εὐπατρίς, Σώπατρις, Φιλόπατρις …) в греческой ономастике предостаточно (LGPN, vol. I–Vb). АРПАТРІΣ могла бы быть составным АН, например, из карийской

Рис. 4. Граффито ΑΡΠΑΤΡΙΣ
из Фанагории по: ПиФ 2017

и греческой основ, хорошо созвучным сугубо эллинским «отчим» образованиям.

В-третьих, с учётом имён куртизанок на фанагорийских чашах (см. [*Шелов-Коведяев* 2018, 73–75; *он же* 2020, 430–431], мне видится наиболее подходящим прозвище гетеры от корня со значением «хваткая, алчная» (ср. Ἁρπάγη, Ἁρπαλέα, Ἁρπάλη, Ἁρπάλιον/~ιν, Ἁρπαλις/~λίς – см. LGPN, vol. I–Vb). Не в контрапункт ли ей звучала *поэза* Симон, позиционировавшей себя как «нежадная» [*Шелов-Коведяев* 2018, 73–75; *он же* 2021, 426–428]?

28. О лексеме τράχηλος. В 2019 г. А. П. Бехтер, М. Дана и А. М. Бутягин [*Bechter*, *Dana*, *Butyagin* 2019, 161–171] переиздали на английском языке свою статью, вышедшую годом ранее в ВДИ [*Бехтер*, *Бутягин*, *Дана* 2018, 931–948]. Свою трактовку свинцового письма из Мирмекия я представил в другом месте [*Шелов-Коведяев* 2022][4].

Здесь же отмечу только, что существительное ὁ τράχηλος, кроме «шея, горло, горлышко амфоры» (LSJ s. v.), означает в эпиграфике, например, в инвентарных списках делосского гимнасия (ID 1417 A I 144–145), «горловина вообще» (у гидрии и т. д. – см. [*Moretti* 1997, 126, 128, 137 suiv.]).

29. О жанрах надписей на свинце. В 2020 г. А. В. Белоусов [*Белоусов* 2020a, 121–139] в не самом доступном издании предпринял слабую попытку потеоретизировать об отличиях частных писем и заклятий. Опуская недоработки редактора (в библиографии отсутствуют многие позиции, в том числе русское издание книги Е. Кагарова, о которой говорится в прим. 2, где нет и указания на страницы цитируемой немецкой версии), отмечу, что эта работа примечательна двумя моментами: 1) некритическим, но, всё же, подробным [*там же*, 122–124] пересказом статьи Х. Курбера 2015 г. (единственная ссылка лишь на одну из её страниц появляется не при первом упоминании, но в середине её изложения); 2) сводкой из разных источников [*там же*, 129–132] семи ярких defixionum и опытом их классификации [*там же*, 132 слл.].

К чести автора, он заключает своё эссе словами «это всего лишь предположение, и я <…> не стремлюсь “подогнать” под это наблюдение все греческие заклятия» [*там же*, 136] (орфография А. В. Белоусова). Вопрос: стоило ли тратить так много печатного места, чтобы придти к столь неуверенному выводу? Ведь всякому, кто хоть раз имел дело

[4] Искренне благодарю А. М. Бутягина за предоставленную мне возможность ознакомиться с памятником, Генерального директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Т. В. Умрихину за разрешение работать с артефактом, а заведующую фондами музея Т. И. Охрименко и её сотрудников – за организацию работы.

с просьбами/обращениями/петициями, – хоть античными (см. переписку полисов с монархами и Римом), хоть современными, – изначально ясно, что по форме они являются разновидностью писем: поскольку и в частной корреспонденции древности доля просьб, обращённых к получателю, занимает огромное место. Этому нехитрому наблюдению предшествуют 9 (!) страниц [*там же*, 124 слл.] метаний от констатации родства формуляров заклятий и частных писем до постулирования их полного различия. Такая противоречивость внушает сомнения в том, что А. В. Белоусов достаточно владеет своим материалом.

Разбивка же им заклятий на пять классов [*там же*] – слишком дробна, а потому неоперациональна: молитвы и петиции суть частные случаи 1 категории (обращений: будь то к божествам или к духам рано умерших), а списки имён (самый многочисленный тип заклятий) – подразделение 2 класса (предания недругов хтоническим богам). Притом, что и деление на две группы тоже достаточно условно: grosso modo и молитвы, и петиции, и обращения, и списки можно считать подклассами поручения жертв заклятья неким сущностям.

Рассуждения о причинах позднего применения свинца для заклятий [*там же*, 122–124] надуманны. Многие учёные, занимавшиеся этим вопросом (на часть из них в тексте статьи есть ссылки), установили, что причиной тому была дороговизна материала для большинства (кроме Сицилии, Аттики и некоторых других) регионов эллинской ойкумены. А так как, в отличие от писем, заклятья почти всегда [ср. *там же*, 124] насовсем или надолго выводили металл из обращения, он стал использоваться для defixiones с запозданием, – когда, с разработкой новых месторождений и увеличением его производства, относительно подешевел.

Потуги что-то выжать из геометрических форм заклятий обречены на провал. Известно немало напоминающих ленту свинцовых пластинок, несущих на себе письма.

Столь же бесперспективно умозрение об использовании свинца для заклятий в силу его «хтонического» характера. Ведь для писем, далёких от всякого хтонизма, он стал использоваться намного ранее (см. выше).

Тезис «Важным элементом заклятия было его запечатывание» [*там же*, 123] – явное недоразумение. Точно также поступали и с письмами. Да и двусторонние заклятья тоже известны. Оба обстоятельства как нельзя лучше показывают, что письма и заклятья – родственные *по форме* (но не по содержанию) явления.

Совсем неуместно [*там же*, 133] понимание Αβρασαρξ как ЛИ одного из ἄωροι (безвременно умершего, resp. его духа). Данное буквосочетание есть один из типов имени известного демона Αβραξας/Αβρασαξ ктл., о чём и пишут упомянутые в примечании 29 на той же странице специалисты. Точно также Πασιάναξ (Всевладыка) – не очередной ἄωρος, но хорошо документированная эпиклеза бога Аида.

30. Ещё раз о 18–ти ἀνώνυμος. В том же году А. В. Белоусов [*Belousov* 2020, 129–141] восторженно продублировал интерпретацию Э. Хронопулу [*Chronopoulou* 2019, 73–82] заклятья из некрополя Пантикапея, знаменитого многократным эксклюзивным начертанием ἀνώνυμος [*Белоусов* 2013, 59–65; *Belousov*, *Fedoseev* 2014, 145–148; *Шелов-Коведяев* 2020, 426–428] (рис. 5).

Я – не *безупречный*, как А. Белоусов, и понимаю, что он не мог видеть моей заметки, вышедшей осенью 2020-го. Но всё же было бы сообразнее, если бы он упомянул о существовании альтернативного чтения в своём указателе [*EP* 2021.1 или 2021.2].

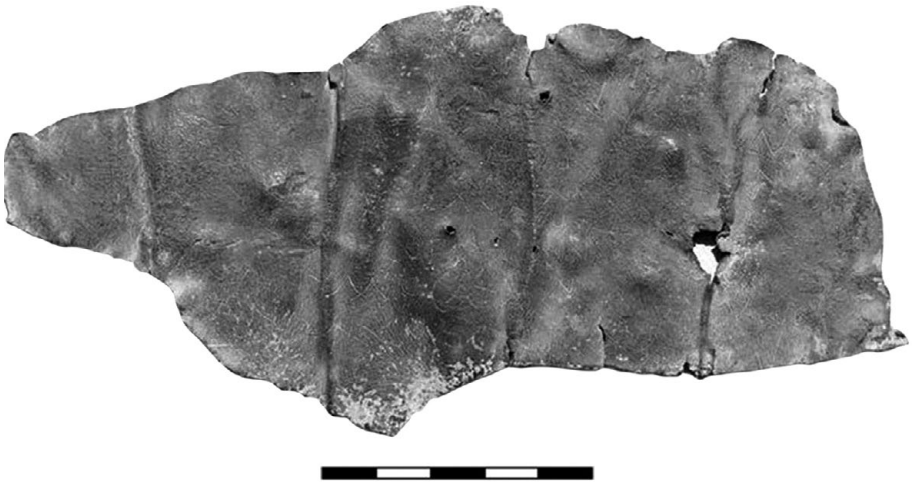


Рис. 5. 18 ΑΝΩΝΥΜΟΣ по: *Belousov* 2020

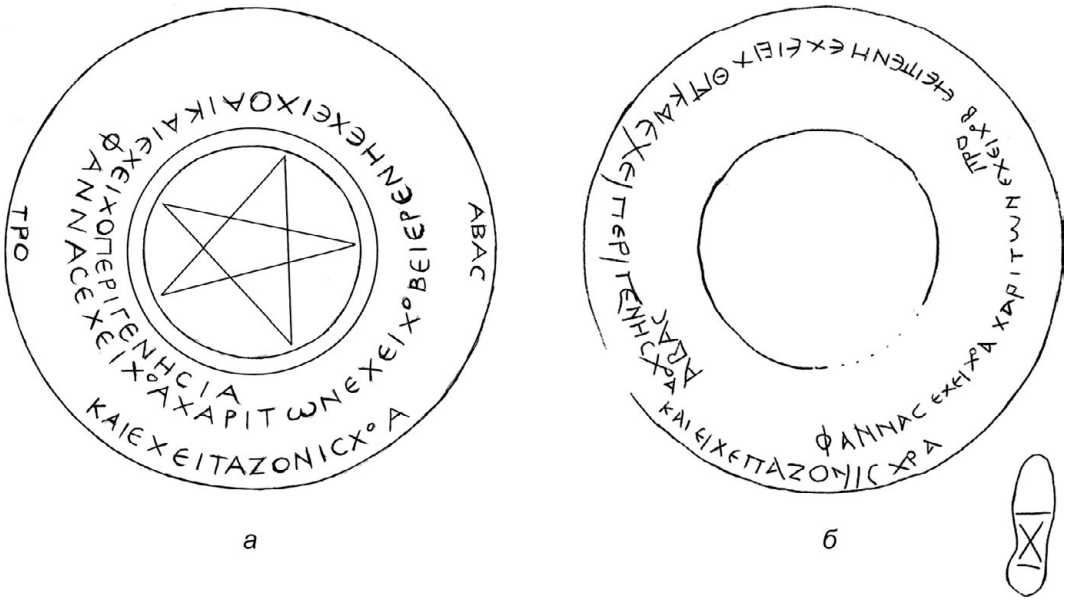
В распоряжении Э. Хронопулу была лишь прорисовка [*Chronopoulou* 2019, 74] не лучшего качества [см. *Belousov*, *Fedoseev* 2014, 146], поэтому она сочла, что в стк. 4 колонки 2 после ἀνώνυμος начертано Π (*nu*), а в стк. 5 там же ~ος надписано над ἀνώνυμ~, подобно ~μος над ἀνώνυ~ стк. 3 [*Chronopoulou* 2019, 74–75]. Она неоднократно [*ibid*., 74, 76–77] подчёркивает, что данный артефакт беспрецедентен.

Далее мы с нею независимо прошли одними путями. Она предложила три версии понимания документа [*ibid*., 80]: a) писавший заполнил поле заклятья по максимуму, с запасом на будущее, не зная наверняка, сколько у него всего будет врагов, и потому не называя их по именам; b) 17 раз упоминается один недруг, и многократное лишение его имени создаёт усиливающий эффект; c) всего недоброжелателей было 17, и каждый из них должен быть уничтожен стиранием своего ЛИ.

Более всего ей самой нравится вариант «a». При том её, почему-то, не смущает, что ранее [*ibid*., 79] она сама же признала, что точное число проклинаемых принципиально важно для эффективности заклятья. По аналогичным основаниям я, рассмотрев возможность множественности врагов, отклонил её [*Шелов-Коведяев* 2020, 428].

В целом А. В. Белоусов [*Belousov* 2020, *passim*] почти во всём соглашается с Э. Хронопулу. Его дискуссия с ней ограничивается чтением и интерпретацией сопутствующих ἀνώνυμος литер и слогов [*ibid*., 132–133] и вероятностью читать ἀνώνυμῶς как acc. plur. [*ibid*., 138]. Последнее невозможно, т. к. изначально издатели [напр.: *Belousov*, *Fedoseev* 2014, 145; cf. *Chronopoulou* 2019, 74] определили III в. до Р. Х. в качестве *terminus post quem* для изучаемого памятника. A ō = ου в графике Боспора для II в. до Р. Х. и последующих столетий – неприемлемо.

На том с А. В. Белоусовым можно было бы и закончить. Но, во-первых, в статье 2020 г. он пишет, что, якобы, провёл для неё «careful autopsy» свинцовой пластинки [*Belousov* 2020, 132]. Увы, это не так. Его статья была получена редакцией 19.07.2019 [*Belousov* 2020, 141]. Значит «тщательная» аутопсия должна была быть проведена им ранее. Между тем, артефакт, как сообщалось изначально, хранится в частной коллекции,



а *б*

Рис. 6. Магическая надпись с поселения «Каменная батарейка»:
а – по: *Завойкина* 2019; *б* – по: EP 2021.1

доступ к которой был только у его соавтора, скончавшегося 17 августа 2018 г. А при его жизни он публиковал вещь [*Белоусов* 2013, 59–65; *Belousov*, *Fedoseev* 2014, 145–148] по прорисовкам Н. Ф. Федосеева. Следовательно, так называемой «autopsy» он подверг лишь цветной вариант фотографии, которая ранее фигурировала в его публикациях в чёрно-белом формате. Нарочитое лукавство совсем не красит прибегающего к нему.

Во-вторых, повторная проверка показала, что в стк. 4 колонки 2 – там, где Н. Ф. Федосеев прорисовал нечто, что Э. Хронопулу сочла за *пи* [*Chronopoulou* 2019, 74], – на самом деле, прочитываются неровно процарапанные *альфа* и *ню*, надписанные сверху распространённым в defixiones неким подобием «титло» [см. о нём: *Шелов-Коведяев* 2021, 411 слл.], выходит: *AN - N - -* ОС. Число ἀνώνυμος, тем самым, возвращается к 18-ти, как в [*Belousov*, *Fedoseev* 2014, 145]; в стк. 5 колонки 2 второй «аноним» оказывается усечён на окончание – ἀνώνυμ(ος), – как и его «собрат» в стк. 6 колонки 1.

В-третьих, А. В. Белоусов напрасно не уделил должного внимания упомянутой им [*Belousov* 2020, 137–138] вероятности чтения ἀνώνυμος в ед. ч. в качестве nominativus pro vocativo. Напротив, его догадка заслуживает самого пристального внимания. Если читать лексему как замену звательного падежа [см., напр.: *Schwyzer* 1950, II, 59α–60, 62δ, 63–64 η 1–4], то тогда, тем более, она подтверждает моё [*Шелов-Коведяев* 2020, 428] понимание надписи: писавший 18 раз – по числу жизни в иудейской традиции – воззвал к YHWH: «О, Безымянный!».

31. О магической надписи из некрополя поселения «Каменная батарейка». В 2021 г. А. В. Белоусов [*EP* 2021.1, 110–112] покусился перечитать изданное Н. В. Завойкиной [*Завойкина* 2019, 98–104, рис. 1] двумя годами ранее граффито на внешней поверхности краснолаковой тарелки (рис. 6а, 6б). Его сопровождают – клеймо в форме сандалия

на дне сосуда [*EP* 2021.1, 112, рис.] и пентаграмма на внешней стороне поддона. Рисунки к статье Н. В. Завойкиной и в *EP* дополняют друг друга: в первом случае упущен сандалий, во втором – пентаграмма.

Прорисовка А. В. Белоусова даёт более связное видение текста (в исправленном мною виде – Φάννας ἔχει χ° α', Χαρίτων ἔχει χ° β' ΠΡΟ εχειπενηεχειειχϑπ καὶ ἔχει Περιγένης χ° α' ΑΒΑC (буквосочетание перевёрнуто) καὶ ἔ<ι>χε(ι) Παζονὶς χ° α'), которое, тем не менее, в паре существенных моментов серьёзно уступает пониманию Н. В. Завойкиной. Привычно игнорируя археологический контекст находки, А. Белоусов недоумевает, почему тарелка с деловой/игровой счётной записью или школьным упражнением попала в детское погребение. Между тем, захоронен *младенец* [*Завойкина* 2019, 98] (не исключено, тот самый Харитон, коему надлежит оказывать внимание в два раза чаще остальных). Значит, ни о каких «школьных или дружеских делах покойного» [*EP* 2021.1, 112] не может быть и речи.

Клеймо (сандалий с *перекрещенными* ремнями) и пентаграмма, как и voces magicae ΠΡΟ и ΑΒΑC [ср. литературу: *Шелов-Коведяев* 2021, 414–419] и попарно разбивающая имена Фанна и Харитона/Перигена и Падзонис типичная абракадабра [ср. литературу: *там же*, 411–414] указывают на несомненно магический характер артефакта [см.: *Завойкина* 2019, 100]. Следовательно, χ° надо понимать не как хойник [*EP* 2021.1, 112] (мера сыпучих тел, никак не вяжущаяся с погребением), но как, в трёх позициях α', – χο(ή), в одной – β' – χό(ες). То есть, как правильно заключает Н. В. Завойкина, – возлияния усопшим [*Завойкина* 2019, 101].

По-видимому (ибо тарелка *накрывала* в погребении *младенца*), надо думать о почитании вместе с покойным ещё трёх столь занимающих А. В. Белоусова ἄωροι: безвременно ушедших, к которым древние обращались в магических целях (см. выше № 29). Скорее всего, граффито фиксирует своего рода обет в обмен на помощь умерших периодически совершать в их честь названные в нём ритуальные действия.

32. <u>О третьем декрете из Фанагории</u>. В 2020 г. А. А. Завойкин и Н. В. Завойкина [*Завойкин*, *Завойкина* 2020, 134–154] по архивным материалам (местонахождение надписи неизвестно), содержащим краткое описание камня, условий его находки и фотографию, ввели в научный оборот уже третий спартокидовский декрет из Фанагории (рис. 7). Они предложили чтение:

№ строки	текст
1	[Λεύκων? καὶ παῖδες τῶι δεῖνι]
	[τοῦ δεῖνος (*ethnicum)* ἔδοσαν]
	[προξενίαν καὶ ἀτέλειαν πάντων χρη-]
	[μάτων ἐν παντὶ Βοσπόρωι καὶ αὐτῶι καὶ]
5	[ἐκγόνοις καὶ τ]ο[ῖς συνέ]μπασι κ[αὶ ὧν οἱ]
	[ἄλλοι πρόξενοι μετέ]χουσι καὶ [κατὰ γῆν καὶ]
	[κατὰ θάλατταν καὶ εἴσπλου]ς καὶ ἔκπ[λους]
	[καὶ πολέμ]ου καὶ ε[ἰρήνης ἀσυλεὶ καὶ]
	[ἀσπονδ]ε[ί]

Рис. 7. Третий спартокидовский декрет из Фанагории,
по: *Завойкин*, *Завойкина* 2020

Только что с его критикой выступил С. Ю. Сапрыкин [*Сапрыкин* 2021, 335–341]. Он счёл фанагорийский декрет 21-м памятником [*там же*, 339]. Между тем, их было 20 уже в 2002 году [*Виноградов*, *Толстиков*, *Шелов-Коведяев* 2002], в 2018-м я издал две новинки [*Шелов-Коведяев* 2018, 275 слл.; ср.: *Завойкин*, *Завойкина* 2020, 134, прим. 3]. Августом 2021-го я представил в Керчи ещё 2 аналогичных документа, а в апреле 2022-го в Москве – очередной один. Таким образом, теперь фанагорийский камень – 26-й, а с учётом литературных свидетельств и копий – 29-й.

С. Ю. Сапрыкин правильно отметил ошибки первоиздателей в расчёте лакун и чтениях букв, указал на чрезмерную длину сткк. 6–7 реконструкции Завойкиных (3–4 оригинала) и на грамматические нестыковки в греческом тексте [*Сапрыкин* 2021, 336 слл.]. Не избежав (особенно в началах строк) большинства просчётов, в которых он упрекнул первоиздателей [*Сапрыкин* 2021, 337–338], он дал своё понимание:

№ строки	текст
	[ἔδοσαν προξενίαν καὶ ἀτέλειαν πάν-]
	[των χρημάτων ἐν παντὶ Βοσπόρωι καὶ]
1	[αὐτῶι καὶ ἐκγόν]οις συμπάσηι [τῆι]
2	[οἱ ἄλλοι πρόξενοι ἔ]χουσι, καὶ [ἔγκ-]
3	[τησιν γῆς καὶ οἰκί]ας καὶ ἔκπλ[ουν]
4	[καὶ εἴσπλουν καὶ πολέμ]ου καὶ εἰ[ρή-]
5	[νης ἀσυλεὶ καὶ [ἀσ]πο[νδεί].

Не углубляясь ради экономии объёма в анализ исторических размышлений четы Завойкиных [*Завойкин*, *Завойкина* 2020, 139 слл.] и умозрительных рассуждений С. Ю. Сапрыкина [*Сапрыкин* 2021, 339 слл.] об энктесисе (см. об этом институте в обновлённой статье *RE*), отмечу, что реконструкция последнего невозможна в силу того, что значение «согласно общему», предложенное им для συμπάσηι (dat. sg. *ж. р.*) *допускается исключительно в субстантивированном*, но не прилагательном или наречном виде, *среднем* (τὸ σύμπαν) *роде* (LSJ s. v. II 2a, b). К сожалению, и ключевое дополнение Н. В. Завойкиной (стк. 5 её восстановления) неприемлемо потому, что πᾶσι/ἔμπασι/σύμπασι et sim. требуют расширения αὐτοῦ/(τοῖς) τούτου κτλ., чему на камне нет места.

Поэтому начать придётся с трудного в отсутствие «живого» памятника нового описания его конструктивных особенностей, определения характера букв и расчёта лакун. Тут сразу обращают на себя внимание не только отмеченный первоиздателями бóльший, чем в иных случаях, интервал между сткк. 5 и 6, но и разрядка шрифта в середине стк. 6, начале и окончании стк. 7 и начале стк. 8 (все строки – в их счёте), что открывает альтернативные возможности для восстановления.

Выше букв от *мю* до *сигмы* первой сносно дошедшей строки просматриваются *ΤΙΒΟΣΠ*. Литера после *сигмы* в конце той же строки – точно *эта*: то, что первоиздатели назвали случайной царапиной, по глубине своей ничем не отличается от прочих линий. За ней проглядывает нижний усик *сигмы*, по которому прошёл излом, отколовший затем под прямым углом (откуда иллюзия *йоты*) часть поверхности между строк. Получаем – *συμπάσης*. В начале строки следует отказаться от *омикрона*: создающая такой эффект каверна от ракушки на поверхности известняка уходит ниже уровня строки, чего у букв данной надписи нигде не наблюдается. Первая различимая здесь литера – тоже *эта*.

В следующей линейке перед *хи* в начале угадываются очертания *тау* и *эпсилона*. В конце её – надо согласиться с С. Ю. Сапрыкиным – должна была начинаться формула энктесиса.

Строкою ниже после скола видна только *сигма*. Ниже ΚΑΙ последней сохранившейся строчки я не вижу ничего из того, что там усмотрели (не соглашаясь между собой) коллеги. Транслитерация всего перечисленного выше выглядит следующим образом (ср. фото):

\- - - - - *ΤΙΒΟΣΠ* - - - - -
ΗΣΣ Υ ΜΠΑΣΗ*Σ* - - - -
ΤΕ Χ Ο Υ ΣΙ ΚΑΙ - - - -
- - *Σ* Κ ΑΙΕΚΠΛ - - - -
5 - - -*Μ* Ο Υ ΚΑΙΕ - - - -
- - - - - - - - - - - - - - -

Согласно этой картине, в начале стк. 2 пропало примерно на 4 м. б. в начале и на 1 м. б. в конце меньше, чем в стк. 1. В сткк. 3 и 4 в начале – на 2 больше, чем в стк. 2; в конце стк. 4 – 1 м. б. больше, чем в стк. 2. В стк. 5 в начале – примерно на 1,5 м. б. больше, чем в стк. 4; в конце – на 0,5 м. б. больше, чем в стк. 4.

Взаимному расположению букв и их реликтов на камне лучше всего отвечает такая реконструкция:

строка	левая лакуна	текст	правая лакуна	длина строки
1	13	[χρημάτων ἐν παν]τὶ *Βοσπ*[όρωι αὐτῶι καὶ]	12(10.5)	31 (29)
	11(10)	[ἐκγόνοις, οἱ τ]ῆς *συμπάσης* [οἰκίας τῶν]	9 (8)	30 (28)
	11	[πραγμάτων με]τέχουσι, καὶ [ἔγκτησιν τῆς]	11(10.5)	33 (31.5)
	14(12.5)	[γῆς καὶ τῆς οἰκία]ς καὶ ἔκπλ[ουν καὶ εἴσ]-	9 (8)	31 (28)
5	14(13.5)	[πλουν τε καὶ πολέ]μου καὶ ε[ἰρήνης κτλ.]		27 +

Apparatus criticus. В скобках дан размер строк с учётом *йот*. Общая их длина вполне подходит второму периоду правления Левкона [*Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев* 2002], которому соответствуют и чёрточки, украшающие «коньки» *альфы* и *лямбды*, и расширяющиеся к концам, не образуя апексов, линии букв с намечающейся их вычурностью [ср.: *Завойкин, Завойкина* 2020, 135], и укороченная средняя горизонталь *эпсилона*. || 1 объём лакуны в начале объясняется отсутствием в ней *йот*; || 2 к οἰκία в значении «домохозяйство» – LSJ s. v., к обороту οἰκίας πραγμάτων см. Bull. ép.; || 3 к μετέχω («участвовать в управлении», обычно просто с генитивом) и πράγματα («дела, хозяйство, экономика») – LSJ s. v.; || 4–5 к ἔκπλους впереди εἴσπλους и кумулятивному употреблению союзов τε καί см. Bull. ép.

Перевод: «(ателия имуществ на вс)ём Босп(оре ему и сыновьям – тем, кто уча)ствует в управлении (делами) всего (домохозяйства) и (право покупки земли и до)ма и вых (ода из гавани и входа в неё и в воен)ное и в ми(рное время и т. д.)».

По-разному формулируемые оговорки, что равные с отцом привилегии даруются только тем сыновьям чествуемого, кто, наряду с ним, управляет и распоряжается общим имуществом, нередки в эпиграфике (см. app. crit.). Для Боспора это новая формулировка (не с нею ли связана разрядка в сткк. 2–3?), но с учётом разнообразия формул всё ещё не слишком многочисленных боспорских декретов, её появление не неожиданно.

33. Об ответах Н. В. Завойкиной. В 2020 г. Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2020, 61–70] вернулась к двум ранее ею опубликованным надписям. В первом случае [*там же*, 62–67] ей ещё не была известна вышедшая позже моя реконструкция посвящения внука Маэя Сотеру [*Шелов-Коведяев* 2020, 436–437], поэтому она полемизирует только с С. Ю. Сапрыкиным [*Сапрыкин* 2019, 143–156]. Мне она ответила годом позже [*Завойкина, Новичихин* 2021, 174–175]. Отмечу, что она апеллирует в ходе дискуссии к нескольким начинающимися на Δηι~ ЛИ [*Завойкина* 2020, 65], укрепляя ими моё чтение. Её расчёты длины строки представляются мне несколько заниженными в сравнении с ею же первоначально высчитанным размером объекта, а сомнения в возможности появления на Боспоре Гермеса в хорошо известных в эллинском мире его ипостасях Гегемона и Сотера [*Завойкина, Новичихин* 2021, 174–175] – не очень обоснованными.

Во втором [*там же*, 67–68] – она напрасно сдаётся на милость С. Ю. Сапрыкина, ибо её первоначальное мнение о граффито Нисы было рациональнее [ср.: *Шелов-Коведяев* 2020, 430–431; *он же* 2021, 420].

34. Об ещё одном хозяйственном граффито. В 2019 г. Н. В. Завойкина и С. В. Ольховский [*Завойкина, Ольховский* 2019, 105–109] опубликовали хозяйственную запись на стенке амфоры второй половины IV в. до Р. Х. из подводных раскопок у мыса Ак-Бурун на строительстве Керченского моста. Она выглядит так (рис. 8):

Рис. 8. Хозяйственная запись из подводных раскопок 2019 г.,
по: *Завойкина*, *Ольховский* 2019

ΚΟΔΔΔΔΠΙ
ΚΠΙ
ΔΙΔΔΙΙ
ΠΠ.

Н. В. Завойкина верно определила, что буквы перед цифрами в акрофонической системе (46, 6, 22, 5) суть сокращения. Но прочла их как аббревиатуры котилы, килика, дискоса и кубка (ποτήριον).

Предпочтительно видеть в Ко~, К~, Δι~, П~ инициалы имён тех, кому/от кого должно быть предоставлено/получено соответствующее числам количество денежных средств или товаров (АН Ко~ помечен двумя графемами, чтобы отличить его носителя от следующего за ним персонажа). Л. Г. Елисеева [*EP* 2021.1, 143, № 3] оставила интерпретацию Н. В. Завойкиной без комментария.

35. О чаше с посвящением из Горгиппии. В 2021 г. Н. В. Завойкина [*Завойкина*, *Новичихин* 2021, 171, № 2, рис. 4, 4а на с. 168] издала обломок закраины мраморной чаши, на внешней стенке которой читаются литеры НМΩ (рис. 9). Публикатор видит в них часть ЛИ. Но, очевидно, это фрагмент посвящения/приношения демосу, прецеденты чему на аналогичных предметах имеются [*Buchner*, *Dunst* 1973, 119; cf. *Schaldach* 2021.1, 246].

36. О культе ойкиста. В 2019 г. В. Д. Кузнецов [*Кузнецов* 2019, 398–416] принял мою идею о том, что в знаменитом граффито Фанагора надо видеть имя и культ ойкиста Фанагории [*Шелов-Коведяев* 2018, 99–100]. А. В. Белоусов [*EP* 2021.1, 114, № 45] об этом умалчивает.

37. О суммах на амфоре из Керченского музея. В прошлом выпуске Древностей Боспора [*Шелов-Коведяев* 2021, 425] я обещал вернуться к номиналу и назначению цифр в учётной записи на тулове гераклейской амфоры, которые дали С. Ю. Сапрыкину повод для дискуссии [*Сапрыкин* 2020, 333–334]. Напомню, что после имён Скифа, Малета

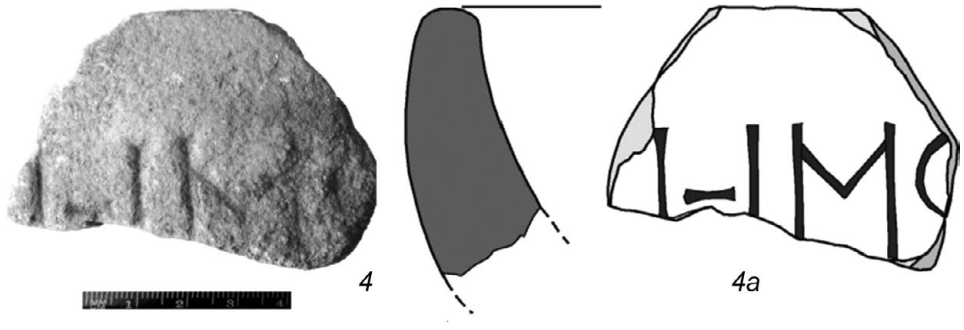


Рис. 9. Чаша с надписью из Горгиппии, по: *Завойкина*, *Новичихин* 2021

и Геры Сопутствующей в плавании (resp. её святилища в Крыму) им соответствуют числа N (50), NI) (51,5) χ(οαί) и НМ (ήμ(ίσυ), «половина») χιλι(άδος, «тысячи»: gen. sg.).

Амфоры такого типа, согласно промерам С. Ю. Монахова, имеют объём 13.4–13.5 л [*Монахов* 2003, 127], то есть ≈ 4 хоя. Получается, что Скифу было предназначено 12 амфор, Малету – 13, а святилищу Геры – 125. В сумме – 150 сосудов из перевозившейся в целом партии.

Судя по тому, что античные кораблекрушения приносят амфоры тысячами, партия товара в 150 единиц выглядит небольшой частью общего груза корабля.

38. О филиппиках С. Ю. Сапрыкина. В 2021 г. С. Ю. Сапрыкин [*Сапрыкин* 2021, 332–357] опубликовал серию заметок по боспорской эпиграфике. Под № 1 он привёл вполне приемлемое чтение фрагмента списка имён [*там же*, 332–335].

После же «расправы» (см. № 32) над четой Завойкиных [*там же*, 335–341] он оказывает честь моему недостоинству. Тут он в пылу полемики совсем запутывается: стараясь обличить мои якобы «ошибки», он раз за разом лишь всё глубже увязает сам в расставленных им на меня силках [*там же*, 341–354].

39. О декрете Левкона I из раскопок 1979 года. Оставаясь убеждённым сторонником работы с надписями без аутопсии, С. Ю. Сапрыкин делает мою задачу очень простой: ни в одном из пяти посвящённых мне очерков, когда ему что-то чудится на фотографии, вычитанное им не получает подтверждения при работе с камнем, которую я проводил (как с декретом Левкона) иногда, действительно (ср. выдающее С. Ю. Сапрыкина недоумение по данному поводу [*там же*, 342]) в течение многих лет. Поэтому к разговору о тех или иных буквах в каждом отдельном случае я больше возвращаться не буду.

Но – по порядку. Я благодарен С. Ю. Сапрыкину за то, что он признаёт мои возражения против ряда его чтений и создаваемых им грамматических конструкций [*там же*, 342]. К сожалению, он тут же изобретает новые лексические и грамматические фантомы: с пропуском предлогов и иных слов и их невозможным порядком, игнорированием необходимости управляющего глагола и согласования падежей (κ[ατ’αὐ]τῆ/[ν πά]σι τοῖς [οἱ] ἄ[λ/[λοι π]ᾶντὶ Βο[σπόρ]ῳ?!) [*там же*, 343–344]. Излишне говорить, что никаких аналогий для своих затей (вроде πά]σι (надо писать – πᾶ]σι) и κ[ατ’αὐ]τῆ/[ν) он не приводит. Потому, что их попросту нет.

Ради достижения своей цели он произвольно отходит от силлабического переноса, который всюду в документе строго соблюдается. О вызывающей у него отторжение

распространённой формуле ἐγγαίων ἔγκτησιν могу только повторить ссылку на соответствующую статью об энктесисе в *RE* и на многочисленные обсуждения этого вопроса в *Bull. ép.* В итоге и новую его реконструкцию [*там же*, 344] проксении Левкона приходится признать негодящей.

Я рад, что уважаемый оппонент счёл нужным, хотя и обратившись не по адресу, вспомнить об азах эпиграфики. Ведь именно они и требуют строго считать лакуны, особенно в сильно испорченных текстах. Тем более, результаты расчётов С. Ю. Сапрыкина практически не отличаются от моих [*там же*, 342, 344]. Стоит также иметь в виду, что тот, кто утверждает, что в сильно травмированных документах лакуны «плывут», просто не хочет или не умеет их считать.

С. Ю. Сапрыкин возмущается: он-де в своей работе с декретом Левкона не воспользовался никакими моими идеями. Спору нет: я к его самообольщениям непричастен.

Но он вынуждает меня повторить [ср.: *Шелов-Коведяев* 2018а, 280], что они с Н. Ф. Федосеевым узурпировали мою классификацию боспорских декретов. Они постоянно пишут «мы», «наш список» и т. п. [*Сапрыкин, Федосеев* 2011, 93–99, 103–109], дословно пересказывая при этом часть моего раздела из статьи трёх авторов [*Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев* 2002].

40. Об одной из формул асилии. Затем С. Ю. Сапрыкин [*Сапрыкин* 2021, 346–347] пытается перечитать один из изданных мною перисадовских декретов. Якобы «πολέμου καὶ εἰρήνης никогда не сочеталось с εἰσιόντι καὶ ἐξιόντι». Это просто неверно, см.: *НО* и *Bull. ép.* Притом он сам реанимирует давно отвергнутую эпиграфикой конструкцию χρήματα … χρημάτων, недопустимость которой была выявлена ещё А. Вильхельмом и неоднократно подтверждена Л. Робером.

Да, я люблю ссылаться на них и на Ю. Г. Виноградова. И буду делать это столько, сколько потребуется для того, чтобы легкомыслие покинуло русские работы по греческой эпиграфике.

41. О декрете Левкона, опубликованном в 2018 году. В следующем очерке [*там же*, 348–349] С. Ю. Сапрыкин, когда речь заходит о числе *йот* в одной из строк, падает жертвой опечатки в каталоге [*ПиФ* 2017]: там их вообще масса. Но спасибо ему за то, что я получил возможность обратить внимание читателя на типографский ляп.

Напротив, непонятно, что он имел в виду, когда безосновательно усмотрел якобы мой отход от рамок работы с эпиграфическими источниками и исторического смысла в простой констатации давно известных принадлежности Милета и Теоса к Ионийскому Двенадцатиградью и их братству в колонизации Боспора. Такого рода инвективы требуют хоть какой-то аргументации. А таковая у него отсутствует напрочь.

Законы эпиграфики, как раз, позволяют оставлять в реконструкции избранный вариант, если в критическом аппарате, как у меня, оговаривается, что он – не единственно возможный. То же касается и ономастики: мой критик лишь повторил мои слова о допустимости иных АН. Инверсия χρημάτων πάντων известна давно во множестве центров и документов, да и в *КБН* 5 ничего другого предложить невозможно.

К сожалению, все [*там же*, 351] обращённые ко мне звонкие и пустые попрёки служат дымовой завесой очередной попытки С. Ю. Сапрыкина с негодными средствами: снова

Рис. 10. Вторая строительная надпись Герака Понтикова, по: *Pavlichenko*, *Fedoseev* 2018

продвинуть грамматически несостоятельную (ср. выше № 31) конструкцию πάσηι … κατ᾽αὐτήν.

42. О возможной надписи синода из Фанагории. После такого количества помарок обвинение С. Ю. Сапрыкиным [*там же*, 349] меня в небрежности смотрится «шуткой юмора» sui generis. А исключение им вероятности [*там же*, 350–351] восстановления имени царицы Динамии на основании того только, что её титул не был пока известен в форме gen. abs. (что вообще ничего не доказывает: новые формы появляются по всему эллинскому миру чуть не каждый день), – полным недоразумением.

43. О второй строительной надписи Герака Понтикова. С. Ю. Сапрыкин счёл необходимым ещё раз [*там же*, 351–354] вернуться к недавно изданному [*Pavlichenko, Fedoseev* 2018] и перечитанному мной [*Шелов-Коведяев* 2021а, 755–766] памятнику (рис. 10). Мне сразу было ясно, что главным (если не единственным) автором неубедительного (ибо исчерпывающие ответы на все высказанные в нём колебания даны в тексте моей статьи) примечания редколлегии ВДИ к моей републикации был Сергей Юрьевич. Но, коль скоро он на том не успокоился и продолжает настаивать на своём, я просто обязан снова кратко (полностью они развёрнуты в [*Шелов-Коведяев* 2021а]) выложить свои доказательства.

Главное. 1) Чтение С. Ю. Сапрыкина [*Сапрыкин* 2021, 353] противоречит конфигурации правого и левого изломов камня. 2) Пропуск καὶ в стк. 6 ничем не оправдан. 3) В той же строке оппонентом не учтена разрядка в этнониме аланов. 4) Должность полисного архонта *никогда* не упоминается на Боспоре без указания объекта управления (танаиты, агриппейцы, кесарейцы). 5) Имя Аврелий *ни разу* не фигурирует в боспорских надписях без отчества и/или cognomen, для чего (ср. п. 4) на камне нет места вовсе. В силу перечисленных причин реконструкция С. Ю. Сапрыкина *невозможна*.

Удивительно, как человек, столь приверженный формализму и так боящийся всего, что встречается впервые [*Сапрыкин* 2021, 343, 349], вдруг – когда ему это нужно – вмиг забывает обо всём, что его обычно тревожит. Видимо, не стоит ему перекладывать на чужие головы собственную тягу ко всякого рода вольностям.

Список литературы

А*гафонов* А. В., *Толстиков* В. *П.*, *Шелов-Коведяев* Ф. В. 2019. Штукатурка с граффити из раскопок Пантикапея 2018 года // Боспорские Чтения. XX, 35–40.

Б*алахванцев А. С., Шинкарь О. А.* 2018. Бронзовый котел с греческой надписью из курганного могильника у хут. Базки Волгоградской области // КСИА. 251, 193–203.

Балахванцев А. С., *Завойкина* Н. В. 2019. Новые древнеиранские имена из ранней Фанагории // КСИА. 257, 146–154.

Балахванцев А. С., *Шинкарь* О. А. 2021. Ещё раз о надписи из курганного могильника у хут. Базки Волгоградской области // Слово и Артефакт. Материалы научной конференции. Саратов, 8.

Белоусов А. В. 2013. Новая магическая надпись из некрополя Пантикапея (предварительное сообщение) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб, 59–65.

Белоусов А. В. 2020. Заметки о некоторых греческих надписях на бронзовой посуде из азиатской Сарматии // ВДИ. 4, 954–969.

Белоусов А. В. 2020а. «Частные письма» и «заклятия»: к проблеме «материи» и «формы» // Труды кафедры древних языков. VI, 121–139.

Бехтер А. П., *Бутягин* А. М., *Дана* М. 2018. Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ. 4, 931–948.

В*иноградов* Ю. Г., *Толстиков* В. П., *Шелов-Коведяев* Ф. В. 2002. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 4, 58–75.

З*авойкин* А. А., *Завойкина* Н. В. 2020. Третий декрет Спартокидов из Фанагории // ДБ. 25, 134–154.

Завойкина Н. А. 2019. Граффито из некрополя поселения «Каменная батарейка» // Hyranis. 1, 98–104.

Завойкина Н. А., *Ольховский* С. В. 2019. Коммерческая запись из подводных раскопок у мыса Ак–Бурун в Восточном Крыму // Hyranis. 1, 105–109.

Завойкина Н. В. 2020. Из эпиграфики Фанагории // ПИФК. 2, 61–70.

Завойкина Н. В., *Новичихин* А. М. 2021. Мраморные чаши с надписями из Горгиппии // ДБ. 26, 166–177.

К*узнецов* В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 24, 398–416

М*онахов* С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортёров товаров в керамической таре: Каталог–определитель. М., Саратов, 1–351.

П*антикапей и Фанагория*. 2017. Каталог выставки. М., 438.

С*апрыкин* С. Ю., *Федосеев* Н. Ф. 2009. Новая надпись Пифодориды из Пантикапея // ВДИ. 3, 138–147.

Сапрыкин С. Ю., *Федосеев* Н. Ф. 2011. Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. 4, 89–114.

Сапрыкин С. Ю. 2019. К публикации некоторых боспорских надписей // Аристей. 20, 143–156

Сапрыкин С. Ю. 2020. Агораномия на Боспоре // ДБ. 25, 320–337.

Сапрыкин С. Ю. 2021. Epigraphica Regni Bosporani. Varia // ДБ. 26, 332–357.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 2018. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 3, 98–106.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2018а. Декреты, найденные в Пантикапее в 2015 году // Боспорский феномен, 275–281.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2019. Греки и варвары в зеркале ономастики малой эпиграфики // Греки и варвары Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V Международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез». СПб, 80–83.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2020. De titulis Bosporanis et viciniis // ДБ. 25, 426–442.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2020а. Рейды ранних сарматов в Северном Причерноморье по данным эпиграфики и материальной культуры // Stratum plus. 6, 203–211.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2021. De titulis Bosporanis et viciniis IV // ДБ. 26, 411–431.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2021а. De titulis Bosporanis et viciniis III: Боспор и Рим в начале III в. н. э. // ВДИ. 3, 755–766.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2022. De titulis Bosporanis et viciniis V // НЭ XXI (в печати).

А*vram* A. 2011. Notes épigraphiques // Pontica. 44, 137–140.

В*echter* A. P., *Dana* M., *Butyagin* A. M. 2019. Opistographic lead letter from Myrmekion // ZPE. 212, 161–171.

Belousov A., *Fedoseev* N. 2014. A New Magical Inscription from Panticapaeum's Necropolis // ZPE. 190, 145–148.

Belousov A. 2020. A Curse Tablet from Panticapaeum Necropolis (SEG LXIII 616) Revisited // Emerita. LXXXVIII. 1, 129–141.

Buchner E., *Dunst* G. 1973. Aristomenes–Uhren in Samos // Chiron. 3, 119–129.

С*hronopoulou* E. 2019. Una inscripción mágica de Panticapeo única y los enemigos desconocidos // Emerita. LXXXVII. 1, 73–82.

D*ana* D., *Dana* M. 2019. Notules sur quelques graffites grecs de Thasos, Thrace, Tyras et Phanagoria // Pontica. 52. Supplementum VI, 117–132.

E*P* 2021.1. Epigraphica Pontica // Аристей. 23, 93–124.

EP 2021.2. Epigraphica Pontica // Аристей. 24, 85–108.

М*oretti* J.–Ch. 1997. Les inventaires du gymnase de Délos // Bulletin de Correspondance Hellénique. 121, l. 1, 125–152.

P*avlichenko* N., *Fedoseev* N. 2018: A new inscription of Herakas, son of Pontikos, ΑΡΧΕΡΜΗΝΕΥΣ ΑΛΑΝΩΝ // Hyperboreus. 24. 2, 315–336.

S*chaldach* K. 2021. 1. Die antiken Sonnenuhren Griechenlands. Bd. I. Die Funde in historischer Sicht. B., 1–293, Abb.

Schwyzer E. 1950. Griechische Grammatik. Bd. II. München, XXIII+714.

Z*gusta* L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1–467.

Summary

F.V. Shelov-Kovedyayev

De titulis Bosporanis et viciniis VI

This paper continues the series of corrections to some published inscriptions from Cimmerian Bosporus. **No 22** (Fig. 1) presents the corrected lecture of votive inscription from the excavations in Panticapaeum at 2008. **No 23** & **24** criticizes some general approaches to discussion and inaccuracy of A.V. Belousov. **No 25** (Fig. 2, 3) demonstrates the A.S. Balakhvantsev's priority of understanding of the inscription on the bronze cauldron founded in Volgograd region. **No 26** revises the A.V. Belousov's lecture of the inscription on the bailer from the kurgans excavations in Rostov-on-Don region at 1927. **No 27** (Fig. 4) reinterprets the graffito of **ΑΡΠΑΤΡΙΣ** as the name of *hetaera* from Phanagoria. **No 28** presents some examples of the utilization of the token **τράχηλος** in the Greek epigraphy. **No 29** shows the futility of the A.V. Belousov's reasoning about the genres of the Greek lead letters and the curses tablets. **No 30** (Fig. 5) insists than the lead tablet from Panticapaeum necropolis mentioning 18 times **ἀνώνυμος** is the prayer to Jews God. **No 31** (Fig. 6, 6a) demonstrates than the graffito from the burial on the Taman' peninsula has a magical character. **No 32** (Fig. 7) proposes the correct lecture of the third Spartocids decree from Phanagoria. **No 33** discusses some answers of N.V. Zavoykina. **No 34** (Fig. 8) understands the initial letters of graffito from Ak-Burun as initials from some personal names. **No 35** (Fig. 9) reads the letters on the big marble bowl from Gorgippia as the dedication to the **δῆμος**. **No 36** presents some observations about the cult of oikistes in Phanagoria. **No 37** decodes the numbers on the amphora from the Kerch Museum. **Nos 38–43** (Fig. 10) demonstrates the S.Yu. Saprykin's inaccuracy in Greek and epigraphical discussions.

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-372-5.336-369

В. П. Яйленко
(Независимый исследователь, г. Москва)

Дипинти рыбозаводчиков на кадосах рубежа эр из Пантикапея

Введение.

Среди найденной в Пантикапее тары с дипинти отдельную компактную группу составляют *кадосы* (глиняные бочки) с обозначением веса в минах и сопутствующей иной цифирью; на 1980-е годы нам известен 21 экземпляр (ниже, № 2, 4–23). Впервые вопрос о понимании этой группы поставил М. И. Ростовцев [1914, 143–144][1]. Говоря о «склепе пигмеев», он отметил, что в кургане на большой глубине найдены 2 большие амфоры с орнаментами и надписями. «Урны этой формы находились на юге России, главным образом в Керчи и на Тамани, не раз. Несколько целых урн этого типа (с тремя или четырьмя ручками) и много фрагментов таковых имеются в Эрмитаже, и в Керченском музее древностей, и в Одесском музее. Собраны и исследованы они никем до сих пор не были. Особенно характерны их орнаменты и надписи. Что касается до последних, то они до сих пор не объяснены. Любопытно то, что одна и та же надпись повторяется иногда буквально, иногда с некоторыми изменениями несколько раз, всегда на сосудах одинаковой формы. Так, надпись на нашем сосуде ΔIONY | CHMA IB и под ручкою NCH (т. е., вероятно, N̨CH, см. ниже) встречается на двух фрагментах в Одесском музее и одном в Эрмитаже (см. ОАК, 1868, с. 125, № 16, где упомянут и наш экземпляр, и 1874, с. 112); надпись на другом сосуде ONHCIΦOPOY | CH повторяется на сосуде из коллекции Фогеля, к сожалению, в издание этой коллекции не попавшей[2]. Не вдаваясь в толкование этих надписей, я укажу только на то, что они состоят из четырех частей: имени в родительном падеже (Διονυσ(ίου), Ὀνησιφόρ(ο)υ), слова σῆμα (?), в полном или сокращенном виде, и двух цифр – одной меньшей, другой большей, иногда с дробями

[1] Часто фигурирующие фамилии ученых – Е. М. Придика, М. И. Ростовцева, Л. Стефани, В. В. Шкорпила, Э. Р. Штерна – после первого упоминания в главе даются затем краткости ради без инициалов. Даты до новой эры обычно даются без обозначения «до н. э.», напротив, при датах новой эры обязательно сокращение «н. э.». Номер надписи и рисунка на таблице одинаков.

[2] [Примечание Ростовцева]: «Надпись ONHCIΦOPOY | CHZ и ΛZ̄. Где теперь находятся найденные Карейшей урны, неизвестно. Е. М. Придик, которому я обязан указаниями на вышеприведенный параллельный материал, такой надписи и сосуда в Керчи не видел. Трудно предполагать, чтобы сосуды 1832 г., хотя бы через посредство англичан в 1854 г., попали в конце концов один в Одессу, другой в коллекцию Фогеля. Очевидно, это другие экземпляры».

(IB = 12, NЄH = 55½ и т. п.). Как истолковать все эти части и особенно то, что иногда надписи повторяются вместе с цифрами, я не знаю. В гипотезы здесь пускаться не место[3]. Для меня важно то, что курсив всех этих надписей отнюдь не позволяет датировать их поздним временем. Это письмо II–I в. до РХ. Таково же и мнение Е. М. Придика. С этим вполне согласуется и анализ орнаментов и техника живописи этих сосудов. Особенно характерен в этом отношении сосуд, орнаменты которого были зарисованы в 1853 г. и изданы в «Отчете о раскопках за 1853 г., стр. 185 (надписи изданы в вышеуказанном месте «Древностей Босфора Киммерийского»). Пояс побегов, идущий по корпусу сосуда, с богатыми цветами каллы, не может принадлежать времени более позднему, чем II–I в. до РХ. То же нужно сказать, насколько можно судить по рисунку, и о маске Силена, закрывающей сосуд, с надписью Διονυσίου (<АДЖ, атлас> табл. XLV, 3), и о гирляндах, нарисованных на других сосудах (<АДЖ, атлас> табл. XLV, 1–4)».

Как видно, Ростовцев впервые сгруппировал надписи указанного вида в некое единое целое и датировал позднеэллинистическим временем. Позднее, в книге о Боспоре и Скифии (пожалуй, это величайшая монография в историографии региона) он уточнил назначение этой группы сосудов, вник и в смысл надписей [*Ростовцев* 1925, 210–214; *Rostowzew* 1931, 192–195]. Это не погребальные урны – сей узус для них вторичный, но тара позднеэллинистического времени. Обычные на них имена Дионисий и Онесифор принадлежат торговцам, которые делали надписи черной или красной краской с указанием веса в минах или литрах; буквы CH – это σῆ(μα), т. е. «марка, знак, указание чего-либо». Ростовцев дал и небольшую подборку кадосов такого типа с дипинти; он отметил, что целых сосудов немного – лишь те, что найдены в склепах и земляных захоронениях, но фрагментов без надписей немало. К помянутым в АДЖ дипинти рассматриваемого типа на кадосах, в том числе с именами Онесифора и Дионисия, он добавил еще несколько, изложим его подборку [*Rostowzew* 1931, 193–194]. На Глинище в 1891 г. в небольшом кургане найдена урна с дипинто KAP | BY (ОАК. 1891, с. 35, рис. 16). Там же на Глинище к северу от Братской церкви урна с дипинто Φιλο(δήμου ?) Διονυ(σίου) ιγ΄ σῆμα ΔΘ (ОАК. 1891, 38); Ростовцев склонен читать вторую цифру как λθ' = 39. В 1898 г. у Брянской фабрики найдена урна с Ὀνησιφόρου (ОАК. 1898, 20). В 1904 г. еще урна с Διονυ(σίου) σῆμα NH (ИАК. 25, 40, № 99). В собрании Фогеля урна с Ὀνησιφόρου | σῆ(μα) ZL = Λζ. ДБК, т. II, Надписи, табл. LVII: дипинто καθαραὶ λέπραι – вид рыбы.

От себя добавим, что наиболее важно последнее дипинто, которое показывает, что в сих кадосах содержалась соленая рыба, более того, указана и цена. Оно написано на псевдогидрии о 4 ручках (вместо положенных гидриям 3) и плоским дном, что сближает ее морфологически с кадосами, несущими надписи Дионисия да Онесифора. Ввиду важности мы начнем нижеследующий каталог надписей с этого дипинто. В надписи № 2 может упоминаться черноморский лобан. Судя по дипинто № 3, в кадосе могли со-

[3] Примечание Ростовцева: «Подобного же рода надписи с другими, частью сокращенными, именами имеются на целом ряде сосудов, см., например, «Древности Босфора Киммерийского», надписи, № LVI. Полностью они будут изданы в подготовляющемся Е. М. Придиком к печати третьем томе IOSPE. Не может быть сомнения в том, что это урны погребальные, в них всегда содержатся кости погребенных. Иного мнения держится Э. фон Штерн, ЗООИД, XX, 190 сл. и табл. IV (указание В. В. Шкорпила)».

держаться крабы, раки с указанием цены; рисунок дельфина на сосуде № 26 с дипинти, может удостоверять, что там содержалось дельфинье мясо.

Параллельно с Ростовцевым этими дипинти занимался в самом общем виде Е. М. Придик – он подобрал десяток таких надписей в Эрмитаже, Керченском музее, ОАМ (архив СПб. ИИМКа, ф. 33, д. 59, № 64, 67–68, 70, 73, 77–79, 81–83). В понимании надписей он эклектично следовал мнению Ростовцева: и раннему, что они погребальные, и окончательному – что это торговые записи. Он не усвоил выявленной Ростовцевым их особости и перемешал с погребальными дипинти и дипинти на амфорах с вином. Его чтение текстов в основном ошибочно, сокращение СН он раскрывал как σημεῖον (как и σῆμα Ростовцева, это «знак, марка»). Переводов своих текстов он не давал ни на латынь, ни на русский, не было у него и текстологии. Обобщающего очерка об этих дипинти у Придика нет, о каждом из них даны краткие записи на карточках[4]. Поставим ему в заслугу сбор в музеях с конца XIX в. дипинти и их прорисовки, что сохранило для нас ряд утраченных или недоступных надписей; с благодарностью воспроизводим все его прориси. Таких дипинти 2 десятка с лишком, мы провели их предварительную обработку, смысл которой изложили в тезисах «Дипинти рыбозаводчиков на позднеэллинистических кадосах Пантикапея» [*Яйленко* 1991, 39–40]; как видно из заголовка, этот комплекс тары мы связали вслед за Ростовцевым с рыбным промыслом; сокращение СН раскрыли в соответствии с аналогиями из Греции как σή(κωμα) – вес в минах. Вопрос о рыбной таре Боспора недавно рассмотрели А. В. Куликов и Н. Ф. Федосеев [2010, 270–278]. По их мнению, в регионе по II в. до н. э. включительно использовалась синопская тара – остродонные амфоры с широким устьем, после включения Боспора в державу Митридата в Пантикапее появились синопские мастера, которые наладили местное производство тары, функционировавшее в I в. до н. э. – I в. н. э. Второй этап производства рыбной тары в Пантикапее приходится на вторую половину II – начало III в. н. э. А. В. Куликов и Н. Ф. Федосеев использовали данные дипинти на кадосах из нашей заметки 1991 г., но сами кадосы, к сожалению, остались вне их внимания[5]. Отметим морфологическую близость нашим кадосам рассмотренной ими тары по устью – оно широкое, но есть и важное различие – та остродонная, т. е. предназначена для транспортировки и хранения, кадосы же плоскодонные, т. е. их функция лишь складское хранение[6]. Далее даем общий очерк существа проблемы и каталог дипинти.

Обратимся к кадосам[7]. Они глиняные, толстостенные, с 4 ручками под венцом – двумя большими и двумя малыми, плоское днище да горловина примерно одного

[4] Есть карточка без номера, лежит между карточками № 64, 65, на ней общего характера латинский текст: в курганах Пантикапея позднеэллинистического времени часты находки сосудов с 4 ручками, в которых содержатся кости покойников. Далее излагаются в 3–4 фразах основные выводы из книги Ростовцева 1931 г.: первоначальное предназначение сосудов не погребальное, а торговое, в дипинти на них часты имена Диониссия и Онесифора, цифрами и словами μναῖ, λίτραι обозначен вес, сокращение СН – σημεῖον.

[5] В сборнике статей о рыбном хозяйстве и рыбной торговле Черноморья [Ancient Fishing, 2005] две работы уделены археологическим материалам, в том числе из Северного Причерноморья [*Højte* 2005, 133–160; *Lund, Gabrielsen* 2005, 161–170], но кадосы Пантикапея и дипинти на них им неизвестны.

[6] Транспортировка кадоса № 1 с керченской таранью на продажу в Египет и обратно – исключительный единичный случай.

[7] Я обработал в 1970-х гг. два кадоса в ОАМ, в начале 1980-х десяток кадосов в Эрмитаже (при любезном содействии И. П. Засецкой, которой весьма благодарен), далее в каталоге они помечены звездочкой при номере.

диаметра (см. рис. 1г, 3а, 8б, 11, 15 – общий вид кадосов). Высота эрмитажных кадосов от 36 до 54 см, диаметр тулова 22–27 см, диаметр устья и днища 11–16 см. Есть редкие экземпляры с 3 ручками (№ 6, 10). По очертаниям они округлые, одни подвышенных пропорций (как № 15, 24), другие среднепропорциональные (как № 8, 11), соотношение высоты и диаметра у первых 2:1, у вторых 1,5:1. Удачное соотношение параметров конструкции да толстые стенки сделали их отменно крепкими, потому, да еще вследствие вторичного употребления для захоронения останков кремации в склепах и земляных могилах, немало их дошло до нас целыми. По-гречески они назывались κάδος, κάδιον (отсюда пришло к нам: «кадь», «кадушка»), были деревянные и глиняные. Вообще, по форме и устройству кадосы разные, поскольку их функции различны: типа нашего ведра предназначались для сыпучих тел и жидких, также для медицинских растворов, таким кадосом доставали воду из колодца и пр.; эллипсовидные, с широким устьем и плоским дном – для складского хранения товара в домашних хозяйствах да производственных мастерских и т. д. Интересующие нас кадосы из Пантикапея составляют особую группу по своим морфологическим признакам, и эти признаки позволяют определить их предназначение. Диаметр толстого и плоского дна составляет от трети до половины диаметра тулова, потому сосуд устойчивый, что необходимо для складского хранения (напротив, для транспортировки на кораблях употреблялась остродонная тара). На шейке прочные ручки, две из которых вертикальные, две горизонтальные; само по себе это означает, что кади предназначались для тяжелого содержимого, вовсе не для невесомого пепла кремированных покойников. Широкое устье, не свойственное таре для перевозки жидких тел (вина, масла), определенно предназначено для сыпучих тел – зерна, маслин, рыбы и под. У других видов боспорской рыбной тары тоже широкое устье [*Куликов, Федосеев* 2010, 273]. На трех кадосах крышка (см. каталог, № 5, 9, 16). Надписи на них вполне удостоверяют, что это тара, ибо в одних фигурирует имя Онесифор, в других Дионисий, из чего следует, что это не имена покойных, а торговцев (употребляем широкий термин «рыбозаводчики»); из одного этого следует, что обнаружение сих сосудов в склепах да земляных могилах обязано вторичному их приспособлению к погребальному делу (Ростовцев).

Дипинти располагаются между ручками кадоса, дополнительные цифровые обозначения под нижними креплениями ручек. Это торговые марки рыбозаводчиков, они писаны в основном черной да красной краской, редко синей (№ 5, 8). Структура надписей однотипна. Основная часть надписи двустрочная: вверху имя Дионисий/Онесифор, под ним указан вес тары – σή(κωμα) – в минах. Наряду с этим стандартным текстом в большинстве дипинти есть дополнительные цифры. В 5 дипинти содержится имя Онесифора в род. падеже, в 12 сокращения Διο, Διον, Διονυ, Δ°, что с основанием давно раскрывали в Διονυ(σίου), тоже в род. падеже, как у Онесифора (имя Дионисий популярно на Боспоре). Эти кадосы найдены главным образом в Керчи, отчасти на Тамани, ergo, они пантикапейского происхождения. Имя производителя важно для потребите-

Необходимо изучение этой группы кадосов специалистами по таре, ибо в моей компетенции лишь надписи на них. Тогда я ошибочно считал их погребальными урнами, потому не взвесил, не установил объем, сих данных мне не хватает сейчас, но по состоянию здоровья я уже несколько лет «не выездной», ввиду чего уточнение этих данных – за будущими исследователями кадосов.

ля (когда у него есть выбор). Так, на жбане (urceus) I в. н. э. из Помпей в стк. 1 указан товар – соус из макрели и далее два личных имени, одно из которых в род. падеже [*Curtis* 2005, 41]; то же в дипинти на амфорах с рыбной продукцией из галльской Нарбонны [*Liou* 1987, 137 sq.]. Известные мне 21 дипинти на кадосах + 2 на псевдогидриях делятся на такие группы: а) 3 надписи нетиповые (с них мы начнем каталог); б) 13 дипинти Дионисия; в) 6 дипинти Онесифора; г) еще 2 дипинти довольно затерты, но структурно близки маркам Дионисия и Онесифора; д) varia. Дипинти стандартны, обязательно в две строки, разделенные линией; у стандарта две редакции (варианта) – полная и сокращенная (краткая). В надписях Дионисия преобладает полный стандарт (№ 2, 4–10, 13), краткий наполовину реже (№ 11–12, 14–15). Полный стандарт включает сокращение имени в стк. 1; под чертой, в стк. 2, сокращения слов σή(κωμα) «вес» и μναῖ «мины» (nom. pl.), т. е. цифра веса; в ряде надписей есть и 1–2 дополнительные цифры. В краткой редакции имя Дионисия сокращено до инициала с кружочком – знаком сокращения (Δ°), нет слова σή(κωμα), а μναῖ дано в новой лигатуре. У дипинти Онесифора те же два двустрочных стандарта – полный (№ 16–20) и краткий (№ 21). В полном стандарте цельное имя Онесифор, под ним через черту, разделяющую стк. 1 и 2, σή(κωμα) и цифра – вес товара в минах (но слова μναῖ «мины» нет). В краткой редакции стандартная формула однострочная, включает монограмму имени Онесифора и цифру, слово σή(κωμα) отсутствует. В ряде надписей Онесифора также имеются дополнительные цифры. Во всех дипинти приведенные элементы снабжены титлами, означающими сокращение слов и, поскольку числа алфавитные, цифру. В половине дипинти наряду с указанием веса присутствуют дополнительные цифровые обозначения; сведем все имеющиеся цифры в таблицу по возрастающему весу (в целом 16 случаев), это позволит уяснить их значение.

№ надписи	11	14	16	18	17	2, 5–7	12	8, 15	19	13	10	21
Вес	6	6	7	7	7,5	8,5	9	9	9	9,5	12	12
Дополнит. вес	5						5					
Вторая цифра	36	56	8	30	37	1 (только в № 5)	52	13 (только в № 8)	59	59,5	56,5	7
Дионисий, Онесифор	Д	Д	О	О	О	Д	Д	Д	О	Д	Д	О

Первый вопрос связан с самим весом в минах – это может быть вес кадоса, вес содержащегося в нем товара, либо то и другое вместе. Указание на таре ее веса или веса товара редко в классическое и эллинистическое время, чаще в римское[8]. Такова картина тары с афинской Агоры; здесь для них М. Лэнг выделила группу Hb, в ней 31 образец, из которых лишь 3 эллинистические, остальные римского времени [*Lang* 1976, 65–68]. Это в основном дипинти (лишь 3 граффити), у них 3 стандартных варианта текста, и они иные сравнительно с пантикапейскими кадосами. Но слово σήκωμα есть и тут (Hb 4, He 5, 22), тоже со словом μναῖ в лигатуре и цифрой веса. Для примера при-

[8] Согласно TLG, слово σήκωμα «вес» несколько раз употреблено в литературных источниках: в прямом смысле у Аристотеля («Механика»), Филона Византийца, Герона Механика и даже в древних схолиях к «Илиаде», в переносном смысле у Еврипида, Полибия.

ведем дипинто I в. н. э. на амфоре: σή(κωμα) μναῖ ιε΄ «вес 15 мин» (He 5)[9]. Употребительны и другие слова (тоже в род. падеже): κοῦφος, ἐρημός «пустой» (вес собственно сосуда, без содержимого»), μναῖ «мины» и пр. В аттических дипинти словарь богаче, формул больше, чем в пантикапейских, это наводит на мысль, что последние функционировали недолго, вряд ли более четверти столетия.

В Коринфе найден ряд фрагментов кувшинообразной тары эллинистического времени с дипинти в две строки, словами σάκωμα и μναῖ, по мнению раскопщика, это указание вместимости [*Weinberg* 1949, 152 и pl. 16]; в одном дипинто есть и другая цифра [*Ibid*., pl. 16, fig. 15, 16], как в ряде пантикапейских дипинти. Слово μναῖ, как принято в греческой эпиграфике, дается в лигатуре. Коринфский комплекс показывает, что надписи пантикапейских рыбозаводчиков ориентированы на образцы из Греции. Ряд пантикапейских дипинти по содержанию сложнее надписей группы Hb с афинской Агоры, в которых указан лишь вес тары (в группе He также дата), тогда как на части наших кадосов присутствуют дополнительные цифровые обозначения (рассмотрим их чуть ниже). Коринфские аналоги эллинистического времени могут верифицировать датировку пантикапейских дипинти Ростовцевым II–I в. до н. э. Но аттические аналоги по существу идут с начала римского времени, с I в. до н. э. – I в. н. э., так что по ним к этому же времени можно приурочить бытование и кадосов Пантикапея. «Склеп пигмеев» на Митридате, в курганной насыпи которого найдены два кадоса с дипинти, как мы видели, Ростовцев отнес по росписи на стене ко II–I вв. до н. э. С этим обычно соглашается большинство исследователей, но А. Л. Ермолин датирует его римским временем. На принадлежность рассматриваемой группы кадосов к римскому времени определенно указывает узус имени Ὀνησιφόρος в регионе LGPN IV (p. 263) да Ионии (LGPN VA, p. 347) лишь со II в. н. э. Это свидетельствует в пользу мнения Э. Стефани, что пантикапейские кадосы с дипинти бытовали в I–II в. н. э. Вместе с тем заключение Ростовцева о поднеэллинистическом характере письма дипинти имеет свои основания, в нем отсутствуют изыски римской палеографии. Но отделить письмо I в. до н. э. от письма I в. н. э. нельзя. Поскольку указание веса тары или товара в эпоху эллинизма встречается редко, полагаем, следует ориентироваться на аттический узус, где такого рода дипинти, как сказано, идут с I в. до н. э. – I в. н. э., это возможное время и пантикапейских кадосов. Полагаем, такая дата позволяет предположительно приписать нашему Онесифору два найденных на афинской Агоре кувшина с двойными ручками I в. н. э. с именем Ὀνησιφόρου [*Lang*, 1976, p. 47, № F 268, 269, pl. 23]. Еще раз отметим, что пантикапейские кадосы немногочисленны – с фрагментами порядка полусотни, так что узус их был недолгим, вряд ли более четверти столетия.

Представленные на наших кадосах цифры, расположенные под именем, дают вес от 6 до 12 мин (т. е. от 2, 74 до 5, 48 кг), это небольшие бочонки, в отличие от амфор, предназначенных для перевозки на кораблях, они статичные, складские[10]. В широко распро-

[9] М. Лэнг приняла значение σήκωμα «сосуд, амфора», и хотя оно засвидетельствовано позднее, в папирусах IV–VI вв. н. э. (LSJ, s. v., 1b), она привела в пример смысл иных слов на этой таре I–II вв. н. э., хотя в папирусах он появляется позднее [p. 65]. Мнение Лэнг связано с тем, что в надписях Агоры наиболее распространена формула со словом ὀστράκης «сосуд, амфора» (к примеру, ὀστράκου λίτραι ζ΄ «*вес* амфоры 7 либр», Hb 14).

[10] Пример для сравнения. Множество амфор I в. н. э. (типа Dressel VII) с костными остатками рыбы найдено на затонувшем корабле у Сюд-Пердуто II близ южного побережья Корсики. По усредненным расчетам, одна амфора вмещала ок. 25 макрелей средней длиной 40 см и весом ок. 650 г, общий вес 16 кг [*Desse-Berset* 1993,

страненных эгинской мине 436, 6 г, аттической 457 г [*Lang* 1976, 76], бывают и региональные варианты – 600 г и пр. С IV в. Боспор связан прочными торговыми отношениями с Аттикой, основная статья его экспорта хлеб, но из речи Демосфена против Лакрита (XXXV, 31) явствует вывоз и боспорской рыбы в Аттику через Пантикапей да Феодосию. Об экспорте азовской рыбы во времена до Митридата Евпатора пишет Страбон (VII. 4, 6). Так как в позднеэллинистическое время боспорское монетное дело основывалось на аттической системе [*Анохин* 1986, 66], указанный на исследуемых кадосах вес рассчитывался по аттической мине в 457 г.

Предваряя следующий вопрос о ценах на пантикапейских кадосах, дадим краткую сводку цен на рыбу (примеры из статей [*Lytle* 2010, 259; *Marzano* 2018, 439–440]). Она зависела от ее вида, размера тушки и происхождения – морского или речного. В Египте, как показывают документы, мелочная торговля на штуки осуществлялась в оболах, партии в сосудах шли на драхмы. Из тебтюнисских папирусов явствует, что 1 небольшая рыбешка κορακῖνος стоила 1–2 обола, это доступная всем рыба (см. и богатую подборку источников в LSJ, s. v.); в документе из архива Зенона от 259 г. до н. э. 5 жбанов (κεράμια) с рыбой идут за 20 драхм (Papyri Cairo. Zeno, 59. 012, col. II, ll. 38–48). В позднеэллинистическом декрете из беотийской Акрефии с перечнем разных видов рыбы и цен на них, цена зависит от величины рыбы: та, что тяжелее половины мины, идет по оболу за мину рыбы, что полегче – по 11 халков за мину рыбы (в беотийском оболе не 8 халков, как в аттическом, а больше[11]); к примеру, хорошее мясо синего тунца идет по 2 обола и 2 халка за мину веса, остальное по 1 оболу и 10^{+} халков за мину веса. Поздняя античность была временем повсеместной бедности: по эдикту Диоклетиана о ценах от 301 г. (III, 6–7), италийский фунт (397, 45 г) первосортной морской рыбы стоит 24 денария, а 1 либра (= 327, 45 г) второсортной морской рыбы идет за 16 денариев (этот денарий сравнительно с прежними временами был сильно обесцененной разменной монетой в 1: 50. 000 либры золота [*Абрамзон* 1995, 58]).

Итак, σήκωμα на кадосах Пантикапея означает вес в минах (μναῖ), теоретически это может быть вес самой тары, содержащегося товара, того и другого вместе. Как сказано, расположенные под именем Дионисия и Онесифора цифры дают вес от 6 до 12 мин. Вот ряд цифр веса по возрастающей (см. приведенную выше таблицу): 6; 6; 7; 7; 7,5; 8; 8,5; 8,5; 8,5; 9; 9; 9; 9,5; 12; 12. В надписях с весом от 7 до 12 мин есть и вторая цифра, на порядок больше – от 30 до 59,5. Приведем эти пары (из № 10–14, 17–19) по возрастающей веса (первая цифра – вес): 6–36; 6–56; 7–30; 7,5–37; 9–52; 9–59; 9,5–59,5; 12–56,5. В этих парах более или менее прослеживается зависимость между весом и второй цифрой: чем больше вес, тем она больше. Это явное указание веса товара и его цены. Что мина с цифрой означает вес товара, показывает и сопоставление их в надписях № 7, 8, 15. В № 7 «вес 8,5 мин», в № 8 «вес 9 мин»; по взвешиванию на руках они действительно близки, но на кадосе № 15 этот же вес – «9 мин» (другой цифры нет), а на руках он тяжелее кадосов № 7 и 8, следовательно, одинаковый «вес 9» надписей № 8 и 15 относится к товару.

344, cf. 345]. От этого содержимого самые крупные пантикапейские кадосы с 12 минами товара вмещали треть, самые малые в 6 мин – шестую часть.

[11] В оболе разных греческих центров насчитывается до 16 халков [*Зограф* 1951, 48].

Иначе говоря, вес кадосов № 8 и 15 разный, поэтому одинаковая цифра 9 на них может относиться только к товару. Что до цены, то на рыбу она исчислялась в оболах и драхмах (об этом чуть далее), кажется, этим можно объяснить наличие второго ряда пар, в котором разница между цифрой веса и второй цифрой существенно меньше (№ 5, 8, 16). Опять-таки по возрастающей веса сей ряд таков (первая цифра – вес): 7–8; 8,5–1; 9–13.[12] Тут вес от 7 до 9, вторая цифра от 1 до 13, в этих парах зависимости между весом и второй цифрой нет. Поскольку первая цифра означает вес товара, а вторая, как мы выяснили из первого ряда пар, означает цену, можно предположить, что в первом и втором рядах пар цена исчислялась в разных номиналах монеты: где есть зависимость меж весом и ценой по возрастающей и где разница цифр большая, там исчисление в оболах, где нет зависимости и разброс цифр больше – в драхмах. Иначе говоря, шестикратная разница меж оболом и драхмой (в драхме 6 оболов) нивелирует двойное расхождение цены от 30 до 59,5, если она в оболах: разница в 29,5 оболов – это почти 5 драхм; исчисление же в драхмах даст разницу в 29,5 драхм. Что суть разнобоя двух рядов цен состоит в этом, может показывать наибольшая цена в 59,5, а не 60 оболов, которые скорее были бы автоматически пересчитаны в 10 драхм. Показательна и надпись № 5: вес товара 8,5 мин, цена 1 денежная единица, каковая не может быть оболом (1 мина товара шла бы по 1 халку, что исключено), но только драхмой.[13]

Разница в цене промысловой рыбы вполне объясняется ее номенклатурой: к примеру, всегда дороги осетровые (о ловле их в Восточной Меотиде писали Страбон, Оппиан), дешевле керченская сельдь (найдена в рыбозасолочной ванне Тиритаки), дешева и керченская хамса (найдена в рыбозасолочной ванне Херсонеса)[14]. О продаже в Египте боспорской рыбы в кадосе из Пантикапея за 307 драхм говорит дипинто № 1 нижеследующего каталога, но это исключительная цена экспортной продукции[15].

---

[12] По идее, сюда должна быть введена и надпись № 21, где вес товара 12 мин, цена 7, но см. следующее примечание.

[13] Вместе с тем цены в надписях № 8, 16, 21 в принципе могут быть исчислены и в оболах. В надписи № 21 вес товара 12 мин, цена 7 единиц; по нашему дополнению в ее тексте названия дешевой рыбы губан оказывается, что цена исчислена в оболах: 1 мина веса стоит 4, 66 халка. Это равно цене товара в кадосе № 5, где 1 мина стоит 4,6 халка, но исчислен он, как сказано, в драхмах. В надписи № 8 вес 9 мин, цена 13 денежных единиц, если это 13 оболов (= 104 халка), то 1 мина стоит 11,5 халков или 1 обол, 3 с половиной халка. В № 16 вес товара 7 мин, цена 8 единиц, т. е. 1 мина стоит 1,14 единицы; если цена 8 исчислена в оболах (= 64 халка), то 1 мина стоит 9,14 халков или 1 обол и 1,14 халков. Этому соответствует цена в № 8 – 11,5 халков или 1 обол + 3 с половиной халка. Таким образом, надписи № 5, 8, 16, 21, буде товар исчислен в оболах, дают следующий ряд цен за 1 мину товара (по возрастающей): 4,6 халка (№ 5, 21); 1 обол + 1,14 халков (№ 16); 1 обол + 3 с половиной халка (№ 8). Эти 4 цены составят группу минимальной ценовой категории, и ее можно отнести на счет рыбных соусов, мидий и прочих моллюсков, мелкой неходовой рыбешки вроде губана. Но проблема в том, что остальные 8 цен стартуют с 4,28 оболов и завершаются почти 2 драхмами (см. ниже таблицу). Разрыв между минимальной ценовой категорией и средней, которая стартует с 4,28 оболов, номенклатурой промысловой рыбы Боспора не объясним. Напомним и приведенный пример из тебтюнисских папирусов: 1 небольшая рыбешка κορακῖνος стоила 1–2 обола. У нас же не поштучная продажа, а партии в кадосах. По этим причинам в нижеследующей таблице цен за 1 мину все же исчисляем товар надписей № 5, 8, 16 в драхмах.

[14] Говоря о политизации афинского общества, герой «Ос» Аристофана Бделикон (ст. 491–495) отмечает: вы на рынке меньше интересуетесь соленой рыбой, чем тиранией; «покупаешь на рынке карпа, не кильку», а рядом продавец дешевой рыбы ворчит: он выбирает рыбу, словно тиран.

[15] Хорошую подборку известий античных авторов о понтийской рыбе, в том числе боспорской, дал С. А. Семенов-Зусер [1947, 239–243]; на Боспоре им известны: тунец, тарань, сельдь, кефаль, султанка, пеламида, скумбрия, также осетровые – стерлядь, севрюга, белуга (ἀντακαῖος,– по имени реки Восточного Приазовья Антикит), от себя добавим меоту, лобана. Он опубликовал и херсонесскую надпись о постройке рыбного рынка

В 13 надписях на кадосах Пантикапея указаны вес товара в минах и цена (№ 5, 8, 10–14, 16–19, 21), что позволяет получить цену 1 мины рыбы. Напомним, что цены на товар в надписях № 10–14, 17–18 исчислены в оболах, а цены надписей № 5, 8, 16 скорее в драхмах. Цены за 1 мину следующие (по возрастающей)[16].

№ надписи	21	5	18	10	17	12	11	16	13	8	14	19
Вес товара	12	8,5	7	12	7,5	9	6	7	9,5	9	6	9
Цена в оболах	7		30	56	37	52	36		59, 5		56	59
Цена в драхмах		1						8		13		
Цена за 1 мину товара	4,7 халка	5,6 халков	4,28 об.	4,66 об.	4,93 об.	5,77 об.	1 др.	1 др. 1 об.	1 др. 2,6 об.	1 др. 2,6 об.	1 др. 3,3 об.	1 др. 5,5 об.

Мы не включили в таблицу дипинто № 1 каталога, где вес товара не обозначен, а цена экстраординарная – 307 драхм; этот кадос наполнен соленой таранью и она вывезена на продажу в Египет; обратно кадос прибыл с соленым нильским окунем, ценою 117 драхм. Среди надписей таблицы есть 2 очень малой цены, т. е. товар самый дешевый – № 21 с ценой ок. 4, 7 халка за мину неходовой рыбы губан, и № 5, в которой цена за 1 мину товара чуть более 5 халков, скорее всего, это дешевый рыбный соус, мидии, либо мелкая неходовая рыбешка (см. каталог). Остальные 11 цен таблицы дают картину плавного повышения от полудрахмы до почти 2 драхм, это рыба от ходовой мелочи до осетровых. Мелкая морская рыбешка (килька, барабулька, бычок, мелкая ставридка, тарань, длина до 15–20 см) отнюдь не бросовая – в Керчи поныне любима; летом 2020 г. на Центральном рынке города она шла по 150–250 рублей, это ценовой минимум тут на рыбную продукцию, но весьма ходовой[17]. Сие подсказывает нам, что по малым ценам до 4,28 оболов за мину шла мелкая рыбешка. Вторая категория цен от 4,93 до 5,77 оболов, надо думать, приходится на среднюю боспорскую рыбу (длина до 50–60 см) – сельдь, лобан (ь), камбалу, скумбрию. К примеру, летом 2020 г. на Центральном рынке Керчи основной тамошний представитель кефалевых лобан шел по 230–280 руб. Резонно связать цены таблицы от 1 до 2 драхм с дорогой рыбой Боспора (на языке керчан это «красная рыба») – осетром, белугой, севрюгой. На серебряных драхмах Пантикапея IV в. до н. э. красуется осетр [*Анохин* 1986, с. 30, 139, № 67], подчеркивая его промысловое значение

[с. 244–246]. Несомненно, что такой рынок был и в Пантикапее, на что указывает известие Демосфена (XXXV, 34) о закупке там соленой рыбы и доставке ее через Феодосию в Афины. С. Ю. Монахов любезно обратил мое внимание на только что появившуюся статью Н. А. Павличенко [2020, 50–59] о фрагменте известняковой плиты с отверстиями из Керченского музея, который она справедливо определила как *mensa ponderaria* – стол с отверстиями для контроля за мерами объема тары под жидкие и сыпучие продукты. Этот стол мог происходить и с рыбного рынка.

[16] Как сказано, денежное хозяйство Боспора позднеэллинистического времени основано на аттической системе мер и весов. Поэтому ведем пересчет по аттическим номиналам: в драхме 6 оболов или 48 халков, в оболе 8 халков или 56 лепт.

[17] Возможно, не только мелкая: в надписи из Акрефии хорошее мясо голубого тунца идет по 2 обола и 2 халка за мину веса, так что на пантикапейском рынке ему место в дешевой ценовой категории.

в регионе. По словам побывавшего в 1774 г. в Керчи и Еникале инженер-полковника Томилова, там продавали «рыбу соленую в бочках – осетр, а больше белуги» [*ЗООИД*, 1868. Т. 7, 192]. Слова эти в точности применимы к нашим кадосам – глиняным бочкам, и удостоверяют связь их с торговлей «красной» рыбой.

Присутствие в надписях указаний на вес товара и его цену свидетельствует, что Дионисий да Онесифор не гончары, производители тары, а рыбозаводчики, т. е. владельцы предприятий по обработке рыбы и торговле ею. Скорее всего, занимались они и ловлей, если судить по керченской практике XIX в., когда рыбозаводчики брали в аренду у помещиков промысловые участки, где проходила мигрировавшая через пролив рыба (косы Опасная, Камыш-Бурун, Тузла и др.)[18]. В связи с этим характерно, что лишь в одном дипинто Дионисия № 2 упомянуто второе имя, которое резонно связать с хозяином популярной рыболовецкой артели (см. каталог). Приведенные выше данные показывают, что кадосы служили главным образом для хранения соленой рыбы в хозяйствах рыбозаводчиков, а покупателям ее доставали из бочек. Об этом говорит и небольшое число известных нам кадосов да их фрагментов – около полусотни. Связь их с рыбным промыслом подтверждается свидетельствами дипинти № 1–3 о рыбе.

В соответствии с выясненными во Введении общими положениями интерпретируем нижеследующие дипинти каталога, их 25 + 1 граффито. Сначала идут надписи № 1–3 о рыбе, затем дипинти на кадосах Дионисия, Онесифора, за ними varia. Рыбная продукция поныне важнейшая статья питания керчан, поэтому иногда будем сверяться с ценами Центрального рынка Керчи[19].

Каталог[20]**.**

а) Свидетельства о рыбном содержимом кадосов (№ 1–3).

1* (рис. 1 – прорись Придика (59–76), 1а, б, в – наши прориси, 1г – наша схема кади). Эрмитаж, инв. П. 1851/52, № 36.[21] Кадос с 4 ручками, посередине высоты на тулове по кругу нанесен черной краской волнистый орнаментальный усик с семилепестковыми розетками. На шейке и плечах три дипинти (а, б, в) той же черной краской (см. рис. 1г – схема их расположения). Основное дипинто (а) написано между горизонтальной и вертикальной

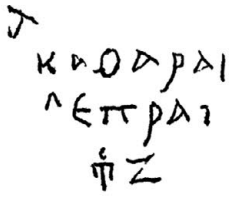
[18] Об устройстве «новой рыболовецкой станции» (τόπος ἁλιευτικὸς νέος) сообщается в надписи 478 г. н. э. с Тамани [*Яйленко* 2017, 899–890].

[19] В 1963/5 гг. у И. Д. Марченко я участвовал в раскопках здания на Митридате, которое она определила как пританей. На это ее натолкнули как раз обильные остатки рыбной пищи, в том числе мидий, которые я выгребал близ колоннады фасада вместе с ее племянницей Любой Марченко, будущей своей женой. Как известно, в пританеях угощали важных гостей города. Сколько сил потратила Ирина Дмитриевна, чтобы убедить городское начальство Керчи дать (в общем небольшие) средства на восстановление колоннады из сохранившихся блоков да плит! В конце концов, по его команде стройматериалы и рабочих дал порт, и стала она украшением заповедника на Митридате, он уже немыслим без сего славного фасада, это визитная карточка античного Пантикапея да нынешней Керчи.

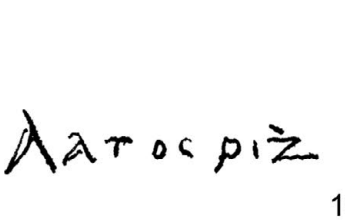
[20] Номер надписи в тексте и номер прориси совпадают.

[21] На прикрепленной бирке инв. № 365[б] (т. е. приподнятая малая буква б).

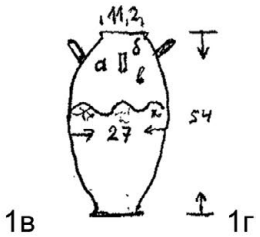
1



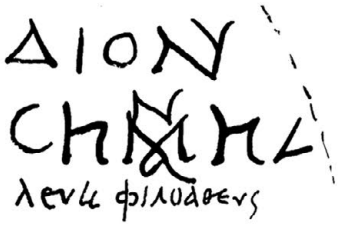
1а



1б

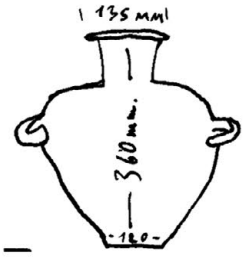


1в 1г



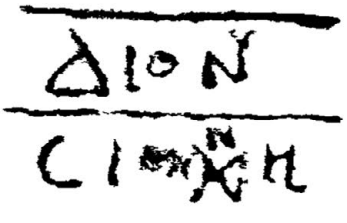
2

2а

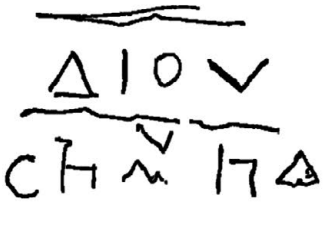


3а

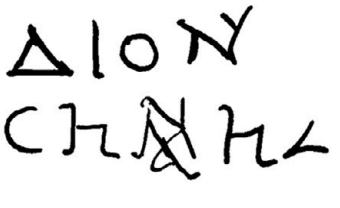
3



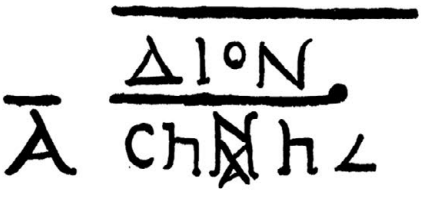
4



5



5а



5б

6

ручками, в 4 строки: α α | καθαραὶ | λέπραι | α (?), Τ͵ζ.[22] Под венчиком надпись (б): λάτος ριζ΄, ниже плохо различимое двустрочное дипинто (в): ΣΩΜΑ | ACϜ O (правее остаток низа круглой буквы; омега с одной лапкой, CϜ, буквы в лигатуре). Ростовцев привел тексты Фотия и Гесихия, из которых явствует, что λέπραι – «сушеная рыба с чешуей», т.е. тарань, которой Керчь славится поныне[23]. В письме III в. до н.э. из Мирмекия говорится о перевозке тарани морем на корабле: «Орей приветствует Керкиона; на личном *моем* корабле тебе будет место для соленой рыбы (ταρίχοις)»[24]. Знаменита боспорская тарань и в древности: автор гастрономических книг IV в. до н.э. Архестрат, согласно Афинею (VII, 284e = SC 1, p. 625), написал «прекрасную книгу» Περὶ τῶν ἐν Βοσπόρῳ ταρίχων «О боспорской тарани» (общее название сушеной или вяленой рыбы у греков τάριχος, – ον)[25]. Однако в глиняной бочке уже готовой сушеной тарани не место – их хранят и транспортируют в мешках (с детства я видел их на рынке в Донецке в 1940- и 1950-х). Поэтому применительно к нашим кадосам пояснение Фотия и Гесихия, что λέπραι «сушеная или вяленая рыба» следует понимать в соответствии с реальным процессом: сначала рыбу засаливают, часто со специями, потом сушат/вялят, в результате она приобретает особый вкус и аромат; так что в данном кадосе засоленная рыба[26]. Слово καθαραί «чистые» указывает, что рыбины стандартного веса, соответственно, и размера[27]. В надписи (б) λάτος – обозначение тоже весьма известного ниль-

[22] В стк. 1 этой надписи Придик показал две альфы – над первой и последней буквами слова καθαραί, мы видели только одну, над каппой. Кадос после раскопок 1851/2 г. поступил в Эрмитаж, и хотя трудно думать об утрате части текста за время хранения, такое порой случается. То же и в последней строке: Придик показал перед цифрой TZ ламбду, которую счел сокращением слова λίτρα, и λτζ в целом понял как 307 литр (= либр; 1 либра = 327, 45 г), но это намного больше объема кадоса (не более 10 литров). Мы не видели буквы λ тут, стало быть, и она стерлась за прошедшую сотню лет (Придик обрабатывал музейные материалы преимущественно в конце XIX – начале XX вв.). Поскольку λ при цифре τζ бессмысленна, и она была плохо видна, вероятно, тут была та же альфа, что и в начале надписи, ибо очертания альфы и ламбды в надписи одинаковы. В хозяйственных надписях одна альфа может быть сокращением слов ἀγαθός «хороший» (о товаре, цене), πρῶτος «первый» (дата, сорт, сбор урожая, улов и пр.), ἀγοραῖος «рыночный», ἀμφορεύς – обозначение объема, и т.д.

[23] Тарань из семейства карповых, подвид плотвы обыкновенной. Приведем свидетельства. Фотий: λέπραι, λεπίδας ἔχοντα ταρίχη καὶ λεβέαι καλοῦνται «лепры – рыба с чешуей, называется также лебеи»; Гесихий: λεβίαι· τὰ λεπίδας ἔχοντα ταρίχη καὶ ἰχθῦς λιμναῖοι «лебии – рыба с чешуей, также лиманная рыба» (s.v. λεβίαι). Видимо, это пояснение к перечню разных наименований рыбы у Аристофана (fr. 414).

[24] [*Бехтер, Бутягин, Дана* 2018, 932 сл.], стк. 10–11. Перевод и датировка наши [*Яйленко* 2021, 329–333].

[25] Маститый знаток древностей Генрих Кёлер так и назвал свою первопроходческую книгу о рыбном деле – ΤΑΡΙΧΟΣ [*Koehler* 1832]. До 2-й мировой войны работы по рыбному хозяйству и рыботорговле были редки (самая значительная – диссертация Д. Болена [*Bohlen* 1937]), но в последние полвека с развитием подводной археологии их число неимоверно, назовем лишь две монографии [*Lytle* 2006; *Marzano* 2013] да сборник статей по Причерноморью [Ancient Fishing, 2005]. Немало работ о рыбном хозяйстве и в отечественной литературе, в особенности они увязаны с открытыми В.Ф. Гайдукевичем в Тиритаке да Мирмекии рыбозасолочными ваннами II–III вв. н. э., отчасти с новыми находками в Танаисе и других пунктах,– это статьи С.А. Семенова-Зусера, В.Ф. Гайдукевича, В.Ю. Марти, А.В. Зинько, Н.И. Винокурова и др.

[26] См. о процессе засолки [*Семенов-Зусер* 1947, 242].

[27] Средняя длина тарани 15–25 см, средний вес ок. 200 г. В двух надписях на таре с афинской Агоры есть слово καθαρός (в сокращении) и оно означает чистый вес тары [*Lang* 1976, 58]. В надписи из беотийской Акрефии о налогообложении рыбной торговли и ценах есть выражение (беот. dat. pl.) σταθμῦς καθαροῖς «установленными/чистыми весáми» ([*Lytle* 2010, 259; *Forsyth* 2015, 75, 77]: certified weights), где подразумевается «установленный/чистый вес» тушек. У нас καθαραί тоже во множ. числе, согласовано с наименованием содержимого товара λέπραι, что может быть понято как «тарани установленного/чистого веса»; говоря словами Э. Латла, это «сертифицированный вес», по-русски та, что «таранка к таранке». Не исключено и понимание слова καθαραί в значении «очищенные от внутренностей», поскольку в данном случае тарань предназначалась на вывоз в жаркий Египет. В соответствии с процессом приготовления тарани, в отправленном в Египет кадосе была засоленная плотва с чешуей, там, на месте ее сушили.

ского окуня, который даже дал имя городу в Фиваиде – Λάτων πόλις, Λατόπολις [*Pape, Benseler* 1884, 778][28]. Стало быть, сей кадос с таранью побывал в Египте и вернулся в Пантикапей с тамошним рыбным деликатесом. При λάτος цифра ριζ' (= 117), при καθαραὶ λέπραι тоже цифра; там товар, тут товар, так что значение этих цифр одинаково. Теоретически они могут означать вес латоса, тарани, общий вес товара и кадоса, стоимость, дату, рассмотрим сей вопрос. В надписи (а) собственно цифры и у Придика и на нашей прориси сходны: TZ. Над крышкой Т мелкий кружок, – он из числа разделяющих слова и цифры диакритик (см. [*Gardthausen* 1913, 360]: над N; в краткой редакции надписей Дионисия он означает сокращение, см. ниже § г). Форма Т с удлиненными декоративными свесами на концах полки идет с IV–III вв. до н. э. (ГАХ, № 1561), но особенно употреблялась в римское время, с I в. н. э. (сошлемся, к примеру, на граффито с Березани [*Штерн* 1897, табл. II, рис. № 29]), поэтому в дипинто цифра τζ΄ = 307 достоверна. Афиней (VI, 277f) привел известие из не дошедшей до нас 31 книги «Истории» Полибия, что в Риме некоторые покупали бочонок (κεράμιον) сушеной понтийской рыбы (ταρίχων Ποντικῶν) за 300 драхм (SC 1, p. 625). Идентичность цифр впечатляет; и поскольку кадос вернулся в Пантикапей с египетским окунем, а туда отправился с боспорской таранью, то стоила она там 307 драхм[29]. Если учесть, что природные египтяне издревле наливались пивом (вино пили пришлые греки да римляне), а тарань к нему чудо как хороша, то можно понять столь большую цену ее у них[30]. Напомним, что экспорт боспорской рыбы в Аттику через Пантикапей и Феодосию осуществлялся уже в IV в. (Demosth. XXXV, 31), об экспорте азовской рыбы в домитридатовское время писал Страбон (VII, 4, 6). Поскольку в надписи (б) тоже название товара и цифра, последняя также означает его цену: ριζ' «*цена* 117 *драхм*». В итоге текст надписей а) и б) следующий:

(а): α α | καθαραὶ | λέπραι, | α (?), τ˚ζ΄ «--, стандартная тарань, --, *цена* 307 *драхм*».

(б): λάτος, ριζ' «нильский окунь, *цена* 117 *драхм*».

(в): σῶμα | αοϝ΄ Ο ᴗ «тушка, драхма, 6 оболов --» (тут nom. sg. σῶμα «тушка» (LSJ, s. v. I, 4) в собирательном значении, т. е. «тушки» рыб; об α как обозначении драхмы см. ниже № 5).

По Стефани (ДБК. Т. 2. Надписи. Табл. LVIII), это такой же четырехручный сосуд, как и те, что показаны на его табл. LVII и LVI с дипинти Дионисия и Онесифора (у нас это № 12, 21). Сие обстоятельство определенно удостоверяет, что содержимое 4-ручных кадосов с дипинти – рыба, как и прочих кадосов этого типа без надписей. На рыбный товар могут намекать еще две надписи, одна из которых Дионисия – № 2.

2 (прорись Придика: 59–83; 2а – прорись Стефани: ОАК. 1874, 111–112). Эрмитаж, инв. 462[c]. Кадос найден раскопками 1873 г. на Митридате. Дипинто черной краской в 3 строки, из которых две первые – стандартная формула:

linea Διονυ(σίου), linea | σή(κωμα) μναῖ η‹΄ «Дионисия, вес 8,5 мин».

---

[28] Отметим заглавное Λ слова λάτος, выделение первой буквы бóльшим размером представлено в малой эпиграфике Северного Причерноморья с I в. н. э. (см. [*Толстой* 1953, № 237]).

[29] Что тут имеются в виду драхмы, а не оболы, показывает сама цифра 307: если бы это были оболы, то по обыкновению сотни оболов переводились бы в драхмы – тут были бы 307:6 = 51 драхма 1 обол. Среди граффити Березани есть 46 денежных сумм от VI в. по эллинистическое время, они обычно небольшие – несколько оболов и (или) драхм, но в единичных случаях упомянуты 30, 35, 50, 60 оболов [*Яйленко* 2022, § 25]. Стало быть, все, что больше 60 оболов, переводится в драхмы.

[30] Кстати, согласно упомянутому фрагменту Полибия, суровый ревнитель традиционной умеренности Катон обвинял в роскоши тех римлян, которые платили 300 драхм за бочонок понтийской тарани.

Вес товара 8,5 мин еще у трех кадосов (№ 5–7). В имени лигатура букв NY, слово μναῖ дано искусной лигатурой всех 4 букв. Стк. 3 по характеру письма существенно иная. Придик, назвав сосуд погребальным, тем не менее прочел торговую надпись: Διον(υσίου) ση(μεῖον) μναῖ η‹´. В стк. 3 он предположительно читал Λενις (или Δένις = Διονύσιος) Φίλ(ωνος) Ἀθη(ναῖος?), т. е. имя-отчество и этникон – «Ленис, сын Филона, афинянин». Конечно, при вторичном использовании кадоса в качестве погребальной урны могло быть надписано имя-отчество покойного (так в № 13, 14), но в данном случае это невероятно потому, что стк. 3 подписана сразу под стк. 2 так, что явно является ее продолжением; кроме того, у имен в № 11, 13, 14 непременно большой формат, а в данном случае стк. 3 – мелкая приписка к крупноформатной торговой марке[31]. Таким образом, по содержанию стк. 3 связана с предыдущим текстом о «весе 8,5 мин». Мы читаем по прорисям следующий текст стк. 3: ΛEVK ΦIΛOAΘEVC, письмо курсивное, в конце сигма (либо обычный знак сокращения в виде латинской буквы s). Четвертую от начала букву считаем курсивной каппой, – см. подобное ее начертание в папирусах 211, 167 гг. до н. э. и римского времени [*Gardthausen* 1913, Taf. 4a]. Слов на λευκ- много, но здесь должно быть то, что может быть товаром, заложенным в кадос (оно в сокращении, как и имя Дионисия). Таковы λευκίσκος «белый лобан» и λευκή (употребительно мн. число λευκαί) – разновидность моллюсков (LSJ, s. v. λευκή, V). В ΦIΛOAΘEVS видим род. падеж Φιλο(μ)αθεύς от имени Φιλομαθής [*Pape, Benseler* 1884, 1626][32]. Посему читаем в стк. 3: λευκ(ίσκος) / λευκ(αί), Φιλο(μ)αθεύς «белый лобан/моллюски, от Филоматея», т. е. улов рыбы или моллюсков от артели Филоматея. Видимо, добыча этой рыболовецкой артели пользовалась спросом, раз имя ее владельца помещено среди данных о товаре на кадосе.

Представитель семейство кефалевых лобан на территории бывшего СССР водится как раз только в Черном да Азовском морях, это промысловая рыба (к примеру, в 2015 г. в Крыму выловлено 200 тонн кефалевых – лобана, сингиля, остроноса); длина лобана 25–55 см, вес 0,5–3,5 кг; летом 2020 г. 1 кг лобана стоил на рынке Керчи 230–280 рублей. Медикус IV в. н. э. Орибасий, выбравший из сочинений древних свод ценных медицинских сведений, нахваливает лобана из Мендейского устья Нила, засоленного в керамических жбанах (Oribasius, II, 58, 149: ἐν κεράμοις), высокого мнения он и о качествах меотийской пеламиды (*Ibid*., 143 sq.). Моллюски у жителей прибрежных античных центров Боспора – обычная статья питания, как показывают отложения мидий и морских ракообразных на поселениях. Но нам скорее следует вести речь не о мидиях, а о рыбе, поскольку в упомянутой книге Архестрат указывает: «выплывшие из Боспора рыбы – самые белые» (τὰ λευκότατα)». По этой причине в дипинто можно бы усмотреть прилагательное λευκ(αυγής) «белоцветная; светящаяся белым», т. е. «белая *рыба*», но Архестрат далее пишет, что у рыбы из Меотиды жесткое мясо, брать ее не следует. Видимо,

[31] Для имени-отчества покойного свободного места на кадосе предостаточно. Но важнее то, что в надписях № 11, 13–14 имена покойников по письму существенно отличаются от торговой марки.

[32] У основ на -а был, по аналогии с s-основами, ионийский gen. -ευς, который особенно употреблялся с IV в. и распространился на другие ареалы [*Thumb, Scherer* 1959, 269; *Buck* 1968, p. 88, § d]. Это аргумент в пользу датировки исследуемой группы кадосов II–I вв. до н. э.

он имел в виду меоту (μαιώτης), нерестившуюся в устьях рек Восточного Приазовья[33]. Как видно, у белого лобана больше шансов быть в нашем кадосе. Итак, читаем надпись в целом:

Διονυ(σίου), | сή(κωμα) μναῖ η‹΄, | λευκ(ίσκος?) Φιλο(μ)αθεύς

«Дионисия, вес 8,5 мин; белый лобан (?) от Филоматея».

Еще в трех кадосах вес товара 8,5 мин: № 5–7.

3 (рис. 3, 3а – прорись и рисунок сосуда художника В. Деренкина 1935 г.).[34] Сосуд одутловатой формы с 4 ручками – две большие на тулове под плечами, малые на горловине, общая высота 36 см, диаметр устья 13,5, дна 12 см. Найден на Глинище в 1891 г. в небольшом кургане (ОАК. 1891, 35, рис. 16). Согласно Ю. Ю. Марти [1937, 51], это «керамическая ситула», т. е. погребальный сосуд (так и Придик), в нем были кости; стоял он в каменной погребальной урне IV–III вв. до н. э.; дипинто в две строки, первая на плечах, вторая на тулове, он прочел: ΚΑΡ | ΒΥς.[35] Сразу отметим, что данный сосуд по датировке не принадлежит к рассматриваемой группе кадосов (но он их дедушка), надпись на нем может относиться к интересующей нас рыбной тематике. Ее шрифт соответствует датировке могильного комплекса по Марти: у каппы небольшие усики, образующие почти прямой угол – классическая форма V–IV вв., но альфа с изогнутой боковиной и прогнутой перемычкой декоративна, таков и ипсилон с изогнутым стволом, эти формы не ранее III в. до н. э.; Р и В невыразительны, что тоже свойство эллинистического письма. Посему в целом относим дипинто к III в. И по форме сосуд воспроизводит конструкцию александрийских гидрий III в. до н. э. стиля Гадры [ср. *Блаватский* 1953, 42 и табл. III. 45]), но без кольцевого основания, а с плоским дном, что сразу выдает в нем тару для хранения товара (такова и псевдогидрия № 25, см. ниже). Широкое устье (13,5 см) указывает, что товар не жидкий, а сыпучий.[36] И надпись на этой псевдогидрии торговая: последний знак не закорючка, как показал Марти (может быть, это опечатка), но обычное обозначение двух оболов или драхм двумя параллельными штрихами (=). К примеру, в надписи IV в. до н. э. из Трезена в Арголиде так обозначены два обола (IG IV, 823), то же в неопубликованных граффити Березани [*Яйленко* 2022, № 19 б, 88 б], а в надписи из Эпидавра это 2 драхмы (IG IV, 1485)[37]. Посему в дипинто ΚΑΡ | ΒΥ= заключено обозначение какого-то товара и его стоимость в 2 драхмы[38]. Так как ни греческая лексика, ни антропонимика не дают прямого соответствия буквам

[33] Меоту упоминали комик Архипп, младший современник Аристофана (у Афинея, VII, 312a = SC 1, p. 625–626), Элиан (Nat. anim. X, 19).

[34] Оба рисунка сделаны на карточках, их прислал Придику (59–71) Ю. Ю. Марти (см. ниже и № 11). Последняя буква фамилии художника неразборчива, может быть, Деренкин.

[35] Приложен и рисунок этого погребального комплекса; воспроизведен он и в другой книге Марти – «100 лет Керченскому музею» (Симферополь, 1937).

[36] К примеру, в гераклейских да синопских амфорах IV–III вв. под вино горловина, как и положено, узкая, 7–8 см, редко 10–11 [*Монахов* 2003, 215 сл.].

[37] Тремя и более горизонталями обозначается также вместимость амфор в хоях или котилах [*Lang* 1956, p. 3, № 2; p. 4, № 8; p. 5, № 9; p. 6, № 15]. В нашем случае котилы невозможны (2 котилы = 0, 54 литра, что совсем мало), два хоя (= 6, 56 л) подходящие.

[38] Как сказано, знак = может означать и 2 обола, но это маловероятная мелкая цена. Теоретически может быть и цифра Υ=, т. е. 402 обола/драхмы, но это, напротив, маловероятно большая цена.

ΚΑΡΒΥ[39], полагаем подходящим для обозначения товара слово κάρ(αβος) «краб, рак» в сокращении, в стк. 2 βύ(θιος) «морской»[40]. Цена товара =, т. е. 2 драхмы. Главное различие в рыбном товаре и встарь и ныне – морской он или речной, этим оправдано чтение тут βύ(θιος). Важно, что по размерам данному сосуду близок нижеследующий кадос № 8 с дипинто Дионисия, это означает, что кадосы отчасти ориентировались на предшествующую традицию производства тары III в. до н. э. (и сие обстоятельство склоняет в пользу датировки кадосов II–I вв. до н. э.). Наш текст:

κάρ(αβοι?) | βύ(θιοι?), = «крабы/раки морские (?), *цена* 2 *драхмы*».

б) Стандартные дипинти Дионисия, полная редакция (№ 2, 4-10, 13).

4 (прорись В. В. Шкорпила [1907, 62, рис. 23]). Кадос с 4 ручками. Раскопки Шкорпила 1904 г. на Глинище в Керчи, погребение 97, сосуд заполнен жжеными костями и Шкорпил счел его погребальной урной. Дипинто расположено между ручками, под венчиком, исполнено черной краской. Придик (59–80) читал Διονυ(σίου) ση(μεῖον) μναῖ η΄ и вслед за Шкорпилом считал сосуд погребальной урной. Понимание смысла таких надписей Ростовцевым мы уже изложили (см. выше начало Введения), ему следовал и Придик, колебавшийся между торговым и погребальным их предназначением. Как сказано, в действительности это тара:

linea Διονυ(σίου), linea | σή(κωμα) μναῖ η΄ «Дионисия, вес 8 мин».

Буквы NY имени и слово μναῖ даны в лигатуре.

5* (рис. 5 – прорись Штерна [1897, с. 190, тб. IV, рис. I]; рис. 5а – прорись Придика (59–82); рис. 5 б – наша прорись). ОАМ, инв. 21542 (старый инв. 3254), кадос найден в 1895 г. в Пантикапее. Дипинто исполнено черной краской; двустрочная надпись расположена между большой и малой ручками, цифра Â под маленькой ручкой. Издал Штерн [1897, 190]: ΔΙΟΝ | ϹΗΜΗΔ, с комментарием – тут кроется имя Диониса, затем непонятные торговые знаки. Он правильно понял торговый характер этого и еще двух дипинти (ниже, № 9, 21), но текст их трактовал ошибочно, полагая, что цифры Ā, IĒ, H̄ на трех амфорах «представляют собой нумерацию отпускаемых амфор вина... <на двух амфорах имя Диониса, на третьей> амфоре с цифрой 8 надпись помещена в одной строке – ΘΥΙΑϹ – и затем следуют два непонятных знака. Διόνυσος и Θυιάς (вакханка) – довольно знаменательные надписи для амфор, наполняемых вином»[41]. Текст Придика (59–82): Διονυ(σίου) | ση(μεῖον) μναῖ η‹΄ = 8 ½, он следовал изложенным выше соображениям Ростовцева (с ошибочным указанием, что дипинто написано красной краской). Мы в начале работы сочли такие дипинти погребальными: Δῖον σημνής (= σεμνός), Â «свято чтимый Дион, *жил* 1 *год*» [*Яйленко* 1980, 75, № 14], что ошибочно: позднее мы ознакомились с идеями Ростовцева и к 1991 г. стала ясна общая картина комплекса дипинти как надписей рыбозаводчиков. Наш текст:

[39] В раннехристианской эпитафии IV в. н. э. из Керчи упоминается Καρβανος [*Диатроптов, Емец* 1995, с. 15, № 36], но если видеть его в Καρβ нашего дипинто, остаются не у дел Υ=, да и β отнесено в сторону.

[40] Ср. и Hesych.: καρβάρεοι· κάραβοι «крабы, раки».

[41] В рукописном каталоге керамики из архива ОАМ (III/543) Штерн пишет об этом кадосе: урна с 4 ручками с крышкой, остатки черной, красной и синей краски, надпись черная; тут его текст: Διονυς (?), под ним ϹΗΜΗΣ (под М написана Δ).

Διον(υσίου), linea | cή(κωμα) μναῖ η‹΄ || α΄

«Дионисия, вес 8,5 мин || *цена* 1 *драхма*».

Слово μναῖ дано искусной лигатурой всех 4 букв. В большой и малой эпиграфике A = μία «одна» (sc. δραχμή)[42]. По весу товара этот кадос средний в группе (в ней от 6 до 12 мин), но товар самый дешевый сравнительно с тем, что в других кадосах – 1 драхма. Это мог быть рыбный соус (греч. γάρος, γάρον, заимствовано в латынь – garum). На афинской Агоре есть дипинто I–II в. н. э. на плечах амфоры, в лигатуре: γάρ(ος), и другое IV–V в. н. э. на одноручном жбане: γάρ(ου) ς΄ «соуса 6», т. е. с указанием веса товара или цены[43]. Впрочем, соус соусу рознь: в искушенном гастрономическими изысками Риме бывали и запредельные цены. В пантикапейском кадосе могли быть и мидии, рядовая провизия населения боспорских прибрежных селений. В надписи № 8 тот же вес товара – 8,5 мин, но цена намного больше – 13 драхм, та рыба очень хорошего сорта и калибра. Еще в трех кадосах вес товара 8,5 мин – № 2, 6, 7.

6 (прорись Стефани: ОАК. 1868, 125, № 16). Кадос с 3 ручками, найден раскопками в Керчи 1867 г. Надпись сделана красной краской, наш текст:

linea Διονυ(σίου), linea | cή(κωμα) μναῖ η‹΄ «Дионисия, вес 8,5 мин».

Буквы ΔΙ и NY сверху и снизу отчеркнуты прямыми горизонталями. Буквы NY имени и слово μναῖ даны в лигатуре. Вес 8,5 мин еще у трех кадосов – № 2, 5, 7.

7* (наша прорись). Эрмитаж, инв. Пан. 1591. Кадос с 4 ручками, высота 38 см, диаметр тулова ок. 25, диаметр устья 13 см. У кадоса № 1 высота 54 см, диаметр тулова 27 см, т. е. по этим параметрам он превосходит сей бочонок № 7, и действительно, по взвешиванию на руках последний гораздо легче кадоса № 1. Между двумя ручками кадоса № 7 дипинто в две строки, аналогичное № 6, но написанное черной краской:

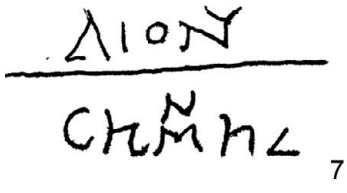
Διονυ(σίου), linea | cή(κωμα) μν(αῖ) η‹΄ «Дионисия, вес 8,5 мин».

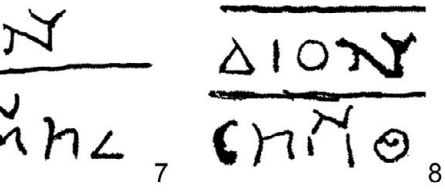
Этому кадосу близки по параметрам идущие за ним в инвентарной книге два кадоса без надписей: инв. Пан. 1592, он чуть выше (h 42 см), диаметр тулова ок. 24 см, вес тот же; инв. Пан. 1593 высотой 39 см, отличается выемкой на венчике для крышки и двумя широкими гирляндами красной краской вкруг по тулову. Третий кадос (инв. Пан. 1594) по пропорциям выше и у́же, он с простым цифровым граффито III (ниже, № 24), и поскольку вес товара в бочонке № 7, как сказано, 8,5 мин, примерно такого веса товар (8–9 мин) должен быть и в № 24, так что цифра 3 на нем означает цену в драхмах (см. ниже № 24). Еще в трех кадосах вес товара 8,5 мин – в № 2, 5, 6.

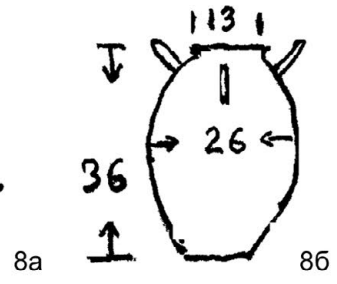
8* (рис. 8, 8а, 8б – наши прориси надписей и схема кадоса). Эрмитаж, инв. П. 1891. 752 (на бирке № 1024). Раскопки Бобринского 1891 г. Кадос с 4 ручками, надписи сделаны синей краской. Между большой горизонтальной и малой вертикальной ручками основное дипинто: linea Διονυ(σίου), linea | cή(κωμα) μν(αῖ) θ΄ «Дионисия, вес 9 мин». По взвешиванию на руках он действительно близок кадосу № 7, который весит 8,5 мин. Но на кадосе № 15 этот же вес – μναῖ θ΄ (другой цифры нет), и на руках он тяжелее кадоса № 8, следовательно, «вес 9» обеих надписей относится к товару (см. № 15). Под той же

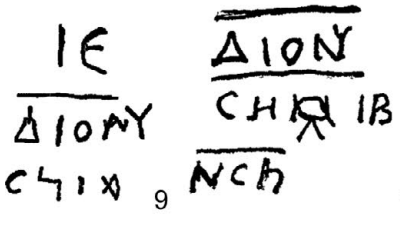
[42] [*Franz* 1840, 351; *Boeckh* 1874, 269; *Reinach* 1885, 223–224]. Встречается в березанских граффити [*Яйленко* 2022]: № 15, 21 и прим. к № 24 – примеры из книги [*Johnston* 1979].

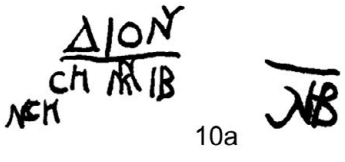
[43] [*Lang* 1976, p. 73; p. 74, Hd 8; p. 93, L 47]; второе дипинто даем в своем чтении.


7

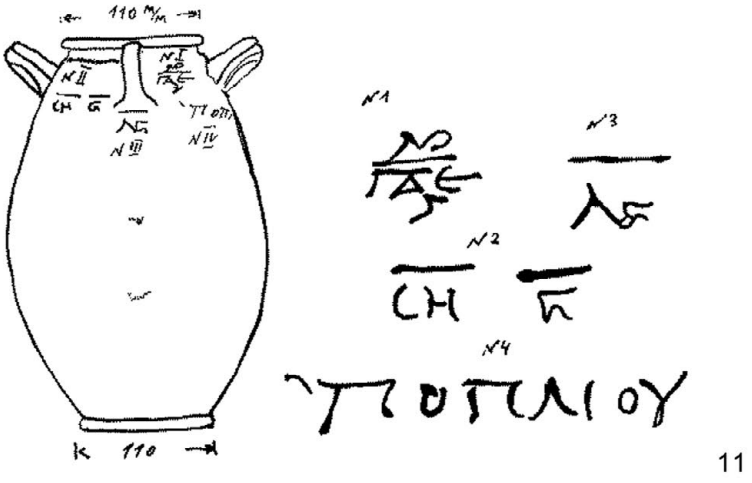

8

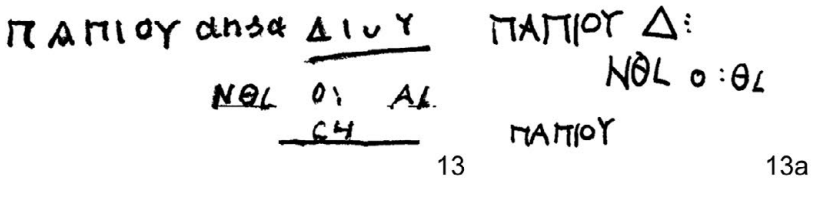

8а 8б


9 10


10а

12


11


13 13а

вертикальной ручкой цифра с титлом: ιγ΄ = 13, это цена товара. В надписи № 5 тот же вес товара – 8,5 мин, но цена существенно меньше – 1 драхма, по аналогии можно заключить, что и в данном дипинто цена в драхмах – 13. Это рыба хорошего сорта и калибра. Итоговый текст:

linea Διονυ(σίου), linea | сή(κωμα) μν(αῖ) θ΄ || ιγ΄

«Дионисия, вес 9 мин, || *цена* 13 *драхм*».

На противоположной стороне под вертикальной ручкой очень затертое многострочное дипинто. Там же под горизонтальной ручкой еще сильно затертое 4-строчное дипинто, в стк. 1 различимы лишь первые буквы АПО. Все надписи сделаны одной краской, они составляют единый комплекс, относящийся к таре и содержимому товару; будь они читабельны, прояснили б интересующие нас вопросы, и надо надеяться, что будущие исследователи сумеют хоть отчасти прочесть текст с помощью технических средств.

9 (прорись Штерна [1897, 190, табл. IV, № II]). В статье 1897 г. Штерн показал только прорись, без объяснения текста; в своем каталоге керамики ОАМ (III/2682) он отметил, что это простой глиняный горшок с 4 ручками и остатками накладной краски, найден в Пантикапее, А. Л. Бертье купил его у еврея Наделя и подарил музею; найден с крышкой «из плохо обожженной извести»; видны буквы ΔIOVV «и потом буквы неразбираемые», под одной из малых ручек буквы ΙЄ с титлом (= 15). Из упоминания Штерном жженой извести можно заключить, что кадос был использован вторично в качестве погребальной урны. Вопреки стандарту, раздельной линии между стк. 1 и 2 нет, она перемещена наверх, где перекрывает имя Дионисия. Текст Придика (59–81, он воспроизвел и прорись Штерна): ιε΄ (= 15) | Διονύ(σου) или Διονυ(σίου) | сη(μεῖον), ια΄ (= 11), т. е. имя бога Диониса, либо смертного Дионисия, в начале цифра 15, в конце цифра 11. Как видно, Придик счел остатки после букв СН цифрой ͵ια΄ = 11, но во всем исследуемом комплексе дипинти слово μναῖ обязательно, так что ему должны принадлежать остатки ⌊А, как обычно, слово было в лигатуре. Соответственно, цифра веса товара в кадосе не сохранилась. Наш текст по прориси:

linea Διονυ(σίου), | сή(κωμα) μ(ν)α (ῖ) -- || ιε΄

«Дионисия, вес – мин, || *цена* 15».

В предшествующей надписи № 8 цена близкая – 13 драхм, там вес 8,5 мин, и можно предположить, что утраченное обозначение веса в данном дипинто приблизительно то же – 8,5 или 9 мин, если рыба была примерно того же качества и размера.

10 (рис. 10 – прорись Стефани: ОАК. 1868, 125; она же у Ростовцева [1913, табл. XLV. 3); рис. 10а – прорись Придика: 59–68). Прорись Стефани-Ростовцева в общем сходна с рисунком Придика, лишь в слове после имени показана лигатура М и А, которую Ростовцев [1914, 144] прочитал как СНМА; у Придика тут правильно показана лигатура MNAI. Этот кадос с 3 ручками найден Д. В. Карейшей в 1832 г. при раскопках «склепа пигмеев» (вместе с № 13, 19), сосуд и надпись упомянул Стефани (ОАК. 1868, 125, при его № 16), отметив, что он такой же, как сосуд 1867 г., вероятно, ныне находится в Керченском музее (но уже в 1913 г. Ростовцев писал в АДЖ, со ссылкой на Придика, что там его нет, см. выше Введение). В основной двустрочной надписи строки разделены чертой, обычной в дипинти Диониса. Ниже букв СН расположена дополнительная

цифра NCH. Как мы видели во Введении, Ростовцев предложил читать NЄH = $55^{1}/_{2}$, Придик предпочел Nκη = 28. Слегка приподнятое между N и H небольшое ᶜ можно понимать и так и эдак; мы видим тут округлую стигму, т. е. цифру 6, в целом νϛη΄ = 56,5. Выше мы выяснили, что дополнительные цифры означают цену содержимого товара, причем в № 10–14, 17–18 она исчислена в оболах. Итого в № 10 вес товара 12 мин, цена 56,5 оболов. Наш итоговый текст:

Διονυ(σίου), linea | σή(κωμα) μναῖ ιβ΄ || νϛη΄

«Дионисия, вес 12 мин, || *цена* 56,5 *оболов*».

в) Стандартные надписи Дионисия, краткая редакция (№ 11, 12, 14, 15).

В этом типе надписей имя Дионисия сокращено до инициала Δº (кружок – знак сокращения), нет слова σή(κωμα), а μναῖ дано в новой лигатуре.

11 (прориси и рисунок сосуда – Придик: 59–79)[44]. Кадос с 4 ручками, до Второй мировой войны хранился в Керченском музее. Согласно рисунку сосуда, диаметр устья и дна одинаков – 11 см, судя по этому параметру и рисунку кадоса, его высота ок. 31 см, ширина ок. 22 см. И дно, и венчик с валиком. Между ручками и под ними 4 дипинти, – см. схему их размещения на рис. 11а, художник обозначил их номерами I, II, III, IV. Чтение Придика: ϲη(μεῖον) η (= 8), λε [далее размазано], ιε (=15) Ποπλίου, оно не имеет общего смысла. Обратимся к самим надписям. I. На шейке кадоса между вертикальной и горизонтальной ручками показана обычная для надписей Дионисия основная двустрочная формула, разделенная линией, но содержание формулы изменено: имя сокращено до инициала Δº = Δ(ιονυσίου), под линией раздела отсутствуют лигатуры слов σή(κωμα) μναῖ, но есть цифра ε с удлиненным язычком (это индикатор цифры) = 5. Ей предшествует лигатура: буква Г с удлиненной полочкой, под которую вписано А; под правой боковиной А уголок (шеврон) – знак сокращения, лигатуры. Как видно, от полной редакции стандартной формулы Дионисия остались лишь два элемента – имя и цифра веса товара. Нельзя сказать определенно, что представляет собой лигатура ГА, да на самом деле, полагаем, ее и нет: в таких же по устройству надписях № 13, 14 это разделяющая стк. 1–2 линия, у начала которой слева сделан мелкий вертикальный штрих. Прорись надписи № 14 показывает тут лигатуру букв NA, далее цифра θ΄, так что это определенно слово μναῖ – вес 9 мин, как в № 8; посему и в надписях № 11–13 перед цифрой надо усматривать лигатуру слова μναῖ. На папирусном письме с I в. н. э. есть упрощенная форма М со спрямленным средним уголком, так что она уподобилась П с чуть прогнутой крышкой [*Gardthausen* 1913, Taf. 1], ср. и Taf. 12: в связке с другими буквами, в т. ч. N, мю обретает форму Г, развернутую влево. Таким образом, в краткой редакции дипинти Дионисия основная формула включает в стк. 2 слово μναῖ (в разных модификациях лигатуры, см. далее) и цифру – указание веса товара.

Но в надписях № 11, 12 указаны две цифры, это отличает их от всех остальных надписей Дионисия и Онесифора. В № 11 дипинто II написано слева от вертикальной

[44] Их исполнил в 1934 г. в Керчи художник В. Деренкин на 5 карточках, которые прислал Придику в 1935 г. Ю. Ю. Марти; см. и выше № 3.

ручки: σή(κωμα) ϛ΄ «вес 6 *мин*» (лигатура и цифра под титлами). Под этой ручкой надпись III: λϛ΄ = 36 (с титлом); как показано во Введении, цифры такого порядка означают цену товара, причем в оболах. При двух указаниях на вес в 5 и 6 мин логично принять, что, как и во всех предыдущих надписях Дионисия, первая цифра под именем – вес товара, вторую же приходится считать, например, весом самого кадоса или же вторично написанным весом товара при повторном использовании бочонка (то же и в № 12 с его цифрами веса 5 да 9). Мы видим указания, что «вес 6 *мин*» – это первичный вес товара: во-первых, на остальных кадосах веса товара в 5 мин нет, зато есть 6 (№ 14); во-вторых, показательна делимость цифр 6 и 36, которая дает целую цифру без остатка: 1 мина рыбы стоит 6 оболов (= 1 драхма). Такую картину дает дипинто и на кадосе № 12 с тремя цифрами – 5, 9, 52: вес товара 9 мин есть также в надписях № 8, 15, 19, и делении 52:9 дает почти ту же цену за мину товара – 5,77 оболов.

Итоговый текст торговой записи:

Δ(ι)ο(νυσίου), | μ(ν)α(ῖ) ε΄ || σή(κωμα) ϛ΄ || λϛ΄

«Дионисия, *вес тары (?)* 5 мин, || вес *товара* 6 *мин*, || *цена* 36 *оболов*».

Ниже надписи I, заходя и под горизонтальную ручку, дипинто IV: ̀Ποπλίου «*урна* Публия» (первой букве предшествует детерминант неясного значения). Тут буквы крупнее, чем в надписях I–III; из числа букв лишь одна общая – Λ (в № III), и формы у них разные. Эти обстоятельства могут указывать на негомогенность имени Публия остальным торговым надписям на кадосе. Установивший торговый характер дипинти на кадосах Ростовцев с основанием счел это имя и Папия в следующей надписи № 12 именами покойников, написанными позднее, при вторичном использовании кадосов в могилах. Римские имена есть на Боспоре в I в. н. э. (*КБН* 434, 449), шире употребляются со II в. н. э. [*Цветаева* 1979, 104; *Масленников* 1990, 107]. Имя Публий представлено в 18 боспорских надписях, но своеобразно: в Пантикапее только в эпитафии I в. н. э. *КБН* 496, еще одна найдена на Цукурском лимане (*КБН* 1112, от 335 г. н. э.), остальные 16 в Танаисе II–III вв. н. э. (*КБН* 1263 и др.).

12 (прорись Придика: 59–66). Эрмитаж. По Стефани (ДБК. Т. 2. Надписи, табл. LVI), это четырехручный сосуд, был наполнен костями. Чтение Придика: ϲη(μεῖον) θ (= 9), λ(ίτραι) 'β = 12 (или Ϟβ = 52). (Διονυσίου) μναῖ ιε΄ = 12 (пометка Придика: дополняю имя Дионисия, хотя кроме монограммы MN ничего нет). Его текст не вполне адекватен прорисям, обратимся к ним. Тут торговая марка состоит из трех записей, как и в № 11, которому она весьма близка. Основная формула в две строки, одна над другой, как во всех дипинти Дионисия: его имя сокращено до инициала, мелкий кружок над правой боковиной – знак сокращения (это обычный способ написания имени в краткой редакции, см. ниже): Δ° = Δ(ιονυσίου); под именем почти такая же лигатура слова μναῖ, как в № 11, и та же цифра ε΄. Сравнительно с № 11 тут два мелких отличия: линии раздела строк нет, в лигатуре μναῖ шеврон (уголок, знак лигатуры, сокращения) подписан под иотой, так что читается μ(ν)αῖ. Здесь альфа по начертанию идентична дельте, в папирусном маюскулярном курсиве это встречается со II–III в. н. э. [*Gardthausen* 1913, Taf. 4a]. Обозначение веса дано и в стороне: σή(κωμα) θ΄ «вес 9» (слово и цифра под титлами). Отдельно написана цена, тоже под титлом: νβ΄ = 52. Как и в предыдущей надписи № 11, σή(κωμα) θ΄ «вес 9» – о товаре, его цена обозначена цифрой νβ΄ = 52; цифра ε΄ = 5 означает

вес кадоса или же вторично написанный вес товара при повторном использовании бочонка. В надписи № 11 одна мина товара стоит 6 оболов (36:6), тут почти то же – 52:9 = 5,77 оболов. Наш текст:

Δ ιονυσίου), | μ(ν)αῖ ε΄, || σή(κωμα) θ΄, || νβ΄

«Дионисия, *вес тары (?)* 5 мин; || вес *товара* 9 *мин*, || *цена* 52 *обола*».

13 (рис. 13 – прорись Ростовцева [1913, тб. XLV, 4]; 13а – прорись Придика: 59–69). Кадос найден в 1832 г. вместе с № 10, 19 при раскрытии на Митридате Карейшей «склепа пигмеев». Уже в 1868–1913 гг. местонахождение сих кадосов неизвестно[45]. Текст Придика: Παπίου (σημεῖον) δ (= 4) Νθc (= 9½) Παπίου, с комментарием: «Может быть, вместо N следует читать λι, а буква о обозначает οἶνον, в таком случае в сосуде транспортировалось 9,5 λίτραι вина». Удивительное верхоглядство: и текст прочитан неточно, и нет элементарного понимания, что в плоскодонном сосуде вино нельзя транспортировать, да и вина в нем не может быть по причине широкого устья. Придик не отметил важного обстоятельства – на его прориси Παπίου показано почти впритык к Δ имени Дионисия, что может спровоцировать чтение Παπίου Δ(ιονυσίου) «Папия, сына Дионисия», тогда как на самом деле их разделяет ручка кадоса, так что это никак не связанные друг с другом имена. Прорись Ростовцева показывает двустрочную полную редакцию стандартной формулы надписей Дионисия: в стк. 1 Δι̣ο̣νυ(σίου), с буквами NY в лигатуре, ниже идет разделительная линия. Под нею на обеих прорисях видны в стк. 2 мелкое О и остатки прямой или наклонной черты, затем А⌊; под этой строкой буквы СН, еще ниже линия. По содержанию это стандартная надпись Дионисия, но порядок элементов иной, о чем свидетельствует вынесенное в стк. 3 слово σή(κωμα). Стк. 2 открывается цифрой Θ‹΄, стоящие далее через интервал в 2 пункта А⌊ следует понимать как остаток лигатуры слова [μν]αῖ [46]. В итоге текст таков:

Δι̣ο̣νυ (σίου), linea | θ̣‹΄ [μν]αῖ | σή(κωμα), || νθ‹΄

«Дионисия, 9,5 мин вес *товара*, || *цена* 59,5 *оболов*».

---

[45] В первой половине XIX в. ценные вещи отправлялись из Керчи в Эрмитаж, прочие оставались в местном музее. В Эрмитаж кадосы не поступали, поскольку Стефани писал в ОАК за 1868 г. (с. 125), что кадосы могут быть в Керчи. Но Ростовцев отметил в АДЖ, со ссылкой на Придика, что там их нет (см. выше Введение). Скорее всего, они утрачены в Керчи в 1854 г. Тогда перед оставлением Керчи англичанам да туркам немногое самое ценное из музея отправлено в Бердянск и Екатеринослав, а все, что оставалось на месте, расхищено [*Тункина* 2002, 304–305; *Шаманаев* 2013, 269–270]. Благо, если б англичане увезли все музейные вещи к себе, в Британский музей,– они были бы доступны науке, но всегда мародерством больше отличается местное население. Приведу семейный пример. В 1941 г. мне было 2 года и семья жила в Донецке на главной улице в квартире трехэтажного дома. Отец сразу мобилизован на фронт, а нас, поскольку он коммунист, эвакуировали в глубокий тыл (семьи коммунистов подлежали обязательной эвакуации, поскольку гитлеровцы уничтожали их). Отступая со своей частью через Донецк, отец успел зайти в дом; поднимаясь по лестнице, встретил спускающегося вниз с моей кроваткой местного мародера. Выписав ему пару зуботычин и отняв кроватку, отец зашел в квартиру и увидел одну пустоту – кроватка была последней вещью, еще не унесенной «доблестными» согражданами (я не осуждаю их, так как им жить при немцах неизвестно на что). Так и керчанам в 1854 г. крепкие кадосы сгодились бы на многое в хозяйстве, потому скорее всего они и похитили их из музея.

[46] В О и остатке прямой или наклонной черты надо читать цифру θ̣‹΄ (= 9,5) по той причине, что только она соответствует размерам веса товара у Дионисия и Онесифора от 6 до 12 мин (о΄ как цифра 60 при [μν]αῖ не имеет аналогов в исследуемых дипинти). В О видеть Θ не проблема: стерлась поперечина (она в наших дипинти укороченная), как и в № 15. Далее, в остатке прямой или наклонной черты после Θ прямой не может быть, во-первых, потому, что у цифры θ̣ι΄ (= 19) или более (например, θ̣κ΄ = 29) реверсивный порядок, не свойственный надписям Дионисия и Онесифора, и она тоже выходит за пределы 6–12 мин. С другой стороны, после Θ нельзя усмотреть вертикаль буквы М слова [μν]αῖ, поскольку оно в наших дипинти всегда в лигатуре, по причине которой между цифрой θ̣‹΄ и [μν]αῖ должен быть интервал – vacat на 1–2 пункта.

В торговой марке две цифры, и они близки тем, что в № 12 – «вес *товара* 9 *мин*, *цена* 52», т. е. в № 13 вес товара 9,5 мин, цена 59,5 оболов. В № 12 указан еще и вес кадоса (?) – 5 мин, так что вес кадоса № 13 мог быть примерно таким же, 5–6 мин[47]. Слева от ручки написано римское имя в род. падеже Παπίου, и повторено еще раз ниже, через интервал в 1–2 строки, т. е. Παπίου vac. Παπίου «Папия, сына Папия» (nom. Πάπιος = лат. Papius: [*Pape, Benseler* 1884, 1129]). Ростовцев счел это имя, также Ποπλίου (№ 11), Μαρτ(ίου) (№ 14) дополнительно написанными именами покойных, когда кадосы были приспособлены под погребение. Похоже, что это так, но странно, что на тулове и плечах кадосов № 11, 13–14 свободного места предостаточно, однако имена написаны впритык к торговым записям; удивительно и то, что на этих трех кадосах все три имени римские.

14 (прорись Придика: 59–73). По Придику, сосуд с 4 ручками, дипинти сделаны красной краской, он списал их в Керченском музее. Его текст: Μαρτ Β, между двумя ручками ση΄ π (= 80) и Νπ (= 80); он полагает, что в Μαρτ Β можно усматривать имя Μάρκου, либо месяц март – Μαρτίου β = 2. Текст Придика неточен, по его же прориси ясно читается σή(κωμα) ς΄ «вес 6 *мин*» (над словом линия, над цифрой титло), и далее не Νπ (и причем тут 80?), а N с вау (стигмой), т. е. цифра νς΄ = 56, тоже под титлом. Написанное отдельно Μαρτ Β не что иное, как Μαρτ(ίου) β΄ «Марция, сына Марция» (см. и [*Pape, Benseler* 1884, 867: Μάρτιος = Μάρκιος]). Хотя общих букв в имени и остальных дипинти нет, по пошибу это разные надписи: первое ориентировано на строй лапидарного письма позднеэллинистического или римского времени, торговая марка – на папирусный маюскулярный курсив. Посему имя написано при вторичном использовании кадоса для погребения. Наш текст:

{Δ}(ιονυσίου), linea σή(κωμα) ς΄, || νς΄ «*Дионисия*, вес *товара* 6 *мин*, || *цена* 56 *оболов*».

Μαρτ(ίου) β΄ «*урна* Марция, *сына* Марция».

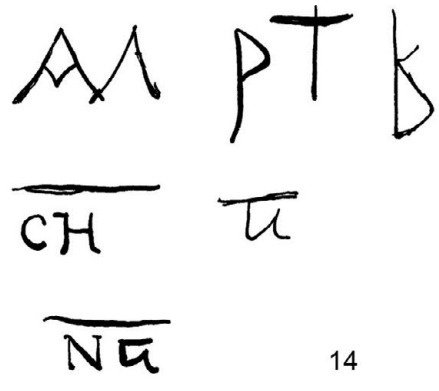
Торговая марка близка той, что в № 12: Δ(ιονυσίου) | μ(ν)αῖ ε΄ || σή(κωμα) θ΄ || νβ΄ «Дионисия, *вес тары (?)* 5 мин, || вес *товара* 9 *мин*, || *цена* 52», где, как мы приняли, «*вес* 5 мин» – это вес кадоса (?), а «вес 9 *мин*» – товара, цена которого 52 обола. Следовательно, и в № 14 σή(κωμα) ς΄ «вес 6 *мин*» – вес товара, 56 – его цена. Итак, по всем параметрам это краткая редакция стандартной надписи Дионисия (в краткой редакции стандартных надписей Онесифора слово σή(κωμα) отсутствует), но имени его на прориси нет. Поскольку в надписях на рыбной таре имя производителя обязательно (см. Введение), и над буквами СН есть линия, разделяющая стк. 1–2, над нею было обычное для кратких стандартных дипинти Дионисия сокращение Δº, т. е. Δ(ιονυσίου). Видимо, буква стерлась в какой-то мере, потому Придик не увидел ее или следа, но мы дополняем ее в текст.

15* (рис. 15, 15а – наши прорись надписи и схема кадоса). Эрмитаж, инв. П. 1839. 5. Четырехручный кадос, между вертикальной и горизонтальной ручками написана черной краской в две строки краткая редакция стандартной марки Дионисия:

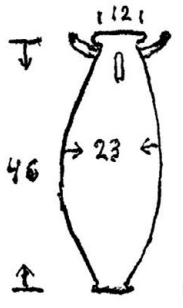
Δ(ιονυσίου), | μναῖ θ΄ «Дионисия, *вес* 9 мин».

Дельта отличается прямизной трех линий, таковы и буквы М (см. о ее форме № 11), также NA. Обычный для краткого варианта надписей Дионисия мелкий кружок при Δ отсутствует, либо стерся. В лигатуре стк. 2 по существу содержатся все буквы слова μναῖ.

[47] Мы поместили эту надпись Дионисия № 13 не в рубрике стандартных надписей полной редакции, как должно, а здесь, среди кратких дипинти, после надписи № 12, потому что последняя позволяет понять ее смысл. Кроме того, их объединяет наличие негомогенных римских имен.

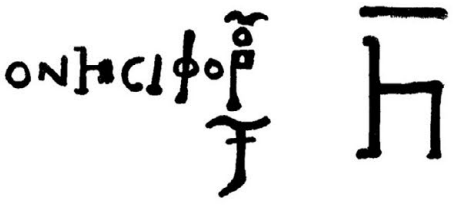


14

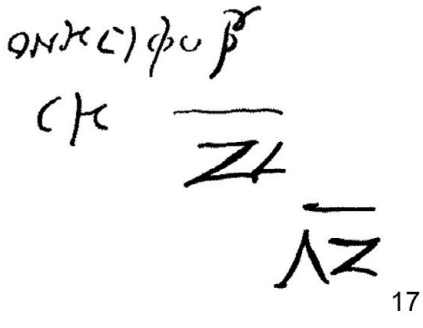


15

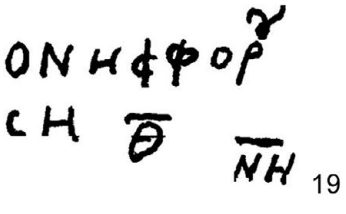
15a



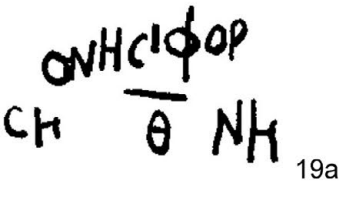
16



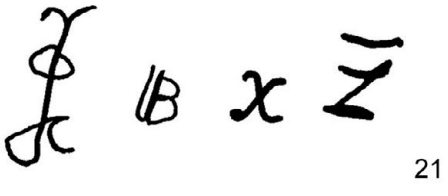
17



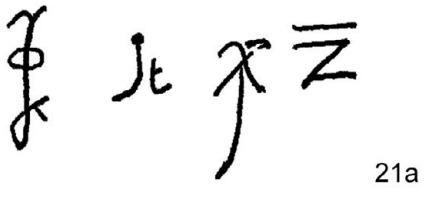
19



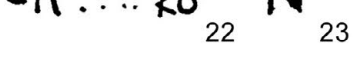
19a



21



21a



22

23

На кадосе № 8 этот же вес – μν(αῖ) θ΄, но по взвешиванию на руках он легче кадоса № 15, следовательно, «вес 9» обеих надписей относится не к весу кадоса, а к весу товара. Иначе говоря, вес кадосов разный, поэтому одинаковая цифра 9 на них может относиться только к весу товара.

г) Стандартные надписи Онесифора, полная редакция (№ 16-20).

Надписей рыбозаводчика Онесифора вдвое меньше, чем Дионисия – 6 против 13. Как сказано во Введении, дипинти Онесифора структурно близки надписям Дионисия, и у них тоже две редакции – полная да краткая. Полная редакция тоже в 2 строки: стк. 1 составляет цельное имя, под ним сокращение σή(κωμα) «вес» и цифра; слова μναῖ нет, но понятно, что вес указан, как и у Дионисия, в минах. Отдельно пишется вторая цифра, опять-таки по аналогии с дипинти Дионисия, это обозначение цены товара; да и по здравому смыслу, в торговой марке должна быть указана цена (как на наших современных ценниках). Краткая редакция представлена одним экземпляром (№ 21): в одну строку даны монограмма имени Онесифора и две цифры. Письмо дипинти Онесифора декоративно сравнительно с надписями Дионисия, но для II в. до н. э. – II в. н. э. это не столько хронологический репер, сколько дело письменного вкуса. Как сказано, группа кадосов с дипинти Дионисия, Онесифора и анэпиграфных невелика по численности, около полусотни, потому она компактна по времени употребления – не более четверти века, максимум половина столетия. Стоит отметить, что имя Ὀνησιφόρος представлено в регионе LGPN IV слабо – 4 примера, и то лишь со II в. н. э. в Македонии да Фракии (p. 263), напротив, хорош его узус в Ионии, но тоже со II в. н. э. (LGPN VA, 347). На этом фоне приведенная авторами LGPN IV ссылка на пантикапейский пример из АДЖ Ростовцева с датой III в. до н. э. выглядит белой вороной. Во Введении мы предложили компромиссное между датами Ростовцева и Стефани время для надписей Дионисия и Онесифора – I в. до н. э. или I в. н. э. Такая дата позволяет нам предположительно приписать этому Онесифору два найденных на афинской Агоре кувшина с двойными ручками I в. н. э. с именем Ὀνησιφόρου [*Lang* 1979, 47, no. F 268, 269, pl. 23].

16* (прорись наша). ОАМ, инв. 21543 (старый инв. № 3315). Кадос с 4 ручками, подвышенных пропорций, найден в Пантикапее, подарен музею коллекционером Новиковым в 1894 г.[48] Основное двустрочное дипинто сделано черной краской между большой и малой ручками: полное имя, под его окончанием цифра 7. Дополнительная цифра написана под малой ручкой, по сравнению с основной формулой она гигантская:

Ὀνησιφόρου, | ζ΄, || η΄ «Онесифора, *вес* 7 *мин*, || *цена* 8».

Окончание имени дано в лигатуре – ипсилон надписан над омикроном в виде «птички» ᴖ, заслуживает внимания буква Р с квадратной головкой и «кляксой» в основании столба. Над цифрами проставлены титла, причем над декоративной дзетой оно сращено с ее стволом. У Дионисия вес товара в 7 мин отсутствует, есть 6 (№ 11, 14) и 8

[48] Штерн [1897, тб. IV, рис. III] опубликовал свою прорись, она неточная, потому не прилагаем ее; не дал он и объяснения надписи. В рукописном каталоге керамических изделий ОАМ (III/554) он дал свой текст, не воспроизводим и его, ибо он правильно понял только цифру η΄, не разобрав ни имя, ни вторую цифру. Ошибочно и наше прежнее чтение как погребальной надписи [*Яйленко* 1980, 75], не даем и его.

(№ 4), цена за 6 мин 36 и 56 оболов; у Онесифора в № 16, 21, как мы выяснили во Введении, цены исчислены в драхмах, тут 8 драхм. Это очень дорогая рыба, потому и вес ее невелик – 7 мин, так что 1 мина продукции стоит 1,1 драхму. Столь же дорога рыба у Дионисия: 1 мина в № 12 стоит почти 1 драхму (5,77 оболов), в № 14 полторы драхмы (1 драхма и 3,3 обола), в № 10 – 4,66 обола, в № 13 – 1 драхма и 2,6 обола.

17 (прорись Придика: 59–78). Согласно Ростовцеву [1914, 143; *Rostowzew* 1931, 194] и Придику, кадос находился в коллекции А. Фогеля в Николаеве. Когда владелец (он немец, шла война с Германией да Австро-Венгрией) распродавал свои вещи, русским музеям они не понадобились и потому ушли заграницу. Видимо, и сей кадос почивает где-то за кордоном. Пантикапейское происхождение устанавливается по аналогичным дипинти № 16, 18, 19. Текст Придика: Ὀνησιφόρου ϲη(μεῖον) ζ = 7, λίτραι ζ = 7, но, судя по его же прориси, он несколько иной. Это двустрочный полный вариант стандартной надписи Онесифора: в стк. 1 имя, под ним СН и с цезурой да под титлом ζ‹΄, т. е. σή(κωμα) ζ‹΄ «вес 7,5 *мин*». Суффикс имени в лигатуре: ϒ, линии раздела между стк. 1–2 нет. В стороне под титлом цифра λζ΄ = 37. Наш текст:

Ὀνησιφόρου | σή(κωμα) ζ‹΄, || λζ΄ «Онесифора, вес *товара* 7,5 *мин*, || *цена* 37 *оболов*».

У Дионисия нет товара на 7,5 мин, но есть на 6, который стоит 36 оболов (№ 11), так что товар в сих кадосах обоих рыбозаводчиков почти одинаков и по цене и весу.

18 (без прориси). Д. Макферсон упоминает в числе виденных им в Керчи в 1854 г. древностей надпись, которая, судя по его маюскулярной передаче [*Mac Pherson* 1857, pl. XI], представляет собой двустрочный полный вариант стандарта Онесифора: имя в род. падеже, флексия его в лигатуре. Под именем в стк. 2 написано σή(κωμα) ζ΄, с цифрой под титлом, еще ниже цифра λ΄ без титла. В целом читаем следующий текст:

Ὀνησιφ[ό]ρου, | σή(κωμα) ζ΄, || λ΄ «Онесифора, вес *товара* 7 *мин*, || *цена* 30 *оболов*».

Судя по цифрам, в этом кадосе тот же товар, что и в предыдущем – тут его меньше на полмины, потому и цена ниже на 7 оболов. Одна мина рыбы в № 18 шла по 4,28 обола. Во Введении мы сочли, что по малым ценам 4,7 и 5,6 халков шла мелкая рыбешка – килька (хамса), барабуля, бычок, мелкая стерлядь. Стало быть, на рубеже эр в Пантикапее 12 мин (чуть более 5 кг) этого или подобного товара шли по 4,28 обола за 1 мину. Керченская хамса поныне излюбленная еда керчан[49]. В 2019 г. на рынке Керчи 1 кг ее стоил 300 рублей, в 2020 г. дешевле – 250 руб., это немало (даже при дешевизне рубля).

19 (прорись Ростовцева; 19а – прорись Придика: 59–67). Издал Ростовцев [1913, табл. XLV, 2]. Кадос найден Карейшей в кургане со «склепом пигмеев», вместе с № 10, 13. Дальнейшее местонахождение этих сосудов уже в 1868–1913 гг. Стефани и Ростовцеву неизвестно (см. № 13). Структура надписи та же, что в № 16–18, обе цифры под титлами. Подправляем текст Ростовцева – Придика:

Ὀνησιφόρου | σή(κωμα) θ΄, || νθ΄ «Онесифора, вес *товара* 9 *мин*, || *цена* 59».

Товара на 9 мин было и в кадосах Дионисия № 8 с ценой 13 драхм и № 12 с ценой 52 обола; цена 1 мины у них разная: у № 8–1 драхма, 2,6 обола, у № 12 меньше – 5,77 оболов.

[49] В «письмах крымчан» есть почти поэтический гимн хамсе, его credo: «любовь к хамсе – это генетический код керчан» (Андрей Фурдик. Для нас хамса всех рыб вкусней на свете – https://ru.krymr.com/a/pisma-krimchan-kerch-i-hamsa/30227763.html).

Товар на 9,5 мин был в кадосе Дионисия № 13 и цена его сходна с № 19 Онесифора – 59,5 оболов; но цена 1 мины разная: у № 13–1 драхма + 2,6 обола, у № 19 самая большая – 1 драхма + 5,5 оболов. Обратим внимание на занятную описку: после ΟΝΗ имени писец упреждающе начертал Φ, и не дописав правую половинку окружности, заметил ошибку, но оставил написанное, так как оно все же дало нужное CI, хоть и в необычном начертании.

20. По Л. Стефани (ОАК 1898, 20), кадос найден в 1898 г. в Керчи у Брянской фабрики, вторично использован в погребении. Упомянул и Ростовцев: «урна с Ὀνησιφόρου» [*Rostowzew* 1931, 193]. Текст: Ὀνησιφόρου. Судя по полному имени, это фрагмент полной редакции.

д) Стандартные надписи Онесифора, краткая редакция (№ 21).

21* (рис. 21 – прорись Придика: 59–77; рис. 21а – наша прорись). Эрмитаж, инв. Пан. 425. Фрагментированный кадос (сохранились 2 ручки, еще 2 утрачены). Дипинто написано на тулове между ручками. Издал рисунок Стефани (ДБК. Т. 2, табл. LVII). Текст Придика: Ὀνησιφόρου? (σημεῖον) ιβ = 12, λ(ίτραι) ζ = 7, но, судя по его же прориси, он иной. Это однострочная краткая редакция полного стандарта Онесифора, включающая монограмму имени и две цифры. Дипинто исполнено красивым маюскулярным курсивом. В монограмме вычитываются почти все буквы имени (кроме νη). В цифре ἰβ΄ над ι мелкий кружок – диакритика для цифры (в кратких надписях Дионисия это знак сокращения), сама иота удлиненная, с загнутым нижним концом (типа ι, но влево); на папирусном письме такая форма идет с I в. н. э. [*Gardthausen* 1913, Taf. 1], что небезынтересно для датировки изучаемого комплекса дипинти[50]. Последняя цифра ζ΄ = 7. По идее, в краткой редакции значение цифр то же, что в полной версии – первая означает вес товара в минах, вторая его цену в драхмах (см. Введение, раздел о ценах). Но между обеими цифрами стоит не свойственное надписям на наших кадосах сокращение, ясно читаемое как χῖ (иота такая же, как в цифре ιβ΄, над χ титло) или ιχ̄, понять его не просто. Можно счесть, что это слово χ(αλκο)ῖ перед цифрой ζ΄ = «7 халков», ибо известно χ как сокращение слова χαλκός «халк» (монета) [*Avi-Yonah* 1940, 89]. В декрете позднеэллинистического времени из беотийской Акрефии с перечнем разных видов рыбы и цен на них, цена зависит от величины рыбины – что тяжелее половины мины, идет по оболу за мину рыбы, что полегче – по 11 халков за мину рыбы (у беотян в оболе не 8 халков, как в аттическом, а более); счет на халки ведется применительно к разным видам рыбы, но в дополнение к оболам [*Lytle* 2010, 259]. В надписи № 21 получается, что 12 мин товара стоят 7 халков, это намного меньше, чем в ценнике из Акрефии, также в других наших дипинти, ибо в № 10 товар весом в те же 12 мин идет за 56,5 оболов, т. е. почти за 1 драхму. Самая низкая цена в исследуемом комплексе дипинти представлена в № 5: вес товара 8,5 мин, цена 1 драхма, так что 1 мина стоит 5,6 халков, мы заключили, что это рыбный соус или мидии. Если счесть, что в надписи № 21 эти же 12 мин товара стоят

[50] См. рисунок феодосийского граффито у Штерна [1897, табл. III, № 84] с такой *иотой*, мы относим его к I в. н. э.

7 халков, то получится, что 1 мина идет за 4 лепты (в аттическом халке 7 лепт). Это невероятно низкая цена, поэтому во Введении мы заключили, что цифра 7 надписи – драхмы. Посему раскрытие сокращения χῖ в χ(αλκο)ί невозможно. Есть и иное решение. Комик III в. до н. э. Махон упоминает хиосский винный сосуд χῖον (фрагмент у Афинея: XIII, 579e), а в документе из архива Зенона того же III в. это слово означает меру (LSJ, s. v.). Если оно стоит в дипинто Онесифора, то имеются в виду 12 мер, а не мин, как в остальных дипинти; примерный текст может быть таков: Ὀνησιφόρου ιβ΄ χῖ(α?), ζ΄ «Онесифора, 12 мер (?), *цена* 7 *драхм*». Но есть и противопоказания чтению χῖ(α?): во-первых, это мера жидких тел, во-вторых, хиосские амфоры III–II вв. до н. э. небольшие, объемом 4–5 литров[51], так что 12 таких мер (и даже 7) для наших кадосов избыточны[52].

Как сказано, можно читать также ιχ͡, что дает вполне подходящее слово (nom. pl.) ἰχθῦς / ἰχθύες «рыба». Надпись V в. на вазе из Нолы ἰχθύα авторы LSJ (s. v., II) поняли как «сосуд для соленой рыбы», по А. Джонстону, значение такой надписи подходяще для леканы – «рыбное блюдо» [*Johnston* 1979, 229]. Соответственно, ἰχ(θῦς / ἰχθύες) на пантикапейском кадосе могло бы относиться к содержимому – «рыба», но вообще ожидалась бы спецификация – какая именно рыба, как, например, в надписи из Акрефии, в упомянутых папирусных текстах, в наших № 1, 2, 26. Можно соотнести ἰχ- с кадосом и раскрывать сокращение, например, в ἰχ(θυδόκος ?), sc. κάδος «рыбный *кадос*», ср. αἱ ἰχθυδόκοι σπυρίδες «корзины с рыбой/для рыбы» у эпиграмматика Леонида (Anth. Graeca, IV, 2). Но в таком случае надпись гласит о продаже бочонка, тогда как все дипинти Онесифора связаны с рыботорговлей. Еще вариант. В лондонском папирусе I в. н. э. упомянута ταριχηρὰ ἰχθύα «соленая рыба» (LSJ, s. v. ἰχθύα, IV). Поскольку пантикапейская надпись на кадосе, а кадосы предназначены именно под соленую рыбу, уточнение ταριχηρά тут не требуется, ибо и так понятно, что в нем соленая рыба. Именно такова картина в дипинто № 1 на кадосе: λέπραι – это засоленная с чешуей рыба под последующую сушку, в результате получается тарань. Но сама по себе надпись на кадосе «соленая рыба» смысла не имеет, поскольку в нем может быть только таковая; например, существо слова λέπραι в том, что рыба засолена с чешуей. Это подсказывает, что под сокращением ἰχ(θυ-) может подразумеваться название какого-то вида рыбы, либо особым способом засаливаемой.

Перебрав варианты, остановимся на самом простом решении. В уже знакомой нам позднеэллинистической надписи из беотийской Акрефии с перечнем разного вида рыб

[51] На это указывают их небольшие размеры [см. *Монахов* 2003, табл. 13]), сопоставимые с амфорами Гераклеи типа II-A того же времени объемом 4–5 литров [*там же*, 222].

[52] Во фрагментированном граффито на гераклейской амфоре IV в. из Керченского музея С. Ю. Сапрыкин [2013, с. 290 сл.] прочел в числе прочего θύν(νων) πλ(έ)ο|ν ἡμ(ι)χῖα ΠΔΠΙ | χοῶν. Но соседство ἡμ(ι)χῖα (половина хии/хиота) и χοῶν «хоев» странно и по несогласованности падежей, и по тому, что это разные меры жидкостей; по причине же мер жидкостей маловероятно и присутствие тут тунца – θύν(νων), место которого, так сказать, в разряде сыпучих тел. Надпись нуждается в уточнении текста. Например, если после цифры ΠΔΠΙ поставить колон, т. е. вынести χοῶν «хоев» в другой период предложения или вообще другое предложение, то чтение θύν(νων) возможно: «тунца мерой более полухия *продавать* за 5 драхм, 5 оболов». Приняв, что полухий тут название тарного сосуда объемом ок. 2 кг, можем сопоставить сию цену тунца с акрефийской, где мина хорошего мяса тунца шла по 2 обола, 2 халка, а остальное по 1 оболу + сколько-то халков [*Lytle* 2010, 259]. Умножив акрефийскую цену на 5–6 (примерно столько мин в полухие; в нашей мине 457 г, см. Введение), получим примерно 2 драхмы за полухий, что в два раза меньше цены на керченском фрагменте «5 драхм, 5 оболов».

и ценах на них в числе прочих упомянут и губан – ἴχλα (блок B, стк. 8 [*Lytle* 2010, 257])[53]. У нас водится в Крыму, у Восточного Приазовья, в том числе в Керченском проливе. Тамошнее название его зеленушка, длина 15–25 см, вес ок. 200 г, она дешевая и невкусная. Хотя его промысловое значение невелико, даем такой текст:

Ὀ(νη)σιφόρου, ι̣β΄, ἴχ(λα?), ζ΄

«Онесифора, 12 *мин*, губан (?), *цена* 7».

В акрефийской надписи губан идет по 11 беотийских халков за мину (что-то вроде 5–6 аттических халков). Если 12 мин стоят 7 оболов (= 56 халков), то цена 1 мине ок. 4,7 обола, что близко беотийскому ценнику.

е) Varia.

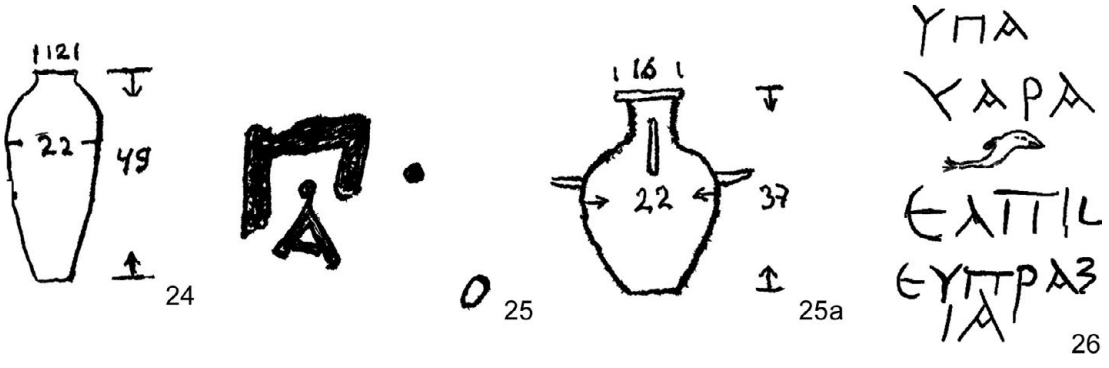
22 (прорись Придика: 59–70). Могильник на Предельной улице близ керченской тюрьмы, раскопки Шкорпила 1902 г. В погребении № 422 найдены два четырехручных кадоса с остатками дипинти, Шкорпил [1904, 149, № 422] счел их погребальными урнами. На обоих сосудах между двумя ручками остатки дипинти, на этом черной краской, на другом (у нас № 23) красной. Текст Шкорпила: CH... KO. Текст Придика: ση(μεῖον) [N aut Λ] κ [θ = 29], он правильно понял цифру. Исправив CH на σή(κωμα), мы можем заключить, что цифра 29 – это цена, поскольку для веса в минах она слишком велика: предельный вес товара во всех дипинти 12 мин (№ 10, 21). Обозначение веса σή(κωμα) присутствует равно у Дионисия и Онесифора, но у первого нет цены, близкой к 29 (ближайшие у него 13 в № 8 и 36 в № 11), тогда как у второго есть аналогичная – 30 в № 18. Поэтому вероятна принадлежность дипинто Онесифору, это полная редакция его стандарта. Мы видели, что слова μναῖ в нем нет, так что в показанном Шкорпилом и Придиком промежутке между CH и KΘ, согласно полной редакции, должна быть цифра веса. Придик различил там N или Λ, что ошибочно, поскольку цифры больше IB = 12 быть не может. В надписи Онесифора № 18 с ценой 30 (оболов) вес товара ζ΄ = 7. Может быть, усмотренные Придиком вертикали (в его N) составляли цифру H = 8 (в дипинти Дионисия № 2, 5–7 вес товара 8,5 мин). Наш итоговый текст:

(?) Ὀνησιφόρου | σή(κωμα) η΄ (?), κ̣θ΄ «Онесифора (?), вес 8 (?) *мин*, *цена* 29».

23 (прорись Придика: 59–74). Кадос о 4 ручках, найден вместе с № 22 (см.). По Шкорпилу, между ручками черной краской дипинто, от которого сохранилась лишь буква N. Полагаем, она может принадлежать лигатуре слова μναῖ (тогда это надпись Дионисия), либо цифре ν΄, т. е. от 50 до 59. Такая цифра присутствует в 4 надписях Дионисия (№ 10, 12–14) и лишь раз у Онесифора (№ 19). Как видно, оба условия склоняют данное дипинто к числу Дионисиевых. У того при цене от 52 до 59,5 вес товара 5, 6, 9, 5, 12 мин (№ 10, 12–14), что-то такое могло быть и в данной надписи.

24* (наша схема кадоса). Эрмитаж, инв. 1594. Кадос подвышенных пропорций: выс. 49, диаметр 22 см. Две горизонтальные и 2 вертикальные ручки; между двумя процарапаны 3 вертикальные черты: ⫼. У кадоса № 7 выс. 38 см, ширина тулова 25 см и товара в нем 8,5 мин. Поскольку объем кадосов 7 и 24 примерно близок, товара в № 24 не должно быть 3 мины, но примерно 8–9 мин. Следовательно, цифра 3 надписи № 24 скорее означает цену в оболах или драхмах. Во Введении мы выявили ряд надписей, в которых

[53] К названию см. LSJ, s. vv. ἴχλα, κίχλη, II.



разница между цифрами веса товара и его цены небольшая (первая цифра – вес): 7–8; 8,5–1; 9–13; 12–7 (№ 5, 8, 16, 21). Тут вес от 7 до 12 мин, вторая цифра от 1 до 13, и мы заключили, что цена исчислялась в драхмах. Вес товара в бочонке № 7, как сказано, 8,5 мин, примерно такого веса товар (8–9 мин) должен быть и в № 24, так что цифра 3 на нем означает цену в драхмах[54].

25* (рис. 25, 25а – наши прорись и схема сосуда). Эрмитаж, инв. Пан. 428. Светло-глиняная псевдогидрия о трех ручках, с плоским дном, h 37 см, d тулова 22, d устья с закраиной 16 см; столь широкое устье указывает на сыпучее содержимое сей тары (оливки, рыба, зерно и под.). Две ручки горизонтальные, третья вертикальная. Дипинто красной краской расположено на стороне без ручки: большая буква П с укороченной правой боковиной (высота левой гасты 5 см), в которую вписана альфа, справа от П точка, обозначающая сокращение – Πα·. По шрифту позднеэллинистическое или раннее римское время (III в. до н. э. – I в. н. э.): на папирусном письме П с укороченной правой гастой употреблялось с IV в. до н. э. по I в. н. э. [*Gardthausen* 1913, Taf. 1]. В стороне зеленой краской около горизонтальной ручки О – обол или цифра 70, в любом случае цена товара. По форме такова и псевдогидрия № 3 (см. рис. 3а), там тоже цена товара – 2 драхмы. Значение сокращения ПА неясно, возможны варианты. В надписях ПА – частое название месяца Πάνημος [*Avi-Yonah* 1940, 91–92], но в боспорском календаре он употреблялся в римскую эпоху – с 130 г. по III в. (КБН 656, 1000 и др.). Если наша псевдогидрия I в. н. э., это возможное раскрытие сокращения Πα· как Πάνημος, указание даты засола рыбы на кадосе могло иметь место. Можно видеть в ПА и обычное на монетах да черепице сокращение Πα(ντικάπαιος, -α, -ον) «Пантикапей», «пантикапейский» (-ая, – ое) как указание на место происхождения товара; хотя тара пантикапейская и транспортировке не подлежала (плоское дно!), при наличии на городском рынке товаров из других боспорских или иных центров такое указание могло иметь смысл. На афинской Агоре есть дипинти на амфорах I–V вв. н. э. πάσσον (= лат. vinum passum) «изюмное вино», в том числе с цифрой, указывающей вес или объем [*Lang* 1976, p. 74, Hd 9; p. 75, Hd 12; p. 78, He 13; p. 81, He 40]. Из литературных источников в словаре LSJ под словом πάσσον

[54] Такие граффити с вертикальными линиями (IIII и более) есть на амфорах для вина с афинской Агоры, это обозначение вместимости тары в хоях [*Lang* 1956, p. 4]. Но пантикапейские кадосы предназначены для сухих тел и надписи на них указывают вес товара и его цену, так что цифра 3 на кадосе № 24 не может быть обозначением объема бочонка в 3 хоя.

назван лишь Полибий. При таких данных можно предположить, что под сокращением πα· на пантикапейской таре под сыпучий товар имеется в виду изюм (лат. uva passa). Наконец, можно предположить, что Πα· – сокращение имени производителя или торговца, подобно имени рыбозаводчика Дионисия, употреблявшемуся только в сокращении, вплоть до инициала Δ (№ 2, 4–15). На Боспоре популярно имя Παπίας (*КБН* 75, II в. до н. э., и др.), оно могло быть указано на сей псевдогидрии в качестве производителя содержавшегося в ней сыпучего товара, либо торговца. Причисляем это дипинто к числу надписей рыбозаводчиков условно, по соответствию тары с псевдогидрией № 3 такой же формы.

В коллекции Эрмитажа хранится еще ряд подобных сосудов, но без надписей. Совершенно идентична этой псевдогидрия с инв. Пант. 1878. 19; той же формы, но с задранным кверху венцом – инв. 1878. 429; такова же, как 1878. 429, но крупнее, псевдогидрия инв. 52. 575 из Нимфея.

26 (прорись Придика: 59, 60). По Придику, он «сделал эту прорись в 1898 г. в Керченском музее, дипинто написано красной краской на большой амфоре» (других сведений нет). Его чтение: ὑγία | χαρά | delphinus | ἐλπίς | εὐπραξία, переведем: «здоровье, красота, надежда, благоденствие». Надпись странная во всех отношениях, прежде всего самим набором отвлеченных существительных на таре. Например, можно бы думать, что все эти благопожелания связаны с парфюмерным товаром, но он немыслим в «большой амфоре». На наш взгляд, ключевую роль в раскрытии смысла надписи играет рисунок дельфина. Символика этого умного, добродушного млекопитающего в Греции и Риме лежит в сфере власти на море (запряжен в колесницу Посейдона/Нептуна), любви (считался священным животным рожденной в море Афродиты), спасения (выносит на сушу Меликерта, Ариона) [*Тресиддер* 1999, 74–75; *Гибсон* 2007, 108]. С символикой любви и спасения согласуются фигурирующие в дипинто понятия красоты (через связь с Афродитой), надежды, благодеяния. Но, увы, надпись сделана на таре и это обстоятельство возвращает нас к прозе жизни. Наличие дельфинов в Керченском проливе, без сомнения, указывает на местное происхождение надписи, потому заодно и амфоры. Важное место дельфина в местной фауне удостоверяется изображением его на серебряных оболах Пантикапея позднеэллинистического времени [*Анохин* 1986, 65, 143–144, № 182]. Мы уже упоминали изображение осетра на серебряных драхмах Пантикапея IV в. до н. э. [*там же*, 30, 139, № 67], чем подчеркнуто его промысловое значение в регионе. Того же смысла и дельфин на серебряных оболах Пантикапея: в Причерноморье дельфин всегда был промысловой рыбой, только после Второй мировой войны местные жители перестали употреблять его в пищу (но для жира еще находили применение). Исходя из этого, полагаем, что в «амфоре» (на самом деле псевдогидрии или кадосе[55]) содержалось дельфинье мясо или жир, и надпись на таре была рекламой товара – он де приносит красоту да здоровье, вместе с которыми достижимы благоденствие и надежда. Таким рекламным характером надписи и обусловлен редкий для торговых дипинти монументальный характер письма, позаимствованный из лапидарной

[55] Для неряшливой в целом работы Придика с граффити да дипинти характерно и частое неразличение типа сосуда: кадосы № 2, 9, 11 и др. у него «погребальные вазы (сосуды), амфоры».

эпиграфики позднеэллинистического или раннего римского времени. Вне лапидарного шрифта стоит лишь заимствованная из папирусного унциала форма *кси*, которая идет с I в. до н. э. [*Gardthausen* 1913, Taf. 1]. Соответственно, датируем сие дипинто I в. до н. э. – I в. н. э.

Завершим наш рассказ строфой из стихотворения 1928 г. любимого с юности Н. А. Заболоцкого «Рыбная лавка»: «Тут тело розовой севрюги | прекраснейшей из всех севрюг, | висело, вытянувши руки, | хвостом прицеплено на крюк. | Под ней кета пылала мясом, | угри, подобные колбасам, | в копченой пышности и лени | дымились, подогнув колени, | и среди них, как желтый клык, | сиял на блюде царь-балык»[56].

Список литературы

А*брамзон* М. Г. 1995. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 654.

Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 182 с.

Б*ехтер* А. П., *Бутягин* А. М., *Дана* М. 2018. Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ. 4, 931–948.

Блаватский В. Д. 1953. История античной расписной керамики. М., 303.

Г*ибсон* К. 2007. Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре. М., 160.

Д*иатроптов* П. Д., *Емец* И. А. 1995. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 2, 7–40.

З*ограф* А. Н. 1951. Античные монеты (МИА. 16). М. –Л., 263.

К*уликов* А. В., *Федосеев* Н. Ф. 2010. Керамическая тара для рыбных промыслов Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир (Боспорские чтения. X). Керчь, 270–278.

М*арти* Ю. Ю. 1937. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею. Симферополь, 64.

Масленников А. А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 231.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. М.–Саратов, 353.

П*авличенко* Н. А. 2020. Mensa ponderaria из Пантикапея? // Археологические вести. 29, 50–59.

Придик, Коропус – Подготовительные материалы Е. М. Придика к III тому IOSPE: Корпус памятников малой эпиграфики. Архив СПб. Института истории материальной культуры. Фонд 33.

[56] Ежели кто с безденежья забыл, что такое балык, то напомню, что это спинка «красной» рыбы, соленая или вяленая, вот почему тут он «царь» (сам живу на пенсию, так что пояснение от учености, а не от стола).

Р*остовцев* М. И. 1913, 1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.: 1913 (атлас, 10 с. + 112 листов илл.); 1914 (текст, 537 с.).

Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л., 621.

С*апрыкин* С. Ю. 2013. Новые данные о морской торговле Причерноморья: надпись на тулове амфоры из Керченского музея // Monumentum Gregorianum. М., 290–309.

Семенов-Зусер С. А. 1947. Рыбный рынок в Херсонесе // ВДИ. 2, 237–246.

Т*олстой* И. И. 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Л., 154.

Тресиддер Дж. 1999. Словарь символов. М., 444.

Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях Юга России. СПб, 675.

Ц*ветаева* Г. А. 1979. Боспор и Рим. М., 136.

Ш*аманаев* А. В. 2013. Утрата культурных памятников в ходе Крымской войны // Известия Уральского ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 3 (117), 265–273.

Шкорпил В. В. 1904. Отчет об археологических раскопках в <г. > Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. 9, 73–177.

Шкорпил В. В. 1907. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. 25, 1–66.

Штерн Э. Р. 1897. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах // ЗООИД. 20, 163–203.

Я*йленко* 1980. Несколько пантикапейских граффити из собрания Одесского археологического музея // Проблемы античной истории и классической филологии. ТД конф. Харьков, 74–75.

Яйленко 1991. Дипинти рыбозаводчиков на позднеэллинистических кадосах Пантикапея // Проблемы археологии и истории Боспора. ТД. конф. Керчь, 39–40.

Яйленко В. П. 2017. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб, 1023.

Яйленко В. П. 2021. О датировке и текстологии новонайденных писем да наговоров Боспора // АМА. 20, 322–345.

Яйленко В. П. 2022. Данные архива Одесского археологического музея о граффити Березани и Ольвии. https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/02/15/yaylenko_v. p._2022_arhiv_oam.pdf

Ancient Fishing, 2005. Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region (ed. T. Bekker-Nielsen). Aarhus, 222.

B*oeckh* A. 1874. Gesammelte kleine Schriften. Bd. 4. Leipzig, 547.

Bohlen D. 1937. Die Bedeutung der Fischerei für die antike Wirtschaft. Hamburg (diss.).

Buck C. D. 1968: The Greek Dialects. Chicago, 374.

C*urtis* R. 2005. Sources for Production and Trade of Greek and Roman Processing Fish // Ancient Fishing, 31–46.

D*esse-Berset* N. 1993. Contenus d'amphores et surpêche: l'exemple de Sud-Perduto (Bouches de Bonifacio) // Exploitation des animaux à travers le temps. Juan-les-Pins: Éditions APDCA, 341–346.

F*orsyth* D. 2015. Epigraphic Fish Lists and Seafood Processing in Hellenistic Greece // Sea Line of Communication: Construction / Eds. J. Found et alii. Southampton, 71–86.

Franz J. 1840. Elementa epigraphices Graecae. Berolini, 433.

G*ardthausen* V. 1913. Griechische Palaeographie. Bd. 2. Leipzig, 516.

H*øjte* J. M. 2005. Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region // Ancient Fishing, 133–160.

J*ohnston* A. W. 1979. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 271 p.

K*öhler* H. TAPIXOC ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale // Mémoires de l'Académie impériale des siences de Saint-Pétersbourg. 1832. 6me séries. T. I, 347–491.

L*ang* M. 1956. Numerical Notations on Greek Vases // Hesperia. 25, 1–24.

Lang M. 1976. Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. 21). Princeton, 116.

Liou B. 1987. Inscriptions peintes sur amphores // Archaeonautica. 7, 55–140.

Lytle E. 2006. Marine Fisheries and the Ancient Greek Economy. Ph. D. Diss. Duke University.

Lytle E. 2010. Fish Lists in the Wilderness: the Social and Economic History of a Boiotian Price Decree // Hesperia. 79, 253–303.

Lombardo M. 1985. Nuovi documenti su Pisticci in età arcaica. II. Il graffito // Parola del Passato. 40, 284–307.

Lund J., *Gabrielsen* V. 2005. A Fishy Business. Transport Amphorae of the Black Sea Region as a Source for the Trade in Fish and Fish Products in the Classical and Hellenistic Periods // Ancient Fishing, 161–170.

M*ac Pherson* D. 1857. Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus. L., 130.

P*ape* W., *Benseler* G. E. 1884. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig. Bd. 1–2, 1710.

R*einach* S. 1885. Traité d' épigraphie grecque. Paris, 560.

Rostowzew M. 1931. Skythien und der Bosporus. Bd. 1. Berlin, 651.

Th*umb* A., *Scherer* A. 1959. Handbuch der griechischen Dialekte. Bd. 2. Heidelberg, 436.

W*einberg* S. 1949. Investigations at Corinth, 1947–1948 // Hesperia. 18/1, 148–157.

Summary

V. P. Yailenko

Dipinti of the I century B.C. – I century A.D. fish factory-owners from Panticapaion

The author has gathered together 21 dipinti on clay κάδοι (barrels), all they have originated from Panticapaion. The inscriptions include personal name – Dionysios or Onesiphoros, weight of the wares and 1-2 additional ciphers, one is certainly price (№ 2, 4–23). A dipinto on κάδος № 1 confirms that it contains salt fish. So all these dipinti are trade marks of the fish factory-owners. There are also many such κάδοι without inscriptions. The author dates all them from the I century B.C. or I century A.D.

СОКРАЩЕНИЯ

АГСП – Античные Государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984

АДЖ – Ростовцев М. И. Античная Декоративная Живопись на юге России. СПб, 1914 (текст)

АДЖ, атлас – Ростовцев М. И. Античная Декоративная Живопись на юге России. СПб, 1913 (атлас)

АДИУ – Археологія і Давня Історія України

АМА – Античный Мир и Археология

АН – антропоним

АНК – Античное Наследие Кубани. М., 2010

АО – Археологические Открытия

АСГЭ – Археологический Сборник Государственного Эрмитажа

БИ – Боспорские Исследования

БФ – Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб.

ВДИ – Вестник Древней Истории

ВКИКМЗ – Восточно-Крымский Историко-Культурный Музей-Заповедник

ГАХ – Граффити Античного Херсонеса. Киев, 1978

ГИМ – Государственный Исторический Музей

ГМИИ – Государственный Музей Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина

ДБ – Древности Боспора. М.

ДБК – *Стефани Л.* Древности Босфора Киммерийского. СПб, 1854. Т. 1–3

ЗООИД – Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса

ИАК – Известия Археологической Комиссии

ИИАК – История и Археология Крыма. Симферополь

ИРОМК – Известия Ростовского Областного Музея Краеведения

ИТОИАЭ – Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии. Симферополь

КБН – Корпус Боспорских Надписей. М. – Л., 1965

ККВК – Каменская Культура Восточного Крыма

КНУКіМ – Київський Национальний Университет Культури і Мастетства

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

ЛИ – личное имя

МАИАСП – Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья. Нижневартовск

МАИЭТ – Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь

МАСП – Материалы по Археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МПАИ – Методика Полевых Археологических Исследований. М.
НО – Надписи Ольвии. Киев, 1968
НЭ – Нумизматика и Эпиграфика. М.
ОАК – Отчеты Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ОАМ – Одесский Археологический Музей
ПиФ – Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 2017
ПИФК – Проблемы Истории, Филологии, Культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск
РА – Российская Археология
СА – Советская Археология
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
стк./сткк. – строка/строки
ТМК – Таманский Музейный Комплекс
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического Музея. М.
Тр. ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
Ф – *Федосеев Н. Ф.* Коллекция керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Т. II. Гераклея Понтийская. Керчь, 2016

AA – Archäologischer Anzeiger
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
ADelt – Αρχαιολογικόν Δελτίον
amphoralex – http://www.amphoralex.org/
BAR – British Archaeological Reports
BCH – Bulletin de Correspondance Hellénique
BMC 3 – *Pool R. S.* (ed.). The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, etc. (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Vol. 3). London, 1877
BSS – Black See Studies. Aarhus
Bull. ép. – Bulletin épigraphique
CNS II – *Calciati R.* Corpus Nummorum Siculorum. Vol. II: Syrakus, die Symmachie und Alaisa. Milan, 1986
EA – Eurasia Antiqua
EP – Epigraphica Pontica
G – *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens Anciens. Athènes–Paris, 1999
IARPotHP – International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period
ID – Inscriptions de Délos

IG	– Inscriptiones Graecae
IOSPE	– *Latyschev B*. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli
IOSPE III	– Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. III = Древние греческие и латинские надписи Северного Причерноморья. Т. III. Вып. I. Клейма на амфорах, пифосах, черепицах и калиптерах и на разных прочих глиняных сосудах и предметах / Сост.: Е.М. Придик, Б.Н. Граков. Отв. ред. Д.Б. Шелов. (Научный архив ИА РАН. Р-2. № 2157–2198)
LGPN	– Lexicon of Greek Personal Names. Oxford (электронный ресурс: https://www.lgpn.ox.ac.uk/online/Searches.html)
LGPN I, IV, VA	– *Fraser P.M.*, *Mattews E.* A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford: Vol. I, 1987; Vol. IV, 2005; Vol. VA, 2010 (by *T. Corsten*)
LSJ	– A Greek-English Lexicon. Compiled by H.G. Liddell, R. Scott & H.S. Jones. 13th Edition. Oxford, 1996
PSI	– Papiri greci et latini, publicazioni della Societe Italiana per la ricerca del Papiri
RE	– Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft
s.v.	– specta verbum
SC	– *Латышев В.В.* Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб, 1893–1906. Т. 1–2
SEG	– Supplementum Epigraphicum Graecum
SNG ANS	– Sylloge Nummorum Graecorum. The Collection of the American Numismatic Society. Vol. 5. Sicily. New York, 1988
SNG BM I	– Sylloge Numorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. The British Museum. Pt I. *Price M*. The Black Sea. London, 1993
SNG Copenhagen	– Sylloge Nummorum Graecorum Copenhagen. The Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum. Vol. 1. Italy–Sicily. Munksgaard–Copenhagen, 1947
SNG Stancomb	– Sylloge Numorum Graecorum. Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000
TLG	– Thesaurus Linguae Graecae
VRG_Folder_0618	– https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid (электронный ресурс)
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
κτλ.	– καὶ τὰ λοιπά

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей, выравнивание по левому краю). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках (*курсивом*) указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле!) прилагаются:

а) ***Список литературы***, оформленный по правилам (см. ниже);

б) ***Список сокращений***, использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–24 *ДБ*; новые сокращения вводить в том лишь случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень ***Подписей под рисунками***;

г) ***Резюме*** **–** до 1 страницы текста на русском (обязательно) *и* (желательно) на английском языках. Убедительная просьба **–** излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) **–** сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) ***Макет статьи*** обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 6)[1], и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 5).

3. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках – на литературу внутри текста (например: **[***Масленников* 1997, 107, рис. 3. *1, 5–7***]**); ссылки на древних авторов даются в *круглых* скобках **(***Strabo* XI. 2, 3–5**)**; текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем – по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация их – сплошная, арабскими цифрами[2]).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания: **[***Фамилия* <*курсивом, и далее без знаков препинания*> год издания, номера страниц <*без «с.»*>, рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.), или таблица (табл.)**]**; например: [*Паромов* 1999, 209, рис. 1. *2, 4–7*; 3. *4, 5*]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

---

[1] Таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

[2] Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

4. Библиографическое описание в списке литературы. Использованная в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем – на иностранном. Каждое наименование выделяется[3] абзацем (формат – выступ), например:

Б*алахванцев* А. С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 61–65.

Брашинский И. Б. 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 240.

З*авойкин* А. А. 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. 204, 84–88.

Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 187.

К*обылина* М. М. 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.

Кобылина М. М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.

Кузнецов В. Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 4). М., 117–135.

B*oulter* C. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 22-2, 59–115 + 21–41 pls.

T*setskhladze* G. R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosporus // ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honour of Jan Bouzek (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis. Vol. XVIII). Prague–Brno, 467–490.

После *фамилии автора* (курсивом) и его инициалов указывается год издания и далее: Название работы, затем *через точку* – Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) – *через* // Название сборника. Номер тома/выпуска (для серийных изданий – журналов, ежегодников и т. п.). Место *издания и (через запятую)*, номера/кол-во страниц (статьи/монографии). Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, СА и т. д.), место издания не пишется[4]. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание: Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1-11. Ч. III; … Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

5. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта ***Times New Roman***. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в стандартном наборе *Word*, например – ***Symbol***, необходимо в рукописи статьи отметить красным карандашом те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом, а на полях простым карандашом указать – каким именно. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, на прилагаемом электронном носителе версией статьи записать соответствующие шрифты. ***Греческий текст*** рекомендуется писать в ***Unicod*** (шрифты ***Hellenica.Reg*** или ***Greek*** допустимы, ранние версии этих шрифтов обязательно предоставляются).

[3] Но *не* отделяется абзацем!

[4] Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

6. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации в электронном виде. Требования к электронному варианту: *1)* предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)[5]; *2)* рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате ***TIFF*** с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); *3)* таблицы, сформированные в ***PhotoShop***, сохранять в формате ***tiff*** или ***psd*** (не сливая слои).

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна лишь в том случае, когда это необходимо по замыслу автора (изображения комплекса находок, совмещение фото- и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т. д.) Прочий иллюстративный материал (напр., видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять *только* как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты не превышают 212×145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (см. п. 2д).

7. Обязательно сопровождайте присланную статью указанием своего адреса, телефона и E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и в процессе подготовки рукописи к печати и своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124–35–88.

Редколлегия

[5] С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

Древности Боспора. Том 27

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 21.04.2022. Формат 60×90/8
Уч.-изд. л. 34,2. Тираж 200 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано:

ISBN 978-5-94375-372-5

